Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PSlav 620.5 (1897/5)

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

MAY 29 '63 H

Digitized by Google

Каждая книжка журнала, въ назначенное число, должна быть возвращена въ библіотеку.

~~1. Непенина Юлія Ивановна — 4-10.~~
1. Козловскій Александръ Петр 4-10.
2. Лозинскій Алексѣй Степ 10-16.
3. Августиновичъ Іосифъ Иван. 16-22.
~~4. Непенина Юлія Ивановна 28-4.~~
4. Реутская Марія Георгіевна - 28-4.
5. Лозинскій Алексѣй Степановичъ 4-10
6. Боженовъ Дмитрій Николаевичъ 10-16.
7. Самуйло Ангелъ Станиславов. 16-22.
8. Вязьменскій Вульфъ Савельев. 22-28
9. Редикъ Анатолій Александров. 28-3.
10. Харламовъ Николай Петров. 3-9
11. Синскій Николай Өеодоровичъ 9-15
12. Дворникова Ольга Петровна - 21-27
13. Глагинъ Николай Петровичъ 2-8.
14. Злодинъ Ананій Петровичъ - 8-14
15. Лебединскій Василій Павлов. 20-
16. Панкевичъ Александръ Іосиф. 8-14
~~17. Чудова Александръ Іосифов. 14-20~~
~~17. Панкевичъ Александръ Іосиф. 14-20~~
17. Чудова Александра Өеодоров. 14-20
18. Верлевскій Василій Өеодор. 21-

Digitized by Google

Digitized by Google

СЪ 1-го ІЮНЯ адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., д. 1.

МАЙ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ЮНОСТЬ. Изъ воспоминаній неудачницы. Окончаніе . . . . . Л. Мельшина.
2. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КИТАЯ. . . . . Сунъ-Ятъ-Сена.
3. [illegible]ЕЦЫ Романъ. I—VI . . . . . К. М. Станюковича.
4. КАРЛЪ МАРКСЪ И ЕГО РУССКІЙ КРИТИКЪ. I. . . . . М. Б. Ратнера.
5. ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ. (Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи). Романъ. Продолженіе . . . . . Жюля Каза.
6. СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА. Продолженіе . . . . . Фритіофа Нансена.
7. ПОМНИШЬ, ВНИЗУ РАЗБИВАЯСЬ О СКАЛЫ... Стихотвореніе . . . . Allegro.
8. СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ВЪ АМЕРИКѢ. . . . . Ив. Каменцева.
9. ЗНОЙ. Стихотвореніе . . . . . В. Булгакова.
10. ПѢВЕЦЪ БОЛЬНОГО ПОКОЛѢНІЯ. П. Ф. Гриневича.

(См. на оборотѣ).

Digitized by Google

Дозволено 1894 г.

11. ВОПРОСЪ ОБЪ ОБЩЕДОСТУПНОМЪ ТЕАТРѢ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей. . . . . Н. Тимковскаго.

12. НОВЫЯ КНИГИ:

Морисъ Метерлинкъ. Пять драмъ.— Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. — А. Барановъ. Въ защиту погибшихъ женщинъ.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.— Очерки по философіи и математики. Ш. Фрейсинэ. — Всеобщая исторія съ IV ст. до нашего времени. Х. Лависса и А. Рамбо. Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера.—К. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.— Н. Н. Бѣлявскій. Сберегательныя кассы.—А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири.—Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. — Книги, поступившія въ редакцію.

13. ИЗЪ АНГЛІИ . . . . . Діонео.

14. ИЗЪ ФРАНЦІИ. . . . . Н. К.

15. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ БОЛГАРІИ ПО ДАННЫМЪ ПОЧТОВОЙ СТАТИСТИКИ. (Письмо изъ Софіи). . . . . М. К.

16. ДНЕВНИКЪ ЖУРНАЛИСТА . . . С. Н. Южакова.

17. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. . . . . Н. К. Михайловскаго.

18. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. О. Б. А.

19. ОТЪ КОМИТЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ.

Отъ конторы редакціи журнала.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ 5 руб., поторопиться высылкой остальныхъ 4 р. къ 1-му іюля.

Подписчики, живущіе въ Москвѣ, для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ Отдѣленіе нашей конторы (*Никитскія ворота, д. Гагарина*), представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Digitized by Google

Гр10к
05
Р89

МАЙ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 5.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Пл. Лассаля, д. 3.
N-1456 ж.ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Digitized by Google

△
PSlav 620.5 (1897/5)

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY NOV 21 1961

61*2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 мая 1897 года.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

		стран.
1.	**Юность.** Изъ воспоминаній неудачницы. *Л. Мелшина.* Окончаніе.	5— 43
2.	**Настоящее и будущее Китая.** *Сунъ-Ятъ-Сена*	44— 62
3.	**Жрецы.** Романъ. *К. М. Станюковича.* I—VI.	63—100
4.	**Карлъ Марксъ и его русскій критикъ.** *М. Б. Ратнера.* I.	101—128
5.	**Оливье Датанъ.** (Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи). Романъ *Жюля Каза.* Продолженіе	129—172
6.	**Среди ночи и льда.** *Фритіофа Нансена.* Продолженіе	173—207
7.	**Помнишь, внизу разбиваясь о скалы.** Стихотвореніе *Allegro*	208
8.	**Студенческая молодежь въ Америкѣ.** *Ив. Каменцева*	209—235
9.	**Зной.** Стихотвореніе. *В. Бумакова*	236
10.	**Пѣвецъ больного поколѣнія.** *П. Ф. Гриневича*	1— 24
11.	**Вопросъ объ общедоступномъ театрѣ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей.** *Н. Тимковскаго.*	24— 34

(См. на оборотѣ).

Digitized by Google

СТРАН.

12. Новыя книги:
Морисъ Метерлинкъ. Пять драмъ.—Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. — А. Барановъ. Въ защиту погибшихъ женщинъ. — Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. — Очерки по философіи и математики. Ш. Фрейсинэ. — Всеобщая исторія съ IV ст. до нашего времени. Х. Лависса и А. Рамбо.—Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. — К. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.—Н. Н. Бѣлявскій. Сберегательныя кассы. — А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. — Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи.— Книги, поступившія въ редакцію. . . . . 34— 62
13. Изъ Англіи. *Діонео* . . . . . 63— 86
14. Изъ Франціи. *Н. К.* . . . . . 86—109
15. Общественныя отношенія въ Болгаріи по даннымъ почтовой статистики. (Письмо изъ Софіи). *М. К.* . . 109—122
16. Дневникъ журналиста. *С. Н. Южакова* . . . . . 122—147
17. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго* . . . . 147—170
18. Хроника внутренней жизни. *О. Б. А.* . . . . . 170—192
19. Отъ комитета союза писателей. 192

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1897 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р.; безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** р.; за границу **12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается **разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой:** при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р., или при подпискѣ **6** р. и къ 1-му іюля **3** р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазинахъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала.

Редакторы **П. Быковъ, С. Поповъ.**

Digitized by Google

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО» *(Петербургъ, Бассейная ул., 10)* и въ отдѣленіи конторы *(Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина)* имѣются въ продажѣ:

Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Ц. 1 р. 50, съ пер. 1 р. 75 к.

Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты:*
— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Н. Щедринъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.

С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. 2-ое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

К. М. Станюковичъ. Откровенные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Морскіе силуэты. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Н. Сѣверовъ. Разсказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Ю. Безродная. Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

В. Немировичъ-Данченко. Волчья сыть. Романъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

П. Добротворскій. Разсказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи: жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Э. Реклю. Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.

И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Г. Буасье. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

С. Р. Гардинеръ. I. Пуритане и Стюарты. II. **О. Эйри.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

С. Н. Кривенко. На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

В. В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

— Письма о научной философіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р 50 к.

— Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 2 р. 80 к.

— Что такое научная философія? Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Эд. Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Б. Киддъ. Соціальная эволюція. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Н. И. Наумовъ. Собраніе сочиненій. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ч. Бэрдъ. Реформація XVI вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Э. К. Патсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

И. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Ц. 18 к., съ пер. 29 к.

С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

— (на веленевой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно посылать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Э. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

— Бельгія и Голландія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дж. К. Ингремъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

І. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (*вмѣсто* 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большей уступки не дѣлается.

Е. П. Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Цѣна (*вмѣсто* 2 р. 50 к.) съ перес. 1 р. 50 к.

В. Ф. Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Дж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I. т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители Средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 40 к.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р 50 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Э. Тэйлоръ. Первобытная культура. Въ двухъ томахъ. Ц. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к., съ пер. 95 к.

Съ благотворительной цѣлью:

Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

— (На веленевой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Т. Хиггинсонъ. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Полные экземпляры журнала **«Русское Богатство»** за 1893, 1894, 1895 и 1896 года. Цѣна за годъ 8 р.

Digitized by Google

Продолжается подписка

на шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ,

съ портретомъ автора,

который приложенъ къ IV тому.

Подписная цѣна 9 рублей.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна за шесть томовъ 12 р.

Подписка съ наложеннымъ платежомъ не принимается.

Вышли I, II, III и IV тт.

Содержаніе I т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Содержаніе II т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Содержаніе III т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Содержаніе IV т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

V и VI т. выйдутъ въ сентябрѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—въ конторѣ журнала «Русское Богатство» — Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

Digitized by Google

ЮНОСТЬ.

(Изъ воспоминаній неудачницы).

VI.

Загадочная натура.

Разъ утромъ, послѣ рождественскихъ каникулъ, когда я была еще въ томъ же пятомъ классѣ, ко мнѣ вбѣжала, какъ сумасшедшая, Таня Короновичъ и объявила съ большимъ волненіемъ:

— Ты ничего не знаешь? У насъ сегодня новичокъ! Бѣжимъ скорѣе! Нися только что провела ее въ гимназію...

— Какой новичокъ, гдѣ? Въ нашемъ классѣ? Кто такая, откуда?

— Лидія Смѣнцева... Изъ житомірской гимназіи перевелась... Я еле успѣла познакомиться, побѣжала за тобой... Бѣжимъ!

И мы, дѣйствительно, побѣжали сломя голову: событіе было необыкновенной важности. Въ классѣ (было еще рано, и Софья Андреевна отсутствовала) Нися Дическуль съ новой подругой сидѣла, окруженная сплошнымъ кольцомъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ каждая старалась разглядѣть поближе вновь поступившую.

— Лозицкая! Лозицкую пропустите! —закричала Нися, увидавъ меня, и, подхваченная толпою, я тотчасъ же очутилась возлѣ Лидіи Смѣнцевой. Я увидѣла — нимало не смущенную общимъ любопытствомъ, весело улыбавшуюся дѣвушку средняго роста, съ очень блѣднымъ лицомъ, толстыми русыми косами и какими-то странными, не то сѣрыми, не то зеленоватыми глазами; большой, неправильный ротъ, улыбаясь, открывалъ два ряда хорошенькихъ, хищныхъ зубковъ... Не успѣла я опомниться, не успѣла отдать себѣ отчетъ въ первомъ впечатлѣніи, какъ новая подруга уже крѣпко сжимала меня въ объятіяхъ и горячо цѣловала въ губы и щеки.

— Лозицкая, Лозицкая Лена? Что за прелестное имячко. Я столько о тебѣ слыхала. Мы вѣдь будемъ на ты, не правда-ли?

Digitized by Google

А тебѣ, скажи, нравится мое имя—Лида Смѣнцева? Мнѣ кажется, оно тоже звучитъ красиво и поэтично? Я съ ума схожу отъ красивыхъ фамилій, отъ красивыхъ лицъ, я люблю все красивое.

— А вы, господа, что больше всего на свѣтѣ любите?—обратилась Смѣнцева ко всему классу съ той же милой улыбкой, съ тѣмъ же обворожительно-теплымъ взглядомъ своихъ зеленоватыхъ глазъ.

Нися, сводя вопросъ къ шуткѣ, откровенно призналась, что она больше всего любитъ слоеные пирожки съ вареньемъ; другой кто-то назвалъ маслины; Таня Короновичъ, по обыкновенію вся вспыхнувъ, объявила, что, по ея мнѣнію, лучше всего на свѣтѣ звучные, хорошіе стихи. А Ванда Гріельская, направивъ на Смѣнцеву свои строгіе, пытливые глаза, тихо, но твердо отчеканила:

— Я думаю, выше всего и лучше всего на свѣтѣ честность!

Подъ проницательнымъ взглядомъ, такъ искренно и вмѣстѣ властно свѣтившимъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей маленькой горбуньи, Лидія, казалось, на минуту смутилась; но, тотчасъ-же справившись и засмѣявшись, она бросилась цѣловать Ванду.

— Душечка! ну, конечно, прежде всего честность. Развѣ можетъ быть разговоръ объ этомъ? Я совсѣмъ не то разумѣла... Ну, тамъ разные мелкіе вкусы, привычки... Я сама въ высшей степени серьезно гляжу на жизнь, на ея духовную сторону. Скажу прямо, что, по моему, и совсѣмъ лучше не жить, чѣмъ не имѣть идеала, не бороться за него на жизнь и на смерть!

И веселое лицо Лиды Смѣнцевой приняло внезапно серьезное, грустное, почти страдальческое и въ то же время рѣшительное выраженіе... Всѣ замолчали. Недовѣрчивая Ванда, не совсѣмъ охотно принимавшая передъ тѣмъ бурныя ласки новой подруги, вдругъ просвѣтлѣла. Она положила ей на плечо руку и сказала:

— Ты, конечно, будешь нашей... башибузукомъ?

Всѣ разсмѣялись. Начались разспросы и разсказы о положеніи вещей въ гимназіи и въ классѣ, объ отношеніяхъ съ учителями, объ ихъ характерахъ. Въ пять минутъ были раскрыты и повѣрены всѣ наши маленькія тайны и военныя хитрости.

— А скажите, господа, каковъ у васъ учитель русской словесности? У насъ въ Житомірѣ былъ замѣчательный, ну, прямо замѣчательный человѣкъ! Умница, образованный. Писалъ въ журналахъ... Онъ могъ бы, конечно, профессоромъ стать, если бы захотѣлъ подлизываться. Но онъ не хочетъ. Онъ выше всего свободу цѣнитъ. И я думаю, что онъ правъ. Вы какъ думаете, господа? Какихъ поэтовъ вы больше всего

Digitized by Google

любите? Я русскихъ, откровенно признаюсь, мало люблю, а изъ иностранныхъ больше всѣхъ люблю Байрона и Шелли. Ахъ, вотъ поэты-то! Вы знакомы съ ихъ произведеніями?! Впрочемъ, для этого надо умѣть читать по-англійски.

— А вы... а ты развѣ умѣешь?

— Я-то? Я говорю по-англійски, по-нѣмецки и по-французски. Въ дѣтствѣ я говорила еще немножко по-цыгански. Ахъ, это цѣлая исторія! Меня вѣдь чуть не украли цыгане, когда мнѣ было шесть лѣтъ... Отецъ мой нагналъ ихъ таборъ только недѣлю спустя... Послѣ когда-нибудь я разскажу вамъ подробно эту романтическую исторію. Она, должно быть, наложила на мою душу неизгладимый слѣдъ, и на восьмомъ году я уже стала писать стихи.

— Какъ! ты и стихи пишешь? Ну, прочти, прочти намъ что-нибудь, голубушка.

— А изъ васъ кто-нибудь пишетъ стихи?

Мы назвали Таню Короновичъ, и кто-то попытался даже вытолкнуть ее въ середину круга, но получилъ отъ нея здоровую затрещину, и Таня, зардѣвшись вся, какъ зарево, тотчасъ же убѣжала вонъ изъ комнаты. Тогда Смѣнцева, не заставляя себя много упрашивать, начала читать:

На дальнемъ востокѣ заря загоралась—
Сегодня уснуть я всю ночь не могла:
То жизнь мнѣ въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ улыбалась,
То тёрномъ колючимъ грозила и жгла.
О, жизнь! не хочу я позорнаго счастья,
Твоихъ не прошу я обманчивыхъ розъ.
Хочу я свободы, свободы, свободы,
И знай: не боюсь ни страданій, ни грозъ!
Иди—я бороться съ тобою готова,
Я жажду волненій, я жажду борьбы!
И пусть я паду, за любовь пусть паду я —
Не быть лишь покорной рабыней судьбы!

Послѣдній стихъ уже замеръ, и юная поэтесса глядѣла на насъ своими смѣющимися, загадочными глазами, а мы все еще безмолвно стояли, ошеломленныя, восхищенныя, сознавая все свое духовное убожество передъ новой подругой: мы сами не только не умѣли сочинять такихъ звучныхъ стиховъ, но даже и чувствовать такъ смѣло и такъ возвышенно! Съ загорѣвшимися восторгомъ глазами стояла опять здѣсь же и наша доморощенная рифмоплетша, наша бѣдная Таня, готовая броситься на шею Лидіи и только не смѣвшая отдаться клокотавшему въ ней порыву. А Лидія начала уже другое стихотвореніе:

Не понять вамъ мученій моихъ —
Ихъ поймётъ только тихая ночь,

Digitized by Google

Хороводъ этихъ звѣздъ золотыхъ...
Ахъ, уйдите, бездушные, прочь!
Не понять и любви вамъ моей:
Лишь цвѣты мое чувство поймутъ,
Георгины нѣмые поймутъ,
Кто такъ нѣжно любимъ изъ людей,
Лишь одинъ мной любимъ изъ людей...

На послѣднемъ стихѣ литературное утро было, къ сожалѣнію, прервано приходомъ Софьи Андреевны Діановой, и вскорѣ затѣмъ начались занятія. Но и въ присутствіи учителей Лидія продолжала поражать насъ обиліемъ своихъ познаній по всѣмъ предметамъ, оригинальностью отвѣтовъ, всѣмъ ансамблемъ своего поведенія. Я положительно не могла оторвать глазъ отъ этой склоненной немного на бокъ головки, какъ-будто скромно, но вмѣстѣ и насмѣшливо глядѣвшей на учителей, отъ этого блѣднаго лица съ странными, влекущими къ себѣ глазами, отъ толстыхъ русыхъ косъ, раздѣленныхъ сзади глубокимъ, ровнымъ проборомъ и точно тяготившихъ собою умную, милую дѣвушку... Во время слѣдовавшихъ за уроками перемѣнъ Смѣнцева окончательно вскружила мнѣ голову. Она задавала интересныя шарады и загадки, разсказывала о смѣлыхъ шалостяхъ, какія дѣлала съ подругами въ прежней гимназіи, передавала намъ сочиненіе удивительныхъ вѣщихъ сновъ, которые ей случалось видѣть; она порхала по классу, точно птичка, отъ одной подруги къ другой, умѣя каждой сказать что-нибудь пріятное и каждой почти тотчасъ же вырвать какое-нибудь довѣрчивое признаніе. Оказалось, что въ довершеніе всѣхъ талантовъ Смѣнцева обладаетъ еще недурнымъ голосомъ, и когда она пропѣла намъ вполголоса нѣсколько романсовъ Гейне, наши сердца, широко раскрывшись, заколотили вдругъ страстную, непонятную тревогу, и намъ показалось, что на свѣтѣ есть какой-то особый, залитый обольстительнымъ сіяніемъ міръ, который могъ бы одарить насъ и небесными радостями, и неизвѣданно-сладкими горестями, міръ, ключъ отъ котораго находится въ рукахъ Лидіи Смѣнцевой...

Въ теченіе слѣдующихъ дней очарованіе все продолжало расти, и когда кружокъ близкихъ подругъ собирался, бывало, у кого-нибудь въ прежнемъ своемъ составѣ, только и разговоровъ было, что о Лидіи. Таня неистовствовала всѣхъ больше въ своихъ восторгахъ и удивленіяхъ.

— Я никогда не видала такого изумительнаго, такого замѣчательнаго человѣка! У нея столько знаній и всякой ученности, что, ей-Богу, у всѣхъ насъ вмѣстѣ, сколько тутъ ни есть насъ, не найдется и половины.

— Положимъ, она на цѣлыхъ полтора года старше каждой изъ насъ.

Digitized by Google

— Ха! и ты думаешь, и мы будемъ такими же черезъ полтора года? Я не понимаю, господа, почему бы не послать ей своихъ стиховъ въ печать? Вѣдь это геніальный, прямо геніальный поэтъ,—быть можетъ, будущій Лермонтовъ. И притомъ женщина. Конечно, ее ждетъ великая слава.

— А замѣтили вы, господа, какъ иногда во время смѣха она вдругъ взглянетъ такъ грустно, что просто заплакать хочется?

— И какіе у нея странные глаза, цвѣта морской воды.

— Мнѣ думается, у нея есть какое-нибудь глубокое, глубокое горе, какая-то тайна... Какъ хотѣлось бы заслужить ея дружбу и довѣріе! Какъ вы думаете, господа, скрытная-ли она?

— А какъ вамъ нравится ея лицо? Можно-ли назвать его красивымъ?

На этотъ вопросъ всѣ единогласно отвѣчали, что красавицей Смѣнцеву назвать никакъ нельзя, но что она очень интересна, и хотя носитъ такое же форменное коричневое платье, какъ всѣ, но у него какой-то особенный, оригинальный видъ и фасонъ.

— Да въ ней все, все особенное! Она рѣшительно ни на кого изъ насъ непохожа... Это, разумѣется, высшая, болѣе совершенная натура.

Сдержаннѣе всѣхъ на похвалы была, по обыкновенію, Ванда, но и она съ видимой симпатіей относилась къ Лидіи. Мы продолжали вглядываться въ новую подругу, открывая въ ней все новыя и новыя достоинства и не находя рѣшительно ни одного недостатка. Она производила впечатлѣніе натуры неудержимострастной, бурно-впечатлительной, съ загадочными порывами ко всему высокому и оригинальному. И, дѣйствительно, во всемъ умѣла казаться своеобразной, далекой отъ общаго шаблона, во вкусахъ, взглядахъ, въ умѣньи высказать ту же мысль, но совершенно иными словами. Смѣнцева называла намъ такія имена художниковъ, поэтовъ, ученыхъ всего міра, передъ которыми мы только удивленно таращили глаза, цитировала наизустъ фразы и цѣлые періоды, одни звуки которыхъ повергали насъ въ прахъ! Впрочемъ, когда мы приставали съ подробными разспросами о книгахъ, которыя, по ея мнѣнію, намъ слѣдовало прочесть, и о томъ, гдѣ ихъ можно было достать, она отвѣчала большею частью уклончиво, съ оттѣнкомъ иронiи, отшучиваясь...

Характеръ Лидіи былъ крайне измѣнчивъ. То она являлась въ классъ, безпричинно сіяющая, бѣшено-веселая, безпрестанно смѣясь, напѣвая то одинъ, то другой мотивъ, нѣжно обнимая и цѣлуя Нисю, меня, другихъ любимыхъ подругъ; то, напротивъ, лицо ея покрыто было смертельною блѣдностію, затуманенные глаза глядѣли необыкновенно грустно, и вся она, мол-

Digitized by Google

чаливая, съежившаяся, усталая, внушала къ себѣ невольную жалость, наполняла сочувственной болью наши наивныя, юныя сердца... Не одна изъ насъ Богъ знаетъ что отдала бы за счастье стать повѣренной этой странной, загадочной дѣвушки съ зеленоватыми глазами; сама же она, любя равно весь кружокъ, держалась, въ сущности, одинаково далеко отъ всѣхъ, предпочитая стоять одиноко на своемъ таинственномъ пьедесталѣ.

Понятно, что я сгорала нетерпѣніемъ поскорѣе познакомить новую подругу съ Ленькой Доманскимъ и съ тѣми идеями, какія въ то время уже волновали меня. Я живо задавалась вопросомъ: какого Лидія мнѣнія о Писаревѣ и его сочиненіяхъ? Она, несомнѣнно, страстно любитъ стихи и поэзію, но не менѣе достовѣрно и то, что она придерживается самыхъ передовыхъ взглядовъ на вещи. А Писаревъ тоже вѣдь передовой изъ передовыхъ... Какъ же могутъ быть примирены эти двѣ разныя могучія силы? Найдутся-ли между ними какія-либо точки соприкосновенія?

Ленька, какъ только представился Смѣнцевой, такъ сѣлъ тотчасъ же на своего любимаго конька—и поѣхалъ. Я ожидала горячей борьбы между ними и была поражена, когда Лидія, едва только зашла рѣчь о Писаревѣ, начала восторгаться имъ и произнесла такой страстный дифирамбъ естественнымъ наукамъ, что Доманскій былъ совершенно сбитъ съ толку.

— А какъ же... какъ же мнѣ говорили, будто вы стихи любите,—забормоталъ онъ,—и будто...

— И будто я прекрасно умѣю водить за носъ вотъ такихъ молодыхъ людей?—перебила его Лидія.

— То есть, какъ это... какъ это прикажете понимать

— А вотъ такъ и понимайте,—какъ хотите.

Das ist der alte Märchenwald,
Es duftet die Lindenblüthe...

запѣла она внезапно, и голосъ ея зазвенѣлъ мечтательно-нѣжно, переходя постепенно къ страсти и хватающей за сердце тоскѣ... Пѣла она, дѣйствительно, очень хорошо.

Но, пропѣвъ нѣсколько куплетовъ, Лидія вдругъ громко расхохоталась, скребнувъ меня своимъ смѣхомъ по сердцу, и показала рукой на очарованнаго не меньше другихъ звуками чуднаго романса Доманскаго.

— Какъ! и вы,—трезвый реалистъ, развѣсили уши?

Ленька тоже принужденно разсмѣялся:

— Въ сущности, конечно, и пѣніе такая же глупая трата времени, какъ и всякое искусство.

Измѣнчивое лицо Лидіи сдѣлалось внезапно очень серьезнымъ.

— Я слыхала, что Писаревъ,—сказала она,—будучи безнадежно влюбленъ въ одну барышню, каждый разъ плакалъ, слу-

Digitized by Google

шая звуки ея игры на рояли. Вотъ въ томъ-то и дѣло, друзья мои, что душа человѣческая—темная загадка, и при самомъ трезвомъ образѣ мыслей намъ не выпутаться изъ сѣти всевозможныхъ противорѣчій. Ну, вотъ и я откровенно вамъ заявляю... Зовите меня ретроградкой, какъ хотите... Я обожаю Писарева, я кричу браво его злымъ и талантливымъ нападкамъ на поэзію и на Пушкина, но я люблю Пушкина, люблю поэзію, искусство, боготворю музыку, живопись, красоту, любовь, жизнь!

— Позвольте, кто же противъ жизни и любви? Если хотите, кто и противъ красоты? Какъ только ее понимать...—попробовалъ было спорить Ленька, но уже безполезно: битва была имъ проиграна. Для меня и всѣхъ другихъ слушателей было ясно, какъ Божій день, что побѣду одержала Смѣнцева, что она блистательно оправдала наши надежды на нее, сумѣвъ стать на такую точку зрѣнія, которая примиряла непримиримое, обнимала необъятное.

Поэтому на меня не произвело ровно никакого впечатлѣнія то обстоятельство, что Ленька остался при особомъ мнѣніи, утверждая, что Лидія уклонилась отъ прямого и честнаго спора. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ свиданій и бесѣдъ, въ которыхъ Лидія во всемъ блескѣ развернула свое остроуміе и краснорѣчіе, а онъ неловко и комично вертѣлся во всѣ стороны, тщетно силясь поймать ее, точно змѣю, ускользавшую изъ подъ рукъ, Ленька совсѣмъ надулся и самолюбиво рѣшилъ, что она ни больше, ни меньше, какъ пустая кокетка и комедіантка, набравшаяся съ чужихъ словъ верхушекъ знанія, и выражалъ даже сомнѣніе въ томъ, чтобы она читала когда-либо Писарева... Насъ, разумѣется, только смѣшили подобныя претензіи... Что касается впечатлѣнія, какое произвелъ мой пріятель на Лидію, то она не говорила о немъ ничего прямо дурного, но отвѣчала уклончиво:

— Милый мальчикъ... Я увѣрена, что онъ пишетъ стихи и по цѣлымъ часамъ глядитъ на луну. И, должно быть, ужасно влюбчивый!

Смѣнцева и Доманскій, какъ это меня ни огорчало, такъ и не сблизились между собою. Лидія донимала его насмѣшками и названіемъ «милый мальчикъ», Ленька отвѣчалъ ей грубостями и обыкновенно тотчасъ убѣгалъ, какъ только она появлялась въ нашемъ обществѣ. Мы надъ нимъ подсмѣивались, говоря, что онъ влюбленъ въ Смѣнцеву. Лидія и сама охотно допускала такое предположеніе, но на самомъ дѣлѣ этого не было: Лидія Смѣнцева была единственной изъ моихъ красивыхъ подругъ, къ которой легкомысленный Ленька все время оставался вполнѣ равнодушнымъ и даже враждебнымъ.

Digitized by Google

VII.

Попытки быть взрослыми не удаются.

Ленькина мать относилась ко мнѣ недружелюбно, должно быть, опасаясь, что сынъ ея можетъ въ концѣ концовъ жениться на мнѣ, и считая меня плохой для него партіей. Лишь съ большимъ трудомъ удалось моему поклоннику убѣдить ее взять меня въ репетиторши къ его младшей сестренкѣ—гимназисткѣ. Я приходила къ Доманскимъ на занятія въ сумерки. Ленька готовилъ свои уроки въ сосѣдней комнатѣ, чутко прислушиваясь къ тому, что я дѣлаю. Какъ только я собиралась уходить, онъ складывалъ свои книжки и со всѣхъ ногъ бросался провожать меня. Такъ бывало неизмѣнно изо дня въ день. Но разъ случилась слѣдующая исторія. Нися Дическуль попросила меня для чего-то поносить свое золотое колечко съ бирюзовымъ камешкомъ. Старуха Доманская замѣтила на моей рукѣ это кольцо и спросила не безъ ехидства:

— Это чье же у тебя кольцо?

— Мое, конечно,—отвѣчала я небрежно.

— Нѣтъ, чужое.

— А если бы и такъ, кому до этого дѣло?

— Какъ это кому! Я мать... Я знаю, что кольцо это тебѣ Леня далъ!

Я вспыхнула, понявъ внезапно, къ чему клонится рѣчь; поднялась съ мѣста и тутъ же заявила, что бросаю урокъ и не ступлю больше ногой въ этотъ домъ. Взволнованная, глубоко оскорбленная, я тотчасъ же ушла домой, едва удерживая слезы. Когда Ленька, ничего не подозрѣвая, въ безпокойствѣ примчался вслѣдъ за мной узнать, почему я раньше времени покинула урокъ, то въ этотъ разъ я отговорилась головной болью. Но боль продолжалась и на другой, и на третій день—и въ концѣ концовъ пришлось открыть ему настоящую причину. Негодованіе Леньки противъ матери было безгранично. Онъ собралъ тотчасъ же свои пожитки и книги и, не сказавъ ей ни слова, переѣхалъ на отдѣльную квартиру. Мать, любившая сына до безумія, тщетно умоляла его вернуться: въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль смѣлый разрушитель авторитетовъ выдерживалъ характеръ, жибя уроками и обѣщая помириться только въ томъ случаѣ, если она попроситъ у меня прощенія. Старуха, дѣйствительно, пришла ко мнѣ и къ моей матери съ какими-то объясненіями, и хотя я не согласились возобновить у ея дочери урокъ, но наружно примиреніе состоялось.

Жизнь почти ежедневно говорила мнѣ и моимъ подругамъ о томъ, что изъ подростковъ мы становимся взрослыми дѣвуш-

Digitized by Google

ками, что даже и начальство глядитъ на насъ совсѣмъ уже иными глазами, чѣмъ прежде, и что пора дѣлаться солидными. Такъ, Анна Александровна призвала разъ къ себѣ Нисю и предупредила относительно одного господина, который увивался за ней, но былъ очень легкомысленнымъ субъектомъ и къ тому же пьяницей. Нися вернулась въ классъ, сильно разрумяненная и взволнованная, а мы обступили ее тѣснымъ кружкомъ и засыпали вопросами. Она пыталась сначала отнѣкиваться, придумывая разные пустые предлоги вызова къ начальницѣ, но подъ конецъ не вытерпѣла и все разболтала: эффектъ вышелъ поразительный!.. Мы почувствовали необыкновенный приливъ гордости, въ сознаніи, что стали, наконецъ, совсѣмъ взрослыми, что на насъ всѣ глядятъ уже, какъ на невѣстъ, и въ насъ могутъ серьезно влюбляться...

Однако, не смотря на всѣ эти факты, и въ пятомъ, и даже въ шестомъ классѣ мы были, въ сущности, еще дѣтьми, оставаясь все тѣми же шалуньями — «башибузуками»; умъ нашъ время отъ времени продолжалъ работать надъ измышленіемъ злостныхъ или потѣшныхъ продѣлокъ съ тѣмъ или другимъ учителемъ то изъ желанія отдѣлаться отъ непріятнаго урока, то просто изъ любви къ искусству.

Зимой устраивался въ этихъ видахъ угаръ. Нися Дическуль или Таня Короновичъ, самыя отважныя изъ всѣхъ, забирались съ ранняго утра въ классъ и бросали въ только что истопленную и закрытую печку кусокъ старой калоши или другой подобной же дряни. Затѣмъ, когда къ девяти часамъ собирался весь классъ, мы начинали жаловаться на нестерпимую головную боль, хватались за виски, охали и стонали до тѣхъ поръ, пока Діанова не отправлялась за начальницей. Являлась немедленно Анна Александровна, потягивала въ себя воздухъ и говорила:

— Да, дѣти, вы правы, здѣсь угарно. Семенъ рано закрылъ трубу. Ну, что жъ дѣлать, ступайте домой, если нездоровы.

Медленно и точно нехотя брали мы свои книжки и тетради, дѣлали почтительный реверансъ и, все еще держась руками за виски, съ кислыми гримасами покидали классъ. Но едва только выходили изъ уборной на улицу, какъ начинался неудержимый хохотъ, и съ веселымъ шумомъ и гамомъ мы расходились по домамъ праздновать неожиданныя каникулы. Эта продѣлка много разъ сходила намъ съ рукъ. Сторожъ Семенъ, комичный старикъ-хохолъ изъ николаевскихъ солдатъ, получалъ за насъ выговоры и въ недоумѣніи только разводилъ руками.

— Вже сегодня, баришни, я увесь угаръ вынюхалъ!—сообщалъ онъ намъ по утру, входя вмѣстѣ съ нами въ классъ

Digitized by Google

и забавно крутя своимъ приплюснутымъ носомъ, кончикъ котораго, по его словамъ, еще въ дѣтствѣ былъ отшибленъ у него конскимъ копытомъ. И къ немалому удивленію и огорченію Семена, въ этотъ самый день опять открывался угаръ... Въ концѣ концовъ мы слишкомъ уже часто стали практиковать прекрасный способъ отлыниванья отъ уроковъ, такъ что возбудили общія подозрѣнія. Однажды, когда угаръ устроенъ былъ, казалось, самымъ артистическимъ образомъ, и мы, по обыкновенію, великолѣпно симулировали головныя боли, Анна Александровна пришла, понюхала воздухъ и сказала:

— Да, здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, угаръ. Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ, дѣти. Вы слишкомъ ужъ часто гуляете изъ-за этого глупаго Семена. Поэтому я распущу сегодня учениць второго класса, а вы ступайте къ нимъ учиться.

Это былъ ударъ грома съ яснаго неба, и такъ какъ мы готовились наканунѣ къ угару, а не къ урокамъ, то блистательно провалились по всѣмъ предметамъ. Послѣ этого случая угары вышли изъ моды...

Въ другія времена года пускались въ ходъ другія средства спасенія. Осенью существовалъ для этой цѣли, такъ называемый, «клубъ за дровами». Общей переклички учениць передъ началомъ занятій у насъ почему-то не дѣлалось, и потому, спасаясь отъ одного изъ первыхъ уроковъ, мы убѣгали въ числѣ двухъ-трехъ человѣкъ въ гимназическій дворъ и прятались тамъ за огромными полѣницами дровъ. Для этого подвига требовалось, впрочемъ, немалое искусство, такъ что рѣшались на него только самыя храбрыя, въ большинствѣ случаевъ лучшія ученицы, и только изрѣдка подъ ихъ покровомъ кто-нибудь изъ Камчатки. Кромѣ меня, въ «клубѣ за дровами» чаще другихъ принимали участіе Нися Дическуль, Таня Короновичъ и рѣже Лидія Смѣнцева. Искусство заключалось въ томъ, чтобы незамѣченными пробраться на задній дворъ, и если было холодно, туда же, за дрова, перетащить изъ уборной верхнюю одежду. Устроившись съ нѣкоторымъ комфортомъ на полѣньяхъ дровъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу и никѣмъ невидимыя, мы болтали между собой рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ, большею частью, впрочемъ, о серьезныхъ матеріяхъ. Говорили о Богѣ, о безсмертіи и загробной жизни, повѣряя другъ другу разныя тревожныя сомнѣнія, излагали свои взгляды на нравственность, выводя ее по Миллю изъ эгоизма, мечтали о тѣхъ временахъ, когда на землѣ воцарятся миръ, свобода, любовь и братство. Заходила, разумѣется, рѣчь и о замужествѣ. Мы говорили:

— И зачѣмъ выходить замужъ? Это такъ противно. Связать свою судьбу, жизнь, каждый свой шагъ съ желаніями и характеромъ другого человѣка, во всемъ ему покориться или,

Digitized by Google

наоборотъ, стараться взять надъ нимъ верхъ... Не быть свободной въ своихъ поступкахъ, стремленіяхъ... Ограничить себя тѣснымъ семейнымъ кругомъ... Нѣтъ, лучше на всю жизнь остаться въ дѣвушкахъ, подвергаться насмѣшкамъ, но за то сберечь свободу!

— Господа, я никогда не выйду замужъ.

— Я тоже... Вотъ клянусь вамъ всѣмъ, всѣмъ для меня святымъ!

— Но если ужъ и выходить замужъ, если и неизбѣжно это, такъ надо выходить по любви.

— Ну, разумѣется. По любви—тогда другое дѣло!

И разговоръ начинался о любви, о томъ, какъ мы ее понимаемъ. Оказывалось, что каждая изъ насъ понимаетъ любовь въ самомъ идеальномъ, возвышенномъ смыслѣ. Кончалось тѣмъ (особенно, если дѣло происходило вскорѣ послѣ гимназическаго бала), что мы начинали уличать одна другую въ неравнодушіи къ кому-либо изъ гимназистовъ. При этомъ каждая изъ уличаемыхъ страшно краснѣла, и если подруги со смѣхомъ указывали на это, продолжала краснѣть все гуще и гуще, такъ что даже шея вспыхивала яркимъ огнемъ, пока, наконецъ, не приходила въ голову счастливая мысль отвлечь отъ себя вниманіе, пустивъ то же оружіе въ ходъ противъ другихъ.

Но вотъ ударялъ звонокъ. Одна изъ посвященныхъ въ дѣло подругъ, остававшихся въ классѣ, тотчасъ же прибѣгала сообщить, вызывали насъ или нѣтъ. Если вызывали и отмѣтили въ журналѣ отсутствующими, то приходилось убираться совсѣмъ восвояси, прокравшись заднимъ дворомъ подъ окнами самой начальницы; если же отсутствіе наше оставалось еще незамѣченнымъ даже Софьей Андреевной, то мы могли смѣло вернуться въ классъ и сидѣть на слѣдующихъ урокахъ.

Когда становилось совсѣмъ холодно и за дровами уже нельзя было устраивать клуба, мы скрывались во время непріятныхъ уроковъ въ уборной. Собственно, уборныхъ комнатъ было три: въ ближайшей къ лѣстницѣ, ведшей на верхъ, въ классы, находились вѣшалки для учителей и учительницъ; въ средней—для ученицъ старшихъ классовъ и въ послѣдней, гдѣ присутствовалъ всегда сторожъ Семенъ, и которая называлась поэтому «швейцарской»—для младшихъ. Мы укрывались обыкновенно въ средней изъ этихъ комнатъ, прячась въ чью-нибудь длинную шубу и искусно драпируя ноги платкомъ, будто бы нечаянно спустившимся до полу. Разъ, когда я спряталась такимъ образомъ, будучи уже въ пятомъ классѣ, рядомъ съ Нисей, неизбѣжно участвовавшей во всѣхъ дерзкихъ проказахъ, начальница два раза кряду прошлась зачѣмъ-то по уборной, почти задѣвая насъ своимъ шлейфомъ. Мы чуть не

Digitized by Google

умерли объ со страху, и съ той поры я закаялась отваживаться на такіе рискованные опыты. Но другія не унимались, и та же Нися была однажды съ позоромъ вытащена Анной Александровной изъ своей засады, вся красная, чуть не задохшаяся отъ жары и страха...

Но вотъ начиналась весна. Въ воздухѣ опять теплѣло. Неодолимо тянула къ себѣ ослѣпительно синяя глубина небя, по которой рѣзво пробѣгали курчавые барашки бѣлыхъ, какъ снѣгъ, облачковъ съ золотистыми краями; по улицамъ прыгали мутные, весело лепечущіе ручейки, и когда шумными гурьбами возвращались мы со скучныхъ уроковъ домой, ихъ лепету задорно вторили драчливые воробьи. А изъ садовъ, одѣвшихся первыми зелеными листочками, неслись обольстительные запахи клейкихъ вишневыхъ почекъ, яблочнаго и сиреневаго цвѣта. Иногда во время тошнотворной географіи или исторіи въ окно классной врывался такой яркій снопъ солнечныхъ лучей, и съ улицы доносился такой жизнерадостный стукъ колесъ и гамъ человѣческихъ голосовъ, что сердце начинало вдругъ безумно прыгать въ груди и сладко, до боли сладко щемить... Въ такія минуты мы сговаривались обыкновенно на слѣдующій же день, вмѣсто гимназіи, отправиться за городъ, въ поле. Это называлось на нашемъ языкѣ—идти бродяжить. Дѣйствительно, рано утромъ, въ числѣ трехъ-четырехъ отважныхъ путешественницъ, мы пробирались пустынными переулками, съ книжками въ рукахъ, на край города, сходились въ опредѣленномъ мѣстѣ и устремлялись въ даль. Жаворонки одобрительнымъ хоромъ встрѣчали наше появленіе, радушно приглашая туда, въ синѣющую глубь городскихъ окрестностей, гдѣ только что стаявшій снѣгъ превратился въ цѣлыя озера, рѣки и водопады, гремѣвшіе намъ навстрѣчу съ оглушительно-бѣшеннымъ ревомъ. Берясь за руки и осторожно ступая, мы переходили по камешкамъ и жердочкамъ черезъ эти бурные потоки, оступались, падали со смѣхомъ въ холодную воду, мѣстами переходили и въ бродъ. Промокали ноги, забрызгивались грязью чулки и юбки, терялись шпильки и бантики, но воздухъ оглашался за то молодымъ крикомъ и хохотомъ, и съ массою прелестныхъ приключеній, въ веселой болтовнѣ и всевозможныхъ проказахъ мы проводили очаровательный день. Домой возвращались, правда, присмирѣвшими, но съ необыкновеннымъ подъемомъ всѣхъ душевныхъ и физическихъ силъ и съ такимъ здоровымъ аппетитомъ, что за обѣдомъ обращали на себя вниманіе всѣхъ домашнихъ...

Вообще, среди самыхъ серьезныхъ бесѣдъ и выспреннихъ интересовъ мы все еще не переставали быть дѣвочками—подростками и думать о шалостяхъ.

Digitized by Google

Начальница Анна Александровна, женщина образованная и умная, обращалась съ нами крайне любовно и тактично. Нашъ классъ она любила особенно, какъ наиболѣе развитой и способный, и нерѣдко приходила на урокъ рукодѣлія почитать намъ что-нибудь или просто поболтать. Мы задавали ей рядъ вопросовъ, излагали свои наивныя мечты объ идеальномъ устройствѣ общества, почерпнутыя изъ разныхъ книжекъ и бесѣдъ съ гимназистами. Анна Александровна обыкновенно не разрушала нашихъ иллюзій, предпочитая только направлять нашу мысль на историческую или литературную почву.

Но очень скоро намъ надоѣдала «сухая ученость» и приходило въ голову и изъ нея также извлечь какую-нибудь пользу для своихъ проказъ и шалостей. Я бывала въ этихъ случаяхъ запѣвалой и съ комически-серьезнымъ видомъ начинала жаловаться на то, что вотъ, молъ, скоро мы окончимъ курсъ, и многія изъ насъ захотятъ сдѣлаться учительницами, а между тѣмъ никто изъ насъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ заниматься съ дѣтьми.

Таня Короновичъ горячо подхватывала:

— Да, вотъ, хоть убейте меня, я не знаю, какъ учить маленькихъ дѣтей русскому языку!

Мы клонили къ тому, чтобы, придя въ благодушное настроеніе, Анна Александровна разрѣшила желающимъ посѣщать время отъ времени уроки учителей младшихъ классовъ, напр., красавца Бѣлинскаго, котораго многія изъ насъ «обожали». Ничего не подозрѣвавшая начальница, конечно, одобрила нашъ планъ и обѣщала переговорить съ Бѣлинскимъ. Мы воспользовались первымъ же представившимся послѣ того случаемъ, когда не явился кто-то изъ собственныхъ нашихъ учителей, и толпой человѣкъ въ шесть вломились въ первый классъ, гдѣ занимался молодой педагогъ. Отважно объяснивъ ему цѣль своего прихода и упомянувъ о разрѣшеніи начальницы, мы важно усѣлись на одной изъ свободныхъ заднихъ скамеекъ, но, къ сожалѣнію, недолго выдерживали свою солидность: вскорѣ начали подталкивать другъ друга подъ локти, прыскать отъ заглушаемаго тщетно хохота, закрываться передниками и тѣмъ приводить въ крайнее смущеніе и безъ того переконфуженнаго Бѣлинскаго. Онъ, по обыкновенію, горбился, отворачивался и, вообще, чувствовалъ себя, какъ на горячихъ угольяхъ. Кончилось тѣмъ, что, не досидѣвъ до конца урока и безнадежно уронивъ тѣмъ свое достоинство въ глазахъ учителя и даже первоклассницъ, мы разомъ поднялись со скамьи, какъ стая всполошенныхъ птицъ, кинулись опрометью къ дверямъ и, шумно захлопнувъ ихъ за собой, разразились неудержимымъ хохотомъ...

Тѣмъ и завершились наши педагогическія затѣи.

№ 4456 пе. фр.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
Digitized by Google

VIII.

Герой моей первой любви.

Подъ вліяніемъ отчасти Смѣнцевой, отчасти, вѣроятно, свойствъ наступавшаго возраста, помню, съ начала каникулъ передъ шестымъ классомъ мы стали всѣ неизвѣстно о чемъ тосковать, чувствовать безпокойство и неудовлетворенность. Душа рвалась куда-то въ невѣдомую даль, жаждала чего-то особеннаго, небывалаго, не то великихъ подвиговъ и геройскихъ дѣлъ, не то какихъ-то неиспытанныхъ радостей и мученій, а жизнь вокругъ была такъ монотонна, сѣра и обыкновенна, люди такъ мелки и заурядны, сами мы казались себѣ такими жалкими и ничтожными! Правда, сочиненія Писарева съ ихъ трезвой, положительной программой жизни уже читались нами съ удовольствіемъ и порой даже съ увлеченіемъ, но, говоря откровенно, они почему-то не захватывали насъ такъ всецѣло, какъ, напр., Леньку Доманскаго, который въ своемъ поклоненіи естественнымъ наукамъ переживалъ періодъ внутренняго удовлетворенія и самодовольства и съ презрѣніемъ относился ко всякаго рода нытью и сомнѣніямъ.

Куда дѣвались наша прежняя безпечность, веселость, безпричинная шумная смѣшливость и разговорчивость! Унылыя, поникшія, часто цѣлыми часами бродили мы, взявшись подъ руки, по городскому бульвару или тротуару, окаймлявшему базарную площадь, и хранили мрачное молчаніе, изрѣдка только дѣлясь другъ съ другомъ своею тоскою и неудовлетворенностью.

— А, въ сущности, мы вѣдь знаемъ, какъ выйти изъ этого мучительнаго положенія,—заводилъ кто-нибудь изъ унывающихъ:—не хватаетъ намъ только смѣлости и рѣшимости... Тряпичныя мы души, способныя лишь ныть да безполезно жаловаться на судьбу!

И всѣ, притихая, сразу понимали, о чемъ заходила рѣчь.

— Да, конечно, стоило бы только съ Мохначевымъ познакомиться!—вскрикивала другая, изъ болѣе нетерпѣливыхъ, тотчасъ же ставя точку надъ і.

— Разумѣется... Онъ сразу указалъ бы, что мы должны дѣлать, читать, какъ жить. Онъ вѣдь развитѣе и образованнѣе всѣхъ въ городѣ. Всѣ гимназисты, слышно, пляшутъ по его дудкѣ.

Кто же такой былъ этотъ, титаническій въ нашихъ глазахъ, Мохначевъ? Ни больше, ни меньше, какъ гимназистъ восьмого класса, только что переведенный въ нашъ городъ изъ какой-то другой гимназіи и въ первые же дни успѣвшій стя-

Digitized by Google

жать себѣ самую громкую славу. Слухи объ его необычайной начитанности, умѣ и всякаго рода талантахъ немедленно пошли гулять по городу и вскорѣ достигли до нашихъ ушей. Разсказывали, что онъ пишетъ замѣчательныя сочиненія по русской словесности, что Оленичъ сулитъ ему блестящую литературную карьеру, что Любецкій въ восторгѣ отъ его крупныхъ математическихъ способностей, что по-латински и по-гречески онъ также легко и свободно читаетъ, какъ по-русски; кромѣ того, безподобно-хорошо играетъ на скрипкѣ, поетъ, превосходный ораторъ и непобѣдимый спорщикъ, придерживающійся убѣжденій самаго, что ни есть, передового направленія. Въ довершеніе чуда—необыкновенный силачъ и храбрецъ, вспыльчиваго при этомъ до бѣшенства характера. Словомъ, Мохначевъ рисовался нашему воображенію какимъ-то настоящимъ феноменомъ, героемъ изъ моднаго романа.

Само собой слѣдуетъ, что какъ только Мохначевъ появился на горизонтѣ, онъ сейчасъ же сдѣлался законнымъ главою гимназическихъ кружковъ саморазвитія въ нашемъ городѣ. Ленька Доманскій былъ моложе его цѣлыми двумя классами, и немудрено, что, со свойственной этому юношѣ воспламеняемостью, очень скоро влюбился въ него до самозабвенія. Онъ бѣгалъ за Мохначевымъ, какъ собачка за хозяиномъ, глядѣлъ ему въ глаза и рабски повторялъ каждую сказанную имъ умную фразу. Не могло быть и рѣчи о какой-либо серьезной борьбѣ на идейной почвѣ. Доманскій до того прожужжалъ мнѣ уши своимъ новымъ кумиромъ, что заинтересованная имъ не меньше другихъ, я стала подъ конецъ, слыша эти похвалы, терять терпѣніе и выходить изъ себя.

— Ну, и рабъ же ты, Ленька,—презрительно говорила я:—а еще врагомъ всякихъ авторитетовъ считаешь себя! И навѣрное, твой несравненный Мохначевъ—простой хвастунишка и пустозвонъ, прочитавшій двѣ-три книжки, которыхъ ты не знаешь.

— Что ты говоришь, Лена! Ну, вотъ познакомься только—и тебѣ самой стыдно станетъ этихъ словъ. Это, дѣйствительно, замѣчательный,—нѣтъ, прямо ге-ні-альный человѣкъ! И прежде всего воплощенная искренность и прямота. А умница... Скажетъ одно слово—и точно солнцемъ тебя осіяетъ! Въ самомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ, надъ которымъ у меня бы голова трещала, онъ въ одинъ мигъ оріентируется и дастъ единственно-возможное рѣшеніе. Логика—необыкновеннѣйшей силы и ясности! Особенно съ тобой, голубушка, мнѣ хочется его познакомить: у тебя вѣдь чутье есть на людей, а главное—скажу ужъ тебѣ комплиментъ—голова тоже не простой смертной... Ну, ты познакомься только, только познакомься!

Любопытство мое дошло до высшей точки, когда Доман-

Digitized by Google

скій прибѣжалъ однажды, сильно разстроенный, и съ таинственнымъ видомъ, почти шопотомъ, объявилъ:

— А знаешь, вѣдь Писаревъ-то маху далъ!

— Какъ такъ маху? Это тебѣ Мохначевъ сказалъ?

— Да, онъ... Впрочемъ, я и самъ начинаю теперь думать, что какъ будто оно и такъ... Самъ того не желая, Писаревъ игралъ, быть можетъ, въ руку реакціи.

— Въ руку реакціи? Писаревъ?!

Это была неожиданная точка зрѣнія. А главное: Ленька не только не раздраженъ подобнымъ обвиненіемъ противъ своего недавняго бѣжка, но готовъ даже принять его; онъ только смущенъ, смущенъ до безконечности... Мохначевъ оказывался болѣе интереснымъ, чѣмъ даже можно было ожидать по слухамъ.

Между тѣмъ уже нѣсколько разъ, прогуливаясь съ подругами по бульвару, я встрѣчала Мохначева, проходившаго мимо съ толпой товарищей и о чемъ-то громко «ораторствовавшаго» съ ними. Очевидно, ему было уже извѣстно, что мы сгораемъ отъ нетерпѣнія быть ему представленными, потому что, поровнявшись съ нашей группой, онъ обыкновенно каждый разъ отворачивался въ сторону, едва сдерживая душившій его смѣхъ... На видъ это былъ высокій, широкоплечій юноша съ круглымъ, еще безбородымъ лицомъ и шапкой свѣтлорусыхъ кудрей, на которыхъ чуть держалась ухарски надѣтая форменная кепка. Красивымъ назвать его было невозможно, но открытое, энергичное лицо не противорѣчило все же громкой репутаціи новаго пророка. Когда представленіе другъ другу, наконецъ, состоялось подъ акаціями того же городского бульвара, я, всегда такая бойкая и говорливая, не знала, какъ и о чемъ говорить, и поспѣшила заявить, что тороплюсь домой готовить уроки. То же самое заявила и гулявшая со мной Нися, квартира которой была въ противоположномъ направленіи. Къ моему удивленію и даже страху, Мохначевъ тотчасъ же вызвался проводить меня, и когда Ленька, отчаянно ухаживавшій въ то время за Нисей, предложилъ послѣдней свои услуги, мы очутились одни. Въ началѣ дороги я чувствовала себя ужасно смущенной, но затѣмъ по-немногу набралась храбрости и тутъ только впервые разглядѣла хорошенько наружность своего героя. Лицо Мохначева, съ широкимъ, нѣсколько приплюснутымъ носомъ и маленькими сѣрыми, лукавыми глазками, показалось мнѣ совсѣмъ невзрачнымъ; вдобавокъ, онъ не выговаривалъ буквы *л*, произнося «юбовь» и «Еэна». Но всѣ эти наружные недостатки ни мало не нарушили моего очарованія. Разговоръ, по обыкновенію, съ первыхъ же словъ принялъ самый серьезный оборотъ.

Digitized by Google

— Правда-ли,—поспѣшила я задать вопросъ,—что вы не признаете Писарева?

Мохначевъ улыбнулся широкой, добродушной улыбкой.

— Это вамъ Доманскій сказалъ? Чудной онъ малый, ни въ чемъ мѣры не хочетъ знать. Или бѣлое, или черное—другихъ цвѣтовъ для него нѣтъ. Я и не думалъ такъ рѣзко отзываться о Писаревѣ. Но меня удивило, правда, что вы здѣсь все еще переживаете писаревщину, когда для остальной русской молодежи она уже перешла, можно сказать, въ исторію. Очевидно, волна новыхъ идей не успѣла еще докатиться до глухихъ провинціальныхъ угловъ.

Меня нѣсколько укололо такое презрительное отношеніе къ моему родному городу, который я вовсе не думала считать «глухимъ провинціальнымъ угломъ».

— Развѣ нужно непремѣнно подражать столицамъ?—спросила я довольно высокомѣрно:—развѣ на убѣжденія можетъ существовать мода?

— Видите-ли—нельзя правильно мыслить въ одиночку. Необходимо прислушиваться къ мысли цѣлаго поколѣнія, всей Россіи. Не думаете-ли вы, напримѣръ, что къ сочиненіямъ Писарева надо сдѣлать нѣкоторыя поправки, что онъ въ значительной степени отклонился отъ гуманнаго ученія Добролюбова? Мы переживаемъ время, когда долгъ молодого поколѣнія—забыть обо всѣхъ личныхъ вопросахъ и вкусахъ и безъ завѣта, безъ колебаній идти на помощь къ меньшему брату. Тутъ, знаете, не до споровъ о стишкахъ и объ эстетикѣ!

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой,
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной!

Помните эти стихи?

— Значитъ, теперь и стихи опять любятъ? И поэзію признаютъ?

— Ту поэзію, которая проникнута любовью къ родинѣ. Такая поэзія—сила, и было бы преступно бороться съ ней! Впрочемъ, я увѣренъ, что и самъ Писаревъ сказалъ бы: честь и мѣсто такой поэзіи! По крайней мѣрѣ, я ни одной строки не знаю, гдѣ бы онъ нападалъ, напримѣръ, на Некрасова.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Только вообще это второстепенный теперь вопросъ—вопросъ о поэзіи.

— Какой же теперь главный вопросъ?

— Счастье народа, нашъ неоплатный долгъ передъ родиной, о которомъ слѣдуетъ денно и нощно думать и который мы, интеллигенція, должны такъ или иначе уплатить...

Digitized by Google

Мое высокомѣріе давно уже исчезло—теперь я вся пылала...

— Ахъ, мосье Мохначевъ, что же нужно дѣлать? Скажите, какъ уплатить этотъ страшный долгъ?

— Прежде всего надо стать для этого мыслящей личностью.

— Мыслящей личностью? Но какъ же достичь этого?

— А вотъ... будемъ учиться, читать, жить! Окончимъ гимназію, университетъ, высшіе курсы.

— Позвольте! но страданія человѣчества, вы сами говорите, не ждутъ... Они зовутъ немедленно на работу?

— Ну, что жъ! тѣ, которые считаютъ себя уже готовыми, вполнѣ мыслящими личностями, тѣ и немедленную работу находятъ... О, какая вы, однако, горячая барышня!.. Не торопитесь: мы съ вами вправѣ еще воспользоваться нѣкоторой отсрочкой, вродѣ какъ бы льготой по воинской повинности.

— Вы думаете?

— Ахъ, я увѣренъ въ этомъ. На что мы пригодились бы теперь, недоучившіеся, неопытные, нежившіе юноши? Какую пользу родинѣ могли бы мы принести? Развѣ только насмѣшили бы людей, погубили себя и повредили тому же дѣлу.

— Значитъ, вы намѣрены ждать, пока не кончите всего образованія?

— Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, гимназіи... И то же самое я совѣтую каждому. Но за то потомъ... О, мы станемъ потомъ могучей силой! Нашъ пылъ, наша вѣра въ себя и свои идеалы не остынутъ, а только лучше окрѣпнутъ Свѣтъ и правда восторжествуютъ. Я горячо вѣрю въ это!

Мохначевъ остановился, топнулъ ногою и, поднявъ кверху свою курчавую голову, гордо поглядѣлъ вокругъ, точно бросая вызовъ своимъ будущимъ врагамъ... Мое сердце било страстную тревогу.

— Вы такой умный, такой образованный, мсье Мохначевъ, вы все знаете, на все можете сразу отвѣтъ дать, а мы... а я...

Мохначевъ вдругъ разсмѣялся.

— Не зовите меня прежде всего «мсье»—очень ужъ это великолѣпный для меня титулъ. А затѣмъ вотъ познакомимся поближе—и вы убѣдитесь, что и самъ я не такой ужъ всезнайка, какъ вы воображаете.

Этой бесѣдой Мохначевъ окончательно завоевалъ мои симпатіи. Онъ, казалось, раскрылъ передъ моими глазами новые, широкіе горизонты и въ смутную прежде душу влилъ ясность и тихое успокоеніе. Но больше всего приводило меня въ восторгъ то, что этотъ геніальный, по общему признанію, юноша съ такой необыкновенной простотой и добродушіемъ отнесся къ моему круглому невѣжеству, къ моей наивной, молодой не-

Digitized by Google

опытности; я не замѣтила ни тѣни заносчивости, ни слѣда самомнѣнія, столь обычныхъ въ молодежи его возраста недостатковъ. Мнѣ казалось, что съ своей стороны и я произвела на Мохначева очень выгодное впечатлѣніе. Съ этого дня онъ началъ подходить ко мнѣ почти при каждой встрѣчѣ на улицѣ и провожать до дому, а нерѣдко появлялся вмѣстѣ съ Ленькой и подъ моими акаціями. Бесѣды здѣсь происходили самыя дружескія, задушевныя и горячія. Какихъ только вопросовъ ни порѣшили мы за это блаженное время! Какихъ общественныхъ теорій ни разобрали по косточкамъ, какихъ жгучихъ темъ ни коснулись—и все это такъ серьезно, будто дѣло шло по меньшей мѣрѣ о жизни, съ глубокой вѣрой въ свои мечты, съ беззавѣтно-искреннимъ увлеченіемъ! Съ каждымъ новымъ днемъ, сама того не замѣчая, я все больше и больше привязывалась къ новому пріятелю. Прожить день и не встрѣтить хоть мелькомъ Мохначева, не получить отъ него поклона, не поймать луча его свѣтлой, широкой улыбки, не услыхать изъ его устъ разрѣшенія какого-либо вновь явившагося «проклятаго» вопроса—становилось для меня уже серьезнымъ горемъ. Подруги начали замѣчать мою разсѣянность и молчаливость во время прогулокъ, которыя прежде я больше всѣхъ оживляла своимъ смѣхомъ и остроуміемъ, и гадать о причинахъ этой перемѣны. Но гадать много не приходилось: для всѣхъ было ясно, почему взоръ мой скользитъ по лицамъ прохожихъ, почему такъ тревожно всматривается въ даль, чью фигуру отыскиваетъ тамъ, наконецъ, при чьемъ появленіи такъ учащенно бьется мое сердце, а блѣдное лицо внезапно вспыхиваетъ горячимъ румянцемъ... На бѣду свою раньше я сама болтала всѣмъ и каждому, что «пропадаю» отъ любви къ Мохначову; поэтому, когда подруги замѣтили, что я и въ самомъ дѣлѣ начинаю «пропадать», и я попыталась было прибѣгнуть къ молчанію, было уже поздно: всѣ видѣли собственными глазами мое душевное состояніе...

Между прочимъ, я и Смѣнцевой нажужжала о Мохначевѣ и его необыкновенныхъ достоинствахъ.

— Ты увидишь, Лида, что сойдешься съ нимъ, вотъ ты сама увидишь,—увѣряла я свою любимую подругу:—онъ совсѣмъ не такъ узокъ и одностороненъ, какъ нашъ Ленька Доманскій. Ужъ одно то взять, что онъ признаетъ и любитъ поэзію. Но, душечка, какъ многому можемъ мы научиться отъ него! Если-бъ ты послушала, какъ хорошо говоритъ онъ!

— Сладко умереть за отечество!—не то мечтательно, не то пародируя меня, произносила Смѣнцева изреченіе древности. Она загадочно глядѣла куда-то вдаль и, въ отвѣтъ на мои приставанья, небрежно выражала готовность познакомиться съ «восьмымъ чудомъ» свѣта.

Передъ самой масляницей Лидія затѣяла у себя домашній

Digitized by Google

спектакль: отецъ ея былъ городской врачъ, и ихъ казенная квартира при общественной больницѣ, находившейся за городомъ, представляла большія удобства для сценическихъ представленій. Въ числѣ будущихъ артистовъ-любителей привели къ ней, разумѣется, и Мохначева.

— Мнѣ хотѣлось бы поставить «Ревизора»,—отважно объявила Лидія собравшейся публикѣ.

— «Ревизора», который проваливается и на столичныхъ сценахъ?—удивился Мохначевъ:—да вѣдь это значило бы осрамиться? По моему, слѣдуетъ взять что-нибудь совсѣмъ простенькое, что болѣе подходило бы къ нашимъ скромнымъ и, во всякомъ случаѣ, безвѣстнымъ еще силамъ.

Въ живописной позѣ откинувшись на спинку стула, Лидія посмотрѣла на говорившаго своими странными, прищуренными глазами.

— И это говорите вы... вы?

— То-есть, какъ это я? Думаю, что не кто другой.

— Вы, который славится такимъ крупнымъ артистическимъ дарованіемъ. Не скромничайте, пожалуйста, мсье Мохначевъ, мы все знаемъ. О, да, мы все знаемъ!

И Лидія кокетливо погрозила ему пальцемъ.

— Ничего вы не знаете, m-lle Смѣнцева,— грубовато отвѣтилъ Мохначевъ,—Мнѣніе двухъ-трехъ школьниковъ о моихъ дарованіяхъ очень мало меня утѣшаетъ. Да будь я даже самимъ Щепкинымъ, что могъ бы я сдѣлать одинъ? Ручаетесь-ли вы, что среди насъ и еще есть талантливые актеры, что вы, напримѣръ, сами...

— О, да вы настоящій волчонокъ. Вы грубый и злой. Васъ надо приручать. Впрочемъ, я готова отдать вамъ всѣ книги въ руки. Что же выберетъ господинъ Мохначевъ, нашъ осторожный, нашъ умный, нашъ разумный и ужъ не знаю какъ еще зовутъ его поклонники и не менѣе многочисленныя поклонницы?

Послѣдняя выходка Смѣнцевой окончательно взбѣсила Мохначева, и между ними завязалась сильнѣйшая пикировка. Я самымъ искреннимъ образомъ была огорчена за своего любимца; думая, что онъ произвелъ на Лидію отвратительнѣйшее впечатлѣніе, я попыталась послѣ того, какъ собраніе разошлось, оправдать въ ея глазахъ грубость Мохначева. Лидія, какъ всегда, высказалась уклончиво и неопредѣленно о впечатлѣніи, произведенномъ на нее этимъ первымъ свиданіемъ. За то Ленька Доманскій торжествовалъ и говорилъ мнѣ:

— Вотъ видишь, я оказался проницательнѣе тебя, Лена. Я отлично раскусилъ эту кривляку Смѣнцеву: Мохначевъ-то тоже вѣдь не одобряетъ ея!

Я была вдвойнѣ опечалена.

Digitized by Google

Можно-ли поэтому описать мое и Ленькино изумленіе, когда вскорѣ обнаружилось, что Мохначевъ и Смѣнцева успѣли уже, безъ моей помощи и не смотря на разстроившійся спектакль, не только примириться, но даже и завязать довольно близкое знакомство! При этомъ открытіи меня впервые что-то кольнуло въ сердце... Въ теченіе цѣлаго мѣсяца я нигдѣ не встрѣчала послѣ того Мохначева: говорили, что онъ былъ боленъ.

Разъ, въ воскресное утро, я вышла одна погулять по улицамъ города. Былъ яркій солнечный день; начиналась ранняя южная весна.. Ручейки пѣли, переливая, точно серебро, свои веселыя струйки, а у меня въ душѣ было черно отъ тоски и мрачныхъ предчувствій. Потупивъ голову, я стояла надъ однимъ изъ водныхъ потоковъ, любуясь игравшимъ въ немъ солнцемъ, какъ вдругъ, инстинктивно обернувшись, увидала по близости Мохначева и Смѣнцеву: они шли куда-то очень быстро, смѣясь и оживленно бесѣдуя. Лидія прежде никогда не гуляла по городу, такъ какъ жила далеко и въ гимназію всегда пріѣзжала. Съ невольнымъ радостнымъ движеніемъ протянула я Мохначеву руку, вполнѣ увѣренная, что и онъ такъ же сильно обрадуется, увидавъ меня послѣ долгой разлуки.

— А! вы мечтаете здѣсь?—сказалъ онъ довольно сухо, съ оттѣнкомъ, какъ мнѣ почудилось, ядовитости:—что же скажетъ о васъ Доманскій, врагъ всякихъ мечтаній и сантиментовъ?

— О, она у насъ настоящій поэтъ въ душѣ!—прибавила Лидія, крѣпко сжимая мою руку и любовно озаряя меня своей обворожительной улыбкой; но мнѣ показалось на этотъ разъ, что въ ея хорошенькихъ зубкахъ мелькнуло опять то самое хищное выраженіе, какое я уловила еще въ первый моментъ знакомства съ нею.

Я почти грубо выдернула свою руку, сказала какую-то общую фразу насчетъ не приготовленныхъ на завтра уроковъ и, не простившись, побѣжала домой, едва замѣтивъ, какъ они переглянулись между собой въ недоумѣніи. Сердце мое колотило громкую тревогу, чувствуя какую-то глубокую обиду, какое-то невѣдомое еще, но уже разразившееся надо мной горе...

Вскорѣ случилось и другое, не менѣе поразившее меня событіе. Шумной компаніей изъ четырехъ-пяти подругъ проходили мы однажды, во время Пасхи, по городскому мосту. Тутъ же была и Лидія Смѣнцева. Какъ разъ на мосту присоединился къ намъ неизвѣстно откуда взявшійся Мохначевъ и, едва поздоровавшись, вытащилъ изъ кармана толстую тетрадь и подалъ ее Лидіи. Оказалось, это была тетрадь съ его знаменитыми гимназическими сочиненіями, которую передъ тѣмъ я тщетно добивалась получить отъ него.

— Только берегите,—важно предупредилъ Мохначевъ Смѣнцеву,—тетрадь мнѣ эта очень нужна.

Digitized by Google

— Вотъ еще, стану я беречь!—задорно возразила Лидія, размахивая драгоцѣнной тетрадью:—захочу, сейчасъ же швырну въ рѣку...

— Попробуйте!—вызывающе сказалъ Мохначевъ и не успѣлъ моргнуть глазомъ, какъ мы всѣ вскрикнули, и тетрадь съ шумомъ полетѣла черезъ перила моста въ бушующія весеннія волны.

Мохначевъ вспыхнулъ, сдѣлалъ было яростное движеніе къ Лидіи и... тотчасъ же остылъ. Ни одного слова упрека не сорвалось съ его губъ въ то время, какъ Лидія весело хохотала и хлопала въ ладоши передъ самымъ его носомъ.

— А что? Что взяли? Вотъ какъ учатъ вашего брата!

Въ этотъ моментъ я впервые поняла, поняла глубоко и болѣзненно, какую силу имѣетъ надъ нимъ Смѣнцева. Отъ меня Мохначевъ замѣтно сталъ отдаляться; отношенія его ко мнѣ безъ видимой причины сдѣлались холодны и даже, какъ мнѣ казалось, пренебрежительны. Злорадствуя или искренно соболѣзнуя, подруги обязательно передали мнѣ, будто онъ прозвалъ меня кислятиной, и это названіе, дѣйствительно, какъ нельзя лучше, подходило ко мнѣ въ то время. Если намъ случалось по прежнему встрѣчаться въ обществѣ, я не могла говорить отъ душившихъ меня слезъ, отъ горькаго чувства обиды, обиды на то, что онъ предпочелъ мнѣ людей, менѣе серьезно мыслящихъ, менѣе искренно чувствующихъ. Но Богъ свидѣтель, что я имѣла при этомъ въ виду вовсе не Лидію Смѣнцеву, а какихъ-то неопредѣленныхъ людей вообще; къ своей бывшей любимицѣ я не имѣла въ душѣ никакихъ ясно сознанныхъ претензій, и мнѣ казалось даже, что я люблю ее прежней искренней и пламенной любовью, принявшей теперь лишь нѣсколько болѣзненный характеръ! Ни малѣйшаго чувства зависти къ ней или недовольства ея поведеніемъ ни разу не шевельнулось во мнѣ. За что же, однако, претендовала я на самого Мохначева? Чего, собственно, ждала отъ него, на что надѣялась? Трудно сказать. Въ самыхъ сокровенныхъ помыслахъ моихъ не было никогда и слѣда какихъ-либо конкретныхъ представленій о взаимной любви. Мечты мои были только возвышенными, идеальными мечтами о дружбѣ, о тѣхъ задушевныхъ бесѣдахъ, какими были озарены и согрѣты первые дни нашего знакомства. Теперь, подъ вліяніемъ жгучаго чувства обиды, я и любила, и еще больше ненавидѣла Мохначева, ненавидѣла за то, что онъ представлялся мнѣ болѣе благороднымъ и честнымъ, чѣмъ какимъ оказался въ дѣйствительности, и мнѣ было невыразимо жаль того свѣтлаго, милаго невозвратно-потерянаго образа!

Душевное состояніе мое въ этотъ періодъ было ужасно. Проснусь бывало утромъ—и меня охватитъ мучительный страхъ

Digitized by Google

при мысли, что опять нужно вставать, ѣсть, говорить, учиться, словомъ, тянуть обычную лямку жизни. Не хватало силъ жить, желанія жить, и часто представлялось яснымъ, какъ день, что единственный исходъ изъ этого царства мученій—наложить на себя руки... Училась я въ эту несчастную пору совсѣмъ плохо, такъ что когда подошли переходные экзамены въ седьмой классъ, должна была употребить страшныя усилія воли, чтобы начать заниматься. На лѣто Мохначевъ долженъ былъ уѣхать на урокъ въ Бессарабію, неподалеку отъ имѣнія родителей Нины Бѣлохъ, и Смѣнцева устроила такъ, что послѣдняя пригласила ее къ себѣ въ гости. Всѣ отлично понимали, почему она воспылала такой внезапной нѣжностью къ подругѣ, которую раньше, подобно всѣмъ намъ, не долюбливала: очевидно, лѣтомъ имѣлось въ виду продолженіе романа, шедшаго между тѣмъ на всѣхъ парусахъ впередъ, о чемъ свидѣтельствовали безпрестанно летавшія между нею и Мохначевымъ записочки. Отъ зоркихъ глазъ и чуткихъ ушей гимназистокъ не могло ничего укрыться, и всякая новость болѣе или менѣе пикантнаго характера прежде всего была передаваема добрыми друзьями мнѣ. Я должна была отыскивать въ себѣ не мало гордости, чтобы показывать каждый разъ если не веселый, то равнодушный видъ...

Передъ разъѣздомъ на каникулы ни Мохначевъ, ни Смѣнцева не зашли даже проститься со мною. Романъ въ Бессарабіи, дѣйствительно, продолжался, все лѣто влюбленные морочили, по слухамъ, головы одинъ другому, но въ концѣ концовъ Лидія не согласилась выйти за Мохначева замужъ и осенью вернулась въ гимназію, а ея поклонникъ, только что получившій передъ тѣмъ аттестатъ зрѣлости, уѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ медицинскую академію.

А я этимъ же лѣтомъ освободилась, наконецъ, отъ своего «навожденія», владѣвшаго мною въ теченіе цѣлаго года, и произошло это какъ-то совсѣмъ неожиданно, сразу. Проснулась я разъ утромъ, вспомнила свое великое горе и вдругъ сказала себѣ: «Да что я за глупая! Какое мнѣ до него, наконецъ, дѣло? Развѣ свѣтъ уже клиномъ для меня сошелся? Развѣ, кромѣ любви, не стало уже другихъ интересовъ, другихъ цѣлей жизни? О, какъ широка и хороша жизнь, сколько въ ней ѣла, радостей и мученій, несравненно болѣе сильныхъ и честныхъ, чѣмъ радости или муки нераздѣленной любви! Прочь, ой кошмаръ, за работу, за работу!» И рѣшивъ это, я сразу очувствовала себя легко и свободно. Хотя сѣмена идей, заброшенныхъ въ мою голову Мохначевымъ и пустили свои остки, но образъ его самого сталъ съ этихъ поръ блѣднѣть, скнѣть и скоро совсѣмъ стушевался подъ новыми впечатлѣніями жизни. А вслѣдъ затѣмъ началось постепенное разоча-

Digitized by Google

рованіе и въ Смѣнцевой. Вмѣстѣ съ другими я начала подмѣчать, что она очень часто лжетъ, что она корчитъ изъ себя загадочную, драматическую натуру, будучи на самомъ дѣлѣ совсѣмъ обыкновенной, заурядной барышней. Однажды она сама себя выдала, признавшись и демонстрировавъ опытомъ, что умѣетъ, по желанію, блѣднѣть и казаться падающей въ обморокъ; въ другой разъ ее уличили въ кругломъ невѣжествѣ по части новой русской литературы. Мелкіе сами по себѣ штрихи и факты совершали мало-по-малу свою критическую работу, разрушая былое наивное обаяніе, и вскорѣ я совсѣмъ охладѣла къ своей боготворимой когда-то подругѣ. А потомъ наши дороги й окончательно разошлись.

IX.

Экзаменъ.—Степа Осинцевъ.

Благодаря неудачному роману съ Мохначевымъ, во время переходныхъ въ седьмой классъ экзаменовъ у меня вышла маленькая заминка по геометріи, также нѣсколько повліявшая на мое отрезвленіе. Мнѣ невыносимо тяжело было остаться въ одиночествѣ и зубрить не лѣзшія въ голову формулы и доказательства, и наканунѣ экзамена я провела весь вечеръ на бульварѣ въ большой компаніи, среди оживленнаго веселья. Бореевъ, который долженъ былъ присутствовать на испытаніи въ качествѣ ассистента Любецкаго, нѣсколько разъ прошелъ мимо подъ руку съ своимъ пріятелемъ Бѣлинскимъ и хорошо слышалъ мой смѣхъ и громкій разговоръ. Я болтала всѣхъ больше, точно подталкиваемая внутреннимъ бѣсомъ, хвастая, что завтрашняго экзамена не боюсь, хотя и не готовилась къ нему, что меня не собьетъ самый злой и нерасположенный ко мнѣ экзаменаторъ. Нѣсколько разъ въ теченіе вечера я уловила недружелюбный взглядъ Бореева, брошенный на меня поверхъ темныхъ очковъ; длинный, какъ труба, носъ тоже глядѣлъ довольно непривѣтливо, оборачиваясь въ мою сторону при наиболѣе громкихъ взрывахъ моего хохота. Этотъ хохотъ терзалъ и мой собственный слухъ, точно гвоздь, которымъ скребутъ по стеклу, но удержаться я не могла, словно ища забвенія въ тѣхъ нелѣпостяхъ, которыя говорила и дѣлала.

На другой день Любецкій, какъ и слѣдовало ожидать, отослалъ меня, какъ лучшую ученицу, къ Борееву. Вынувъ билетъ, я начала отвѣчать очень развязно, но, по разсѣянности, въ первый же моментъ смѣшала окружность съ площадью круга. Бореевъ сталъ злорадно подсмѣиваться. Пораженная своей ошибкой, давшей ему поводъ такъ скоро торжествовать,

Digitized by Google

я потерялась окончательно и, очертя голову, понесла уже полную околесицу.

— Такъ-то вы знаете геометрію, m-lle Лозицкая?—спросилъ Бореевъ:—Ну что жъ, можете садиться. Гулять по бульварамъ, очевидно, веселѣе, чѣмъ заниматься.

Я готова была сквозь землю провалиться.

По окончаніи экзамена наши подслушали, какъ во время совѣщанія между Любецкимъ и Бореевымъ шла жаркая борьба изъ-за меня. Послѣдній утверждалъ, что я хвастлива, тщеславна, крикунья и ничего не смыслю въ математикѣ; Любецкій съ своей стороны выходилъ изъ себя, настаивая, чтобъ мнѣ была поставлена, какъ лучшей и способнѣйшей изъ его ученицъ, пятерка. Кое-какъ помирились на тройкѣ.

Послѣ такого блистательнаго провала мной овладѣло какое-то особенное возбужденіе, заставлявшее выказывать еще большій задоръ и апломбъ, чѣмъ обыкновенно, и я въ тотъ же день вызвалась идти къ Бореевy, въ качествѣ одной изъ депутатокъ отъ лица двѣнадцати подругъ, желавшихъ учиться у него въ послѣднемъ классѣ за особую плату алгебрѣ и тригонометріи, предметамъ, которые въ гимназіи не проходились, но которые необходимы были для поступленія на высшіе курсы. Начальница Анна Александровна принимала въ этомъ нашемъ планѣ большое участіе, и свиданіе съ суровымъ молодымъ педагогомъ происходило у нея на квартирѣ.

— Ну, вамъ-то, m-lle Лозицкая, врядъ-ли стоитъ учиться алгебрѣ и тригонометріи,—ядовито обратился ко мнѣ Бореевъ, переговоривъ съ депутаціей о дѣлѣ.

— Это почему такъ, мсье Бореевъ?—спросила я, принимая надменный видъ.

— Да потому, что вы и ариѳметики-то съ геометріей толкомъ не знаете.

— Вы ошибаетесь, мсье, я знаю.

— Гдѣ тамъ знаете! Вѣдь я, кажется, экзаменовалъ васъ сегодня.

— Повторяю, вы ошибаетесь. Это была чистая случайность, что я спуталась, на самомъ жъ дѣлѣ я отлично все знаю... Вы сами вотъ убѣдитесь, когда станете со мной заниматься.

— Ну, ладно, посмотримъ.

Въ началѣ этихъ новыхъ занятій, осенью, Бореевъ, дѣйствительно, долго испытывалъ меня и, къ удивленію своему, каждый разъ убѣждался, что я прекрасно понимаю всѣ его объясненія; нечего и говорить о томъ, что затронутое самолюбіе заставляло меня много заниматься и напрягать всѣ усилія, чтобы съ честью оправдать свое хвастливое обѣщаніе. Бореевъ задавалъ мнѣ самыя трудныя задачи для рѣшенія экспромптомъ—я рѣшала ихъ быстро и удачно, и въ концѣ концовъ

Digitized by Google

онъ перемѣнилъ обо мнѣ свое мнѣніе. Во время выпускного экзамена онъ не хотѣлъ почти и спрашивать меня, а на совѣтѣ, какъ потомъ разсказывали, настаивалъ, чтобы мнѣ поставлена была не существующая отмѣтка—пять съ плюсомъ.

Гимназическое начальство устраивало для насъ два-три бала въ зиму. Всѣ мои подруги усердно посѣщали ихъ, но я—какъ это ни странно сказать—за всѣ годы была только на одномъ изъ этихъ баловъ, находясь уже въ седьмомъ классѣ. Отчего это происходило? Причинъ было много, но самою главною изъ нихъ являлась моя застѣнчивость, меньше всего, повидимому, вязавшаяся съ той развязностью и самоувѣренностью, о которыхъ я только что разсказывала, и тѣмъ не менѣе сильно мучившая меня въ юношескомъ возрастѣ. Одѣвалась я скромнѣе большинства подругъ и, кажется, согласилась бы скорѣе умереть, нежели явиться на балъ съ декольтированными плечами, какъ дѣлали это Нися, Таня и многія другія. Передъ послѣдними я выставляла, впрочемъ, и еще одну причину своей нелюбви къ баламъ: меня крайне оскорбляла мысль, что, явившись туда, я должна была сидѣть сложа руки и ждать, пока кому-нибудь изъ кавалеровъ не заблагоразсудится пригласить меня на танецъ. Подруги смѣялись надъ такими претензіями, называя меня оригиналкой, но я вполнѣ искренно возмущалась той жалкой ролью, какую мы должны были, какъ женщины, играть въ обществѣ.

Нися Дическулъ и Таня Короновичъ были наиболѣе страстными любительницами всякаго рода увеселеній. У первой изъ нихъ происходили по этому поводу крупныя стычки съ родителями, боявшимися, что она влюбится въ кого-нибудь изъ гимназистовъ или заразится отъ нихъ превратными идеями; одинъ разъ ей пришлось даже самовольно уйти на балъ послѣ бурной домашней сцены, проплакавъ весь вечеръ, и говорятъ, поклонники нашли вслѣдствіе этого ея глазки еще болѣе интересными. Нися даже въ классъ приходила наканунѣ бала съ бумажными папильотками на головѣ... Она была всѣхъ граціознѣе, всѣхъ лучше умѣла плясать—и плясала въ буквальномъ смыслѣ до упаду, чуть не до обмороковъ. Любила плясать и Таня Короновичъ, хотя танцы бывали для нея каждый разъ пыткой, такъ какъ бѣдная дѣвушка не отличалась ни красотой, ни граціей, и кавалеры подходили къ ней съ неохотой; болѣе счастливымъ подругамъ приходилось почти насильно тащить ихъ къ смѣшной, злополучной Танѣ, и тогда лицо Тани расцвѣтало, озаряясь блаженной улыбкой, становясь въ это время почти красивымъ. Но, танцуя, она приходила «въ телячій восторгъ» и выдѣлывала такія граціозныя, по ея мнѣнію, па, что зрители покатывались со смѣху...

Въ седьмомъ классѣ, во время масляницы, Ленькѣ Доман-

Digitized by Google

скому удалось уговорить меня отправиться на одинъ изъ подобныхъ баловъ. Я одѣлась почти какъ всегда, въ форменное коричневое платье съ безукоризненно чистымъ бѣлымъ фартукомъ и воротничкомъ; единственнымъ отличіемъ отъ ежедневнаго костюма были бѣлыя перчатки. Тѣмъ не менѣе забѣжавшій ко мнѣ на минуту Ленька, оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, нашелъ почему-то возможнымъ заявить, что я великолѣпна, за что и получилъ не символическій щелчокъ по носу. Затѣмъ обожатель мой куда-то убѣжалъ (у него и всегда бывалъ полонъ ротъ хлопотъ, во время же баловъ особенно), а я, довольная въ душѣ его похвалой, подошла еще разъ къ зеркалу посмотрѣть на себя. Я всегда самымъ искреннимъ образомъ считала себя дурнушкой, хотя и видѣла, что молодые люди не прочь за мной увиваться; но я приписывала это своимъ умственнымъ силамъ, своему умѣнью спорить и говорить о чемъ угодно и на какія угодно темы, а никакъ не физической красотѣ. Однако, подойдя въ этотъ полный возбужденія вечеръ къ зеркалу, я сама нашла себя «не такъ ужъ безобразной...» Короткіе, волнистые волосы падали мнѣ на плечи пышными прядями, и въ рамѣ этихъ черныхъ, какъ вороново крыло, локоновъ, матово-блѣдное лицо мое, съ чуть замѣтнымъ розовымъ оттѣнкомъ на щекахъ, отличалось своеобразной миловидностью. Меня находили похожей на цыганку, съ моими темными глазами, большими и глубокими, очень измѣнчивыми—то лукаво-задорными, то строгими, всего же чаще—мечтательно-грустными.

Между прочимъ, уговаривая идти на балъ, Ленька соблазнялъ меня перспективой увидать тамъ его товарища красавца, Осинцева. Объ этомъ Степѣ Осинцевѣ я давно уже и много слышала не только, какъ о замѣчательно красивомъ юношѣ, но и какъ о большомъ умницѣ и страшномъ въ то же время нелюдимѣ и букѣ. Послѣднее видно было уже изъ того, что, проживъ столько лѣтъ въ одномъ городѣ, я ни разу не встрѣтилась съ нимъ на улицѣ. Степа былъ домосѣдъ, книгоѣдъ и принципоѣдъ. Изъ принципа не гулялъ онъ по бульвару, изъ принципа не ухаживалъ за гимназистками и изъ принципа же, какъ говорили злые языки, умывался лишь два раза въ недѣлю. Разсказывали, что главнымъ героемъ, которому онъ во всемъ хотѣлъ подражать, былъ Рахметовъ, и что подобно послѣднему онъ пробовалъ спать на гвоздяхъ... Оригинальной его особенностью было то, что женщинъ онъ глубоко презиралъ... Впрочемъ, всѣ эти слухи, какъ мнѣ казалось, довольно плохо согласовались съ отзывами Леньки Доманскаго объ Осинцевѣ.

— Славный онъ парень,—говорилъ про него мой рыцарь

Digitized by Google

безъ страха и упрека,—только черезчуръ ужъ большой нытикъ и пессимистъ.

— Осинцевъ-то нытикъ? Съ его-то принципами?!

— Въ томъ-то и бѣда, что великое содержаніе вложено природой въ слишкомъ тонкій сосудъ,—загадочно отвѣчалъ Ленька, и этотъ загадочный отвѣтъ, конечно, только усиливалъ мое желаніе познакомиться съ интереснымъ ученикомъ Рахметова.

На балу Ленька подошелъ ко мнѣ и объявилъ съ сіяющимъ лицомъ:

— Ну, Лена, ты обѣщаешь сегодня быть владычицей сердецъ. Подумай только: самъ Степа Осинцевъ, нашъ великій бука, проситъ меня немедленно представить его передъ твои очи.

— Какъ, онъ уже здѣсь! Да захочу-ль я еще знакомиться съ твоимъ Степой?—начала было я «важничать», однако, разрѣшеніе привести буку дала.

И вотъ Степа явился, ужасно конфузясь и неловко расшаркиваясь, и сразу же, надо сознаться, очаровалъ меня. Это былъ совсѣмъ еще зелененькій, безусый юноша, застѣнчивый и хорошенькій, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка; бѣлый, замѣчательно-нѣжный цвѣтъ лица съ чуть проступавшимъ на немъ румянцемъ, большіе, прелестные синіе глаза и строго сдвинутыя надъ ними черныя брови,—все въ Степѣ плѣняло съ перваго взгляда и, несмотря на его серьезный, почти сумрачный видъ, вызывало невольную улыбку. Черные волосы его были нигилистически взлохмачены, и красивая, густая прядь капризно падала на высокій, умный лобъ. Однѣ только руки, затянутыя въ перчатки, показались мнѣ несоразмѣрно-большими; да и весь Степа, признаться, былъ мѣшковатъ и производилъ забавное впечатлѣніе въ своемъ новенькомъ, обтянутомъ мундирчикѣ.

Представивъ мнѣ своего товарища, Ленька, бывавшій всегда распорядителемъ танцевъ, тотчасъ же убѣжалъ, оставивъ насъ обоихъ въ большомъ смущеніи. Но вотъ грянула музыка, и Осинцевъ поспѣшилъ пригласить меня на кадриль, тутъ же заявивъ довольно угрюмо, что круглыхъ танцевъ онъ по принципу не танцуетъ.

— Это почему же?

— Да потому что въ нихъ ярче всего выражается комизмъ и нелѣпость этого вообще нелѣпаго учрежденія.

— Если вы такъ глядите на танцы, то совсѣмъ не должны бы принимать въ нихъ участія.

— Ну, какъ же не принимать, когда имѣешь случай подурачиться вмѣстѣ съ такою...

— Что съ такою?

Digitized by Google

— Очаровательною особой,—пробасилъ Степа съ неловкимъ поклономъ и конфузливою улыбкой, все еще не разглаживая однако нахмуренныхъ бровей.

— Ого! да ваше знаменитое презрѣніе къ намъ, несчастнымъ женщинамъ, кажется, разлетается уже прахомъ!—вскричала я, искренно восхищенная столь быстрыми успѣхами буки на поприщѣ ухаживанья.

— Какъ это знаменитое? Откуда вы знаете?

— О, я знаю даже то, что вы на гвоздяхъ спите и умываетесь разъ въ недѣлю... и все изъ принципа! Смотрите же, вы должны поддержать въ моихъ глазахъ вашу славу.

Осинцевъ усмѣхнулся, но потомъ, словно что-то вспомнивъ, внезапно омрачился и началъ вздыхать. Мнѣ стало жаль его.

— Правду-ли еще разсказываютъ про васъ,—спросила я, понижая голосъ и заглядывая ему въ глаза,—будто васъ одолѣваютъ разныя сомнѣнія, будто вы... сильно страдаете?

Осинцевъ окончательно завздыхалъ.

— Да, счастливы тѣ,—сказалъ онъ грустно,—для кого голосъ сердца—самый властный изъ всѣхъ голосовъ міра. Они слѣпо и беззавѣтно готовы идти на призывы долга. Но есть люди, которымъ слышны еще и другіе голоса—сомнѣній всякаго рода, рефлексіи, жажды жизни и личнаго счастья...Вотъ я гляжу теперь на васъ, на вашихъ подругъ, на Леонида и вижу, что всѣ вы безъ размышленій отдаетесь минутѣ веселья; въ душѣ у всѣхъ у васъ такъ же свѣтло, какъ вотъ въ этой залѣ, сверкающей огнями и цвѣтами; будущее вамъ улыбается, хотя вы и знаете отлично, что тамъ не одни цвѣты ждутъ васъ... Помните, какъ Кольцовъ говоритъ:

И чтобъ въ горѣ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!...

Это ужъ натуры такія, такой типъ людей... И благо нашему поколѣнію, если этотъ типъ составляетъ въ немъ большинство!

— Но откуда же вы знаете, Осинцевъ, что сами вы принадлежите къ другому типу? Вы такъ еще молоды...

— Да, къ сожалѣнію, молодъ тѣломъ и старъ душою. Въ томъ и дѣло, въ томъ и бѣда, что это ужъ въ крови заложено у человѣка, съ молокомъ матери входитъ ему въ душу.

— Какія же, собственно, сомнѣнія васъ мучатъ?

— Насчетъ всего и прежде всего насчетъ своихъ силъ... Внутри постоянный разладъ... Хотѣлось бы жить, насладиться всѣми радостями жизни—и въ то же время умъ говоритъ, что для честнаго человѣка это не позорно будетъ развѣ только

Digitized by Google

черезъ полтысячи лѣтъ! Теперь же... теперь нужно имѣть закаленное, желѣзное сердце, отрекшееся отъ всякихъ грезъ личнаго счастья, суровое и грубое, какъ тотъ мечъ, который жизнь заставляетъ брать въ руки...

— Вы черезчуръ строги и требовательны, Осинцевъ. Вѣдь вотъ называете же вы меня, Леонида и другихъ «суровыми и грубыми» натурами, а посмотрите между тѣмъ—мы веселимся, да еще какъ! Вонъ у Доманскаго никакого меча невидно пока въ рукѣ, а онъ уже обливается седьмымъ потомъ,—строитъ танцоровъ и, знай себѣ, покрикиваетъ: «Mesdames! Messieurs! En avant»!

— Что жъ, онъ и въ другомъ положеніи будетъ не менѣе веселъ.

Такъ разговаривая, мы и не замѣтили, какъ окончилась кадриль, и мы были уже не только знакомы, но почти дружны между собою. Разговоръ изъ серьезнаго превратился опять въ шутливо-кокетливый, хотя откровенная исповѣдь Осинцева глубоко запала мнѣ въ душу. Эта тоска, эти горькія сомнѣнія—не свиваютъ-ли они временами гнѣзда и въ моемъ собственномъ сердцѣ? Не ошибается-ли Степа насчетъ моей принадлежности къ тому счастливому, могучему типу, которому такъ завидуетъ, и не безконечно-ли самъ онъ выше меня, которая не думаетъ, подобно ему, казниться своимъ ничтожествомъ, презирать себя за свою слабость и раздвоенность? Я стала глядѣть на Осинцева совсѣмъ другими глазами—онъ уже не казался мнѣ такимъ невозможно-зеленымъ и комичнымъ въ своей разочарованности, какимъ показался въ первую минуту: напротивъ, я чувствовала теперь глубокое уваженіе къ нему и состраданіе и мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь утѣшить его.

Вторую кадриль Степа опять танцовалъ со мною. Подруги дивились моимъ успѣхамъ и громко поздравляли меня; Осинцевъ, однако, уклонялся отъ новыхъ серьезныхъ бесѣдъ, видимо стараясь быть такимъ же веселымъ, какъ всѣ, и этимъ понравиться мнѣ. Передъ третьей кадрилью онъ очутился возлѣ меня съ новымъ приглашеніемъ. Я стала кобениться.

— Неужели же вы будете такъ жестоки, синьора,—пробасилъ тогда Степа, что потребуете отъ меня колѣнопреклоненія передъ лицомъ всей этой публики?

— А чтожъ, можетъ быть, и потребую.

— Прикажете?

И онъ сдѣлалъ жестъ, выражавшій готовность, въ самомъ дѣлѣ, опуститься на колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ,—испугалась я:—я ограничусь тѣмъ, что заставлю васъ произнести вслѣдъ за мною формулу отреченія отъ вашихъ прежнихъ прегрѣшеній. Вотъ говорите: отрекаюсь...

— Клянусь я первымъ днемъ творенья!..

Digitized by Google

— Нѣтъ, буквально то, что я говорю: отрекаюсь отъ своего презрѣнія къ женщинамъ и клянусь, что до гробовой доски буду ихъ неизмѣннымъ рыцаремъ и обожателемъ; отнынѣ стану умываться ежедневно...

— Да ей-Богу же, я и такъ умываюсь!..

— Ну, безъ мыла, вѣрно... «Клянусь также, что брошу ныть и сомнѣваться и каждый день буду приходить на бульваръ». Ну, а теперь можете просить: «осчастливьте меня, благородная синьора, согласіемъ еще на одну кадриль».

Степа покорно повторилъ за мной каждое слово клятвы, и мы проплясали послѣ того еще нѣсколько кадрилей, въ результатѣ чего между нами установилась самая тѣсная дружба.

Подъ утро, когда балъ окончился, я была до того утомлена, что отправилась не домой, а къ одной изъ жившихъ по близости подругъ, съ намѣреніемъ тотчасъ же заснуть; но, лежа въ постеляхъ, мы проболтали еще нѣсколько часовъ, дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями счастливой ночи.

Съ этой поры Осинцевъ, дѣйствительно, сталъ ежедневно приходить въ сумерки на обычное мѣсто прогулокъ кружка, на такъ называемый Маргаритенбургъ: это была широкая панель, окаймлявшая базарную площадь, гдѣ съ другой стороны стояли лучшіе магазины въ городѣ и гдѣ, по преданію, жила нѣкогда знаменитая законодательница мѣстныхъ модъ, портниха Маргарита. Съ ранней весны мѣсто прогулокъ переносилось, впрочемъ, на «новый бульваръ», нашъ чудный бульваръ, усаженный большими бѣлыми акаціями, краса и гордость города. Подъ тѣнью этихъ душистыхъ акацій протекали лучшіе часы нашей юности, со всѣми ея тревогами, проказами, горестями и свѣтлыми идеальными порывами... Теперь тамъ ростетъ и расцвѣтаетъ душой новое, невѣдомое мнѣ поколѣніе: тому же ли радуется оно, тѣмъ же ли огорчается?..

Завидѣвъ меня съ подругами еще издали, Осинцевъ дѣлалъ искусную диверсію, чтобы подойти непремѣнно съ моей стороны: это былъ понятный всѣмъ признакъ того, что онъ былъ, именно, моимъ, а не чьимъ-либо кавалеромъ.

— Ну, ораторъ! на какую тему сегодня станете ныть и ораторствовать?—насмѣшливо встрѣчали Степу Нися и Таня, относившіяся вообще съ большимъ скептицизмомъ къ его изліяніямъ и подшучивавшія, что у него языкъ безъ костей; но за то я награждала его молчаливымъ, крѣпкимъ пожатіемъ руки, вглядываясь мечтательнымъ, озабоченнымъ взоромъ въ его всегда грустные синіе глаза и тревожно прислушиваясь къ его глубокимъ, глубокимъ вздохамъ. И не обращая вниманія на подшучиванья, даже не глядя въ сторону Ниси и Тани, Степа начиналъ, какъ всегда, резонировать о жизни, о родинѣ, о нашемъ, словно кѣмъ-то проклятомъ, поколѣніи, о

Digitized by Google

его нерѣшительности и дряблости, о нашихъ безплодно пропадающихъ силахъ. Говорить онъ умѣлъ плавно и много, и при всемъ резонерствѣ въ рѣчахъ его слышалась глубокая искренность, чувствовалось, что этотъ несчастный юноша, дѣйствительно, на зарѣ дней заѣденъ рефлексіей, отравленъ вѣчнымъ самоанализомъ и самоугрызеніями всякаго рода. При этомъ Степа былъ очень недуренъ собою, и словно какой-то узелъ постепенно завязывался между нашими сердцами; электрическій токъ пробѣгалъ по всему тѣлу, когда руки наши касались одна другой при встрѣчахъ и прощаніяхъ, и гдѣ-то въ глубинѣ груди сладкій червякъ сосалъ всякій разъ, какъ обычное свиданіе не могло почему-либо состояться или кончалось раньше, чѣмъ мы хотѣли бы... Я видѣла ясно, что со мной опять начинается уже пережитая однажды исторія... Медленными шагами бродили мы по бульвару, я—безмолвствуя отъ тайнаго восхищенія или сочувствія, мои подруги — отъ пожиравшей ихъ скуки и неохоты спорить; словоохотливый же Степа тихимъ и монотонно-грустнымъ голосомъ читалъ свою отходную всякой надеждѣ и вѣрѣ. Красивымъ потокомъ струились фразы за фразами, не менѣе красиво жестикулировали руки юнаго оратора, голубымъ пламенемъ горѣли его прелестные глаза, печально глядя куда-то въ загадочную даль, словно провидя тамъ печальное будущее,—и, поникнувъ головой, я шла рядомъ, тоже грустная, затуманенная, съ сердцемъ, полнымъ лѣниваго безсилія и невнятныхъ, горькихъ упрековъ себѣ...

Но долго не могло, конечно, длиться такое неопредѣленное состояніе; въ здоровомъ, молодомъ умѣ и бодрой по натурѣ душѣ рано или поздно долженъ былъ вспыхнуть протестъ... Начавшее зарождаться чувство также требовало себѣ исхода, а застѣнчивый, какъ дѣвушка, и вѣчно колеблющійся Степа не спѣшилъ съ какими либо рѣшительными объясненіями. Я сама не помню, какъ это случилось, но мое увлеченіе Степой остыло сразу, неожиданно для меня самой. Онъ казался мнѣ по прежнему красивымъ и симпатичнымъ, но какая-то черта изъ прежней его обаятельности исчезла для меня вдругъ и безъ слѣда. Появилась критика... Непріятно стали бросаться въ глаза и безплодно-резонерскій характеръ его безконечныхъ, красивыхъ монологовъ, и склонность постоянно копаться въ своей и чужой душѣ, способность обезсиливать вѣчнымъ анализомъ всякое здоровое движеніе сердца. Къ этому критическому отношенію примѣшалось вскорѣ и нѣчто вродѣ озлобленія или досады на то, что подобный человѣкъ такъ недавно еще могъ внушать очарованіе, и я дошла, наконецъ, до такой дерзости, что не хуже Тани или Ниси

Digitized by Google

стала обрывать Степу на его красивыхъ монологахъ, называя ихъ чепухой, а его самого—гамлетикомъ...

— Помните ли вы, Осинцевъ, стихи Некрасова: «Діалектикъ обаятельный, мыслью честенъ, сердцемъ чистъ, помню я твой взоръ мечтательный, либералъ-идеалистъ»? И дальше еще насчетъ «уличной исторіи»... Какъ вы думаете, нельзя-ли кое къ кому примѣнить эти стишки, а?

Названіе «либералъ» особенно огорчало и оскорбляло Осинцева, такъ какъ онъ мнилъ себя самымъ чистопробнымъ «радикаломъ». Роли наши очень скоро перемѣнились. Я сдѣлалась попрежнему болтливой, веселой, насмѣшливой, онъ—молчаливымъ и мрачнымъ. Я не переставала выпучивать его, говоря, что онъ по комъ-то изнываетъ, и кокетливо-безжалостно допрашивая: кто такая суровая красавица, разбившая его любвеобильное сердце? Степа хмурился, тяжело вздыхалъ и бросалъ на меня трогательно-умоляющіе взгляды... А я становилась еще веселѣе, и мнѣ доставляло какое-то мстительное удовольствіе не замѣчать ни его самого, ни его тайныхъ воздыханій.

Долго промучился такимъ образомъ бѣдный Степа, пока не пересталъ, наконецъ, вовсе появляться на бульварѣ и не сдѣлался по прежнему домосѣдомъ, книгоѣдомъ и букой. Пути наши опять разошлись, но уже навсегда.

X.

Таинственная поѣздка.

Иногда лѣтомъ я вмѣстѣ съ Таней Короновичъ или съ одной изъ другихъ подругъ ѣздила въ Тихое, имѣніе родителей Ниси Дическулъ, находившееся въ тридцати-сорока верстахъ отъ города. Когда-то Дическулы были очень богатыми бессарабскими помѣщиками, но отецъ Ниси страдалъ любовью ко всевозможнымъ хозяйственнымъ затѣямъ, и въ ту пору, когда я бывала въ Тихомъ, оно давно уже клонилось къ разоренію. Семья продолжала, впрочемъ, жить на широкую барскую ногу и ни въ чемъ не умѣла себѣ отказывать. Для меня, городской жительницы, Тихое имѣло неизъяснимую привлекательность, хотя мѣстоположеніе его было, быть можетъ, и не изъ лучшихъ на благодатномъ югѣ. Былъ тамъ, однако, и прекрасный дубовый лѣсъ на берегу родного Днѣстра, и небольшое свѣтлое озеро, въ которомъ мы купались, но что самое важное—къ озеру спускался роскошный, старинный запущенный садъ, буквально тонувшій во всевозможной зелени, темный, прохладный, весь пропитанный ароматами, со множествомъ

Digitized by Google

фруктовыхъ деревьевъ. Тамъ мы лазили, точно молодыя бѣлки, по высокимъ черешнямъ, объѣдаясь вкусными, сочными ягодами, бѣгали въ запуски, валялись въ высокой зеленой травѣ, читая вслухъ стихи и романы, или бесѣдуя о пустыхъ и важныхъ матеріяхъ. Нѣсколько недѣль протекало такимъ образомъ, точно одинъ мигъ, точно золотой, блаженный сонъ. Но въ одно прекрасное утро я просыпалась съ непонятной тоской и тревогой въ душѣ, которыя росли до тѣхъ поръ, пока не созрѣвало твердое рѣшеніе немедленно же уѣхать домой: тамъ, казалось мнѣ, ждетъ меня что-то особенное, что я могу невозвратно пропустить, и о чемъ буду сожалѣть всю жизнь, какое-то важное дѣло, чуть-ли не дѣло, касающееся всего человѣчества... Иногда не удавалось уѣхать немедленно, за отсутствіемъ въ Тихомъ свободныхъ лошадей, и приходилось ждать еще нѣсколько дней, уже не восторгаясь, а напротивъ, томясь и тяготясь деревенской тишиною, безоблачной небесной лазурью и вкусными яствами. Наконецъ, лошади отыскивались, и я летѣла въ свой родной, любимый городокъ. Тамъ встрѣчали меня облака пыли, душный зной и пустота на улицахъ и даже на бульварѣ. Но сердце не переставало сладко щемить и радостно прыгать въ груди. Никакого великаго дѣла, неотложно ждавшаго меня, разумѣется, не оказывалось, но тѣмъ не менѣе, очень довольная собою и своей милой родиной, я въ тотъ же вечеръ появлялась на бульварѣ среди скучавшихъ безъ меня подругъ и вмѣстѣ съ ними хохотала до упаду и трещала безъ умолку.

Кажется, въ началѣ того самого лѣта, когда мы перешли въ послѣдній классъ, до нашихъ ушей достигъ ошеломляющій слухъ, будто родители Ниси хотятъ выдать ее замужъ за стараго вдовца-доктора, одного изъ мѣстныхъ крезовъ. Они давно уже намекали дочери, что она поступила бы очень благоразумно для ихъ общихъ интересовъ, если бы вышла за этого господина, но Нися со смѣхомъ отвергла предложеніе: ей казалась забавной мысль о бракѣ съ этимъ старымъ селадономъ, такъ комично ухаживавшимъ за ней и носившимъ ярко нафабренные усы, которые случайно она видала въ настоящемъ ихъ видѣ, полинялые, отвратительно-зеленые...

Однако, вновь пролетѣвшій и поразившій насъ слухъ съ положительностью утверждалъ, что родители Ниси повторили свое предложеніе съ настойчивостью, выставляя ей на видъ перспективу скораго и полнаго своего разоренія, и что легкомысленная подруга, послѣ нѣкоторой борьбы и слезъ, начала склоняться къ ненавистному прежде союзу. Кружокъ башибузуковъ, по старой памяти все еще носившій это названіе, пришелъ въ неописанное волненіе и негодованіе. Я возмущалась сильнѣе всѣхъ и, взявшись подъ руки съ Вандой Гріельской,

Digitized by Google

Таней Короновичъ и другими неразъѣхавшимися на каникулы подругами, весь вечеръ проходила по бульвару, въ большомъ оживленіи, обсуждая на всѣ лады случившееся и то, что слѣдовало предпринять для спасенія несчастной. Рѣшено было прежде всего списаться съ Нисей и предложить ей личное свиданіе съ одною изъ насъ въ сосѣднемъ городкѣ Х., находившемся неподалеку отъ Тихаго. Письмо было отослано, и отвѣтъ на него получился: хотя Нися писала очень кратко и, какъ намъ показалось, сухо, но предложеннаго свиданія она не отвергала. Въ новомъ письмѣ назначены были опредѣленный день, часъ и мѣсто — городской садъ въ Х. На собранномъ вновь генеральномъ совѣтѣ башибузуковъ рѣшено было въ качествѣ депутатки отправить меня и въ спутники дать мнѣ Леньку Доманскаго. Послѣдній еще наканунѣ назначеннаго дня нанялъ почтоваго ямщика, и раннимъ утромъ мы выѣхали подъ строжайшимъ инкогнито, не предупредивъ даже своихъ домашнихъ о томъ, куда отлучились. Изъ предосторожности я спустила на лицо двойную темную вуаль и то-и-дѣло куталась, кромѣ того, въ шаль, едва только раздавался по дорогѣ стукъ крестьянской телѣги... Все время я дрожала, какъ въ лихорадкѣ, сама не зная чего, и торопилась достичь цѣли таинственнаго путешествія. Въ Х. мы остановились въ гостинницѣ, это случилось въ первый разъ въ моей жизни. Все здѣсь было для меня странно и чуждо—и номерованныя комнаты, и колокольчики, по звонку которыхъ являлась прислуга, и весь необычный характеръ обстановки. Ровно въ полдень было назначено свиданіе въ городскомъ саду. Ленька остался сторожить съ наружной стороны ограды, а я, съ чрезвычайно конспиративнымъ видомъ, подъ спущенной на лицо темной вуалью, безпокойно оглядываясь по всѣмъ сторонамъ, вошла въ садъ и—о, радость!—въ одной изъ первыхъ же аллей увидала изящную фигурку Ниси. Съ криками восторга бросились мы другъ другу на шею. Расцѣловавшись, я начала съ ногъ до головы осматривать свою злополучную подругу и нашла, что ея миловидное личико нѣсколько поблѣднѣло и похудѣло, а веселые, безпечные прежде глазки носили явные слѣды недавнихъ слезъ. Славная, вѣрная, она сдержала товарищеское слово и умудрилась подъ какимъ то предлогомъ урваться отъ дѣятельности нелѣпаго родительскаго деспотизма! Я засыпала Нисю вопросами самаго рѣшительнаго свойства.

— Скажи, милая Нися: любишь-ли ты хоть немного своего жениха?

— Нѣтъ, Лена, онъ внушаетъ мнѣ отвращеніе!

— Такъ какъ же хочешь ты выходить замужъ? Для чего же? Подумай сама, вѣдь вы оба несчастны будете... И мать твоя, и отецъ тоже не станутъ радоваться, видя твое несчастье...

Digitized by Google

Они же вѣдь любятъ тебя, хоть и по своему? И развѣ родители имѣютъ право требовать отъ своихъ дѣтей подобной жертвы? Нѣтъ, не обманывайся, Діонисія: вѣдь тутъ вопросъ цѣлой жизни... Вспомни, какъ мы глядѣли всегда на любовь, на бракъ, какіе обѣты давали другъ другу и самимъ себѣ. И ты хочешь измѣнить лучшему идеалу молодости? И такъ скоро!..

О, я была очень краснорѣчива. Нися рыдала... Ея граціозная фигурка такъ и дрожала вся отъ сдерживаемыхъ съ трудомъ всхлипываній. Сидя на скамейкѣ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ сада, я, точно старшая сестра, держала на своей груди ея прелестную курчавую головку и, лаская, продолжала въ то же время свои горячія увѣщанія. Нися клялась всѣмъ для нея святымъ, что она станетъ бороться, бороться до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, и что противный вдовецъ-докторъ съ зелеными усами скорѣе увидитъ ея гробъ, чѣмъ поведетъ ее съ собой въ церковь. Прощаясь, я еще разъ благословила Діонисію на борьбу съ рутиной и варварской подчиненностью женщины...

Разстались мы обѣ въ самомъ розовомъ настроеніи, съ гордо поднятыми головами, питая героическую рѣшимость цѣлый міръ вызвать на бой съ нашими чистыми и свѣтлыми стремленіями!

Съ соблюденіемъ все той же заговорщической осторожности, вернулась я съ Ленькой домой, и никто изъ посторонихъ такъ и не узналъ никогда о нашемъ таинственномъ похожденіи. Съ сіяющимъ лицомъ появилась я въ тотъ же вечеръ на городскомъ бульварѣ и, торжествуя, разсказала подругамъ о своей поѣздкѣ и славной побѣдѣ.

Въ началѣ приходили послѣ этого самыя отрадныя вѣсти: родители Ниси стали уступать, женихъ готовъ былъ, повидимому, совсѣмъ ретироваться. Но вотъ въ одинъ страшный день, съ быстротой молніи, пронесся по городу слухъ о томъ, что Нися Дическулъ уже обвѣнчана съ этимъ самымъ господиномъ. Волненіе кружка было неизобразимо! Сенсація вышла невѣроятная! Долгое время мы отказывались, впрочемъ, вѣрить дикому слуху, съ негодованіемъ отвергая его. Но онъ подтверждался со всѣхъ сторонъ, и всякія сомнѣнія сдѣлались, наконецъ, невозможными... Нися не выдержала борьбы, сила рутины побѣдила! Мы были сражены, опозорены!

Нѣсколько лѣтъ спустя, Нися явилась ко мнѣ съ визитомъ въ сопровожденіи прелестной дочурки, и я едва узнала прежнюю граціозную, вертлявую птичку-подругу въ той солидной свѣтской дамѣ, которую передъ собой увидала. Она была одѣта, какъ и встарь, нарядно и даже кокетливо, но, признаться, я нашла ее сильно... подурнѣвшей. Нися много и откровенно разсказывала мнѣ о своей неудачной семейной жизни; мы

Digitized by Google

долго вспоминали времена нашей свѣтлой юности и вмѣстѣ поплакали надъ ней и надъ собой...

XII.

Двадцать лѣтъ спустя.

Жизнь прожить—не поле перейти.

Прошла молодость, разбиты свѣтлыя мечты. Изъ далекаго, глухого угла, гдѣ я тяну теперь въ одиночествѣ лямку скучной и неблагодарной борьбы за насущный кусокъ хлѣба, я люблю улетать мечтой къ блаженной порѣ, когда все казалось такимъ простымъ и яснымъ, когда счастье жизни видѣлось прежде всего въ жертвѣ и подвигѣ, когда въ людей такъ вѣрилось, и такъ просто и вмѣстѣ такъ пламенно любилось... Съ жадностью ловлю я и собираю отовсюду малѣйшія свѣдѣнія о позднѣйшей карьерѣ друзей и героевъ моей первой молодости, и Богъ знаетъ что готова была бы отдать за то только, чтобъ повидать на минуту и свой милый, родной городокъ, посмотрѣть, что и съ нимъ сталось за эти долгіе промчавшіеся годы.

Жизнь со всего беретъ щедрую дань, какъ съ самаго низкаго, такъ и съ самаго возвышеннаго, и безпристрастіе требуетъ, чтобы, заканчивая свои воспоминанія, я сказала все, что знаю, о дальнѣйшей судьбѣ своихъ юныхъ товарищей, ничего не скрывая.

Съ Мохначевымъ я видѣлась еще одинъ разъ, спустя года четыре послѣ нашей первой разлуки. Совершенно случайно мы встрѣтились въ кіевскомъ вокзалѣ, я—проѣздомъ на родину, онъ—въ Петербургъ. Я первая узнала его по голосу и плохому выговору буквы *л* и страшно ему обрадовалась, также какъ и онъ мнѣ. Онъ обросъ бородой и сталъ несравненно солиднѣе прежняго; что касается взглядовъ, то онъ говорилъ со мной въ прежнемъ духѣ, ничуть не менѣе горячо и искренно, только, какъ показалось мнѣ, гораздо нетерпимѣе и категоричнѣе; при этомъ, подобно тому какъ раньше—окончаніе гимназическаго курса, теперь ставилъ полученіе академическаго диплома первымъ и основнымъ условіемъ для права быть общественнымъ дѣятелемъ; всѣ студенческія исторіи и волненія онъ называлъ нелѣпостью и идіотствомъ... Мы цѣлыхъ полдня пробродили по Кіеву, по Крещатику, сидѣли у памятника св. Владиміра, болтая о прошломъ, чистосердечно признаваясь другъ къ другу въ старыхъ грѣхахъ, я—въ своей любви къ нему, онъ—къ Лидіи Смѣнцевой. Мохначевъ уже зналъ въ то время, чѣмъ кончила его бывшая пассія... Но

Digitized by Google

прежде еще нѣсколько словъ о Мохначевѣ. Впослѣдствіи я слышала, что онъ благополучно кончилъ въ медицинской академіи курсъ, поступилъ куда-то въ земство и женился. Въ семейной жизни онъ, говорятъ, очень счастливъ; но еще отраднѣе было мнѣ услышать, что его очень любятъ паціенты-крестьяне, и что, значитъ, Мохначевъ сумѣлъ до конца остаться порядочнымъ, хорошимъ человѣкомъ. Что же касается до выступленія на арену какой-либо широкой общественной дѣятельности, то, очевидно, онъ счелъ нужнымъ и возможнымъ поставить себѣ какой-нибудь новый срокъ, напримѣръ, день, когда старшій сынъ его поступитъ въ гимназію, или что-нибудь въ этомъ родѣ...

Жизнь Лидіи Смѣнцевой сложилась очень грустно. Вскорѣ по окончаніи гимназіи она вышла замужъ за армейскаго поручика, который вслѣдъ затѣмъ поступилъ въ полицейскіе надзиратели. Имѣя уже двоихъ дѣтей, она была имъ брошена и, по слухамъ, очень бѣдствовала. Не смотря на все разочарованіе въ Смѣнцевой, въ глубинѣ души я долго еще питала къ ней старыя теплыя чувства, и однажды лѣтомъ, будучи на родинѣ, рѣшилась посѣтить свою любимую когда-то подругу. Я нашла Лидію въ очень бѣдной обстановкѣ, живущею замкнуто и грустно; визитомъ моимъ она, повидимому, была крайне недовольна: быть можетъ, ей было стыдно, что я вижу ее въ такомъ положеніи, ее, нѣкогда столь гордую, необыкновенную, загадочную, а теперь соломенную вдову околодочнаго... Она приняла меня сухо и холодно, и, посидѣвъ недолго, я ушла съ тѣмъ, чтобъ никогда уже больше не видѣться.

Любвеобильное сердце Тани Короновичъ такъ и не нашло себѣ отклика: замужъ она не вышла. Попасть на высшіе курсы, въ Петербургъ, тоже не удалось, потому что бѣдственное положеніе семьи, младшихъ сестеръ и братьевъ, чуть не умиравшихъ съ голоду, требовало немедленной матеріальной поддержки. И Таня, принося себя въ жертву, поступила сначала въ домашнія, а потомъ въ сельскія учительницы, гдѣ и до сихъ поръ продолжаетъ, кажется, служить. Угомонились-ли хоть сколько-нибудь бурные порывы ея юности? Примирилась ли она со своей скромной долей? Не знаю. Съ Вандой Грі-ельской по окончаніи гимназіи я не встрѣчалась и слышала только, что несчастная горбунья была заброшена судьбой куда-то въ Енисейскую губернію и тамъ умерла.

Гамлетическая натура Степы Осинцева не помѣшала ему хорошо устроиться въ жизни, выгодно жениться и сдѣлаться адвокатомъ, славящимся въ провинціи своей дѣловитостью и краснорѣчіемъ. Очевидно, «діалектикомъ обаятельнымъ» онъ остался до конца, но остался-ли «либераломъ-идеалистомъ», объ этомъ мои свѣдѣнія умалчиваютъ.

Digitized by Google

Но всѣхъ плачевнѣе и грустнѣе завершилъ свою карьеру мой «рыцарь безъ страха и упрека», врагъ авторитетовъ и сокрушитель эстетики, Ленька Доманскій. Не кончивъ курса въ университетѣ, изъ-за какихъ-то ничтожныхъ непріятностей онъ бросилъ Россію и очутился на улицахъ Парижа. Тамъ, живя грошовыми уроками и терпя страшную нужду, оставшись, кромѣ того, безъ поддержки дружескаго кружка, онъ вскорѣ сталъ ныть и разочаровываться во всѣхъ прежнихъ своихъ взглядахъ. Въ довершеніе несчастія, женился на невѣжественной и легкомысленной куклѣ-француженкѣ. Года же три тому назадъ до меня дошелъ печальный слухъ, что, не выдержавъ тисковъ нищеты и тоски по родинѣ, онъ застрѣлился.

Такъ грустно сложилась жизнь большинства моихъ первыхъ друзей. Что касается гимназическихъ подругъ, нашедшихъ себѣ безоблачное семейное счастье, то я должна сказать правду: тѣ изъ нихъ, которыя стояли ко мнѣ ближе и на память которыхъ я имѣла поэтому больше права разсчитывать, очень скоро и очень основательно позабыли даже о моемъ существованіи на свѣтѣ. Никто изъ нихъ, за всѣ годы разлуки, ни разу не подумалъ навѣстить мою старушку-мать, чтобы спросить ее о моемъ житьѣ-бытьѣ на чужбинѣ, передать теплое, ласковое слово бывшей подругѣ. Но тѣмъ отраднѣе бывало получать поклоны отъ такихъ далекихъ и нѣкогда даже враждебныхъ кружку «башибузуковъ» лицъ, какъ напр., «гордячка» Нина Бѣлохъ или «аристократка» Стася Лонцкая... Да, дорогъ и сладокъ каждый звукъ привѣта съ далекой родины, отъ спутниковъ не менѣе далекой молодости! Если бы вы знали объ этомъ, дорогіе друзья, вы чаще вспоминали бы товарищей, заброшенныхъ судьбой на край свѣта!

Примите же и мой привѣтъ всѣ, кто сохранилъ хоть тѣнь теплаго чувства къ свѣтлому прошлому, всѣ, въ комъ охлажденное годами сердце еще способно сладко забиться при звукахъ словъ, когда-то насъ окрылявшихъ и призывавшихъ къ дружной, честной работѣ!

Л. Мельшинъ.

Digitized by Google

Настоящее и будущее Китая*).

По общепринятому мнѣнію, какъ настоящее положеніе Китая, такъ и грядущія судьбы его далеко не удовлетворительны; но смѣю думать, что до сихъ поръ еще ни одинъ европеецъ не составилъ себѣ понятія о томъ, до какихъ предѣловъ дошла въ Китаѣ продажность, дѣлающая изъ него позоръ и угрозу націи, а также не знаетъ и размѣровъ бродящихъ въ ней скрытыхъ силъ, не подозрѣваетъ, что спасеніе его возможно не извнѣ, а изнутри.

Приводя хорошо извѣстные только китайцу факты, которые только имъ однимъ могутъ быть правильно истолкованы и важное значеніе которыхъ можно уяснить только при подробномъ ознакомленіи съ ними, я надѣюсь показать, что даже физическіе недуги Китая имѣютъ источникомъ своимъ нравственную порчу и что видимая неспособность и нежеланіе китайцевъ развивать богатыя внутреннія силы страны и отражать внѣшнее нападеніе не представляютъ собою врожденныхъ свойствъ ихъ, а являются всецѣло слѣдствіемъ искусственно созданныхъ причинъ и искусственныхъ тенденцій, задачу устраненія или смягченія которыхъ беретъ на себя партія реформы.

Слишкомъ часто забываютъ, что китайцы и китайское правительство—не одно и то же, что какъ тронъ, такъ и высшія должности, гражданскія и военныя, находятся въ рукахъ чужестранцевъ. Это обстоятельство всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, прежде чѣмъ ставить китайцамъ въ упрекъ тѣ особенности управленія, которыя стали тамъ господствующими, благодаря татарамъ, а тѣмъ паче при разсужденіи о возможности внутреннихъ преобразованій, которыя кореннымъ образомъ измѣнили бы управленіе, на что разсчитываютъ принадлежащіе къ партіи реформы. Все это сказано между прочимъ, но имѣть это въ виду необходимо при разсмотрѣ-

*) Статья эта, являющаяся плодомъ совмѣстной работы д-ра Сунъ-Ятъ-Сена и Эдвина Коллинса, помѣщена въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Fortnightly Review» и составитъ, быть можетъ, часть книги о Китаѣ, которую имѣютъ въ виду издать оба названные автора. Факты и мнѣнія въ ней принадлежатъ первому, а второй принимаетъ на себя отвѣтственность лишь за выборъ матеріала и за общую редакцію статьи.

Digitized by Google

ніи особенностей правительственнаго строя Китая, который я намѣренъ обрисовать.

Улучшить положеніе Китая можетъ лишь полная замѣна существующаго въ немъ совершенно гнилого режима введеніемъ хорошаго управленія и честной администраціи изъ природныхъ китайцевъ, сперва подъ руководствомъ европейцевъ, а затѣмъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при ихъ административномъ участіи. Однимъ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и примѣненіемъ другихъ продуктовъ вещественной европейской цивилизаціи—будь это даже такъ легко выполнимо, какъ думаютъ тѣ, кто возлагаетъ свои надежды на Ли-Хунгъ-Чанга — можно скорѣе ухудшить дѣло, открывъ новый доступъ къ лихоимству, мошенничеству и казнокрадству. Что въ этомъ нѣтъ преувеличенія въ интересахъ партіи реформы—видно будетъ съ достаточной ясностью послѣ того, какъ я приведу конкретные примѣры подобныхъ-же неудачъ въ прошломъ и опишу, на основаніи собственныхъ свѣдѣній и наблюденій, общественную и оффиціальную жизнь Китая съ мелочною подробностью, которая была бы утомительною, если-бы не вела къ обнаруженію поразительныхъ, почти невѣроятныхъ фактовъ.

Писаные законы Китая довольно хороши, а такъ какъ большая часть наиболѣе скверныхъ обычаевъ мудрымъ образомъ приводится въ согласованіе съ буквою закона, то и не удивительно, что большинство англичанъ, пребывающихъ въ Китаѣ лишь временно и ведущихъ сношенія преимущественно съ представителями тѣхъ именно классовъ, въ интересахъ которыхъ скрывать дѣйствительность, получаютъ очень неполное представленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Есть, правда, англичане, которымъ не чужда истина, но, въ большинствѣ случаевъ, они во всѣхъ отношеніяхъ не уступаютъ китайцамъ и представителямъ развращенной чиновничьей среды и являются, судя по извѣстнымъ мнѣ примѣрамъ, мандаринами изъ мандариновъ. О себѣ самомъ достаточно, если скажу, что раньше, чѣмъ приступить къ изученію медицины, я провелъ свои ранніе годы въ тѣсномъ общеніи съ представителями китайскаго оффиціальнаго міра, и друзья мои хлопотали о томъ, чтобы дать мнѣ возможность вступить на общественную должность, какъ сдѣлали за послѣдніе десять лѣтъ очень многіе изъ моихъ знакомыхъ. Такимъ образомъ, у меня была и полная возможность, и достаточно побудительныхъ причинъ, чтобы ознакомиться съ предметомъ, о которомъ теперь пишу.

Населеніе Китая страдаетъ отъ четырехъ великихъ и хроническихъ бѣдствій: голода, наводненій, эпидемій и необезпеченности жизни и имущества. Это всѣми признанная истина; но не всѣмъ, однако, извѣстно, до какихъ ужасающихъ размѣровъ доходятъ всѣ эти бѣдствія, не смотря на то, что первыя три предотвратимы и являются сами по себѣ слѣдствіями. Въ сущности, всѣ они зависятъ отъ одной, и только отъ одной, причины — и я не ошибусь,

Digitized by Google

сказавъ, что и всѣ бѣды Китая происходятъ отъ той-же причины—это всеобщая и глубокая продажность, на которую прямо ложится отвѣтственность и за голодъ, наводненія, эпидеміи, и за безнаказанно процвѣтающія огромныя шайки вооруженныхъ разбойниковъ и бандитовъ.

Можетъ показаться невполнѣ очевидною связь между чиновничьей развращенностью и такими стихійными явленіями, какъ эпидемія, недостатокъ пищи или некстати разлившаяся рѣка; тѣмъ не менѣе, связь здѣсь несомнѣнна, какъ несомнѣнна связь между причиною и слѣдствіемъ. Нельзя строго утверждать, чтобы какое нибудь изъ этихъ явленій необходимо вытекало изъ физическихъ свойствъ и климатическихъ особенностей страны или что оно является результатомъ безпечности и невѣжества народа; главная причина ихъ—продажность властей, въ значительной мѣрѣ отвѣтственныхъ и за невѣжество и безпечность народа, на которыя, безъ сомнѣнія, также ложится извѣстная доля вины.

Возьмемъ, въ видѣ примѣра, наводненія, происходящія отъ разлива Хвангъ-хо (Желтой рѣки). Существуетъ особое должностное лицо, именуемое Хо-тао-чунгъ-ту (вице-король надъ теченіемъ рѣки), съ большимъ штатомъ подвластныхъ чиновниковъ, на которое возложена спеціальная обязанность охранять и соблюдать въ порядкѣ берега рѣки и предохранять ее отъ случайностей, убѣждаясь въ достаточной высотѣ и прочности плотинъ. Чиновникъ этотъ служитъ почти безъ вознагражденія, и для полученія такой должности ему приходится затратить огромныя суммы. Понятно, что послѣ этого остается только изыскивать источники доходовъ, и сдѣлать это не трудно различными путями въ томъ случаѣ, если плотина прорвется и потребуетъ исправленія; поэтому онъ возлагаетъ всѣ свои упованія на наводненіе, не только не принимая мѣръ въ предотвращенію этого ужаснаго бѣдствія, опустошающаго цѣлыя провинціи и стоющаго тысячъ жизней, но даже употребляетъ извѣстныя средства, чтобы искусственно вызвать разливъ рѣки въ томъ случаѣ, если природа не слишкомъ торопится навстрѣчу его безпощадной алчности. Если дождей слишкомъ мало, чтобы заставить рѣку выйти изъ береговъ, то совершенно обычная вещь, что для поврежденія плотинъ отряжаются люди, и такимъ образомъ создается «непредвидѣнная случайность». Доходы изъ такой случайности извлекаются различными путями. Во первыхъ, съ населенія получается плата за самое исправленіе поврежденій; затѣмъ небезвыгодны бываютъ урѣзки при расплатѣ съ рабочими, а также наемъ меньшаго числа ихъ, чѣмъ отмѣчено для расплаты; въ третьихъ—удерживается на стоимости матеріаловъ и т. д. Вслѣдъ затѣмъ обнаруживается голодъ, принимающій размѣры обширнаго бѣдствія, благодаря опустошенію рисовыхъ полей, и начинаютъ притекать пожертвованія какъ со стороны правительства, такъ и отъ частныхъ благотворителей—пожертвованія, *никогда* не доходящія полностью до насе-

Digitized by Google

ленія, для котораго предназначаются. Подъ конецъ всегда слѣдуетъ еще награда «за общественныя заслуги» чиновникамъ, подъ наблюденіемъ которыхъ производилось исправленіе плотины.

Все это можетъ показаться слишкомъ невѣроятнымъ, но ходячая китайская поговорка гласитъ: «Лучшею заботой о Хвангъ-хо и лучшей защитою отъ наводненій было-бы отрубить всѣмъ чиновникамъ головы, а рѣку предоставить самой себѣ».

Голодовки въ Китаѣ происходятъ не отъ чрезмѣрной населенности и не отъ естественныхъ причинъ, обусловливающихъ нужду въ хлѣбѣ. Обыкновенно онѣ являются слѣдствіемъ непомѣрныхъ мѣстныхъ пошлинъ (liken), дополняемыхъ плохими и недостаточными путями сообщеній—отсутствіемъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, несовершенствами водяныхъ путей и искусственными помѣхами на нихъ. Всѣ эти вторичныя причины возникли, однако, какъ мы увидимъ сейчасъ, все въ томъ-же морѣ взяточничества и продажности, изъ гнилыхъ испареній котораго состоитъ вся злокачественная атмосфера нашего оффиціальнаго міра, окружающая мракомъ и самый пекинскій дворъ.

Въ настоящее время голодаетъ Квонгъ-си, бывшая прежде одною изъ самыхъ богатыхъ по производству риса китайскихъ областей, снабжавшая своими продуктами многія другія провинціи. Теперь богатыя рисовыя поля стоятъ невоздѣланными. Подати стали настолько чрезмѣрными, что крестьяне давно убѣдились въ убыточности сѣять больше того количества риса, которое необходимо для мѣстнаго продовольствія и можетъ быть немедленно продано на мѣстѣ. Здѣсь мы видимъ, какъ принципъ «свободной торговли», примѣненный лишь отчасти и притомъ извнѣ, повредилъ тому, чему онъ долженъ бы способствовать. До того, какъ торговый договоръ открылъ безпошлинный доступъ рису изъ Сіама и Аннама въ Квонгъ-твонгъ (Кантонъ), послѣдній всецѣло снабжался имъ изъ Квонгъ-си; теперь, съ устраненіемъ преградъ ко ввозу иностраннаго риса и при существованіи тяжелыхъ liken на продуктъ изъ Квонгъ-си, послѣдній совершенно вытѣсненъ съ рынка, и плодородныя поля пришли въ запустѣніе. Не смотря на то, что производство туземнаго риса могло бы обходиться гораздо дешевле иностраннаго, ликены совершенно разстроили земледѣліе въ Квонгъ-си, и въ нихъ слѣдуетъ видѣть причину настоящаго голода.

Нерѣдко также одна область страдаетъ отъ голода, тогда какъ въ сосѣдней, въ недалекомъ разстояніи, обильный урожай. Бѣдствующее населеніе не въ состояніи добыть себѣ пропитаніе за нѣсколько миль, благодаря отсутствію желѣзныхъ дорогъ и хорошихъ путей. Въ другомъ мѣстѣ я займусь этимъ предметомъ подробнѣе, а теперь скажу лишь, что тормазомъ къ надлежащему развитію рельсовой сѣти служитъ вовсе не врожденное суевѣріе среди массы населенія, какъ это принято думать, а все та-же развращенность чиновничьей среды и татарскій страхъ передъ реформой, въ связи

Digitized by Google

съ полной необезпеченностью вложенныхъ въ предпріятія капиталовъ. Почему-бы въ иномъ случаѣ оставаться безъ дальнѣйшихъ улучшеній водянымъ путямъ сообщенія, для развитія которыхъ имѣются на лицо прекрасныя естественныя условія и которые, между тѣмъ, въ дѣйствительности совершенно безполезны?—Отвѣтомъ на это можетъ служить слѣдующій происшедшій со мною случай, являющійся, однако, не болѣе, какъ типичнымъ примѣромъ.

Я находился въ городѣ Сьюкванъ, лежащемъ на Сѣверной Кантонской рѣкѣ, и намѣревался отправиться на лодкѣ въ сосѣдній городъ Ингъ-такъ, расположенный оттуда на разстояніи 30 — 40 англійскихъ миль, нормальная плата за которыя 5—6 таэлей. Однако, всѣ лодочники, одинъ за другимъ, отказывались везти меня даже тогда, когда я предлагалъ 20 таэлей, вслѣдствіе вполнѣ основательныхъ опасеній, что рѣчная полиція задержитъ ихъ для отправленія натуральной повинности. Чтобы понять это, нужно имѣть въ виду, что по закону всякій лодочникъ можетъ быть привлеченъ къ содѣйствію правительству по доставкѣ рѣкою, отъ города до города, арестантовъ вмѣстѣ съ конвоемъ. Кромѣ того, онъ долженъ ждать на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока арестантъ и стража будутъ готовы къ отправкѣ. Такая повинность служитъ предлогомъ къ очень стѣснительной системѣ поборовъ. Полиція не требуетъ денегъ: она попросту приказываетъ ждать, такъ какъ есть, молъ, арестантъ для отправки въ тотъ городъ, откуда пришлыхъ лодочниковъ. На самомъ дѣлѣ никакого арестанта можетъ и не быть, но въ этомъ бѣды никакой нѣтъ: если у лодочника не находится достаточно большой суммы, чтобы выкупить для себя позволеніе уѣхать—ему придѣтся прождать съ мѣсяцъ и больше, а тѣмъ временемъ арестантъ и объявится. Что именно опасеніе подобнаго вымогательства было причиною отказа со стороны лодочниковъ везти меня, видно изъ слѣдующаго: стоило мнѣ убѣдить ихъ, что я persona grata у властей Ингъ-така и могу гарантировать имъ неприкосновенность со стороны рѣчной полиціи, какъ одинъ изъ лодочниковъ немедленно взялся свезти меня туда за ничтожную плату въ 4 таэля.

Нѣкоторыя грузовыя суда, зафрахтованныя купцами, уже подкупившими таможенныхъ чиновниковъ (къ числу которыхъ относится и рѣчная полиція), освобождаются отъ этой повинности; однако, кромѣ взятокъ, имъ приходится уплачивать еще и очень крупныя пошлины, и въ общемъ получается такое обременительное обложеніе, которымъ парализуются всякія торговыя сношенія, какъ внутреннія, такъ и иностранныя.

Номинально пошлины не очень высоки, но если принять во вниманіе, что одинъ и тотъ-же товаръ приходится оплачивать пошлиною подрядъ много разъ и что всякая застава является сложною системою грабежа, то легко себѣ представить, какихъ размѣровъ достигаютъ расходы, прежде чѣмъ товаръ дойдетъ до потребителя. На такомъ небольшомъ пространствѣ, какъ разстояніе между

Digitized by Google

Фачаномъ и Кантономъ (около 12 англійскихъ миль) существуетъ всего одна настоящая таможня для взиманія пошлинъ, но зато по меньшей мѣрѣ четыре или пять «надзирательныхъ станцій», на которыхъ, въ случаѣ уклоненія отъ уплаты солидной взятки, товаръ будетъ умышленно трепаться подъ предлогомъ «досмотра», причемъ проволочки, задержки и притѣснительные поборы положительно отравляютъ жизнь купца, дѣлая невозможной прибыльную торговлю. Предположимъ, напримѣръ, что въ товарѣ оказалась бутыль съ масломъ, уже оплаченная пошлиною; если въ цертификатѣ упомянуто только «масло», то торговецъ будетъ обвиненъ въ попыткѣ провезти контрабандымъ путемъ «стеклянный товаръ» и можетъ подвергнуться аресту за покушеніе на обманъ властей, покуда не уплатитъ взятки.

Всѣ эти препятствія во внутреннихъ сношеніяхъ, помимо того, что обусловливаютъ нерѣдко въ Китаѣ голодъ, наносятъ также весьма крупный ущербъ европейской торговлѣ, которая въ настоящее время получила значительное развитіе въ открытыхъ, по договорамъ, портахъ и по рѣкѣ Янгъ-це; снабженіе европейскими товарами ограничивается, однако, лишь прилежащею къ нимъ узкою полосою, между тѣмъ какъ въ глубь страны они проникаютъ рѣдко. Представьте себѣ, въ какомъ положеніи обрѣталась бы торговля въ Англіи, еслибы на пути отъ Лондона до Брайтона не только приходилось бы многократно оплачивать товаръ пошлиною, но вдобавокъ и самому купцу подвергаться риску быть арестованнымъ, помимо вымогательствъ на каждой изъ пяти—шести промежуточныхъ станцій. Что должна испытывать англійская торговля въ Китаѣ, благодаря существованію системы внутреннихъ заставъ, можно видѣть по слѣдующему примѣру. Предположимъ, что партія англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій должна пройти отъ Кантона до Сьюквана, разстояніе приблизительно въ 200 миль. Передъ входомъ въ Кантонъ уплачено 5% морской пошлины; передъ выходомъ изъ Кантона приходится уплатить ликенъ городскимъ властямъ; въ Фаганѣ (въ разстояніи 12 миль) уплачивается опять пошлина; новая пошлина въ Синамѣ, еще черезъ 30 миль; пройдя 30—40 миль, еще пошлина—на Сѣверной рѣкѣ при Лупау, и наконецъ, «пошлина назначенія» на мѣстѣ, въ Сьюкванѣ. Въ добавленіе къ этимъ пяти настоящимъ таможнямъ, на которыхъ происходитъ взиманіе пошлинъ, товаръ проходитъ черезъ цѣлый рядъ «надзирательныхъ станцій», гдѣ, какъ указано выше, также практикуются взиманія. Понятно, что покуда товаръ попадетъ внутрь страны, цѣнность его увеличится гораздо больше, чѣмъ на 100 процентовъ, и не менѣе понятно также, что если только это не предметъ первой необходимости, продажа его станетъ практически невозможною.

Если даже и при такихъ условіяхъ Китай считался до сихъ поръ хорошимъ рынкомъ для сбыта англійскихъ товаровъ, то можно

Digitized by Google

себѣ представить, какія выгоды пріобрѣтетъ англійская торговля, если будутъ устранены и эти непомѣрныя пошлины, и эта система поборовъ.

Если наводненія и голодъ зависятъ скорѣе отъ искусственныхъ причинъ, чѣмъ отъ естественныхъ, то это же самое можетъ быть доказано и относительно эпидемій, которыя въ Китаѣ могли бы представлять не болѣе обычное явленіе, чѣмъ вездѣ. Климатъ нельзя назвать вреднымъ—по крайней мѣрѣ для туземцевъ—и въ сельскихъ округахъ населеніе пользуется въ общемъ прекраснымъ здоровьемъ. Эпидеміи возникаютъ исключительно въ городахъ, благодаря полному отсутствію въ нихъ чего бы то ни было въ родѣ оздоровленія или правительственной организаціи предупредительныхъ мѣръ. Почти во всѣхъ частяхъ Китайской имперіи сельскіе округа не знаютъ эпидеміи, покуда зараза не занесена изъ какого нибудь города, гдѣ населеніе скучено, гдѣ царитъ невозможная грязь и гдѣ жители принуждены пользоваться невѣроятно загрязненною водою.

Насколько и здѣсь все дѣло зависитъ отъ продажности властей—видно съ достаточной очевидностью на примѣрѣ водоснабженія. Собственно водоснабженія въ европейскомъ смыслѣ не существуетъ нигдѣ въ Китайской имперіи. Даже въ Кантонѣ и Шанхаѣ, сравнительно наиболѣе благоустроенныхъ городахъ, сточныя трубы направляются прямо въ рѣку, и какъ разъ въ томъ мѣстѣ, откуда берется питьевая вода! Въ Кантонѣ, лѣтъ съ десять назадъ, была основана китайская компанія съ цѣлью устройства водопроводовъ для снабженія города незагрязненною водою. Кажется, при такихъ задачахъ можно было бы по крайней мѣрѣ разсчитывать на пассивное невмѣшательство со стороны властей. Такъ нѣтъ: чиновничью алчность не устрашитъ даже страхомъ эпидеміи. Видный чиновникъ потребовалъ такую огромную взятку за разрѣшеніе начать какія бы то ни было работы, что компанія, бывшая не въ состояніи согласиться на его условія, принуждена была отказаться отъ предпріятія. Нѣсколько лѣтъ спустя въ Кантонѣ образовалась другая компанія, также изъ туземныхъ купцовъ. Называлась она «Компанія для удобренія» и имѣла цѣлью заключать контракты по очисткѣ всѣхъ улицъ города и полученные такимъ путемъ отбросы превращать въ удобреніе. Большинство населенія было въ такомъ восхищеніи отъ этого плана, что созывали по гильдіямъ митинги и выражали черезъ своихъ представителей желаніе вносить плату за предположенныя работы по очисткѣ; а такъ какъ, кромѣ того, общество не мало выручало бы отъ продажи удобреній, то несомнѣнно, что все сулило ему полный разцвѣтъ. Однако и тутъ вмѣшались мандарины и потребовали такую непомѣрную сумму, что и это предпріятіе также распалось.

Если даже такія коммерческія и промышленныя затѣи, которыя имѣютъ въ виду скорѣе интересы общественнаго здравія, чѣмъ

Digitized by Google

акціонеровъ, разбиваются о постыдную алчность гражданскихъ властей, то ни для кого не покажется удивительнымъ, что чисто торговыя предпріятія испытываютъ ту-же судьбу и что врядъ-ли нашелся бы капиталистъ, который рискнулъ бы своими деньгами въ странѣ, гдѣ правительство такъ-же мало заботится объ огражденіи правъ собственности жителей, какъ и объ ихъ жизни и здоровьѣ.

Еще очевиднѣе значеніе развращенности властей для жизни и собственности населенія всей страны обнаруживается въ потворствѣ образованію разбойничьихъ бандъ, о которыхъ я уже вскользь упоминалъ. Большинство разбойниковъ комплектуется изъ отпущенныхъ солдатъ, которые оставляются голодными, но вооруженными, нерѣдко за тысячи миль отъ родного дома. Правда, правительство назначаетъ каждому солдату опредѣленную сумму на дорожные расходы, но деньги эти обыкновенно попадаютъ къ офицеру, который попросту отпускаетъ солдата, предоставляя ему извернуться самому,—а извернуться и значитъ приняться за грабежъ населенія. Но есть также и другіе разбойники, которые находятся подъ покровительствомъ властей даннаго округа до тѣхъ поръ, покуда орудуютъ внѣ его предѣловъ. Еслибы мнѣ позволяло мѣсто, я могъ бы привести въ доказательство этого много любопытныхъ иллюстрацій. Я долженъ, однако, перейти къ другимъ предметамъ, а здѣсь отмѣчу лишь, что многіе изъ самыхъ опасныхъ разбойниковъ—солдаты, еще состоящіе на императорской службѣ, которые отправляются въ мародерскія экспедиціи, вывернувъ на изнанку свои куртки; если за ними снаряжается погоня, то они снова выворачиваютъ форму, и въ такомъ видѣ пользуются правомъ неприкосновенности. Какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ округахъ богатые люди держатъ собственную стражу, между тѣмъ какъ крупные фабриканты, владѣльцы плантацій, пассажирскихъ судовъ и проч. не только платятъ налогъ правительству, но также вносятъ ежегодную правильную контрибуцію атаманамъ разбойничьихъ шаекъ, въ обмѣнъ за неприкосновеность и защиту отъ нападеній. Полиція, или вѣрнѣе тѣ городскіе солдаты, которые якобы выполняютъ полицейскія обязанности, нерѣдко сами являются организаторами дерзкихъ и обширныхъ разбоевъ. Подобнаго рода случай произошелъ совершенно недавно въ Кантонѣ. Полицейскій надзиратель, вмѣстѣ со своими подчиненными, ограбилъ до чиста мѣстную шелко-ткацкую фабрику. Обратились за защитой къ губернатору, и тотъ наказалъ главарей... не разбоя, а жалобщиковъ.

Взяточничество, отъ котораго происходятъ всѣ эти бѣды, до такой степени всеобще, пустило такіе глубокіе корни, что какія либо частичныя и постепенныя реформы рѣшительно ни къ чему не поведутъ, и улучшенія можно было бы ожидать лишь отъ радикальнаго измѣненія всей административной системы. При на-

Digitized by Google

стоящихъ порядкахъ, чиновникъ, при намѣреніи остаться честнымъ, или былъ бы принужденъ идти по стопамъ своихъ безчестныхъ товарищей, или немедленно долженъ былъ бы оставить государственную службу. Взятки брать ему необходимо, чтобы имѣть возможность давать требуемую взятку своему начальству; и онъ долженъ потворствовать всякаго рода взяточничеству какъ среди своихъ подчиненныхъ, такъ и среди тѣхъ, кто занимаетъ болѣе высокія должности.

До какой степени все это неизбѣжно, будетъ очевидно изъ ознакомленія съ тѣми путями, которыми достигается возможность вступленія на государственную службу и движенія на ней.

Чтобы стать въ Китаѣ чиновникомъ и преуспѣвать на службѣ, существуютъ четыре способа:

Экзамены.

Военная служба.

Признаніе «выдающихся заслугъ».

Простая покупка.

Первый изъ этихъ способовъ—наиболѣе древній и, во всякомъ случаѣ, самый лучшій и честный. Въ прежніе годы, даже при господствѣ манджурской династіи, научные экзамены производились, въ общемъ, безпристрастно, и чиновникъ не могъ начать свою взяточническую карьеру, не пройдя курса наукъ и не сдавъ экзаменовъ. Но съ недавняго времени даже сюда проникла система подкуповъ, такъ что теперь вовсе не рѣдкость, что какой нибудь ученый, но безчестный профессоръ сдаетъ подъ разными именами одинъ экзаменъ за другимъ, вмѣсто дѣйствительныхъ «студентовъ», снискивая себѣ такимъ путемъ пропитаніе. Нерѣдко подкупаются также и сами экзаменаторы.

Сдавъ въ своемъ округѣ экзамены, дающіе ему право на полученіе первой степени, студентъ, черезъ трехгодичные промежутки, долженъ предстать послѣдовательно на экзамены для полученія второй и третьей степеней, сперва въ провинціальномъ центрѣ, а затѣмъ въ столицѣ. Получивъ третью степень, кандидатъ становится мандариномъ и пріобрѣтаетъ право занимать административныя должности. Съ этого момента обыкновенно и ведетъ свое начало лихоимство, безъ котораго выдержавшій хотя бы блистательнѣйшимъ образомъ экзамены имѣетъ столько же шансовъ на занятіе какой бы то ни было, даже самой пустой, должности въ государствѣ, какъ и полный невѣжда. По полученіи третьей степени приходится сдавать еще одинъ экзаменъ, въ самомъ Пекинѣ. Это такъ называемый «императорскій» экзаменъ, на основаніи котораго богдыханъ дѣлитъ кандидатовъ на три разряда: 1) товарищи императорской коллегіи, остающіеся въ Пекинѣ; 2) магистратскій разрядъ и 3) вовсе отвергнутые императоромъ. Попавшіе въ третій разрядъ или возвращаются къ частной жизни, или проникаютъ на должности однимъ изъ указанныхъ выше окольныхъ путей. Изъ вто-

Digitized by Google

рого разряда комплектуются городскія власти въ округа и всѣ должности внѣ Пекина—поскольку послѣднія заполняются лицами, прошедшими испытанія. Каждый изъ нихъ сразу-же отсылается въ главный городъ какой нибудь провинціи, съ возведеніемъ въ званіе «окружного судьи» и съ правомъ получить любое назначеніе, для котораго провинціальныя власти сочтутъ его годнымъ.

Немедленно по прибытіи онъ начинаетъ съ подкупа вице-короля и его подчиненныхъ, а такъ какъ случается, что многіе кандидаты попадаютъ въ одинъ и тотъ-же округъ, то немногія вакантныя должности предоставляются, естественнымъ образомъ, тому, кто дастъ больше. Но даже и въ томъ случаѣ, если конкуррентовъ на постъ не имѣется, онъ все-же долженъ дать взятку губернатору, который въ противномъ случаѣ можетъ до безконечности оттягивать назначеніе его на мѣсто. Тутъ ему не поможетъ даже спеціальная императорская грамата, которою отводится подъ его управленіе тотъ или иной округъ. Кандидатъ съ сильными родственными связями можетъ, правда, добиться нѣкотораго успѣха, жалуясь въ правительственныя учрежденія, въ Пекинѣ; но и то, чтобы оправдаться, губернатору совершенно достаточно отвѣтить, что такой-то «слишкомъ молодъ» или «недостаточно опытенъ» или что «на эту должность временно (т. е. на неопредѣленный періодъ) прикомандировано другое лицо, чтобы дать кандидату возможность ознакомиться пока съ ходомъ правительственныхъ и административныхъ дѣлъ». Если-же ему сразу удастся занять мѣсто, то къ концу третьяго года, совершенно механическимъ порядкомъ, онъ получаетъ повышеніе. Кромѣ того въ каждомъ округѣ бываетъ еще и «общая оцѣнка заслугъ», такъ что повышеніе за признанныя заслуги можетъ выпасть на долю и такого должностного лица, которое прослужило всего годъ или два. Эти трехгодичныя оцѣнки заслугъ служатъ для губернатора источникомъ большихъ доходовъ. Подвѣдомственные ему чиновники «выслуживаются» въ зависимости отъ размѣровъ той суммы, которую они ему выплачиваютъ, и если кто нибудь изъ нихъ вдругъ откажется дать губернатору взятку, то обязательно будетъ объявленъ «неспособнымъ къ продолженію службы» и уволенъ, а рѣшеніе губернатора безапелляціонно. При такихъ обстоятельствахъ порядочный человѣкъ почувствуетъ отвращеніе къ испорченной чиновничьей средѣ и уйдетъ; а дурной — быстро пойдетъ въ гору, подкупомъ добывая себѣ карьеру.

Передъ каждымъ повышеніемъ чиновникъ долженъ представиться императору. Это, однако, очень дорогая штука, такъ какъ никто не будетъ считаться пребывающимъ въ столичномъ городѣ, до тѣхъ поръ, покуда не дастъ взятку привратнику, который записываетъ его имя, въ качествѣ прибывшаго въ столицу, и надлежащимъ образомъ докладываетъ о его пріѣздѣ. Всѣмъ извѣстно, что во время послѣдняго посѣщенія Ли-Хунгъ-Чангомъ Пекина у него вышла огромная сумма денегъ—свыше милліона фунтовъ стерлинговъ—на

Digitized by Google

подарки и взятки; но я приведу еще два близко извѣстные мнѣ примѣра, которые, быть можетъ, болѣе отчетливо покажутъ читателю, до какихъ наглыхъ, неслыханныхъ размѣровъ доходитъ систематическое взяточничество въ Китаѣ.

Губернаторъ провинціи Кіангъ-су, близкій другъ принца Кунгъ, вознамѣрился воспользоваться огромнымъ вліяніемъ послѣдняго для того, чтобы проникнуть въ городъ, не давъ взятки привратнику. Когда онъ пришелъ къ своему августѣйшему другу, тотъ воскликнулъ: «Когда вы явились? Я совершенно отказываюсь понять ваше присутствіе; вѣдь вашего имени не было въ докладѣ Чунгъ-венъ-мена?»—и губернаторъ принужденъ былъ вернуться и, чтобы добиться пріема у принца Кунга, заплатить привратнику вдвое противъ обычной взятки. Еще болѣе удивительная вещь случилась съ Цо-Чунгъ-Тонгомъ, однимъ изъ нашихъ величайшихъ полководцевъ, подавившимъ магометанское возстаніе въ Туркестанѣ и присоединившимъ, такимъ образомъ, къ Небесной Имперіи территорію равную половинѣ самого Китая. Императоръ, высоко его цѣнившій, пожелалъ видѣть его и послалъ ему съ этою цѣлью особое приглашеніе на аудіенцію въ Пекинѣ. По прибытіи его къ городу, Чунгъ-венъ-менъ, или привратникъ, потребовалъ съ него 80,000 таэлей, но тотъ отказался отъ какой бы то ни было платы. Въ результатѣ даже и о его прибытіи не было сдѣлано оффиціальнаго доклада, и, послѣ того, какъ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Пекинѣ, дожидаясь аудіенціи, императоръ новымъ указомъ запросилъ, почему онъ до сихъ поръ не является. Въ отвѣтъ Цо-Чунгъ-Тонгъ изложилъ все дѣло, прибавивъ, что, издержавъ всѣ средства, какъ свои, такъ и своей семьи, на содержаніе солдатъ во время похода, онъ лишенъ возможности удовретворить такое требованіе и проситъ его, поэтому, всемилостивѣйше освободить отъ этого налога. Въ отвѣтъ богдыханъ заявилъ: «Это (т. е. пошлина въ пользу привратника) общій и древній обычай, вице-король, и главнокомандующій должны подчиняться ему, какъ и всѣ». Но такъ какъ Цо-Чунгъ-Тонгъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ денегъ, то его друзья устроили подписку, причемъ половина необходимой суммы внесена была самою вдовствующею императрицею.

Надѣюсь, что читатель проститъ мнѣ это длинное отступленіе, имѣвшее цѣлью уяснить отношеніе императорской власти къ практикуемому взяточничеству.

Обыкновенно никто изъ вновь назначенныхъ должностныхъ лицъ и не пытается уклониться отъ уплаты взятокъ, которыя однѣ только и могутъ открыть доступъ къ императору. Насовавъ цѣлой арміи придворныхъ чиновъ подношеній и взятокъ, онъ, наконецъ, удостоивается аудіенціи и получаетъ новый титулъ, скажемъ таотая или городского префекта. Съ каждымъ повышеніемъ приходится продѣлывать процедуру, подобную описанной выше, съ тою лишь разницей, что всякій разъ она обходится все дороже и дороже,—и все

Digitized by Google

это ради получения должности, въ сущности безмездной. Номинально, правда, каждой должности присвоено опредѣленное содержаніе; но эта оплата мало того, что непомѣрно ничтожна сравнительно съ тѣми издержками, которыя приходится нести, занимая извѣстный постъ, но и врядъ-ли вообще ее можно принимать въ соображеніе, по причинамъ, основательность которыхъ понять не трудно. При полученіи должностнымъ лицомъ содержанія изъ провинціальнаго казначейства, оно проходитъ черезъ столько рукъ и изъ него выплачивается столько комиссіонныхъ, что въ концѣ концовъ по назначенію поступаетъ не болѣе 30—40 процентовъ первоначальной суммы. Нерѣдко у чиновника испаряется такимъ путемъ все его годовое содержаніе, и ему приходится навѣки проститься съ нимъ, если онъ не съумѣетъ доказать, что его прошлогодній окладъ все еще лежитъ неприкосновеннымъ въ провинціальномъ казначействѣ. Такимъ образомъ, чиновникъ, съ годовымъ содержаніемъ въ 100 фунт. стерл., долженъ затратить изъ нихъ 60—70 фунт. только на то, чтобы добиться полученія жалованья.

Изъ всего этого можно видѣть, что хотя въ Китаѣ существуютъ оклады и есть даже особый вспомогательный фондъ, именуемый «поддержкою чистоты» и предназначенный для всѣхъ, состоящихъ на государственной службѣ, какъ гражданской, такъ и военной, въ дѣйствительности безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ чиновники, отъ перваго до послѣдняго, поставлены приблизительно въ такое-же положеніе, какъ и половые въ нѣкоторыхъ англійскихъ ресторанахъ, которые не только служатъ безъ вознагражденія, но и сами щедро платятъ хозяевамъ, единственно ради возможности пользоваться подачками.

Понятно, что немедленно по прибытіи въ свой округъ вновь назначенный таотай принимается за «нажиманіе» всѣхъ своихъ подчиненныхъ; дѣлается это не только въ тѣхъ видахъ, чтобы вознаградить себя за понесенныя издержки и чтобы прокормить себя, вмѣстѣ со своими многочисленными родственниками, земляками и приспѣшниками, но также и для того, чтобы подготовиться къ расходамъ при новомъ назначеніи, въ концѣ слѣдующаго трехлѣтія.

Если все это справедливо по отношенію къ тому разряду чиновниковъ, которые для вступленія на государственную службу пользуются сравнительно чистымъ и тернистымъ путемъ тяжелаго труда, дѣйствительныхъ, хотя и безполезныхъ занятій и научнаго экзамена, то какія-же средства приходится употреблять для этого людямъ, достигающихъ тѣхъ-же цѣлей иными, болѣе зазорными путями?

Быть можетъ, легче всего повышенія даются въ военной службѣ.

Такъ было, напримѣръ, съ Ли-Хунгъ-Чангомъ. Немедленно по сдачѣ третьяго экзамена, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться «внѣшнимъ чиновникомъ» (занимающимъ магистратскую должность въ округѣ) или «внутреннимъ чиновникомъ» (членомъ императорской коллегіи въ Пекинѣ), онъ вернулся домой, вступилъ, по протекціи отца мар-

Digitized by Google

киза Ценга, въ военную службу и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ уже назначенъ таотаемъ Фукина, тогда какъ для достиженія того-же поста порядкомъ обычнаго производства потребовалось бы шесть лѣтъ. Еще черезъ мѣсяцъ, ни разу даже не побывавъ въ Фукинѣ, онъ получилъ новое повышеніе, съ назначеніемъ на должность футая (губернатора) Каингъ-су. Благодаря своему положенію военнаго совѣтника, или секретаря, при маркизѣ Ценгѣ (генералъ-аншефѣ), онъ воспользовался случаемъ, чтобы предложить себя для замѣщенія вакантной должности, освободившейся послѣ убійства прежняго губернатора Каингъ-су. Генералъ, очень любившій его, отправилъ императору представленіе о его назначеніи, но подумавъ, сообразилъ, что хватилъ, быть можетъ, черезъ край въ своемъ покровительствѣ, такъ какъ на превращеніе таотая въ футая обыкновенно требуется по крайней мѣрѣ девять лѣтъ. Поэтому былъ посланъ второй гонецъ, чтобы вернуть представленіе, но слишкомъ поздно: Ли, предусматривая подобный случай, принялъ мѣры для отправки перваго курьера скорою почтой.

Съ помощью генерала Гордона и другихъ иностранцевъ, Ли-Хунгъ-Чангу удалось избавить свою новую провинцію отъ тайпинговъ, и вскорѣ онъ былъ возведенъ въ достоинство вице-короля. Не буду здѣсь разсказывать о томъ, какими путями Ли-Хунгъ-Чангу удалось скопить свое, хорошо всѣмъ извѣстное, огромное состояніе. Въ Тянь-Цзинѣ, какъ разъ передъ началомъ японской войны, я имѣлъ случай ознакомиться съ однимъ изъ источниковъ, откуда чиновники черпаютъ свои богатства. Служащіе всѣхъ ранговъ, гражданскіе и военные, стекались туда изъ всѣхъ частей имперіи, съ цѣлью получить командованіе, но для того, чтобы ихъ просьбы могли дойти до Ли-Хунгъ-Чанга, имъ приходилось выплачивать огромныя взятки его приближеннымъ.

Послѣ того, какъ искателю удалось добиться назначенія на военный постъ и приказъ объ этомъ уже изготовленъ и находится въ рукахъ секретаря ямуна, необходимо взять его оттуда, на что приходится затратить различную сумму, въ зависимости отъ важности назначенія. Получивъ бумагу, офицеръ немедленно же начинаетъ съ того, что продаетъ всѣ подвѣдомственныя начальственныя должности. Чтобы купить командованіе въ арміи, необходимо, однако, имѣть какой нибудь военный чинъ; но сейчасъ мы увидимъ, какими курьезными способами добываются нерѣдко эти чины. Весьма обычная, напримѣръ, вещь, что человѣкъ, не видѣвшій въ своей жизни ни одного сраженія, производится въ чинъ полковника. Въ видѣ иллюстраціи приведу одинъ изъ множества подобныхъ случаевъ, который мнѣ пришлось наблюдать непосредственно.

Одинъ молодой человѣкъ изъ моего роднаго города поступилъ въ военную службу и, путемъ участія въ жаркихъ сраженіяхъ и дѣйствительныхъ заслугъ, достигъ чина бригаднаго генерала; со всякимъ его производствомъ вмѣстѣ съ нимъ получалъ также повы-

Digitized by Google

шеніе и его братъ, многіе годы не видѣвшійся съ нимъ и занимавшій мирную должность повара въ одномъ изъ отдаленныхъ притоновъ для куренія опіума. Происходило это слѣдующимъ образомъ. Каждый разъ, какъ нашъ воинъ отличался въ какомъ нибудь дѣлѣ, онъ доносилъ о воображаемыхъ подвигахъ храбрости, совершенныхъ его братомъ, и его слова принимались къ свѣдѣнію. Въ одинъ прекрасный день поваръ, никогда въ жизни не видавшій сраженія, прочелъ въ «Газетѣ» свое имя и съ удивленіемъ узналъ, что возводится въ чинъ полковника императорскихъ силъ.

Военная служба во многихъ отношеніяхъ очень выгодна для офицеровъ. Они набираютъ себѣ столько народа, сколько пожелаютъ, и наличное число солдатъ всегда значительно меньше того, на которое имъ выдаются деньги. Въ среднемъ численность арміи составляетъ приблизительно 70 процентовъ того числа людей, которые номинально значатся на службѣ и на которыхъ выдается жалованье— и это даже у сравнительно честныхъ офицеровъ Ли-Хунгъ-Чанга; обыкновенно-же 100 солдатъ на бумагѣ соотвѣтствуютъ сорокапятидесяти во плоти. Во дни смотровъ офицеры нанимаютъ извѣстное число «поденныхъ» солдатъ, придавая отряду, такимъ образомъ, исправный видъ. Но и помимо операціи съ фиктивными солдатами нѣтъ недостатка въ источникахъ дохода. Солдатамъ—живымъ, конечно, — необходимо форменное платье, необходима пища; снабженіе какъ тѣмъ, такъ и другимъ находится въ рукахъ офицеровъ и производится по грабительскимъ цѣнамъ; такъ что изъ ежемѣсячнаго содержанія въ пять таэлей, выдаваемаго правительствомъ солдату, въ карманъ послѣдняго попадаетъ едва пятая часть. Это относится, однако, лишь къ солдатамъ, которые вербуются на военное время и распускаются, какъ только война окончилась, гдѣ бы они ни находились въ это время, обыкновенно даже безъ всякихъ средствъ на дорогу для возвращенія домой; этимъ именно путемъ и поддерживается постоянно во всей имперіи достаточный контингентъ вооруженныхъ разбойниковъ. Что касается солдатъ, составляющихъ войско въ мирное время, то за исключеніемъ манджурскаго гарнизона, имъ полагается до такой степени нищенская плата, что, собственно говоря, военная сила Китая существуетъ только на бумагѣ. Солдаты вносятся въ списки, имъ регулярно выплачивается жалованье—около трехъ шиллинговъ въ мѣсяцъ, а затѣмъ почти никакого отношенія къ войску они уже не имѣютъ. Немногочисленная стража при городскихъ воротахъ существуетъ исключительно взятками. Зато хорошо держится манджурское войско, находящееся подъ командою татарина-генерала; но это войско не принимаетъ участія въ войнѣ и предназначается лишь для охраны городовъ противъ китайскихъ мятежниковъ. Они занимаютъ отдѣльный отъ китайцевъ кварталъ и нерѣдко производятъ ничѣмъ не вызванныя нападенія на нихъ. Стычки между китайцами и татарскими солдатами представляютъ обычное явленіе, а такъ какъ гражданскіе законы противъ послѣд-

Digitized by Google

нихъ безсильны, то для нихъ эти нападенія проходятъ совершенно безнаказанно.

Я уже достаточно выяснилъ, что производство за военныя заслуги является въ Китаѣ, въ большинствѣ случаевъ, не болѣе, какъ благовиднымъ способомъ пріобрѣтенія, посредствомъ покупки, какой нибудь должности; слѣдующій фактъ еще очевиднѣе подтверждаетъ это. Китайскіе генералы имѣютъ обыкновеніе представлять къ производству значительное число такихъ солдатъ, которые существуютъ только въ ихъ воображеніи. Этимъ путемъ они сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ много указовъ о производствѣ не существующихъ солдатъ, носящихъ наиболѣе обыкновенныя китайскія имена. Какой нибудь фиктивный капралъ Смитъ или рядовой Джонсъ регулярно производятся въ слѣдующій чинъ, такъ что со временемъ у генерала скапливается цѣлая коллекція назначеній на различныя военныя должности, готовыхъ для продажи всякому, кто только подходитъ по имени, скажемъ, подъ Смита или Джонса, и кто не прочь заплатить за это установленную цѣну. Обыкновенные солдаты, предпочитающіе почему либо деньги чину, также нерѣдко мѣняютъ свои имена и продаютъ дипломы людямъ, которые готовы пріобрѣсти военное званіе одновременно путемъ купли и перемѣны имени. Такъ что, въ сущности, трудно отличить «производство за военныя заслуги» отъ четвертаго способа пріобрѣтенія оффиціальной должности, т. е. простой покупки. Здѣсь, однако, соблюдается нѣкоторая кажущаяся благовидность, а въ иныхъ случаяхъ и дѣйствительно имѣютъ значеніе извѣстныя общественныя заслуги.

Третій путь успѣха въ жизни — «производство за особыя отличія»—еще менѣе честенъ, что едва ли нужно доказывать, такъ какъ представленія объ «особыхъ отличіяхъ» дѣлаются чиновниками-же, поголовно падкими до взятокъ и основывающими на нихъ свое благополучіе, и, за исключеніемъ родственниковъ или сородичей, они готовы увидѣть «особыя отличія» у всякаго, кто съумѣетъ протереть имъ глаза золотомъ.

Четвертый способъ вступленія на государственную службу — простая покупка должности — вполнѣ признается закономъ и съ каждымъ годомъ получаетъ все большее распространеніе. Даже такіе высокопоставленные чиновники, какъ покойный посолъ въ Соедин. Штатахъ Чангъ, при вступленіи на государственную службу не сдаютъ экзаменовъ, а по просту покупаютъ первую должность.

Когда правительство нуждается въ деньгахъ для покрытія экстренныхъ расходовъ, то оно «открываетъ подписку», и каждый, внесшій извѣстную сумму—получаетъ чинъ. Нерѣдко также образуются компаніи для уплаты взятокъ и другихъ расходовъ по пріобрѣтенію государственной должности. Одинъ изъ членовъ такой компаніи получаетъ мѣсто, а другіе дѣлятъ съ нимъ прибыли. Въ другихъ случаяхъ мѣтящій на какую нибудь должность прибѣгаетъ

Digitized by Google

къ займу и черезъ короткое время безъ труда уплачиваетъ свой долгъ вмѣстѣ съ процентами.

Вступленіе на гражданскую службу путемъ купли обходится въ Китаѣ нѣсколько дороже, чѣмъ посредствомъ экзаменовъ; въ остальныхъ отношеніяхъ шансы для кандидатовъ обоего рода одинаковы. Разъ имѣется чинъ окружного судьи и должность куплена—дальнѣйшее служебное движеніе идетъ уже описаннымъ выше порядкомъ.

Я пытался здѣсь показать, что испорченность, взяточничество, кумовство, беззастѣнчивая торговля положеніемъ и вліяніемъ составляютъ въ Китаѣ не случайное явленіе, не результатъ исключительной алчности какого нибудь лица, исключительныхъ условій и соблазновъ, но что они всеобщи, что при настоящемъ режимѣ единственное условіе службы — какъ гражданской, такъ и военной, какъ въ высокихъ, такъ и въ низкихъ должностяхъ — это неисправимая безнравственность, и что отказъ отъ лихоимства равносиленъ отказу отъ самой общественной службы.

И даже отъ обновленія состава должностныхъ лицъ нельзя ожидать никакого улучшенія, покуда самая обстановка службы исключаетъ всякую возможность оставаться честнымъ. Тщетно также ждать перемѣнъ и отъ распространенія образованія, такъ какъ правящіе классы не только заинтересованы въ поддержаніи невѣжества среди массы народа, но и сами они совершенно невѣжественны, многіе среди нихъ даже безграмотны, и даже прошедшіе чрезъ испытанія обучены только безполезной «литературѣ и литературному слогу въ сочиненіи», оставаясь полными невѣждами въ сферѣ мірскихъ дѣлъ, не имѣющими понятія ни о потребностяхъ, ни о богатствахъ родной страны, ни даже о законахъ, стражами которыхъ, отъ ихъ лица, являются нищенски оплачиваемые секретари.

Послѣ всего, что было сказано относительно условій, въ которыхъ находится армія, и о тѣхъ путяхъ, какими достигается и ведется управленіе ею, быть можетъ излишне объяснять, что не отсутствіе храбрости и патріотизма у природныхъ китайцевъ, а господство неисправимо ложной системы, которой придерживаются ихъ татарскіе правители, виною того, что Китай представляетъ собою готовую добычу для всякой иной націи, а также и той легкости, съ которою насъ одолѣли японцы. Могу сослаться, въ видѣ примѣра, на попытку преобразованія флота подъ руководствомъ англійскаго адмирала Ланга, который не справился со своею задачей единственно по той причинѣ, что присутствіе неподкупнаго офицера оказалось невыносимымъ и повело къ интригѣ и цѣлому ряду оскорбленій, вызвавшихъ его устраненіе. О томъ, какимъ образомъ подкупность правителей отражается на подготовленности Китая къ отраженію внѣшняго нападенія, можно судить по слѣдующему факту, имѣвшему мѣсто незадолго до начала японской войны. Молодой морской офицеръ, одинъ изъ моихъ личныхъ дру-

Digitized by Google

зей, вскорѣ послѣ того съ отвращеніемъ бросившій службу, разсказывалъ мнѣ, какъ ему только-что пришлось дать свою подпись по пріемкѣ нѣсколькихъ тоннъ угольной пыли, записанной и оплаченной подъ видомъ пороха! Могу къ этому добавить, что офицеры, служащіе на правительственныхъ канонеркахъ, фактически владѣютъ монополіей контрабанды и на этомъ поприщѣ дѣлаютъ большія и доходныя дѣла; а для южной эскадры все занятіе въ томъ только и состоитъ, что она катаетъ мандариновъ съ ихъ семействами, да занимается контрабандою.

Въ Англіи принято, повидимому, думать, что для Китая начнется обновленіе и станетъ возможнымъ развитіе ея естественныхъ силъ, какъ только Ли-Хунгъ-Чангъ и другіе, сознавъ пользу желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, европейской военной и морской организаціи и проч. и проч., примутся за просвѣщеніе своихъ соотечественниковъ и попытаются ввести въ Китаѣ весь этотъ культурный механизмъ. Эти надежды столь-же основательны, какъ и надежды на то, что каннибалы обратятся въ вегетеріанцевъ, какъ только имъ будутъ предложены серебряныя вилки и шеффильдскіе ножи.

Одинъ или два конкретныхъ примѣра, быть можетъ, лучше уяснятъ дѣло, чѣмъ многіе доводы.

Европейскія нововведенія практикуются втеченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. У насъ есть арсеналы и доки, открытые въ Тяньцзинѣ, Фучоу и Шанхаѣ; есть желѣзная дорога между Тяньцзинемъ и Шанъ-хай-кваномъ; есть военныя и морскія школы въ Тяньцзинѣ и Нанкинѣ; по всей имперіи проведены телеграфы; въ морскихъ и рѣчныхъ гаваняхъ стоятъ пароходы, казенные и купеческіе,—и все-таки нѣтъ улучшенія, и нѣтъ на него надежды, несмотря на всѣ эти нововведенія. Въ арсеналахъ настоящей работы не дѣлается, а создается лишь огромное число должностей и прибыльныхъ контрактовъ. Опытные спеціалисты по разнымъ отдѣламъ, инженеры и проч получаютъ скудное содержаніе и не имѣютъ абсолютно никакого права голоса въ веденіи того дѣла, въ которомъ свѣдущи, подчиняясь всецѣло «высшимъ» чиновникамъ, не только невѣжественнымъ, но и не имѣющимъ времени чему-нибудь научиться, такъ какъ быстро получаютъ новыя назначенія, а свои мѣста уступаютъ другимъ. Это временное начальство отдаетъ противорѣчивыя распоряженія, которымъ опытные техники обязаны подчиняться. По отношенію къ мануфактурной промышленности, если что и сдѣлано до сихъ поръ въ Китаѣ для насажденія ея, то все это ведетъ лишь къ истребленію сырья. Нѣсколько измѣнилось въ этомъ отношеніи дѣло лишь съ тѣхъ поръ, какъ чиновники убѣдились, что для нихъ выгоднѣе держать въ своихъ рукахъ поставку оружія и амуниціи, такъ какъ это и само по себѣ прибыльно, да и комиссія хорошо оплачивается.

Проведеніе телеграфныхъ линій началось по иниціативѣ купцовъ,

Digitized by Google

отъ разрѣшенія правительства, а затѣмъ перешло въ руки послѣдняго. Съ тѣхъ поръ всѣ мѣстныя должности комплектуются по протекціи и по кумовству, и никакихъ годичныхъ отчетовъ не выпускается. Производство ремонта и здѣсь, какъ на рѣкахъ, очень прибыльное дѣло. Отъ проведенія новыхъ линій поживиться обыкновенно почти не приходится, такъ какъ весь матеріалъ поставляется центральнымъ управленіемъ; но кое-что и тутъ перепадаетъ. Бывающіе въ Китаѣ иностранцы удивляются, по какимъ соображеніямъ въ сельскихъ округахъ телеграфные столбы сдѣланы короче, чѣмъ въ городахъ? Въ дѣйствительности всѣ они дѣлаются одной длины и въ такомъ видѣ отправляются въ провинцію; мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ происходитъ укороченіе: до установки каждаго столба на мѣсто, завѣдующій отрѣзаетъ отъ него нѣсколько футовъ и сбываетъ дерево мѣстному плотнику. Принято думать, что главнымъ препятствіемъ къ проведенію телеграфныхъ линій и желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ служитъ суевѣріе и консерватизмъ,—это пустяки. Когда въ Хунанѣ былъ устроенъ первый телеграфъ, толпа, дѣйствительно, немедленно сокрушила столбы и проволоки, и оффиціально было объявлено, что массы слишкомъ враждебно настроены къ иностранцамъ, чтобы допустить подобныя нововведенія. Настоящая причина заключалась вовсе не въ этомъ. Завѣдующій работами не уплатилъ рабочимъ всѣхъ денегъ,—послѣдніе и начали безпорядки и разрушили плоды своихъ неоплаченныхъ трудовъ. Не народъ, а чиновники враждебно настроены къ иностранцамъ; татары, а не природные китайцы. И это тѣ самые чиновники, которыхъ Англія защищала отъ тайпиновъ, которые подстрекали чернь къ возстаніямъ противъ христіанъ и къ звѣрствамъ, покрывшимъ китайскій народъ позоромъ. Чоу-Ханъ—знаменитый агитаторъ противъ иностранцевъ — таотай и считается въ правящихъ классахъ однимъ изъ величайшихъ героевъ Китая. Народъ цѣнитъ тяньцзинскую желѣзную дорогу, и движеніе по ней большое, но она обанкрутилась, потому что находится въ рукахъ безчестной администраціи, ведущей дѣло такимъ образомъ, чтобы можно было прикарманивать всѣ прибыли; ясно, что китайскіе капиталисты, понимающіе, въ чемъ дѣло, не очень склонны вкладывать свои деньги въ подобныя предпріятія. Такъ какъ новыя дороги строятся исключительно на русскія и китайскія деньги, то не трудно предвидѣть, кто будетъ поддерживать и контролировать линію.

Первая пароходная компанія была основана извѣстнымъ коммерсантомъ Тонгъ-Кингъ-Сингомъ, и первое время не допускалось никакое правительственное вмѣшательство. Предпріятіе оказалось выгоднымъ, и правительство перевело его на себя, какъ оно поступаетъ со всякимъ частнымъ дѣломъ, лишь только оно начинаетъ сулить прибыли; и вотъ въ пароходной компаніи воцаряется та-же продажность, какъ и въ любомъ правительственномъ департаментѣ; — всякая должность начинаетъ оплачиваться взяткою. Очевидно, Китай

Digitized by Google

не можетъ быть реформированъ введеніемъ вещественной цивилизаціи,—необходимо искоренить въ немъ чиновническую продажность, которая съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ. То, что лѣтъ десять назадъ считалось еще постыднымъ, становится теперь вполнѣ обычнымъ дѣломъ. Никогда, до самаго недавняго времени, не бывало установленной таксы на взятки съ цѣлью полученія оффиціальныхъ должностей; теперь-же власти дошли до такихъ предѣловъ безстыдства, что, напримѣръ, покойный вице-король Ли-Ханъ-Чангъ (братъ Ли-Хунгъ-Чанга) установилъ правильную расцѣнку всѣхъ должностей въ двухъ провинціяхъ Квангъ-си и Квангъ-тунгъ.

Весь народъ китайскій готовъ къ перемѣнамъ; среди него много честныхъ людей, которые охотно посвятили бы себя общественной службѣ. Армія до такой степени продажна, что еслибы даже она и не была въ значительной мѣрѣ проникнута симпатіями къ партіи реформы, то и тогда представляла бы плохую опору для правительства. Если и слѣдуетъ кого опасаться партіи реформы, такъ это манджурскихъ солдатъ да близорукаго или корыстнаго вмѣшательства иностранцевъ. Одною изъ причинъ, побудившихъ меня приняться за эту статью, и было желаніе показать, что въ интересахъ какъ Европы вообще, такъ и, въ частности, Англіи, дать намъ возможность добиться успѣха. Только манджурскіе и монгольскіе элементы населенія, да еще чиновники, существованіе которыхъ связано съ существованіемъ теперешней системы, враждебны по отношенію къ другимъ расамъ; и если чистокровные китайцы будутъ предоставлены самимъ себѣ, если имъ дадутъ возможность залѣчить язвы родной страны — это будетъ мирный народъ, готовый жить со всѣми въ ладу и дружбѣ.

Потребовалась бы отдѣльная статья, чтобы подробно ознакомить читателя съ идеалами и стремленіями партіи реформы. Здѣсь-же достаточно будетъ сказать, что для того, чтобы дать намъ возможность замѣнить настоящую систему иною, безъ господства продажности, достаточно, если Великобританія и другія державы сохранятъ по отношенію къ намъ дружественный нейтралитетъ. Если торговля ихъ и пострадаетъ временно, то вскорѣ она вновь возродится въ лучшемъ видѣ. Вмѣстѣ съ развитіемъ естественныхъ богатствъ Китая, которыми будетъ облагодѣтельствованъ весь міръ, реформа правительства, администраціи и войска сдѣлаетъ его несокрушимымъ съ внѣшней стороны и предовратитъ разложеніе, которое, подобно разложенію Турціи, неизбѣжно вызвало бы современемъ серьезныя осложненія въ Европѣ.

Сунъ-Ятъ-Сенъ.

Digitized by Google

ЖРЕЦЫ.

Романъ.

I.

Былъ первый часъ на исходѣ славнаго солнечнаго морознаго декабрскаго дня.

Въ скромно убранной столовой маленькаго деревяннаго особнячка въ одномъ изъ переулковъ, прилегающихъ къ Пречистенкѣ, за небольшимъ столомъ, умѣло и опрятно сервированнымъ, другъ противъ друга сидѣли за завтракомъ мужъ и жена: Николай Сергѣевичъ Зарѣчный, тридцатипятилѣтній красивый брюнетъ, профессоръ, лѣтъ восемь какъ подающій большія надежды въ ученомъ мірѣ, и Маргарита Васильевна, изящная блондинка ослѣпительной бѣлизны, казавшаяся гораздо моложе своихъ тридцати лѣтъ, похожая на англичанку и необыкновенно привлекательная одухотвореннымъ выраженіемъ строгой цѣломудренной красоты своего худощаваго, словно выточеннаго энергичнаго лица. Свѣтлорусые волосы были гладко зачесаны назадъ и собраны въ коронку на красиво посаженной, гордо приподнятой головѣ.

Ткань чернаго шерстяного лифа обрисовывала стройный станъ и тонкую, какъ у молодой дѣвушки, талію. Воротникъ бѣлоснѣжнаго рюша обрамлялъ шею. На маленькой тонкой рукѣ одиноко блестѣло обручальное кольцо.

Профессоръ весь былъ поглощенъ завтракомъ.

Наканунѣ онъ вернулся домой поздно и въ нѣсколько веселомъ настроеніи съ какого-то ученаго засѣданія, окончившагося, какъ водится, ужиномъ въ Эрмитажѣ и шумными и горячими разговорами о томъ, что скверно живется. Всталъ онъ въ двѣнадцатомъ часу и сѣлъ завтракать позже обыкновеннаго. Въ два часа Николай Сергѣевичъ долженъ былъ поспѣть въ университетъ, и потому, наскоро проглотивъ рюмку водки, онъ торопливо и молча принялся за огромный кровяной сочный бифстексъ, предварительно облюбовавъ его глазами, загорѣвшимися плотоядным огонькомъ чревоугодника.

Digitized by Google

Онъ ѣлъ съ жадностью человѣка, любящаго покушать, но у котораго нѣтъ времени свершать культъ чревоугодія какъ бы слѣдовало, не спѣша, и громко чавкалъ среди тишины, царившей въ столовой, по временамъ смолкая, чтобы выпить изъ большого бокала пива.

Жена почти ничего не ѣла.

Серьезная и, казалось, сосредоточенная на какой-то мысли, она лѣниво отхлебывала изъ маленькой чашки кофе и по временамъ взглядывала на мужа.

И эти взгляды сѣрыхъ вдумчивыхъ глазъ, осѣненныхъ длинными рѣсницами, свѣтились не любовью и не лаской, а холоднымъ, внимательнымъ выраженіемъ безстрастнаго наблюдателя, казалось, не столько взволнованнаго, сколько заинтересованнаго любопытнымъ открытіемъ; точно объектомъ наблюденія молодой женщины былъ посторонній человѣкъ, а не этотъ, близкій ей по праву, плотный, широкоплечій, здоровый красавецъ-брюнетъ въ своемъ потертомъ вицъ-мундирѣ, съ крупными и мягкими чертами нѣсколько полноватаго и жизнерадостнаго лица, отливавшаго румянцемъ, съ черной, какъ смоль, гривой волнистыхъ волосъ, закинутыхъ небрежно назадъ и оставляющихъ открытымъ высокій, большой лобъ, нѣсколько полысѣвшій у висковъ, съ кудрявой бородой и пушистыми усами, изъ подъ которыхъ сверкали ослѣпительно бѣлые зубы.

Зарѣчный былъ безспорно хорошъ, и вся его крупная фигура невольно обращала на себя вниманіе. Не даромъ же на его талантливыя публичныя лекціи всегда собиралось множество дамъ и дѣвицъ, желавшихъ взглянуть на этого черноброваго, румянаго красавца-профессора, пріятный и звучный тенорокъ котораго такъ ласкалъ слухъ.

А между тѣмъ лицо его казалось теперь Маргаритѣ Васильевнѣ далеко не такимъ смѣлымъ и умнымъ, съ печатью дара Божія на челѣ, какимъ два года назадъ и еще недавно, совсѣмъ недавно... Она точно смотрѣла на него другими очами и видѣла въ немъ что-то самоувѣренное, грубоватое и пошловатое, чего не замѣчала раньше или, быть можетъ, не хотѣла замѣчать.

А теперь ей точно хотѣлось все распознать въ своемъ мужѣ, и она съ какимъ-то злорадным мужествомъ смѣлаго человѣка, наказывающаго себя за обманутыя ожиданія, старалась подмѣтить всякую черту, подтверждавшую ея новое откровеніе.

«Какъ она наказана за свою увѣренность, что хорошо узнаетъ людей. Какой туманъ тогда нашелъ на ея глаза?»

И въ головѣ ея невольно пронеслось все то, что было два года тому назадъ и въ эти два года...

Digitized by Google

Ей было двадцать семь лѣтъ, она повидала свѣтъ и людей, когда пріѣхала въ Россію, сперва на холеру, а потомъ къ теткѣ въ Москву изъ-за границы, гдѣ доканчивала свое образованіе послѣ высшихъ курсовъ въ Петербургѣ. Она ѣхала на родину, чтобъ осмотрѣться, добыть себѣ кусокъ хлѣба и найти интересныхъ и значительныхъ людей, которыхъ она напрасно искала раньше въ Петербургѣ и въ Парижѣ и въ Женевѣ среди разныхъ кружковъ. Ухаживателей было много, но особенно интересныхъ, которые заставили бы молодую дѣвушку отдать свою душу и вмѣстѣ работать, никого. Въ Москвѣ, благодаря теткѣ, она познакомилась съ интеллигентными кружками и не нашла своего героя среди многочисленныхъ поклонниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Зарѣчный. Никто ей не нравился, никто не заставлялъ сильнѣе биться ея сердце, никто не отвѣчалъ на ея запросы: что дѣлать? какъ жить?

Она отыскала себѣ переводную работу, занялась благотворительною дѣятельностью, часто встрѣчалась съ Зарѣчнымъ и остановила свое благосклонное вниманіе на молодомъ, блестящемъ профессорѣ, о которомъ тогда говорила Москва.

Она не любила его, но онъ ей казался интереснѣе, умнѣе и смѣлѣе другихъ. Онъ такъ горячо увѣрялъ, что души ихъ родственны, такъ искренно звалъ на совмѣстную трудовую жизнь и борьбу и вдобавокъ такъ сильно любилъ ее, что она послѣ года колебаній согласилась быть его женой, далеко не увлеченная имъ, не охваченная страстью. Боязнь остаться старой дѣвой и нажить себѣ неврастенію, и страстный темпераментъ сдержанной и цѣломудренной натуры не мало повліяли на ея рѣшеніе. Она не обманывала себя иллюзіями безбрачнаго подвижничества и понимала рискъ замужества безъ той любви, о которой мечтала. Но Зарѣчный казался ей вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, и, давая ему слово, она добросовѣстно дала и себѣ слово сдѣлать его счастливымъ и быть ему вѣрнымъ другомъ и помощницей.

И она сдержала свое обѣщаніе, и если не любила, то уважала мужа. Онъ былъ знающимъ, талантливымъ профессоромъ, его любили студенты, онъ занимался какимъ-то изслѣдованіемъ, часто въ бесѣдахъ говорилъ горячія рѣчи о долгѣ общественнаго человѣка, и въ эти два года никакая серьезная размолвка не нарушала ихъ счастія. Онъ попрежнему безумно любилъ свою Риту, она охотно позволяла себя любить. Они, казалось, понимали другъ друга и были одной вѣры, и Маргарита Васильевна прощала мужу и его лѣнь, и его недостатки, казавшіеся ей неважными въ сравненіи съ его достоинствами.

Маргарита Васильевна окончила кофе, отодвинула чашку и снова взглянула на мужа.

Digitized by Google

— Какъ онъ противно ѣстъ, совсѣмъ какъ животное! — мысленно проговорила она и какъ-то брезгливо поджала свои тонкія губы.

Она переводила взглядъ и подвергала безпощадной критикѣ и жадное чавканье мужа, и его довольное лицо, и его вицъ-мундиръ, и сбившійся на бокъ узкій черный галстухъ, и красноватыя пухлыя руки съ лопатообразными плоскими пальцами и не совсѣмъ опрятными ногтями, и его сочныя, чувственныя губы.

И вдругъ краска прилила къ ея лицу и покрыла румянцемъ нѣжную бѣлую кожу ея щекъ.

Она вспомнила, что еще нѣсколько часовъ тому назадъ эти самыя сочныя губы, отъ которыхъ пахло виномъ, грубо и властно цѣловали ея уста. И она не противилась, и сама отдавалась этой ласкѣ.

При этомъ воспоминаніи молодую женщину охватило чувство стыда, негодованія и злобы противъ мужа, и она продолжала съ еще большею безпощадностью развѣнчивать его. Онъ былъ въ ея глазахъ грубый, чувственный человѣкъ, неспособный тонко чувствовать. Онъ не убѣжденный человѣкъ, какимъ высокомѣрно себя считаетъ, а такой же фразеръ, какъ и многіе другіе. Для него въ сущности дорого только свое я и собственное благополучіе. Онъ—тщеславный, лживый и самолюбивый эгоистъ, умѣющій прикрываться блескомъ фразы.

Николай Сергѣевичъ окончилъ свой завтракъ, посмотрѣлъ на часы и потомъ на жену. Взоры ихъ встрѣтились. Въ его глазахъ, добродушныхъ и веселыхъ, свѣтилась такая преданная любовь, такая нѣжность, что Маргарита Васильевна была обезоружена, и взглядъ ея невольно смягчился.

А Николай Сергѣевичъ, между тѣмъ, не безъ горячности воскликнулъ, удовлетворенно отодвигая отъ себя пустую тарелку:

— А у насъ чортъ знаетъ что творится, Рита. Вчера мы долго объ этомъ говорили за ужиномъ...

— Вы только и дѣлаете, что говорите да ужинаете!—промолвила она съ нескрываемой насмѣшкой.—Въ этомъ, кажется, и проявляется вся ваша смѣлость.

Зарѣчный удивленно посмотрѣлъ на жену. Такихъ рѣчей онъ никогда не слыхалъ отъ нея.

И, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, проговорилъ не безъ иронической нотки въ голосѣ:

— А что же ты намъ прикажешь дѣлать, Рита?

— Развѣ вы сами, жрецы науки, не додумались?—такъ же иронически переспросила молодая женщина.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, что недостойно взрослыхъ людей болтать за ужинами, повторяя одни и тѣ же жалостныя слова.

Digitized by Google

— Ты, Рята, не думаешь, что говоришь!.. воскликнулъ онъ порывисто.— Развѣ я сдѣлалъ что-нибудь такое, за что можно краснѣть? Развѣ я принимаю какое-нибудь участіе въ томъ, что у насъ творится?..

— Этого только не доставало, чтобъ ты принималъ участіе!.. Тогда... Тогда...

Она на секунду запнулась.

— Что тогда?..

— Я давно бы оставила тебя.

— Безъ всякаго сожалѣнія?—спросилъ профессоръ.

— Безъ малѣйшаго!—проронила молодая женщина.

. . . . . .

Онъ ушелъ, взволнованный и огорченный.

Прошла легкой, граціозной походкой и Маргарита Васильевна въ свой кабинетъ, чистенькій, со свѣтлыми обоями и камелькомъ, въ которомъ слегка шипѣли угли.

Небольшой письменный столъ въ углу, два большіе шкафа съ книгами, хорошая литографія Мурилевской Мадонны, нѣсколько портретовъ любимыхъ писателей, иностранныхъ и русскихъ, цвѣты на окнахъ съ бѣлоснѣжными занавѣсками, маленькая отоманка, два кресла, этажерка съ букетикомъ искусственныхъ парижскихъ цвѣтовъ—все это имѣло уютный видъ гнѣздышка, свитаго женской умѣлой рукой и, въ то же время, свидѣтельствовало о серьезныхъ занятіяхъ хозяйки.

Она присѣла на отоманку и задумалась, вспоминая только что бывшее объясненіе. Она не отказывалась отъ своего мнѣнія о мужѣ, но она почувствовала жалость къ нему и сознавала себя виноватой передъ нимъ.

Зачѣмъ она вышла за него замужъ? Зачѣмъ?

И онъ такъ безумно любитъ ее, а она теперь едва его выноситъ. Не потому-ли она такъ безпощадна къ нему, что не любитъ мужа и никого еще не любила?

А можетъ быть, онъ и искренно убѣжденъ въ томъ, что оставаться среди нечестивыхъ подвигъ, а не трусость? Онъ такъ горячо говорилъ.

— Нѣтъ... Это ложь, ложь!—прошептала она.

Какъ же ей поступить? Оставить его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше?

Она испугалась пришедшей вслѣдъ затѣмъ мысли. Онъ, вѣдь, говорилъ, что не можетъ жить безъ нея. И, пожалуй, сдержитъ слово. Имѣетъ-ли она право губить чужую жизнь?

И молодую женщину снова охватила жалость къ человѣку, который такъ ее любитъ и въ любви котораго виновата и она. Будущее казалось ей безнадежнымъ. Никого близкаго, съ кѣмъ можно бы поговорить.

Digitized by Google

— Одна... одна... Всегда одна!—тоскливо проронила она. И слезы незамѣтно катились изъ ея глазъ.

Въ третьемъ часу Маргарита Васильевна по обыкновенію собралась навѣстить свой участокъ по дѣламъ попечительства и потомъ заѣхать къ Аглаѣ Петровнѣ Аносовой, богатой интеллигентной купчихѣ, поговорить объ одномъ дѣлѣ, которое съ недавняго времени занимало ея мысли, и привлечь ее къ задуманному предпріятію. Она охотно жертвовала на разныя полезныя дѣла, и Маргарита Васильевна почти не сомнѣвалась въ томъ, что Аносова, узнавши подробный планъ, не откажется помочь этому дѣлу.

Настроеніе, въ какомъ находилась Маргарита Васильевна, побуждало ее ѣхать сегодня же къ Аносовой. Зарѣчная хоть и не была съ ней знакома, но нѣсколько разъ встрѣчалась съ ней и знала ее по репутаціи. Навѣрное, она не удивится цѣли ея посѣщенія. Она женщина умная, понимаетъ людей, и не станетъ вилять, а скажетъ прямо. Такимъ образомъ, можно сегодня же узнать: устроится-ли скоро дѣло, которое Маргарита Васильевна считала серьезнымъ и стоющимъ, чтобъ ему посвятить свои силы.

Переводная и компилятивная работа не удовлетворяла молодую женщину, и вдобавокъ приходилось переводить иногда глупости, а то, что ей нравилось, редакторъ часто не одобрялъ, ссылаясь на времена и на разные циркуляры.

Не удовлетворяла ее и та благотворительная дѣятельность, которой она усердно отдалась, имѣя много свободнаго времени и посѣщая разные подвалы и трущобы, гдѣ знакомилась съ нищетой въ разныхъ ея проявленіяхъ, сознавая, что не помочь грошовыми подачками несчастнымъ людямъ.

Ей хотѣлось какого-нибудь большого, хотя бы и благотворительнаго дѣла, ужъ если женщинѣ заказаны другіе пути...

Она уже надѣвала принесенную ей въ кабинетъ каракулевую шапочку, когда до ея ушей долетѣлъ звукъ электрическаго звонка, и вслѣдъ затѣмъ вошла молодая горничная Катя и доложила:

— Прикажете принимать? Я сказала, что вы собираетесь уходить, а господинъ сказалъ, что онъ на минутку... Вотъ и карточка ихняя!—прибавила она, подавая карточку.

Маргарита Васильевна взглянула на карточку и чуть не вскрикнула отъ изумленія.

— Принимать, принимать! Просите сюда ко мнѣ, Катя.

И молодая женщина торопливо сняла шапочку и перчатки, взглянула на себя въ зеркало, оправила волосы и опустилась на отоманку, ожидая съ радостнымъ чувствомъ не-

Digitized by Google

жданнаго гостя, Василія Васильевича Невзгодина, самаго близкаго ея московскаго пріятеля и когда-то преданнаго и любящаго поклонника, влюбленнаго въ нее по уши, дѣлавшаго ей два раза предложеніе и скрывшагося за границу, какъ только она дала слово Зарѣчному.

Она предпочла блестящаго профессора этому милому, но безпутному малому, съ неустановившимися взглядами, безъ опредѣленной профессіи, съ злымъ языкомъ и добрѣйшимъ сердцемъ, который, вдобавокъ, былъ на три года моложе ея и казался ей больше товарищемъ, чѣмъ претендентомъ.

Съ тѣхъ поръ Невзгодинъ не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей, точно канулъ въ воду.

Маргарита Васильевна о немъ справлялась и получила извѣстіе, что онъ въ Парижѣ серьезно занимался химіей. Затѣмъ недавно до нея дошелъ слухъ, будто бы Невзгодинъ написалъ повѣсть, которая скоро появится въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ.

II.

— Здравствуйте, Маргарита Васильевна! Не пугайтесь, я не задержу васъ... Вы собирались куда-то уходить... Только взгляну на васъ и исчезну!

Голосъ Невзгодина звучалъ весело и радостно, и въ этомъ голосѣ было что-то располагающее и искреннее.

Онъ крѣпко, по-товарищески, пожалъ Маргаритѣ Васильевнѣ руку и, улыбаясь, прибавилъ:

— Я объевропеился и совлекъ съ себя московскій халатъ. Не буду мѣшать вамъ... Въ самомъ дѣлѣ, уѣзжайте... Я какъ-нибудь въ другой разъ заверну. Скажите только, какъ поживаете? Надѣюсь, хорошо?

— Садитесь, Василій Васильичъ... Я такъ рада васъ видѣть, что съ большимъ удовольствіемъ останусь дома,—говорила Маргарита Васильевна, ласково оглядывая Невзгодина.— А въ самомъ дѣлѣ вы объевропеились, какъ говорите... Стали франтомъ... Въ васъ и не узнать прежняго богему на московскій ладъ.

— Отрицавшаго приличный костюмъ и носившаго русскія рубашки? — прибавилъ Невзгодинъ. — У насъ, въ Парижѣ, нельзя, какъ вы знаете, отрицать такое видимое отличіе цивилизованнаго человѣка отъ мизерабля... Никуда не пустятъ... Ну, я и пріучился имѣть про всякій случай новый рединготъ и стричь волосы, чтобы не пугать парижскихъ гаменовъ... Хоть къ самой генеральшѣ Дергачевой съ визитомъ. Помните, какъ она дѣлила людей по костюму на приличныхъ и «можежанрныхъ», какъ она выражалась?

Digitized by Google

Дѣйствительно, модный рединготъ съ бархатнымъ воротникомъ и шелковыми отворотами сидѣлъ отлично на Невзгодинѣ. Широкій галстукъ, стоячіе воротники бѣлоснѣжной бѣлизны, модный цилиндръ, ботинки съ широкими носками, — однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ, чтобы имѣть видъ вполнѣ приличнаго джентльмена.

И самъ онъ, невысокій, сухощавый и стройный, съ тонкими чертами живого, неспокойнаго лица, блѣднаго и болѣзненнаго, съ карими, острыми и смѣющимися глазами, глядѣлъ изящнымъ интеллигентомъ, въ которомъ чувствуется и умъ, и тонкость деликатной натуры, и темпераментъ. Каштановые волосы стояли «ежикомъ» на кругловатой головѣ съ большимъ открытымъ лбомъ, рыжеватаго оттѣнка бородка подстрижена, маленькіе усики прикрывали тонкія, нѣсколько искривленныя губы, придававшія физіономіи Невзгодина саркастическій видъ. Въ общемъ что-то мефистофелевское и въ то же время располагающее.

— Васъ не только къ генеральшѣ Дергачевой, а въ самый первый салонъ можно повести, Василій Васильевичъ. Какая разница съ тѣмъ невозможнымъ, который былъ на холерѣ.

Они познакомились во время холеры въ Саратовской губерніи. Маргарита Васильевна пріѣхала туда изъ Парижа, а Невзгодинъ изъ Москвы.

— Въ костюмѣ развѣ... А я все такой же, какимъ былъ и тогда... Подучился только за два года да больше опыта понабрался.

— Еще бы... Ну, разсказывайте о себѣ. Давно пріѣхали?

— Сегодня...

— И надолго?

— А не знаю... Какъ поживется. Подыщется-ли подходящая... работа. Вѣдь я, какъ знаете, изъ бродягъ... Люблю новыя впечатлѣнія.

— Что же вы дѣлали въ Парижѣ?

— Учился, получилъ дипломъ, гулялъ по бульварамъ, давалъ уроки русскаго языка взрослымъ французамъ и французскаго маленькимъ соотечественникамъ. Много читалъ, ну, и...

— И что?

— Случалось, покучивалъ...

— Въ веселой компаніи, конечно?

— Хуже: одинъ... въ минуты хандры, знаете ли, русской хандры, нападающей на человѣка, желающаго поймать луну и сомнѣвающагося въ такой возможности...

— Говорятъ, вы и повѣсть написали?

— И въ этомъ грѣшенъ, Маргарита Васильевна. Написалъ и даже цѣлыхъ три. Рѣшился послать только одну...

Digitized by Google

Кромѣ того, два мемуара по химіи напечаталъ во французскомъ журналѣ.

— Вотъ вы какой усердный стали... А какъ называется ваша повѣсть?

— Тоска...

— Тоска?... Какое странное названіе... Тоска по комънибудь?

— Объ этакихъ пустякахъ не стоитъ писать!—усмѣхнулся Невзгодинъ.—Я люблю, ты любишь, онъ любитъ... Варіаціи на тему объ Адамѣ и Евѣ... Скучно!

Маргаритѣ Васильевнѣ почему-то непріятенъ былъ этотъ шутливый тонъ.

«Какъ онъ скоро излѣчился отъ своей любви. А какъ тогда говорилъ!»—пронеслось у нея въ головѣ.

— Такъ, значитъ, въ вашей повѣсти тоска по чемъ-нибудь?

— Да... Вотъ скоро прочтете... Обѣщали въ январѣ напечатать.

— А раньше... У васъ нѣтъ развѣ копіи съ оригинала?

— Есть. Я нѣсколько разъ переписывалъ рукопись.

— Такъ прочитайте, пожалуйста. Мнѣ очень интересно будетъ прослушать.

— Извольте... Только, надѣюсь, вы не устроите литературнаго вечера?

— Я буду единственной слушательницей. Ну, а еще что было за эти два года?

— Я женился.

— Вы?—удивленно спросила Маргарита Васильевна и, казалось, не была довольна этимъ извѣстіемъ.

— Родить дѣтей ума кому не доставало?—засмѣялся Невзгодинъ.—Впрочемъ, у меня нѣтъ ихъ.

— Когда же вы женились?

— Годъ тому назадъ...

— И жена съ вами пріѣхала?

— Нѣтъ, осталась за границей. Мы черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы разошлись съ ней!

— И вы такъ спокойно объ этомъ говорите?

— Недостаточно радуюсь, вы думаете, Маргарита Васильевна, что впредь не такъ-то легко могу повторить эту глупость?...

— Зачѣмъ же вы тогда женились?

— Зачѣмъ люди, и въ особенности русскіе, иногда совершаютъ не объяснимые никакой логикой поступки?... Мнѣ думается, что я женился по той же причинѣ, по которой покучивалъ... Хотѣлъ перемѣнить положеніе... посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ... Ну, и не вышло ничего, кромѣ отчаянной

Digitized by Google

и еще большей скуки жить съ человѣкомъ, съ которымъ у васъ такъ же мало общаго, какъ съ китайцемъ...

— Вы развѣ раньше этого не видѣли? Или настолько влюбились, что были ослѣплены? Она вѣрно француженка?— допрашивала Маргарита Васильевна съ жаднымъ любопытствомъ человѣка, положеніе котораго отчасти напоминаетъ положеніе другого.

— Чистѣйшая русская и даже москвичка. По правдѣ говоря, я даже не былъ настолько влюбленъ, чтобы быть въ ошалѣломъ состояніи. И не скрывалъ этого. Да и она, кажется, была въ такомъ же точно положеніи и вышла за меня больше для удобства имѣть мужа и не жить одной въ меблированныхъ комнатахъ... Ну, и при томъ вдова... тридцать лѣтъ... Учится медицинѣ, оканчиваетъ курсъ и скоро пріѣдетъ сюда. Очень дѣльная и по-своему неглупая женщина... Навѣрное, сдѣлаетъ карьеру и будетъ имѣть хорошую практику.

— И хороша?

— Очень... Знаете-ли, типъ римской матроны, строгой и нѣсколько величественной, гордой своими добродѣтелями, съ предразсудками, прямолинейностью и нѣкоторой скаредностью дамы купеческой закваски и горячимъ темпераментомъ долго вдовѣвшей здоровой особи. Неспокойная богема по натурѣ, какъ я, и такая непреклонная, строгая поклонница умѣренности, аккуратности и накопленія богатствъ по сантимамъ. Что получилось въ результатѣ отъ такого соединенія? Мѣсяцъ, другой скотоподбнаго счастья и затѣмъ взаимная непріязнь другъ къ другу... рядъ раздраженныхъ колкостей и насмѣшекъ, съ одной стороны, и строгихъ, принципіальныхъ и методичныхъ нотацій—съ другой, съ прибавкой подчасъ обвиненій ревниваго характера, если я не былъ въ нашей квартиркѣ въ одиннадцать часовъ вечера... А я, признаться, рѣдко приходилъ къ сроку... Ну, и въ одинъ прекрасный день за утреннимъ кофе мы откровенно сознались, что оба сдѣлали глупость и только мѣшаемъ другъ другу готовиться къ экзаменамъ и порѣшили разойтись въ ближайшее воскресенье, когда жена могла не идти въ клинику. Разошлись мы по-хорошему, безъ сценъ и безъ упрековъ,—словомъ, безъ всякихъ драматическихъ осложненій... Напротивъ. Она простерла свою внимательность до того, что сама уложила мое бѣлье и платье, предоставивъ моему попеченію однѣ только книги и взявъ съ меня слово принять вину на себя, если она захочетъ повторить глупость, то-есть выдти опять замужъ, но, конечно, за болѣе основательнаго человѣка,—любезнымъ тономъ прибавила она. Съ тѣхъ поръ мы и не видались. Ну, вотъ я и кончилъ свою одисею, стараясь не особенно злоупотреблять вашимъ вниманіемъ. Позволите закурить?

Digitized by Google

— Пожалуйста...

— Ну, а теперь мой чередъ, Маргарита Васильевна, допросить васъ. Позволите?

— Позволю.

— Вамъ какъ живется? Я слышалъ недурно?...

— И не особенно хорошо!—произнесла молодая женщина.

Невзгодинъ взглянулъ на Маргариту Васильевну и замѣтилъ что-то сурово-страдальческое въ ея лицѣ.

«Видно раскусила своего благовѣрнаго»,—подумалъ онъ и, освѣдомившись изъ любезности объ его здоровьѣ, продолжалъ:

— Только сытымъ коровамъ нынче хорошо живется, Маргарита Васильевна, а людямъ, да еще такимъ требовательнымъ, какъ вы, трудно угодить... Ищете попрежнему оригинальныхъ людей? Много работаете?—деликатно перешелъ онъ на другую тему.

— Бросила искать. Ихъ такъ мало среди моихъ знакомыхъ. Кое-что перевожу... Читаю.

— Бываете въ обществѣ?

— Бываю, но рѣдко... Мало интереснаго... Дома спокойнѣе, хоть и въ одиночествѣ.

— А Николай Сергѣичъ?

— Онъ рѣдко по вечерамъ дома. Засѣданія, коммиссіи... Я болѣе одна.

— Значитъ, набили вамъ оскомину московскіе фиксы, Маргарита Васильевна?

— И какъ еще.

— Видно, они такіе же, что и прежде! Чай съ печеньемъ, невозможная толпа приглашенныхъ въ маленькихъ комнатахъ, какой-нибудь пріѣзжій «гость» въ качествѣ гвоздя, изрѣдка пѣвецъ или пѣвица для разнообразія, сплетни и самые оптимистическіе административные слухи и, наконецъ, объединяющій ужинъ и за нимъ обязательно рѣчи и иногда длинныя, чортъ возьми, рѣчи и всегда съ гражданскимъ подходомъ... Сперва тостъ за «гостя», который... и такъ далѣе, потомъ за «честнаго представителя науки», который... и такъ далѣе, за «мастера слова», за «жреца искусства»,—однимъ словомъ, кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку. Иванъ Петровичъ великій человѣкъ и Петръ Иванычъ тоже великій человѣкъ и, чтобъ никому не было обидно, всѣмъ по тосту и по «великому человѣку» бѣлымъ или крымскимъ виномъ... Знаю я эти фиксы... Узнаю свою милую Москву... Любитъ она-таки поболтать и покушать...

— Эта болтовня съ цивической окраской и противна...

— Отчего?... Мнѣ такъ она прежде нравилась. По крайней мѣрѣ, люди пріучаются говорить.

Невзгодинъ сталъ прощаться.

Digitized by Google

— И то вмѣсто минутки часъ просидѣлъ, а мнѣ еще надо въ одно мѣсто.

— Ну, не удерживаю... Пріѣзжайте опять, да поскорѣй... вечеромъ какъ-нибудь. Мнѣ еще надо обо многомъ съ вами переговорить... Я тутъ одно дѣло затѣваю... И вообще, надѣюсь, мы, какъ старые друзья, будемъ часто видѣться.

— Я бы не прочь, да боюсь, Маргарита Васильевна.

— Чего?

— Какъ бы старое не вернулось. Рецидивы, знаете-ли, бываютъ при лихорадкахъ! — шутливо промолвилъ Невзгодинъ.

— И какъ вамъ не надоѣстъ всегда шутить, Василій Васильичъ... Зачѣмъ вы этотъ вздоръ говорите?.. Кокетничаете?.. Такъ вы и безъ кокетства милый старый пріятель, котораго я всегда рада видѣть... Что было, то не повторится... Такъ навѣщайте... Съ вами какъ-то пріятно говорить.

— За то, что рѣчей не говорю?

— И за это, а главное—за то, что вы не топорщитесь... не играете роли. Такой, какъ есть.

— Одинъ изъ безпутнѣйшихъ россіянъ, какъ вы прежде меня называли. Помните?

— Мало-ли что я прежде говорила... Вотъ вы безпутный, а работали-таки много... въ Парижѣ.

— И женился даже. Ну, до свиданья... Когда къ вамъ можно?

— Да хоть завтра вечеромъ.

— Не могу, я на юбилеѣ Косицкаго. Хочу всю Москву видѣть. Да и юбиляра стоитъ почтить,—премилый человѣкъ! А вы развѣ не собираетесь? Поѣдемте, Маргарита Васильевна. Я заѣду за вами. Идетъ?

Она согласилась, но просила не заѣзжать. Она пріѣдетъ съ мужемъ.

— А за обѣдомъ сидѣть будемъ рядомъ, Василій Васильевичъ. Займите мѣста.

Невзгодинъ еще разъ пожалъ руку хозяйкѣ и откланялся.

Дорогой, плетясь на саняхъ, Невзгодинъ думалъ о Маргаритѣ Васильевнѣ.

Онъ находилъ, что она очень похорошѣла съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, и стала еще обворожительнѣе, какъ женщина. Но думалъ онъ объ этомъ совсѣмъ объективно. Красота Маргариты Васильевны ужъ не влекла къ себѣ, какъ прежде, когда онъ безумствовалъ отъ любви. Теперь онъ можетъ быть съ ней такимъ же пріятелемъ, какимъ былъ на холерѣ, оставаясь совсѣмъ равнодушнымъ къ ея женскимъ чарамъ. Она славный человѣкъ и съ ней не скучно и безъ ухаживанія, что большая рѣдкость. Онъ непремѣнно будетъ ее навѣщать и часто.

Digitized by Google

«Да, видно любовь въ самомъ дѣлѣ не повторяется!»—думалъ Невзгодинъ. А какъ онъ ее тогда любилъ! Цѣлыхъ два года не могъ отдѣлаться отъ этой любви, и вотъ теперь совсѣмъ не жалѣетъ, что она ему отказала. Жаль только бѣдняжку, она несчастлива, конечно, съ Зарѣчнымъ.

И Невзгодинъ удивлялся тому, что Маргарита Васильевна живетъ съ человѣкомъ, котораго, очевидно, не любитъ и не уважаетъ, и всетаки, остается его женой. Видно, въ самомъ дѣлѣ, даже и въ самыхъ порядочныхъ женщинахъ животное даетъ таки себя знать, и онѣ прощаютъ такому красавцу, какъ Зарѣчный, то, что не простили бы самому геніальному человѣку, будь онъ дурнымъ мужемъ.

Это возмущало Невзгодина и онъ обвинялъ Маргариту Васильевну за то, что она не бросаетъ мужа.

— Это свинство!—проговорилъ вдругъ вслухъ, охваченный негодованіемъ, Невзгодинъ.—Свинство!—повторилъ онъ.

— Что баринъ?—спросилъ его извозчикъ.

— Поѣзжай, ради Бога, скорѣй!—отвѣчалъ Невзгодинъ.

III.

— Аглая Петровна дома?

— Дома, пожалуйте.

И молодой, пригожій и приличный лакей въ опрятномъ синемъ полуфракѣ съ золоченными пуговицами, открывшій широкія двери подъѣзда небольшого двухъ-этажнаго особняка, стоявшаго въ глубинѣ двора, отдѣленнаго отъ улицы бронзированною рѣшеткой,—пропустилъ зазябшую на морозѣ Зарѣчную въ большія теплыя сѣни, гдѣ въ каминѣ яркимъ пламенемъ горѣли, потрескивая, дрова.

Онъ снялъ съ ея плечъ ротонду на длинношерстыхъ черныхъ тибетскихъ барашкахъ и нагнулся снять калоши, но его попросили не безпокоиться.

— У Аглаи Петровны никого нѣтъ?—спросила Зарѣчная, останавливаясь передъ зеркаломъ, чтобы оправиться.

— Никого-съ. Извольте подняться на верхъ. Барыня у себя въ кабинетѣ. Какъ прикажете доложить?

Маргарита Васильевна дала свою карточку и поднялась вслѣдъ за лакеемъ по широкой, устланной ковромъ лѣстницѣ. Большія кадки съ тропическими растеніями стояли на площадкѣ по бокамъ громаднаго простѣночнаго зеркала.

Лакей распахнулъ двери въ залъ, провелъ гостью въ сосѣднюю гостинную и скрылся за портьерой.

Зарѣчная присѣла на маленькій диванчикъ и любопытно оглядывала эту большую, застланную сплошь ковромъ, ком-

Digitized by Google

нату съ роскошной, обитой зеленымъ шелкомъ мебелью, съ изящными столами, столиками и уютными уголками за трельяжами, и съ нѣсколькими картинами, въ которыхъ сразу признала художественныя произведенія большого достоинства. Каждая вещь въ гостинной, начиная отъ лампы и кончая крошечной севрской вазочкой на столикѣ, отличалась изяществомъ и тонкимъ вкусомъ. Все цѣнное, но ничего грубаго, крикливаго у этой внучки ярославскаго крестьянина, милліонерши Аглаи Петровны Аносовой, купеческой вдовы, извѣстной своей щедрой благотворительностью, умомъ, красотой и строгими нравами.

Самые злые языки не смѣли бросить малѣйшую тѣнь на ея репутацію. Никто не могъ назвать ни одного любовника въ теченіи пятилѣтняго вдовства Аносовой. Не даромъ же ее прозвали «безчувственной бабой», удивляясь, что она отказывала нѣсколькимъ женихамъ изъ богатѣйшаго купечества и изъ представителей родовитаго дворянства, въ числѣ которыхъ былъ даже одинъ красавецъ Рюриковичъ, и, казалось, нисколько не тяготилась своимъ добровольнымъ вдовствомъ въ полномъ разцвѣтѣ пышной красоты женщины тридцати трехъ лѣтъ, занятая и удовлетворенная, повидимому, благотворительностью да своими большими торговыми дѣлами, которыя вела сама съ умѣньемъ и дѣловитостью, вызывавшими невольное удивленіе.

Тяжелая [illegible] портьера колыхнулась, и изъ-за нея вышла, напр[illegible]къ гостьѣ неспѣшной и увѣренной, слегка плывущей по[illegible] слегка прищуривая черные бархатистые глаза, ласковые [illegible] цвѣтные, ослѣпительной красоты, высокая, статная брю[illegible]тся, съ черными, какъ смоль, волосами, гладко зачесанными [illegible] назадъ, въ скромномъ шерстяномъ черномъ платьѣ, безукоризн[illegible]-та сидѣвшемъ на ней, бѣлая, свѣжая и румяная, съ роскош[illegible]ми формами красиваго бюста.

Бриллiантовые [illegible]тные кабошоны сверкали въ ея розоватыхъ ушахъ; изъ-подъ [illegible]зкаго рукава виднѣлась золотая цѣпь porte-bonheur'a, и на [illegible]винцахъ красивыхъ, нѣсколько крупноватыхъ, холеныхъ рукъ было по кольцу. На одномъ—большая бирюза; на другомъ—отливавшій кровью рубинъ.

— Очень рада васъ видѣть у себя, Маргарита Васильевна,— проговорила Аносова своимъ низковатымъ пріятнымъ голосомъ, протягивая поднявшейся гостьѣ руку.

Она крѣпко пожала крошечную руку и, задерживая ее въ своей широкой бѣлой рукѣ, протянула, слегка наклоняя голову, свои алыя полноватыя губы.

Дамы расцѣловались.

Передъ царственной роскошной фигурой Аглаи Петровны

Digitized by Google

маленькая, худощавая фигурка Маргариты Васильевны казалась еще меньше.

— Пойдемте-ка лучше ко мнѣ. Здѣсь и холодновато, и какъ-то неуютно. Для визитныхъ гостей комната.

— А я къ вамъ именно по дѣлу!—поторопилась сразу же сказать Зарѣчная, чтобы не подать повода къ недоразумѣнію.

Аглая Петровна слегка улыбнулась, точно хотѣла сказать, что и не сомнѣвается въ цѣли визита, и сердечно прибавила:

— Какой бы вѣтеръ ни занесъ васъ сюда, мнѣ пріятно васъ видѣть, Маргарита Васильевна. Въ моей клѣтушкѣ и поговоримъ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ. Пойдемте!

И Аглая Петровна повела гостью черезъ сосѣднюю, маленькую голубую гостинную и другую комнату, убранную въ восточномъ вкусѣ, въ свою «клѣтушку», какъ она называла кабинетъ, въ которомъ работала, принимала по дѣламъ и болѣе интимныхъ знакомыхъ.

Маргарита Васильевна быстрымъ взглядомъ окинула «клѣтушку».

Это была небольшая комната въ два широкихъ окна, пропускающихъ много свѣта.

Чернаго дерева письменный столъ у [illegible]нка имѣлъ строго дѣловой видъ. Нѣсколько конторскихъ к[illegible] исписанныя цифрами вѣдомости и скромный письм[illegible] приборъ. Большіе счеты съ отброшенными костяшка[illegible] оставленное кресло на бѣлоснѣжномъ пушистомъ мѣх[illegible]горской козы свидѣтельствовали, что Аглаю Петровну [illegible] что оторвали отъ работы. Лишь чудный букетъ изъ р[illegible]ныхъ гвоздикъ нѣсколько нарушалъ строгую дѣловую выдер[illegible]ность убранства стола.

За то вся остальная обстановка [illegible]ово сно[illegible] о томъ, что хозяйка не только дѣловая женщина.

Полный книгъ большой библіотечный ус[illegible]ри[illegible]кафъ, бюсты Шелли, Байрона, Тургенева и Толстого на мраморныхъ колонкахъ, марина Айвазовскаго, два жанра Маковскаго, фотографіи съ автографами разныхъ «извѣстностей» на мольбертѣ и по стѣнамъ, уютный уголокъ съ свѣтлосѣрой мягкой мебелью вокругъ маленькаго японскаго столика-этажерки, столъ посреди[illegible] съ журналами и газетами, висячій фонарикъ и теплившаяся въ углу лампадка предъ образомъ Божіей Матери—таково было убранство этой «клѣтушки».

Въ ней было тепло и уютно. Тонкій ароматъ цвѣтовъ пріятно щекоталъ обоняніе.

— Присаживайтесь сюда, Маргарита Васильевна,—указала хозяйка на маленькій булевскій диванчикъ и, отодвинувъ

Digitized by Google

японскій столикъ, на которомъ лежалъ желтый томикъ новаго романа Золя, опустилась сама въ кресло. — Снимите лучше шапочку, а то головѣ жарко будетъ. Прикажете угощать васъ чаемъ? Вы вѣдь знаете у насъ, по купечеству, никакихъ дѣлъ безъ чая не дѣлается!—прибавила въ шутку Аглая Петровна, улыбаясь ласковою, широкою улыбкой и показывая рядъ жемчужинъ-зубовъ.

Маргарита Васильевна отъ чая отказалась.

Она сняла шапочку и, встрѣтивъ восхищенный взглядъ Аглаи Петровны, любующейся тонкими чертами изящнаго, словно бы точенаго личика, смущенно и вмѣстѣ съ тѣмъ весело улыбалась.

— Такъ позволите о дѣлѣ?—проговорила она.

— Пожалуйста.

Нѣсколько смущенная своимъ первымъ обращеніемъ за помощью къ малознакомой женщинѣ, Маргарита Васильевна сперва не совсѣмъ твердо, торопясь и конфузясь, начала излагать сущность дѣла, о которомъ хлопотала. Но скоро это смущеніе прошло, тѣмъ болѣе, что Аглая Петровна слушала ее съ большимъ вниманіемъ, серьезно и дѣловито, слегка склонивъ голову и по временамъ ласково улыбаясь глазами, словно бы поощряя гостью не стѣсняться.

«Какъ съ ней просто и легко!»—подумала Зарѣчная.

И, вполнѣ овладѣвши собой, она, не спѣша, толково и нѣсколько горячо развивала свою мысль о необходимости устроить въ Москвѣ для бѣднаго люда большой домъ, въ которомъ были бы хорошая библіотека, залъ для устройства лекцій и концертовъ, столовая и чайная.

— Мнѣ кажется, я увѣрена, что это было бы хорошее дѣло. Конечно, такой домъ не панацея отъ нищеты, пьянства и разврата, но все-таки... Примѣръ Москвы вызоветъ и другіе города. Вы сочувствуете этой мысли, Аглая Петровна?— закончила вопросомъ молодая женщина и снова покраснѣла.

— Какъ не сочувствовать! Очень даже сочувствую вашей идеѣ, Маргарита Васильевна, устроить у насъ то, что въ Европѣ давно есть. Въ Лондонѣ цѣлый народный дворецъ завели. У меня есть послѣдній отчетъ, дѣло идетъ хорошо. Вотъ и на моей фабрикѣ рабочіе стали меньше ходить по кабакамъ и меньше бить женъ и ребятишекъ съ тѣхъ поръ, какъ мы завели тамъ читаленку и открыли чайную. Управляющій говорилъ мнѣ, что и прогуловъ меньше. И имъ, и намъ, хозяевамъ, лучше. Мысль ваша хорошая, что и говорить.

— Я была увѣрена, что найду въ васъ сочувствіе!— воскликнула, просіявшая отъ радости, Зарѣчная.

— Ну это что! — промолвила съ тихой усмѣшкой Аглая

Digitized by Google

Петровна. — Вѣдь вы же не за однимъ сочувствіемъ ко мнѣ пожаловали, а за деньгами. Зачѣмъ же къ намъ, къ богатымъ купчихамъ, и ѣздятъ, какъ не за деньгами! — прибавила она.

Маргаритѣ Васильевнѣ показалось, что грустная нотка прозвучала въ этихъ словахъ. Ей сдѣлалось неловко, но она все-таки храбро проговорила:

— Вы правы, Аглая Петровна. Я пріѣхала, разсчитывая на вашу помощь.

Эта откровенность видимо понравилась Аносовой. По крайней мѣрѣ, прямо, безъ подходовъ.

И она замѣтила:

— Дѣло только затѣяли вы большое... Оно пахнетъ сотнями тысячъ. И, наконецъ, разрѣшатъ-ли такой домъ?

— Отчего не разрѣшить? Мнѣ кажется, что въ этомъ препятствія не будетъ.

— Оптимистка вы, какъ посмотрю, Маргарита Васильевна!... Ну, разумѣется, попытаться слѣдуетъ.

И съ дѣловитостью практической женщины неожиданно прибавила:

— А покупать домъ невыгодно. Лучше самимъ выстроить. И непремѣнно на Хитровомъ рынкѣ.

— У меня и смѣта, и уставъ есть!—весело проговорила гостья, вынимая изъ мѣшечка нѣсколько листковъ.

— Вотъ какъ... Значитъ, горячо принялись. Сколько же по смѣтѣ выходитъ?

— Много, Аглая Петровна... Двѣсти тысячъ.

Но цифра эта нисколько не испугала Аносову.

Она пробѣжала глазами смѣту и протянула:

— Не мало-ли?

— Архитекторъ говоритъ: довольно.

— Ужъ если затѣвать дѣло, такъ основательно. Архитекторы часто ошибаются. А вы смѣту и уставъ позвольте оставить... Я подробно ознакомлюсь... И принять участіе въ этомъ дѣлѣ я не прочь... Одной только мнѣ трудно... На этотъ годъ у меня ужъ почти всѣ деньги, назначенныя на благотворительныя дѣла, распредѣлены. Тысячъ пятьдесятъ могу.

Она проговорила эту цифру спокойно, точно дѣло шло о пяти рубляхъ.

Зарѣчная глядѣла на Аглаю Петровну восторженными и благодарными глазами. Эта цифра изумила ее. Она словно вся засіяла и порывисто воскликнула:

— Вотъ начало уже и есть!

— Ишь вы засіяли вся, Маргарита Васильевна. Видно очень ужъ дорога вамъ ваша мысль?..

— Еще-бы!

Digitized by Google

— И сами вы, конечно, надумали ее... Или мужъ?

— Сама. Читала, что дѣлаютъ въ Европѣ. Думаю: отчего не попробовать и у насъ.

— А супругъ одобряетъ?

— Я съ нимъ подробно не говорила еще объ этомъ!— отвѣтила Маргарита Васильевна и невольно покраснѣла.

Аглая Петровна какъ будто еще ласковѣе взглянула на гостью послѣ этихъ словъ и весело сказала:

— Да и не надо путать мужчинъ. Богъ съ ними! Они и безъ того все захватили. Мы и безъ нихъ обойдемся. Не правда-ли?

— Конечно.

«А я то думала: счастливая парочка!» пронеслось въ головѣ Аглаи Петровны, и она, словно подвергая экзамену свою гостью, спросила:

— А вы, Маргарита Васильевна, развѣ не побоитесь черной работы?..

— То-есть какой?...

— А съ этимъ домомъ?.. Напримѣръ, завѣдывать имъ?

— Я этого только и желаю.

— Вотъ и отлично. Значитъ, и хозяйка дѣла будетъ хорошая.

— Прежде надо узнать, какая буду, а потомъ хвалить,— засмѣялась Зарѣчная.

— Да я вѣдь знаю, какъ вы въ своемъ попечительствѣ работаете, и слышала, какъ вы, два года тому назадъ, на холерѣ работали... Слышала. И какъ же мнѣ нахваливалъ васъ одинъ господинъ!

— Кто это?

— Невзгодинъ, Василій Васильичъ. Вѣдь вы вмѣстѣ на холерѣ были?

— Да. А вы съ нимъ знакомы?

— Этимъ лѣтомъ въ Бретани познакомились... Вмѣстѣ въ С.-Мало на купаньѣ были. Умный и интересный человѣкъ, только ужъ очень онъ представителей капитала не любитъ. Такъ громилъ меня, что страхъ. Однако, не убѣдилъ меня раздать всѣ свои богатства!—улыбнулась Аглая Петровна. — А вы знаете, вѣдь онъ женился. Я видѣла его жену. Студентка въ Парижѣ. Пріѣзжала къ нему на недѣлю.

— И ужъ разошелся съ женой.

— Да? Онъ, кажется, не очень-то годится для семейнаго очага. Слишкомъ независимъ и правдивъ... И она, его жена, мнѣ не понравилась... Очень важничаетъ своей медициной... Такъ Василій Васильичъ разошелся? Это вѣрно? Откуда вы слышали, Маргарита Васильевна,—съ живостью спрашивала Аносова.

Digitized by Google

— Онъ вчера мнѣ самъ говорилъ.

— Такъ онъ пріѣхалъ?—вырвалось невольное восклицаніе у Аглаи Петровны.

И при этомъ неожиданномъ извѣстіи румянецъ алѣе заигралъ на ея щекахъ, и радостный огонекъ блеснулъ въ ея глазахъ.

Это не укрылось отъ Маргариты Васильевны.

«Невзгодинъ ей нравится!»—подумала она и отвѣтила:

— Третьяго дня пріѣхалъ!

— И былъ у васъ?—уже спокойно спросила Аносова.

— Да. Мы вѣдь старые пріятели.

— Какъ-же... Онъ говорилъ, какимъ былъ горячимъ вашимъ поклонникомъ, Маргарита Васильевна.

— То было такъ давно... Два года тому назадъ, когда я не была еще замужемъ...

— А ко мнѣ и не показался, хоть и обѣщалъ навѣстить, какъ вернется въ Москву... Интересный человѣкъ... Не ломанный... Не боится говорить, что думаетъ и... такого не купить милліонами...

— Да... Хорошій человѣкъ. Я его очень люблю!—спокойно проговорила Зарѣчная.

— Онъ надолго сюда?

— Самъ не знаетъ... Богема.

— Да... Непутевый какой-то... Ну и язычекъ!... засмѣялась Аглая Петровна.

Наступило молчаніе.

— Вотъ мужчина и отвлекъ насъ отъ дѣла,—заговорила, смѣясь, Аглая Петровна.—Ну ихъ! Такъ я, говорю, не прочь дать пятьдесятъ тысячъ, а остальныя деньги надо собрать. Вы обращались еще къ кому нибудь?

— Къ вамъ къ первой, Аглая Петровна. Другихъ я никого не знаю, то-есть не знакома...

— Это не бѣда; прямо поѣзжайте. И васъ и мужа вашего знаютъ въ Москвѣ.

— Я готова. Научите только къ кому ѣхать...

Аглая Петровна на минутку задумалась и потомъ назвала Измайлову и Рябинина.

— Эти, быть можетъ, дадутъ. И деньги у нихъ должны быть свободныя. Особенно у Дарьи Степановны Измайловой. Богата очень, и всѣ свои капиталы непроизводительно держитъ въ бумагахъ и только купоны рѣжетъ!—не безъ снисходительнаго презрѣнія вставила Аносова.—Можно ей сказать, что я даю, тогда она вдвое дастъ. Завистливы мы на все... На этомъ часто попадаются неосновательные люди!—усмѣхнулась Аносова. — Только къ ней вы лучше не ѣздите сами, а ошлите мужа...

— Отчего?

Digitized by Google

— Скорѣе дастъ, если попроситъ мужчина да еще такой красавецъ, какъ вашъ мужъ. Любила ихъ много въ молодости и теперь на старости лѣтъ любить на нихъ поглядѣть. Распущенный человѣкъ, хоть и добраго сердца, — пояснила Аглая Петровна.—Въ уздѣ не умѣла себя держать... Ну да это и нелегкое дѣло, особенно для такихъ богачекъ... Не трудно сломать себѣ шею, если Богъ ума не далъ и нѣтъ правилъ въ жизни,—строго прибавила она.

«Ты-то своей прелестной головы не сломаешь!»—невольно подумала Маргарита Васильевна, любуясь Аносовой.

— А къ Рябинину непремѣнно поѣзжайте сами...

— И этотъ распущенный? — брезгливо проронила Маргарита Васильевна.

— Любитъ старикъ красивыхъ женщинъ... Но только не бойтесь... Онъ совсѣмъ приличный человѣкъ.

Зарѣчная надѣла шапочку и поднялась.

— Быть можетъ и не по дѣлу когда заглянете, Маргарита Васильевна?—ласково пригласила Аносова.

— Съ большимъ удовольствіемъ! — горячо проговорила гостья.

— Мы, кажется, сойдемся... Но только, конечно, не съ визитомъ, а такъ... побесѣдовать... По вечерамъ я всегда дома и почти всегда одна. А вы когда свободны?

— Тоже по вечерамъ и тоже почти всегда одна.

Обѣ грустно улыбнулись.

Аглая Петровна проводила гостью черезъ амфиладу комнатъ и, еще разъ цѣлуя Зарѣчную, сказала:

— Сегодня, конечно, вы будете на юбилеѣ?

— Буду.

— Такъ до вечера.

Аглая Петровна привѣтливо кивнула головой и, вернувшись въ свою «клѣтушку», присѣла за письменный столъ и подавила пуговку электрическаго звонка два раза.

На зовъ явился старикъ-артельщикъ, худощавый, опрятный, благообразный.

— Сейчасъ-же поѣзжайте, Кузьма Иванычъ, въ адресный столъ и справьтесь, гдѣ остановился дворянинъ Василій Васильичъ Невзгодинъ. Онъ третьяго дня пріѣхалъ изъ-за границы, вѣрно уже прописанъ. Фамилію, имя и отчество запишите. Да никому объ этомъ не болтать!—толково, ясно, ласково и въ то-же время властно отдавала приказаніе Аглая Петровна.

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ артельщикъ и такъ-же безшумно ушелъ, какъ явился.

Аглая Петровна на минуту задумалась и, подавивъ вздохъ, принялась за провѣрку отчета по фабрикѣ.

Digitized by Google

Костяшки такъ и прыгали подъ ея крупными бѣлыми пальцами, нарушая тишину, царившую въ «клѣтушкѣ».

IV.

Для самолюбія мужчины въ высшей степени больно и оскорбительно, когда въ глазахъ любимой и при томъ умной женщины онъ теряетъ свой прежній ореолъ и представляется ей далеко не въ томъ великолѣпіи, въ какомъ представлялся еще недавно.

Въ такомъ именно положеніи развѣнчаннаго героя и очутился, совершенно для себя неожиданно, молодой профессоръ послѣ разговора съ женой.

Если, впрочемъ, Николай Сергѣевичъ по скромности и не претендовалъ на титулъ героя—хотя, случалось, и не прочь былъ, грѣшнымъ дѣломъ, погеройствовать на словахъ и пожалѣть, что отечество не представляетъ благопріятной почвы для героическихъ поступковъ,—то во всякомъ случаѣ считалъ себя цивически безупречнымъ общественнымъ дѣятелемъ, разумѣется, въ предѣлахъ, не переступавшихъ безполезнаго донкихотства.

И, сравнивая себя съ большинствомъ своихъ коллегъ, Зарѣчный не безъ нѣкотораго права могъ, какъ Нарцисъ, любоваться собственною персоной и не находить серьезныхъ основаній быть недовольнымъ собой, подобно многимъ смертнымъ.

Не напрясно-же, въ самомъ дѣлѣ, онъ пользовался въ Москвѣ такою популярностью!

Его по справедливости считали блестящимъ профессоромъ. Диссертація Зарѣчнаго въ свое время была признана цѣннымъ вкладомъ въ науку и составила ему въ ученомъ мірѣ имя. Затѣмъ онъ не опочилъ, по примѣру товарищей, на лаврахъ, а писалъ, какъ всѣ знали, большую книгу, нѣсколько главъ которой были напечатаны въ одномъ изъ журналовъ и вызвали въ свое время лестные отзывы. Въ интеллигентныхъ кружкахъ и среди молодежи на него смотрѣли, какъ на одного изъ тѣхъ стойкихъ и независимыхъ жрецовъ науки, которые, по краснорѣчивому выраженію самого-же Николая Сергѣевича, «высоко держатъ свѣточъ знанія». Ни для кого не было секретомъ, что Зарѣчный не раздѣляетъ взглядовъ большинства товарищей и держится въ сторонѣ отъ всякихъ дрязгъ и интригъ. Онъ и самъ не скрывалъ этого и, намекая на трудность своего положенія, говорилъ о змѣиной мудрости и о долгѣ порядочнаго человѣка быть и одному воиномъ въ полѣ. Студенты, и особенно первокурсники изъ болѣе впечатлительныхъ, превозносили Зарѣчнаго и въ его горячихъ тира-

Digitized by Google

дахъ, сопровождавшихъ иногда лекціи, слышали голосъ человѣка твердыхъ принциповъ, слова котораго не расходятся съ дѣломъ. Его любили какъ необыкновенно мягкаго, доступнаго и всегда привѣтливаго профессора, принимавшаго близко къ сердцу студенческія бѣды. Публичныя лекціи Зарѣчнаго, которыя онъ читалъ съ благотворительною цѣлью, всегда привлекали массу публики и вызывали овація. Его звали въ разныя филантропическія общества и кружки, считая участіе Николая Сергѣевича необходимымъ для успѣха дѣла. Онъ признавался первымъ ораторомъ въ Москвѣ, гдѣ, какъ извѣстно, любятъ и умѣютъ красиво говорить, и его рѣчи и въ собраніяхъ и на торжественныхъ обѣдахъ слушались съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Особенно носились съ Зарѣчнымъ дамы. Онѣ пропагандировали его славу, преклонялись передъ нимъ, влюблялись въ него, писали ему восторженныя письма. Въ Москвѣ ходили слухи, будто нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Николай Сергѣевичъ еще былъ холостымъ, одна молодая интелигентная купчиха, съ огромнымъ состояніемъ, покушалась на самоубійство, въ виду полнѣйшаго равнодушія Николая Сергѣевича къ любви и милліонамъ этой хорошенькой психопатки декадентскаго пошиба, желавшей во чтобы то ни стало сдѣлаться женою моднаго красавца профессора.

Однимъ словомъ, Николай Сергѣевичъ становился однимъ изъ тѣхъ излюбленныхъ московскихъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ не по фамиліямъ, какъ простыхъ смертныхъ, а лишь по имени и отчеству и не знать которыхъ такъ-же предосудительно, какъ не знать Ивана Великаго, Иверской, Царь-пушки и трактира Тѣстова.

Чувствительный къ успѣхамъ и избалованный ими, Николай Сергѣевичъ старался быть на высотѣ своей репутаціи и, отдавая всего себя на «общественное служеніе», какъ называлъ онъ свою разнообразную и, дѣйствительно, суетливую дѣятельность, отнимавшую много времени, не задумывался ни о томъ, насколько она плодотворна и полезна, ни о томъ, насколько цѣнна и заслужена его популярность.

Да и некогда было.

Николая Сергѣевича просто-таки «разрывали», и онъ, польщенный общимъ вниманіемъ и вдобавокъ мягкій по натурѣ, не отказывался и всюду поспѣвалъ, вездѣ игралъ видную роль. Рѣшительно не было въ Москвѣ такого ученаго, благотворительнаго или даже увеселительнаго общества, въ которомъ не участвовалъ бы Зарѣчный въ качествѣ предсѣдателя, члена комитета или просто члена. И вездѣ онъ читалъ рефераты, дѣлалъ сообщенія, возражалъ и говорилъ рѣчи: и въ ученыхъ собраніяхъ, и въ благотворительныхъ комитетахъ, и въ обще-

Digitized by Google

ствѣ грамотности, и въ родительскомъ кружкѣ, и въ педагогическомъ, и въ артистическомъ и даже въ обществѣ велосипедистовъ.

Дѣятельность его, вызывавшая общіе восторги, никогда не подвергалась серьезной критикѣ, и Николай Сергѣевичъ могъ, казалось, съ горделивымъ сознаніемъ своихъ общественныхъ заслугъ, пребывать на высотѣ положенія, на которую его вознесли.

И вдругъ эти насмѣшливо-ядовитыя слова, эти холодные взгляды суроваго обвинителя.

И кто-же этотъ обвинитель?

Самый дорогой для него на свѣтѣ человѣкъ—боготворимая жена, сочувствіемъ которой онъ особенно дорожилъ и такъ долго его добивался, бывши ея поклонникомъ.

Положеніе было до нельзя обидное и мучительное. Оно осложнялось еще грустнымъ открытіемъ, что эта женщина, въ которую профессоръ до сихъ поръ влюбленъ со слѣпымъ безуміемъ чувственной страсти, такъ мало любитъ его. Она такъ спокойно сказала, что бросила-бы его, не задумываясь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ,—и онъ зналъ, что это не пустая угроза. Если бы она любила, то, разумѣется, не была бы такъ безпощадна къ мужу, будь онъ даже дурнымъ человѣкомъ. Любимымъ людямъ женщины все прощаютъ.

Правда, она не скрывала, что выходитъ замужъ, далеко не влюбленная, и—какъ она выразилась—«взвѣсивши всѣ обстоятельства». И она ихъ перечислила съ мужественной прямотой, такъ что для Зарѣчнаго не могло быть сомнѣнія въ томъ, что онъ для нея лишь умный, интересный и порядочный человѣкъ, котораго она уважаетъ и къ которому расположена—не болѣе. Потеряй онъ въ глазахъ жены свой ореолъ, и она для него потеряна.

И онъ принялъ эти объясненія съ восторгомъ влюбленнаго, не смотря на ихъ обидную для мужчины условность,—принялъ, желая обладать любимымъ существомъ и надѣясь, что заслужитъ и любовь. Онъ всѣми силами добивался ее, былъ необыкновенно внимателенъ къ женѣ, стараясь въ то-же время не надоѣдать ей своею навязчивостью, и ему казалось, что въ эти два года и Рита полюбила его. По крайней мѣрѣ, она была всегда ровна и ласкова, принимала къ сердцу его интересы и не чувствовала себя оскорбленной, отдаваясь горячимъ ласкамъ мужа. Они жили согласно. Никакихъ недоразумѣній, никакихъ супружескихъ сценъ. Рита по-прежнему уважала его и, повидимому, вполнѣ сочувствовала его дѣятельности.

«Ужъ не полюбила-ли она кого-нибудь?»

Это было первой мыслью, которая пришла въ голову про-

Digitized by Google

фессора, когда онъ, послѣ разговора съ женой, шелъ въ университетъ, взволнованный и удрученный, весь поглощенный думами о причинѣ неожиданныхъ упрековъ любимой жены. Подобно многимъ безхарактернымъ людямъ, внезапно застигнутымъ бѣдой, онъ словно бы боялся взглянуть ей прямо въ глаза и непремѣнно хотѣлъ найти объясненіе не тамъ, гдѣ его слѣдовало искать. Онъ сталъ перебирать въ памяти знакомыхъ мужчинъ, припоминалъ съ кѣмъ изъ нихъ Рита чаще видится, и никто изъ нихъ не могъ возбудить подозрѣнія даже въ ревнивыхъ глазахъ влюбленнаго профессора. И, наконецъ, Рита безупречна въ этомъ отношеніи: она не ищетъ авантюръ. Она слишкомъ горда, чтобъ унизиться до обмана и, конечно, не побоится сказать, еслибы полюбила.

— Не то, не то!—какъ-то растерянно проговорилъ вслухъ профессоръ, сознавая, что только малодушно хотѣлъ самъ себя обмануть, пріискивая объясненіе, между тѣмъ, какъ оно такъ очевидно.

Презрительныя слова жены о «праздно болтающихъ» стояли въ его ушахъ. Онъ ощущалъ теперь всѣмъ своимъ существомъ оскорбительность ихъ значенія, догадывался по поводу чего именно они сказаны Ритой и зналъ, чего ждала отъ него Рита. Но вѣдь это было бы безуміемъ? Ставить на карту свое положеніе—ненужное, безмысленное донкихотство, противъ котораго возмущается здравый смыслъ.

И всевозможные доводы, начиная съ доблести и кончая учеными цитатами, необыкновенно услужливо приходили въ голову профессора въ видѣ протеста противъ обвиненія жены въ трусости.

Но, не смотря на это, Николай Сергѣевичъ въ глубинѣ души чувствовалъ, да и понималъ, что жена до извѣстной степени права и что имѣетъ основанія предъявлять къ нему требованія, передъ которыми онъ безсиленъ.

«Права!» мысленно произнесъ онъ и припомнилъ многое.

Не онъ-ли говорилъ Ритѣ, ради ея прелестныхъ глазъ, и раньше, когда былъ женихомъ, и потомъ, когда сдѣлался мужемъ, не онъ-ли самъ говорилъ и ей, и передъ ней, и передъ многими тѣ краснорѣчивыя, блестящія слова о правдѣ, долгѣ и борьбѣ, которымъ онъ, конечно, и самъ вѣрилъ и сочувствовалъ, но больше теоретически, какъ извѣстнымъ понятіямъ, а не правиламъ жизни. Взгляды, которые онъ развивалъ нерѣдко въ приподнятомъ тонѣ, особенно въ присутствіи Риты, не были выстраданы жизнью, не были откликомъ цѣльной натуры и сильнаго темперамента, для котораго слово и дѣло неразлучны, а являлись—какъ у многихъ—такъ сказать, дипломомъ на званіе порядочнаго человѣка, чѣмъ-то не органически связаннымъ съ практической дѣятельностью—не даромъ

Digitized by Google

же жизнь Зарѣчнаго чуть-ли не со студенческихъ дней не омрачалась никакими осложненіями, столь обычными для учащихся. И эти рѣчи, завоевавшія ему уваженіе любимой женщины и всего общества, звучавшія такъ горячо и такъ сильно, казались и ему самому и другимъ искренними. Рита первая прослышала въ нихъ фальшивую ноту, придавая имъ болѣе серьезное, обязывающее значеніе, чѣмъ придавалъ онъ самъ, и можетъ теперь подумать, что онъ сознательно ей лгалъ.

Мысль, что Рита считаетъ его лжецомъ, привела въ отчаяніе профессора, освѣтивъ передъ нимъ ту бездну, въ которой онъ очутился, благодаря себѣ самому.

А развѣ онъ лгалъ? Развѣ онъ лжетъ?

Николай Сергѣевичъ возмутился, что можетъ даже явиться подобный вопросъ, и въ то-же время понималъ, что такой вопросъ возможенъ. И какъ жестоко наказанъ онъ за то, что другимъ даже не ставится въ вину. Дѣйствительно, онъ, быть можетъ, и говорилъ больше, чѣмъ слѣдовало человѣку въ его положеніи, но онъ всетаки не лгалъ...

Бѣдный профессоръ, глубоко взволнованный и уязвленный, переживалъ непріятныя минуты. Благодаря обвиненіямъ жены, въ немъ, едва-ли не первый разъ въ жизни, шевельнулась мысль: не вводитъ-ли онъ въ заблужденіе и себя, и людей, пользуясь безупречной репутаціей, и не защищаетъ-ли онъ, въ сущности, свое личное благополучіе, оправдывая компромиссы и горячо доказывая, что одинъ въ полѣ не воинъ.

Но чѣмъ назойливѣе лѣзли сомнѣнія, готовыя, казалось, сбросить Зарѣчнаго съ того пьедестала, на которомъ онъ такъ прочно и удобно стоялъ, тѣмъ сильнѣе оскорблялось самолюбіе избалованнаго успѣхами человѣка и тѣмъ неодолимѣе являлось желаніе оставаться на прежней высотѣ. И опять на помощь являлись аргументы, одинъ убѣдительнѣе другого, доказывающіе, что онъ правъ, что обвиненія жены не правильны, что онъ поступаетъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, и даже не безъ доблести.

«Надо дѣлать дѣло, а не геройствовать безсмысленно!» — подумалъ онъ.

Профессоръ нѣсколько пріободрился, найдя оправданіе себѣ. Въ немъ появилась надежда убѣдить Риту въ своей правотѣ и вернуть ея уваженіе.

О, еслибъ онъ не любилъ такъ безумно эту женщину!

V.

Отдавая быстрые общіе поклоны, Николай Сергѣевичъ торопливо прошелъ мимо ряда почтительно разступившихся

Digitized by Google

студентовъ, стоявшихъ въ проходѣ, поднялся на каѳедру, привычнымъ жестомъ бросилъ на пюпитръ листки конспекта и сѣлъ, окидывая взглядомъ аудиторію.

Большая актовая зала, вмѣщающая шестьсотъ человѣкъ, была переполнена. Толпились въ проходахъ; сидѣли на подоконникахъ. Слушать Зарѣчнаго приходили съ другихъ факультетовъ.

— Въ послѣдней лекціи я изложилъ вамъ, господа...

Съ перваго же слова воцарилась мертвая тишина. Студенты жадно внимали словамъ любимаго профессора. Онъ читалъ, дѣйствительно, превосходно: громко, отчетливо, щеголяя литературнымъ изяществомъ и сыпля блестящими сравненіями, остроумными характеристиками, мѣткими цитатами. Рѣчь, вначалѣ нѣсколько вялая и безцвѣтная, подъ вліяніемъ еще не пережитыхъ непріятныхъ впечатлѣній, скоро полилась съ обычной плавностью, полной какой-то чарующей музыкальности гибкаго пріятнаго голоса, живая, сильная и выразительная, невольно захватывающая слушателей. Несомнѣнно, эта масса напряженныхъ, вытянувшихся впередъ молодыхъ лицъ съ выраженіемъ чуткаго, почти восторженнаго вниманія, электризовала профессора, приподнимая и, такъ сказать, просвѣтляя его настроеніе.

Онъ испытывалъ счастливое чувство той высшей удовлетворенности, которую даетъ каѳедра, и, отдаваясь власти своего таланта, отрѣшался въ эти минуты отъ мелочей и дрязгъ жизни, забывая себя и свои обиды, нанесенныя любимой женщиной, и самъ какъ бы внутренно хорошѣлъ и, увлеченный, не любовался своею рѣчью. И его красивое лицо становилось одухотвореннѣе и словно-бы мужественнѣе. Глаза, устремленные куда-то вдаль, искрились огнемъ увлеченія. Талантъ творилъ свое дѣло преображенія.

Зарѣчный почти не заглядывалъ въ конспектъ. Онъ знакомилъ своихъ слушателей съ одной изъ героическихъ эпохъ и самъ, казалось, жилъ ею, оживляя ее въ яркихъ картинахъ съ талантомъ художника и освѣщая и обобщая факты съ діалектическимъ мастерствомъ блестящаго эрудита съ широкими общественными взглядами. Самъ далеко не смѣлый и мягкій, онъ теперь восхищался смѣлостью въ историческихъ личностяхъ и превозносилъ съ кафедры то, что въ жизни считалъ безсмысленнымъ геройствомъ.

Громъ рукоплесканій раздался въ залѣ и не смолкалъ въ теченіи минуты, другой, послѣ того, какъ Николай Сергѣевичъ, проговоривши сорокъ минутъ, окончилъ лекцію. Лица студентовъ свѣтились восторгомъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ слова профессора были не одними скоро забывающимися красивыми словами, а глаголами, которые жгли молодыя сердца.

Digitized by Google

Видимо довольный бурнымъ одобреніемъ и, въ то-же время, стараясь скрыть свою радость подъ личиной напускной серьезности, Зарѣчный нѣсколько медленнѣе, чѣмъ можно было бы, собиралъ листки конспекта и, собравши, когда аплодисменты стали затихать, поднялъ руку, требуя слова.

Когда рукоплесканія смолкли, и воцарилась тишина, онъ проговорилъ:

— Господа! Лучшая оцѣнка моихъ лекцій—это переполненная аудиторія и вниманіе, съ которымъ вы ихъ слушаете. Другая форма оцѣнки излишня... Она, къ тому же, не разрѣшается правилами, и я покорнѣйше прошу васъ, господа, не употреблять этой другой формы...

Проговоривши эти слова, которыя Николай Сергѣевичъ всегда говорилъ послѣ взрыва одобреній, онъ поклонился студентамъ, спустился съ кафедры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто спустился съ той высоты настроенія, на которой только что былъ, точно актеръ, возвратившійся отъ иллюзіи сцены за кулисы.

И мысли объ обвиненіяхъ жены опять взволновали Зарѣчнаго. Онѣ отравляли хорошее впечатлѣніе послѣ лекціи, оскорбляя самолюбіе и нарушая привычный душевный покой, которымъ до сихъ поръ пользовался жизнерадостный и довольный собою Николай Сергѣевичъ.

«О, еслибъ Рита видѣла, какъ его любятъ студенты и какія устраиваютъ овація!»—думалъ онъ и досадовалъ, что Рита не можетъ быть на его лекціяхъ.

Онъ торопливо проходилъ черезъ разступавшуюся толпу, когда его нагнали два студента «издателя», записывавшіе и издававшіе его лекціи.

Одинъ изъ нихъ, довольно пригожій, чистенькій и свѣжій блондинъ съ голубыми глазами и кудрявой бородкой, пользовавшійся расположеніемъ Зарѣчнаго, какъ способный и серьезно занимавшійся студентъ, и изрѣдка бывавшій у него какъ знакомый, обратился къ нему съ дѣловымъ, озабоченнымъ и въ то-же время восторженно-почтительнымъ видомъ человѣка, благоговѣйно влюбленнаго въ своего профессора:

— Николай Сергѣичъ! Разрѣшите побезпокоить васъ на одну минутку.

И во всей подавшейся, стройной фигурѣ, и въ выраженіи глазъ, и въ тонѣ свѣжаго, молодого голоса чувствовалась нѣкоторая афектація.

— Охотно разрѣшаю!—съ привѣтливой шутливостью проговорилъ Николай Сергѣевичъ, останавливаясь.—Что вамъ угодно, г. Васильковъ?

— Когда позволите принести вамъ лекціи на провѣрку?

— Когда? Да хоть завтра!—разсѣянно отвѣтилъ Зарѣчный.

Digitized by Google

— Завтра вѣдь юбилей Андрея Михайловича Косицкаго!— почтительно подчеркнулъ студентъ имя и отчество юбиляра.

— Ахъ, да... я и забылъ. Я буду, конечно, на юбилеѣ. Кажется, и студенты подносятъ ему адресъ?

— Какъ-же, всѣ курсы. Если угодно, я вамъ принесу сегодня же текстъ адреса, Николай Сергѣичъ!—предупредительно промолвилъ бѣлокурый студентъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же... Такъ завтра нельзя... Въ такомъ случаѣ, послѣ завтра...

— Въ которомъ часу прикажете?

— Я, кажется, свободенъ отъ шести до восьми вечера. Въ девятомъ часу засѣданіе. Такъ послѣ завтра. Мы вмѣстѣ просмотримъ лекціи, и я васъ отпущу съ миромъ... До свиданія! — сказалъ Зарѣчный, протягивая студенту руку, и пошелъ далѣе къ выходу въ библіотечную залу, гдѣ собирались во время перерыва лекцій профессора.

Одинъ низенькій, черноволосый студентъ, худой и блѣдный, съ возбужденнымъ, болѣзненнымъ лицомъ, все время не отстававшій отъ Зарѣчнаго и видимо желавшій, но не рѣшавшійся къ нему подойти, наконецъ, рѣшился приблизиться къ профессору, когда тотъ уже былъ у дверей, и, полный смущенія, произнесъ чуть не съ мольбою въ глухомъ своемъ голосѣ:

— Господинъ профессоръ, господинъ профессоръ!

Зарѣчный пріостановился, останавливая разсѣянный взглядъ на незнакомомъ студентѣ.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ очень нужно... необходимо поговорить съ вами, г. профессоръ.

— Сдѣлайте одолженіе... Только говорите короче... Мнѣ некогда.

— Нѣтъ, не здѣсь... Позвольте придти къ вамъ на квартиру... Мнѣ хочется о многомъ спросить васъ... И на счетъ книгъ, и... и вообще. Я понимаю, что слишкомъ нахаленъ, обращаясь къ вамъ съ такой просьбой... Время у такого человѣка, какъ вы, драгоцѣнно... Но не откажите... Пожертвуйте десятью, пятнадцатью минутами... Вѣдь вы не откажете?—возбужденно и слегка задыхаясь, видимо смущенный, говорилъ этотъ болѣзненный, невзрачный студентъ съ задумчивыми и большими, точно глядящими внутрь глазами, одѣтый въ очень ветхій сюртукъ.

— Охотно приму васъ... Какъ ваша фамилія?

— О, благодарю васъ, господинъ профессоръ — радостно воскликнулъ студентъ. Я былъ увѣренъ, что вы не откажете... А моя фамилія Медынцевъ.

— Вы на первомъ курсѣ?

— На второмъ, г. профессоръ.

Digitized by Google

— Такъ приходите какъ-нибудь на недѣлѣ... Въ пятницу, напримѣръ, около пяти часовъ... Съ удовольствіемъ побесѣдую съ вами, г. Медынцевъ... и постараюсь дать вамъ указанія на счетъ книгъ и отвѣтить на ваши вопросы, насколько я въ нихъ компетентенъ!—ласково отвѣтилъ Николай Сергѣевичъ, отводя участливый взглядъ со впалыхъ щекъ, на которыхъ горѣлъ лихорадочный румянецъ.

«Бѣдняга совсѣмъ плохъ на видъ»!—подумалъ Зарѣчный и, привѣтливо кивнувъ головой студенту, скрылся въ дверяхъ.

VI.

Въ небольшой комнатѣ передъ библіотечной залой было три профессора. Двое изъ нихъ о чемъ-то оживленно бесѣдовали, а третій—высокій худощавый старикъ, съ узкой, коротко остриженной, начинавшей сѣдѣть, головой, гладко выбритый, безъ бороды и безъ усовъ, съ умнымъ и нѣсколько саркастическимъ взглядомъ небольшихъ острыхъ и холодныхъ глазъ,—онъ сидѣлъ въ сторонѣ съ высокомѣрнымъ спокойствіемъ олимпійца, не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на двухъ своихъ коллегъ и на ихъ разговоръ.

Это былъ заслуженный профессоръ Аристархъ Яковлевичъ Найденовъ, извѣстный ученый и знатокъ своей спеціальности, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, благодаря своему недюжинному уму, связямъ въ административномъ петербургскомъ мірѣ и замѣчательному умѣнью приспособляться ко всякимъ вѣяніямъ въ теченіи тридцатилѣтней своей службы и въ то-же время не пользоваться заслуженной репутаціей совсѣмъ наглаго по безпринципности человѣка. Напротивъ, онъ умѣлъ, когда нужно, быть двуликимъ Янусомъ, посмѣиваясь въ душѣ надъ каждой изъ партій, считавшей его, по временамъ, своимъ. Онъ занимался наукой и въ то-же время ухитрился какъ-то устроиться еще при нѣсколькихъ министерствахъ, такъ что получалъ въ общемъ довольно много денегъ и, какъ говорили, имѣлъ небольшое состояніе. Читалъ онъ лекціи сухо, какъ-то нехотя, словно бы не желая спускаться съ научныхъ высотъ до уровня своихъ слушателей, и студенты посѣщали его курсъ больше по обязанности и на лекціяхъ у него бывало не болѣе двадцати человѣкъ. А лѣтъ двадцать тому назадъ, Найденовъ былъ едва-ли не самый популярный профессоръ въ Москвѣ и читалъ въ тѣ времена блистательно...

Въ послѣднее время Найденовъ даже пересталъ быть и Янусомъ,—не стоило—и съ нескрываемымъ цинизмомъ оплевывалъ то, чему прежде считалъ нужнымъ поклоняться, и даже самую науку умѣлъ приспособить къ собственной карьерѣ,

Digitized by Google

Давно ужъ онъ держался вдалекѣ отъ своихъ коллегъ и жилъ замкнуто, сохранивъ отношенія съ очень немногими профессорами.

Зарѣчный былъ ученикомъ Найденова и въ значительной степени обязанъ былъ ему и своими знаніями, и своею каѳедрой. Не смотря на циничные взгляды и несимпатичное поведеніе своего бывшаго учителя, Николай Сергѣевичъ поддерживалъ съ нимъ отношенія, изрѣдка бывалъ у него и по старой памяти даже нѣсколько побаивался его ядовитыхъ и подчасъ злыхъ насмѣшекъ, особенно въ научныхъ спорахъ.

— По-прежнему, любезный коллега, срываете аплодисменты, пожиная плоды своей популярности?—самымъ серьезнымъ тономъ проговорилъ старый профессоръ, слегка кивая головой и протягивая сухую, тонкую руку подошедшему къ нему Зарѣчному.

Тотъ вспыхнулъ, но ничего не отвѣтилъ. Онъ прежде поздоровался съ двумя коллегами и, вернувшись къ Найденову, сказалъ:

— Я не ищу ни аплодисментовъ, ни популярности, Аристархъ Яковлевичъ.

— Ну еще бы. Она сама идетъ къ счастливцамъ, подобнымъ вамъ... Да вы не сердитесь, Николай Сергѣевичъ. Я вѣдь ничего не желаю сказать непріятнаго своему бывшему ученику. Право. Я могъ бы только радоваться вашимъ успѣхамъ, еслибъ не зналъ, какъ непостоянна волна человѣческаго счастья, дорогой мой.

Лицо старика по прежнему было серьезно, когда онъ говорилъ свою ироническую тираду, только безкровныя, тонкія губы его чуть-чуть перекосились, да въ сѣрыхъ глазахъ играла едва замѣтная лукавая улыбка.

— Я по опыту знаю все это, Николай Сергѣичъ. И отъ популярности въ свое время вкусилъ, и имѣлъ честь быть освистаннымъ, за что, впрочемъ, не въ претензіи, ибо свистъ этотъ много помогъ мнѣ въ дальнѣйшей жизни. А вы знаете, за что я былъ освистанъ? — понижая голосъ, спросилъ старикъ.

Зарѣчный слышалъ объ этой давнишней исторіи, но изъ деликатности сказалъ, что не знаетъ.

— Молодымъ дуракамъ, которые теперь навѣрное ужъ сдѣлались почтенными дураками, не понравилось то, что я имъ однажды прочелъ на лекціи. Имъ показалось не либерально, и они меня быстро разжаловали изъ излюбленныхъ въ подлецы. У насъ вѣдь такъ-же быстро производятъ, какъ и разжалываютъ, въ чины. Сегодня излюбленный, а завтра подлецъ, и на оборотъ.

Digitized by Google

Найденовъ примолкъ, и когда изъ комнаты вышли два профессора, заговорилъ, конфеденціально понижая голосъ:

— А всетаки позвольте мнѣ вамъ дать дружескій совѣтъ, Николай Сергѣичъ.

— Какого рода?

— Средняго, собственно говоря... Не претендуйте ва плохую остроту—усмѣхнулся Найденовъ... Не позволяйте аплодировать себѣ. Я знаю: вы умный человѣкъ. Я понимаю: положеніе малюбленнаго обязываетъ. Но вѣдь и жалованье остается жалованьемъ, а дальше ординатура, добавочные и такъ далѣе. Не такъ-ли? Такъ ужъ вы завтра на юбилеѣ Косицкаго не очень то давайте волю вашему блестящему оратерскому таланту. Сообщаю это вамъ къ свѣдѣнію.

Слова стараго циника производили впечатлѣніе ударовъ бича, невольно напоминая слова Риты. Но Зарѣчный рѣшилъ выслушать все до конца и сдерживалъ свое негодованіе.

— Ну, а затѣмъ мнѣ кажется пора и отбывать повинность!—продолжалъ Найденовъ, взглядывая на часы.

Поморщившись, Найденовъ лѣниво поднялся съ кресла.

Длинный, худой и прямой, съ приподнятой головой, съ безстрастнымъ, казалось, выраженіемъ желтоватаго, морщинистаго, гладко выбритаго лица, онъ въ своемъ вицъ-мундирѣ совсѣмъ не походилъ на профессора, а напоминалъ скорѣй какого-нибудь значительнаго чиновника.

Глядя въ упоръ пронизывающими глазами на Зарѣчнаго, онъ самымъ любезнымъ тономъ проговорилъ, складывая свои тонкія блеклыя губы въ привѣтливую улыбку:

— А вѣдь вы, Николай Сергѣичъ, совсѣмъ рѣдко заглядываете къ бывшему своему профессору. Это не совсѣмъ мило съ вашей стороны.

Зарѣчный былъ удивленъ. Никогда раньше Найденовъ не звалъ къ себѣ Николая Сергѣевича и не упрекалъ за рѣдкія посѣщенія.

— Я очень занятъ, Аристархъ Яковлевичъ, да и боюсь вамъ помѣшать! — уклончиво отвѣчалъ Зарѣчный, нѣсколько смущенный...

Насмѣшливая улыбка мелькнула въ глазахъ Найденова.

— Я не такой занятой человѣкъ, какъ вы, Николай Сергѣичъ.. Меня не разрываютъ на части, какъ васъ, и, слѣдовательно, ваша боязнь помѣшать мнѣ нѣсколько преувеличена. Я почти всегда у себя въ кабинетѣ, любезный коллега... Копаюсь въ архивныхъ бумажкахъ... вотъ и все мое дѣло. Такъ удѣлите часокъ вашего драгоцѣннаго времени и навѣстите меня на дняхъ. Кстати, у меня къ вамъ и дѣльце есть. При свиданіи объясню... Хоть мы и числимся въ противопо-

Digitized by Google

ложныхъ лагеряхъ—вы въ либералахъ, а я въ обскурантахъ—но это, надѣюсь, не послужитъ препоной заѣхать ко мнѣ. Въ Европѣ этимъ не смущаются... Не правда-ли? — усмѣхнулся старикъ.

— Я заѣду.

— Пожалуйста. Побесѣдуемъ... А вы мнѣ разскажете, какъ отпразднуютъ юбилей Андрея Михайловича. Газеты хоть и дадутъ свѣдѣнія, но сухія...

— А развѣ вы не будете завтра на обѣдѣ, Аристархъ Яковлевичъ?

— Нѣтъ. Я вообще, видите-ли, не большой охотникъ до театральныхъ зрѣлищъ и во всякомъ случаѣ предпочитаю Малый театръ колонной залѣ Эрмитажа.

— Но адресъ Косицкому вы подписали?

— Кто вамъ сказалъ? И адреса не подписалъ. Разумѣется, не по тѣмъ глубокимъ соображеніямъ, по которымъ, говорятъ, затруднялся подписать одинъ нашъ умный коллега. Вы тоже, конечно, слышали, что этотъ коллега находилъ неприличнымъ подписать свою знаменитую фамилію не во главѣ списка... И такъ какъ впереди мѣста не было, то бѣдняга оказался въ большомъ затрудненіи... Напрасно ему не посовѣтовали подписаться сбоку и обвести свою фамилію рамкой... Тогда онъ совсѣмъ-бы выдѣлился... Но только я не подписалъ адреса по другимъ соображеніямъ.

Зарѣчному, знавшему, какъ скептически вообще относится Найденовъ къ коллегамъ и въ особенности къ тѣмъ, которые стараются по возможности сохранить свое достоинство, хотѣлось позлить старика, и онъ спросилъ:

— Почему-же вы не подписали, Аристархъ Яковлевичъ? Развѣ вы находите, что дѣятельность Косицкаго не заслуживаетъ адреса?

Лицо Найденова перекосилось отъ злости. Глаза заискрились. И онъ, медленно растягивая слова, произнесъ своимъ тихимъ скрипучимъ голосомъ:

— А какая такая дѣятельность Косицкаго? Я, признаться, о ней не знаю.

— Профессорская, ученая и вообще общественная, Аристархъ Яковлевичъ.

— Профессорская!? Вызубрилъ когда-то двѣ-три книжонки и съ тѣхъ поръ по нимъ читаетъ свой курсъ. Не очень-то полезны такіе профессора университету... а двѣ статейки, напечатанныя въ журналахъ, вотъ всѣ плоды его ученой дѣятельности... Впрочемъ, вы, конечно, не согласны со мной?—неожиданно оборвалъ старикъ, видимо сдерживая себя.

— Не согласенъ, Аристархъ Яковлевичъ. Косицкій, конечно, не великій ученый, но...

Digitized by Google

— Но, — перебилъ Найденовъ, смѣясь — въ шестьдесятъ лѣтъ все еще подаетъ надежды... И, разумѣется, одинъ изъ независимыхъ, честныхъ и безупречныхъ служителей науки... Такъ, что-ли, изображено въ адресѣ... Или еще чувствительнѣе?

— Приблизительно такъ.

— Ну и на здоровье... А въ рѣчахъ вы его хоть въ угодники произведите. Опровергать ходячее мнѣніе не стоитъ... Да и некогда! И то мои студенты, пожалуй, уже ласкаютъ себя надеждой, что я не буду имъ сегодня читать.

Старикъ снова взглянулъ на часы и уже совсѣмъ спокойно промолвилъ:

— А привѣтственную телеграмму Косицкому я всетаки пошлю.

— Пошлете?—удивленно спросилъ Зарѣчный.

— Обязательно.

— За что-же?

— А за то, что Андрей Михайловичъ хоть и прикидывается добродушнымъ простачкомъ, а въ сущности умный и осмотрительный человѣкъ. Тридцать лѣтъ прослужить въ званіи россійскаго профессора да еще при разныхъ курсахъ, тридцать лѣтъ слыть и знающимъ, и честнымъ, и безупречнымъ и быть на отличномъ счету и у начальства, и у коллегъ, и у студентовъ, и у общества, это, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ объ умѣ... А я прежде всего почитаю умъ. Ну, и кромѣ того, не хочу ссориться съ Андреемъ Михайловичемъ. Однако, я заболтался съ вами. До свиданья. Привѣтъ вашей супругѣ... Не забудьте-же дружескихъ совѣтовъ вашего благопріятеля, любезный коллега, если только хотите со временемъ праздновать свой юбилей. И помните, что я жду васъ!—властнымъ тономъ, словно приказывая, прибавилъ старикъ.

Онъ слегка пожалъ руку Зарѣчнаго и не спѣшной, размѣренной походкой направился къ дверямъ. Онъ выше и надменнѣе поднялъ голову и принялъ еще болѣе суровый видъ, когда вошелъ въ аудиторію и увидалъ тамъ всего десятка два слушателей.

А когда-то къ нему на лекціи сбѣгались студенты со всѣхъ факультетовъ.

VI.

Зарѣчный читалъ еще одну лекцію, потомъ ѣздилъ по разнымъ дѣламъ, частью общественнымъ, частью личнымъ, и въ седьмомъ часу вечера возвращался домой усталый, голодный и въ отвратительномъ настроеніи.

Въ другое время онъ отнесся бы съ молчаливымъ презрѣніемъ

Digitized by Google

къ тому мнѣнію о немъ, какое такъ недвусмысленно слышалось въ словахъ Найденова. Николай Сергѣевичъ зналъ, что эта «озлобленная каналья» судитъ людей по себѣ и считаетъ всѣхъ либо безпринципными циниками, какъ онъ самъ, либо лицемѣрами, либо дураками. Только послѣдніе, по его мнѣнію, могутъ быть порядочными людьми и вѣрить въ идеалы.

Не мудрено, что онъ и на своего бывшаго любимаго ученика смотритъ со скептицизмомъ стараго циника. Но прежде, по крайней мѣрѣ, онъ не говорилъ ему откровенностей прямо въ глаза и съ такимъ презрительнымъ высокомѣріемъ, какъ сегодня. Сегодня старый авгуръ словно бы поощрялъ молодого.

И Зарѣчный досадовалъ, что не оборвалъ старика, и вообще былъ слишкомъ терпимъ къ нему и раньше. Но всетаки нельзя не цѣнить въ немъ крупнаго ученаго и нельзя забыть учителя, которому многимъ обязанъ. И, наконецъ, рѣзкость не въ характерѣ молодого профессора!

Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ себѣ Зарѣчный свою сдержанность передъ Найденовымъ, не думая или стараясь не думать, что кромѣ этихъ причинъ были еще и другія: боязнь навлечь на себя злобу вліятельнаго въ университетѣ профессора, который всегда могъ напакостить, и пріобрѣтенная еще во время студенчества привычка: почтительно выслушивать насмѣшки ядовитаго профессора въ качествѣ одного изъ его любимцевъ.

Но самое оскорбительное для самолюбія Николая Сергѣевича, самое убійственное для него заключалось въ томъ, что унизительные комплименты Найденова и суровыя обвиненія Риты выражали собою одно и тоже.

И любимая женщина, и умный старикъ-профессоръ не вѣрили его искренности.

Вообще весь разговоръ съ Найденовымъ производилъ на Николая Сергѣевича скверное впечатлѣніе, напоминая ему слова Риты и смущая его.

«И что ему отъ меня нужно? Какое такое дѣло?» — задавалъ онъ себѣ вопросъ, хорошо понимая, что Найденовъ такъ настойчиво его зоветъ исключительно по дѣлу, а не для пріятныхъ бесѣдъ.

Сперва Зарѣчный, было, подумалъ, что не поѣдетъ, но затѣмъ рѣшилъ ѣхать. Свиданіе вѣдь ни къ чему не обязываетъ—ни въ какія дѣла, кромѣ спеціально научныхъ, онъ съ Найденовымъ, разумѣется, не войдетъ — а между тѣмъ визитъ этотъ поможетъ уяснить ему свое положеніе.

Его нѣсколько безпокоили эти «дружескія предупрежденія» относительно осторожности. Вѣроятно, Найденовъ предостерегалъ не безъ какихъ нибудь основаній — не даромъ же онъ друженъ съ властями и первый узнаетъ обо всемъ.

Digitized by Google

Размышляя объ этомъ, молодой профессоръ испытывалъ тревогу хорошо устроившагося, любящаго извѣстный покой человѣка, неожиданно узнавшаго, что положеніе его, которое онъ считалъ прочнымъ, оказывается далеко не такимъ. И одновременно съ этимъ чувствомъ тревоги онъ подумалъ, что въ самомъ дѣлѣ надо быть осторожнымъ, и кстати припомнилъ и евангельское изреченіе о змѣиной мудрости. Надо не давать ни малѣйшаго повода къ формальнымъ придиркамъ... Непремѣнно слѣдуетъ прекратить аплодисменты и сказать студентамъ, чтобы они берегли своего профессора. Вѣдь глупо же, въ самомъ дѣлѣ, изъ какого-нибудь пустяка бросить любимое занятіе и лишить студентовъ хорошихъ лекцій. Нелѣпо рисковать мѣстомъ и остаться безъ куска хлѣба. Эта перспектива всегда была больнымъ мѣстомъ Николая Сергѣевича. И безъ того его озабочивали запутанныя денежныя дѣла и долги. Сегодня только что пришлось переписать вексель и занять сто рублей.

Конечно, на его глазахъ творится не мало скверная и глупаго, и онъ безсиленъ помѣшать этому скверному и глупому...

Это только Рита всюду находитъ поводы и не хочетъ понять, что въ жизни неизбѣжны нѣкоторые компромиссы. Лучше дѣлать возможно хорошее, чѣмъ ничего не дѣлать.

Эта мысль увлекла его, и въ головѣ молодого профессора складывался стройный рядъ блестящихъ положеній, убѣдительныхъ доказательствъ. И какъ это все ясно! Какая могла-бы выдти чудная рѣчь и вмѣстѣ съ тѣмъ какое неотразимое оправданіе всей его дѣятельности.

И Зарѣчнаго внезапно осѣнила идея: сказать завтра на юбилеѣ рѣчь на эту тему. Эта рѣчь произведетъ на Риту впечатлѣніе. Она пойметъ свою вину передъ нимъ и, правдивая, подойдетъ къ нему и скажетъ: «Николай! Я виновата!»

«Можетъ быть, она и теперь сознаетъ, что была несправедлива ко мнѣ и ждетъ моего возвращенія!»—радостно мечталъ Зарѣчный, потарапливая извозчика.

Но когда онъ подъѣхалъ къ маленькому особнячку и позвонилъ, эти радостныя мечты мгновенно исчезли, и Николай Сергѣевичъ вошелъ въ прихожую далеко не съ тѣмъ радостнымъ видомъ, съ какимъ входилъ обыкновенно, возвращаясь домой.

— А барыни развѣ дома нѣтъ?—спросилъ онъ у горничной когда, войдя въ столовую, увидѣлъ одинъ приборъ на столѣ.

— Барыня дожидались васъ до шести часовъ, откушали и ушли...

— Давно?

Digitized by Google

— Только-что.

Онъ взглянулъ на часы. Было безъ пяти семь. Онъ дѣйствительно сильно запоздалъ, но, случалось, Рита терпѣливо поджидала его, зная, что онъ не любитъ обѣдать одинъ.

«А теперь не захотѣла. Ушла!»—тоскливо подумалъ Зарѣчный, чувствуя себя обиженнымъ, и проговорилъ:

— Давайте скорѣй обѣдать. Я ѣсть хочу!

Не смотря на печальное настроеніе, Николай Сергѣевичъ уписывалъ обѣдъ съ жаднымъ аппетитомъ сильно проголодавшагося человѣка, но, покончивъ обѣдъ, пилъ пиво, бокалъ за бокаломъ, съ такимъ мрачнымъ видомъ, что возбудилъ къ себѣ искренное участіе въ молодой пригожей горничной. Она слышала однимъ ухомъ разговоръ между супругами и, принимая сторону красавца профессора, находила, что онъ ужъ слишкомъ обожаетъ жену.

Вставая изъ за стола, профессоръ спросилъ у Кати:

— Былъ кто нибудь?

— Одинъ господинъ былъ.

— Кто такой? Оставилъ карточку?

— Господинъ Невзгодинъ. Они у барыни были.

Зарѣчнаго точно что-то кольнуло. Онъ зналъ, что Невзгодинъ былъ горячимъ поклонникомъ Риты, и что она расположена къ этому шелопаю, какъ онъ его называлъ.

«Зачѣмъ онъ явился сюда изъ Парижа?»

— Невзгодинъ?—переспросилъ Зарѣчный. — Вы не перепутали фамилію, Катя?

— Что вы баринъ?.. Такая нетрудная фамилія... Такой маленькій, аккуратненькій господинъ... Изъза-границы пріѣхали!—докладывала Катя, прибирая со стола.

Ревнивое чувство охватило профессора, и онъ чуть было не спросилъ: долго-ли сидѣлъ у жены Невзгодинъ. Стыдъ допроса горничной удержалъ его. Однако онъ не уходилъ изъ столовой.

И Катя сама поспѣшила удовлетворить его любопытство и въ тоже время доставить себѣ маленькое удовольствіе произвести опытъ наблюденія и съ самымъ невиннымъ видомъ болтушки прибавила:

— Барыня собирались, было, уходить, ужъ и шапочку надѣли, когда пріѣхалъ господинъ Невзгодинъ,—но остались... И этотъ баринъ просилъ доложить, что на минутку, а сами цѣлый часъ просидѣли.

— Я васъ не спрашиваю объ этомъ!—рѣзко проговорилъ Зарѣчный, чувствуя, что краснѣетъ.

— Простите, баринъ... Я думала...

— Разбудите меня, пожалуйста, въ восемь часовъ!—перебилъ, смягчая тонъ, Зарѣчный и направился въ кабинетъ.

Digitized by Google

Этотъ небольшой кабинетъ, почти весь заставленный полками, набитыми книгами, съ большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ, среди книгъ, брошюръ и мелко исписанныхъ листковъ рукописи, красовалось нѣсколько фотографій Маргариты Васильевны, показался теперь Николаю Сергѣевичу какимъ-то гробомъ—тѣснымъ и мрачнымъ...

Онъ снялъ вицъ-мундиръ надѣлъ фланелевую блузу и прилегъ на отоманку, надѣясь отдохнуть хоть полчаса. Въ восемь ему непремѣнно надо ѣхать на засѣданіе Общества, въ которомъ онъ предсѣдателемъ. Не быть тамъ никакъ нельзя... Онъ читаетъ рефератъ, и засѣданіе навѣрное затянется.

Но заснуть Зарѣчный никакъ не могъ. Ревнивыя мысли переплетались съ воспоминаніями объ обидѣ, нанесенной ему утромъ женой, и наполняли мучительной тоской его душу, возбуждая мозгъ до галлюцинацій.

Ему представлялось теперь почти несомнѣннымъ, что Рита для него потеряна. Въ Невзгодинѣ она найдетъ не только влюбленнаго поклонника, но и единомышленника. Этотъ донкихотствующій зубоскалъ, конечно, постарается отличиться передъ Ритой радикальнымъ скептицизмомъ. Онъ и раньше щеголялъ этимъ. Ничего не дѣлалъ и только подсмѣивался — это вѣдь такъ легко и ни къ чему не обязываетъ.

При мысли о томъ, что Рита можетъ его бросить, Зарѣчный чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ и несчастнымъ, и какая-то самолюбивая злоба отвергнутаго самца охватывала его, когда онъ представлялъ себѣ Риту въ объятіяхъ Невзгодина. И ему хотѣлось унизить этого человѣка въ глазахъ Риты. Онъ при первой-же встрѣчѣ это сдѣлаетъ...

Нѣтъ... онъ такъ не поступитъ. Онъ останется джентельменомъ. Онъ не будетъ мѣшать имъ... Если она полюбила... если она...

Мысли путались въ возбужденной головѣ профессора. Онъ точно вдругъ очутился въ какой-то безднѣ противорѣчій и не находилъ выхода.

Тукъ-тукъ-тукъ!

— Восемь часовъ, баринъ!

— Хорошо.

Онъ торопливо одѣлся и, выходя, какъ-то застѣнчиво проговорилъ:

— Я, вѣроятно, поздно вернусь и не хочу безпокоить барыню. Сдѣлайте мнѣ постель въ кабинетѣ.

— Слушаю-съ.

Зарѣчный дѣйствительно вернулся поздно. Когда на другой день онъ всталъ въ девять часовъ, чтобъ поспѣть на лекцію, а оттуда ѣхать къ юбиляру, Маргарита Васильевна еще не выходила изъ спальни.

Digitized by Google

— Передайте барынѣ, что если она хочетъ быть на юбилеѣ, то пусть пріѣзжаетъ одна. Мнѣ никакъ нельзя заѣхать за ней!—сказалъ Зарѣчный, осматриваясь въ трюмо.

Въ хорошо сшитомъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, онъ глядѣлъ совсѣмъ красавцемъ. Нѣсколько осунувшееся поблѣднѣвшее лицо и слегка ввалившіеся глаза, вслѣдствіе безсонной ночи, придавали ему еще болѣе интересный видъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Станюковичъ.

Digitized by Google

Карлъ Марксъ и его русскій критикъ.

Л. З. Слонимскій: «Марксъ и его школа» Вѣстникъ Европы, 1896 г., мартъ.
» «Экономическая теорія Маркса». «В. Е.», 1896 г., апр. и май.
» «Капитализмъ въ доктринѣ Маркса». «В. Е.» 1896 г., іюль, авг., сент.

I.

Въ послѣднее время въ русской литературѣ съ рѣдкимъ оживленіемъ трактуется вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи. При ближайшемъ анализѣ вопросъ этотъ формулируется, какъ извѣстно, слѣдующимъ образомъ: переживетъ-ли Россія эпоху капитализма въ томъ самомъ видѣ, какъ его переживаетъ Западная Европа, или нашему отечеству предстоятъ нѣсколько иные пути экономическаго и общественнаго развитія. Такъ какъ основные вопросы, касающіеся исторіи капиталистической эпохи Западной Европы, наиболѣе тщательно изслѣдованы въ трудахъ Карла Маркса, то естественно, что къ этимъ трудамъ, къ ихъ изученію и оцѣнкѣ, приходится обращаться каждому, желающему ориентироваться въ формулированномъ выше вопросѣ. Неудивительно поэтому, что труды Маркса сдѣлались основнымъ центромъ, около котораго вращаются научные и литературные интересы лучшей части нашего общества.

Мы можемъ только радоваться тому, что вниманіе русской общественной мысли занято трудами ученаго, которому и злѣйшіе противники его воззрѣній не могли отказать въ необыкновенномъ талантѣ, широкой эрудиціи, непоколебимой логикѣ, стройности и глубинѣ мысли. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не высказать сожалѣнія, что въ русской литературѣ царитъ въ этой области смута, доходящая нерѣдко до полнаго смѣшенія понятій. Трудовая теорія цѣнности и теорія прибавочной цѣнности, вопросъ объ экономическомъ матерьялизмѣ, т. е. о первенствующемъ значеніи экономическаго фактора въ общественной жизни и въ частности о роли производства и обмѣна въ ряду категорій экономическаго порядка; мысль о необходимости для каждой страны переживать эпоху капитализма; вопросъ о роли личности въ исторіи, о цѣлесообразности и причинности явленій общественной жизни—всѣ эти и еще многіе другіе, не менѣе важные вопросы, сваливаемые въ одну кучу подъ общимъ именемъ

Digitized by Google

«марксизма», трактуются заодно, съ приведеніемъ ихъ часто въ ничѣмъ необъяснимую связь и зависимость. А между тѣмъ общеизвѣстные факты изъ прошлаго и настоящаго литературы по названнымъ вопросамъ могли бы, кажется, съ достаточною силою доказать отсутствіе необходимой связи между указанными различными вопросами. Какъ, напримѣръ, не назвать убѣдительнымъ тотъ фактъ, что трудовая теорія цѣнности, легшая въ основаніе ученія Маркса, проповѣдывалась цѣлымъ рядомъ писателей до Смита, самимъ Смитомъ, Рикардо, — все лицами, не имѣвшими ничего общаго съ практическою стороною ученія Маркса; что многіе русскіе писатели, считающіе себя сторонниками трудовой теоріи цѣнности и приверженцами Маркса въ этомъ вопросѣ, открещиваются всѣми силами отъ теоріи экономическаго матерьялизма; что напр. г. Николай—онъ, убѣжденный адептъ трудовой теоріи цѣнности и теоріи экономическаго матерьялизма вмѣстѣ, не согласенъ съ прочими «марксистами» въ вопросѣ о необходимости для Россіи переживать эпоху капитализма по западно-европейскому шаблону и т. д., и т. д. Не смотря на всѣ эти краснорѣчивые примѣры, повторяемъ, смѣшеніе понятій и сваливаніе въ кучу самыхъ разнородныхъ вопросовъ въ означенной области русской литературы несомнѣнно существуетъ. Самый терминъ «ученіе Маркса» сталъ носить до того общій и неопредѣленный характеръ, что, встрѣтивъ человѣка, называющаго себя «марксистомъ», вы въ сущности не можете точно знать, съ кѣмъ имѣете дѣло.

Въ виду этого, появленіе работъ, затрагивающихъ ту или иную сторону ученія Маркса, представляется намъ весьма желательнымъ. Но, помимо этого, въ настоящій моментъ, такія работы заслуживаютъ особеннаго вниманія. Дѣло въ томъ, что съ выходомъ въ свѣтъ 3-го тома «Капитала» надо считать законченнымъ изложеніе доктрины Маркса. Притомъ же сравнительно недавно скончался Фридрихъ Энгельсъ, главный продолжатель и до нѣкоторой степени также авторъ этого ученія. Наступило, слѣдовательно, время подвести итогъ плодамъ упорной работы нѣмецкихъ ученыхъ, еще разъ критически взвѣсить ихъ ученіе, выбрать изъ него и точно опредѣлить положенія строго-научнаго характера и, оставивъ въ сторонѣ все остальное, пойти далѣе по пути научной разработки вопроса.

Г. Слонимскій не задавался подобною трудною цѣлью; ему казалось только своевременнымъ высказать нѣкоторыя критическія замѣчанія о доктринѣ, претендующей опять на руководящую роль въ области нашихъ народно-хозяйственныхъ идей и направленій. («Вѣстникъ Евр.», мартъ, стр. 293.) Оцѣнить эти «критическія замѣчанія» и составляетъ задачу нашей статьи.

Вкладъ Маркса въ экономическую науку составляетъ, какъ извѣстно, его трудовая теорія цѣнности (и вытекающая изъ нея теорія прибавочной стоимости). Съ разбора этой теоріи и начинаетъ свою

Digitized by Google

критику г. Слонимскій, давая вмѣстѣ съ тѣмъ и общую оцѣнку научной личности нѣмецкаго ученаго. «Главною научною заслугою Маркса», говоритъ онъ, «считается его теорія цѣнности, которая вноситъ нѣкоторыя дополненія и поправки въ доктрину англійскаго экономиста и банкира Давида Рикардо» (мартъ, стр. 303). Въ этихъ словахъ критика мы склонны увидѣть весьма вѣрную постановку вопроса: Марксъ сразу ставится здѣсь, такъ сказать, исторически, его ученіе берется въ связи и по отношенію къ предыдущимъ ученіямъ, и такая историческая перспектива, на нашъ взглядъ, можетъ привести къ наиболѣе цѣннымъ результатамъ. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ г. Слонимскій совершенно отвернулся отъ этой точки зрѣнія, и это вполнѣ естественно, если принять во вниманіе взглядъ нашего критика на значеніе тѣхъ «дополненій и поправокъ», которыя были внесены Марксомъ въ доктрину англійскаго экономиста. «Рикардо», говоритъ онъ, «вслѣдъ за Адамомъ Смитомъ принимаетъ трудъ за источникъ и мѣрило цѣнности. Марксъ подробно истолковываетъ это положеніе и дѣлаетъ изъ него очень сложные выводы, при помощи діалектики, напоминающей буквальное толкованіе законовъ юристами. Геніальный англо-еврейскій банкиръ высказываетъ свои мысли ясно и сжато, ведетъ свою аргументацію въ строгомъ стилѣ математической логики, относится въ своей задачѣ замѣчательно скромно и отзывается съ уваженіемъ о работахъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, — нѣмецкій послѣдователь его развиваетъ на сотняхъ страницъ самыя элементарныя идеи, запутываетъ ихъ обиліемъ повтореній и примѣровъ, заявляетъ о необычайной важности открытыхъ имъ истинъ и ядовито высмѣиваетъ или игнорируетъ многихъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ (?) въ экономической литературѣ» (мартъ, стр. 302). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, по мнѣнію г. Слонимскаго, «Марксъ слѣдуетъ Рикардо не только въ общемъ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и въ самомъ методѣ изслѣдованія» (ib., стр. 302); что вообще «Марксъ ни въ чемъ не отступилъ отъ старыхъ шаблоновъ, установленныхъ экономистами-классиками» (стр. 296), что трактатъ его отличается «чрезвычайнымъ многословіемъ въ изложеніи и разборѣ самыхъ элементарныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ» (стр. 296); и что вообще въ теоріи цѣнности, считающейся главнѣйшей научной заслугой Маркса, послѣдній не пришелъ ни къ какому рѣшенію вопроса. Въ результатѣ, въ концѣ-концовъ, вопросъ объ отношеніи ученія Маркса къ ученію Рикардо совсѣмъ перестаетъ интересовать г. Слонимскаго, и если принять во вниманіе всѣ приведенныя цитаты вмѣстѣ съ массою самыхъ нелестныхъ эпитетовъ по адресу Маркса, съ которыми мы познакомимся ниже, то станетъ ясно, какова истинная научная физіономія нѣмецкаго ученаго по представленію его безпощаднаго русскаго критика.

Мы постараемся дать отвѣтъ на голословныя обвиненія г. Слонимскаго и, въ предѣлахъ объема журнальной статьи, отмѣтить то

Digitized by Google

новое, что далъ Марксъ наукѣ по общему признанію его послѣдователей. Какъ это уже сказано выше, Марксъ далеко не первый выставилъ трудовую теорію цѣнности. «Теорія труда, какъ измѣрителя и регулятора мѣновыхъ отношеній», говоритъ Зиберъ, «до извѣстной степени можетъ быть признана достояніемъ всего человѣчества, такъ какъ сознаніе ея, хотя болѣе или менѣе смутное, встрѣчается у большей части народовъ земного шара и на всевозможныхъ ступеняхъ развитія» *). Въ наукѣ же трудовая теорія цѣнности выставляется цѣлымъ рядомъ писателей XVII и XVIII вѣковъ, приготовившихъ своими трудами почву для ученія Адама Смита. У послѣдняго трудовая теорія получаетъ извѣстное обоснованіе и ясную формулировку, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже извѣстны крупные недостатки этого ученія. Не распространяясь много о нихъ, укажемъ лишь на то, что послѣ категорическаго признанія труда «единственнымъ всеобщимъ, какъ и единственнымъ точнымъ, мѣриломъ цѣнности», Смитъ далѣе заявляетъ, что трудовое начало обмѣна имѣетъ примѣненіе лишь «въ первобытномъ, грубомъ состояніи общества, предшествующемъ скопленію капиталовъ и образованію земельной собственности»; съ этого же послѣдняго момента роль цѣнности заступаетъ «естественная цѣна» предмета, представляющая собою комбинацію трехъ факторовъ производства: труда, земли и капитала. Этимъ заявленіемъ Смитъ отступилъ отъ трудовой теоріи цѣнности, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи ея къ современному хозяйству.

Давиду Рикардо принадлежитъ заслуга разъясненія многихъ слабыхъ сторонъ ученія его шотландскаго предшественника. Но онъ не только не коснулся указаннаго нами основного недостатка этого ученія, но и самъ впалъ въ ошибку подобнаго рода. Правда, онъ отнесъ законъ трудовой цѣнности къ современному, буржуазному обществу, но онъ допустилъ это совершенно голословно. Признавая «буржуазныя формы труда за вѣчныя естественныя формы общественнаго труда» (Марксъ), Рикардо для доказательства закона цѣнности обратился къ примѣрамъ изъ первобытныхъ несложныхъ отношеній, отличавшихся однообразіемъ мѣновыхъ сдѣлокъ, и затѣмъ допустилъ, что такой же законъ дѣйствуетъ и въ современномъ обществѣ. Въ результатѣ получился абстрактный законъ, хотя и отнесенный къ современному хозяйству, но взятый внѣ непосредственной связи съ конкретными условіями нашего времени. Буржуазное хозяйство не выдѣлено имъ, какъ особый *историческій* моментъ, характеризующійся специфическими чертами, а между тѣмъ эти черты имѣютъ существенное значеніе. Мы отыскиваемъ законъ, управляющій мѣновыми сдѣлками современнаго общества. Послѣднее же характеризуется многими оригинальными чертами, вродѣ, напр., широко проведеннаго общественнаго раздѣленія труда,

*) См. Приложенія къ сочиненіямъ Рикардо. Спб. 1882 г., стр. 600.

Digitized by Google

полной спеціализаціи занятій, могучаго, все прогрессирующаго роста производительной силы труда и т. д. При наличности этихъ и многихъ другихъ неотъемлемыхъ отъ современнаго производства чертъ уясненіе трудового закона представляетъ большія затрудненія. При полномъ обособленіи занятій, какъ, по какому признаку сравнивать между собою разные роды и виды труда? Цѣнность предмета опредѣляется количествомъ труда, потраченнаго на его производство; но развѣ трудъ человѣческій есть нѣчто однообразное и опредѣленное? Можетъ-ли поэтому столь измѣняющаяся величина быть общимъ мѣриломъ цѣнности? Далѣе. При огромномъ ростѣ и, слѣдовательно, измѣненіи производительной силы труда, количество послѣдняго, требуемаго на производство одного и того же предмета, подвергается измѣненіямъ. И если на производство одного аршина холста требовалось X вчера и У труда сегодня, или А труда въ одномъ мѣстѣ и В въ другомъ, то какое же изъ этихъ различныхъ количествъ труда устанавливаетъ и измѣряетъ цѣнность холста? Затѣмъ, при растущемъ примѣненіи къ производству всевозможныхъ усовершенствованныхъ орудій и пріемовъ, при все большемъ помѣщеніи капиталовъ на счетъ человѣческаго труда, какой смыслъ имѣетъ положеніе, что цѣнность продукта измѣряется трудомъ и только трудомъ? Можно, наконецъ, пойти еще далѣе и спросить: на какомъ основаніи только одно свойство товаровъ—трудъ—берется мѣриломъ цѣнности ихъ и почему въ такой роли не могутъ выступать другія, не менѣе существенныя свойства товаровъ, — напримѣръ, полезность? Все это вопросы, неизбѣжно возникающіе и неотступно требующіе отвѣта при первой попыткѣ примѣнить трудовую теорію цѣнности къ мѣновымъ отношеніямъ современнаго хозяйства. Но ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не дала удовлетворительнаго отвѣта, нѣкоторыхъ изъ нихъ даже не поставила англійская классическая школа.

Историческая заслуга Маркса заключается въ томъ, что, усвоивъ общія положенія, установленныя этою школою, онъ не только не обошелъ всѣхъ трудныхъ вопросовъ, связанныхъ съ ними, но разрѣшилъ ихъ весьма удачно въ своемъ классическомъ анализѣ товара и цѣнности. Къ краткому изложенію этого анализа мы теперь и перейдемъ.

Въ предисловіи къ своему основному труду «Капиталъ» Марксъ опредѣленно заявляетъ, что цѣль его—изслѣдовать законы, лежащіе въ основаніи хозяйственной жизни одного періода человѣческой исторіи, такъ называемаго капиталистическаго хозяйства. Богатство капиталистическаго общества представляется въ видѣ огромнаго скопленія товаровъ, а каждый товаръ составляетъ элементарную форму этого богатства. Изслѣдованіе капиталистическаго хозяйства должно поэтому начинаться съ изслѣдованія свойствъ товара.

Итакъ, что же такое товаръ, этотъ первичный элементъ или атомъ современнаго хозяйства? Цѣль и назначеніе товара — быть

Digitized by Google

продаваемымъ, обмѣниваемымъ на другіе товары; очевидно, слѣдовательно, что онъ долженъ заключать въ себѣ совокупность такихъ свойствъ и качествъ, которыя дѣлали бы возможнымъ и необходимымъ отчужденіе его однимъ лицомъ и пріобрѣтеніе другимъ. Товаръ долженъ поэтому прежде всего быть внѣшнимъ предметомъ, вещью, способной служить удовлетворенію какой-нибудь человѣческой потребности, т. е. обладать потребительной стоимостью. Но не всякая потребительная стоимость можетъ быть товаромъ: воздухъ, вода въ рѣкѣ, растительность дѣвственнаго лѣса—все это вещи, удовлетворяющія опредѣленнымъ потребностямъ, все это потребительныя стоимости, но не товары. Чтобы сдѣлаться товаромъ, потребительная стоимость должна быть продуктомъ человѣческаго труда, и это составляетъ второе основное свойство товара.

Мы опредѣлили объектъ обмѣна—товаръ. Теперь намъ предстоитъ раскрыть сущность самого обмѣна и возникающей въ немъ *мѣновой стоимости*. Что такое мѣновая стоимость? Это количественное отношеніе или пропорція, въ которой потребительныя стоимости одного рода обмѣниваются на потребительныя стоимости другого рода. Теперь посмотримъ, чѣмъ она опредѣляется, что устанавливаетъ ея величину, и какова при этомъ роль товаровъ. Предположимъ, что предъ нами совершается обмѣнъ двухъ товаровъ: пшеницы и желѣза. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, оно всегда можетъ быть представлено уравненіемъ: 1 квартеръ пшеницы равняется А центнерамъ желѣза. Разберемся въ этомъ уравненіи. Извѣстна та математическая истина, что сравненію могутъ подлежать только величины однородныя. Что же именно однороднаго представляютъ собою пшеница и желѣзо? Мы отмѣтили въ каждомъ товарѣ наличность двухъ общихъ свойствъ; слѣдовательно, однородности товаровъ нужно искать въ отношеніи этихъ двухъ свойствъ. Но, какъ потребительныя стоимости, — въ отношеніи своихъ полезныхъ свойствъ, — пшеница и желѣзо представляютъ различныя вещи, и именно различіе ихъ полезныхъ свойствъ и дѣлаетъ возможнымъ и даже необходимымъ обмѣнъ между ними. Итакъ, обмѣниваемые товары никоимъ образомъ не могутъ быть однородны по своей потребительной стоимости; послѣдняя, поэтому, при обмѣнѣ не принимается во вниманіе, отвлекается, абстрагируется. Остается, такимъ образомъ, другое общее свойство товаровъ: то свойство, что всѣ они суть продукты человѣческаго труда. Мы вполнѣ разобрались въ нашемъ уравненіи: 1 кв. пшеницы и А цент. желѣза вступаютъ между собою въ обмѣнъ потому, что оба представляютъ различныя потребительныя стоимости т. е. удовлетворяютъ различнымъ потребностямъ; приравнивается 1 кв. пшеницы къ А центн. желѣза потому, что оба обладаютъ въ равной степени другимъ свойствомъ, тѣмъ, что оба представляютъ результатъ одного и того же количества труда, потраченнаго на ихъ производство. Итакъ, трудъ, потраченный на производство товара — вотъ источникъ и мѣрило мѣновой

Digitized by Google

стоимости. Разсматриваемые, какъ мѣновыя стоимости, товары суть ни что иное, какъ кристализованный трудъ.

Теперь спрашивается: какъ при помощи этой субстанціи (труда), измѣряется стоимость товаровъ? Количествомъ заключающейся въ нихъ стоимосте-образовательной субстанціи, т. е. труда. Количество же самого труда измѣряется его продолжительностью, т. е. временемъ, а рабочее время имѣетъ въ свою очередь измѣренія въ опредѣленныхъ доляхъ времени, напр., дняхъ, часахъ и т. д. Можно, однако, возразить, что для принятія этого мѣрила имѣются два затрудненія. Въ вышеприведенномъ разсужденіи мы признали непригодность потребительной стоимости въ качествѣ мѣрила цѣнности (мѣновой стоимости) на томъ основаніи, что она не только не одинакова въ сравниваемыхъ предметахъ, а, напротивъ того, крайне разнообразна. Но развѣ, спросятъ, не то же возраженіе можно сдѣлать и противъ труда, какъ мѣрила стоимости? Развѣ при современномъ раздѣленіи труда, при полной спеціализаціи занятій, различные роды труда не представляютъ такого же разнообразія, какъ и различные роды полезности? Никто не станетъ отрицать, что существуетъ трудъ неодинаковыхъ качествъ и достоинствъ, трудъ различной легкости и пріятности, наконецъ, трудъ, на который потребовалась большая или меньшая степень подготовки. Что же общаго между этими различными до неузнаваемости видами труда? Гдѣ признакъ для сравненія ихъ? Гдѣ масштабъ для обмѣна?

Мы найдемъ такой масштабъ, если обратимъ вниманіе на двоякій характеръ труда, создающаго какой-нибудь товаръ. Товаръ представляется намъ, какъ потребительная стоимость и какъ мѣновая стоимость. И та, и другая стоимость создается трудомъ, но трудомъ различнаго рода. Съ одной стороны, трудъ есть опредѣленная человѣческая дѣятельность, направленная на достиженіе опредѣленной цѣли; съ другой стороны, трудъ есть трата человѣческой рабочей силы вообще. Первая сторона труда въ различныхъ производительныхъ дѣятельностяхъ различна; вторая—составляетъ общее свойство всѣхъ производительныхъ дѣятельностей. Трудъ сапожника и ювелира разнятся между собою по цѣли, къ которой они направлены, по средствамъ, которыми пользуются, по результатамъ, которыхъ достигаютъ, но, не смотря на это, они имѣютъ общимъ свойствомъ то, что оба представляютъ затрату человѣческой рабочей силы вообще. Въ результатѣ обоихъ видовъ труда (сапожника и ювелира) получились двѣ совершенно различныя вещи (сапоги и серьги). Поскольку мы будемъ обращать вниманіе именно на это различіе потребительныхъ свойствъ, трудъ, лежащій въ основаніи этихъ двухъ вещей, является для насъ несравнимымъ. Но если оставить въ сторонѣ потребительныя свойства сапогъ и серегъ, если отвлечься отъ этихъ свойствъ (а это, какъ мы видѣли, возможно и необходимо при обмѣнѣ), то у насъ все-таки останется нѣчто общее въ обѣихъ затратахъ труда. Это общее свойство заключается въ томъ, что оба они пред-

Digitized by Google

ставляютъ собою затрату человѣческой рабочей силы вообще. Какъ бы ни были различны производительныя дѣятельности, но это физіологическая истина, что всѣ онѣ составляютъ отправленія человѣческаго организма, и что всякое такое отправленіе есть трата человѣческаго мозга, нервовъ, мускуловъ и т. д. А если такъ, если самыя разнокачественныя и разнородныя работы въ источникѣ своемъ однородны, то въ этой конечной однородности мы почерпаемъ основу для сравнительной оцѣнки этихъ различныхъ работъ, для приведенія ихъ къ одному знаменателю. Этимъ общимъ знаменателемъ или единицею мѣры труда является простой трудъ, который есть ни что иное, какъ трата простой рабочей силы, которою обладаетъ въ своемъ тѣлесномъ организмѣ каждый обыкновенный человѣкъ безъ особеннаго развитія. Правда, этотъ простой средній трудъ самъ измѣняетъ свой характеръ въ различныхъ странахъ и въ различныя эпохи культуры, но въ данномъ обществѣ это есть величина постоянная. Сложный трудъ цѣнится, какъ умноженный или возведенный въ степень простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда уподобляется большему количеству простого труда. Различныя пропорціи, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простой работѣ, какъ къ своей единицѣ измѣренія, устанавливаются при помощи нѣкотораго общественнаго процесса за спиною производителей и кажутся поэтому какъ бы установленными по обычаю.

Такъ разрѣшается первое затрудненіе на пути къ признанію труда мѣриломъ цѣнности. Теперь обратимся къ другому, еще болѣе важному затрудненію. Можетъ показаться, что если стоимость товара опредѣляется количествомъ труда, потраченнаго на его производство, то чѣмъ лѣнивѣе и неискуснѣе человѣкъ, тѣмъ цѣннѣе его товаръ, потому что тѣмъ болѣе употребилъ онъ рабочаго времени на его приготовленіе. Но это не такъ. Стоимосте-образовательнымъ считается только общественно-необходимое рабочее время, т. е. время, требуемое для созданія какой-нибудь потребительной стоимости съ помощью наличныхъ общественно-нормальныхъ условій производства и со среднею общественною степенью ловкости и напряженности труда. Только количество общественно-необходимаго рабочаго времени, потраченнаго на производство товара, опредѣляетъ величину его стоимости. Если вникнуть въ тѣ общественно-нормальныя условія производства, которыя устанавливаютъ норму общественно необходимаго рабочаго времени, то мы увидимъ, что эти условія сводятся къ характеру производительности труда, которая входитъ существеннымъ элементомъ въ опредѣленіе величины стоимости товара: послѣдняя измѣняется съ каждымъ измѣненіемъ производительной силы труда. Производительная сила труда опредѣляется многими обстоятельствами, между прочимъ среднею степенью способности рабочаго, развитіемъ науки и ея технологическою примѣнимостью, общественною комбинаціею процесса произ-

Digitized by Google

водства, объемомъ и плодотворностью средствъ производства и природными условіями. Напримѣръ, то же количество труда въ благопріятные годы выражается въ 8-ми бушеляхъ пшеницы, въ неблагопріятные только въ 4-хъ. Алмазы встрѣчаются рѣдко въ земной корѣ, а потому ихъ нахожденіе въ среднемъ выводѣ стоитъ много рабочаго времени. Вообще, чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ менѣе стоимость товара,—и наоборотъ. Въ конечномъ итогѣ величина стоимости прямо пропорціональна количеству и обратно пропорціональна производительной силѣ труда, потраченнаго на производство товара.

Мы изложили, отчасти подлинными словами автора, ученіе Маркса о цѣнности. Спрашивается: что новаго внесено этимъ ученіемъ въ экономическую науку? Правъ ли г. Слонимскій, утверждая, что Марксъ ни на шагъ не отступилъ отъ шаблоновъ, установленныхъ англійскими экономистами классиками? Намъ думается, что изъ приведеннаго изложенія теоріи цѣнности Маркса и всѣхъ поясненій, сдѣланныхъ выше, самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на поставленные вопросы. Не распространяясь обо всѣхъ точкахъ соприкосновенія и отличія между Марксомъ, съ одной стороны, и Смитомъ и Рикардо — съ другой (что вовсе не входитъ въ нашу задачу), отмѣтимъ тутъ одинъ существенный пунктъ, важный для дальнѣйшаго пониманія какъ критики г. Слонимскаго, такъ и нашихъ замѣчаній по ея поводу.

Въ то время, какъ Смитъ относилъ реальность трудового закона цѣнности къ далекимъ первобытнымъ временамъ; въ то время, какъ Рикардо не доказалъ реальности этого закона для новѣйшаго хозяйства, въ которомъ онъ даже не видѣлъ существенныхъ отличій отъ предыдущихъ его формъ, Марксъ строго ограничилъ предметъ своего изслѣдованія буржуазнымъ хозяйствомъ и создалъ законъ цѣнности въ примѣненіи къ мѣновымъ отношеніямъ, въ немъ господствующимъ. Но этого мало. Точно опредѣливъ предметъ и предѣлы своей работы, открывая законъ, управляющій мѣновыми отношеніями исключительно капиталистическаго хозяйства, Марксъ не ограничился при этомъ одними общими положеніями, подобно Рикардо, не обошелъ всѣхъ трудныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ сложности капиталистическихъ отношеній, а, наоборотъ, обратилъ самое серьезное вниманіе на всѣ характерныя особенности, на всѣ типическія черты современнаго хозяйственнаго строя: товарную форму богатства, разнообразіе отдѣльныхъ видовъ труда, постоянныя измѣненія въ производительной силѣ его, и изъ анализа этихъ условій извлекъ свой законъ цѣнности. Внѣ связи съ этими условіями трудовой законъ и не обладалъ бы научной силой. Онъ имѣетъ значеніе, напримѣръ, не только *не смотря* на товарную форму современнаго хозяйства, *не смотря* на спеціализацію занятій, но именно *въ силу* этой товарной формы и *въ силу* этой спеціализаціи. Подробныя доказательства всего этого мы дадимъ

Digitized by Google

ниже; теперь же мы устанавливаемъ только ту мысль, что, созданный для пониманія экономической дѣйствительности, трудовой законъ Маркса есть плодъ этой дѣйствительности.

Въ этомъ заключается историчность закона цѣнности Маркса,— одно изъ важнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ достоинствъ этого ученія, выгодно отличающее его отъ всѣхъ предыдущихъ ученій. Мы рѣшили отмѣтить это, преимущественно предъ всѣми другими особенностями разбираемаго ученія, потому что, какъ мы сейчасъ увидимъ, г. Слонимскій не только не понялъ всего того, о чемъ мы говоримъ, но на полномъ непониманіи этого построилъ всю свою критику.

Изложивъ на двухъ съ половиною страницахъ анализъ товара и цѣнности Маркса, г. Слонимскій начинаетъ находить въ этомъ анализѣ «внутреннія противорѣчія». Такъ, прежде всего ему кажется, что во всѣхъ разсужденіяхъ Маркса одно изъ свойствъ товаровъ—потребительная стоимость—играетъ какую-то двойственную, неестественную роль. Выходитъ будто бы, что «цѣнность (мѣновая стоимость) продукта не зависитъ отъ его полезности (потребительной стоимости) и въ то же время безъ нея вовсе не существуетъ; она неразрывно связана съ нею и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляется отъ нея какъ нѣчто вполнѣ самостоятельное» (апрѣль, 815). И въ этомъ кроется будто бы одно изъ «внутреннихъ противорѣчій» ученія Маркса. Чтобы доказать ошибочность мнѣнія г. Слонимскаго, напрасно разыскивающаго противорѣчія тамъ, гдѣ все отличается ясностью и логичностью, мы считаемъ достаточнымъ ссылку на самое ученіе Маркса, изложенное нами выше. Тамъ, думается намъ, съ полною убѣдительностью доказано, что полезность или потребительная стоимость товаровъ есть необходимое *условіе* обмѣна, и въ то же время оно никоимъ образомъ не можетъ служить *мѣриломъ* мѣновой стоимости. Съ точки зрѣнія Маркса, еще не опровергнутой г. Слонимскимъ, это вполнѣ логично, послѣдовательно, и никакого «внутренняго противорѣчія» тутъ нѣтъ. Нахожденіе же такого «противорѣчія» возможно только при «игнорированіи» одной характернѣйшей черты современнаго хозяйства: спеціализаціи занятій, въ силу которой приготовляемыя различныя потребительныя стоимости не могутъ подлежать сравненію по своей полезности, хотя эта полезность служитъ необходимымъ элементомъ для созданія обмѣна и мѣновой стоимости. Таково первое мнимое противорѣчіе теоріи Маркса. Но за нимъ г. Слонимскій указываетъ еще другое, гораздо болѣе важное. Оказывается, что самъ Марксъ, по мнѣнію его критика, не сумѣлъ устоять на одной опредѣленной точкѣ зрѣнія. Онъ будто бы то и дѣло оставляетъ свою трудовую формулу, замѣняя ее другою, ничего общаго неимѣющею съ опредѣленіемъ цѣнности при помощи труда. Именно, по Марксу, будто бы выходитъ, что «цѣнность присуща товару соотвѣтственно воплощенному въ немъ количеству человѣческаго труда, и въ то же

Digitized by Google

время она вовсе не присуща товару, а опредѣляется посторонними условіями, общественными и природными... падаетъ или возвышается при одномъ и томъ же количествѣ труда въ зависимости отъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ степени урожайности даннаго участка, отъ богатства или бѣдности разрабатываемыхъ копей и т. д». (апрѣль, 815—16). Итакъ, въ числѣ условій, порождающихъ будто бы у Маркса отступленіе отъ трудового закона цѣнности, указываются «постороннія условія, общественныя и природныя» и затѣмъ «случайныя внѣшнія обстоятельства». Читатель легко можетъ понять истинный смыслъ разсужденія г. Слонимскаго. Мы видимъ выдающуюся заслугу Маркса въ томъ, что въ качествѣ опредѣлителя цѣнности онъ беретъ трудъ человѣческій не въ голомъ, такъ сказать, видѣ, отвлеченномъ отъ всѣхъ условій пространства и времени, а трудъ въ его общественномъ выраженіи опредѣленныхъ техническихъ свойствъ, опредѣленной производительности, — словомъ, общественно-необходимый трудъ. При этомъ общественныя и природныя условія, устанавливающія данное выраженіе общественно необходимаго труда, никакъ нельзя назвать «посторонними», полагая вполнѣ естественнымъ и законнымъ вліяніе этихъ общественныхъ условій на факторъ, устанавливающій общественную цѣнность товаровъ. Иначе думаетъ г. Слонимскій: по его мнѣнію, слѣдуетъ выбрать мѣриломъ цѣнности или трудъ, или общественныя условія производства, иначе получится непримиримое «внутреннее противорѣчіе» теоріи, что мы и видимъ у Маркса, у котораго «оговорки насчетъ общественно-необходимаго рабочаго времени и общественныхъ условій производства мало помогаютъ дѣлу, какъ видно и изъ приводимыхъ имъ примѣровъ». Приводимые Марксомъ примѣры и ихъ опроверженіе г. Слонимскимъ заключаются въ слѣдующемъ *).

*) Укажемъ кстати на своеобразное и, на нашъ взглядъ, совершенно невѣрное пониманіе г. Слонимскимъ закона общественно-необходимаго рабочаго времени. Что такое общественно-необходимый трудъ? Чѣмъ онъ устанавливается и чѣмъ выражается? По словамъ г. Слонимскаго, школа Рикардо-Маркса признаетъ, что „мѣновая цѣнность хлѣбныхъ товаровъ регулируется не наименьшимъ количествомъ необходимой производительной работы, какъ въ фабричномъ производствѣ, а, напротивъ, наибольшими затратами труда на малоплодородныхъ земляхъ, обработка которыхъ еще необходима для удовлетворенія потребности общества въ хлѣбѣ“ (апрѣль, 817). Мнѣніе Рикардо-Маркса объ установленіи цѣнности хлѣбныхъ продуктовъ наибольшими затратами труда г. Слонимскій передалъ вѣрно. Но откуда онъ взялъ, что по Марксу мѣновая цѣнность фабричныхъ продуктовъ регулируется наименьшимъ количествомъ производительной работы? Гдѣ у Маркса указаніе на различные способы установленія цѣнности продуктовъ фабричной и сельско-хозяйственной промышленности? Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ любопытнымъ образчикомъ непониманія критикомъ одного изъ самыхъ основныхъ пунктовъ критикуемаго ученія. Марксъ нигдѣ не говоритъ, что общественно-необходимымъ временемъ для продуктовъ обрабатывающей промышленности служитъ

Digitized by Google

Примѣръ первый. Марксъ говоритъ, что со введеніемъ парового ткацкаго станка потребовалось вдвое менѣе времени на производство ткацкихъ продуктовъ, и что поэтому цѣнность ручной ткацкой работы, оставшейся при старыхъ условіяхъ производства, понизилась на половину. Критикъ находитъ такое объясненіе паденія цѣнности продуктовъ ручного ткачества несогласнымъ съ опредѣленіемъ цѣнности количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени. Введеніе парового ткацкаго станка, говоритъ онъ, «можетъ обнимать только нѣкоторую часть производства данной категоріи товаровъ, не оказывая большого вліянія на количество продуктовъ, производимыхъ трудомъ ручныхъ ткачей. Тогда почему цѣнность всей ручной ткацкой работы должна понижаться на половину послѣ уменьшенія на половину количества труда при фабричномъ производствѣ нѣкоторой части тѣхъ же товаровъ?.. Отчего нормой общественно-необходимаго рабочаго времени для производства товаровъ берется здѣсь одинъ лишь фабричный трудъ, а не тотъ средній общественный трудъ, который обнимаетъ собою и всю продолжающую дѣйствовать ручную ткацкую работу»? Объясненіе этого явленія такъ просто. Говоря о томъ, что со введеніемъ парового ткацкаго станка цѣнность продуктовъ ручного ткачества понизилась на половину, Марксъ имѣлъ въ виду тотъ моментъ, когда паровые ткацкіе станки вошли во всеобщее упо-

---

наименьшее время, т. е., время затраченное при наилучшихъ способахъ производства. „Общественно-необходимое рабочее время", говоритъ онъ, „есть рабочее время, требуемое для производства какой-либо потребительной стоимости съ помощью наличныхъ общественно-нормальныхъ условій производства" („Капиталъ", I, 4). Какія же условія производства мы должны считать общественно-нормальными? Неужели наиболѣе благопріятныя? Отнюдь нѣтъ. Общественно-нормальными условіями производства мы должны назвать тѣ условія, при которыхъ экономически возможно, т. е. выгодно производство даннаго продукта. Если производство при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ доставляетъ всѣ продукты, требуемые общественнымъ спросомъ, то производства, работающія при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, становятся экономически невыгодными. Но разъ существуетъ градація условій производства одного и того же продукта, то значитъ на продукты всѣхъ этихъ производствъ существуетъ спросъ, всѣ они имѣютъ экономическіе шансы на существованіе и дѣйствительно существуютъ; и изъ всѣхъ этихъ условій производства общественно-нормальными слѣдуетъ скорѣе считать наихудшія условія, допускаемыя спросомъ, и общественно-необходимое рабочее время есть то, которое затрачивается при этихъ наихудшихъ условіяхъ, допускаемыхъ спросомъ. Количествомъ этого времени, овеществленнаго въ товарѣ, и измѣряется его цѣнность. Производители, затратившіе на выработку продукта большее количество времени, не получатъ при обмѣнѣ эквивалента; производители же, тратящіе на производство продукта меньше времени, получатъ при обмѣнѣ лишнюю цѣнность, какъ лица, пользующіяся естественною или искусственною монополіею. Все это справедливо по отношенію къ продуктамъ какъ обрабатывающей, такъ и сельско-хозяйственной промышленности. Устанавливать же въ этомъ отношеніи различіе побудило г. Слонимскаго только неправильное пониманіе ученія Маркса.

Digitized by Google

требленіе, и продукты парового ткачества получались въ количествѣ, могущемъ покрыть всю потребность общества. Въ это время общественно-нормальными условіями ткацкаго производства будутъ, конечно, условія производства ткани на паровыхъ станкахъ, и время, потребное для производства даннаго продукта на этихъ станкахъ, будетъ общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ для ткацкаго производства. Правда, такого идеальнаго момента въ организаціи производства не существуетъ; ручное ткачество существуетъ и теперь при чрезвычайномъ распространеніи паровыхъ станковъ. Но это соображеніе не нарушаетъ правильности разсужденія Маркса. Въ его примѣрѣ, съ введеніемъ парового ткацкаго станка, ручные ткачи потеряли экономическіе шансы на существованіе. Если же они еще не совсѣмъ исчезли до сихъ поръ, то только благодаря тому, что они нашли возможнымъ существовать, оцѣнивая свой индивидуальный рабочій день ниже общественно-необходимаго рабочаго дня. Но только послѣдній является опредѣлителемъ цѣнности ткацкой работы. Не знаемъ, согласенъ-ли со всѣмъ этимъ г. Слонимскій, но дѣло въ томъ, что, возражая противъ примѣра Маркса, онъ обратилъ вниманіе не на тотъ моментъ производства, который мы отмѣтили, а на совершенно другой; онъ взялъ случай, когда «введеніе парового ткацкаго станка можетъ обнимать только нѣкоторую часть производства, не оказывая большого вліянія на количество продуктовъ, производимыхъ трудомъ ручныхъ ткачей». Тогда, конечно, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Продукты парового ткачества не могутъ покрыть всю общественную потребность въ данномъ предметѣ, и общество предъявляетъ также спросъ и на продукты ручного ткачества. Согласно нашему пониманію закона общественно-необходимаго рабочаго времени, изложенному выше, въ этомъ случаѣ опредѣлителемъ цѣнности явятся условія производства, поставленнаго въ худшія условія, т. е. ручного ткачества. Въ примѣрѣ же Маркса берется тотъ моментъ въ развитіи ткачества, когда образователемъ стоимости является время, требуемое на производство ткани на паровыхъ станкахъ. Но какіе бы случаи мы ни взяли, на какой моментъ въ организаціи даннаго производства мы бы ни обратили вниманіе, нигдѣ и никогда мы не можемъ исполнить требованіе нашего критика: брать въ качествѣ опредѣлителя цѣнности «тотъ средній общественный трудъ, который обнимаетъ собою и работу на паровыхъ станкахъ, и ручную ткацкую работу». Такого «средняго» труда въ дѣйствительности не существуетъ; онъ можетъ быть нами полученъ путемъ ариѳметическихъ и логическихъ выкладокъ и быть пущенъ въ ходъ при изслѣдованіи. Но вѣдь законъ общественно-необходимаго рабочаго времени—не логическая абстракція, не методическій пріемъ, лишь помогающій намъ при изслѣдованіи экономическихъ явленій; общественно-необходимое время—это фактъ экономической жизни, интересующій въ равной мѣрѣ и экономиста, и производителя. Пускаясь

Digitized by Google

въ поиски за своеобразнымъ «среднимъ» трудомъ, г. Слонимскій въ сущности доказалъ полное непониманіе закона, подвергаемаго имъ, однако, разбору.

Второй примѣръ Маркса касается земледѣльческой промышленности и выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: «Одно и то же количество труда въ благопріятное время года выражается въ восьми бушеляхъ пшеницы, въ неблагопріятное—только въ четырехъ». Г. Слонимскому этой фразы достаточно для обильныхъ возраженій. «Если», говоритъ онъ, «при урожаѣ тотъ же самый трудъ даетъ вдвое больше продуктовъ, чѣмъ въ другое время, то это еще не значитъ, что общественно-необходимое количество труда для ихъ производства уменьшилось на половину, ибо для этого вывода требовалось бы предположить урожай повсемѣстный, а не въ одной только странѣ или области; при мѣстномъ же урожаѣ цѣнность продукта можетъ не измѣняться, не смотря на уменьшеніе количества заключающейся въ нихъ работы» (апр., 817). Въ этихъ словахъ сквозитъ то же недоразумѣніе со стороны г. Слонимскаго, какое мы отмѣтили при разборѣ предъидущаго примѣра. Для измѣненія нормы общественно-необходимаго рабочаго времени требуется урожай не «повсемѣстный», а хотя бы и въ одномъ мѣстѣ, но достигшій такихъ размѣровъ, чтобы продукты урожайнаго участка могли покрыть всю общественную потребность въ данномъ продуктѣ. Если же урожай только «мѣстный»—вѣрнѣе такихъ размѣровъ, что продукты его не могутъ удовлетворить всему общественному спросу—то потребуются продукты и менѣе урожайнаго участка, работа котораго и будетъ по прежнему регулировать цѣнность съ предоставленіемъ возможности производителямъ, работающимъ на лучшихъ участкахъ, полученія ренты. Требованія «повсемѣстнаго» урожая для измѣненія нормы общественно-необходимаго рабочаго времени могутъ быть предъявляемы опять-таки только критикомъ, забывшимъ современный общественный характеръ производства, вліяніе международнаго рынка. Въ дѣйствительности на международномъ рынкѣ нѣтъ такого мѣсяца въ теченіе года, когда бы не производилась жатва. А если прибавить сюда широкое развитіе парового транспорта, то станетъ ясною вся безцѣльность исканій «повсемѣстныхъ» урожаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вся неубѣдительность возраженій г. Слонимскаго противъ второго примѣра Маркса.

Третій примѣръ говоритъ о золотѣ, алмазахъ, драгоцѣнныхъ камняхъ, которые «встрѣчаются рѣдко въ земной корѣ, а потому ихъ нахожденіе, въ среднемъ выводѣ, стоитъ много рабочаго времени; слѣдовательно, въ небольшомъ объемѣ они представляютъ много труда. Jacob сомнѣвается, чтобы золото оплачивалось когда нибудь по его полной стоимости. Еще болѣе справедливо это относительно алмазовъ («Капиталъ», I, 5). Трудно, кажется, что-либо возразить противъ этого яснаго и простого замѣчанія, но не такъ смотритъ на дѣло нашъ критикъ. Тутъ, по его мнѣнію, «бросается въ глаза

Digitized by Google

«сознательное смѣшеніе двухъ разнородныхъ понятій—количества труда и количества издержекъ производства... Когда говорится о золотѣ, что оно едва-ли когда-либо окупало свою полную цѣнность, то это можетъ быть понято только въ одномъ смыслѣ: общая цѣнность добываемаго золота не окупала издержекъ его добыванія въ разныхъ краяхъ... Марксъ говоритъ о трудѣ, а въ самомъ дѣлѣ ссылается на издержки производства»... (апр. 817—818). Итакъ, вина Маркса заключается въ томъ, что причиною высокой цѣнности золота онъ считалъ необходимость большой затраты труда на его добываніе, между тѣмъ какъ, по мнѣнію г. Слонимскаго, эту причину слѣдуетъ видѣть въ большихъ издержкахъ производства. Положимъ, что, высказавъ такой перлъ экономической критики, критикъ счелъ нужнымъ оговориться. «Правда», говоритъ онъ, «затраты капитала тоже могутъ быть приведены на расходованіе труда и продуктовъ труда». Въ томъ то и дѣло. Какую же опасность можетъ представлять въ данномъ случаѣ отождествленіе труда съ «издержками добыванія»?... «Но», поправляется тотчасъ же неосторожный критикъ, «для Маркса производителемъ цѣнности является только живой человѣческій трудъ, и онъ вполнѣ пренебрегаетъ теоріею издержекъ производства, усвоенной всѣми учебниками «вульгарной» политической экономіи» (ibid). Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ онъ не имѣлъ права говорить о трудѣ тамъ, гдѣ въ сущности разумѣются издержки производства. Все это разсужденіе настолько любопытно, что на немъ интересно нѣсколько остановиться. Констатируется фактъ, что золото едва-ли когда либо окупало свою полную цѣнность. Что означаетъ этотъ фактъ въ переводѣ на языкъ экономической науки? Съ точки зрѣнія «вульгарныхъ» экономистовъ, придерживающихся теоріи издержекъ производства,—въ томъ числѣ очевидно и г. Слонимскаго—это означаетъ, что золото едвали окупаетъ издержки его производства. Но является другой экономистъ, «пренебрегающій» этою «вульгарною» теоріею и признающій другую теорію цѣнности, трудовую,—напримѣръ, Марксъ; удостовѣрившись въ фактѣ, что золото не окупаетъ своей цѣнности, и задумавшись надъ причиною его, онъ не можетъ удовольствоваться объясненіемъ предыдущаго экономиста, такъ какъ для него издержки производства—не конечный, а промежуточный моментъ. Онъ производитъ извѣстный логическій процессъ, издержки производства переводитъ на трудъ, и объявляетъ, что если золото едва-ли окупаетъ свою полную цѣнность, то это значитъ, что оно одва-ли окупаетъ трудъ, истраченный на его производство. Такъ именно поступилъ Марксъ и мы рѣшительно не понимаемъ возраженій его критика. Итакъ, Марксъ съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Но онъ долженъ быть признанъ правымъ и съ точки зрѣнія г. Слонимскаго. Послѣдній согласился, что «затраты капитала могутъ быть приведены на расходованіе труда и продуктовъ труда»; слѣдовательно, заключеніе г. Слонимскаго, что «общая цѣнность добывае-

Digitized by Google

мало золота едва-ли окупала издержки его добыванія»,—въ силу неизбѣжнаго логическаго вывода изъ его собственныхъ словъ—можетъ быть переведено на другое, принадлежащее Марксу, именно, что «нахожденіе золота въ среднемъ выводѣ стоитъ много рабочаго-времени». Но г. Слонимскій умѣетъ не пускаться въ рискованный путь конечныхъ логическихъ выводовъ изъ своихъ мыслей и, во-время свернувъ въ сторону, избѣжать опасностей очевиднаго самопораженія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, не потрудившись довести до естественнаго логическаго конца свою мысль, онъ вмѣсто этого приступилъ къ разъясненію новой идеи, которая также стоитъ того, чтобы на ней остановиться. «Замѣтимъ впрочемъ», разсуждаетъ онъ, «что выводъ о средней малодоходности указанныхъ предпріятій (добыванія золота) получается обыкновенно изъ ошибочнаго разсчета: многіе искатели золота и брилліантовъ раззоряются просто потому, что не могутъ напасть на слѣдъ скрытыхъ въ землѣ богатствъ; ихъ усилія безполезны, а то, что тратится безъ пользы, недолжно приниматься въ соображеніе при оцѣнкѣ средней производительности реальныхъ промысловъ, доставляющихъ реальные продукты... Относительно ручныхъ ткачей (Марксомъ), какъ мы видѣли, принята другая точка зрѣнія; напрасныя затраты ихъ труда просто вычеркиваются изъ общаго счета необходимыхъ затратъ на производство ткацкихъ издѣлій, по введеніи фабричнаго производства» (апр. 818). Относительно ручныхъ ткачей, какъ мы видѣли... г. Слонимскій совершенно не понялъ аргументаціи Маркса; неудивительно, что въ данномъ случаѣ, пользуясь ручными ткачами лишь какъ примѣромъ, онъ обнаруживаетъ не больше пониманія. Любопытно, что весь предыдущій споръ о высокой цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ велся критикомъ не къ дѣлу, а лишь для краснаго словца. На дѣлѣ оказывается, что мнѣніе о высокой цѣнности названныхъ предметовъ вытекаетъ лишь изъ «ошибочнаго разсчета». Въ какой мѣрѣ, однако, вѣренъ «разсчетъ» г. Слонимскаго? Онъ ссылается на «безполезныя усилія» искателей золота и сравниваетъ ихъ съ «напрасными затратами» ручныхъ ткачей. Но, вѣдь, съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности, затраты ручныхъ ткачей только тогда могутъ считаться «напрасными», когда на результаты этихъ затратъ не существуетъ спроса, когда найдены улучшенные способы тканья, которые и становятся общественно-нормальными условіями даннаго производства. Примѣняя эту точку зрѣнія къ золотымъ предпринимателямъ, мы лишь тогда вправѣ ихъ «безполезныя усилія» назвать непроизводительными, если они являются случайностью, не вытекающею необходимо изъ свойствъ предпріятія, а допущенною лишь по винѣ предпринимателей; если существуютъ болѣе нормальныя условія этого производства, обходящіяся безъ подобныхъ безполезныхъ усилій, и при помощи которыхъ добывается весь продукъ, требуемый обществомъ. Но относительно даннаго случая, этого сказать нельзя. Въ дѣйствительности, напротивъ, эти «безполезныя», траты

Digitized by Google

необходимымъ образомъ вытекаютъ нынѣ изъ свойствъ самихъ предпріятій; избѣжать этихъ тратъ немыслимо; онѣ поэтому входятъ въ разрядъ общественно-нормальныхъ условій производства, вліяютъ на количество общественно-необходимаго рабочаго времени, затрачиваемаго на производство золота, а, слѣдовательно, и на цѣнность его. И здѣсь опять, какъ и въ предыдущихъ разсужденіяхъ, г. Слонимскій пришелъ къ ложнымъ выводамъ главнымъ образомъ потому, что, разбирая народно-хозяйственное явленіе, онъ разсматривалъ его не съ общественной, а съ частной точки зрѣнія. Онъ говорилъ о какихъ-то напрасныхъ безполезныхъ усиліяхъ отдѣльныхъ предпринимателей и не считалъ нужнымъ дать себѣ отвѣтъ на вопросъ, насколько эти безполезности являются необходимыми при современномъ неурегулированіи производства, насколько онѣ вытекаютъ изъ общественныхъ условій современнаго хозяйства.

Мы разобрали шагъ за шагомъ всѣ возраженія противъ закона общественно-необходимаго рабочаго времени и убѣдились, что г. Слонимскій, не обращая вниманія на общественныя черты хозяйственныхъ явленій, неспособенъ былъ понять этотъ законъ.

Та же неправильность взгляда, заключающаяся въ абстракціи типическихъ чертъ современнаго общественнаго хозяйства, приводитъ г. Слонимскаго къ ложнымъ заключеніямъ и во всей дальнѣйшей его аргументаціи.

Онъ находитъ, напр., крайне неудовлетворительнымъ рѣшеніе Марксомъ вопроса о приведеніи разнообразныхъ видовъ труда къ среднему простому труду. «Марксъ въ немногихъ словахъ разрѣшаетъ или, вѣрнѣе, обходитъ важный вопросъ о различныхъ видахъ и качествахъ труда, служащаго мѣриломъ цѣнности», говоритъ г. Слонимскій (апр. 821). Намъ же думается, что уже изъ изложенія ученія Маркса, приведеннаго выше, очевидно, что Марксъ далеко не обошелъ даннаго вопроса. Мысль о приведеніи разнообразныхъ видовъ труда къ среднему простому труду прежде всего вытекаетъ изъ всего духа ученія Маркса. Если, въ самомъ дѣлѣ, справедливо его указаніе на двоякій характеръ труда, то качественныя различія разнообразныхъ работъ должны исчезнуть при мѣновомъ процессѣ. Разнокачественные предметы, вступающіе между собою въ обмѣнъ на рынкѣ, произведены разнокачественнымъ трудомъ. Именно, разнокачественность труда создала разнокачественность предметовъ. Но если различіе этихъ качествъ въ предметахъ абстрагируется при обмѣнѣ, то абстрагируется, конечно, и различіе работъ, произведшее эту разнокачественность предметовъ. За абстракціей же качественнаго элемента работъ остается только количественная сущность, и всѣ виды труда сравниваются между собою по количеству, т. е. потому, въ какой степени они составляютъ трату человѣческаго организма. Основаніемъ же для такого количественнаго сравненія служитъ фактъ физіологической однородности разныхъ видовъ труда. Все это Марксъ доказалъ въ совершенствѣ.

Digitized by Google

Но самаго процесса оцѣнки тѣхъ количественныхъ отношеній, въ которыя вступаютъ между собою различные роды труда, онъ не опредѣлилъ. Онъ сослался здѣсь на то, что эти отношенія «устанавливаются при помощи нѣкотораго общественнаго процесса за спиною производителей», и что «опытъ показываетъ, что это приведеніе (сложнаго труда къ простому) постоянно происходитъ» («Капиталъ», I, 5). Но съ этимъ опять несогласенъ г. Слонимскій. «Никакой опытъ», говоритъ онъ, «не показываетъ и не можетъ показывать то, чего нѣтъ... Никто никогда не наблюдалъ того общественнаго процесса, который устанавливаетъ пропорціи между разными видами человѣческой работы; если же такой процессъ происходитъ, хотя за спиною производителя, то Марксъ долженъ былъ бы освѣтить его своимъ анализомъ, не ограничиваясь простымъ намекомъ» (апр., 822) Марксъ долженъ былъ бы «показать способъ учета и соединенія разныхъ видовъ труда, сдѣлать даже примѣрныя выкладки, которыми онъ такъ злоупотребляетъ въ другихъ случаяхъ, когда нѣтъ къ тому никакой надобности» (май, 281). Но Марксъ не только нигдѣ не дѣлаетъ разсчета, признаваемаго имъ излишнимъ, но совершенно забываетъ о немъ—*по всей вѣроятности, намѣренно*—(курсивъ нашъ), во всѣхъ своихъ соображеніяхъ и выводахъ о прибавочной стоимости» (май, 280). Таковы возраженія г. Слонимскаго. Объ отношеніи вопроса о приведеніи сложнаго труда къ простому къ вопросу о прибавочной стоимости мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же отмѣтимъ любопытный взглядъ, что Марксъ «намѣренно», въ цѣляхъ неосновательной апологіи правъ простыхъ рабочихъ, пропустилъ необходимые «разсчеты» и «выкладки». Такъ ли это? Намъ кажется здѣсь умѣстнымъ привести разсужденія по этому вопросу Смита и Рикардо.

Первый указалъ, что при обмѣнѣ продуктовъ по ихъ трудовой стоимости принимается обыкновенно во вниманіе различіе достоинствъ и качествъ труда, употребленнаго на ихъ производство, и что это дѣлается не путемъ ясно установленнаго разсчета, а «на основаніи той грубой справедливости, которая, не смотря на неточность свою, удовлетворительна для обыкновенныхъ житейскихъ отношеній» (Бог. Народ., I, 137). Опредѣленнѣе высказывается по этому поводу Рикардо. «Оцѣнка разнородныхъ качествъ труда»,—говоритъ онъ,—«приспособляется на рынкѣ скоро и достаточно точно ко всѣмъ практическимъ требованіямъ. Разъ установившаяся сравнительная лѣстница подвергается лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Если день труда рабочаго ювелира стоитъ болѣе, чѣмъ день болѣе простого рабочаго, то это отношеніе давно уже опредѣлилось и заняло надлежащее мѣсто въ ряду цѣнностей» (Соч., 7—8). Такъ говоритъ англійскій «экономистъ и банкиръ». Неужели-же и онъ, и Ад. Смитъ, спокойно излагая эти безобидныя мысли, думали въ это время о правахъ рабочихъ классовъ? За невозможностью такого предположенія, мы должны допустить другое, болѣе вѣроятное. Оба

Digitized by Google

цитированные экономиста, равно какъ и Марксъ, такъ объясняли способъ оцѣнки разнокачественныхъ работъ потому, что иного способа не представляетъ дѣйствительная жизнь. Марксъ доказалъ, что оцѣнка разнородныхъ работъ невозможна въ современномъ хозяйствѣ по ихъ качественнымъ отличіямъ, что эта оцѣнка носитъ характеръ количественный и что послѣдняя возможна благодаря факту строго научнаго характера—физіологической однородности работъ. Оставалось, конечно, для полной точности закона изобразить своего рода скалу, опредѣляющую степень сложности той или иной работы. Г. Слонимскій, очевидно, этого и требуетъ подъ видомъ «выкладокъ» и «расчетовъ». Не отрицая всей важности этого требованія, мы должны замѣтить, что Марксъ ему неудовлетворилъ, но не «намѣренно», какъ объ этомъ язвительно замѣчаетъ критикъ, а по необходимости, въ виду полной безпомощности современной науки въ дѣлѣ представленія соотвѣтствующихъ «расчетовъ». Съ точки зрѣнія физіологической для насъ ясно въ настоящее время, что всевозможныя работы суть одинаковыя траты человѣческаго организма. По нѣкоторымъ признакамъ, напр. по наблюденіямъ надъ самимъ процессомъ той или иной работы, надъ работниками, занимающимися ими, по даннымъ о продолжительности жизни лицъ различныхъ профессій, состояніи ихъ здоровья, о вліяніи спеціальностей на способность къ отправленію различныхъ жизненныхъ функцій, наконецъ по свѣдѣніямъ о необходимыхъ средствахъ подготовки къ тому или иному занятію,—по всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ признакамъ чисто внѣшняго характера мы вырабатываемъ себѣ опредѣленное представленіе о сравнительной трудности различныхъ работъ; представленіе, которое и ложится въ основаніе расчетовъ, лишенныхъ полной точности, а совершаемыхъ «на основаніи той грубой справедливости, которая, не смотря на неточность свою, удовлетворительна для обыкновенныхъ житейскихъ отношеній». Съ прогрессомъ физіологической науки въ будущемъ, быть можетъ, мы найдемъ способъ болѣе точнаго измѣренія; въ современномъ же хозяйствѣ, соотвѣтственно общему характеру его мѣновыхъ отношеній, для приведеній разныхъ видовъ труда къ простому масштабъ доставляетъ конкурренція. Равенъ ли твой рабочій часъ моему? Этотъ вопросъ разрѣшается конкурренціею. Конкурренція опредѣляетъ, согласно одному американскому экономисту, сколько дней простой, неквалифицированный работы содержится въ одномъ днѣ сложной, квалифицированной работы *). Всякій, хотя сколько нибудь знакомый съ сущностью такого рыночнаго механизма, какъ конкурренція, понимаетъ какъ невозможны въ данномъ случаѣ «разсчеты» и «выкладки», обладающіе строгою точностью, какъ неизбѣжны здѣсь отклоненія отъ правила, исключенія. Вся погрѣшность г. Слонимскаго въ томъ и заключается, что онъ за этими случайными исключеніями

*) Das Elend der Philosophie. 3 Auflage. Stuttgard 1895. стр. 26.

Digitized by Google

не разсмотрѣлъ самаго правила. А что такое правило существуетъ, въ этомъ можно убѣдиться путемъ констатированія примѣровъ, заимствованныхъ изъ тѣхъ областей промышленной жизни, которыя наиболѣе допускаютъ правильность и постоянство. Въ этомъ отношеніи «Капиталъ» представляетъ много матеріала. Напримѣръ, «разсмотримъ нѣсколько ближе характеристическія особенности поштучной платы. Качество труда контролируется здѣсь самимъ его «результатомъ, который долженъ быть средней доброты, чтобы поштучная цѣна была оплачена вполнѣ. Поштучная плата даетъ капиталисту вполнѣ опредѣленную мѣру интенсивности труда. Только то рабочее время считается за общественно-необходимое и какъ такое оплачивается, которое воплощается въ количествѣ товара, опредѣленномъ заранѣе опытомъ. Поэтому въ обширныхъ лондонскихъ портняжныхъ мастерскихъ извѣстная рабочая единица, напр. жилетъ и т. п., называется часомъ, получасомъ и т. п., плата же за часъ 6 пенсовъ. Изъ опыта извѣстно, какъ великъ средній продуктъ часоваго труда. При появленіи новыхъ модъ, при починкахъ и т. п. между предпринимателемъ и рабочимъ завязывается споръ, равна ли данная рабочая единица одному часу и т. д., споръ, этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока его не рѣшитъ опытъ. Тоже самое у лондонскихъ мебельщиковъ и др.»... «При поштучной платѣ, хотя цѣна рабочаго времени измѣряется опредѣленнымъ количествомъ продукта, поденная и понедѣльная плата измѣняется сообразно индивидуальному различію рабочихъ, изъ которыхъ одни доставляютъ въ данное время только минимумъ продукта, другіе—среднее количество продукта, третьи—болѣе средняго количества. Дѣйствительныя полученія здѣсь сильно различаются смотря по способности, силѣ, энергіи, выдержкѣ и т. д. индивидуальнаго рабочаго». *) На этомъ и многихъ подобныхъ примѣрахъ Марксъ достаточно освѣтилъ свое положеніе о приведеніи высшей работы къ простой. Мы видѣли только-что, какъ опредѣленный, опытомъ установленный средній трудъ принимается за единицу, съ которою сравниваются и по отношенію къ которой оплачиваются разнокачественныя работы. Благодаря этому, для насъ выяснилась вся неосновательность упрековъ по адресу Маркса со стороны г. Слонимскаго, утверждающаго, что «никакого перечисленія сложныхъ и высшихъ формъ труда на простую не происходитъ на дѣлѣ и происходить не можетъ». Примѣры изъ фабричныхъ порядковъ, приведенные Марксомъ, убѣдительнѣе для насъ голословныхъ утвержденій его критика. Правда, г. Слонимскій можетъ сдѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ еще два возраженія. Во первыхъ, то, которое содержится въ словахъ его, слѣдующихъ за только что приведенною фразою: «никакого перечисленія не происходитъ и происходить не можетъ, потому что при существующемъ денежномъ хозяйствѣ простой наемный трудъ оцѣ-

*) Капиталъ, т. I, стр. 479, 481.

Digitized by Google

мивается разнообразно въ зависимости отъ особыхъ обстоятельствъ рабочаго рынка». Но игнорировалъ ли Марксъ эти «особыя обстоятельства»? Нисколько. «Разныя *случайныя обстоятельства*,—говоритъ онъ,—*также играютъ здѣсь* (при оцѣнкѣ разнаго рода работъ) *роль до того значительную* (курс. нашъ), что одинъ и тотъ же родъ труда мѣняетъ иной разъ свое мѣсто въ ряду другихъ родовъ труда по отношенію къ вознагражденію. Такъ, напр., тамъ, гдѣ физическія силы рабочаго класса ослаблены и относительно исчерпаны, грубый трудъ, требующій значительной мускульной силы, начинаетъ подыматься въ цѣнѣ по сравненію съ гораздо болѣе искуснымъ трудомъ, который опускается до степени простого труда» (Капиталъ, I, 143). И такъ, по мнѣнію Маркса, простой трудъ не есть величина постоянная, а перемѣнная. Но нужно помнить, что при всемъ томъ, хотя характеръ этого средняго труда бываетъ различенъ въ различныхъ странахъ и въ различныя эпохи культуры, но въ данномъ обществѣ онъ является опредѣленнымъ (gegeben). Измѣненія въ хозяйственной жизни вообще, и въ частности перемѣщенія въ общей, группировкѣ взаимооцѣниваемыхъ работъ, не совершаются съ быстротой птичьяго полета; въ силу этого, «грубая житейская справедливость», основанная на опытѣ и освященная обычаемъ, можетъ безъ рѣзкихъ колебаній совершать свое дѣло. Таковъ отвѣтъ нашъ на первое изъ послѣднихъ возраженій г. Слонимскаго. Второе его возраженіе заключается въ томъ, что всѣ приведенные примѣры, всѣ ссылки на житейскій опытъ мало убѣдительны, обнимая лишь наиболѣе простые роды труда и не касаясь высшихъ формъ его. На это возраженіе мы отвѣтимъ прежде всего словами Джемса Милля, что «обширный классъ, не могущій предложить взамѣнъ пищи ничего, кромѣ простого труда, составляетъ главную массу народа», (Капиталъ, I, 144)—и наиболѣе характерную для современнаго періода—прибавимъ мы отъ себя. А насколько научны законы общественной жизни, извлеченные изъ анализа массовыхъ и наиболѣе характерныхъ для даннаго явленія случаевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсужденія Джона Стюарта Милля о характерѣ и предѣлахъ распространенія соціальнаго закона: «Дѣйствія недѣлимыхъ»,—говоритъ Милль,—«не могутъ быть предсказываемы съ научною точностью уже потому, что мы не можемъ предвидѣть всю совокупность обстоятельствъ, въ которые будутъ поставлены эти недѣлимыя... Но такъ какъ многія изъ этихъ явленій (изучаемыхъ наукой о человѣческой природѣ, въ частности общественныхъ явленій)... зависятъ наиболѣе отъ такихъ обстоятельствъ и качествъ, которыя общи всему *человѣчеству или по крайней мѣрѣ* большимъ массамъ..., то, очевидно, въ отношеніи ко всѣмъ такимъ явленіямъ возможно дѣлать предсказанія, которыя почти всегда будутъ справедливы, и общія предположенія, которыя почти всегда будутъ вѣрны. Для цѣлей политической и соціальной науки этого доста-

Digitized by Google

точно *)». Въ примѣненіи къ интересующему насъ вопросу приведенныя слова Милля должны привести къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Марксъ установилъ законъ о приведеніи сложнаго труда къ простому и доказалъ его реальность путемъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ фабричныхъ порядковъ, т. е. изъ наиболѣе развившейся формы капиталистическаго хозяйства, къ которому только и относится толкуемый законъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сферы, въ которыхъ подобные примѣры встрѣчаются, охватываютъ въ своей совокупности наибольшую массу членовъ капиталистическаго общества. И если, согласно утвержденію Милля «для цѣлей соціальной науки достаточно, чтобы въ ней было «возможно дѣлать предсказанія, которыя *почти* (курс. нашъ) всегда будутъ справедливы», по отношенію къ явленіямъ, зависящимъ «наиболѣе отъ такихъ обстоятельствъ и качествъ, которыя общи... по крайней мѣрѣ, большимъ массамъ»,—если все это справедливо, то все, что Марксъ высказалъ по вопросу о приведеніи сложнаго труда къ простому, «для цѣлей соціальной науки», а слѣдовательно для теоріи цѣнности—достаточно. Всѣмъ этимъ мы, однако, вовсе не хотимъ сказать, чтобы высшія формы труда не подлежали тому же закону. Мы утверждаемъ только, что хотя Марксъ въ подтвержденіе этого закона привелъ примѣры, охватывающіе лишь сравнительно простыя формы труда («для простоты» — какъ онъ самъ это объясняетъ), но отъ этого данный законъ не теряетъ научной силы, такъ какъ указанные примѣры обнимаютъ въ своей совокупности «большія массы» и заимствованы изъ сферъ жизни, въ которыхъ капитализація достигла наиболѣе полнаго развитія.

Резюмируемъ все сказанное нами по вопросу о приведеніи сложнаго труда къ простому. Изъ мысли о двоякомъ характерѣ труда и о необходимости абстракціи, при обмѣнѣ, потребительныхъ свойствъ какъ товаровъ, такъ и самого труда, неизбѣжно вытекаетъ положеніе о сравненіи разнообразныхъ видовъ человѣческаго труда по количеству затрачиваемой энергіи. Эта мысль находитъ свое оправданіе въ констатированіи физіологической однородности человѣческихъ работъ и подтверждается многочисленными примѣрами изъ области фабричнаго труда. Строгой точности не набюдается при проявленіи этого закона; въ силу несовершенствъ современныхъ знаній и по свойствамъ современной общественной жизни точные *разсчеты замѣняются дѣйствіями конкурренціи*,—механизма, лишеннаго правильности и точности. Но думать, что это обстоятельство нарушаетъ вовсе законъ, или что послѣдній нарушается умолчаніемъ Маркса о высшихъ формахъ труда при приведеніи примѣровъ, можно, лишь забывъ, что иного способа для сравненія разныхъ видовъ труда не можетъ существовать въ ка-

*) Д. С. Миллъ. Система логики, руск. перев., II т., стр. 419—20

Digitized by Google

питалистическомъ хозяйствѣ, характеризующемся общественнымъ раздѣленіемъ труда, въ силу чего является неизбѣжной абстракція качественной стороны работъ при обмѣнѣ.

Г. Слонимскій разъ навсегда забылъ характерныя-общественныя черты современнаго хозяйства, благодаря чему ему не стоило большого труда «опровергнуть» и законъ о приведеніи сложнаго труда къ простому.

На той-же «забывчивости» основано, наконецъ, и послѣднее возраженіе критика противъ ученія Маркса.

Марксъ, говоритъ г. Слонимскій, распространилъ свою точку зрѣнія, вѣрную лишь по отношенію къ фабричнымъ издѣліямъ, на всѣ продукты, въ томъ числѣ предметы рѣдкости, и тѣмъ впалъ въ грубую ошибку. «Человѣческій трудъ матеріализованъ въ убойномъ скотѣ, въ вѣковомъ дубовомъ лѣсѣ, въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, въ апельсинахъ и фазанахъ, и цѣнность этихъ товаровъ измѣряется количествомъ содержащейся въ нихъ работы, точно такъ же, какъ цѣнность пшеницы, полотна и всякихъ издѣлій; фазаны дороже куръ потому, что въ нихъ заключено больше человѣческаго труда; алмазъ производится трудомъ, какъ и фабричная ткань,—все это предполагается ученіемъ Маркса, вопреки очевидности. Марксъ не объясняетъ, почему онъ отступилъ отъ дѣленія товаровъ на категоріи, принятаго Рикардо» (апр. 820—21). Дѣленіе на категоріи, о которомъ идетъ тутъ рѣчь, заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что Рикардо раздѣлилъ всѣ предметы на два разряда: 1) тѣ предметы, которые способны къ безконечному увеличенію, надъ производствомъ которыхъ господствуетъ неограниченная конкурренція и которые заимствуютъ свою цѣнность изъ труда, потраченнаго на ихъ производство и 2) предметы рѣдкости, имѣющіеся въ ограниченномъ количествѣ и обладающіе цѣнностью въ виду своей рѣдкости. Отступилъ-ли Марксъ отъ такого дѣленія, какъ на этомъ настаиваетъ г. Слонимскій? Отвѣтомъ послужитъ намъ слѣдующее мѣсто изъ «Zur Kritik der politischen Oeconomie». «Изслѣдованія Рикардо ограничиваются исключительно величиною цѣнности, и относительно нея онъ по крайней мѣрѣ догадывается, что осуществленіе этого закона (закона опредѣленія цѣнности рабочимъ временемъ) зависитъ отъ предварительнаго существованія опредѣленныхъ общественныхъ условій. Именно, онъ говоритъ, что опредѣленіе величины цѣнности рабочимъ временемъ относится только къ тѣмъ товарамъ, «которые промышленностью могутъ быть произвольно увеличены и надъ производствомъ которыхъ господствуетъ неограниченная конкурренція». Въ дѣйствительности это значитъ только, что *законъ цѣнности для своего полнаго развитія требуетъ существованія* крупнаго производства и *неограниченной* конкурренціи (курс. нашъ), т. е. современнаго буржуазнаго общества» (с. 35—6). Что слѣдуетъ изъ этихъ словъ? По нашему мнѣнію, прежде всего то, что Марксъ не прошелъ мимо «дѣленія то-

Digitized by Google

варовъ на категоріи, принятаго Рикардо», напротивъ онъ обратилъ вниманіе на это дѣленіе, какъ на основной пунктъ, выгодно отличавшій систему англійскаго экономиста отъ его предшественниковъ, и высказалъ по этому поводу свое сужденіе. Чтобы опредѣлить, слѣдовательно, взглядъ Маркса по интересующему насъ вопросу, нужно непремѣнно разобрать цитированное мѣсто, чего однако г. Слонимскій не сдѣлалъ. Попробуемъ это сдѣлать мы. Каково же мнѣніе Маркса по вопросу о дѣленіи товаровъ на категоріи, принятомъ Рикардо? Изъ собственныхъ его словъ мы видимъ, что онъ это дѣленіе безусловно раздѣляетъ: онъ съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ слова Рикардо о томъ, что трудовой законъ цѣнности относится только къ тѣмъ товарамъ, «которые промышленностью могутъ быть произвольно увеличены и надъ производствомъ которыхъ господствуетъ неограниченная конкурренція», и, переводя ихъ на свой языкъ, замѣчаетъ, что «законъ цѣнности для своего полнаго развитія требуетъ существованія крупнаго производства и неограниченной конкурренціи, т. е. современнаго буржуазнаго общества».

Изъ сопоставленія этихъ цитатъ Рикардо и Маркса видно полное тождество ихъ взглядовъ на примѣнимость трудового закона цѣнности. Оба они считаютъ его примѣнимымъ только по отношенію къ предметамъ, надъ которыми господствуетъ неограниченная конкурренція, и оба, слѣдовательно, исключаютъ изъ области своего изслѣдованія такъ называемые предметы рѣдкости. Но тутъ-же мы можемъ отыскать и нѣкоторую точку различія у названныхъ двухъ экономистовъ, только не во взглядахъ, а въ способѣ выраженія этихъ взглядовъ. Рикардо прямо заявляетъ въ началѣ своего труда, что «предметы, обладающіе полезностью, заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ: рѣдкости и количества труда, необходимаго для ихъ добыванія». (Соч., с. 2). Марксъ такого дѣленія не установилъ. Отозвавшись сочувственно по поводу этого дѣленія у Рикардо, онъ не установилъ вслѣдъ за послѣднимъ двухъ источниковъ цѣнности, а ограничился только однимъ, считая предметы, не допускающіе неограниченной конкурренціи, т. е. предметы рѣдкости, не подходящими ни подъ какой законъ цѣнности. Кто изъ двухъ экономистовъ поступилъ цѣлесообразнѣе? Конечно, Марксъ. Вѣдь Рикардо, отмѣтивъ двѣ категоріи предметовъ, сейчасъ-же прибавилъ, что «эти предметы (рѣдкости) составляютъ лишь весьма незначительную часть той массы вещей, которая ежедневно промѣнивается на рынкѣ», а затѣмъ о нихъ не сказалъ ни одного слова, кромѣ опредѣленія, что «цѣнность ихъ нимало не зависитъ отъ труда, необходимаго на ихъ первоначальное производство, а *колеблется, смотря по измѣненію богатства и наклонностей лицъ, желающихъ обладать ими*» (курс. нашъ). Но, строго говоря, установленъ ли въ этихъ словахъ законъ цѣнности? Найдено-ли тутъ объективное, точное мѣрило цѣнности? Сказать, что цѣнность предмета опредѣляется богатствомъ и наклонностями лицъ, желающихъ имъ

Digitized by Google

обладать, значитъ, конечно, ничего не сказать. Точно также не удались и другія попытки установленія объективнаго и точнаго мѣрила цѣнности для этихъ предметовъ. Дѣло въ томъ, что эти предметы, дѣлаясь объектомъ обмѣна, испытываютъ на себѣ вліяніе такой массы случайныхъ, мимолетныхъ, капризныхъ условій, что подвести ихъ подъ какой-либо законъ цѣнности представляется невозможнымъ*). И Марксъ поступилъ вполнѣ научно, не включивъ ихъ въ предметъ изслѣдованія современнаго буржуазнаго общества, гдѣ неограниченная конкурренція составляетъ типическую общественную черту, которой не подчиняется только ничтожное количество предметовъ рѣдкости. При всемъ томъ Марксъ, какъ мы видѣли, ни на шагъ не отступилъ отъ «дѣленія товаровъ на категоріи, принятаго Рикардо». И «одна изъ основныхъ теоретическихъ ошибокъ Маркса, способная сама по себѣ подорвать все значеніе его теоріи цѣнности» (т. е. неосновательность «примѣненія спеціально-фабричной точки зрѣнія по всѣмъ вообще предметамъ, имѣющимъ мѣновую цѣнности», апр. 821)—эта ошибка ни чѣмъ не доказана, она просто вымышлена критикомъ, не желавшимъ или не съумѣвшимъ вдуматься въ смыслъ ученія, съ которымъ онъ такъ энергично расправляется.

Мы разобрали всѣ возраженія г. Слонимскаго противъ теоріи цѣнности Маркса. Повторять сказанное мы не станемъ: въ отсутствіи подробности наше предыдущее изложеніе упрекнуть нельзя; мы останавливались на всякой мысли, заслуживавшей сколько нибудь вниманія, и подвергали ее обстоятельному разбору.

Послѣ этого разбора, ясна, кажется, общая мысль, легшая въ основаніе его. Г. Слонимскій, разбирая ученіе Маркса, забылъ выдающуюся его черту: примѣнимость только къ капиталистическому хозяйству со всѣми его характерными особенностями. Г. Слонимскій до того не принялъ во вниманіе этой черты, что, читая его критику, мы думали, не приступилъ ли онъ къ изученію Маркса, пропустивъ начало «Капитала», гдѣ ясно, точно, опредѣленно заявлено, что въ этомъ сочиненіи изучается «богатство капиталистическаго общества», которое «представляется въ видѣ огромнаго скопленія товаровъ». Но подобнымъ нашимъ мыслямъ наступилъ конецъ, когда мы сообразили, что г. Слонимскій не только не пропустилъ названнаго начала сочиненія, но обратилъ на него самое строгое

*) Исключеніе составляютъ многіе предметы, не совсѣмъ правильно включаемые въ категорію рѣдкихъ; такъ напр., золото и драгоцѣнные камни, на которые указываетъ и г. Слонимскій въ вышеприведенной цитатѣ. Для этихъ предметовъ трудовой законъ цѣнности вполнѣ обладаетъ силою, какъ мы видѣли уже при разборѣ закона общественно-необходимаго рабочаго времени. Говоря о предметахъ рѣдкости, не подходящихъ ни подъ какой законъ цѣнности, мы разумѣемъ тѣ предметы, дальнѣйшее производство которыхъ или совсѣмъ невозможно, или поставлено въ преграды, для большинства непреодолимыя.

Digitized by Google

вниманіе. Если-же онъ при всемъ томъ не исправитъ своей методологической ошибки, то только потому, что пустился въ изумительное толкованіе начала «Капитала», вмѣсто того, чтобы принять его къ свѣдѣнію и руководствоваться имъ при своей критикѣ. Вотъ это «толкованіе».

«Капиталъ» начинается слѣдующими извѣстными словами:

«Богатство общества, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, представляетъ собою огромное скопленіе товаровъ, а отдѣльный товаръ его элементарную форму. Наше изслѣдованіе начинается поэтому съ анализа товара». (Цитируемъ по переводу г. Слонимскаго).

Казалось бы, что эти слова не въ состояніи вызвать ни одного возраженія. Но строгость и глубина нашего критика достигли, очевидно, такихъ предѣловъ, что въ этихъ первыхъ строкахъ разбираемаго сочиненія онъ увидѣлъ и узость взгляда, и односторонность, и невѣрность, и противорѣчіе, и еще Богъ знаетъ что. «Такъ начинается»,—говоритъ онъ, — «книга Маркса. Этимъ общимъ положеніемъ авторъ сразу ставитъ политическую экономію на торгово-промышленную почву и въ то-же время крайне съуживаетъ содержаніе богатства. При томъ положеніе само по себѣ невѣрно и нуждается въ значительныхъ поправкахъ: огромное собраніе товаровъ, на которые нѣтъ соотвѣтственнаго и вполнѣ обезпеченнаго спроса, вовсе не будетъ богатствомъ, а можетъ, напротивъ, служить признакомъ экономическаго кризиса, предвѣщающее общее промышленное бѣдствіе и разстроеніе. Даже при существованіи достаточнаго и постояннаго спроса, богатство капиталистическаго общества опредѣляется не количествомъ произведенныхъ товаровъ, а состояніемъ производительныхъ силъ и средствъ, дающихъ возможность производить эти массы товаровъ» (апр. 811). Признаться, не легко разобрать смыслъ приведенныхъ словъ. «Общее положеніе», относительно котораго, по нашему мнѣнію, не можетъ даже возникнуть сомнѣніе, дѣлается источникомъ какихъ-то вопіющихъ несообразностей. Разсмотримъ однако эти несообразности по порядку.

1) «Этимъ общимъ положеніемъ авторъ сразу ставитъ политическую экономію на торгово-промышленную почву». Что это означаетъ? Вѣдь капиталистическимъ мы называемъ такое хозяйство, которое, помимо прочихъ условій, включаетъ въ себя въ качествѣ необходимаго элемента—продажу продуктовъ на сторону, товарный характеръ. Товарный характеръ капиталистическаго хозяйства, а вовсе не Марксъ ставитъ политическую экономію на торгово-промышленную почву. 2) «Огромное скопленіе товаровъ, на которые нѣтъ соотвѣтственнаго и вполнѣ обезпеченнаго спроса, вовсе не будетъ богатствомъ, а можетъ, напротивъ, служить признакомъ экономическаго кризиса, предвѣщающаго общее промышленное бѣдствіе и разстроеніе». Мнѣніе г. Слонимскаго вѣрно, и Марксъ, вѣроятно,

Digitized by Google

ничего бы не имѣлъ противъ него. Но напрасно г. Слонимскій возстаетъ противъ мнѣнія Маркса. Послѣдній утверждаетъ, что богатство капиталистическаго общества представляется въ видѣ скопленія товаровъ; изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что всякое скопленіе товаровъ составляетъ непремѣнно богатство. Суровый критикъ погрѣшилъ противъ логики, забывъ одно изъ ея элементарныхъ правилъ. Мы можемъ пояснить это правило примѣромъ. Мы, напримѣръ, утверждаемъ, что статья г. Слонимскаго представляетъ собою «огромное скопленіе» несообразностей, но изъ этого не слѣдуетъ, что всякое скопленіе несообразностей составляетъ непремѣнно статью г. Слонимскаго. 3) Наконецъ, послѣдній образчикъ спокойной критики: «Даже при существованіи достаточнаго и постояннаго спроса богатство капиталистическаго общества *опредѣляется* (курс. нашъ) не количествомъ произведенныхъ товаровъ, а состояніемъ производительныхъ силъ и средствъ, дающихъ возможность производить эти массы товаровъ». Когда-же это Марксъ говорилъ, что богатство капиталистическаго общества *опредѣляется* количествомъ произведенныхъ товаровъ? Да возьмите же, г. Слонимскій, въ руки нѣмецкій подлинникъ «Капитала» и прочтите спокойно двѣ первыя строчки: «Der Reichthum der Gesellschaften, in welchen kapitalistische Produktionsweise herrscht, *erscheint* (курс. нашъ) als eine ungeheuere Waarensammlung» *). (Богатство капиталистическаго общества *кажется, является на видъ* скопленіемъ товаровъ, или представляетъ собою скопленіе товаровъ»). Еще выразительнѣе первыя слова «Zur Kritik»: *Auf den erster Blick erscheint* der bürgerliche Reichthum als eine ungeheuere Waarensammluug» **). («*на первый взглядъ кажется* богатство буржуазнаго общества огромнымъ скопленіемъ товаровъ»). Нѣмецкое выраженіе «*erscheint*» (*кажется, является, представляется*), да еще съ прибавленіемъ словъ «*auf den ersten Blick*» (*на первый взглядъ*) — превосходно отмѣчаетъ видимый, феноменальный, поверхностный характеръ понятія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Но русскому «толкователю» не угодно было вникнуть въ смыслъ нѣмецкаго выраженія или точно передать этотъ смыслъ. Переведши при изложеніи ученія Маркса слово «*erscheint*» черезъ «*представляетъ собою*», онъ въ дальнѣйшемъ, когда потребовалось во что бы то ни стало «опровергнуть» Маркса, забылъ въ пылу азарта собственный переводъ словъ Маркса и подмѣнилъ выраженіе «*представляетъ собою*» выраженіемъ «*опредѣляется*», а затѣмъ, получивъ совершенно новую, Марксу не принадлежащую мысль, критикъ съ апломбомъ возсталъ противъ нея, оспаривая ее при помощи другой мысли, которую Марксъ не только никогда не отрицалъ, но прямо выска-

*) Das Kapital, Erster Band, 4-te Auflage. Hamburg 1892, стр. 1.
**) Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin 1859, стр. 3.

Digitized by Google

зывалъ. Нѣтъ, Марксъ никогда не утверждалъ, что богатство капиталистическаго общества *опредѣляется* количествомъ произведенныхъ товаровъ. Начиная свое изслѣдованіе богатства капиталистическаго общества, онъ замѣчаетъ, что это богатство *представляется на первый взглядъ скопленіемъ товаровъ*, и въ вѣрности этой мысли врядъ ли кто можетъ усомниться. Но Марксъ не ограничивается констатированіемъ этой видимой *формы* богатства. Онъ задается цѣлью опредѣлить его происхожденіе, его источникъ и рядомъ логическихъ разсужденій приходитъ къ заключенію, что источникомъ богатства является трудъ человѣческій и природа. «Трудъ»,—говоритъ онъ,—«есть отецъ вещественнаго богатства, а земля его мать» *). А что такое трудъ и земля (природа), какъ не «производительныя силы и средства»? Слѣдовательно, этою фразою Марксъ утверждаетъ буквально то-же самое, что и г. Слонимскій. Противъ чего же и во имя чего споритъ послѣдній?

М. Б. Ратнеръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Das Kapital, I, стр. 10.

Digitized by Google

ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ.

(Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи).

Романъ Жюля Каза.

XXIII.

Роскошь квартиры Дьелафуа поразила молодого человѣка. Онъ нашелъ здѣсь оригиналы многихъ знаменитыхъ картинъ современныхъ и старыхъ мастеровъ, статуэтки, создавшія имена скульпторамъ, вазы и фарфоровыя издѣлія дальняго востока, ткани всѣхъ эпохъ, мебель изъ дворцовъ и соборовъ. Распредѣленіе всего этого проявляло такое знаніе мѣры, столько вкуса и умѣнія пользоваться контрастами, что помѣщеніе само по себѣ, въ цѣломъ, можно было считать своего рода образцовымъ произведеніемъ искусства. Все это жило и говорило. Аналой для молитвы изъ стараго дуба, изъѣденный червями, одиноко выдѣлялся на ярко красной матеріи въ простѣнкѣ, и въ воображеніи невольно вставали высокіе молчаливые своды храма, переливы цвѣтныхъ лучей изъ готическихъ оконъ, вибрирующіе звуки органа, колѣнопреклоненная красная фигура кардинала, когда-то склонявшаяся къ этому аналою...

Дальше старинныя обои развертывали передъ глазами жизнь могущественныхъ сеньоровъ, полную блеска и удовольствій; военные доспѣхи напоминали о поединкахъ... И вдругъ передъ вами развертывались Китай, Японія, Персія, Индія, утонченная нѣга и грезы, извращенныя подъ вліяніемъ гашиша; затѣмъ Италія,—огненные взгляды и лживыя улыбки; Испанія, кровожадная и жестокая; восемнадцатый вѣкъ Франціи, граціозный, прелестный, — лица смягченныя изнѣженностью испорченной цивилизаціи, открытые лбы, съ печатью храбрости и мысли; вѣкъ париковъ, величавый и холодный... Затѣмъ — бурный полетъ романтизма, пылкаго и суроваго, и наконецъ веселая, ясная,шаловливая, отливающая всѣми цвѣтами современная школа.

Оливье просили обождать. Двери сосѣднихъ комнатъ были открыты, и онъ проникъ дальше, рискуя показаться нескром-

Digitized by Google

нымъ, но толкаемый впередъ страстнымъ любопытствомъ. Онъ не анализировалъ своихъ впечатлѣній. Въ его ушахъ какъ будто звучала странная симфонія, исходившая изъ этого собранія чудесъ, отъ этого мрамора съ красными прожилками, отъ этихъ старыхъ полотенъ, сохранившихъ, точно живыми, влюбленныя фигуры, обвѣянныя очарованіемъ давно угасшей страсти... И онъ испытывалъ глубокое, почти потрясающее волненіе дикаря, со всей непосредственностію души воспринимающаго впечатлѣнія чудной музыки...

Внезапное появленіе Дьелафуа пробудило его отъ грезъ. Этотъ низенькій, плохо сложенный человѣкъ, туловище и животъ котораго были стянуты неуклюжимъ чернымъ сюртукомъ, съ пошлымъ, простоватымъ лицомъ, показался ему ужаснымъ. Владѣлецъ и творецъ всего этого казался уродомъ, заблудившимся во дворцѣ.

— Я васъ заставилъ ждать. У меня было дѣло... Ну! что вы скажете о моемъ маленькомъ музеѣ?

— Это чудесно... Я ослѣпленъ... какъ праведникъ, входящій въ рай.

— Хе! хе!.. Вы знатокъ?

— Нѣтъ, но я чувствую прекрасное.

Дьелафуа былъ удивленъ глубокимъ выраженіемъ его голоса. Въ этомъ голосѣ была нотка, тронувшая адвоката.

— Да, вы чувствуете... Видите-ли, о человѣкѣ судятъ сразу, по жесту, по интонаціи, по искрѣ въ глазахъ... Если въ первую же четверть часа не замѣтишь въ собесѣдникѣ ничего особеннаго... ну, это значитъ, что у бѣдняги нѣтъ ничего за душой!

Оливье покраснѣлъ отъ удовольствія. Вошла служанка и объявила, что завтракъ поданъ.

Въ столовой не было другой мебели, кромѣ стола и ряда стульевъ, прислоненныхъ къ обшивкѣ изъ чернаго дерева. На вышитыхъ обояхъ XVIII вѣка были изображены пасторальныя сцены, игры, хороводы, молодые пастухи, преслѣдующіе юныхъ пастушекъ, музыканты въ короткихъ штанахъ, рѣзвящіеся козы, любовь и объятія. Съ потолка глядѣлъ цѣлый Олимпъ, боги и богини въ классическихъ костюмахъ, но съ лицами маркизъ, маркизовъ и субретокъ, съ сверкающими глазами, съ напудренными волосами, съ черными мушками на атласныхъ щекахъ.

— Это у меня самое лучшее,—сказалъ Дьелафуа, входя.— Делакруа, Перуджино, Канову и Энгровъ вы найдете всюду. Но эта столовая единственная въ своемъ родѣ. Вы увидите, что значитъ съѣсть яйцо въ смятку подъ этимъ небомъ, въ обществѣ этихъ франтовъ и плутовокъ.

Они сѣли. Дьелафуа улыбался. Молодой человѣкъ замѣ

Digitized by Google

тилъ кирпичный цвѣтъ его щекъ, сѣть мелкихъ морщинокъ, усталыя вѣки, всѣ признаки крайняго злоупотребленія удовольствіями жизни. У молодого человѣка явилось впечатлѣніе, что надъ этой головой уже парила смерть, готовая раздавить ее однимъ ударомъ, потушить внезапно живой и острый умъ, сверкающій въ этихъ хитрыхъ глазахъ.

— Ну, такъ какъ-же? — сказалъ вдругъ адвокатъ. — Вы республиканецъ?

Оливье поблѣднѣлъ, смутился и уронилъ ложку на скатерть. Неужели это ловушка? Неужели Дьелафуа улыбался ему лишь затѣмъ, чтобы разоблачить его, унизить, прогнать, какъ предателя и шпіона, прокравшагося въ непріятельскій лагерь. Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ трусомъ!

— Да, я республиканецъ!

— Замолчите, замолчите, несчастный!—прервалъ Дьелафуа, разражаясь смѣхомъ, и прибавилъ:

— Я подозрѣвалъ это... Вы представлены г-жей Коломесъ, какъ другъ этого лукаваго молодого вертопраха. Я подумалъ, что это не спроста, а увидѣвъ васъ вчера, я уже сказалъ себѣ съ увѣренностію: вотъ смѣльчакъ и хитрецъ съ другого берега, который охотится на земляхъ сосѣда... Реакція дѣлаетъ успѣхи, поговариваютъ о королѣ... и онъ держится настороже.

Оливье продолжалъ смущаться и краснѣть.

— Ну, мой другъ,—говорилъ далѣе адвокатъ,—вы на ложномъ пути... Г-жа Полиньеръ, играющая роль въ провинціальной магистратурѣ, за спиною своего чиновнаго супруга, диктовала въ молодости законы своему родному городу; она тамъ выбирала кандидатовъ и назначала депутатовъ, чиновниковъ, священниковъ, школьныхъ учителей, таможенныхъ досмотрщиковъ и полевыхъ сторожей... Теперь она расширила кругъ своихъ дѣйствій и попросту конспирируетъ за короля, если вамъ угодно... Бѣдная женщина, она смѣшна!.. Она и не воображаетъ, что такое Парижъ. Она привезла сюда свои маленькія интрижки, тщеславіе и иллюзіи провинціалки и не замѣчаетъ, что здѣсь это не годится. Она окружила себя дураками, для которыхъ монархическія убѣжденія только предметъ особаго шика, какъ панталоны очень узкіе или очень широкіе внизу, и думаетъ, что слышитъ біеніе сердца всей Франціи... И вотъ, она уже опьянѣла!.. О, какъ забавны эти фигуранты, лейтенанты, эти правыя руки, эти обезьяны, мечтающія о бѣломъ террорѣ, о тріумфальномъ возстановленіи папы, о въѣздѣ Генриха V на бѣломъ конѣ въ его добрую столицу, при звонѣ колоколовъ Парижской Богоматери... Вы ихъ видѣли вчера... Среди этихъ строгихъ юныхъ легитимистовъ, только и думающихъ, что о горностаѣ, о трехъ лиліяхъ и о

Digitized by Google

щитѣ, раздѣленномъ на четыре поля — есть сынъ великаго дамскаго портного; есть сыновья купцовъ, лавочниковъ, разбогатѣвшихъ крестьянъ, ростовщиковъ... Впрочемъ, можно найти также двухъ или трехъ дворянъ. Чего ожидать отъ этихъ людей! Ни у одного нѣтъ ни таланта, ни воли, ни энергіи, ни мужества... Притомъ они скупы,—они берегутъ денежки, накопленныя или украденныя папашами... Это просто евнухи, червяки! Вы другое дѣло! Вы желчны, вы честолюбивы; у васъ нѣтъ ни гроша, вы озлоблены, это видно... Такъ будьте же республиканцемъ, чортъ возьми! Нужно принадлежать своему времени... Пользуйтесь Полиньерами, если хотите, но не компрометируйте себя...

— Если бы я не былъ старъ,—продолжалъ онъ,—если бы я былъ молодъ и только начиналъ, если бы моя судьба не была связана съ Имперіей, я былъ бы краснымъ республиканцемъ!.. платоническимъ, впрочемъ, потому что политика меня раздражаетъ. Пользоваться ею, пожалуй; но запречься въ управленіе людьми, вѣрить толпѣ, воспитывать ее, умывать ихъ, какъ дѣтей, убаюкивать сказками, которымъ умный человѣкъ не можетъ вѣрить, говорить имъ объ этихъ глупостяхъ будущей свободы, о равенствѣ, котораго никто не захочетъ ни на одну минуту, о братствѣ, надъ которымъ можно только хохотать до слезъ.. О, нѣтъ! мое адвокатское вранье не заходитъ такъ далеко... Къ тому же къ этимъ вещамъ я ранодушенъ... Это нѣчто безсодержательное, отвлеченное, безъ жизни, безъ красокъ, безъ страсти... Изобразите мнѣ въ мраморѣ солидарность! И потомъ,—это не трогаетъ женщину, а мой критерій—женщина... женщина, молодой человѣкъ, слышите вы это? Только она и есть нѣчто; внѣ ея одинъ вздоръ... А какого чорта вы ей внушите политикой? Вы можете ее влюбить въ убійцу, которому спасете голову, и такъ какъ при защитѣ вы составляете съ нимъ одно, къ вамъ переходитъ ея нѣжность и все остальное... Однако, кушайте!.. Сильные люди должны много ѣсть... Что, я васъ испугалъ?

Оливье улыбнулся, а адвокатъ расхохотался снова.

— Вы не допускаете, докторъ, искреннихъ политическихъ убѣжденій, которымъ остаешься вѣренъ на зло обстоятельствамъ?

— Не очень,—прервалъ Дьелафуа съ иронической улыбкой.—Гдѣ это я васъ встрѣтилъ вчера?...

— Что же это доказываетъ? Мнѣ надо ѣсть, и я беру свой хлѣбъ у того, кто мнѣ его предлагаетъ. Но, въ сущности, я сохраняю чистыми мои вѣрованія; я считаю ихъ великими и прекрасными. Добро существуетъ само въ себѣ; абсолютное есть предѣлъ, къ которому однако приближаешься, алгебраическая безконечность, къ которой стремишься, въ концѣ кон-

Digitized by Google

цовъ—это реальность. Слова лишь слова, созданныя для обмана людей; но они прикрываютъ опредѣленную истину. Политика не эдистическое и презрѣнное искусство руководить людьми, чтобы ими пользоваться, но медленная и роковая эволюція всего, находящагося въ броженіи, каждый элементъ котораго есть жизнь человѣка, жизнь ничего не значущая сама по себѣ и получающая свое значеніе отъ предшествующей и послѣдующей. Для меня индивидуальность не существуетъ внѣ связи съ системой...

Дьелафуа слушалъ его внимательно. Его физіономія принимала мало-по-малу выраженіе любителя передъ картиной, которую онъ собирается купить. Онъ тихонько кивалъ головой въ знакъ одобренія.

— Ба!—воскликнулъ онъ, когда молодой человѣкъ замолчалъ.—Это вопросъ темперамента... Политика не мое призваніе, вотъ и все... Вамъ она по нутру... И отлично... каждый повинуется своему влеченію. Пока я васъ беру къ себѣ: у меня всегда куча мелкихъ дѣлъ, для которыхъ не хватаетъ времени. Вы будете ихъ защищать...

Оливье схватилъ его руку, сжалъ ее, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Крупныя слезы блеснули въ его глазахъ. Онъ чувствовалъ доброту этой могущественной и испорченной натуры.

Завтракъ скоро окончился. Дьелафуа нужно было торопиться въ судъ, и они вышли вмѣстѣ. На улицѣ адвокатъ взялъ молодого человѣка подъ руку. Онъ шелъ тяжело, съ головой откинутой назадъ, заглядывая въ лица женщинъ, пугая ихъ своимъ упорнымъ, какъ бы обнажающимъ взглядомъ и дѣлая замѣчанія о каждой. Онъ любилъ ихъ всѣхъ, каждую за какую нибудь ей свойственную особенность, за изгибъ ноги, за ямочку на щекѣ, за твердую и увѣренную походку, за рыжеватый цвѣтъ волосъ. Съ блестящими глазами, вздрагивающими ноздрями, съ улыбкой на губахъ, онъ раскрывалъ свою женолюбивую душу, свои инстинкты, потребность любви и нѣжность ко всему, что носитъ юбки: къ служанкамъ въ бѣлыхъ передникахъ; къ дѣвочкамъ-подросткамъ, быстро семенившимъ своими тонкими ногами, обтянутыми въ свѣтлые чулки; къ нарядным дамамъ, оставлявшимъ за собой легкій и мимолетный ароматъ скромныхъ и приличныхъ духовъ. Онъ дружески опирался на руку молодого человѣка, и Оливье, не смотря на все, что ихъ раздѣляло—годы, талантъ, извѣстность,—чувствовалъ, что между ними создается какое-то товарищеское равенство.

Они разстались въ залѣ Потерянныхъ Шаговъ.

— До завтра,—сказалъ Дьелафуа, къ которому подошло нѣсколько человѣкъ.

Оливье снова спустился съ громадной лѣстницы суда. Онъ

Digitized by Google

чувствовалъ себя легкимъ, живымъ и счастливымъ. Онъ мысленно осыпалъ нѣжностями своего патрона, онъ начиналъ обожать его!

— «Не поѣхать ли мнѣ обнять папа,—подумалъ Оливье.— Онъ ничего не знаетъ о моей жизни и, быть можетъ, страдаетъ отъ этого, обвиняетъ меня въ равнодушіи, въ неблагодарности, въ сухости сердца». Какъ это вышло? Почему онъ всегда былъ скрытенъ передъ отцомъ, никогда не высказывалъ ему ни своихъ честолюбивыхъ грезъ и проектовъ, ни своихъ разочарованій и неудачъ? Боялся соболѣзнованій, хотѣлъ удивить отца, сказать ему въ одинъ прекрасный день: да, этотъ человѣкъ, привѣтствуемый толпою, это я, я твой сынъ! Свою сыновнюю благодарность онъ выразитъ, раздѣливъ со старикомъ свое счастіе и свою славу.

Онъ сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги, взволнованный мыслью объ этой поѣздкѣ, которую онъ совершалъ такъ много разъ передъ войною и позже... И ему казалось, что онъ видитъ себя опять юношей, съ книгой въ рукѣ, въ углу вагона.... Не тотъ-ли это вагонъ, въ самомъ дѣлѣ? Вотъ пятна на сѣроватыхъ, пыльныхъ скамьяхъ,—онъ ихъ видѣлъ, кажется, наканунѣ. И Грослей, хорошенькая маленькая деревушка зажиточныхъ крестьянъ, нисколько не измѣнилась. Тѣ-же лица, тѣ-же костюмы, тѣ-же женщины, съ платьями, приподнятыми съ одной стороны... На него смотрѣли, ему кланялись, и онъ отвѣчалъ на поклоны съ сердцемъ, полнымъ любви къ этимъ добрымъ людямъ, которые его не забыли. Онъ дружески пожималъ большія руки, жесткія отъ работы заступомъ и вѣтра равнины.

Дома его встрѣтила не Анна. Ее замѣнила толстая женщина съ краснымъ лицомъ, неряшливо одѣтая. Докторъ объѣзжалъ больныхъ. Онъ скоро вернется, потому что больныхъ у него теперь немного.

Тогда Оливье вошелъ въ домъ. Онъ прошелъ въ столовую и ему показалось, что онъ слышитъ въ сосѣдней комнатѣ голоса пруссаковъ, какъ слышалъ ихъ прежде, послѣ осады, въ то время, когда они жили втроемъ, его отецъ, онъ и Лазарюсъ, готовившій кушанье. Въ кабинетѣ доктора все было по старому: тѣ-же кучи книгъ и газетъ, тѣ-же бумаги на лѣвой сторонѣ стола, то-же кресло, тѣ-же трубки на томъ же мѣстѣ, въ чехлахъ; въ углу ждали сброшенныя туфли; всюду онъ видѣлъ отца, его жесты, привычки, даже мысль и голосъ съ нѣжной и доброй интонаціей, его иронію шаловливаго мальчугана. И онъ окидывалъ взглядомъ, ласкающимъ, какъ поцѣлуй, бѣдную мебель, источенную червями, старую, вышедшую изъ моды! Онъ сошелъ въ садъ и прошелъ по всѣмъ аллеямъ. Нѣсколько почекъ выдѣлялось на голыхъ черныхъ вѣткахъ,

Digitized by Google

земля была свѣже-вскопана. Онъ сѣлъ на скамейку и отдался старымъ воспоминаніямъ. И вдругъ ему вспомнились Монморанси, молодая бѣлокурая дѣвушка, жившая въ домѣ, выходящемъ на дорогу, съ террасой обсаженной подстриженными акаціями. Вспомнился зимній день, молчаніе опустѣвшаго дома и длинная голубая лента, прицѣпившаяся къ запертой ставнѣ и развѣвавшаяся по вѣтру. Никогда онъ не зналъ имени молодой дѣвушки. Ея отецъ, толстый человѣкъ съ веселымъ лицомъ, возвращался нерѣдко изъ Парижа, нагруженный пакетами. Онъ помнилъ также ея мать, блѣдную, болѣзненную, и маленькаго бѣлокураго мальчика, хорошенькаго, худенькаго и постоянно смѣявшагося.

Въ комнату вошла служанка. До сихъ поръ онъ едва сказалъ ей нѣсколько словъ.

— Такъ мой отецъ здоровъ?

— О да... онъ все еще бродитъ.

— А какъ дѣла?

— Ну, дѣла то не казисты... Вы понимаете, въ его годы... Люди предпочитаютъ болѣе молодыхъ, а между тѣми, кто еще зоветъ его, много такихъ, что плохо платятъ... Знаютъ, что онъ не будетъ требовать и шумѣть, и всетаки опять поѣдетъ, если его позовутъ...

— Веселъ онъ?

— Всегда. Только когда денежныя дѣла плохи или когда онъ думаетъ о нашихъ неуплаченныхъ счетахъ, онъ становится грустенъ и молчитъ... На другой день все проходитъ!.. Онъ увѣряетъ, что все въ концѣ концовъ устраивается... Ахъ, бѣднягѣ оченъ нуженъ отдыхъ!

И ея вопросительный и недружелюбный взглядъ обратился на Оливье.

Въ это время послышался отдаленный стукъ колесъ.

— Вотъ и онъ!

Оливье бросился навстрѣчу, но потомъ раздумалъ и, охваченный потребностью сошкольничать, какъ будто становясь опять ребенкомъ, онъ спрятался. Онъ увидѣлъ, какъ низенькая телѣжка проѣхала мимо. Его отецъ, наклонясь впередъ, держалъ возжи; его длинные, сѣдые волосы развѣвались по плечамъ, лицо поблѣднѣло и похудѣло. Какъ и прежде, онъ ставилъ телѣжку въ сарай.

Когда черезъ нѣсколько минутъ докторъ отворилъ дверь, то услышалъ изъ кабинета, точно внезапный отголосокъ прошедшаго, дѣтскій голосъ:

— Здравствуй, папа!

Старикъ пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, потрясенный до глубины души, не понимая ничего, и увидѣлъ сына.

— Ахъ! старина! мой Оливье...

Digitized by Google

И онъ бросился къ сыну и сжалъ его въ порывистомъ объятіи. Ошеломленный неожиданностью, онъ могъ только повторять:

— Оливье, Оливье...

— Я думалъ о тебѣ весь день,—проговорилъ онъ.—Ты не пріѣзжалъ ко мнѣ и трехъ разъ въ годъ... Это не упрекъ... Я знаю, что ты не забылъ меня... Это все эта каторжная жизнь, необходимость зарабатывать хлѣбъ...

Онъ раздѣлся, снялъ свой поношенный, выцвѣтшій сюртукъ, замѣнилъ его мультоновой курткой, надѣлъ туфли и старую мягкую шляпу.

— Пойдемъ посмотрѣть мой садъ.

Оливье было не по себѣ. Онъ не подумалъ о томъ впечатлѣніи, которое произведетъ на отца извѣстіе о его политической эволюціи, и теперь со страхомъ ждалъ минуты, когда отецъ предложитъ ему вопросъ. Говорить-ли все? Не лучше-ли предоставить времени и случаю раскрыть истину?

Взволнованный этими мыслями, онъ плохо слушалъ доктора, который его водилъ отъ одного куста розъ къ другому, останавливаясь у каждаго дерева, вспоминая прошлогодніе цвѣты, предсказывая цвѣтъ будущаго года, хвастаясь результатами прививокъ, лаская взглядомъ всѣ эти тычинки, точно живыя существа, покорныя его волѣ. Онъ оживлялся, улыбался, дѣлалъ быстрыя движенія.

Вдругъ старикъ остановился.

— А ты? что ты дѣлаешь?.. Я еще тебя и не спросилъ... Старики всегда эгоисты... Не дѣлайся никогда старикомъ...

Оливье колебался. Онъ не хотѣлъ лгать.

— Я нашелъ положеніе, мѣсто...

— И ты молчишь. Что же это?

— Завтра я вступаю въ должность секретаря одного адвоката... извѣстнаго адвоката...

— Кого?

— Дьелафуа.

Докторъ подпрыгнулъ.

— Дьелафуа! Дьелафуа имперіи? Продажная тварь, безъ совѣсти, человѣкъ, который былъ нашимъ въ 48 году и присоединился къ императору, чтобы составить карьеру, этотъ ренегатъ, проклятый отцомъ, старымъ республиканцемъ, который не хотѣлъ его видѣть даже у своего смертнаго одра!.. Человѣкъ, котораго имя въ продолженіи тридцати лѣтъ служило намъ символомъ презрѣнія и отвращенія, когда всѣ другія ругательства были исчерпаны... Ты поступаешь на службу къ этому человѣку? Но это невозможно!.. Вѣдь ты же мой сынъ, чортъ возьми!..

— Послушай...

Digitized by Google

— Что тутъ слушать?.. Дьелафуа негодяй и каналья!.. Кто съ нимъ знается и ѣсть его хлѣбъ, тотъ...

— Но мнѣ нуженъ хлѣбъ... а у меня его нѣтъ... республиканцы мнѣ въ немъ отказали... Ты не знаешь, что я вытерпѣлъ, какъ я страдалъ! Ты былъ богатъ въ молодости, а я началъ съ нищеты... Послушай...

И онъ раскрылъ передъ нимъ свою жизнь, весь ужасъ и мракъ которой всегда смягчалъ передъ отцомъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ присутствіи Коломеса онъ находилъ для этого краснорѣчивыя выраженія, онъ рисовалъ тогда образы, потрясавшіе его друга ледянымъ дыханіемъ пережитой имъ нищеты. Сегодня выраженія ему измѣняли, слова слѣдовали за словами, плохо связанныя, безцвѣтныя, лишенныя прежняго жгучаго выраженія. Онъ не переживалъ того, что изображалъ. Пристальный и строгій взглядъ доктора стѣснялъ его. Не сдался ли онъ слишкомъ рано? У него не хватило мужества, онъ былъ трусъ. Онъ начиналъ раскаиваться.

Однако исторія о ребенкѣ, родившемся и умершемъ черезъ нѣсколько часовъ въ госпиталѣ, смягчила доктора. Онъ понялъ безумное отчаяніе сына, нервное потрясеніе, бросившее его слѣпо впередъ, какъ взбѣсившуюся лошадь, которая разбиваетъ себѣ голову о дерево.

— Мое бѣдное дитя... но почему же я узнаю объ всемъ этомъ только сегодня?.. Почему ты мнѣ никогда ни въ чемъ не признавался?

— Что же ты могъ тутъ сдѣлать? Что ты могъ измѣнить?

Лобъ доктора наморщился. Этотъ отвѣтъ его задѣлъ; онъ походилъ на упрекъ.

Служанка пришла звать ихъ къ обѣду.

Они ѣли, молча, такъ какъ служанка, по обычаямъ дома, обѣдала съ ними. Докторъ былъ озабоченъ и наклонялся надъ своей тарелкой; ни разу глаза отца и сына не встрѣтились.

Когда толстуха подала кофе, она ушла въ кухню.

— А кто тебя познакомилъ съ этимъ человѣкомъ?

— Коломесъ.

Докторъ усмѣхнулся.

— Коломесъ!.. О, этотъ червякъ...

Онъ сталъ говорить смягченнымъ голосомъ, медленно, какъ бы во снѣ, высказывая одну за другой всѣ мысли, которыя о тяготили во время обѣденнаго молчанія.

— Ну, я не хочу тебя упрекать... ты устраиваешь свою изнь, какъ ее понимаешь, или какъ можешь, это не мое дѣ- ! Но бываютъ-же на свѣтѣ такія смѣшныя и въ то же вре- грустныя положенія!.. Я провелъ всю жизнь, ненавидя ихъ негодяевъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого, которые али ноги всѣмъ властямъ, требуя въ награду денегъ,

Digitized by Google

Противъ этихъ людей я бился съ ружьемъ въ рукахъ, рискуя своей головой... Я никогда ничего ни у кого не просилъ, а свое состояніе я растратилъ на добрыя дѣла... Я отказывался отъ всего, о чемъ другіе хлопочутъ съ низкимъ вожделѣніемъ... И все это для того, чтобы ты, мой сынъ, котораго я воспитывалъ въ этихъ идеяхъ, вступилъ въ союзъ съ однимъ изъ этихъ людей, чтобъ ты учился въ ихъ лавочкѣ забывать мои уроки, чтобъ ты смѣшался съ расой лакеевъ, которымъ сегодня приказываютъ за мѣсто префекта называть бѣлымъ то, что завтра, за крестикъ, они готовы опять назвать черными!

Оливье готовъ былъ закричать: «но вѣдь и я иду къ нимъ только для того, чтобъ предать ихъ»... Однако, онъ не посмѣлъ. Онъ былъ раздраженъ; дурное расположеніе духа, сопровождавшее ихъ споры съ отцомъ еще въ юности, вернулось къ нему, и онъ отвѣчалъ необдуманно, нервнымъ тономъ:

— Зачѣмъ же ты растратилъ свое состояніе? Ты бы поступилъ, пожалуй, лучше, сохранивъ его... Я тогда не былъ бы на жалованьи у Дьелафуа.

Докторъ выпрямился блѣдный, дрожа отъ гнѣва. Но онъ не сказалъ ни слова, и въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе; слышенъ былъ лишь звонъ посуды, перемываемой служанкой въ кухнѣ.

Желѣзнодорожный свистокъ раздался вдали. Это подходилъ къ станціи послѣдній поѣздъ.

Оливье не хотѣлъ такъ разстаться съ отцомъ. Онъ чувствовалъ, что его охватываетъ сильное волненіе. Какъ ребенокъ, послѣ нечаянно вырвавшагося слова, онъ въ душѣ просилъ прощенія. Что же ему мѣшало встать, взять обѣими руками эту старую голову и поцѣловать прекрасный морщинистый лобъ, на который свисли сѣдыя пряди волосъ? Изъ этого движенія возникли-бы миръ и согласіе. Они разнѣжатся оба и будутъ любить другъ друга по старому. Отецъ пойметъ сына.

Онъ нѣсколько разъ поднималъ глаза на отца, но оставался неподвиженъ.

— Это твой поѣздъ,—сказалъ докторъ.

Онъ проводилъ Оливье до дороги; бывало, онъ провожалъ его до станціи. Они холодно поцѣловались; ихъ губы беззвучно коснулись щекъ, ихъ руки сблизились и скользнули одна о другую.

— Прощай, отецъ!

— Прощай.

Оливье, рыдая, уносился съ поѣздомъ въ темноту ночи, а старикъ въ своей квартирѣ, со сжатымъ сердцемъ, съ больной душой, устремилъ глаза на страницу книги, не читая ее.

— Могущество! власть!—думалъ молодой человѣкъ, сидя

Digitized by Google

одинъ въ купэ второго класса;—быть сильнымъ! господствовать надъ другими! Хлестать ихъ, вертѣть этими лакеями, съ которыми меня смѣшиваютъ... Дьелафуа думаетъ, что монархическіе заговоры лопнутъ... онъ можетъ ошибаться... Я присоединяюсь къ Полиньерамъ... я ихъ презираю... Они не стоятъ упрековъ совѣсти... Если же республика восторжествуетъ, она приметъ меня, потому что тогда я буду уже извѣстенъ... И бѣдный отецъ мнѣ проститъ, когда я составлю ему имя и въ концѣ концовъ останусь честнымъ человѣкомъ... Онъ забудетъ средства, которыми это достигнуто.

Поѣздъ громыхалъ во мракѣ, проносясь мимо станцій, бросая снопы краснаго свѣта, освѣщавшіе темныя окрестности.

XXIV.

Оливье заработалъ нѣсколько денегъ, выступая въ судѣ. Онъ купилъ себѣ бѣлья, платья, охваченный потребностью быть одѣтымъ изящно и изысканно. Онъ хотѣлъ бы перемѣнить квартиру, поселиться въ менѣе мрачномъ кварталѣ. Но какой-то предразсудокъ удерживалъ его въ прежней комнатѣ, гдѣ онъ столько страдалъ и такъ бѣдствовалъ. Онъ начиналъ любить ее. Кромѣ того, онъ не чувствовалъ себя свободнымъ. Гонорина усложняла его жизнь сознаніемъ долга. Пока что, онъ продолжалъ жить съ нею.

Республика, еще плохо установившаяся въ то время, послѣ бѣдствій войны, всеобщаго безумія и опьяненія, поддерживаемая на худой конецъ своими смертельными врагами, ежедневно подрываемая, поносимая, поднимаемая на смѣхъ, еле дышавшая,—переживала кризисъ. Вокругъ небольшого сплоченнаго и рѣшительнаго карре убѣжденныхъ республиканцевъ гарцовала многочисленная и блестящая кавалерія враговъ, шумная, хорошо вооруженная, увѣренная въ своихъ силахъ и превосходствѣ. Аттака была на время отложена; нападающіе организовались, впередъ увѣренные въ успѣхѣ. Въ воздухѣ носилось предчувствіе борьбы, на картѣ стояла власть. Что же будетъ въ концѣ битвы, когда разсѣется дымъ аттаки? Увидимъ-ли мы на горизонтѣ разсѣянные остатки разбитой кавалеріи или на мѣстѣ, занимаемомъ карре,—останется пустота и жалкіе обломки республики?..

Оливье, обезпеченный теперь матеріально, выжидалъ. Весь вопросъ заключался для него въ томъ, кто побѣдитъ? Одинъ невѣрный шагъ могъ его загнать въ трясину, и онъ не смѣлъ двинуться.

Очень скоро онъ замѣтилъ, что пользуется уваженіемъ въ обществѣ Полиньеровъ. М-me Полиньеръ нѣсколько разъ раз-

Digitized by Google

спрашивала о немъ Дьелафуа, и Оливье видѣлъ, что она желаетъ его приблизить. Къ нему прямо обращались, спрашивали его мнѣнія и тогда, возбуждаемый общимъ вниманіемъ, онъ говорилъ, рубилъ съ плеча, удивляясь самъ преклоненію окружающихъ, увѣренный, что ему будутъ рукоплескать. Иногда даже, увлеченный вдохновеніемъ, онъ забывался, высказывалъ убѣжденія, которыя могли оскорбить слушателей, но и это ему сходило съ рукъ. Только порой онъ замѣчалъ мимолетную улыбку на губахъ m-me Полиньеръ.

Образъ Жюли овладѣлъ его воображеніемъ. Вблизи онъ восхищался и слѣдилъ взглядомъ за прекрасными линіями ея дѣвственнаго тѣла, вдали онъ старался разгадать ея душу. Они никогда не сходились во мнѣніяхъ. Она ему противорѣчила, вызывала на споръ, но, когда онъ настаивалъ, она поднимала голову и смотрѣла на него такимъ высокомѣрно-презрительнымъ взглядомъ, что онъ умолкалъ, смущенный и сконфуженный. А между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что она обращаетъ на него вниманіе. Споры сближали ихъ и создавали между ними нѣкоторую интимность. Ихъ враждебность переходила въ товарищество, если не въ игрѣ, то въ ударахъ.

Онъ сталъ заботиться о своей одеждѣ и наружности. Иногда онъ говорилъ о Жюли Гонориѣ, разсказывая ей свои успѣхи въ спорахъ. Гонорина слушала его молча. Однажды она вдругъ прервала его разсказъ:

— Что мнѣ до этого за дѣло?

Онъ понялъ и покраснѣлъ. Гонорина, въ его глазахъ, становилась лишь вещью. Онъ ее присоединялъ къ своей новой жизни, не заботясь о томъ, что она могла страдать отъ этого.

Онъ вспомнилъ все, чѣмъ былъ ей обязанъ, вспомнилъ три года совмѣстной нищеты, и сознавалъ, что его возлюбленная играла роль ангела-хранителя въ прежнемъ его существованіи. Онъ вспоминалъ о минутахъ, когда одного ея присутствія было достаточно, чтобъ поддержать и успокоить его, когда простое слово, сказанное ею на вѣтеръ, безъ умысла, придавало ему, однако, новую бодрость, какъ дальній, веселый звонъ колокольчиковъ стада, раздающійся въ тишинѣ наступающихъ сумерекъ, ободряетъ усталаго путника.

Его глаза увлажнились. Онъ снова видѣлъ ее на больничной постели, прижимающей къ груди ребенка, смерть котораго она скрывала... Теперь она часто думала и говорила о немъ. Душа этой малютки, отвергнутой жизнію, казалось живетъ между ними, связываетъ ихъ, становится на одинъ день старше съ каждымъ наступленіемъ ночи...

Однажды онъ нашелъ у консьержа письмо. Тонкій, косой почеркъ адреса былъ ему незнакомъ. Онъ быстро разорвалъ конвертъ. М-me Полиньеръ приглашала его обѣдать. Его лицо

Digitized by Google

просіяло. Онъ цѣлыя недѣли ждалъ этого письма съ нетерпѣніемъ. Ему писали, что обѣдъ будетъ совсѣмъ за-просто.

Поэтому онъ удивился, войдя въ залу и увидя посторонняго. Онъ сейчасъ же его узналъ. Это былъ Витре, депутатъ-журналистъ правой, который сталъ извѣстенъ своими дуэлями и привычкой перебивать ораторовъ въ палатѣ. Высокій, красивый малый, хорошо сложенный, хорошо одѣтый, съ длинными военными усами, съ эспаньолкой à la Napoleon, съ смѣлымъ взглядомъ, онъ носилъ орденъ, полученный на полѣ битвы въ послѣднюю войну.

Ихъ представили другъ другу, и черезъ нѣсколько минутъ было объявлено, что обѣдъ поданъ. M-me Полиньеръ прошла впередъ подъ руку съ Витре, Оливье предложилъ руку Жюли. Онъ замѣтилъ изысканность ея туалета; на ней было шелковое платье цвѣта красной мѣди, съ высокимъ лифомъ, съ довольно широкимъ вырѣзомъ, изъ подъ котораго выбивалось плиссэ бѣлаго кружева.

За столомъ онъ сидѣлъ по лѣвую руку m-me Полиньеръ, напротивъ молодой дѣвушки.

Разговоръ, начатый въ гостиной до прихода Оливье, продолжался.

— Конечно,—говорила m-me Полиньеръ, со своей обычной жеманной гримасой, открывавшей всѣ зубы,—конечно, города всегда внушаютъ нѣкоторыя опасенія; эти рабочіе центры дѣйствительно опасны; ихъ боятся и они привлекаютъ голоса... Но деревни...

Витре пріѣхалъ изъ Бретани. Онъ былъ землякомъ Полиньеровъ.

— За нихъ можно ручаться, madame. Нашъ департаментъ преданъ нашему дѣлу... Земля не измѣнитъ! О, это настоящая страна шуановъ... Эти неровности почвы, эти крутыя дороги, то подымающіяся кверху, то падающія въ долины, съ откосами по сторонамъ, этотъ закрытый горизонтъ, эти группы деревьевъ, эти холмы... Все это дышетъ партизанской войной, вызываетъ ея воспоминанія... Ее ждешь, ее ищешь, она необходима для полноты картины. Я положительно видѣлъ подымающіяся изъ этихъ кустовъ дымки выстрѣловъ по всей длинѣ дороги, я слышалъ галопъ верховыхъ, я присутствовалъ при преслѣдованіи невидимыми молодцами бѣгущаго республиканскаго отряда... И не думайте, что я преувеличиваю... Крестьяне головы начать снова... Многіе мнѣ указывали глазами на ружья, висящія у камина.

— О, Богъ дастъ,—сказалъ Полиньеръ съ испуганнымъ видомъ и округлившимися глазами, Богъ дастъ, и кровь не прольется.

Его жена, все улыбаясь, бросила на него взглядъ состраданія.

Digitized by Google

Она спросила:

— Думаете вы, что можно надѣяться на сосѣдніе департаменты?

— Навѣрно... Вся страна наша... Кромѣ того, за насъ центръ Франціи, большая часть Юга... Мы занимаемъ мѣсто въ Палатѣ при каждыхъ новыхъ выборахъ... Волна поднимается... Республика существуетъ только по недоразумѣнію. Она еще есть, но она уже пугаетъ... Общественное мнѣніе колеблется... Окажись у насъ одинъ лишній голосъ въ Палатѣ, и мы возстановимъ если не самую монархію, то консервативный режимъ... Въ мысляхъ страны произойдетъ переворотъ и на другой день она будетъ наша...

Только Жюли и Оливье молчали. Молодой человѣкъ находилъ бахвальство Витре ребяческимъ и черезъ-чуръ хвастливымъ. Этотъ господинъ и эта дама, такъ рѣшительно за пріятельскимъ столомъ распоряжающіеся при немъ, чужомъ человѣкѣ, судьбами страны, напоминали ему сцену изъ оперетки или пародіи. Одного слова, одной улыбки достаточно, чтобы вспугнуть эти нелѣпыя мечты!

Тѣмъ не менѣе убѣжденность Витре, его боевое краснорѣчіе, живая жестикуляція, яркое пламя въ глазахъ, смущали и волновали Оливье. Кто, дѣйствительно, могъ сказать, что будетъ завтра, въ это смутное и нерѣшительное время? Не отъ случая-ли зависѣлъ исходъ борьбы? Или, если онъ вытекалъ изъ глубокихъ причинъ, каковы были эти послѣднія?

По временамъ онъ встрѣчался глазами со взглядомъ Жюли и ему представлялось, что ихъ мысли встрѣчаются. Жюли была какъ-то надменно холодна, и онъ угадалъ, что она ускользала отъ всякаго руководства.

Съ начала обѣда она только одна обращала вниманіе на молодого человѣка. Онъ чувствовалъ, что ея взгляды его пронизываютъ, волнуютъ кровь въ его жилахъ, смущаютъ и въ тоже время даютъ ему чувство довольства.

Вдругъ Витре воскликнулъ:

— Намъ недостаетъ молодежи... Наши молодые люди держатъ пари на скачкахъ, рисуютъ акварелью, пишутъ стишки, играютъ комедію въ салонахъ... Нѣтъ больше людей борьбы.

Сердце Оливье забилось, какъ бы при приближеніи неизвѣстной опасности. Въ эту минуту madame Полиньеръ бросила на него быстрый взглядъ.

— Мы основываемъ въ настоящее время новую газету въ провинціи,—продолжалъ депутатъ.—Намъ нужны были бы молодые перья, избытокъ силъ, таланта, жизни... Стариковъ у насъ даже слишкомъ много... но молодой человѣкъ, у котораго есть кровь въ жилахъ...

Digitized by Google

— Быть можетъ, я могу вамъ помочь въ этомъ дѣлѣ...— сказала m-me Полиньеръ, улыбаясь.—Г. Датанъ...

Она обратилась къ Оливье, сильно поблѣднѣвшему.

— У monsieur большой талантъ... Дьелафуа за это ручается... Онъ его цѣнитъ и предсказываетъ ему великую будущность...

Всѣ обратились къ Оливье.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ г. Полиньеръ,—это было бы очень хорошо...

— О, прекрасно!—проговорилъ де Витре, разглядывая молодого человѣка, на котораго прежде не обращалъ вниманія.. Вотъ въ чемъ дѣло. Нужно уничтожить Бріана, кандидатура котораго будетъ поставлена въ одномъ изъ департаментовъ при слѣдующихъ выборахъ. Онъ оттуда родомъ, былъ тамъ врачемъ и пользуется большой популярностью. Онъ пожалуй воспользуется случаемъ... Если ловко повести кампанію, можно-бы лишить его уваженія...

Бріанъ былъ скромный ученый, труженикъ, старый республиканецъ, научные труды котораго были извѣстны всему свѣту. Онъ былъ славой Франціи.

Коснуться этого человѣка—казалось Оливье святотатствомъ.

— Хотите вы взяться за это?—спросилъ его напрямикъ де Витре.

Онъ пробормоталъ:

— Увѣрены-ли вы въ успѣхѣ? Бріанъ... это великій человѣкъ...

Де Витре пожалъ плечами.

— Великій человѣкъ!.. это дрянь... Онъ получилъ орденъ отъ императора...

— Но, какъ ученый...

— Такъ пусть онъ и остается при своихъ ретортахъ!— воскликнула m-me Полиньеръ.

Она смотрѣла на молодого человѣка вопросительно.

То, что отъ него требовали, было важно. Писать въ газетахъ, поставить свое имя рядомъ съ именемъ де Витре, скомпрометировать себя публично,—это значило надѣть на себя ярлыкъ, отъ котораго никогда не избавиться. Въ случаѣ неудачи, онъ погибъ! А эти люди, обезпеченные своимъ состояніемъ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, хладнокровно предлагали ему рисковать всею жизнью. Если онъ будетъ побѣжденъ, вознаградятъ ли они его за потерянную каррьеру?

Да, но если они будутъ побѣдителями?

Жюли, не открывавшая рта, не сводила съ него глазъ. Почему она смотрѣла на него такимъ образомъ? Она слѣдила за нимъ, она угадывала, быть можетъ, что происходило въ немъ; она его находила слабымъ, безъ энергіи, безъ воли!

Digitized by Google

Вдругъ его ослѣпило. Онъ ее увидѣлъ, какъ отдаленную награду. Какой-то голосъ кричалъ ему: «Она будетъ твоя, она тебя любитъ!»

— Я попробую,—сказалъ онъ наконецъ, кланяясь и улыбаясь молодой дѣвушкѣ, которая снова опустила глаза.

Онъ ушелъ рано. Всѣ его члены дрожали. Онъ только что подписалъ бѣлый листъ, и не зналъ, какое обязательство они впишутъ тамъ за него... Ну чтожъ, отказываться поздно и онъ рискнетъ всѣмъ!

Гонорина вскрикнула отъ удивленія, когда онъ вошелъ въ ея комнату.

— Я не узнала твоихъ шаговъ... Твоя походка измѣнилась... она стала тяжелѣе, вообще ты не тотъ: посмотри на себя въ зеркало... Это уже не тѣ глаза, не тотъ видъ.

Оливье улыбнулся себѣ въ зеркалѣ.

Она смотрѣла на него грустными, мрачными глазами, сдвинувъ брови.

— Я не вижу никакой разницы,—сказалъ онъ.

Она покачала головой.

А онъ вспомнилъ самого себя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; онъ вспомнилъ молодого человѣка, работавшаго въ сосѣдней комнатѣ, наивнаго, возмущавшагося всей душой при одной мысли о постыдной уклончивости. Какая пропасть и сколько столѣтій раздѣляли эти два существа? Который изъ нихъ правъ? Глупъ-ли былъ первый или сталъ низокъ второй? Возможно-ли, чтобъ человѣкъ такъ переродился? Какими словами точно выразить преступленіе, тяготившее его совѣсть?

Гонорина подняла внезапно голову и спросила его:

— Они очень богаты, эти Полиньеры?

— Да.

— Какъ они этого добились?

— Ну, почемъ я знаю. Они богаты, вотъ и все!

— Должно быть у нихъ очень хорошо... А молодая дѣвушка? Мнѣ бы хотѣлось ее видѣть... Я не люблю ее, эту высокую красавицу...

— Почему?

— Такъ, фантазія!

Помолчавъ немного, она продолжала:

— Имъ везетъ... Они не знали ни нужды, ни заботы, и у нихъ есть все безъ труда... Это несправедливо... Всѣ должны работать,—а ужъ потомъ... на заработанныя средства... Ты не согласенъ?

— Да, но это не можетъ быть такъ, это было бы слишкомъ просто!

— Какъ слишкомъ просто? разъ это справедливо... *Она* будетъ покупать вещи, которыхъ я никогда не могу имѣть;

Digitized by Google

въ театрѣ, *она* займетъ мѣсто, гдѣ я никогда не сяду; *она* будетъ имѣть двадцать шелковыхъ платьевъ, а у меня нѣтъ ни одного; у *нея* будутъ экипажи, лошади, лакеи; *она* увидитъ страны, самыя названія которыхъ мнѣ незнакомы; если я приду къ *ней*, какъ работница, *она* даже на меня не посмотритъ, а если заговоритъ со мной, то только затѣмъ, чтобы выбранить; *она* умретъ среди своей семьи, а меня вынесутъ изъ госпиталя черезъ заднюю дверь, въ скверномъ сосновомъ гробу... Однако, *она* такая же женщина, какъ и я. Развѣ *она* достойнѣе меня,—скажи!

— Нѣтъ.

— Кто-же изъ насъ двоихъ лучше?

— Но... я не знаю. На такіе вопросы не отвѣчаютъ.

— Однако?

— Ты, потому что ты больше страдала.

— А если бы ты ей понравился, ты женился бы на ней, а?

Оливье покраснѣлъ.

— Неужели ты воображаешь, что я думаю о женитьбѣ?

— Я тебя не спрашиваю, о чемъ ты думаешь... я спрашиваю, женился-ли бы ты на ней?

— Но это немыслимо... Ты съ ума сошла.

— Отвѣчай *да* или *нѣтъ*... женился бы ты на ней?

Оливье не отвѣчалъ. Гонорина смотрѣла на него сурово, ея губы дрожали. Вдругъ она разразилась нервнымъ, злымъ смѣхомъ.

— Ну, не безпокойся!—насмѣхалась она. — Она тебя не захочетъ. У тебя также нѣтъ ни гроша. Ты нищій и при томъ не достаточно красивъ, у тебя не такое лицо, чтобъ нравиться женщинамъ. Ты не женишься на ней... такъ же, какъ и я не буду никогда имѣть шелковаго платья, экипажей и не буду путешествовать въ первомъ классѣ... Ну, что ты на меня смотришь такими глазами? Я тебѣ говорю правду, мой милый...

Оливье былъ блѣденъ, вся кровь прилила къ его сердцу, руки похолодѣли. Онъ обмѣнялся со своей любовницей взглядомъ ненависти. Она продолжала смотрѣть на него посмѣиваясь и качая головой, и онъ чувствовалъ, съ какой свирѣпой радостью она причиняла ему эту боль.

— А я еще ее жалѣю, — думалъ онъ. — Это мой врагъ, мой худшій врагъ. Если бы я былъ боленъ, она заботилась бы обо мнѣ, проводила бы ночи у моего изголовья, потому что тогда я былъ бы у нея въ долгу; но она скорѣе согласна видѣть мою смерть, чѣмъ мой успѣхъ. Ей нужна моя нищета, чтобъ переносить свою. Это что-то въ родѣ мести!

— То, что ты говоришь, дурно, Гонорина. Ты злая и завистливая.

Digitized by Google

— Ну! что дальше?.. Да, я завистлива и я этого не скрываю... А ты развѣ не завистливъ! Ты, значитъ, не помнишь, что ты мнѣ говорилъ о твоихъ друзьяхъ, о твоемъ Коломесѣ, какъ ты ихъ честилъ, какъ ты объ нихъ отзывался? О, да! ты ихъ очень любилъ, можешь похвастаться!.. Одинъ по твоему былъ дуракъ, другой разбойникъ, а Коломесъ лакей!.. Ты имъ не завидовалъ, а? Ты значитъ меня считаешь дурой. Поди ты! Не нужно много образованности, чтобъ понять людей... О, я знаю хорошо, что происходитъ въ тебѣ...

Раздраженный Оливье съ силой прервалъ ее.

— Довольно, къ чему ты это ведешь?

— Ни къ чему. Я хотѣла это тебѣ сказать, и сказала... вотъ и все.

Онъ всталъ и направился къ двери.

— Куда ты?

— Къ себѣ, у меня работа.

— Ты дуешься?—спросила она голосомъ, который сдѣлался мягче и какъ бы призывалъ къ примиренію.

— Нѣтъ, но мнѣ нужно работать.

Она подошла къ нему, взяла его за руки и посмотрѣла ему въ глаза.

— Ты хочешь меня бросить?... я начинаю стѣснять тебя... отвѣчай откровенно...

— Послушай, Гонорина, ты несправедлива ко мнѣ, ты не знаешь, что я къ тебѣ чувствую, ты меня подозрѣваешь, обвиняешь,... ты несправедлива...

— Но вѣдь бросишь же ты меня когда-нибудь.

Онъ посмотрѣлъ на нее, не отвѣчая.

Такъ они стояли нѣсколько секундъ, молча; потомъ она выпустила его руки одну за другой и, повернувшись, пошла къ своему маленькому столу.

— Иди работать,—сказала она тихо.

Онъ вышелъ, странно взволнованный и, придя въ свою комнату, легъ одѣтый на постель.

Гнѣвъ его проходилъ; онъ прощалъ. Онъ даже не зналъ навѣрно, не онъ ли нуждался въ прощеніи. У него есть будущее, онъ поднимется, завоюетъ вполнѣ или частью ту область, къ которой стремится. Его ждутъ почести, извѣстность быть можетъ, деньги, блестящее положеніе въ обществѣ. А она, она? Бѣдная дѣвушка! Онъ не могъ ее оставить при себѣ. Она будетъ помѣхой и увлечетъ его за собою, какъ утопающій, котораго хочешь спасти; они погибнутъ оба. Это чудовищно... Ихъ раздѣляетъ разница воспитанія, развитія, неумолимый, жестокій законъ. Между тѣмъ эта дѣвушка была достойна лучшей участи. И она снова погрузится въ несчастную жизнь работницы безъ просвѣта впереди, безъ надежды. И такъ—до

Digitized by Google

могилы... А за могилой?.. Покой, забвеніе, медленное разложеніе тѣла, нервовъ, мускуловъ, всего этого дивнаго организма, созданнаго лишь для лишеній и горя! И милліоны существъ обречены на тьму такой жизни и мракъ такой смерти... А надъ этой толпой поднимаются тѣ, кого называютъ великими людьми...

Онъ вспомнилъ ея слова, произнесенныя такъ кротко: «иди работать»; и опять представилось ему ея лицо, и онъ почувствовалъ, какъ она выпускаетъ его руки медленно, одну за другой.

Онъ приподнялся на постели и прислушался. Въ сосѣдней комнатѣ ни звука. Быть можетъ онъ не слышалъ, какъ она легла. Онъ хотѣлъ ее видѣть, говорить съ нею, не оставлять ее на всю ночь.

Онъ всталъ. Ключъ былъ въ замкѣ. Тихонько, безъ шума, онъ отворилъ дверь.

Гонорина сидѣла на стулѣ, скрестивъ руки, опустивъ голову, протянувъ ноги, неподвижная, погруженная въ мысли. Лампа на столѣ почти потухла.

— Гонорина,—проговорилъ онъ шопотомъ, думая, что она уснула.

Она вздрогнула и подняла голову.

— Что ты дѣлаешь?

— Ничего... я думала... я забыла гдѣ я... ты давно работаешь?..

Онъ взялъ ея руки.

— Тебѣ холодно?

— Да... я не замѣтила.

— Ты не ложишься.

— Но да!

Она встала и прибавила огня въ лампѣ.

— Знаешь, о чемъ я думала?

— Нѣтъ.

— Я думала, что я умерла... я видѣла себя мертвой... на этой кровати... совсѣмъ одѣтой... Среди комнаты, вотъ тамъ, стояла жаровня... съ угленъ на два су...

Оливье вскрикнулъ, поблѣднѣлъ, какъ трагическій Пьерро, и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ты съ ума сошла, Гонорина!.. Послушай, моя маленькая Гонорина... зачѣмъ говоришь ты это? послушай... я прошу тебя... Да посмотри же на меня... поклянись мнѣ, что ты не думаешь объ этомъ, поклянись мнѣ, что никогда...

Она гордо посмотрѣла на него.

— Клясться!.. Развѣ я у тебя требую клятвы?.. Развѣ я не свободна?.. Я ни отъ кого не завишу... И если я убью себя, это будетъ не изъ-за тебя, а изъ-за всего, изъ-за того,

Digitized by Google

что я не знаю, къ чему я годна въ жизни, кому я нужна, потому что я безполезна и... я скучаю, я страшно скучаю.

— Гонорина... Гонорина...

Онъ бросился на колѣни, охватилъ ея ноги руками, прижалъ ее къ себѣ, откинувъ голову съ умоляющимъ лицомъ.

— Гонорина... ты больна... ты страдаешь... скажи... скажи, что мнѣ дѣлать! требуй отъ меня чего нибудь... я сдѣлаю все... все...

Она пристально посмотрѣла на него; потомъ пожала плечами, слабо улыбнувшись.

— Такъ это тебя очень огорчило бы?.. Такая бѣдная дѣвушка, какъ я... одной больше, одной меньше...

У него мелькнула надежда.

— Ты хотѣла испытать меня?—спросилъ онъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ... но я же тебя увѣряю, что это случилось бы не изъ-за тебя.

— Но почему же? почему?

— Я же тебѣ сказала... такъ, фантазія!

И, освободившись изъ его объятій, она сдѣлала неопредѣленный жестъ руками.

Оливье не могъ удержать дрожь, которая его охватила. Этотъ призракъ смерти наводилъ на него ужасъ. Ему было страшно. Глубокая, нѣжная жалость къ Гонеринѣ, которую онъ испытывалъ сейчасъ, пропадала, замѣняясь непобѣдимымъ, эгоистическимъ чувствомъ досады. Ему мерещился трупъ поперекъ его дороги, самоубійство, которое будетъ тяготить его всю жизнь, ядро каторжника, отъ котораго его совѣсть никогда не освободится.

Если бы онъ могъ закричать: «Мы никогда не разстанемся. Я соединяю свою жизнь съ твоею; будь что будетъ! Я поступлю согласно съ долгомъ, стоящимъ внѣ всего, внѣ всякихъ человѣческихъ условностей!»

Но онъ не могъ этого. Послѣ этихъ словъ, онъ самъ зажегъ бы жаровню.

Солгать въ эту минуту! Ложь была бы слишкомъ большой трусостью.

Гонорина спокойно раздѣвалась.

Обнявъ его руками, она поцѣловала его въ губы и сказала:

— Иди сюда...

Digitized by Google

XXV.

— Вы не танцуете, monsieur?

Жюли и Оливье разговаривали, стоя въ амбразурѣ окна.

— Нѣтъ, mademoiselle... Я, впрочемъ, и не умѣю танцовать.

Вся въ бѣломъ, съ голыми руками, выступающими изъ декольтированнаго лифа, m-lle Полиньеръ украсила себя только розой, красной, какъ кровь, воткнутой въ темные волосы. Она стояла передъ молодымъ человѣкомъ, прислонившись слегка къ стѣнѣ, съ полуоткрытыми губами отъ легкой одышки послѣ танцевъ.

— Балъ долженъ вамъ казаться очень нелѣпымъ, — сказала она.—Вы скучаете...

— Нѣтъ, mademoiselle, клянусь вамъ, я не скучаю.

Онъ улыбнулся, посмотрѣвъ въ ея большіе глаза, какъ занавѣской прикрытые полуопущенными рѣсницами.

— Однако, у васъ свирѣпый видъ, — продолжала она. — Можно подумать, что вы недовольны кѣмъ-то или что вы презираете и смотрите свысока на всѣхъ этихъ особъ, мелькающихъ передъ вашими глазами... Вы похожи на...

Такъ какъ она не могла найти сравненія, онъ кончилъ за нее.

— На волка въ овчарнѣ.

— Именно.

И она еще выше подняла свою надменную голову, насмѣшливо улыбаясь кончиками губъ.

— Я искала сравненія менѣе банальнаго, впрочемъ, — прибавила она, подчеркивая свою улыбку.

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Моя наружность обманчива, mademoiselle.

Она не отвѣтила и отвернулась.

Оливье замѣтилъ, что на него смотрѣли. Въ первый разъ видѣлъ онъ Жюли въ бальномъ платьѣ. Это прекрасное бѣлое тѣло, съ неопредѣленными, сіяющими контурами, безъ малѣйшаго изъяна и пятнышка, опьяняло его. Отъ нея отдѣлялся тонкій, теплый и чистый ароматъ. Она была декольтирована нѣсколько излишне. Края корсажа сходились на спинѣ такъ низко, подъ такимъ острымъ угломъ, что получалось впечатлѣніе полной наготы — совсѣмъ обнаженный восхитительный торсъ выступалъ изъ бѣлой, какъ снѣгъ, прямой юбки, падавшей какъ бы мраморными складками до самаго пола.

Оркестръ заигралъ кадриль.

Отъ одной изъ группъ отдѣлился молодой человѣкъ, скользя по паркету, улыбающійся и довольный. Онъ поклонился

Digitized by Google

Жюли и они пошли занимать мѣсто. Коломесъ, ихъ визави, граціозный и хорошенькій, воплощавшій собою беззаботную, молодую душу бала, управлялъ своей дамой съ серьезнымъ увлеченіемъ вдохновеннаго артиста.

Пока Жюли танцовала, Оливье упорно старался встрѣтиться съ ней взглядомъ. Но она не смотрѣла на него. Неужели она только красива?—спрашивалъ онъ себя. Неужели у нея нѣтъ сердца? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее зналъ, онъ не слышалъ, чтобы она произнесла хоть одно слово съ оттѣнкомъ какого нибудь чувства. Однажды, когда онъ былъ у нихъ съ визитомъ, одна дама разсказывала съ разстроеннымъ видомъ, дрожащими отъ ужаса губами о своемъ посѣщеніи квартиры бѣдняковъ: одна комната, длинная, узкая; матрацъ на полу, въ углу; на немъ хрипѣлъ человѣкъ, умиравшій отъ чахотки; на колѣняхъ передъ нимъ съежилась беременная женщина и смотрѣла какъ онъ умиралъ; въ ногахъ умирающаго, на одѣялѣ, въ ,соломѣ, служившей имъ общей постелью, играло трое дѣтей; никакой мебели, ни одного стула; черныя, засаленныя стѣны; удушливый воздухъ, ужасный запахъ. Оливье былъ испуганъ жестокостью взгляда Жюли. Это былъ взглядъ животнаго, смотрѣвшаго съ безстрастнымъ удивленіемъ на непонятное ему страданіе человѣка... Неужели подъ этими чудными формами, которыми онъ такъ восхищался, скрыто чудовище?

Оркестръ умолкъ. Танецъ окончился. Жюли сѣла на другомъ концѣ залы возлѣ молоденькой бѣлокурой дѣвушки, которую Оливье еще не видѣлъ у Полиньеровъ. Она была очень хорошенькая. Это лицо пробудило у Оливье смутное воспоминаніе о сходствѣ съ кѣмъ-то, кого онъ когда-то видѣлъ и забылъ. Разстояніе не позволяло ему разсмотрѣть ясно черты. Въ эту минуту его кто-то задѣлъ мимоходомъ. Онъ повернулся и вздрогнулъ при видѣ толстаго господина съ краснымъ лицомъ, простымъ и добрымъ. Онъ его сейчасъ же узналъ. Это былъ тотъ самый, который жилъ въ Монморанси, въ маленькомъ домикѣ съ террасой, обсаженной стриженными акаціями. Молоденькая блондинка была его дочь, и Оливье вспомнилъ длинную голубую ленту, развѣвавшуюся отъ зимняго вѣтра у закрытой ставни.

Толстый господинъ улыбнулся издали своей дочери и удалился въ сосѣдній салонъ. Онъ, очевидно, приходилъ лишь затѣмъ, чтобъ послать это сердечное привѣтствіе, эту нѣжную ласку. Его взглядъ сохранялъ выраженіе грусти, поразившее молодаго человѣка.

Оливье пересталъ видѣть Жюли. Его сердце сильно забилось. Онъ стоялъ, устремивъ глаза на молодую дѣвушку, пораженный, какъ будто передъ нимъ явилось видѣніе изъ другого

Digitized by Google

міра. Между тѣмъ молодая дѣвушка болтала съ непринужденностью избалованнаго ребенка, заглушая смѣхъ носовымъ платкомъ, то наклоняясь къ подругѣ и обнимая ее за талію, чтобы шепнуть что-то на ухо, то вертясь на стулѣ, какъ птичка, опьяненная собственной пѣснью.

Почему онъ испытывалъ такое глубокое, сладкое волненіе? Откуда повѣяла ему въ лицо эта струя свѣжаго воздуха? Онъ слышалъ запахъ лѣсной сырости, звукъ шаговъ на деревенской тропинкѣ, усыпанной щебнемъ. Надъ нимъ раскрывалось широкое голубое небо, передъ глазами разстилалась даль безъ границъ. И въ этомъ смутномъ пейзажѣ—безмолвномъ и освѣщенномъ солнцемъ, такъ странно возникшемъ среди суеты бала, онъ увидѣлъ совсѣмъ молодого человѣка, съ чистосердечнымъ лицемъ, въ узкомъ платьѣ; это былъ онъ, тамъ, въ прошедшемъ, которое никогда не вернется. Онъ снова видѣлъ любимыя розы отца, душистый безпорядокъ его сада, его длинные бѣлые волосы, свою маленькую классную комнату, въ которой такъ часто дѣтски-честолюбивыя мечты мѣшали ему спать по ночамъ до первыхъ еще невѣрныхъ, колеблющихся лучей туманной зари. Какъ давно это было! Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ? Шесть или сто? И вотъ онъ, Оливье, въ эту минуту, во фракѣ, съ клякомъ подъ мышкой, стоитъ здѣсь и щуритъ глаза отъ горячаго, ослѣпительнаго освѣщенія!.. Какое отношеніе между этимъ существомъ и тѣмъ, далекимъ прошлымъ, стертымъ, какъ старая фотографія?..

Ему захотѣлось уйти, уединиться и плакать... плакать хорошими слезами, которыя текутъ безъ причины, не переставая, которыя утѣшаютъ и очищаютъ душу.

И все это носилось надъ этой маленькой бѣлокурой головкой, такъ мило вертѣвшейся въ двадцати шагахъ отъ него. Это она воскресила все прошлое, возвращала его чистымъ, безупречнымъ, не тронутымъ смертью. Онъ любилъ ее, не зная ея имени, любовью, полной благодарности и нѣжности. Ему хотѣлось поцѣловать ее въ лобъ, цѣломудренно, благоговѣйно и сказать ей: я не забылъ тебя; я о тебѣ думалъ; ты возвращалась ко мнѣ, какъ нѣжное воспоминаніе, трогательное и грустное... Я зналъ, какое мѣсто ты занимаешь въ моей жизни уже тѣмъ, что однажды твой образъ запечатлѣлся въ моей памяти, хотя я не ждалъ, что увижу тебя снова.

Танцы слѣдовали одинъ за другимъ. Оливье оставался, погруженный въ свои мысли, равнодушный ко всему, что происходило кругомъ. Онъ увидѣлъ, что около отдыхавшей Жюли былъ пустой стулъ и подошелъ къ ней.

— Кто эта бѣлокурая дѣвушка, съ которой вы только что говорили?

— M-elle Баратье.

Digitized by Google

— Ея имя?

— Симона... Зачѣмъ вамъ?

— Такъ... чтобы знать...

Ему не хотѣлось посвящать кого-либо въ тайный и никому невѣдомый интересъ, который привязывалъ его къ этой молодой дѣвушкѣ. И онъ прибавилъ:

— Она очень хорошенькая!

Жюли взглянула на него холодно. Въ выраженіи ея глазъ было что-то неопредѣленное: высокомѣріе, насмѣшка и еще что-то. Оливье посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ угадалъ, что задѣлъ эту дѣвушку своимъ восторженнымъ восклицаніемъ по адресу другой. Его мысли сразу измѣнились, какъ будто порывъ вѣтра унесъ недавнія ощущенія; онъ опять увидѣлъ себя на балу; опять услышалъ оркестръ, который исчезъ было изъ его слуха; танцы, гулъ разговоровъ—возобновились какъ-то сразу. И опять передъ нимъ стояла Жюли, загадочная, почти враждебная, которая занимала его въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ. Ему захотѣлось воспользоваться маленькой непріятностью, которую онъ причинилъ ей помимо своей воли.

— Развѣ вы ее не находите хорошенькой?—спросилъ онъ.

— Конечно нахожу. Развѣ я вамъ сказала, что нѣтъ.

— Вы ее хорошо знаете?

— Очень хорошо... Ея отецъ изъ нашихъ мѣстъ.

— Но я ихъ никогда не встрѣчалъ у васъ.

— Они недавно вернулись изъ Ниццы... Они тамъ проводятъ каждую зиму.

Она прибавила, черезъ нѣсколько времени:

— Симона слабенькая, очень хрупкая... Она не перенесла бы зимы въ Парижѣ... Ея мать и маленькій братъ умерли отъ грудной болѣзни.

Оливье вспомнилъ эту веселую семью въ Монморанси. Значитъ, и мать, и сынъ уже умерли. Бѣдная Симона! быть можетъ надъ ней также тяготѣетъ уже рука смерти...

— Она, кажется, васъ очень любитъ.

— Да, она очень экспансивна...

— А!—прервалъ Оливье съ интонаціей, смыслъ и значеніе которой молодая дѣвушка поняла.

— Это «а!», сказала она, означаетъ, что я не похожа на Симону и что я вовсе не экспансивна.

Онъ поклонился, дѣлая жестъ отрицанія.

— Mademoiselle... я бы себѣ не позволилъ.

— Нѣтъ, я не экспансивна... Я не люблю говорить, что я думаю, что чувствую, чего желаю... я хочу, чтобы это угадывали... Это грѣшная гордость, я знаю... но развѣ вы сами не такой же немножко?

Digitized by Google

Онъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Вы очень проницательны, mademoiselle... Я сознаюсь... Но я часто себя упрекалъ въ этомъ чувствѣ, обвинялъ себя, даже жестоко страдалъ отъ него.

— Какъ такъ?

— Меня конечно не угадывали, ко мнѣ не приходили.

— Это значитъ?...

— Ровно ничего... потому что къ вамъ подойдутъ, даже не стараясь понять.

Взглядъ Жюли смягчился.

— Значитъ вы до сихъ поръ совсѣмъ не поняли меня?

Онъ колебался съ минуту.

— Нѣтъ.

— Вамъ легче понять Симону?

— Думаю.

Она вопросительно взглянула на него, и онъ продолжалъ:

— Она должна обладать веселымъ характеромъ, откровенностью, добротой, беззаботностью, сердцемъ, чувствительностью...

— А во мнѣ вы не находите ни одного изъ этихъ качествъ?

— Простите, mademoiselle... Но вы ничего не выказываете...

Она не отвѣчала и, отвернувшись отъ молодаго человѣка, смотрѣла на Симону, сидѣвшую противъ нея, на другомъ концѣ залы.

Оливье видѣлъ профиль Жюли. Ему казалось, что онъ подмѣтилъ на этомъ обыкновенно безстрастномъ лицѣ какое-то необычное выраженіе. Ошибался-ли онъ, или эта грудь дѣйствительно поднималась отъ непривычнаго волненія?.. О чемъ она думаетъ? Кому суждено обладаніе этимъ прекраснымъ тѣломъ? Чьи губы прильнутъ къ этимъ гордымъ устамъ?

Онъ бѣденъ. Если бы онъ сказалъ ей все о себѣ, она бы встала, уничтожила его взглядамъ и удалилась, оскорбленная. Для нея бѣдность—это проказа. И онъ смѣлъ думать о ней! Онъ, напоминающій бѣдняка, случайно остановившагося у раскрытыхъ воротъ дворца... Стучатъ копыта кровныхъ лошадей въ проѣздѣ, выкатывается сверкающая каретка, на мгновеніе передъ изумленными глазами бѣдняковъ мелькаютъ тепличныя растенія, статуи, ковры, позолота кованныхъ перилъ... и тотчасъ-же ворота закрываются, видѣніе исчезаетъ. Не такъ-же ли явилась передъ нимъ вся эта роскошь? Какой взрывъ смѣха раздался бы кругомъ, если бы кто нибудь могъ разгадать тайныя претензіи этого маленькаго адвоката!

— У васъ злое лицо,—сказала Жюли, смотрѣвшая опять на него.

— Во второй разъ сегодня вечеромъ вы мнѣ дѣлаете это замѣчаніе.

Digitized by Google

— Женились бы вы на такой дѣвушкѣ, какъ Симона?

— Къ чему этотъ вопросъ?... Быть можетъ, я еще не думалъ о женитьбѣ...

Жюли покачала головой и сказала:

— Вѣрите вы въ превосходство мужчины надъ женщиной?

— Вообще, да... Составляетъ-ли оно принадлежность пола, происходитъ-ли отъ случайностей воспитанія или отъ подбора вѣковой культуры,—я не знаю. Но оно существуетъ...

— Вы однако допускаете исключенія...

— Конечно... но рѣдкія, — прибавилъ онъ, улыбаясь...— Въ концѣ концовъ, что за бѣда! Развѣ женщинѣ это нужно?

Она слушала его съ серьезнымъ, почти торжественнымъ видомъ.

— Что думаете вы о Симонѣ?—спросила она.

— Я ее совсѣмъ не знаю...

— Однако, вы сейчасъ подѣлились со мной впечатлѣніями на ея счетъ... и, признаюсь, вы нарисовали очень похожій портретъ ея... Составляетъ-ли она... какъ это сказать... идеалъ для человѣка, который захотѣлъ бы жениться?...

— Думаю... Она принесетъ съ собою счастье.

— Но она такъ ординарна. Есть тысячи куколокъ, подобныхъ ей, въ свѣтѣ.

Ея губы приподнялись презрительной усмѣшкой.

— Но если для насъ достаточно этихъ качествъ!—сказалъ онъ ироническимъ тономъ.

— Они и для васъ были бы достаточны?

— Вы съ меня снимаете допросъ, mademoiselle... и немного щекотливый, быть можетъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ.

— Отвѣчайте!

— Ну, такъ нѣтъ... для меня они были бы недостаточны... Мнѣ нужно большее...

— Что?

Она замолчала.

Какія тайныя мысли, какое любопытство скрывала безстрастность этого холоднаго лица? какой непонятный вызовъ горѣлъ въ этихъ огромныхъ, бездонныхъ глазахъ?

Онъ замялся и затѣмъ сказалъ:

— Я желалъ бы жену, которая была бы дѣйствительно товарищемъ, которая поняла бы, знала и раздѣляла мои мечты, мое честолюбіе... мнѣ нужно одно изъ рѣдкихъ исключеній, однимъ словомъ.

— Вы, значитъ, считаете себя выше другихъ.

Въ ея тонѣ не было сарказма. Оливье не отвѣчалъ. Легкая краска выступила на его лицѣ, его брови сдвинулись.

— Вы меня спрашивали... я отвѣчалъ... Отвѣтите-ли вы мнѣ также?... Какого мужа желали бы вы?

Digitized by Google

Его голосъ дрожалъ и прерывался отъ стѣсненія въ груди, голова кружилась. Онъ едва различалъ лицо молодой дѣвушки. Гулъ оркестра и танцевъ удалялся куда-то въ безконечность, все уменьшаясь, затихая, какъ пѣніе солдатъ на ходу.

Она посмотрѣла на него пристально и отвѣтила тихо и отчетливо:

— Человѣка сильнаго, могущественнаго, стоящаго выше другихъ... Я вышла бы за него, если бы онъ даже не былъ еще ничѣмъ, лишь бы онъ мнѣ обѣщалъ господство въ будущемъ; если онъ возьмется когда-нибудь повергнуть къ своимъ ногамъ всѣхъ мелкихъ людишекъ, какъ эти тутъ напримѣръ, сегодня на балу, которыхъ я нахожу безобразными и глупыми, которыхъ я презираю; если онъ мнѣ поклянется, что дастъ мнѣ раздѣлить съ нимъ эту власть... и если я его сочту способнымъ сдержать обѣщаніе—прибавила она, бросивъ на него особенный глубокій, испытующій взглядъ.

— Но если онъ бѣденъ?

Она улыбнулась и пожала своими прекрасными, бѣлыми, обнаженными плечами.

— Сильнымъ ничего не стоитъ зарабатывать деньги!

Кто-то подошелъ, пригласилъ ее и унесся съ нею въ вихрѣ вальса.

— Она предложила себя!—воскликнулъ Оливье внутренно.—Она назначила себѣ цѣну. Если она вѣритъ въ меня, если я силенъ, если я достигну власти, она будетъ моей!

Онъ быстро всталъ. Его ноги подгибались, голова кружилась. Онъ былъ дѣйствительно пьянъ.

Мимо него пронеслась Жюли въ объятіяхъ своего кавалера, слишкомъ низкаго, слишкомъ серьезнаго и деревяннаго на своихъ коротких ногахъ. Ея бѣлое платье хлестнуло молодого человѣка. Ихъ взгляды встрѣтились, говоря другъ другу:—«Ты силенъ?»—«Положись на меня!»

XXVI.

Это былъ послѣдній пріемный день у Полиньеровъ. Черезъ недѣлю они уѣзжали въ Бретань, и Оливье не видѣлся больше съ Жюли. Онъ и не искалъ встрѣчи, такъ какъ предпочиталъ оставить ее подъ впечатлѣніемъ разговора на балѣ. Теперь передъ нимъ были мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ онъ долженъ былъ найти случай возвыситься, показать свою силу. Когда же Жюли вернется на слѣдующую осень, онъ придетъ къ ней и скажетъ: «Вотъ что я сдѣлалъ». Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ. Эти мѣсяцы рѣшатъ его будущность. Теперь онъ узналъ то, чего не зналъ никогда: радость, постоян-

Digitized by Google

ную радость, бившую изъ его существа горячимъ ключомъ, и въ то-же время его мозгъ какъ будто расширялся. Его мысли формировались легче и шире. Онъ уже не управлялъ ими. Онѣ приходили сами въ избыткѣ, все новыя, охватывая все.

Его политическая жизнь начиналась.

Ему поручили написать рядъ статей въ бретонской газетѣ противъ проекта налога, поддерживаемаго республиканцами. Онъ выбралъ псевдонимъ Коріоланъ.

Однажды утромъ онъ работалъ въ комнатѣ, сосѣдней съ кабинетомъ Дьелафуа, когда адвокатъ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ, въ шляпѣ, готовый выйти.

— Я получилъ письмо отъ m-me Полиньеръ, — сказалъ онъ. — Письмо касается больше васъ, чѣмъ меня. Васъ хвалятъ на трехъ страницахъ. Повидимому, ваши статьи имѣли тамъ успѣхъ. Вотъ письмо... читайте...

Онъ прочелъ, блѣдный отъ счастья, съ потускнѣвшими глазами. Видѣла-ли Жюли это письмо? Не по ея-ли наущенію оно написано? Во всякомъ случаѣ, она знала о немъ. И онъ искалъ слова, таинственнаго знака, понятнаго только для нихъ, который бы она черкнула среди тонкихъ неразборчивыхъ строчекъ, написанныхъ ея матерью.

— Покажите мнѣ эти статьи,—сказалъ Дьелафуа.

— Я какъ разъ кончаю слѣдующую.

— Прекрасно. Дайте сюда.

Онъ посмотрѣлъ на подпись и пожалъ плечами.

— Коріоланъ! Почему Коріоланъ? Это неловко... Я знаю, что доискиваться смысла подписи не станутъ... Но все же совершенно лишнее афишировать свое отступничество.

Оливье было не по себѣ. Его патронъ просматривалъ статью. Онъ качалъ головой и щелкалъ языкомъ въ знакъ нетерпѣнія. Наконецъ онъ бросилъ статью на столъ и посмотрѣлъ на Оливье съ недовольнымъ, почти сердитымъ видомъ.

— Но вѣдь вы еще совсѣмъ ребенокъ, мой милый! Вы положительно компрометируете себя. Вы бьете направо и налѣво, какъ латникъ, заслышавшій бряцаніе заржавленныхъ мечей... Это сумасбродство! Нечего сказать, хорошій вы политикъ.

Онъ замолчалъ и сталъ бѣгать взадъ и впередъ по кабинету, засунувъ руки въ карманы, обдумывая что-то.

Оливье продолжалъ сидѣть у стола, смущенный и сконфуженный.

— Пустите меня сюда,—сказалъ вдругъ Дьелафуа.

Онъ сѣлъ на мѣсто Оливье, взялъ перо и сталъ поправлять статью строка за строкой. Онъ вычеркивалъ, приписывалъ надъ строками, прибавлялъ, измѣнялъ. Листочки падали одинъ на другой, черные отъ помарокъ, блестя сырыми чернилами.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ стоялъ, глядя въ окно, и ему казалось, что перо Дьелафуа царапаетъ по его сердцу.

— Вотъ вамъ ваша статья!

Оливье обернулся и увидѣлъ, что Дьелафуа стоитъ съ краснымъ, сіяющимъ лицомъ.

— Теперь, по крайней мѣрѣ, она ничего не выражаетъ ясно, и ее вамъ не бросятъ когда нибудь въ лицо... Хитеръ будетъ тотъ, кто угадаетъ, каковы убѣжденія автора!

Его глаза смѣялись, мигая и щурясь.

— Какъ,—продолжалъ онъ,—вы нападаете на такого-то и такого-то; вы имъ тычете въ носъ ихъ глупость, плагіатъ, ихъ отреченіе... А о принципахъ, о сути, о теоріи, обо всемъ неосязаемомъ, туманномъ, т. е. какъ разъ о томъ, что создано для помѣщенія ломтиками на столбцахъ газетъ, объ этомъ ни слова! Держитесь какихъ угодно идей; время, обстоятельства могутъ ихъ измѣнить и это вамъ не поставятъ въ преступленіе. Это судьба всѣхъ идей. Но не трогайте личностей! Они не простятъ вамъ никогда!

Онъ прибавилъ, улыбаясь и хлопая по плечу молодого человѣка:

— Потому что, въ одинъ прекрасный день, вы должны будете дать отчетъ въ этихъ статьяхъ, мой милый другъ. Консервативная партія будетъ побѣждена, это несомнѣнно. Пламя горящей соломы она принимаетъ за солнце. Ее выметутъ, какъ соръ. Чортъ возьми! не компрометируйте себя... будьте осторожны. Намазывайте ваши ломтики масломъ... Они найдутъ ваши статьи превосходными въ ту минуту, когда будутъ ихъ печатать... Можно сказать, что въ этомъ болѣе или менѣе заключается политика. Тутъ есть, конечно, оттѣнки, но въ этомъ все таки главное! Существуетъ извѣстная категорія людей, которые хотятъ быть депутатами, министрами или хоть префектами, вообще важными лицами; въ молодости, когда у нихъ еще молоко на губахъ не обсохло, прочтя Плутарха или смерть Маріи Антуанеты, они еще имѣютъ, пожалуй, убѣжденія... Потомъ, когда жизнь не приноситъ имъ, большинству изъ нихъ, пирога, о которомъ они мечтали, когда новый Брутъ появляется во время имперіи или Кадудаль во время республики, когда ихъ благородныя стремленія становятся похожими приблизительно на мыльные пузыри, радужные, порхающіе, но хрупкіе — они теряютъ свой компасъ и остаются съ разинутыми ртами... Однако, нужно же достигать цѣли!.. Они сдаются на капитуляцію, красные колпаки или цвѣты лиліи прячутся въ карманы, и нація, тѣ, кто составляетъ ея богатство и славу, работники, коммерсанты, фабриканты, ученые, артисты— нація становится ихъ игорнымъ столомъ... А тамъ опять начинается трагедія: сплетни въ корридорахъ Палаты, антаго-

Digitized by Google

низмъ двухъ тщеславій, плохо написанная или сказанная фраза, опечатка—могутъ стать иногда маленькими, безконечно малыми, неизвѣстными причинами, съ которыми связаны великія дѣла, принадлежащія исторіи—революція, паденіе правительствъ, война, рѣзня! Тогда уже они не отвѣтственны, они даже ничего не знаютъ... событія ихъ увлекаютъ за собой. Мѣняя каждый день убѣжденія, эти влюбленные майскіе жуки, которыхъ заставляетъ улетѣть крикъ и уноситъ неизвѣстно куда вѣтеръ, тѣмъ же вѣтромъ снова внезапно приносятся зловѣщіе и ужасные, потому что эти жуки имѣютъ человѣческій мозгъ и ставятъ приговоры... О, право, народъ долженъ быть очень живучъ, чтобъ противустоять всему этому, долженъ имѣть крѣпкій сонъ, чтобы спать ночью, не заботясь о томъ, что его ждетъ при пробужденіи. Допустимъ, напримѣръ, что вашъ голосъ даетъ дѣйствительно побѣду дѣлу консерваторовъ. Это положимъ пустяки—вы совершенно ничтожны въ данную минуту. Но допустимъ, одинъ голосъ, давшій большинство въ Палатѣ, возстановляетъ династію. Правительство мѣняется, политика другая, издаются новые законы, репрессіи, ссылки... и все это изъ-за того, что у васъ нѣтъ ни гроша, что вы честолюбивы, что вы хотите, чтобъ васъ звали когда нибудь «ваше превосходительство» или «господинъ министръ»... Боже мой! Тутъ трагическое исчезаетъ и остается только смѣшное, невыразимо смѣшное...

Онъ расхохотался во все горло.

Оливье стоялъ и старался улыбнуться изъ приличія; свѣтъ изъ окна, падавшій на его лицо, страшно стѣснялъ его. Онъ открылъ ротъ, чтобъ отвѣтить.

Дьелафуа остановилъ его жестомъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... Я знаю, что вы скажете. Я не урокъ вамъ читаю, мой другъ... Природа сотворила овецъ и сторожевыхъ псовъ... Вы изъ сторожевыхъ псовъ...

Онъ всталъ и сказалъ съ иронической улыбкой:

— Такъ будьте же внимательны къ своимъ статьямъ, взвѣшивайте ихъ, будьте искусны въ своемъ ремеслѣ и не запирайте передъ собою двери неловкостью... До свиданья... Я напишу отъ васъ почтительное привѣтствіе m-me Полиньеръ.

Дьелафуа вышелъ и молодой человѣкъ остался одинъ. Ѣдкая приписка патрона ошеломила его. Въ его головѣ мысли носились вихремъ, какъ сухіе листья въ бурю; слова стараго циника звучали въ его ушахъ. Нѣтъ, его взглядъ поверхностенъ и можетъ покорить лишь непосредственный умъ. Тайныя эволюціи ума болѣе сложны.

— Нѣтъ,—думалъ Оливье,—это неправда. Ну да,—я перемѣнился. Но я остаюсь добросовѣстнымъ. Я иначе смотрю, чѣмъ прежде, вотъ и все. Какъ это случилось? Я не знаю.

Digitized by Google

Но это такъ. Я лгалъ одну минуту, когда присоединялся къ партіи, готовый или служить ей, или предать ее. Теперь я не лгу. Я просто сталъ умнѣе. Демагогъ наканунѣ, я сознаю теперь необходимость Цезаря. Это мое теперешнее убѣжденіе! Я оставилъ назади мечты юности о роли трибуны обездоленныхъ. Что такое народъ, что называютъ этимъ именемъ? Страдающая и мятежная часть націи, опасная для общества, если ее не сдерживать страхомъ и силой... Политика не дѣло чувствъ... Да и что такое политическое убѣжденіе... Что такое предательство? Существуютъ только люди... Предатель для однихъ, честный человѣкъ для другихъ... Республика колеблется, слабѣетъ, не имѣетъ авторитета... Она ведетъ къ кутерьмѣ, къ анархіи... Сильное правительство необходимо... Монархія или диктатура,—все равно!

Онъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо своего рабочаго стола, онъ замѣчалъ разбросанные листки своей статьи.

Онъ ихъ взялъ и прочелъ. Статья, поправленная Дьелафуа, была многорѣчива и туманна; отъ нея вѣяло двуличностью и фальшью.

— Никогда я не перепишу этого.

И онъ отбросилъ листы.

Но онъ чувствовалъ, что онъ ихъ перепишетъ съ ихъ двусмысленной осторожностью, которая была еще одной гарантіей для будущаго.

XXVII.

Политическія событія слѣдовали одно за другимъ. Консервативная партія подвигалась впередъ шагъ за шагомъ, день за днемъ. Съ каждой минутой ея волны поднимались выше. Смерть одного претендента, торжественное отреченіе другого не разъединили ее, но у нея не было предводителя. Во главѣ движенія былъ анонимъ, отвлеченный принципъ, нѣчто въ родѣ таинственнаго божества, невидимаго, не которое должно объявиться, когда рога протрубятъ сигналъ аттаки.

Увѣренія Дьелафуа не оправдались. Будущее склонялось къ реакціи.

Оливье ждалъ въ тѣни восхода этой зари. Съ нимъ случилось еще одно пріятное обстоятельство. Патронъ поставилъ его въ сношенія съ отцомъ Симоны, съ г. Баратье. Этотъ послѣдній, богатый торговецъ хлѣбомъ, велъ процессъ съ одной компаніей. Дѣло было очень важное. Оно должно было принести молодому человѣку кругленькую сумму.

Онъ полетѣлъ къ своему отцу въ Грослей, бросился въ его объятія, готовый плакать отъ волненія и радости.

Digitized by Google

— Послушай,—вскричалъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ, похожимъ на смѣхъ.—Послушай, я богатъ! Нужда прошла, совсѣмъ прошла. Я выиграю это дѣло. Дьелафуа меня увѣряетъ... Я не хочу, чтобъ ты больше работалъ... ты будешь отдыхать... Съ сегодняшняго дня я зарабатываю достаточно на двоихъ... Ты теперь будешь гулять, пользоваться жизнью и счастьемъ... Если бы ты зналъ, какъ давно я думаю объ этомъ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ я ждалъ этой минуты... Наконецъ, она пришла...

Докторъ посмотрѣлъ на него, потомъ протянулъ ему руку съ грустной и доброй улыбкой.

— Спасибо, Оливье. У тебя доброе сердце. Я это зналъ. Но я отказываюсь. Я не хочу жить на твой счетъ. Деньги, которыя ты мнѣ предлагаешь теперь, заработаны тобою, твое ремесло дало ихъ тебѣ. Но завтра ихъ дастъ тебѣ политика. Такой хлѣбъ не для меня! Эти люди кормить меня не могутъ.

Его улыбка стала страдальческой.

— Быть можетъ, въ душѣ ты говоришь себѣ: какой старый дуракъ мой отецъ! Но оно такъ. Для меня—это вопросъ чести... Я не сержусь на тебя. Я простилъ тебѣ. Мы разно думаемъ, такъ какъ мнѣ было бы тяжко предположить въ тебѣ недобросовѣстность. Это невозможно, не правда ли? Мы живемъ въ непонятное для меня время. Я слишкомъ старъ.

Онъ помолчалъ немного и продолжалъ:

— Да, это всегдашняя исторія! Что дѣлать! Ты правъ: твой отецъ старый дуракъ. Но ужъ онъ и умретъ старымъ глупцомъ, быть можетъ, на большой дорогѣ въ своей повозкѣ... Не бойся, лошадь знаетъ дорогу и привезетъ меня домой.

Эту ночь Оливье не спалъ. Лежа въ темнотѣ съ открытыми глазами, онъ думалъ, что жизнь чудовищна. Что значатъ физическія страданія, нужда, голодъ, холодъ рядомъ съ такой розней, раздѣляющей сердца близкихъ людей!.. людей, которые и разойдясь готовы умереть другъ за друга... Природа создала страданіе, голодъ и холодъ; общество создало нѣчто худшее.

Вся кровь, пролитая на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ образовалось общество, борьба партій, междоусобныя войны, религіозная борьба, война, неизбѣжно и фатально крющаяся въ обществѣ—не проистекало ли все это изъ простого различія мнѣній? Значитъ, никогда люди не сговорятся? Сговориться всѣмъ! Соединиться всѣмъ, чтобъ найти истину, примѣнить ее, извлечь изъ мрака, въ которомъ она спитъ...

Преступленіе и глупость—вотъ жизнь.

На другой день утромъ, Гонорина передала ему письмо. Онъ сейчасъ же узналъ, на этотъ разъ, почеркъ адреса. M-me Полиньеръ извѣщала его, что они будутъ въ Парижѣ проѣздомъ

Digitized by Google

въ Овернь, гдѣ проживутъ мѣсяцъ. Она просила его придти позавтракать съ ними, такъ какъ имѣетъ ему многое что сказать. Тонъ былъ настойчивый, дружескій, тонъ близкой знакомой.

Онъ поспѣшно одѣлся, чуть не прыгая отъ счастья. Онъ воображалъ, что эта неожиданная поѣздка была придумана Жюли. Конечно, эта мысль была нелѣпа. Онъ это чувствовалъ, но всетаки держался за свое предположеніе съ гордымъ удовольствіемъ, которое его заставляло улыбаться себѣ въ зеркало.

Значитъ все ему удавалось теперь! Каждый день приносилъ новое счастье!

Онъ ушелъ, не сказавъ ни слова Гоноринѣ.

Жюли была одна въ гостиной, когда онъ вошелъ. Сидя въ креслѣ, она читала газету. Ждала она его? Онъ такъ думалъ. Сердце его сжалось чуть не до обморока.

Она встала и сдѣлала шагъ ему на встрѣчу.

Она потемнѣла отъ деревенскаго воздуха. Легкій загаръ покрывалъ ея кожу. Статуя какъ бы оживилась. Красная, горячая кровь текла подъ этой кожей, но маска всетаки оставалась непроницаемой.

Оливье не разсчитывалъ видѣть ее одну. Онъ подумалъ, что это свиданіе наединѣ не можетъ продолжаться болѣе чѣмъ нѣсколько минутъ. Сейчасъ придутъ. Потомъ будетъ слишкомъ поздно. Этотъ короткій срокъ былъ ниспосланъ Провидѣніемъ. Онъ долженъ имъ воспользоваться.

Полумракъ отъ спущенныхъ жалюзи ободрилъ его.

— Mademoiselle,—пробормоталъ онъ, мы одни...—Забыли вы нашъ разговоръ на послѣднемъ балѣ, въ этой самой гостиной?

— Нѣтъ,—отвѣчала она твердо.

— Все, что вы мнѣ говорили въ тотъ вчеръ, сказали бы вы мнѣ сегодня?

— Да.

— Все? все?

— Да, все.

— Подумали-ли вы, что ваши слова могли возбудить во мнѣ смятеніе... мечты... надежды?,—прибавилъ онъ тихо.

Она не сразу отвѣтила. Прислонившись къ камину и положивъ локоть на мраморную доску, она смотрѣла на Оливье и улыбалась, не опуская глазъ.

— Да,—сказала она наконецъ слабымъ голосомъ.

Онъ думалъ, что упадетъ на колѣни. Хорошо-ли онъ слышалъ? Не смѣялись-ли надъ нимъ эти глаза, смотрѣвшіе на него? Неужели Жюли дѣйствительно могла стать его женой?

Она опять улыбнулась. Ея лицо приняло выраженіе обольстительной ласки.

Digitized by Google

Онъ хотѣлъ вскрикнуть: «Жюли, я люблю васъ!», — но дверь отворилась и вошла m-me Полиньеръ. Она почти подбѣжала къ молодому человѣку, протягивая ему руки, а потомъ долго держала его руки въ своихъ.

— Ахъ, дорогой monsieur,—жеманилась она,—какъ васъ хвалятъ... Ваши статьи взбунтовали весь департаментъ!.. Вы стали тамъ знаменитостью... Всѣ хотятъ знать, кто такой Коріоланъ... О, я такъ довольна вами...

Оливье, блѣдный, дрожащій, не былъ въ состояніи отвѣчать. Онъ украдкой старался разглядѣть Жюли, стоявшую все прислонившись къ камину и смотрѣвшую на него.

Комплименты возобновились во время завтрака. Эта слава казалась ему ничтожной, почти смѣшной, но онъ былъ такъ счастливъ, что отказывался анализировать ее.

Г. Полиньеръ, съ лицомъ болѣе серьезнымъ и важнымъ, чѣмъ обыкновенно, поздравилъ его съ ясностью стиля, справедливостью мнѣній и честностью чувствъ.

М-me Полиньеръ сіяла, вертясь на стулѣ, размахивая руками, какъ крыльями, болтала, высказывала политическіе взгляды; ее била лихорадка отъ торжества ея дѣла. Она бросала на молодого человѣка материнскіе взгляды.

Жюли оставалась безмолвной, погруженной въ свое обычное равнодушіе.

Оливье смотрѣлъ на нее исподтишка: Неужели она можетъ быть когда-нибудь моей женой?—думалъ онъ. Неужели она сама предложила себя? Я ошибся, она не сказала мнѣ этого! Этотъ столъ насъ раздѣляетъ на два метра, а между тѣмъ мнѣ кажется, что между нами тысячи лье. Я не люблю ея, никогда я не буду ее любить. Между нами нѣтъ сродства... Эти люди льстятъ мнѣ теперь, они готовы цѣловать мои руки за нѣсколько дрянныхъ статей ...этотъ дуракъ отецъ... эта мать тщеславная шутиха... Но если бы я попросилъ руку ихъ дочери,—они указали бы мнѣ на дверь...

Но онъ улыбался, все его существо ликовало.

— Когда власть будетъ въ нашихъ рукахъ, а этого теперь ждать уже не долго,—говорила m-me Полиньеръ,—первая забота правой будетъ, вы понимаете, перемѣнить администрацію сверху до низу... Это будетъ настоящая чистка... Префекты всѣ полетятъ. Тоже... при этомъ уже подумали о васъ... Очень легко случится, что васъ назначатъ въ нашемъ департаментѣ, правителемъ дѣлъ или только су—префектомъ для начала, не все-ли равно... Отъ васъ будетъ уже зависѣть, завоевавъ въ свою пользу департаментъ, чтобъ васъ послали черезъ нѣсколько лѣтъ въ Парижъ депутатомъ... Къ тому же мы васъ поддержимъ!...

Она смотрѣла на молодого человѣка, полуоткрывъ ротъ и блестя глазами, и казалась ему отвратительной.

Digitized by Google

— До свиданья черезъ мѣсяцъ, самое большее черезъ шесть недѣль,—говорила она ему прощаясь.—Вернувшись мы уже не покинемъ Парижа... До свиданья, дорогой депутатъ...

— Какъ это глупо! подумалъ онъ.

Онъ обмѣнялся рукопожатіемъ съ г. Полиньеромъ и, подойдя къ Жюли, отвѣсилъ ей глубокій поклонъ.

Она протянула ему руку рѣшительнымъ, смѣлымъ жестомъ, какъ бы заключая договоръ или давая клятву...

— До свиданія, monsieur.

Быстрое, короткое пожатіе руки. Теплота этого тѣла проникла его, какъ будто кровь хлынула и перелилась въ его жилы. Онъ поднялъ голову. Глаза Жюли блеснули на секунду, рѣсницы вздрогнули. «Я твоя,—какъ будто крикнула она ему изъ глубины души.—Я люблю тебя. Я буду твоей женой».

Онъ бѣжалъ по улицѣ, какъ безумный, смѣясь самъ съ собою, идя прямо впередъ. Онъ готовъ былъ остановить прохожихъ, чтобъ сказать имъ, что онъ человѣкъ избранный, созданный для счастья и славы.

Такъ онъ дошелъ до дому. Но здѣсь, подымаясь по лѣстницѣ, онъ вдругъ омрачился. Гонорина его стѣсняла. Онъ нуждался въ свободѣ дѣйствій. Разлука необходима и неотложна...

Какъ Жюли сейчасъ въ своей гостиной, блистающей золотомъ и тканями, такъ и Гонорина въ своей маленькой тѣсной комнаткѣ, наполненной принадлежностями ея ремесла, читала газету.

Оливье замѣтилъ эту подробность.

— Гонорина, я долженъ съ тобою поговорить.

Онъ опять замѣтилъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ онъ употребилъ тоже выраженіе, обращаясь къ другой молодой дѣвушкѣ.

— А!.. въ чемъ дѣло?

Молодой человѣкъ сѣлъ, сначала молча, потомъ посмотрѣлъ въ лицо Гонорины и сказалъ:

— Я хочу переѣхать... мнѣ здѣсь слишкомъ тѣсно.

— Ты меня бросаешь?...

— Мы разстаемся... Ты понимаешь, что мнѣ нужна лучшая квартира, что ко мнѣ будутъ приходить...

Она повторила спокойно:

— Ты меня бросаешь?

— Насъ разлучаетъ жизнь, ея условія...

— Мнѣ можно будетъ посѣщать тебя?

— Я предпочитаю приходить къ тебѣ...

— Это значитъ, что мы больше не увидимся...

— Гонорина! — воскликнулъ онъ тономъ упрека и отрицанія.

Digitized by Google

— Хорошо, хорошо... Ну, такъ уходи... желаю тебѣ успѣха...

Она была страшно блѣдна. Ея пальцы барабанили нервно по газетѣ, которая лежала у нея на колѣняхъ. Онъ ждалъ съ мучительнымъ безпокойствомъ.

Но она улыбнулась и сказала съ удивительной нѣжностью:

— Это необходимо, неправда ли?.. Ты не могъ жить вѣчно со мною... Ты буржуа... Ты долженъ достигнуть положенія, стать богатымъ... жениться когда нибудь... Желаю тебѣ успѣха и будь счастливъ...

Онъ слушалъ ее изумленный, охваченный сильнымъ волненіемъ, вздымавшимъ его грудь, и хотѣлъ броситься къ ногамъ этой дѣвушки въ порывѣ низкой благодарности.

Но она грубо оттолкнула его и измѣнившимся голосомъ, сухимъ, свистящимъ, наморщивъ брови, воскликнула:

— Нѣтъ!.. оставь... оставь... не трогай меня!..

Онъ стоялъ, сжавъ руки, пораженный этой внезапной перемѣной.

— Гонорина... Гонорина...

— Ну что Гонорина?.. Чего-же ты отъ меня хочешь?

— Будь разсудительна, умоляю тебя... Не приводи меня въ отчаяніе...

Она разразилась смѣхомъ.

— Привести тебя въ отчаяніе!.. какъ, я тебя огорчаю?.. Ты уходишь... Ну, такъ уходи же, повторяю тебѣ...

Она съ минуту сидѣла задумавшись. Потомъ продолжала.

— Что если бы малютка былъ живъ... Что сталъ бы ты дѣлать сегодня?.. Ты все-таки оставилъ бы насъ...

— Клянусь...

— Лжецъ!—закричала она.—Да, ты лжешь! Ты все равно бросилъ-бы насъ безъ зазрѣнія совѣсти!.. Тебѣ не помѣшалъ бы ребенокъ... Я не должна была отдаваться тебѣ... Ты сказалъ бы это или что-нибудь другое... но ты ушелъ бы, какъ уходишь теперь... Во всякомъ случаѣ, скажи ка, вѣдь я тебѣ не очень дорого стоила... О, ты умѣешь вести свои дѣла... Когда ты былъ нищій, ты меня взялъ... Тебѣ нужна была женщина и нечѣмъ было платить... я подвернулась кстати... не считая того, что я тебя кормила, милѣйшій... Ты мнѣ отдалъ эти деньги, я не спорю... но все-таки то время, когда ты писалъ свою знаменитую книгу, которую не часто встрѣчаешь въ витринѣ книгопродавцевъ—не правда ли—ты не стѣснялся кушать мои цвѣты...

— Ты никогда не будешь ни въ чемъ нуждаться, Гонорина.

— Твои деньги! Но я плюю на твои деньги! Я не хочу твоихъ денегъ. Я ихъ брошу тебѣ въ лицо. Я не продаюсь,

Digitized by Google

я не достаточно красива для этого... Иногда я дѣлюсь... Быть можетъ впослѣдствіи ты не станешь этимъ хвастаться, но это, однако, было!

Она все возвышала голосъ, крича, наконецъ, во все горло. Ее навѣрно было слышно во всемъ домѣ.

— Прошу тебя, Гонорина, не такъ громко, говори тише... ты взбудоражишь всѣхъ сосѣдей...

Она снова разразилась пронзительнымъ и продолжительнымъ смѣхомъ.

Въ эту минуту постучали.

— Войдите, войдите,—закричала она.

Это былъ Лазарюсъ. Онъ приходилъ къ нимъ время отъ времени и проводилъ долгіе часы среди дня, съ трубкой въ зубахъ, около Гонорины, которая работала теперь всегда одна.

Онъ вошелъ серьезный, раскрывъ широко глаза, съ видомъ, подходящимъ къ обстоятельствамъ. Вѣроятно, онъ все слышалъ изъ корридора.

— Что тутъ такое происходитъ?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего,—отвѣчала Гонорина.—Monsieur меня оставляетъ, вотъ и все. Я только ему напомнила, что кормила его нѣкоторое время... Это, впрочемъ, не важно: онъ мнѣ заплатилъ мои расходы, онъ мнѣ даже предлагаетъ денегъ... Мы квиты, неправда ли?

Ея голосъ внезапно порвался. Что-то вродѣ икоты вырвалось изъ ея горла и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, быстро закрывъ руками лицо, она согнула колѣни и, рыдая, упала на полъ, какъ безжизненная масса.

Оба мужчины посмотрѣли другъ на друга молча.

Рыданія продолжались волною, бурныя, раздирающія сердце, что то разбивалось въ этой женщинѣ. Гнѣвъ потухъ, исчезъ. Оставалось только мучительное страданіе, безумная мука отчаянія.

Оливье опять посмотрѣлъ на Лазарюса. Послѣдній медленно кивнулъ головой съ видомъ размышленія и поученія. Въ глубинѣ его глазъ была и жалость, и упрекъ, и нѣчто въ родѣ молчаливаго поощренія.

Молодой человѣкъ понялъ и сдержалъ готовый вырваться крикъ. Эта женщина его любила. Онъ былъ любимъ ею, да, *любимъ*! Она была привязана къ нему самымъ глубокимъ чувствомъ, которое только можетъ испытывать женщина послѣ чувства материнства. А несчастная еще потеряла своего ребенка!

Онъ былъ уничтоженъ, также убитъ, какъ и его любовница, обезумѣлъ отъ страданія и стоялъ неподвижно среди комнаты, какъ будто его члены дѣйствительно превратились въ камень.

Digitized by Google

Гонорина продолжала стоять на колѣняхъ, закрывъ лицо руками.

Онъ не хотѣлъ, чтобъ она его еще увидѣла и собирался уйти, убѣжать. Сцена становилась слишкомъ тяжелой. Онъ переночуетъ въ гостинницѣ и пришлетъ за своими вещами и мебелью. Теперь онъ никогда больше не будетъ въ состояніи выдержать взгляда этой женщины, которой онъ готовъ былъ цѣловать ноги, униженный, съ сердцемъ раздираемымъ упреками совѣсти.

Онъ наклонился къ Лазарюсу и сказалъ ему на ухо:

— Я ухожу... я не могу больше оставаться... мнѣ слишкомъ тяжело... Останься ты, прошу, умоляю тебя... Я боюсь... Она говорила мнѣ, что убьетъ себя... Боже мой! Боже мой!.. все возможно...

Лазарюсъ не открывалъ рта. Онъ пожалъ руку друга, толкнулъ его къ дверямъ и губами, глазами, всѣмъ лицомъ сдѣлавъ ему знакъ, что отвѣчаетъ за все, и что она не убьетъ себя.

XXVIII.

Прошло два мѣсяца.

Оливье нанялъ въ новомъ домѣ маленькую квартиру изъ трехъ комнатъ, выходившую окнами на улицу и залитую солнцемъ; онъ ее меблировалъ и устроилъ въ ней кабинетъ адвоката.

Онъ не видѣлъ больше Гонорины. Лазарюсъ передавалъ ему о ней извѣстія. Она была спокойна, занималась работой, была бодра и молчалива. Она захотѣла оставить у себя нѣкоторыя книги своего возлюбленнаго. Приняла деньги и поручила богемѣ передать благодарность.

— Я ее не оставляю,—признался однажды Лазарюсъ. Это добрая дѣвушка... Мы отлично понимаемъ другъ друга.

Между тѣмъ Полиньеры вернулись, послѣ долгаго отсутствія, которое начинало тревожить Оливье и казалось ему дурнымъ предзнаменованіемъ. Разъ, послѣ полудня онъ замѣтилъ издали у подъѣзда омнибусъ желѣзно-дорожной станціи, нагруженный вещами. Ставни квартиры были открыты и закрѣплены у стѣны.

Наконецъ, Полиньеры назначили большой обѣдъ, и онъ былъ приглашенъ.

Сначала, войдя въ гостинную, онъ не увидѣлъ Жюли. Приглашенныхъ было много: де Витре, Баратье и дочь его Симона, Коломесъ, Дьелафуа, и всѣ болѣе значительныя личности, которыхъ онъ обыкновенно встрѣчалъ здѣсь на вечерахъ.

Digitized by Google

Туалеты дамъ были очень нарядны, нѣкоторые даже изысканны.

Его приняли съ замѣтнымъ отличіемъ. Женщины оборачивались, чтобы посмотрѣть на него.

Страхъ сжалъ его сердце. Почему Жюли не было здѣсь?

Вдругъ онъ ее увидѣлъ, въ голубомъ платьѣ, разговаривавшую стоя съ Дьелафуа. Онъ не замѣтилъ, какъ она вошла. Онъ подошелъ къ ней.

Она не протянула ему руки. Ея голова еле наклонилась, рѣсницы чуть-чуть опустились. Она даже не посмотрѣла на него, сѣла, повернувшись къ нему почти спиной, и продолжала говорить съ Дьелафуа.

Оливье отошелъ, его ноги дрожали. Онъ боялся, что всѣ замѣтятъ его блѣдность.

Онъ ничего не понималъ. Этотъ ледяной пріемъ могъ быть впрочемъ объясненъ какимъ нибудь соображеніемъ осторожности, пока для него непонятнымъ.

Баратье подошелъ къ нему и сталъ говорить о своемъ процессѣ, давая ему новыя свѣдѣнія. Слушая и понимая его, оцѣнивая важность того, что слышалъ, молодой человѣкъ въ тоже время слѣдилъ за Жюли.

Прислонившись къ стулу, слегка поднявъ голову, она улыбалась говорившему ей что-то Дьелафуа. По временамъ легкій смѣхъ слеталъ съ ея губъ. Повидимому, она вся ушла въ этотъ разговоръ. Она была ослѣпительно хороша, туалетъ ея былъ прекрасенъ, собесѣдникъ интересенъ,—вотъ и все. Оливье, въ десяти шагахъ отъ нея, не сводилъ съ нее глазъ. Она не поворачивала головы. Однако ея взглядъ, разъ или два, облетѣлъ салонъ, не останавливаясь ни на комъ.

— Вы предложите руку m-lle Баратье,—сказала m-me Полиньеръ тихо Оливье.—Я назначила вамъ мѣсто за столомъ рядомъ съ нею.

Она удалилась, поглощенная своимъ дѣломъ, улыбаясь направо и на лѣво, шурша шелковымъ платьемъ, шлейфъ котораго извивался за нею, какъ змѣя.

Обѣ половины двери столовой растворились.

— Кушать подано,—произнесъ слуга.

Всѣ медленно двинулись пара за парой.

Жюли подъ руку съ Дьелафуа прошла совсѣмъ близко около Оливье и задѣла его платьемъ. Она упорно смотрѣла прямо передъ собою. Онъ послѣдовалъ за нею съ Симоной, веселой и миніатюрной въ своемъ прелестномъ розовомъ платьѣ.

Симона слегка вскрикнула, войдя въ столовую.

— О! какъ это красиво!

Масса цвѣтовъ въ корзинахъ и вазахъ занимала всю дли-

Digitized by Google

ну стола и раздѣляла его на двое; расположенная въ симметрическихъ группахъ направо и налѣво отъ главнаго букета по срединѣ, эта масса блѣднѣла подъ ослѣпительнымъ сіяніемъ свѣчей. Еле можно было различить другъ друга съ одного конца стола на другой за этими цвѣтами. Оливье не видѣлъ Жюли.

— Папа,—сказала Симона,—не увидитъ меня впродолженіи всего обѣда... Онъ будетъ совсѣмъ несчастный —Знаете вы, гдѣ онъ сидитъ?.. Я его даже не могу найти.

— Онъ вѣрно за этимъ большимъ букетомъ чайныхъ розъ.

Молодая дѣвушка наклонилась, стараясь найти своего отца.

— Никакой возможности, — проговорила она.—Ну чтожъ дѣлать... Это очень мило, эти цвѣты... мнѣ нужны всегда цвѣты... Я ихъ люблю... А вы?

Оливье улыбнулся.

— Это дѣйствительно очень красиво.

— У васъ видъ не очень убѣжденный... Впрочемъ, это меня не удивляетъ... Когда я говорю о цвѣтахъ, мнѣ всегда отвѣчаютъ, какъ вы сейчасъ: дѣйствительно, конечно, mademoiselle, это очень мило... и только... Но никто ихъ не любитъ такъ, какъ я; это во мнѣ болѣе чѣмъ страсть, это должно быть недостатокъ, порокъ.

— А г. Баратье, онъ ихъ любитъ также, какъ и вы?

— По неволѣ, разъ я ихъ люблю.

— Онъ васъ обожаетъ... это вашъ рабъ.

— Положительно... Какъ онъ долженъ скучать за этимъ букетомъ чайныхъ розъ... Ему навѣрно хочется его отодвинуть, чтобы видѣть свою дочь...

Оливье забавлялся ея болтовней. Ему казалось, что эта маленькая счастливая душа обнажалась передъ нимъ. И онъ смотрѣлъ въ нее безъ стѣсненія, увѣренный, что тамъ не можетъ быть секретовъ. Одну минуту онъ готовъ былъ разсказать о Гроспеѣ, сказать Симонѣ, что онъ ее давно знаетъ. Голубая лента, висѣвшая на стѣнѣ запертаго дома, развѣвалась передъ нимъ. Она вскрикнетъ отъ удивленія, Вызоветъ и свои воспоминанія. Быть можетъ, подумавъ, она скажетъ: «Какъ, это вы тотъ высокій молодой человѣкъ, который проходилъ мимо нашего дома! Но я очень хорошо помню, вы были такой-то. Мы говорили о васъ...» При этомъ «мы» она запнется... «Мы» это были ея мать, ея братишка... это уже покойники. Тѣнь упадетъ на хорошенькое смѣющееся личико, окаймленное волосами, какъ тонкимъ свѣтлымъ мохомъ. Эти голубые, свѣтлые, какъ небо, глаза, потеряютъ свой прелестный беззаботный видъ и заволокутся печалью. Да и вспомнитъ-ли она? Къ чему эта откровенность? Секретъ былъ дорогъ Оливье, потому что это былъ секретъ; открытый, онъ станетъ предметомъ пустаго разговора.

Digitized by Google

Разговоръ за столомъ становился общимъ и покрывалъ сдержанный стукъ вилокъ и стакановъ. Онъ касался политики. Среди другихъ особенно выдѣлялся де-Витрэ, вравшій по обыкновенію.

— Васъ очень занимаетъ политика?—спросила Симона.

— Конечно, mademoiselle.

— Странно!.. Если бы вы знали, какъ мнѣ она безразлична...

— Вамъ нѣтъ и надобности ею заниматься.

— Но посмотрите на m-me Полиньеръ и на Жюли, также и на многихъ изъ этихъ дамъ... политика ихъ дѣйствительно интересуетъ... онѣ разсуждаютъ, употребляя странныя слова, высказываютъ свои мнѣнія, судятъ о множествѣ людей, которыхъ не знаютъ и которыхъ никогда не увидятъ... Къ чему все это?.. почему не жить просто для тѣхъ, кого любишь? будетъ-ли республика или король, не все-ли равно?.. Я тутъ ничего не понимаю... О! прекрасная Жюли смотритъ на меня по этому поводу съ высоты своего величія... Я знаю, она меня находитъ очень глупой, она едва считаетъ нужнымъ мнѣ отвѣчать...

И, выпрямившись на стулѣ, поднявъ голову и полузакрывъ глаза, она полунасмѣшливо, полусерьезно передразнила надменную гримасу своей подруги.

Оливье улыбнулся, думая о другомъ. Съ начала обѣда онъ забавлялся тѣмъ, какъ ея мысли порхали, едва касаясь предмета, точно рѣзвая птичка въ клѣткѣ. Теперь Симона комично и своенравно передразнила ту, которая дѣйствительно занимала всѣ его мысли. Онъ сталъ думать о Жюли. Какую жестокую, злую игру затѣяла она съ нимъ! Теперь онъ во власти ея улыбки, ея взгляда! А между тѣмъ, даже въ эту минуту, онъ не чувствовалъ и признаковъ любви. Совѣсть подсказывала, что только разсчетъ заставляетъ желать ее. И цѣлый міръ мыслей, мелкихъ и гадкихъ, копошился въ самой глубинѣ души, мыслей тайныхъ, въ которыхъ нельзя признаться даже себѣ... Онъ закрылъ глаза, стараясь отдѣлаться отъ этого видѣнія...

Потомъ, посмотрѣвъ снова на Симону, онъ замѣтилъ удивительную нѣжность ея лица, прозрачность кожи, хрупкость этой прелестной фигурки, въ которой жизнь кипѣла ключомъ и въ то-же время готова была улетѣть при первомъ дуновеніи. Онъ сравнилъ ее съ рѣдкими цвѣтами, насаженными на проволоку, въ корзинахъ на столѣ. Онъ думалъ, что губы могли лишь слегка коснуться этого крошечнаго ротика. Объятіе разбило бы это трепещущее, хрупкое тѣльце.

Онъ задалъ ей первый попавшійся вопросъ.

— Вы часто бываете въ театрѣ?

Digitized by Google

— О! я очень желала бы... Но это меня утомляетъ... Вотъ и завтра я навѣрное не встану цѣлый день послѣ этого обѣда... Нѣтъ, мы рѣдко выѣзжаемъ... Я привыкла жить затворницей... Но моя жизнь хорошо устроилась, я не скучаю...

Оливье живо представилъ себѣ это существованіе больной затворницы. Онъ рисовалъ себѣ его подробности. Оно дышало задушевностью, распространяло теплоту и уютъ маленькаго гнѣздышка. Новыя желанія пробуждались въ немъ. Онъ видѣлъ уже себя раздѣляющимъ этотъ счастливый міръ. Счастье! Нездѣсь-ли оно? Ничего не желать, кромѣ радости любимаго существа. Задремать, заснуть послѣ ежедневнаго труда, подъ этотъ лепетъ дѣвственной души, поющей для самой себя. Знать, что заботы будутъ смягчены, раны залечѣны улыбкой и голосомъ женщины. Жить только для этого. Къ чему волненія, тревоги, лихорадка? Къ чему эта безполезная спѣшка жизни? Къ чему бросаться въ эту глупую сумятицу? Зачѣмъ въ тщетной надеждѣ на завтрашній день, въ ожиданіи мѣста, почестей, даже славы, позволять пройти настоящей минутѣ, которая, быть можетъ, несетъ съ собой глубокую и плодотворную радость? Неизвѣстный до сихъ поръ ключъ теплый или старый пробивался въ его сердцѣ; изъ него струилась любовь и нѣжность.

Оливье чувствовалъ, что никогда не смотрѣлъ на женщину такъ, какъ теперь на Симону. Онъ мысленно ласкалъ ее, клалъ свою голову на ея плечо, прикладывалъ щеку къ ея тонкимъ бѣлокурымъ волосамъ, касался губами ея нѣжной шеи. Она должна была быть однихъ лѣтъ съ Жюли, но казалась ему дѣвочкой, ребенкомъ.

Она продолжала болтать безъ умолку, перескакивая съ одного предмета на другой, говоря пустяки самымъ милымъ тономъ.

— Я не буду въ состояніи пошевельнуть пальцемъ завтра... Я слишкомъ утомляюсь сегодня вечеромъ... но тѣмъ хуже. А пока мнѣ весело.

Она вздохнула отъ удовольствія и разсмѣялась сама надъ собою.

Встали изъ-за стола. Оливье увидѣлъ Жюли, входящую въ гостиную подъ руку съ Дьелафуа. Онъ провелъ туда Симону и отошелъ отъ нее съ серьезнымъ и разсѣяннымъ лицомъ. Она посмотрѣла на него, удивленная этой перемѣной.

Теперь онъ хотѣлъ поговорить съ Жюли. Онъ долго подстерегалъ ее, переходя отъ группы къ группѣ, отъ разговора къ разговору, чтобъ приблизиться къ ней.

Наконецъ, онъ стоялъ передъ молодой дѣвушкой:

— Ваше пребываніе въ Овернѣ, mademoiselle, было пріятно?

Digitized by Google

— Чрезвычайно, monsieur,—отвѣчала она сухо.

Она смотрѣла ему прямо въ лицо жесткими, дерзкими глазами.

Онъ продолжалъ съ побѣлѣвшими губами:

— Мѣстность тамъ очень хороша, кажется...

Вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ и произнесъ быстро, вполголоса:

— Вы меня приводите въ смущеніе сегодня... Я не знаю, что думать... ради Бога, объясните мнѣ...

— Что?—спросила она самымъ естественнымъ тономъ.

Она, казалось, дѣйствительно все забыла. Онъ былъ потрясенъ и колебался продолжать. Ничего не было между ними въ эту минуту, ничто не связывало ихъ никогда!

Такъ какъ она искала кого-то глазами въ салонѣ, наклонившись немного впередъ, то онъ понялъ, что она собиралась встать и удалиться. Она отказывалась понимать его, отвѣчать на его вопросы.

— Вы однако позволили мнѣ любить васъ...

Она быстро повернула къ нему голову съ такимъ выраженіемъ удивленія, что онъ испугался.

Но она не удостоила его отвѣтомъ, довольствуясь уничтожающимъ молчаніемъ. Ея лицо стало снова спокойно. Губы сжались, рѣсницы опустились, пропустивъ ледяной взглядъ.

Она тихо усмѣхнулась, такъ тихо, что это услышалъ только Оливье, и звукъ этой насмѣшки прозвучалъ въ его ушахъ страннымъ разрывомъ.

Очевидно, она играла имъ.

Жюли встала и прошла черезъ салонъ, величественной походкой дѣвственной богини. Никогда не видѣлъ онъ ее такой прекрасной. Его щеки горѣли отъ пощечины, нанесенной рукою женщины. Ему казалось, что слуги возьмутъ его сейчасъ за ворота и вытолкаютъ за дверь.

— Презрѣнная!—повторялъ онъ про себя,—и ему казалось, что онъ тонетъ и задыхается въ этой блестящей и шумной толпѣ.

Онъ старался собраться съ мыслями. Никогда онъ не вернется сюда. Онъ выгонялъ себя самъ. Молчаливое презрѣніе Жюли казалось ему нестерпимымъ. Всегда, пока онъ здѣсь, онъ будетъ чувствовать ироническое презрѣніе ея взгляда.

Но сразу порвать съ Полиньерами значило отказаться отъ выгодъ доставленныхъ, ему лицемѣріемъ и ложью, значило отречься отъ своихъ плановъ. Нѣтъ, нужно хладнокровіе! Онъ сталъ съ улыбкой на губахъ и, выпрямившись во весь ростъ, направился къ Симонѣ.

Личико послѣдней просіяло. Она вѣроятно сильно скучала съ обѣда и откровенно выразила свою радость при его возвращеніи.

Digitized by Google

Они стали снова болтать. Оливье плохо слушалъ. Ему казалось, что передъ нимъ вертится бѣлокурая кукла въ розовомъ платьѣ, безъ души и сердца. Однако онъ говорилъ и удивлялся своимъ собственнымъ словамъ.

Г. Баротье пришелъ за своей дочерью. Онъ пожалъ руку Оливье, который рѣшился слѣдовать за ними, спѣша уйти изъ этого салона, гдѣ всѣ лица, казалось, дѣлали ему чудовищныя гримасы, вызывая цѣлую бурю вражды...

По дорогѣ къ нему подошла Жюли.

— Симона чахоточная,—сказала она тихо.—Она можетъ жить только до замужества.

Молодой человѣкъ прошелъ мимо, не отвѣчая, страшно блѣдный, пораженный злобнымъ и полнымъ ненависти выраженіемъ ея глазъ.

Зачѣмъ она сказала ему это? Считала-ли она его низкимъ интриганомъ, искателемъ приданыхъ, уловки котораго раскрываютъ, какъ уловки вора? Или она угадала, что онъ могъ полюбить Симону и хотѣла убить эту любовь, чтобы не быть забытой? Руководило-ли ею просто желаніе зла, потребность причинять страданіе? Почему она его ненавидитъ?

Онъ медленно спустился по лѣстницѣ. Каждая ступень отдѣляла его навсегда отъ этого дома.

Ночь была холодная, темная. Онъ погрузился въ этотъ мракъ, радуясь темнотѣ, скрывавшей его отъ всѣхъ, отъ себя самого.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

Понедѣльникъ, 30-го октября. Сегодня температура понизилась до 27°С.

Когда я вытащилъ сѣть, заброшенную вчера утромъ, то въ ней оказалось два ведра ила, добытаго со дна. Я цѣлый день занимался его промывкою, чтобы добыть заключающихся въ немъ животныхъ. Это были преимущественно морскія звѣзды, медузы (Astrophyton), морскіе огурцы, полипы, черви, губки, ракушки и ракообразныя. Само собою разумѣется, что я тщательно сохранилъ всѣ эти экземпляры въ спирту.

Вторникъ, 31 октября. Сегодня глубина 90 метровъ. Теченіе сильно уноситъ насъ къ юго-западу.

Вѣтеръ теперь очень хорошъ для мельницы, которая прекрасно работаетъ, и потому электрическія лампы горятъ у насъ цѣлый день. Большая лампа въ каютѣ заставляетъ насъ совершенно забывать о солнцѣ. О, свѣтъ такъ хорошъ, и жизнь, не смотря на всѣ лишенія, кажется все-таки прекрасной!

Сегодня день рожденія Свердрупа, и утромъ мы упражнялись въ стрѣльбѣ изъ револьвера. Разумѣется, у насъ былъ прекрасный обѣдъ изъ пяти перемѣнъ: куриный супъ, вареныя макрели, оленьи ребра съ жареной цвѣтной капустой и картофелемъ, пуддингъ изъ макаронъ, груши, моченыя въ молокѣ, и затѣмъ пиво.

Четвергъ, 2 ноября. Температура держится на 30°С, но холодъ не очень чувствителенъ, потому что господствуетъ полное безвѣріе. Мы можемъ видѣть сѣверное сіяніе даже днемъ. Сегодня въ три часа пополудни я наблюдалъ замѣчательную его форму.

Надъ юго-западнымъ горизонтомъ виднѣлось мерцаніе солнца. Легкія облака скопились впереди, точно тонкая пыль, поднимающаяся надъ отдаленной толпой всадниковъ. Изъ этого облака шли вверхъ темныя полосы, какъ будто исходящія отъ солнца или же тягивающіяся къ нему со всего небосклона, но только на юго-

Digitized by Google

западѣ полосы эти были темныя; нѣсколько выше, дальше отъ солнечнаго мерцанія, онѣ были бѣлыя и блестящія, точно сверкающій серебряный газъ. Онѣ растягивались по всему небосклону надъ нами и далеко распространялись къ сѣверу. Безъ всякаго сомнѣнія, эти полосы имѣли много сходства съ сѣвернымъ сіяніемъ, но быть можетъ это былъ легкій туманъ, высоконосящійся въ воздухѣ и отражающій въ себѣ солнечный свѣтъ? Я долго наблюдалъ это явленіе. Освѣщенныя полосы были удивительно неподвижны; это было на самомъ дѣлѣ сѣверное сіяніе, которое постепенно на юго-западѣ переходило въ темныя облачныя полосы и затѣмъ оканчивалось пыльнымъ облакомъ надъ солнцемъ.

Скоттъ Гансенъ видѣлъ эти полосы и позже, когда стемнѣло. Относительно природы этого явленія не могло уже быть сомнѣній; казалось, будто сѣверное сіяніе распространилось отъ солнца по всему небосклону, точно жилки на внутренней кожицѣ апельсина.

Суббота, 4-го ноября. Сегодня утромъ объявлены были большіе бѣга на льду. Было вымѣрено пространство, отгорожено и убрано флагами, а поваръ приготовилъ преміи,—пироги различной величины, перенумеровалъ ихъ и разложилъ въ соотвѣтствующемъ порядкѣ.

Всѣ были въ сильномъ возбужденіи, но оказалось, что весь нашъ экипажъ, вслѣдствіе переутомленія послѣднихъ дней, не въ состояніи былъ двигать ногами. Впрочемъ, хотя бѣга и не состоялись, но мы всетаки получили свои преміи. Одному изъ насъ были завязаны глаза и онъ указывалъ на пирогъ и произносилъ имя того, кто долженъ его получить. Такой способъ раздачи премій заслужилъ всеобщее одобреніе, такъ какъ всѣ находили, что гораздо пріятнѣе получить премію, не утруждая себя, чѣмъ если бы пришлось пробѣжать для этого разстояніе въ одинъ километръ.

Воскресенье, 5-го ноября. Опять воскресенье. Какъ тянутся дни! Я работаю, читаю, размышляю и мечтаю, бренчу немного на гармоніумѣ и въ темнотѣ дѣлаю прогулки по льду.

Глубоко на горизонтѣ еще видиѣется кровавокрасный отблескъ солнца, какъ бы воспламененный всѣми дремлющими желаніями жизни, далекій и глубокій, какъ міръ грезъ въ юности. Выше на небѣ онъ переходитъ въ оранжевый цвѣтъ, затѣмъ въ зеленый и свѣтлоголубой; далѣе уже начинается темноголубое, безконечное пространство, въ которомъ никогда не прекращаются сумерки.

На сѣверѣ мерцающія дуги слабаго сѣвернаго сіянія трепещутъ, точно просыпающіяся желанія, и въ слѣдующій моментъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, онѣ загораются, озаряя потоками свѣта темноголубой сводъ небесъ, никогда не оставаясь въ покоѣ, не отдыхая, какъ человѣческій духъ!

Я могу такъ сидѣть и смотрѣть, смотрѣть безъ конца восхищенными глазами на волшебное сіяніе на западномъ горизонтѣ, гдѣ

Digitized by Google

тонкій серебряный серпъ мѣсяца погружаетъ точно въ кровь свои острыя концы, и моя душа уносится дальше, туда къ солнцу, такому далекому теперь—къ мечтамъ о возвращеніи!

Когда наше дѣло будетъ сдѣлано, мы отправимся вверхъ по фіорду такъ скоро, какъ только дозволятъ намъ наши паруса и паръ. По обѣимъ сторонамъ у насъ тогда будетъ уже находиться родина, привѣтливо озаренная солнцемъ и тогда... тогда страданія многихъ дней и часовъ потонутъ въ неописуемомъ блаженствѣ одного мгновенія!..

Чортъ возьми! Какое непріятное пробужденіе! Я вскочилъ. О чемъ я мечтаю! Вѣдь мы еще такъ далеки отъ цѣли; сотни и сотни миль лежатъ между нами, ледъ, земля и снова ледъ. А мы тутъ вертимся точно въ заколдованномъ кругу, точно очарованные, ничего не достигая и только ожидая, все ожидая, но чего?

Бросивъ взглядъ на звѣзду родины, ту самую, которая въ тотъ вечеръ возвышалась надъ мысомъ Челюскинымъ, я поплелся къ судну, гдѣ вѣтряная мельница вертѣла свои крылья, двигаемыя холоднымъ вѣтромъ, и электрическій свѣтъ, проникая черезъ верхній люкъ каюты, озарялъ ледяную пустыню, объятую мракомъ арктической ночи.

Среда, 8-го ноября. Штормъ, продолжавшійся два дня, окончательно улегся, и у насъ теперь уже не хватаетъ вѣтра, чтобъ приводить въ движеніе мельницу.

Прошлою ночью мы попробовали оставить собакъ ночевать на льду, вмѣсто того, чтобы вечеромъ снова привести ихъ на судно, какъ мы это дѣлали обыкновенно. Послѣдствіемъ этого была гибель еще одной собаки, которую ночью разорвали въ куски.

Вчерашнія наблюденія указываютъ 77° 43′ сѣверной широты и 138° 8′ восточной долготы. Это еще южнѣе, чѣмъ было раньше. Ничего нельзя подѣлать противъ этого, но это очень печально! Не велико утѣшеніе, что мы подвинулись нѣсколько и къ востоку.

Опять новолуніе, и поэтому мы можемъ ожидать новаго напора льда. Въ сущности ледъ уже пришелъ въ движеніе; онъ началъ раскалываться въ субботу и съ каждымъ днемъ ломается все больше. Образовались уже довольно большія трещины и движеніе становится все замѣтнѣе. Вчера ощущался легкій напоръ и сегодня около пяти часовъ утра онъ возобновился. Сегодня ледъ раскрылся около судна, такъ что судно почти свободно плаваетъ въ водѣ.

Я сижу на плоской льдинѣ и смотрю на звѣзды. Я вижу, какъ ихъ жизни переплетаются въ безпорядочную ткань, непрерывно тянущуюся отъ нѣжной, утренней зари до мертваго безмолвія вѣчныхъ льдовъ. Мысли цѣпляются другъ за друга, я слѣжу за ихъ теченіемъ; надъ всѣми царитъ одна и таже мысль: зачѣмъ предпринято это путешествіе?

Могъ-ли я поступить иначе? Можно-ли остановить теченіе пока и заставить его течь обратно?

Digitized by Google

Изъ моего плана ничего не вышло. Дворецъ, построенный изъ теорій, который я въ своей гордости и самоувѣренности соорудилъ на перекоръ всѣмъ возраженіямъ, разлетѣлся отъ перваго дуновенія вѣтра, точно карточный домикъ. Можешь придумывать самыя остроумныя теоріи, но будь готовъ къ тому, что факты превратятъ ихъ въ прахъ!

Былъ ли я совершенно увѣренъ тогда? Да, временами; но это былъ самообманъ. За всѣми доводами разсудка все-таки скрывалось тайное сомнѣніе. Мнѣ казалось, что чѣмъ дальше я защищаю свою теорію, тѣмъ болѣе самъ начинаю сомнѣваться въ ней. Однако нѣтъ, доказательность пловучаго сибирскаго лѣса стоитъ внѣ сомнѣній.

Но если мы все-таки находимся на ложномъ пути, что тогда? Обманутыя человѣческія надежды и болѣе ничего! И даже если мы погибнемъ, какое это можетъ имѣть значеніе въ общемъ вѣчномъ теченіи?

Вторникъ, 9-го ноября. Сегодня я измѣрилъ температуру и взялъ пробы воды на глубинѣ каждыхъ десяти метровъ отъ поверхности до самаго дна. Общая же глубина воды равнялась 107 метрамъ. Замѣчательно ровная температура во всѣхъ слояхъ—1,5°С. Это я уже замѣчалъ раньше на той же самой географической широтѣ.

Давленіе льда не очень сильно; сегодня утромъ чувствовался небольшой напоръ, а также сегодня вечеромъ и позднѣе, когда мы играли въ карты.

Пятница, 10-го ноября. Сегодня утромъ я предпринялъ изслѣдованія вчерашнихъ пробъ воды съ электрическимъ аппаратомъ, но онѣ не дали никакихъ результатовъ. Надо было, чтобы на суднѣ господствовала при этомъ абсолютная тишина; всѣ люди были предупреждены насчетъ этого, они ходили на цыпочкахъ и разговаривали другъ съ другомъ шопотомъ. Но вдругъ кто-нибудь начиналъ стучать на палубѣ или пилить въ машинѣ и вслѣдъ затѣмъ раздавалась команда начальника, приказывающая не шумѣть. Изслѣдованія производятся посредствомъ телефона, черезъ который слышенъ очень слабый шумъ, медленно затихающій. Моментъ, когда этотъ шумъ прекращается совсѣмъ, долженъ быть точно опредѣленъ.

Я нахожу здѣсь весьма мало соли въ водѣ; по всей вѣроятности тутъ примѣшивается прѣсная вода сибирскихъ рѣкъ.

Сегодня утромъ ощущалось нѣкоторое давленіе, продолжавшееся почти до самаго обѣда. Грохотъ слышится въ разныхъ направленіяхъ. Послѣ обѣда ледъ совершенно открылся и у бакборда образовалась большая полынья. Въ $7^1/_2$ часовъ начался довольно сильный напоръ льда, причемъ ледъ надавливалъ на бока судна, но растирался объ нихъ. Около полуночи мы слышали шумъ льдинъ.

Суббота, 11-го ноября. Въ теченіе дня чувствовалось нѣкоторое давленіе. Новообразованный ледъ имѣетъ около 40 сантиметровъ толщины; сверху онъ твердый, а внизу рыхлый и пористый.

Digitized by Google

Толстый ледъ началъ образовываться въ ночь съ 27 на 28 октября и въ теченіе 15 дней достигъ, слѣдовательно, толщины 40 сантиметровъ. По моимъ наблюденіямъ, толщина льда въ первую ночь была 8 сантиметровъ и въ теченіе трехъ первыхъ ночей достигла 15 сантиметровъ, такъ что остальные 25 сантиметровъ приходятся уже на слѣдующіе 12 дней.

Уже это небольшое наблюденіе указываетъ, что ростъ льда идетъ быстро, пока ледяная кора тонка, но съ постепеннымъ утолщеніемъ этой послѣдней ростъ уменьшается и при извѣстной толщинѣ льда прекращается совершенно.

Удивительно, что давленіе льда сегодня не прекращалось почти цѣлый день. Отъ прежней правильности не осталось и слѣда.

Воскресенье, 19-го ноября. Наша жизнь протекаетъ съ 11 ноября обычнымъ монотоннымъ образомъ. Вѣтеръ въ теченіе всей недѣли постоянно дуетъ съ юга; сегодня, однако, ощущается легкая бриза отъ норднорднъ-веста.

Напоръ льдовъ повторялся нѣсколько разъ; шумъ слышался на юго-востокѣ. Но не смотря на это, ледъ, плотно облегающій судно, необычно покоенъ. Со времени послѣдняго сильнаго напора, вокругъ нашего судна образовался ледъ по всей вѣроятности отъ 3 до 6 метровъ толщины *).

Скоттъ Гансенъ обрадовалъ насъ пріятною новостью, что мы, съ 8 ноября, подвинулись на 44' къ сѣверу, нѣсколько въ восточномъ направленіи.

Мы находимся теперь подъ 78°27' сѣв. широты и 139°23' восточной долготы, слѣдовательно восточнѣе, чѣмъ были раньше. Еслибъ мы продолжали двигаться въ этомъ направленіи!

Fram представляетъ теплое, уютное убѣжище. Показываетъ-ли термометръ 5° или 30° ниже нуля—мы не топимъ печи. Вентиляція превосходна, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы установили воздушный парусъ, направляющій въ вентиляторъ холодный воздухъ. Не смотря на это, намъ тепло и уютно внизу, и мы зажигаемъ только одну лампу. Я даже подумываю—не убрать-ли намъ печь совсѣмъ. Мои разсчеты, поскольку это касается защиты отъ зимняго холода, оказались вполнѣ вѣрными. Отъ сырости мы также не очень много страдаемъ. Правда, сырость скопляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно въ четырехмѣстной каютѣ, но это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается, обыкновенно, на другихъ судахъ. Еслибъ мы топили печь, то сырость исчезла бы совсѣмъ. Послѣ того, какъ я подержалъ въ своей каютѣ зажженную лампу лишь очень короткое время, исчезъ всякій слѣдъ сырости **). Мои сотоварищи обнару-

*) Позднѣе мы пробуравили ледъ на глубинѣ 9 метровъ и все-таки не достигли его нижней поверхности.

**) Когда мы, на слѣдующую зиму, топили печь, то нигдѣ не было и слѣда сырости: ни въ салонѣ, ни въ маленькихъ каютахъ. Скорѣе мы терпѣли отъ

Digitized by Google

живаютъ удивительную выносливость къ холоду. При 30° ниже нуля Бентсенъ отправляется въ одной рубашкѣ и панталонахъ на палубу, чтобы записать показанія термометровъ.

Понедѣльникъ, 27-го ноября. Вѣтеръ все дуетъ съ юга, иногда съ востока, температура держится между 25 и 30°С ниже нуля.

Много разъ мнѣ бросалось въ глаза, что полосы сѣвернаго сіянія слѣдуютъ направленію вѣтра, начиная отъ его исходной точки на горизонтѣ. Въ четвергъ утромъ, когда дулъ очень слабый сѣверо-восточный вѣтеръ, я попробовалъ предсказать, на основаніи направленія полосъ сѣвернаго сіянія, что вѣтеръ повернетъ къ юго-востоку, что дѣйствительно и случилось.

Въ послѣднее время мы видѣли сѣверное сіяніе гораздо меньше, чѣмъ въ началѣ нашего плаванія со льдами. Однако, все же оно бывало ежедневно, хотя и слабое, но сегодня ночью снова было очень яркое сѣверное сіяніе.

Въ теченіе послѣднихъ дней около луны нѣсколько разъ появлялись кольца, ложныя луны и другія подобныя замѣчательныя явленія. Когда луна стояла такъ низко, что кольцо ея касалось горизонта, то появлялось яркое свѣтлое пространство въ томъ мѣстѣ, гдѣ горизонтъ пересѣкалъ кольцо. Подобныя же свѣтлыя пространства образовывались и тамъ, гдѣ перпендикулярная ось мѣсяца достигала горизонта. Зачастую можно было наблюдать слабую радугу на этихъ блестящихъ пространствахъ свѣта.

Горизонтъ, обыкновенно, имѣлъ желтую окраску, переходящую потомъ въ красный и позднѣе въ голубой цвѣтъ. Такіе же цвѣта можно было различать и при ложныхъ лунахъ. Иногда появлялись два большихъ концентрическихъ кольца и тогда можно было наблюдать четыре ложныя луны. Мнѣ случилось даже видѣть надъ обыкновеннымъ кольцомъ часть другого, новаго кольца, идущаго какъ разъ надъ луною по касательной въ горизонтальномъ направленіи къ старому кольцу. Извѣстно, что появленіе такихъ колецъ, какъ вокругъ солнца, такъ и вокругъ луны, обусловливается преломленіемъ лучей свѣта въ плавающихъ въ воздухѣ крошечныхъ ледяныхъ кристалахъ.

23-го ноября мы ожидали напора, такъ какъ наступило полнолуніе и время прилива, но ледъ оставался спокоенъ, какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе. Въ субботу послѣ обѣда, 25-го ноября, мы услышали отдаленный грохотъ начинающагося давленія, и съ тѣхъ поръ онъ ежедневно раздавался въ одномъ и томъ же направленіи.

Сегодня утромъ (27 ноября) грохотъ былъ особенно силенъ и постепенно приближался. Въ девять часовъ онъ слышался совсѣмъ близко; вечеромъ было то же самое. Кажется, какъ будто мы уже

излишней сухости, такъ какъ деревянная обшивка стѣнъ и верхней палубы замѣтно ссыхалась.

Digitized by Google

вышли изъ той канавы, около которой главнымъ образомъ сосредоточивается давленіе льдовъ. Раньше мы находились какъ разъ по срединѣ этого давленія, кругомъ ледъ спокоенъ.

По всей вѣроятности послѣднее сильное давленіе очень сильно стиснуло ледъ вокругъ насъ, а холодъ обратилъ этотъ ледъ въ плотную неподвижную массу.

Глубина моря непрерывно увеличивается по мѣрѣ того, какъ насъ уноситъ къ сѣверу.

Сегодня вечеромъ Гансенъ подсчиталъ позавчерашнія наблюденія и нашелъ, что мы находимся теперь подъ 79° 11' сѣверной широты. Это прекрасно; такъ должно идти и дальше! Это самый сѣверный пунктъ, котораго мы достигли до сихъ поръ, и сегодня мы, вѣроятно, ушли еще сѣвернѣе. За послѣдніе дни мы сдѣлали хорошіе успѣхи, и увеличивающаяся глубина, повидимому, указываетъ на счастливую перемѣну въ направленіи нашего плаванія.

Не попали-ли мы, наконецъ, на настоящую дорогу? Лучше всего то, что въ послѣднее время, и особенно два послѣднихъ дня, вѣтра было мало. Вчера вѣтеръ дулъ лишь со скоростью одного метра въ секунду; сегодня совсѣмъ тихо и тѣмъ не менѣе все-таки глубина увеличилась въ теченіе послѣднихъ дней на 40 метровъ. Мнѣ кажется, что здѣсь, наперекоръ всему, существуетъ-таки сѣверное теченіе. Безъ сомнѣнія насъ ждутъ еще многія разочарованія въ будущемъ, но почему же намъ не радоваться теперь, пока улыбается счастье?

Вторникъ, 28-го ноября. Разочарованіе не заставило себя долго ждать. Или въ наблюденіи, или въ вычисленіи Гансена есть ошибка. Мы находимся подъ 78° 36' сѣв. широты. Сегодняшній промѣръ указалъ 142 метра глубины, почти столько же, какъ вчера, а веревка лота показывала юго-западное теченіе.

Какъ ни стараешься философски смотрѣть на вещи, а все-таки трудно не чувствовать нѣкотораго уныніе. Я стараюсь найти утѣшеніе въ книгѣ и увлекаюсь ученіемъ индусовъ, ихъ счастливою вѣрою въ трансцендентальныя силы, сверхестественныя свойства души и будущую жизнь. О, еслибъ можно было имѣть хоть немного сверхестественнаго могущества, чтобы принудить вѣтеръ постоянно дуть съ юга!

Вечеромъ отправился я, въ довольно-таки уныломъ настроеніи духа, на палубу, но въ ту же минуту, какъ только вышелъ, остановился точно прикованный. Вотъ оно, сверхестественное явленіе—сѣверное сіяніе неподражаемой силы и красоты, сверкающее на небесахъ всѣми цвѣтами радуги! Рѣдко или, пожалуй, даже никогда я не видалъ такихъ чудныхъ красокъ. Преобладающій цвѣтъ сначала былъ желтый, сквозь который постепенно пробивался зеленый, а на нижнемъ концѣ, на нижней поверхности дуги, проступала уже яркая рубиновокрасная окраска. Но вотъ отъ далекаго горизонта на западѣ, вверхъ по небу, протянулась, извиваясь,

Digitized by Google

огромная змѣя; она становилась все ярче и ярче, затѣмъ раздѣлилась на три сверкающія части. Потомъ краски измѣнились. Южная змѣя сдѣлалась рубиновокрасной съ желтыми пятнами; та, которая находилась по срединѣ, стала желтой, а сѣверная приняла зеленоватобѣлый цвѣтъ. По бокамъ змѣй выступали лучистыя возвышенія, точно волны, гонимыя ураганомъ. Онѣ то появлялись, то исчезали въ разныхъ мѣстахъ, то выступали рѣзче, то слабѣе, змѣи извивались кругомъ до самаго зенита и надъ нимъ.

Хотя я былъ легко одѣтъ и дрожалъ отъ холода, но не могъ оторваться отъ зрѣлища, пока оно не прекратилось и осталась только одна огненная змѣйка вблизи западнаго горизонта. Когда я позднѣе опять взошелъ на палубу, то волны свѣта уже двигались въ сѣверномъ направленіи и распространялись неполными дугами по сѣверному небосклону. Кто желаетъ отыскивать таинственный смыслъ въ явленіяхъ природы, тотъ найдетъ здѣсь, конечно, много удобныхъ случаевъ для этого.

Наблюденія сегодня послѣ обѣда указываютъ 78° 38' 42" сѣв. широты. Быстрое отступленіе.

Среда, 29-го ноября. Еще одна собака загрызена сегодня: «Фоксъ»—красивое, сильное животное. Его нашли сегодня уже мертвымъ и окоченѣлымъ за кормою судна. «Суггенъ», по обыкновенію, выполнялъ свою обязанность и стерегъ трупъ. Такія забіяки, эти собаки. Я отдалъ приказаніе, чтобы кто-нибудь всегда наблюдалъ за ними, когда ихъ выпускаютъ на ледъ.

Четвергъ, 30-го ноября. Лотъ обнаружилъ сегодня 170 метровъ глубины и, судя по направленію веревки, мы какъ будто двигаемся къ сѣверо-западу. Наши надежды опять ожили, и жизнь показалась свѣтлѣе.

Мое настроеніе похоже на маятникъ, если только можно представить себѣ этотъ инструментъ безпорядочно качающимся въ разныя стороны. Ничего нѣтъ хорошаго въ старанія смотрѣть на вещи философски, потому что я не могу отрицать, что меня глубоко волнуетъ вопросъ объ успѣхѣ нашего предпріятія. Очень легко убѣдить себя разными неоспоримыми доводами въ томъ, что главное дѣло — благополучно провести всю экспедицію и въ хорошемъ состояніи вернуться домой, все равно увѣнчается-ли наша экспедиція успѣхомъ или нѣтъ. Я не могъ поступить иначе и долженъ былъ предпринять эту экспедицію, такъ-какъ чувствовалъ, что мой планъ долженъ увѣнчаться успѣхомъ. Мой долгъ былъ сдѣлать эту попытку. Но если планъ этотъ не удастся, то виноватъ-ли я? Я выполнилъ свой долгъ, я сдѣлалъ все, что нужно было, и могу со спокойной совѣстью вернуться къ мирному счастью, оставленному мною дома. Что-же изъ того, если случай, или какъ тамъ ни называть это — поможетъ или не поможетъ успѣху нашего плана и сдѣлаетъ или не сдѣлаетъ наши имена безсмертными? Достоинство плана не измѣнится отъ этого. Что-же касается безсмертія, то вѣдь

Digitized by Google

то, чего мы жаждемъ, и составляетъ счастье, а этого мы въ безсмертіи не найдемъ!

Все это я могу повторять себѣ тысячу разъ; я могу даже заставить себя искренно повѣрить, что мнѣ безразличенъ исходъ экспедиціи. Тѣмъ не менѣе настроеніе мое мѣняется, какъ видъ облаковъ на небесахъ, смотря потому откуда дуетъ вѣтеръ, какую глубину показываетъ лотъ, указываютъ-ли наблюденія на движеніе къ сѣверу или къ югу. Когда я думаю о множествѣ людей, вѣрящихъ намъ, о норвежцахъ, о друзьяхъ, пожертвовавшихъ намъ своимъ временемъ и деньгами, то во мнѣ загорается желаніе, чтобы ихъ не постигло разочарованіе, и мнѣ становится грустно, когда наше плаваніе идетъ не такъ, какъ мы ожидали. А «она», больше всѣхъ пожертвовавшая мнѣ, развѣ «она» не заслуживаетъ того, чтобы жертва ея не была напрасна? Нѣтъ, мы хотимъ и должны имѣть успѣхъ!

Воскресенье, 3-го декабря. Снова воскресенье, и слѣдовательно можно проводить время въ праздности, въ мечтахъ о счастливыхъ дняхъ, не чувствуя угрызеній совѣсти.

Сегодня спущенный на глубину 250 метровъ лотъ не достигъ дна. Насъ уноситъ къ сѣверо-востоку. Согласно вчерашнимъ наблюденіямъ мы находимся подъ 78° 44' сѣв. широты, слѣдовательно со вторника мы подвинулись на пять минутъ къ сѣверу. Дѣло идетъ ужасно медленно, но по крайней мѣрѣ мы все-таки подвигаемся впередъ и такъ и должно быть, на этотъ счетъ не можетъ быть вопроса.

Вторникъ, 5-го декабря. Сегодня самый холодный день, какой только намъ приходилось переживать; термометръ показываетъ— 35,7° С., при рѣзкомъ вѣтрѣ съ востоко-юго-востока. Наблюденія послѣ обѣда показали 78° 50' сѣв. широты, значитъ на 6' сѣвернѣе съ воскресенья; слѣдовательно ежедневно двигаемся на двѣ минуты. Послѣ обѣда было великолѣпное сѣверное сіяніе; блестящія дуги растянулись по всему небосклону съ востока на западъ. Но когда я вечеромъ вышелъ на палубу, небо заволокло и только одна единственная звѣзда блестѣла сквозь облочное покрывало — звѣзда родины. Какъ я люблю эту звѣзду! Мои глаза прежде всего отыскиваютъ ее, и она всегда тутъ и освѣщаетъ намъ путь. Мнѣ кажется, что ничего дурного не можетъ случиться, пока я вижу тамъ эту звѣзду...

Среда, 6-го декабря. Сегодня послѣ обѣда ледъ раскололся сзади у штирборда и къ вечеру образовалась расщелина. Мы можемъ ожидать напора, такъ-какъ наступаетъ новолуніе.

Четвергъ, 7-го декабря. Утромъ около пяти часовъ утра ледъ въ теченіе цѣлаго часа напиралъ на корму. Я лежалъ въ койкѣ и прислушивался къ треску и грохоту. Послѣ обѣда снова ощущался напоръ, но такой слабый, что объ немъ говорить не стоило.

Пятница, 8-го декабря. Сегодня утромъ давленіе льда отъ 7 до

Digitized by Google

8 часовъ. Когда я послѣ обѣда занялся рисованіемъ, меня испугалъ какой-то внезапный трескъ. Онъ раздался надъ моей головой и казалось, будто громадныя ледяныя массы свалились на палубу, надъ моею каютой. Всѣ повскакали и, накинувъ на себя что попало изъ одежды, бросились на палубу. Кто отдыхалъ послѣ обѣда—повыскакивали изъ своихъ коекъ и бросились въ салонъ, требуя объясненій. Петтерсенъ бросился съ такою поспѣшностью къ трапу на верхъ, что со всей силы хлопнулъ дверью и ударилъ ею рулевого, стоявшаго какъ разъ у дверей и державшаго собаку—«Квикъ», которая со страху убѣжала изъ рубки, гдѣ для нея была приготовлена постель въ ожиданіи родовъ. Однако мы ничего не увидали, кромѣ того, что ледъ находится въ движеніи и медленно началъ спадать и какъ будто удаляться отъ судна. Сегодня утромъ и вчера скопились большія кучи льда подъ кормою. Взрывъ, вѣроятно, произошелъ вслѣдствіе сильнаго напора, который внезапно освободилъ ледъ вдоль боковъ судна, вслѣдствіе чего онъ сильно навалилъ на бакбордъ. Треска дерева не было слышно, и чтобы тамъ ни было, а «Fram» не могъ получить поврежденій. Но было холодно и поэтому мы опять вернулись внизъ.

Когда мы около шести часовъ сидѣли за ужиномъ, внезапно начался напоръ. Ледъ трещалъ и грохотъ былъ такъ силенъ, что мы не могли разговаривать, мы должны были кричать и всѣ согласились съ Нордалемъ, что было бы пріятнѣе, если бы ледъ давилъ только на носъ судна, а не безпокоилъ бы насъ здѣсь. Среди шума мы едва различали отдѣльные звуки гармоніума, наигрывавшаго мелодію Кверульфа «Соловьиная пѣсня мнѣ спать не давала». Суматоха продолжалась около 20 минутъ и затѣмъ все стихло.

Вечеромъ Скоттъ-Гансенъ явился внизъ съ извѣщеніемъ о необыкновенномъ сѣверномъ сіяніи. Палуба была ярко освѣщена и отраженіе свѣта вездѣ играло на льду. Все небо сверкало и въ особенности на югѣ, откуда распространялись высоко вверхъ огненныя массы. Позднѣе Скоттъ-Гансенъ пришелъ еще разъ объявить намъ, что сѣверное сіяніе необыкновенно красиво. Словами нельзя выразить то великолѣпіе, которое представилось нашимъ глазамъ. Огненныя массы раздѣлились на блестящія разноцвѣтныя полосы, распространяющіяся по небу на югѣ и на сѣверѣ и переплетающіяся другъ съ другомъ. Лучи сверкали, отливая чистыми и прозрачными, какъ кристаллъ, цвѣтами радуги, преимущественно фіолетово-краснымъ или карминовымъ и свѣтло-зеленымъ. Зачастую лучи дуги на своихъ концахъ принимали красный цвѣтъ, переходящій кверху въ ярко-зеленый; еще выше они становились темнѣе и переходили въ голубой или фіолетовый цвѣтъ, прежде чѣмъ исчезали въ синевѣ неба. Порою же лучи въ той же самой дугѣ превращались изъ ярко-красныхъ въ свѣтло-зеленые и колыхались изъ стороны въ сторону, точно влекомые вѣтромъ. Это была безконечная фантасмагорія яркихъ красокъ, превосходящая все, что только можно вообразить. Временами

Digitized by Google

зрѣлище достигало такой красоты, что у насъ захватывало дыханіе и намъ казалось, что должно совершиться что-нибудь необыкновенное; рушится небо, по крайней мѣрѣ. Но вдругъ лучи свѣта меркли, быстро пробѣжавъ по всей гаммѣ цвѣтовъ, и все явленіе исчезало въ то время, какъ мы стояли, въ напряженномъ ожиданіи притаивъ дыханіе. Что-то въ высокой степени драматическое заключается въ такомъ явленіи, однако чувства тревоги оно не возбуждаетъ. Точно присутствуешь при работѣ великаго мастера, въ совершенствѣ владѣющаго своимъ инструментомъ. Однимъ ударомъ смычка онъ легко переходитъ отъ высшаго развитія страсти къ спокойному обыденному состоянію и снова возвращается къ прежней игрѣ страстей.

Сѣверное сіяніе точно желаетъ насъ поддразнить. Лишь только мы чувствуемъ стремленіе удалиться подъ вліяніемъ 35-ти градуснаго холода, вдругъ снова загораются лучи и появляются такія чудныя краски, что мы останавливаемся и стоимъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуемъ, что у насъ отморожены уши и носъ.

Финаломъ сіянія былъ такой удивительный фейерверкъ всевозможныхъ цвѣтовъ, со всѣхъ сторонъ загоралось такое пламя, что мы каждую минуту могли ожидать появленія его на льду, такъ какъ на небѣ для него уже болѣе не оставалось мѣста.

Однако я уже больше не могъ выдержать. Я одѣтъ былъ легко, безъ соотвѣтствующей шапки и перчатокъ, и уже переставъ ощущать свои члены, а потому и спустился внизъ.

Воскресенье, 10-го декабря. Опять воскресенье, день мира. Въ англійскомъ календарѣ на этотъ день напечатано слѣдующее изреченіе: «Тотъ счастливъ, кто находится въ условіяхъ, соотвѣтствующихъ его характеру. Но достойнѣе тотъ, кто умѣетъ приспособить свой характеръ ко всякимъ условіямъ». (Юмъ). Очень вѣрно; это именно та философія, которой я слѣдую въ данную минуту. Я лежу при свѣтѣ электрической лампы на кровати, ѣмъ пирогъ, пью пиво и пишу дневникъ, а затѣмъ принимаюсь за чтеніе и засыпаю.

Электрическая лампа освѣтила сегодня веселое общество. Теперь намъ уже не трудно отличать на нашихъ грязныхъ картахъ бубны отъ червей. Удивительно, какое дѣйствіе имѣетъ свѣтъ! Я полагаю, что еще сдѣлаюсь когда-нибудь огнепоклонникомъ. Право удивительно, что въ полярныхъ странахъ нѣтъ огнепоклонниковъ!

У насъ выходитъ газета; она называется «Framsjaa», что означаетъ «Обзоръ Fram». Нашъ докторъ—отвѣтственный редакторъ этой газеты. Первый номеръ ея вышелъ сегодня вечеромъ и далъ поводъ къ большому веселью. Въ газетѣ была напечатана, между прочимъ, «Зима во льду», сатирическая поэма, въ которой описывалось въ шутливомъ тонѣ времяпрепровожденіе членовъ экспедиціи и добродушно осмѣивались нѣкоторые изъ нихъ: Амундзенъ, ненавидящій карты, составляющія любимое развлеченіе большинства членовъ экспедиціи, почтенный докторъ, напрасно поджидающій

Digitized by Google

больныхъ, которому ничего болѣе не остается, какъ отдыхать, такъ какъ «всѣ сильны и здоровы» и т. д.

Затѣмъ въ газетѣ напечатано было такое же шутливое предостереженіе насчетъ какого-то странствующаго «Часовыхъ дѣлъ мастера», берущаго у всѣхъ часы подъ предлогомъ исправленія и не возвращающаго ихъ владѣльцамъ. Сообщались примѣты часовщика и высказывалось удивленіе, что такія дѣла могутъ совершаться на глазахъ властей. Это предостереженіе сопровождалось примѣчаніемъ отъ редакціи, сообщавшимъ, что указанное лицо приходило въ бюро редакціи и просило работы.

Вчерашнія наблюденія указываютъ 72°0' сѣв. широты и 139°14' восточной долготы. Наконецъ, мы ушли такъ далеко на сѣверъ, какъ это было въ концѣ сентября. Движеніе къ сѣверу постепенно ускоряется; мы подвинулись на 10' въ четыре дня.

Понедѣльникъ, 11-го декабря. Сегодня утромъ я сдѣлалъ далекую экскурсію къ западу. Лазаніе по сдвинувшимся льдинамъ въ темнотѣ—довольно трудная работа и отчасти похожа на странствованіе ночью по большимъ скаламъ. Я сдѣлалъ невѣрный шагъ, поскользнулся и ушибъ правое колѣно.

Сегодня мягкая погода, только 23°С.

Сегодня вечеромъ замѣчательное сѣверное сіяніе; бѣлыя, блестящія облака, точно освѣщенныя,—какъ я думалъ сначала,—луной, но луны еще не было. Я тихо стоялъ и наблюдалъ такъ долго, какъ только позволила мнѣ моя легкая одежда. Не было замѣтно никакого дрожанія, ни игры свѣта; облака сѣвернаго сіянія спокойно плыли по небу. Всего ярче свѣтъ виднѣлся на юго-востокѣ, гдѣ можно было замѣтить и темныя облака.

Гансенъ разсказывалъ, что потомъ сіяніе снова распространилось къ сѣверу; облака то появлялись, то исчезали и нѣкоторое время можно было видѣть много блестящихъ бѣлыхъ облачковъ, «бѣлыхъ точно барашки»—какъ выразился Гансенъ, но настоящаго сѣвернаго сіянія за ними не было видно.

Вторникъ, 12-го декабря. Сегодня утромъ я предпринялъ дальнюю прогулку на юго-востокъ. Ледъ тамъ, повидимому, такого же состава, какъ и на западѣ; онъ сдвинулся въ кучи, верхушки которыхъ сдавлены и заключаютъ въ себѣ плоскія льдины.

Вечеромъ собаки внезапно подняли на палубѣ большой шумъ, въ то время какъ мы всѣ сидѣли внизу и поглощены были карточною игрой. Я былъ босой, а потому предложилъ кому-нибудь другому пойти на верхъ и посмотрѣть, что случилось. Могштадъ отправился. На верху шумъ становился все сильнѣе. Вернувшись, Могштадъ объявилъ, что всѣ собаки, которыя могли достать бортъ судна, вспрыгнули на него и лаютъ въ темнотѣ по направленію къ сѣверу. Могштадъ увѣренъ, что тамъ находится какой-нибудь звѣрь, быть можетъ лисица, такъ какъ ему показалось, что онъ слышалъ ея лай въ сѣверномъ направленіи. Однако онъ въ этомъ

Digitized by Google

не увѣренъ. Но это должно быть, чортъ знаетъ, какая лисица, если ужъ она до такой степени приводитъ въ возбужденіе собакъ!

Такъ какъ шумъ не прекращался, то я самъ отправился на верхъ въ сопровожденіи Іогансена. Какъ мы ни смотрѣли, а не могли разглядѣть въ темнотѣ ничего, въ томъ направленіи, въ которомъ лаяли собаки. Навѣрное тутъ что-нибудь да было, и я не сомнѣвался, что это былъ медвѣдь, такъ какъ собаки выходили изъ себя. «Панъ» посмотрѣлъ на меня, точно онъ имѣлъ сообщить мнѣ что-нибудь очень важное, и затѣмъ опять бросился къ борту и сталъ лаять.

Собаки были чрезвычайно взволнованы. Я замѣтилъ, что можно было бы выпустить нѣсколькихъ собакъ и отправиться съ ними по льду къ сѣверу. Но эти проклятыя собаки не захотятъ напасть на медвѣдя и при томъ такъ темно, что мы едва-ли его разглядимъ. Если это медвѣдь, то онъ придетъ опять. Если онъ такъ голоденъ, какъ они обыкновенно бываютъ въ это время года, то врядъ-ли онъ отойдетъ далеко отъ хорошей пищи, которую онъ можетъ надѣяться найти здѣсь.

Я помахалъ руками, чтобы согрѣться, и пошелъ внизъ спать, между тѣмъ какъ собаки продолжали лаять и порою лай раздавался даже еще громче, чѣмъ прежде.

Нордаль, стоявшій на вахтѣ, нѣсколько разъ поднимался на верхъ, но не могъ открыть причины лая. Въ то время, какъ я лежалъ и читалъ въ постели, мнѣ послышался непривычный шумъ. какъ будто таскали ящики по палубѣ. Мнѣ слышалось также какъ будто царапаніе собаки, которая хочетъ выйти и усиленно скребетъ дверь, я тотчасъ же подумалъ о «Квикъ», запертой въ рубкѣ По звавъ Нордаля, я сказалъ ему, чтобы онъ еще разъ вышелъ на верхъ и посмотрѣлъ, что означаетъ этотъ новый шумъ. Но онъ вернулся съ извѣстіемъ, что ничего не видать.

Я долго не могъ заснуть и ворочался въ своей койкѣ. Когда Педеръ вступилъ на вахту, я приказалъ ему отправиться и повернуть парусъ вентилятора по вѣтру, чтобы улучшить вентиляцію внизу. Педеръ долго оставался на верху, исполняя разныя дѣла, но и онъ не узналъ причины безпокойства собакъ. Проходя къ носу судна, онъ замѣтилъ, что недостаетъ трехъ собакъ. Спустившись внизъ, онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, и мы рѣшили, что вѣроятно это обстоятельство и служитъ причиною такого сильнаго волненія собакъ. Однако собаки никогда ни принимали прежде такъ близко къ сердцу исчезновенія котораго-нибудь изъ своихъ товарищей.

Среда, 13-го декабря. Едва проснувшись сегодня утромъ, я же слышалъ лай собакъ, продолжавшійся во все время нашего завтрака. Какъ мнѣ кажется, шумъ продолжался всю ночь.

Послѣ завтрака Могштадъ и Педеръ отправились на верхъ, чтобы покормить проклятыхъ животныхъ и выпустить ихъ на ледъ. Трехъ собакъ все еще не хватало. Педеръ вернулся за фонаремъ,

Digitized by Google

такъ какъ хотѣлъ хорошенько посмотрѣть, не видно-ли слѣдовъ животныхъ. Якобсонъ закричалъ ему, чтобы онъ взялъ ружье, но онъ сказалъ, что этого не нужно.

Спустя нѣсколько времени, когда я усердно занимался вычисленіемъ того, сколько мы потратили керосина и на сколько времени намъ должно хватить нашихъ запасовъ, если мы будемъ тратить ихъ подобнымъ образомъ, я услышалъ у входа въ каюту крикъ: «Приходите съ ружьемъ!» Въ одну минуту я былъ въ салонѣ, куда ввалился, задыхаясь, Педеръ, крича: «Ружье! ружье!» — Медвѣдь укусилъ его въ бокъ.

Слава Богу, что не произошло ничего худшаго. Когда я услышалъ, что онъ говоритъ на своемъ діалектѣ, то подумалъ, что дѣло идетъ о жизни и смерти. Я схватилъ ружье, онъ другое, и мы оба бросились на верхъ, а за нами рулевой со своимъ ружьемъ. Не трудно было рѣшить, куда мы должны направиться, такъ какъ у штирборда слышались растерянные голоса людей, а внизу на льду — страшный шумъ и смятеніе собакъ. Я быстро сталъ заряжать ружье, такъ какъ надо было торопиться. Но, чортъ возьми, я никакъ не могъ вытащить пакли изъ дула; я рвалъ ее изо всѣхъ силъ, но ничего не могъ сдѣлать. Педеръ кричалъ: «стрѣляйте же! стрѣляйте! мое ружье не дѣйствуетъ». Онъ держалъ ружье, но курокъ только щелкалъ, такъ какъ онъ опять купался въ замерзшемъ вазелинѣ; между тѣмъ мы видѣли, что медвѣдь лежитъ у самаго судна и деретъ собаку. Возлѣ него стоялъ рулевой, также никакъ не могшій вырвать пыжъ, который онъ, во время бѣга, втолкнулъ въ дуло. Съ раздраженіемъ онъ, наконецъ, бросилъ ружье и сталъ искать гдѣ-нибудь остроги, чтобы заколоть медвѣдя. Четвертый, Могштадъ, заперъ свои патроны и теперь, махая не заряженнымъ ружьемъ, кричалъ, что кто-нибудь долженъ застрѣлить медвѣдя.

Четверо людей и изъ нихъ ни одинъ не могъ выстрѣлить, хотя медвѣдь находился такъ близко, что мы могли дотронуться до его спины своими ружьями! Скоть-Гансенъ былъ пятымъ; онъ лежалъ въ проходѣ у рубки и пробовалъ рукою достать патроны черезъ щель въ двери, которую нельзя было растворить, такъ какъ тутъ лежала «Квикъ».

Наконецъ, явился Іогансенъ и пустилъ пулю въ медвѣдя съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Чудовище бросило собаку и зарычало. Раздался второй выстрѣлъ, поразившій звѣря въ тоже самое мѣсто, затѣмъ еще, и мы увидали, что бѣлая собака, которую медвѣдь держалъ въ лапахъ, вдругъ вскочила и побѣжала, въ то время какъ вся остальная стая стояла вокругъ и лаяла. Опять былъ сдѣланъ выстрѣлъ, такъ какъ медвѣдь все еще шевелился. Въ этотъ моментъ пыжъ выскочилъ, наконецъ, изъ моего ружья, и я могъ послать для большей безопасности еще одну пулю въ голову медвѣдя. Пока медвѣдь шевелился, собаки тѣснились къ нему, громко лая, но когда онъ свалился мертвый, то они боязливо отпрянули. Вѣроятно онѣ

Digitized by Google

подумали, что это новая хитрость ихъ врага. Медвѣдь, надѣлавшій такую суматоху, былъ маленькій, худой, годовалый звѣрь.

Когда сдирали шкуру, я отправился поискать пропавшихъ собакъ. Не успѣлъ я отойти на нѣкоторое разстояніе, какъ уже замѣтилъ, что собаки почуяли слѣдъ, направляющійся къ сѣверу, и захотѣли туда отправиться. Вскорѣ, однако, онѣ стали выказывать страхъ, такъ что я долженъ былъ силою принуждать ихъ идти. Карабкаясь на четверенькахъ на льдины, я держалъ на готовѣ ружье и все время смотрѣлъ впередъ, но не могъ хорошенько разглядѣть въ темнотѣ. Собаки, бывшія отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ, представлялись мнѣ черными тѣнями, и я каждую минуту ожидалъ, что вдругъ появится между льдинами какое-нибудь громадное чудовище и бросится на меня. Собаки становились все осторожнѣе и даже нѣкоторыя стали отставать, но, повидимому, онѣ устыдились оставить меня одного и тихонько поплелись за мною.

Ужасный ледъ, черезъ который приходится прокладывать себѣ дорогу! Положеніе на четверенькахъ совсѣмъ неудобно для стрѣльбы въ случаѣ внезапнаго нападенія медвѣдя. Однако у меня мало было надежды увидѣть медвѣдя, если онъ самъ не сдѣлаетъ нападенія или если собаки не наткнутся на него. Наконецъ, мы добрались до плоскаго льда и для меня было ясно, что по близости что-то есть. Идя далѣе, я замѣтилъ какой-то темный предметъ на льду, имѣющій сходство со звѣремъ. Я наклонился: это былъ нашъ бѣдный «другъ Іогансена», черная собака съ бѣлымъ хвостомъ, уже совершенно окоченѣвшая. Я замѣтилъ еще что-то темнѣвшее на льду и, нагнувшись, увидалъ вторую изъ пропавшихъ собакъ, брата «сторожа труповъ» Суггена. Онъ былъ почти еще цѣлъ, только голова у него была отъѣдена; онъ даже еще не успѣлъ совершенно окоченѣть. Кругомъ на льду виднѣлась кровь. Я осматривался по всѣмъ направленіямъ, но ничего не могъ открыть. Собаки держались въ почтительномъ отдаленіи и нюхали воздухъ въ направленіи своихъ мертвыхъ товарищей. Вскорѣ затѣмъ къ намъ присоединились еще нѣсколько человѣкъ, которые взяли трупы собакъ. У нихъ былъ съ собою фонарь. Мы стали карабкаться по льдинамъ.

— Сюда съ фонаремъ, Бентсенъ; мнѣ кажется я тутъ вижу слѣды.

Бентсенъ подошелъ, и мы освѣтили углубленія во льду. Это безъ сомнѣнія были слѣды медвѣжьихъ лапъ, но того же самаго молодого медвѣдя.

— Посмотрите-ка, звѣрь притащилъ сюда собаку.

При свѣтѣ фонаря мы могли прослѣдить кровавую тропу между ледяными холмами. Мы нашли мертвую собаку, но другихъ слѣдовъ не нашли, кромѣ тѣхъ, которые, по нашему мнѣнію, должны были принадлежать молодому медвѣдю. «Свартенъ», alias «другъ Іогансена» выглядѣлъ ужасно при свѣтѣ фонаря: мясо, кожа, внутренности—все исчезло; оставались только кости груди, спинной хре-

Digitized by Google

бетъ и нѣсколько реберъ. Просто несчастье, что такая прекрасная, сильная собака кончила подобнымъ образомъ. У нея былъ только одинъ недостатокъ—довольно сварливый нравъ. Эта собака питала особенное отвращеніе къ Іогансену и всегда лаяла на него и скалила зубы, какъ только онъ показывался на палубѣ или же только отворялъ двери. Когда Іогансенъ сидѣлъ, въ эти темные зимніе дни, на мачтѣ или въ бочкѣ и свисталъ, то «другъ» его всегда отвѣчалъ ему издалека на льду самымъ яростнымъ лаемъ.

Іогансенъ нагнулся съ фонаремъ въ рукахъ, чтобы посмотрѣть, что осталось отъ собаки.

— Вы рады, Іогансенъ, что вашъ врагъ умеръ?—Нѣтъ, мнѣ его жаль:—Почему?—Потому что мы не успѣли съ нимъ помириться передъ его смертью.

Хотя мы искали другихъ слѣдовъ медвѣдей, но не нашли и поэтому, взваливъ трупы собакъ на плечи, отправились домой. По дорогѣ я спросилъ Педера, что произошло между нимъ и медвѣдемъ.

— Видите-ли,—сказалъ онъ,—когда я пришелъ съ фонаремъ, то мы замѣтили близъ фальрепа нѣсколько капель крови, которыя, конечно, могли произойти отъ того, что какая-нибудь собака себя поранила. На льду, но подъ фальрепомъ, мы замѣтили слѣды медвѣдя, вслѣдствіе чего и повернули къ западу, а вмѣстѣ съ нами и вся свора собакъ. Не успѣли мы отойти немного отъ судна, какъ вдругъ произошло нѣчто ужасное. Огромный звѣрь, окруженный собаками, бросился въ нашу сторону. Какъ только мы увидѣли въ чемъ дѣло, то тотчасъ же повернули назадъ и бросились бѣжать къ судну. Могштадтъ, видите-ли, былъ въ парусиныхъ башмакахъ и зналъ дорогу лучше меня, поэтому онъ и прибѣжалъ на судно раньше. Я не могъ такъ скоро бѣжать въ деревянныхъ башмакахъ и въ смятеніи попалъ какъ разъ на большой ледяной холмъ къ югу отъ носовой части судна. Тамъ я обернулся и посвѣтилъ фонаремъ, чтобъ посмотрѣть, все ли еще медвѣдь сзади меня. Я ничего не увидалъ и побѣжалъ дальше, но скоро поскользнулся и упалъ между двумя ледяными возвышенностями. Однако я довольно быстро вскочилъ, но когда я уже былъ на плоскомъ льду вблизи судна, то вдругъ увидалъ, что справа кто-то двигается прямо на меня. Сначала я думалъ, что это собака, но у меня уже не было времени подумать что-нибудь другое, такъ какъ звѣрь бросился на меня и укусилъ въ бокъ. Я вотъ такъ поднялъ руки и поэтому медвѣдь хватилъ меня здѣсь за бедро. Онъ ворчалъ и хрипѣлъ, кусая меня.

— Что вы подумали въ эту минуту, Педеръ?

— Что я подумалъ? Я подумалъ, что пришелъ мой конецъ. Что могъ я сдѣлать? У меня не было ни ружья, ни ножа. Я взялъ фонарь и такъ ударилъ медвѣдя по головѣ, что фонарь вдребезги разлетѣлся по льду. Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ почувствовалъ ударъ, онъ припалъ на заднія лапы и посмотрѣлъ на меня.

Digitized by Google

Когда онъ снова поднялся, я уже далъ тягу. Не знаю, зачѣмъ онъ поднялся и хотѣлъ-ли онъ меня опять схватить, но только онъ увидѣлъ въ этотъ моментъ собаку, идущую на встрѣчу, и бросился за нею, я же въ это время взобрался на судно.

— Вы кричали, Педеръ?

— Еще бы! Я кричалъ изо всѣхъ силъ.

Вѣроятно это было такъ, потому что онъ совсѣмъ охрипъ.

— Но гдѣ же былъ Могштадъ все это время?

— Видите-ли, онъ гораздо раньше меня попалъ на судно, но не подумалъ спуститься внизъ и сдѣлать тревогу, а прямо схватилъ со стѣны ружье, полагая, что онъ и одинъ сладитъ съ медвѣдемъ. Но ружье его давало осѣчку, и медвѣдь имѣлъ достаточно времени, чтобъ пожрать меня передъ самымъ его носомъ.

Мы находились теперь вблизи судна, гдѣ Могштадъ съ палубы услыхалъ конецъ исторіи. Онъ старался оправдаться, хотя всетаки имѣлъ достаточно времени, чтобы схватить ружье и поспѣшить на помощь къ Педеру.

Когда медвѣдь, бросивъ Педера, обратился къ собакѣ, то вся свора окружила его. Онъ сдѣлалъ прыжокъ и смялъ подъ себя собаку, но тутъ вся свора бросилась на него, такъ что онъ долженъ былъ поворачиваться, чтобы защищаться; затѣмъ онъ бросился на другую собаку, и свора опять устремилась на него, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока медвѣдь не оказался вблизи судна. Тутъ его и постигло наказаніе.

Во всякомъ случаѣ, это прискорбное происшествіе. Подумать только, что мы допустили медвѣдя взобраться на судно и потеряли трехъ собакъ! Число нашихъ собакъ уменьшается; у насъ осталось только 26.

Это былъ хитрый звѣрь, не смотря на свою небольшую величину. Онъ взобрался по фалрепу на судно, оттолкнулъ ящикъ, стоявшій тутъ, и, схвативъ ближайшую собаку, удралъ съ нею. Утоливъ свой первый голодъ, онъ отправился за новою добычей и унесъ вторую собаку. Еслибъ мы это оставили безнаказаннымъ, то онъ продолжалъ бы свои похожденія до тѣхъ поръ, пока у насъ не осталось бы ни одной собаки. Послѣ того онъ, по всей вѣроятности, спустился бы по лѣстницѣ внизъ и «холодною рукой» постучалъ бы въ кухонную дверь Юэлля. Должно быть «Свартенъ» испыталъ пріятное ощущеніе, когда стоялъ тутъ въ темнотѣ и видѣлъ, какъ пробирается къ нему медвѣдь!

Когда я спускался внизъ, прослушавъ этотъ разсказъ, то Юэлль, стоявшій въ дверяхъ кухни, сказалъ мнѣ:

— Вы увидите, что сегодня у «Квикъ» будутъ щенки, у насъ на суднѣ все вѣдь такъ совпадаетъ.

Дѣйствительно, когда мы вечеромъ сидѣли въ салонѣ, то пришелъ Могштадъ, обыкновенно наблюдавшій за собаками, и объявилъ о рожденіи перваго щенка, вслѣдъ за которымъ послѣдовали

Digitized by Google

двое другихъ. Это извѣстіе было нѣкоторымъ бальзамомъ для нашихъ ранъ. «Квикъ» лежитъ въ ящикѣ, выложенномъ мѣхомъ, и тамъ такъ тепло, что есть надежда выходить щенятъ, не смотря на 48° холода.

Сегодня вечеромъ никто уже не рѣшался спускаться на ледъ безъ оружія. Мы вооружились штыками. Я долженъ сознаться, что не ожидалъ среди зимы встрѣтить медвѣдей такъ далеко на сѣверѣ. Во время моихъ далекихъ прогулокъ по льду, когда я не имѣлъ при себѣ даже перочиннаго ножика, мнѣ ни разу не приходило въ голову, что я могу встрѣтиться съ медвѣдемъ. Опытъ Педера, однако, указываетъ, что лучше брать съ собою хоть фонарь и имъ бить медвѣдя. Съ этихъ поръ я всегда буду брать съ собою штыкъ.

Позднѣе мы часто дразнили Педера, что онъ такъ страшно кричалъ, когда медвѣдь схватилъ его.

— Гм,—говорилъ онъ.—Что жъ удивительнаго? Точно другіе на моемъ мѣстѣ не также бы громко кричали? Долженъ же я былъ позвать парней, которые такъ боялись испугать медвѣдя, что бѣжали изо всѣхъ силъ и дѣлали скачки въ семь метровъ.

Четвергъ, 14-го декабря.

— Ну, Могштадъ, сколько у васъ щенковъ? — спросилъ я за завтракомъ.—Теперь пять.

Вскорѣ, однако, онъ еще разъ явился съ извѣстіемъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать.

Ого! Это хорошее вознагражденіе за наши потери. Но мы обрадовались не меньше, когда явился Іогансенъ и объявилъ, что онъ слышалъ, какъ пропавшая собака воетъ далеко на льду, на сѣверо-западѣ. Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ отправились ее послушать. Мы всѣ хорошо слышали вой; казалось, что животное сидитъ смирно на мѣстѣ и воетъ съ отчаянія. Быть можетъ передъ нею была расщелина во льду, черезъ которую собака не могла перескочить. Блессингъ также слышалъ этотъ вой во время своей ночной вахты, но ему казалось, что онъ слышится въ юго-западномъ направленіи.

Когда Педеръ, послѣ завтрака, отправился кормить собакъ, то пропавшій песъ былъ уже здѣсь и стоялъ у фалрепа въ ожиданіи возможности попасть на судно. Онъ былъ голоденъ и тотчасъ же набросился на ѣду, но въ остальномъ казался совсѣмъ здоровымъ и бодрымъ.

Вечеромъ явился Педеръ и сообщилъ, что онъ навѣрное видѣлъ медвѣдя и слышалъ, какъ онъ скребетъ по льду. Онъ и Петерсенъ слышали, какъ медвѣдь царапаетъ ледяную кору. Захвативъ свою двустволку, я отправился на палубу, гдѣ собралась вся команда на кормѣ и напряженно вглядывалась въ темноту. Мы выпустили двухъ собакъ, «Пана» и «Уленку», и отправились по тому направленію, гдѣ разсчитывали найти медвѣдя. Было темно, ни зги не видать, но собаки ужъ найдутъ слѣдъ, если что-нибудь

Digitized by Google

есть. Гансену показалось, что на возвышенности у судна что-то шевелится, но мы смотрѣли и ничего не видѣли, и такъ какъ никто изъ тѣхъ, кто потомъ вошелъ на ледъ, также ничего не замѣтилъ, то мы опять вскарабкались на судно. Просто удивительно какіе звуки слышатся въ этой большой безсмысленной пустынѣ, освѣщенной таинственнымъ блескомъ сверкающихъ звѣздъ!

Пятница, 15-е декабря. Сегодня утромъ Педеръ увидалъ лисицу на льду, за судномъ. Когда позднѣе она опять появилась, то онъ отправился съ собаками. Какъ удивительно это появленіе медвѣдей и лисицъ, послѣ того, какъ мы долго не видали ни одного живаго существа! Мы видѣли въ послѣдній разъ лисицу, когда находились гораздо южнѣе, вблизи земли Санникова; ужъ не находимся ли мы и теперь по близости какой-нибудь земли?

Послѣ обѣда я пошелъ посмотрѣть щенятъ «Квикъ». Ихъ было тринадцать. Рѣдкое совпаденіе: тринадцать щенковъ родилось 13-го декабря для тринадцати же человѣкъ. Пять щенковъ были убиты; восемь «Квикъ» прокормить можетъ, но больше было бы вредно для нея. Бѣдная мать! Она такъ боялась за своихъ щенятъ и все хотѣла впрыгнуть къ нимъ въ ящикъ и отнять ихъ у насъ. Видно также, что она ими очень гордится.

Сегодня вечеромъ явился Педеръ и сказалъ, что на льду долженъ быть какой-нибудь духъ, потому что онъ слышалъ тотъ же самый шумъ шаговъ и царапаніе, какъ и вчера вечеромъ. Повидимому, область эта населена.

Согласно наблюденіямъ, сдѣланнымъ во вторникъ, мы должны находиться по близости 79° 8′ сѣв. широты. Мы подвинулись слѣдовательно на восемь минутъ въ теченіе трехъ дней, съ субботы; это все-таки лучше.

Почему не идетъ снѣгъ? Приближается Рождество, а какое же это Рождество безъ снѣга, густо падающаго снѣга? Во все время нашего плаванія со льдами ни одного единаго разу не шелъ снѣгъ: твердыя зерна, падающія иногда, не замѣняютъ снѣга.

О, чудный, бѣлый снѣгъ, такъ тихо и нѣжно падающій и смягчающій подъ своимъ чисто-бѣлымъ покровомъ всѣ рѣзкія очертанія,—что можетъ сравниться спокойствіемъ, мягкостью и бѣлизной со снѣгомъ?

Эта безснѣжная равнина похожа на жизнь безъ любви; ничего тутъ нѣтъ, что бы могло ее смягчить! Слѣды борьбы и напоровъ льда выступаютъ такъ рѣзко, какъ будто они только что произошли и выглядятъ такъ сурово, дѣлая затруднительнымъ всякое странствованіе по льду.

Любовь — это снѣгъ жизни; она также нѣжно ложится на поверхность ранъ, полученныхъ въ борьбѣ, бѣлѣе и чище самаго снѣга; что жизнь безъ любви? Такая жизнь точно ледъ, холодная, пустынная, разъединенная масса, которую вѣтеръ гонитъ, раздвигаетъ и снова сдвигаетъ, не закрывая, однако, открытой расщелины,

Digitized by Google

не смягчая силы удара при столкновеніяхъ и не закругляя острыхъ краевъ разломанной льдины; однимъ словомъ это—просто голый, разломанный пловучій ледъ.

Суббота, 16 декабря. Послѣ обѣда пришелъ Педеръ и объявилъ, что онъ слышалъ разнаго рода шумъ на льду. На сѣверѣ звуки были такіе, какъ будто ледъ сдвигается къ материку. Вслѣдъ затѣмъ раздавался внезапно въ воздухѣ такой грохотъ, что собаки вскакивали и тотчасъ же начинали лаять. Бѣдный Педеръ! Надъ нимъ смѣются, когда онъ приходитъ внизъ и разсказываетъ о своихъ многочисленныхъ наблюденіяхъ, а между тѣмъ никто изъ насъ не обнаруживаетъ такой внимательности.

Среда, 20-го декабря. Когда я сидѣлъ за завтракомъ, прибѣжалъ Педеръ съ крикомъ, что онъ, какъ ему казалось, видѣлъ на льду медвѣдя. Да и «Панъ» убѣжалъ тотчасъ же, какъ его выпустили. Я спрыгнулъ на ледъ съ ружьемъ въ рукахъ и увидалъ при лунномъ свѣтѣ много людей, но ни одного медвѣдя. Прошло не мало времени, пока «Панъ» вернулся.

Свердрупъ и «Кузнецъ Ларсъ» изготовили большую западню для медвѣдей, которую мы и установили сегодня на льду, но такъ какъ я боялся, что въ нихъ будутъ попадаться собаки чаще медвѣдей, то мы укрѣпили западню такъ высоко, чтобы собаки не могли достать приманку, заключающуюся въ кускѣ моржевого жира и прикрѣпленную въ самомъ отверстіи ловушки. Большинство собакъ проводитъ теперь время въ томъ, что лаютъ на это сооруженіе, виднѣющееся при лунномъ свѣтѣ, на льду.

Четвергъ, 21-го декабря. Удивительно какъ проходитъ время! Теперь самый короткій день, хотя у насъ тутъ никакого дня нѣтъ. Но мы идемъ снова на встрѣчу свѣту и лѣту. Сегодня мы пробовали бросить лотъ; веревку спустили на 2,000 метровъ и не достали дна! Больше веревки у насъ нѣтъ, что дѣлать? кто бы подумалъ, что здѣсь такъ глубоко?

Весь день мы видѣли радугу на небѣ, противъ луны; это значитъ лунная радуга.

Пятница, 22-го декабря. Прошлою ночью мы убили медвѣдя. Якобсенъ увидѣлъ его, когда стоялъ на вахтѣ, и выстрѣлилъ въ него; звѣрь убѣжалъ. Сойдя въ каюту, Якобсенъ сообщилъ намъ объ этомъ, и Могштадъ съ Педеромъ отправились на палубу. Разбуженный Свердрупъ также присоединился къ нимъ. Они замѣтили медвѣдя, направляющагося къ судну. Но вдругъ медвѣдь увидалъ на льду западню и тотчасъ же направился туда. Онъ внимательно осмотрѣлъ аппаратъ, затѣмъ осторожно поднялся на заднія лапы и положилъ правую лапу на поперечное бревно, какъ разъ у западни, пристально поглядывая на лакомый кусочекъ, по повидимому опасаясь крышки западни. Свердрупъ, вышедшій на палубу, наблюдалъ за медвѣдемъ, который стоялъ освѣщенный луной. Сердце у Свердрупа билось, и онъ ждалъ напряженно, что вотъ захлопнется

Digitized by Google

западня. Но медвѣдь подозрительно покачивалъ головой, затѣмъ медленно опустился на четвереньки, осторожно обнюхалъ проволоку, къ которой была прикрѣплена приманка, и направился вдоль проволоки къ тому мѣсту, гдѣ она прикрѣплялась къ большой ледяной глыбѣ. Тутъ онъ обошелъ кругомъ и осмотрѣлся, какъ бы раздумывая о томъ, какъ все ловко устроено. Затѣмъ онъ снова медленно направился вдоль проволоки назадъ, поднялся, какъ и раньше, на заднія лапы и, положивъ переднія лапы на перекладину висѣлицы, долго смотрѣлъ на западню, покачивая головой и точно говоря себѣ: «эти хитрецы придумали для меня ловкую штуку». Послѣ того онъ направился снова къ судну. Педеръ выстрѣлилъ, когда медвѣдь находился на разстояніи 60 шаговъ. Медвѣдь упалъ, но опять вскочилъ и побѣжалъ; тогда выстрѣлили Іогансенъ, Свердрупъ и Могштадъ, и медвѣдь свалился. Съ него тотчасъ содрали шкуру, но нашли въ ней только одно отверстіе отъ пули, проникшей между лопатками. Педеръ, Якобсенъ и Могштадъ каждый приписывали себѣ эту пулю, и только Свердрупъ не предъявлялъ на нее претензій, такъ какъ онъ слишкомъ далеко стоялъ на кормѣ. Какъ только Могштадъ увидѣлъ падающаго медвѣдя, послѣ сдѣланнаго имъ выстрѣла, то сейчасъ же вскрикнулъ: «Это я его убилъ». Якобсенъ божился, что это онъ сдѣлалъ, а Бентсенъ, игравшій роль свидѣтеля, готовъ былъ поклясться, что это Педеръ уложилъ медвѣдя. Споръ насчетъ этого важнаго пункта такъ и остался неразрѣшеннымъ.

Чудное лунное сіяніе. Напоръ льда ощущался въ разныхъ направленіяхъ. Сегодня мы перенесли всѣ наши запасы гремучей ваты и пушечнаго и ружейнаго пороха на палубу, такъ какъ держать его здѣсь гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ трюмѣ. Въ случаѣ пожара или какого-нибудь другого несчастія, взрывъ въ трюмѣ произвелъ бы пробоину въ днѣ судна раньше, чѣмъ мы могли бы предупредить это. Часть мы перенесли на бакъ, часть на мостикъ, такъ какъ и отсюда и оттуда легко будетъ все это сбросить на ледъ въ случаѣ нужды.

Суббота, 23-го декабря. Сегодня «маленькій сочельникъ», какъ мы называемъ его въ Норвегіи.

Я отправился утромъ на западъ и вернулся назадъ поздно. Вездѣ ледъ сдвинулся и между нимъ лежали плоскія льдины. Я долженъ былъ повернуть назадъ вслѣдствіе новообразовавшагося отверстія на льду, которое я не рѣшился перейти по свѣжему тонкому слою льда.

Послѣ обѣда мы устроили первое рождественское развлеченіе: взрывъ льда посредствомъ гремучей ваты. Мы пробуравили дыру во льду при помощи одного изъ большихъ желѣзныхъ буравовъ, взятыхъ нами съ собою для этой цѣли, и вложили туда, на глубинѣ одного фута отъ поверхности, зарядъ вмѣстѣ съ электрическою проволокой, послѣ чего далеко отошли, кнопка была нажата, послы-

Digitized by Google

шался глухой трескъ и высоко въ воздухѣ разлетѣлись куски льда и брызги воды.

Хотя взрывъ произведенъ былъ на разстояніи 60 метровъ отъ судна, но все-таки оно ощутило такой сильный толчокъ, что все задрожало. Взрывъ произвелъ отверстіе во льду, глубиною въ 1½ метра, и кромѣ этого вокругъ образовавшейся дыры произошли маленькія трещины.

Воскресенье, 24-го декабря. Сочельникъ; холодъ 37° С. Сверкающій лунный свѣтъ и безконечное безмолвіе арктической ночи. Я совершилъ уединенную прогулку по льду. Первый сочельникъ, проведенный такъ далеко отъ родины! Согласно вычисленіямъ мы находимся теперь надъ 79° 11' сѣв. широты; теченія никакого незамѣтно. Мы подвинулись на двѣ минуты южнѣе, чѣмъ шесть дней тому назадъ.

Объ этомъ днѣ у меня болѣе ничего не записано въ дневникѣ, но какъ ясно все возстаетъ передо мною, когда я о немъ вспоминаю! На суднѣ господствовало особенно приподнятое настроеніе, что у насъ вообще не водилось. Каждый въ душѣ былъ занятъ мыслями о родинѣ, но не хотѣлъ показать это товарищамъ; поэтому-то шутки и смѣхъ раздавались громче и чаще обыкновеннаго. Мы зажгли всѣ лампы и фонари, какіе только были на суднѣ, и освѣтили блестящимъ образомъ каждый уголокъ въ салонѣ и въ каютахъ. Разумѣется, въ этотъ день наше продовольствіе отличалось отъ прочихъ особенною изысканностью, такъ какъ у насъ это былъ единственный способъ праздновать наши праздники. Обѣдъ былъ превосходный, а также ужинъ, по окончаніи котораго на столъ были поданы цѣлыя горы рождественскихъ пироговъ, изготовленіемъ которыхъ Юэль прилежно занимался въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Затѣмъ мы наслаждались грогомъ и сигарами, въ этотъ день намъ разрѣшалось курить въ салонѣ.

Празднество достигло своего апогея, когда были внесены два ящика съ рождественскими подарками, одинъ отъ матери Скотть Гансена, другой отъ его невѣсты. Трогательно было видѣть дѣтскую радость, съ которою принимались эти подарки, безразлично была ли то трубка, ножикъ или другой какой нибудь пустячокъ, но каждый видѣлъ въ этомъ привѣтствіе съ родины. Затѣмъ произносились рѣчи и появился номеръ газеты «Framsjaa» съ иллюстрированнымъ приложеніемъ. Рисунки были исполнены знаменитымъ арктическимъ художникомъ Гуттету, а въ стихахъ разсказывались различныя событія послѣднихъ дней и воспѣвался праздникъ; въ концѣ помѣщены были различныя сатирическія объявленія. По прочтеніи газеты началась музыка и пѣніе, и лишь поздно ночью мы разошлись по своимъ койкамъ.

Понедѣльникъ, 25-е декабря. Рождество. Термометръ 38° С. ниже нуля. Я предпринялъ прогулку къ югу при восхитительномъ лунномъ свѣтѣ, но попалъ ногою во вновь образовавшуюся щель, покры-

Digitized by Google

тую тонкимъ льдомъ, который проломился подо мною, и я вымокъ насквозь. Но подобное несчастіе не имѣетъ особенно большого значенія при такомъ морозѣ; вода немедленно превращается въ ледъ, такъ что особеннаго холода не чувствуешь и быстро высыхаешь.

Дома о насъ теперь много думаютъ и вѣроятно много горюютъ, помышляя о тѣхъ лишеніяхъ, которыя намъ приходится терпѣть среди этой холодной безотрадной ледяной пустыни. Боюсь, однако, что эти соболѣзнованія нашихъ близкихъ поостыли бы немного, еслибъ они насъ могли видѣть и слышать, какое у насъ царитъ веселье и какъ мы себя прекрасно чувствуемъ. Едва-ли тамъ дома чувствуютъ себя лучше. Что касается меня самого, то, кажется, никогда еще не велъ я такого сибаритскаго образа жизни и никогда не имѣлъ столько поводовъ опасаться послѣдствій, сопряженныхъ съ такимъ образомъ жизни. Обратите только вниманіе на слѣдующее меню нашего сегодняшняго обѣда:

1) Супъ изъ бычачьихъ хвостовъ.

2) Пуддингъ изъ рыбы съ картофелемъ и растопленнымъ масломъ.

3) Оленье жаркое съ горошкомъ, французскими бобами, картофелемъ и клюквеннымъ вареньемъ.

4) Морошка со сливками.

5) Пирожное и марципаны (любезный подарокъ пекаря экспедиціи, за который мы были ему очень благодарны).

И ко всему этому столь знаменитое пиво Рингнеса. Приличествуетъ ли такой обѣдъ людямъ, которые должны закалить себя противъ ужасовъ полярной ночи?

Мы всѣ такъ много ѣли за обѣдомъ, что ужинъ оказался совсѣмъ лишнимъ. Въ теченіе вечера былъ сервированъ кофе съ ананасными конфектами, медовыми пирогами и разнымъ пирожнымъ, издѣліями нашего превосходнаго повара Юэлля. На десертъ поданы были фиги, миндаль и изюмъ.

Чтобы закончить вполнѣ описаніе этого дня, я долженъ разсказать еще о завтракѣ, который состоялъ изъ кофе, свѣженспеченнаго хлѣба и превосходнаго датскаго масла, честера и голландскаго сыра, языка, солонины и мармелада. Но было бы заблужденіемъ думать, что такой завтракъ сервированъ былъ намъ лишь по случаю Рождества. Каждый день мы получали тоже самое, за исключеніемъ пирожнаго, которое не входило въ нашъ ежедневный обиходъ.

Если же ко всѣмъ этимъ хорошимъ вещамъ мы прибавимъ еще наше крѣпкопостроенное прочное помѣщеніе, нашъ удобный салонъ, освѣщенный керосиновыми лампами въ отсутствіи электрическаго свѣта, постоянно веселое настроеніе, карты и множество книгъ, съ иллюстраціями и безъ нихъ, доставляющихъ намъ хорошее, занимательное чтеніе, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ здоровый сонъ, то чего же больше мы можемъ желать?

Digitized by Google

Но, о, полярная ночь, ты похожа на женщину, удивительно красивую женщину! Ты обладаешь такими же благородными чистыми чертами античной красоты, но также мраморно холодна, какъ она. На твоемъ высокомъ гладкомъ лбу, чистомъ, какъ прозрачный эфиръ, не видно и слѣда состраданія къ мелкимъ горестямъ и страданіямъ презрѣннаго человѣческаго рода; на твоихъ блѣдныхъ, прекрасныхъ щекахъ не видно и слѣда чувства. Твои роскошные черные, какъ вороново крыло, кудри усыпаны сверкающими кристаллами. Горделивый поворотъ твоей шеи, округлость твоихъ плечъ—все это преисполнено благородства, но ахъ! какъ все это невыразимо холодно; твоя непорочно бѣлая грудь безчувственна, какъ покрытый снѣгомъ ледъ. Чистая, прекрасная и гордая, ты паришь въ эфирѣ надъ застывшимъ моремъ, и твоя одежда, сотканная изъ лучей сѣвернаго сіянія, покрываетъ небесный сводъ. Только изрѣдка можно подмѣтить горестное искривленіе твоихъ губъ и въ твоихъ глазахъ появляется выраженіе безконечной грусти.

О, какъ я усталъ отъ твоей холодной красоты! Мнѣ хочется вернуться къ жизни, побѣдителемъ или нищимъ—мнѣ все равно! Только отпусти меня, чтобы я могъ снова начать жить. Здѣсь проходятъ годы, но что они приносятъ съ собой? Истина? Но зачѣмъ такъ много значенія придается истинѣ? Жизнь вѣдь больше чѣмъ холодная истина, а живемъ мы только одинъ разъ!

Вторникъ, 26-го декабря. 38° С. ниже нуля. Это самый сильный морозъ, какой только намъ пришлось испытать до сихъ поръ. Сегодня я предпринялъ путешествіе къ сѣверу и нашелъ большую канаву, покрытую новообразованнымъ льдомъ, посреди котораго находилось совершенно открытое пространство воды. Ледъ колебался подъ моими ногами и вызывалъ волненіе въ открытомъ прудѣ.

Странно было снова видѣть отраженіе луннаго свѣта въ черныхъ, какъ уголь, волнахъ. Это вызвало во мнѣ воспоминанія о хорошо знакомыхъ сценахъ. Я пошелъ вверхъ вдоль канавы. Такъ какъ мнѣ казалось, что въ туманномъ лунномъ свѣтѣ виднѣются очертанія возвышенной страны, то я все шелъ дальше и дальше, пока, наконецъ, не увидалъ, что то, что я принималъ за возвышенность, были облака, за которыми простирались освѣщенныя луной пустынныя пространства открытой воды. Взобравшись на высокій ледяной холмъ, я увидѣлъ, что эта расщелина направляется къ сѣверу такъ далеко, какъ только можно видѣть глазомъ.

Сегодня мы также роскошничаемъ, какъ и вчера; обѣдъ изъ четырехъ перемѣнъ. Главнымъ нашимъ развлеченіемъ въ этотъ день была стрѣльба въ цѣль: выигрывались и проигрывались сигаретки. Стрѣлы и мишень были рождественскимъ подаркомъ, полученнымъ Іогансеномъ отъ невѣсты.

Среда, 27-е декабря. Сегодня послѣ обѣда снова начался вѣтеръ, 6—8 метровъ въ секунду; вѣтряная мельница опять вертится и электрическія лампы придаютъ блескъ нашей жизни.

Digitized by Google

Іогансенъ объявилъ, что сегодня вечеромъ будетъ «большая стрѣльба при электрическомъ свѣтѣ и концертѣ». Плохо ему пришлось: онъ и многіе другіе стрѣляли до тѣхъ поръ, пока не обанкротились и обнищали совершенно и должны были прекратить стрѣльбу, лишившись своихъ сигаретъ.

Четвергъ, 28-го декабря. Передъ самымъ судномъ находится новая широкая расщелина, поперекъ которой судно могло бы помѣститься. Ночью эта расщелина покрылась льдомъ и сегодня ощущалось легкое давленіе. Замѣчательно, какъ равнодушно мы относимся теперь къ такимъ напорамъ льда, которые навѣрное причинили бы многимъ прежнимъ полярнымъ изслѣдователямъ не мало тревоги! Мы же не сдѣлали ни малѣйшихъ приготовленій на случай какого-нибудь несчастія, не выносили на палубу ни жизненныхъ припасовъ, ни палатки, ни платьевъ. Пожалуй, можно считать это легкомысліемъ, но на самомъ дѣлѣ мы не имѣли ни малѣйшаго повода опасаться, что напоръ льда причинитъ намъ вредъ; мы знаемъ теперь, что можетъ вынести Fram! Гордые своимъ великолѣпнымъ крѣпкимъ судномъ, мы стоимъ на палубѣ и наблюдаемъ, какъ ледъ трещитъ и разламывается о бока судна и продвигается внизъ, подъ его дно, въ то время какъ новыя ледяныя массы надвигаются въ темнотѣ, чтобы подвергнуться, въ свою очередь, той же участи. Тамъ и сямъ поднимается съ оглушительнымъ грохотомъ огромная масса, грозно кидается на бока судна и затѣмъ внезапно опускается, какъ и остальной ледъ. Однако временами, когда среди обычнаго безмолвія ночи раздается вдругъ гулъ страшнаго напора, нельзя удержаться отъ мысли о несчастныхъ случаяхъ, не разъ причиненныхъ этою неукротимою силой.

Я читаю теперь какъ разъ исторію экспедиціи Кана (1853—55). Несчастный! Онъ очень плохо подготовилъ свою экспедицію. Мнѣ кажется, что было легкомысленно и неосновательно начинать предпріятіе съ подобною подготовкой. Почти всѣ собаки у него подохли отъ дурного питанія, а люди заболѣли цынгой отъ той-же причины; къ этому присоединилась слѣпота отъ снѣга, отмороженія и разныя другія страданія. Арктическая ночь, разумѣется, внушаетъ Кану вполнѣ понятный священный ужасъ, и это насъ не должно удивлять. Онъ пишетъ въ своей книгѣ:

«Я чувствую, что мы ведемъ борьбу за существованіе при очень неблагопріятныхъ условіяхъ и что арктическій день и арктическая ночь скорѣе и серьезнѣе могутъ состарить человѣка, чѣмъ цѣлый годъ жизни гдѣ бы то ни было въ этомъ мірѣ бѣдствій».

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что цивилизованный человѣкъ не можетъ не страдать при такихъ условіяхъ. Это былъ печальный, но отнюдь не единичный опытъ. Одинъ англійскій полярный путешественникъ, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать, также выразился весьма обезкураживающимъ образомъ о жизни въ полярныхъ областяхъ и старался поколебать мою увѣренность въ возможности

Digitized by Google

предотвратить заболѣванія цынгой. Онъ былъ того мнѣнія, что цынга неизбѣжна, и ни одной экспедиціи до сихъ поръ не удавалось обойтись безъ нея, хотя эту болѣзнь и называли подчасъ другимъ именемъ. Къ счастью, я имѣю возможность утверждать теперь, что этотъ взглядъ не вѣренъ, и мнѣ было бы очень любопытно знать, не перемѣнили бы свои взгляды оба путешественника, если бы они тутъ были вмѣстѣ съ нами.

Что меня самого касается, то я могу удостовѣрить, что арктическая ночь не имѣла на меня ни старящаго, ни ослабляющаго вліянія, наоборотъ, я даже какъ будто помолодѣлъ. Эта спокойная, правильная жизнь мнѣ очень полезна, и я не могу припомнить, чтобы я когда либо чувствовалъ себя такимъ здоровымъ, какъ теперь. Я такъ расхожусь во взглядахъ съ извѣстными авторитетами, что даже готовъ рекомендовать полярныя области, какъ превосходный, санаторій для страдающихъ нервностью и общею слабостью. И это вполнѣ искренно.

Я почти стыжусь той жизни, которую мы ведемъ здѣсь. Никакихъ страданій, описываемыхъ такими мрачными красками, сопряженныхъ съ долгою зимнею ночью и считающихся неизбѣжною принадлежностью каждой арктической экспедиціи. Намъ рѣшительно нечего будетъ описывать въ этомъ отношеніи, когда мы вернемся домой.

То, что я сказалъ о себѣ, я хочу сказать и о своихъ товарищахъ: они всѣ выглядятъ здоровыми и хорошо питающимися людьми и чувствуютъ себя прекрасно, ни у кого не видно традиціонной блѣдности и впалыхъ щекъ, ни у кого не замѣтно угнетеннаго настроенія. Довольно было бы слышать смѣхъ, раздающійся въ салонѣ, и видѣть игру въ засаленныя карты, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Да и откуда взялась бы болѣзнь? Прекрасная пища въ изобиліи и настолько разнообразная, что даже самые разборчивые люди не могли бы жаловаться; хорошее жилище, одежда, вентиляція, движеніе на свѣжемъ воздухѣ, никакой непосильной работы, поучительное и занимательное чтеніе всякаго рода, развлеченія, игры въ карты, въ шахматы, музыка, разсказы—кто же могъ бы хворать при такихъ условіяхъ? Мнѣ приходится то тутъ, то тамъ слышать замѣчанія, указывающія на полное довольство нашею жизнью. Право же тайна заключается лишь въ разумной подготовкѣ всего и главнымъ образомъ пищи. По моему мнѣнію, особенно хорошее дѣйствіе оказываетъ на насъ то обстоятельство, что мы всѣ вмѣстѣ живемъ въ салонѣ, гдѣ все у насъ общее; сколько мнѣ извѣстно, такой опытъ дѣлается въ первый разъ, но его надо очень рекомендовать. Нѣкоторые жалуются, какъ я слышалъ, на безсонницу, которая всѣми разсматривается, какъ неизбѣжное послѣдствіе арктической тьмы. Что меня касается, то мнѣ еще ни разу не пришлось испытать ее, я сплю ночью превосходно. Я не очень то вѣрю въ такую безсонницу, но тѣмъ не менѣе не позволяю себѣ прикурить послѣ

Digitized by Google

обѣда, ни на самый короткій моментъ, хотя большинство другихъ и позволяютъ себѣ это. Если отдыхать днемъ нѣсколько часовъ, то, конечно, нельзя расчитывать на хорошій сонъ ночью. «Часть своего времени непремѣнно надо бодрствовать», говоритъ Свердрупъ.

Воскресенье, 31 декабря. Наступилъ послѣдній день года. Это былъ длинный годъ, который принесъ съ собою много и хорошаго и дурного. Начался онъ съ хорошаго, подаривъ мнѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ такое новое рѣдкое счастье, что я даже боялся вѣрить ему. Но какъ тяжело, невыразимо тяжело было разставаніе; ни одинъ годъ не причинилъ мнѣ столько страданій! И съ той поры вся жизнь моя была наполнена однимъ страстнымъ стремленіемъ.

Но есть нѣчто худшее, нежели страстное стремленіе. Пока существуетъ это стремленіе, подъ его покровомъ преуспѣваетъ все прекрасное, но все исчезнетъ, какъ только мы перестаемъ желать!

Наконецъ-то ты миновалъ, старый годъ! Ты не такъ далеко провелъ насъ, какъ бы долженъ былъ, но во всякомъ случаѣ могло быть хуже, такъ что все-таки ты былъ не такъ ужъ плохъ. Развѣ всѣ наши разсчеты и ожиданія не оправдались и развѣ теперь насъ не уноситъ именно туда, куда я желалъ и надѣялся? Только одно вышло не такъ: я не думалъ, что теченіе идетъ такими зигзагами.

Лучшаго кануна новаго года не могло быть. Сѣверное сіяніе переливается чудными красками и полосами свѣта по всему небу, въ сѣверной его части. Тысячи звѣздъ сверкаютъ между сѣвернымъ сіяніемъ на голубомъ сводѣ небесъ. Во всѣ стороны тянется безконечная и безмолвная ледяная пустыня, объятая сумракомъ ночи. Покрытый инеемъ, такелажъ Fram темнѣетъ на сверкающихъ небесахъ.

Наша газета ко дню Новаго года заключаетъ въ себѣ только стихотворенія, которыя и были прочитаны во всеслышаніе.

Вечеромъ мы угощались ананасомъ, фигами, пирожнымъ и конфектами; въ полночь Гансенъ принесъ грогъ, а Нордаль сигары и папиросы.

Въ тотъ моментъ, когда оканчивался старый годъ, я долженъ былъ встать и сказать нѣсколько словъ о томъ, что старый годъ, не смотря ни на что, все-таки былъ хорошимъ годомъ, и о надеждѣ, что Новый годъ не будетъ хуже; затѣмъ я благодарилъ за доброе товарищество и высказалъ увѣренность, что наше сожительство и въ будущемъ году пройдетъ такъ же хорошо и пріятно, какъ и въ прошломъ. Потомъ мы пѣли пѣсни, тѣ самыя, которыми насъ провожали въ Христіаніи и Бергенѣ. Я прочелъ послѣднее привѣтствіе, полученное нами въ Тромсё, телеграмму въ стихахъ отъ Мольтке Мое, затѣмъ были прочтены еще нѣсколько стиховъ и пропѣты нѣсколько пѣсенъ, между прочимъ, и тѣ, которыя были напечатаны у насъ въ «Framsjaa».

Пожалуй, можно удивляться, что мы привѣтствовали наступленіе

Digitized by Google

Новаго года, когда онъ еще не наступилъ у насъ на родинѣ, гдѣ онъ начнется не раньше, какъ черезъ восемь часовъ. Теперь около четырехъ часовъ утра. Я хотѣлъ досидѣть до тѣхъ поръ, пока и въ Норвегіи не наступитъ Новый годъ. Но нѣтъ, лучше пойду спать и пусть мнѣ приснится, что я дома.

Понедѣльникъ, 1-го января 1894 г. Меня разбудилъ веселый голосъ Юэлля, явившагося пожелать мнѣ счастья на новый годъ и принесшаго мнѣ въ постель чашку кофе, великолѣпнаго мокка,—рождественскій подарокъ невѣсты Іогансена.

Прекрасная, ясная погода при температурѣ 38° ниже нуля. Мнѣ почти кажется, что заря на южномъ горизонтѣ начинаетъ увеличиваться; верхній край ея возвышается сегодня надъ горизонтомъ на 14°.

Въ шесть часовъ у насъ былъ слѣдующій обѣдъ:

1) Супъ изъ томатъ.

2) Треcковая икра съ растопленнымъ масломъ и картофелемъ.

3) Оленье жаркое съ зеленымъ горошкомъ, картофелемъ и вареньемъ изъ клюквы.

4) Морошка съ молокомъ, пиво.

Не знаю, можетъ ли такое меню вызвать представленіе о большихъ страданіяхъ и лишеніяхъ!

Я лежу въ своей койкѣ, читаю, пишу и мечтаю. Странное чувство испытываешь, вписывая въ первый разъ число новаго года, такъ какъ только тогда начинаешь вполнѣ постигать значеніе того факта, что старый годъ уже принадлежитъ прошлому и что новый годъ стоитъ тутъ и надо быть готовымъ пережить его. Кто знаетъ, что онъ несетъ съ собою? Хорошее и дурное, безъ сомнѣнія, но больше—хорошаго. Это послѣднее заключается въ томъ, что мы идемъ на встрѣчу къ нашей цѣли и къ возвращенію на родину.

Да, приведи насъ, если не къ нашей цѣли—это было бы слишкомъ рано, то по крайней мѣрѣ по направленію къ ней; укрѣпи наши надежды, но быть можетъ... нѣтъ! не должно быть никакихъ «быть можетъ»!

Мои мужественные молодцы заслуживаютъ успѣха. Они не испытываютъ никакихъ сомнѣній, каждый изъ нихъ вложилъ всю свою душу въ наше предпріятіе; я читаю это на ихъ лицахъ, въ блескѣ ихъ глазъ. Каждый разъ, когда мы узнаемъ, что насъ тащитъ къ югу, раздается общій вздохъ разочарованія, но онъ смѣняется вздохомъ облегченія, когда насъ снова начинаетъ тащить къ сѣверу на встрѣчу неизвѣстному. Всѣ они вѣрятъ въ меня и въ мои теоріи.

Что же, если я заблуждаюсь и ихъ ввожу въ заблужденіе? О, я ничего тутъ не могъ сдѣлать. Мы служимъ лишь орудіемъ для силъ, которыя нами управляютъ; мы рождаемся подъ счастливою или несчастною звѣздой. До сихъ поръ я жилъ подъ счастливою звѣздою,

Digitized by Google

развѣ же теперь ея свѣтъ долженъ померкнуть? Я не суевѣренъ, но я вѣрю въ свою звѣзду.

Ну, а Норвегія, наша родина? Что принесъ тебѣ старый годъ и что принесетъ новый? Безцѣльно думать объ этомъ; но когда я смотрю на наши картины — подарки Верешшильда, Мюнта, Китти Киландъ, Скредсвига, Ганштина, Эйнифа Петерсена, то чувствую себя дома, дома!

Среда, 3 января. Старая расщелина въ 400 метрахъ впереди Fram опять раскрылась; во льду образовалась большая трещина, покрытая льдомъ и инеемъ.

Какъ только образуется при такой температурѣ ледъ, то на верхней его поверхности осаждается соль, которая замерзаетъ красивыми цвѣточками, похожими на иней. Температура между 39° и 40° С. ниже нуля, но если къ этому присоединить еще рѣзкій вѣтеръ, скорость котораго равняется 3—5 метрамъ въ секунду, то приходится сознаться, что «въ тѣни-таки довольно прохладно!».

Мы съ Свердрупомъ пришли сегодня къ одинаковому заключенію, что лучше было бы, еслибъ рождественскіе праздники, наконецъ, прекратились, и мы снова вернулись бы къ своему обычному образу жизни; слишкомъ продолжительная бездѣятельность намъ вредна. Жизнь, которую мы ведемъ, нельзя назвать ни очень трудовой, ни очень тяжелой, но она имѣетъ то преимущество, что мы всѣ ею довольны.

Люди еще работаютъ въ машинѣ, но надѣются покончить работу съ котломъ въ нѣсколько дней, и тогда все уже будетъ готово. Послѣ этого надо будетъ установить въ трюмѣ токарный станокъ и изготовить для него инструменты. Кузнецу Ларсу частенько, таки приходится работать, и кузнечный горнъ пылаетъ впереди у бака, бросая свой красный свѣтъ на покрытый инеемъ такелажъ и даже выше, прямо въ звѣздное небо, а также освѣщая ледяную пустыню. Далеко, среди ночной тишины, разносятся удары молота по наковальнѣ. Когда прогуливаешься одинъ и эти хорошо знакомые звуки достигаютъ ушей, то невольно припоминаются разныя сцены, совершенно иного характера. Стоя здѣсь и наблюдая за судномъ, можно замѣтить появленіе свѣта на палубѣ, медленно пробирающагося вверхъ по вантамъ: это Іогансенъ отправляется въ бочку посмотрѣть температуру.

Блессингъ въ настоящее время опять занятъ счетомъ красныхъ кровяныхъ шариковъ и опредѣленіемъ количества гемоглобина въ крови. Для этой цѣли онъ ежемѣсячно у каждаго изъ насъ извлекаетъ кровь, такое кровожадное созданіе! И онъ даже похваляется этимъ, не смотря на всѣ протесты противъ вивисекціи.

Скоттъ Гансенъ вмѣстѣ со своимъ ассистентомъ производитъ наблюденія; метеорологическими записями, которыя отмѣчаются черезъ каждые четыре часа, завѣдуетъ главнымъ образомъ Іогансенъ. Прежде всего онъ осматриваетъ на палубѣ термометръ, ги-

Digitized by Google

грометръ и термографъ—позднѣе все это было установлено на льду,—а затѣмъ осматриваетъ барометръ, барографъ, термометръ, находящіеся въ салонѣ, и минимальный и максимальный термометры въ бочкѣ, служащіе для показанія температуръ въ болѣе высокихъ слояхъ атмосферы; сдѣлавъ все это, онъ изслѣдуетъ термометръ, находящійся на льду и измѣряющій лучеиспусканіе верхнихъ слоевъ льда. Иногда послѣ этого онъ отправляется еще въ трюмъ, чтобъ посмотрѣть, какова тамъ температура.

Астрономическія наблюденія производятся каждые два дня, чтобы опредѣлить наше положеніе и всегда знать съ точностью, какіе успѣхи мы сдѣлали, двигаясь на подобіе раковъ. Производить эти наблюденія при температурѣ въ 30°—40° ниже нуля—сомнительное удовольствіе! Стоать одному и работать надъ инструментами, поворачивая винты голыми пальцами, не очень-то пріятно. Очень часто Гансену приходится прятать руки и бѣгать по палубѣ взадъ и впередъ, громко стуча ногами. Если же онъ, послѣ выполненія подобнаго негритянскаго танца надъ нашими головами, отъ котораго содрогается все судно, снова появляется внизу, то его встрѣчаютъ обыкновенно громкимъ смѣхомъ и самымъ невиннымъ образомъ спрашиваютъ: было ли ему холодно на палубѣ.

— Ничуть,—отвѣчаетъ обыкновенно Гансенъ,—совсѣмъ мягкая температура.

— Развѣ же ноги у васъ не озябли?

— Нѣтъ, я не могу этого сказать, хотя пальцы по временамъ какъ будто немного коченѣютъ.

У него, однако, были отморожены два пальца, но онъ все-таки ни за что не хотѣлъ надѣвать одежду изъ волчьяго мѣха, приготовленную для метеорологовъ.

— Температура еще слишкомъ мягка для подобнаго одѣянія,—говоритъ онъ.—Нехорошо такъ себя нѣжить.

Термометръ показывалъ, кажется, 40° С. ниже нуля, когда Гансенъ, однажды утромъ, отправился въ одной рубашкѣ и кальсонахъ на палубу, чтобы произвести наблюденія. Онъ утверждалъ потомъ, что у него не было времени надѣть платье.

Въ опредѣленное время Скоттъ Гансенъ и Іогансенъ производятъ на льду магнитныя наблюденія. Я смотрю на нихъ, какъ они тамъ стоятъ съ фонарями и нагибаются, чтобъ посмотрѣть на свои инструменты. Вслѣдъ затѣмъ я вижу, какъ они вбѣгаютъ на льдину и начинаютъ размахивать руками, точно вѣтряная мельница своими крыльями, со скоростью 10—12 метровъ, а вѣдь все-таки они увѣряютъ, что имъ было «вовсе не холодно!».

Я не могу не думать о томъ, что я прочелъ въ отчетахъ о нѣкоторыхъ изъ прежнихъ экспедицій, т. е. что при такихъ низкихъ температурахъ производить наблюденія невозможно. Повидимому, надо было бы что-нибудь еще худшее, чтобы наши люди прекратили свою дѣятельность. Въ промежутокъ между наблюденіями

Digitized by Google

я слышу какое-то бормотаніе въ каютѣ Гансена; это значитъ, что принципалъ преподаетъ уроки астрономіи и мореходства своимъ ассистентамъ.

Просто ужасно, какъ много теперь играютъ въ карты въ салонѣ! Бѣсъ картежничества, повидимому, овладѣлъ всѣми нами и даже нашъ примѣрный Свердрупъ поддался ему. Наши картежники проигрались чуть-ли не до рубашки и въ буквальномъ смыслѣ этого слова остались безъ хлѣба, такъ какъ двое изъ нихъ на цѣлый мѣсяцъ лишились свѣжаго хлѣба, проигравъ свои порціи своимъ противникамъ. Но не смотря на это, картежная игра все-таки служитъ здоровымъ и безвреднымъ развлеченіемъ, давая постоянно поводъ къ смѣху, шуткамъ и веселью.

Одна ирландская поговорка гласитъ: «Будь счастливъ; если не можешь быть счастливъ—будь беззаботенъ; если не можешь быть вполнѣ беззаботнымъ—будь, по крайней мѣрѣ, беззаботенъ настолько насколько это возможно». Хорошая философія, которая... но нѣтъ, на что намъ поговорки, когда жизнь на самомъ дѣлѣ протекаетъ счастливо!

Амундзенъ совершенно искренно сказалъ вчера: «Да, развѣ я не правду говорю? Мы самые счастливые люди на землѣ, такъ какъ можемъ жить здѣсь безъ всякихъ заботъ, получать все, не утруждая себя нисколько». Гансенъ вполнѣ раздѣлялъ его взглядъ. Также высказался недавно и Юэль,—ему нравится всего больше, что здѣсь нѣтъ никакихъ повѣстокъ въ судъ, никакихъ кредиторовъ и счетовъ.

А я? Я тоже счастливъ. Это такая привольная жизнь; ничто не тяготѣетъ надо мною, никакихъ писемъ, никакихъ газетъ, ничто не смущаетъ меня; настоящее монастырское существованіе, о которомъ я такъ мечталъ въ свои юные годы, когда жаждалъ покоя, чтобы предаться своимъ научнымъ занятіямъ. Страстное стремленіе, какъ бы оно ни было сильно и даже печально, само по себѣ не составляетъ несчастья. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ не имѣетъ права не считать себя счастливымъ, если судьба даетъ ему возможность преслѣдовать свой идеалъ, освободивъ его отъ утомительнаго бремени заботъ ежедневной жизни, чтобы онъ могъ безпрепятственно обращать свои взоры къ своей высокой цѣли.

«Гдѣ есть трудъ, тамъ не можетъ не быть успѣха»—сказалъ одинъ нашъ пѣвецъ труда. Я тружусь, насколько имѣю силъ, и надѣюсь, что успѣхъ посѣтитъ меня въ скоромъ времени. Я лежу на софѣ, читаю о неудачахъ Кана, пью пиво, курю папиросы и долженъ сознаться, что тоже поддаюсь пороку, который я такъ осуждаю, но плоть такъ немощна. Я пускаю клубы дыма въ воздухъ и предаюсь пріятнымъ мечтамъ. Это дѣйствительно тяжелый трудъ, но я долженъ же выполнить его, какъ могу.

Четвергъ, 4-го января. Заря какъ будто становится ярче, но быть можетъ это лишь такъ кажется. Не смотря на то, что насъ

Digitized by Google

опять тащить къ югу, я всетаки въ хорошемъ настроеніи. Чтожъ изъ этого? Быть можетъ, наука и отъ этого много выиграетъ, а мое желаніе непремѣнно достигнуть полюса есть лишь дѣло тщеславія.

Я теперь очень хорошо могу представить себѣ, какъ должно быть тамъ, на полюсѣ. (каковъ! скажетъ читатель). Глубокое море здѣсь соединяется съ глубинами Атлантическаго океана,—въ этомъ сомнѣнія не можетъ быть. Но развѣ все не такъ произошло, какъ я разсчиталъ, и какъ должно было бы быть, если бы намъ благопріятствовалъ вѣтеръ? Развѣ до насъ многимъ не приходилось ждать благопріятнаго вѣтра? что же касается тщеславія, то вѣдь это болѣзнь дѣтства, которую я давно уже преодолѣлъ.

Всѣ мои разсчеты, за исключеніемъ одного, оказались вѣрными. Мы совершили свой путь вдоль береговъ Азіи, гдѣ, какъ многіе намъ предсказывали, мы должны были наткнуться на большія затрудненія. Мы могли пройти на сѣверъ далѣе, чѣмъ я даже осмѣливался надѣяться и какъ разъ по тому меридіану, по которому я желалъ. Мы застряли во льду также, какъ я хотѣлъ. Fram выдержалъ превосходнымъ образомъ напоры льда и поднимается давленіемъ льда вверхъ, не издавъ ни малѣйшаго треска, не смотря на свой тяжелый грузъ угля и бо́льшую глубину осадки, чѣмъ мы разсчитывали. Наиболѣе же опытные въ этихъ вещахъ люди предсказывали намъ вѣрную гибель. Ледъ оказался нисколько не выше и не тяжелѣе, чѣмъ я ожидалъ, а удобства помѣщенія, теплота и хорошая вентиляція далеко превзошли мои ожиданія. Мы ни въ чемъ не чувствуемъ недостатка и питаемся превосходно. По заключенію Блессинга, съ которымъ я вполнѣ согласенъ, мы ѣдимъ нисколько не хуже, чѣмъ дома, и въ этомъ отношеніи намъ ничего не остается желать. У насъ не потекутъ слюньки даже при мысли о филе Шатобріанъ или свиной котлетѣ съ шампиніонами и бутылкѣ бургонскаго вина,—вѣдь мы къ такимъ вещамъ вовсе не стремимся. Приготовленія къ этой экспедиціи заняли у меня много драгоцѣнныхъ лѣтъ моей жизни, но теперь я объ этомъ не жалѣю: моя цѣль достигнута. Наша зимовка на плавучемъ льдѣ не только во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ зимовки прежнихъ экспедицій, но такова, какъ будто мы захватили сюда съ собою кусочекъ Норвегіи изъ Европы. Всѣ вмѣстѣ, въ одной каютѣ, гдѣ все у насъ общее, мы представляемъ маленькую частицу родины и съ каждымъ днемъ сближаемся тѣснѣе и крѣпче другъ съ другомъ.

Только въ одномъ пунктѣ мои разсчеты оказались невѣрными, и къ сожалѣнію, въ одномъ изъ самыхъ важныхъ.

Я предполагалъ мелкое полярное море, такъ какъ наибольшая извѣстная глубина въ этихъ областяхъ, найденная «Жаннетой», не превышала 150 метровъ, и я расчитывалъ поэтому, что всѣ теченія въ мелкомъ полярномъ морѣ должны оказывать сильное вліяніе, и что теченіе, образуемое на азіятской сторонѣ сибирскими рѣками,

Digitized by Google

будетъ достаточно сильно для того, чтобы увлечь ледъ къ сѣверу на порядочное разстояніе. Но я уже здѣсь нахожу такую глубину, которую мы не въ состояніи измѣрить всѣмъ нашимъ лотомъ—глубину 1800 метровъ навѣрное, а быть можетъ и вдвое больше. Это обстоятельство тотчасъ же уничтожило мою прежнюю вѣру въ дѣйствіе теченія. Мы встрѣчаемъ либо очень слабое теченіе, либо никакого и полагаемъ свою единственную надежду только на вѣтеръ. Колумбъ открылъ Америку, благодаря невѣрному разсчету, въ которомъ онъ самъ даже былъ неповиненъ. Богъ вѣсть, куда насъ заведетъ мой ошибочный разсчетъ. Я повторяю только, что плавучій сибирскій лѣсъ, найденный у береговъ Гренландіи, обманывать не можетъ, и мы должны пойти по тому же самому пути, по которому онъ прошелъ.

Понедѣльникъ, 8-го января. Маленькой Лифъ сегодня минулъ годъ; дома будетъ праздникъ. Когда я послѣ обѣда лежалъ на софѣ и читалъ, Педеръ вдругъ высунулъ голову въ двери и позвалъ меня на верхъ, чтобы посмотрѣть на удивительную звѣзду, которая только что показалась надъ горизонтомъ и сіяетъ, точно огонь какого нибудь маяка.

Я почти испугался, взойдя на палубу и увидѣвъ на югѣ, какъ разъ надъ самымъ краемъ льда яркій красный свѣтъ, сверкающій точно пламя и мѣняющій свою окраску; казалось, будто кто нибудь идетъ по льду съ фонаремъ въ рукахъ. Я забылъ на моментъ всю свою обстановку на столько, что у меня мелькнула даже мысль: не двигается ли кто-нибудь съ юга сюда. Это была Венера, которую мы въ первый разъ увидѣли сегодня, такъ какъ до сихъ поръ она находилась за горизонтомъ. Она была удивительно красива, сіяя пурпуровымъ свѣтомъ. Удивительно, что это случилось именно сегодня! Пусть это будетъ звѣзда моей Лифъ, также какъ Юпитеръ у насъ считается звѣздою родины. Рожденіе Лифъ—счастливый для насъ день. Мы снова двигаемся на сѣверъ! Согласно нашимъ вычисленіямъ мы навѣрное находимся сѣвернѣе 79°. Въ день моей свадьбы, 6-го сентября, началъ дуть благопріятный вѣтеръ, который повелъ насъ вдоль азіятскаго берега; быть можетъ, рожденіе Лифъ также принесетъ намъ счастье, и благопріятное теченіе понесетъ насъ дѣйствительно къ сѣверу.

Пятница, 12-го января. Около десяти часовъ утра ощущалось давленіе льда въ расщелинѣ, въ которой находится наше судно, но я все же не замѣтилъ никакого движенія, когда нѣсколько позднѣе прошелъ вдоль расщелины къ сѣверу на нѣкоторое разстояніе. При температурѣ—40°C. и вѣтрѣ, дующемъ прямо въ лицо со скоростью пяти метровъ, холодъ довольно ощутителенъ.

Подъ звѣздою Лифъ мы быстро двигаемся къ сѣверу. Вообще для меня вовсе не безразлично, двигаемся ли мы на сѣверъ или на югъ. Направляется теченіе къ сѣверу—и я ощущаю въ себѣ приливъ новыхъ силъ, новой надежды, вѣчно юной и зеленѣющей

Digitized by Google

изъ подъ зимняго снѣга. Передо мною лежитъ открытая дорога и вдали—возвращеніе домой. Но это слишкомъ большое счастье, чтобы можно было вполнѣ вѣрить въ него.

Воскресенье, 14-го января. Опять воскресенье. Время протекаетъ довольно быстро и съ каждымъ днемъ становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Сегодня во время подсчитыванія вчерашнихъ наблюденій мы сильно волновались. Всѣ предполагали, что мы прошли довольно большое разстояніе къ сѣверу; нѣкоторые думали, что мы достигли 79° 18′ или 20′, другіе утверждали даже, что мы находимся подъ 80°. По разсчету мы находимся теперь подъ 79° 19′ сѣв. широты и 137° 31′ восточной долготы,—хорошій шагъ впередъ.

Вчера ледъ былъ спокоенъ, но сегодня утромъ снова произошло значительное давленіе въ различныхъ мѣстахъ. Богъ вѣсть, чѣмъ вызвано это давленіе теперь, когда прошла цѣлая недѣля послѣ новолунія. Я предпринялъ далекую прогулку на юго-западъ и попалъ какъ разъ въ середину напора.

Сдвиганіе льда началось какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, и со всѣхъ сторонъ сопровождалось оглушительнымъ грохотомъ. Я вскочилъ и побѣжалъ какъ заяцъ, точно никогда еще ничего подобнаго не слыхалъ. Но это было такъ неожиданно. Ледъ къ югу былъ замѣчательно плоскій, и чѣмъ я дальше шелъ, тѣмъ онъ болѣе уплощался, и поверхность его была очень удобна для ѣздки въ саняхъ. На такомъ льду можно было бы ежедневно проѣзжать много миль.

Понедѣльникъ, 15-го января. Утромъ и въ полдень ощущался впереди судна напоръ льдовъ, но самый сильный грохотъ раздавался въ сѣверной сторонѣ. Свердрупъ, Могштадъ и Педеръ отправились по этому направленію, но должны были вернуться по причинѣ открытой большой канавы. Позднѣе мы съ Педеромъ прошли далѣе на сѣверо-востокъ мимо большой полыньи, по краямъ которой я прогуливался уже на Рождествѣ. Ледъ былъ блестящій и плоскій, представляя прекрасный санный путь, и становился тѣмъ лучше, чѣмъ дальше мы подвигались на сѣверъ.

Чѣмъ больше я здѣсь рыскаю кругомъ и осматриваю ледъ по всѣмъ направленіямъ, тѣмъ болѣе укрѣпляется во мнѣ одинъ планъ, съ которымъ я давно уже ношусь въ мысляхъ. Съ собаками и въ саняхъ возможно было бы по такому льду достигнуть полюса, бросивъ судно и предпринявъ обратный путь въ направленіи земли Франца-Іосифа, Шпицбергена и западнаго берега Гренландіи. Людямъ можно было бы представить эту поѣздку, какъ легкую экспедицію.

Но было бы черезчуръ поспѣшно отправляться весной. Прежде всего, мы должны посмотрѣть, какое теченіе принесетъ намъ лѣто. Но когда я думаю объ этомъ, то у меня являются сомнѣнія: правильно-ли я поступлю, если покину свое судно? Подумать только,

Digitized by Google

что это будетъ такое, если я вернусь домой, а судно не вернется!

Но я вѣдь отправился, чтобы изслѣдовать неизвѣстныя полярныя области; на это именно норвежцы и пожертвовали свои деньги, и, конечно, мой долгъ прежде всего сдѣлать все, что я могу. Я долженъ подвергнуть теченіе еще одному болѣе продолжительному испытанію и только тогда, когда насъ потащитъ въ противоположномъ направленіи, мнѣ не останется ничего другого, какъ испробовать мой планъ, а тамъ будь что будетъ!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

* * *

Помнишь, внизу, разбиваясь о скалы,
Плакали волны и глухо рыдали,
Злая тоска въ этомъ шумѣ звучала,
Столько въ немъ было глубокой печали.
Стонъ непонятный и ропотъ далекій
Часто твой слухъ въ сновидѣньяхъ смущаютъ...
Спи! не тревожься: то ночью глубокой
Дикія скалы волнамъ отвѣчаютъ.

Allegro.

Digitized by Google

Студенческая молодежь въ Америкѣ.

I.

«Скажите мнѣ, какова ваша молодежь, и я вамъ скажу будущее вашей страны»,—такъ, или приблизительно такъ, выразился какой то извѣстный писатель. Это во всякомъ случаѣ вѣрно, поскольку будущее народа зависитъ отъ молодого поколѣнія, готовящагося вступить на арену общественной жизни; и такъ какъ почти нигдѣ въ мірѣ народъ не является такимъ полнымъ вершителемъ своихъ судебъ, какъ въ Америкѣ, то надо ожидать, что и вліяніе подростающаго поколѣнія на ходъ событій здѣсь должно будетъ выразиться болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Съ этой точки зрѣнія характеръ молодого поколѣнія вообще, и взгляды и интересы учащейся молодежи въ особенности имѣютъ для насъ большой интересъ. Американское студенчество представляетъ еще особый интересъ потому, что, насколько мнѣ извѣстно, ему никогда еще не было удѣлено вниманія на страницахъ русской печати среди многочисленныхъ статей объ Америкѣ и ея обитателяхъ.

«Тотъ широко-распространяющійся и все болѣе увеличивающійся за послѣдніе годы интересъ къ физическимъ упражненіямъ, то сильное возбужденіе, которое они вызываютъ среди участниковъ, энтузіазмъ, съ которымъ люди бѣгутъ къ мѣстамъ состязаній по всевозможнымъ отдѣламъ атлетическаго спорта, наконецъ то видное мѣсто, которое удѣляется прессой предметамъ въ родѣ состязанія гребцовъ, игры въ мячъ и т. п., заставляютъ не одного, трезвосмотрящаго на дѣло человѣка призадуматься надъ этой новой фазой въ развитіи нашего національнаго характера и задать себѣ вопросъ—является-ли все это симптомомъ нормальнаго развитія любви къ упражненіямъ на свѣжемъ воздухѣ и преклоненія предъ здоровьемъ и силой—что указывало бы на похвальное желаніе подвинуть впередъ дѣло физическаго воспитанія, или же все это лишь новый поворотъ въ модѣ дня, съ которымъ люди стали привѣтствовать обладаніе грубой силой и осыпать атлета-побѣдителя похвалами, по своей сентиментальности и отвратительности не уступающими тѣмъ, которыя расточались проворнымъ, дюжимъ гладіаторамъ Имперіи

Digitized by Google

римскими матронами?» Такъ писалъ одинъ американскій воспитатель въ журналѣ «New Englander» въ 1876 году.

Съ тѣхъ поръ прошло больше 20 лѣтъ, молодое поколѣніе, о которомъ онъ говоритъ, давно уже оставило игрушечную гладіаторскую арену, чтобы вступить въ тотъ серьезный жизненный бой, безъ котораго не обходится нашъ вѣкъ, и читатель, который слѣдитъ за появляющимися время отъ времени въ русскихъ журналахъ статьями объ общественной жизни въ Америкѣ, самъ можетъ судить какъ далеко ушло американское общество въ сферѣ духовнаго развитія.

— Но вѣдь вы обѣщали говорить о студентахъ, а вмѣсто этого толкуете о какихъ-то игрокахъ въ мячъ, гребцахъ и т. п.,—прерываетъ меня читатель.

Въ томъ то и суть, что всѣ эти герои игры и есть ни кто иное, какъ студенты. Слова, сказанныя слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, еще съ большей силой могутъ быть повторены по адресу современной молодежи, съ той только разницей, что тамъ авторъ говоритъ о «широко-распространяющейся и все болѣе увеличивающейся» тенденціи, между тѣмъ, какъ теперь объ этомъ слѣдуетъ говорить какъ о прочно установившейся и вошедшей въ плоть и кровь американца чертѣ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что высокое или низкое развитіе игры въ мячъ являются однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ при оцѣнкѣ студентомъ какого-либо университета.

Я помню, какъ года 2—3 тому назадъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ технологическаго института въ Чикаго, тогда лишь недавно открывшагося, сказалъ собравшійся возлѣ него кучкѣ студентовъ: «Вотъ что господа: намъ нужно постараться прежде всего организовать хорошій кружокъ «мяче-лягателей» (foot-ball team); вы вѣдь сами знаете, что нельзя ожидать, чтобы къ намъ стали поступать студенты изъ другихъ городовъ, пока у насъ нѣтъ порядочныхъ игроковъ въ мячъ!» Это было сказано съ такимъ серьезнымъ и убѣдительнымъ тономъ и выслушано съ такимъ вниманіемъ и одобрительными кивками, краснорѣчивѣе словъ выражавшими полное согласіе слушателей съ уважаемымъ профессоромъ, что мнѣ, русскому варвару (всѣ вѣдь русскіе —варвары), пришлось внутренно устыдиться своей неспособности проникнуться тѣмъ же воодушевленіемъ, которое охватило моихъ цивилизованныхъ товарищей-студентовъ.

Подойдите къ кучкѣ студентовъ, оживленно спорящихъ о чемъ то; прислушайтесь къ ихъ разговору: въ 99 случаяхъ изъ ста окажется, что у нихъ идетъ споръ о качествахъ того или иного игрока въ ихъ же кружкѣ, или о сравнительныхъ достоинствахъ двухъ кружковъ, являющихся представителями двухъ университетовъ, или же наконецъ о физическомъ превосходствѣ двухъ кулачныхъ бойцовъ, состязавшихся или собирающихся состязаться предъ многочисленной публикой. Вы наберетесь здѣсь такихъ свѣдѣній и поз-

Digitized by Google

наній, которыхъ въ жизнь не встрѣтишь, хоть бы объѣхать всѣ университеты Европы. Тутъ тщательно перебирается и строго оцѣнивается каждая черта, каждый мускулъ занимающаго нашъ кружокъ героя.

Объемъ и упругость его мускуловъ, ширина груди, вѣсъ, легкость поступи, возрастъ—все это одно за другимъ останавливаетъ на себѣ вниманіе судей и оцѣнивается по достоинству. Если герой—кулачный боецъ, то принимается также во вниманіе его способность наносить и принимать удары, при чемъ перечисляются и взвѣшиваются его особые пріемы, какъ, напр., ударяетъ-ли онъ противника въ животъ или въ лицо, попадаетъ ли онъ постоянно въ то же мѣсто или бьетъ куда попало. Одному кажется, что боецъ, знающій какъ раскровавить своему противнику физію рядомъ вѣскихъ, хорошо разсчитанныхъ ударовъ и въ то же время умѣющій защитить свою собственную отъ покушеній противника, обладаетъ несомнѣнно высокимъ талантомъ,—спора нѣтъ—но все таки, знаете-ли, онъ ничего не стоитъ въ сравненіи съ бойцомъ, который, правда, не такъ ловко защищается, но за то, какъ неподражаемый Фицсиммонсъ, (на дняхъ одержавшій блестящую побѣду въ кулачномъ поединкѣ съ гордостью и славой Америки—Корбетомъ), когда разъ попадетъ, такъ ужъ на мѣстѣ укокошитъ своего врага. Объ ударахъ перваго рода говорятъ, что они не имѣютъ достаточно пару (not enough steam).

Обыкновенный американскій студентъ довольно прилеженъ и относится добросовѣстно къ своимъ занятіямъ; но какъ только онъ сдѣлалъ все, что ему задано *) — онъ отдается своему любимому занятію—спорту. Внѣ этого міръ содержитъ для него мало интереснаго. Спортъ для него приблизительно тоже, что фехтованіе и пиво для нѣмецкаго бурша. При каждомъ университетѣ, даже при каждой гимназіи (high-school) вы найдете массу всевозможныхъ обществъ, одни имена которыхъ указываютъ на ихъ характеръ; тутъ и общество «мяче-лягателей» (foot-ball)—игра, сильно напоминающая описываемую Помяловскимъ бурсацкую игру «въ килу»), и «мяче-бросателей» (base-ball), и гребцовъ (rowing crew); кто изъ студентовъ упражняется въ бѣгахъ (team-track), кто въ прыганіи (high and broad jump), кто въ ѣздѣ на велосипедѣ и т. д. до безконечности. Для каждой изъ этихъ игръ существуетъ нѣсколько обществъ, обыкновенно соотвѣтствующихъ каждому классу или курсу.

Нѣсколько разъ въ годъ общества разныхъ классовъ выступаютъ на поединокъ другъ съ другомъ; весь университетъ принимаетъ въ этомъ самое живое участіе; объ исходѣ игры толкуютъ и спорятъ заранѣе, многіе бьются объ закладъ. Побѣдители становятся героями не только дня, но на долгое время—вплоть до тѣхъ

*) Система задаванія уроковъ здѣсь еще держится во многихъ университетахъ.

Digitized by Google

поръ, пока ихъ кто-либо другой не побьетъ. Послѣ нѣсколькихъ подъ рядъ одержанныхъ побѣдъ они удостоиваются величайшей почести, которую въ силахъ оказать имъ товарищи: они выбираются въ представители университета на слѣдующихъ между-университетскихъ состязаніяхъ. Нѣсколько словъ о послѣднихъ.

Такъ-какъ репутація университета въ очень и очень значительной степени,—можно смѣло сказать—главнымъ образомъ зиждется на славѣ его атлетовъ-студентовъ, и такъ-какъ выдающійся такимъ образомъ университетъ привлекаетъ къ себѣ массу молодежи со всѣхъ концовъ страны, то является естественная конкуренція между ними и соревнованіе между-студентами. Студенчество каждаго университета силится доказать свое превосходство надъ другими въ благородномъ искусствѣ мяче-бросанія, прыганія и подобныхъ вещахъ. Остается поэтому лишь одинъ способъ для установленія истины,—сойтись на бранномъ полѣ и... помѣряться силами. Тутъ русскій варваръ, по своему невѣжеству полагавшій, что рыцарскіе турниры погребены подъ развалинами среднихъ вѣковъ, имѣетъ возможность во-очію убѣдиться въ ложности своихъ историческихъ понятій. Впрочемъ, эти состязанія гораздо вѣрнѣе сравнить съ древне-греческими олимпійскими играми, и, если читатель слѣдилъ за извѣстіями о состоявшихся недавно олимпійскихъ играхъ, возобновленныхъ греческимъ правительствомъ, то ему вѣроятно извѣстно, что представители американскихъ студентовъ одержали тамъ не одну блестящую побѣду въ состязаніяхъ, въ которыхъ они приняли участіе.

Если въ Америкѣ не слыхать о случаяхъ смерти отцовъ отъ радости по поводу успѣха сыновей на полѣ состязанія, какъ то бывало въ древней Греціи, то это лишь потому, что современный янки отличается вообще болѣе холоднымъ темпераментомъ, чѣмъ южанинъ-грекъ; а что касается лавровыхъ вѣнковъ, то ихъ съ успѣхомъ здѣсь замѣняютъ букеты цвѣтовъ, которые преподносятся студентками въ тѣхъ университетахъ, гдѣ таковыя имѣются, или же всякаго рода призами, заранѣе назначающимися для побѣдителя.

Если читатель подумаетъ, что всѣ эти, такъ сказать, національныя состязанія привлекаютъ интересъ однихъ лишь студентовъ, то онъ этимъ еще разъ докажетъ свою русскую наивность. При состязаніяхъ между Yale'скимъ и Harvard'скимъ университетами—двумя наиболѣе выдающимися въ Америкѣ, никогда не присутствуетъ меньше 25—30 тысячъ человѣкъ, съѣзжающихся со всѣхъ штатовъ. О грядущей битвѣ говорится во всѣхъ газетахъ страны за нѣсколько недѣль, а то и мѣсяцевъ впередъ. Подробно описываются и взвѣшиваются достоинства и недостатки той или другой группы вообще и отдѣльныхъ членовъ въ частности. Припоминается исторія побѣдъ и пораженій того и другого университетовъ, посылаются спеціальные корреспонденты для изслѣдованія вопроса, измѣнили-ли, и на сколько, та и другая стороны методъ своей борьбы, и описа-

Digitized by Google

нію этого посвящаются въ газетѣ цѣлыя страницы мелкаго шрифта съ многочисленными иллюстраціями, портретами участниковъ, видами мѣстности сраженія и пр. Кто не можетъ лично присутствовать при этомъ грандіозномъ зрѣлищѣ, принужденъ довольствоваться газетными сообщеніями, которыя, увы, какъ бы ни были полны, никогда не замѣнятъ удовольствія даваемаго личнымъ присутствіемъ при стычкѣ. Правда, за послѣдніе года два прогрессъ науки и изобрѣтеній и тутъ отчасти является на выручку: геніальный соотечественникъ, Эдиссонъ, придумалъ свой кинетоскопъ, благодаря которому американцы теперь могутъ видѣть на экранѣ живое воспроизведеніе достопамятныхъ сценъ...

Но вернемся къ состязанію. Наступаетъ наконецъ роковой день, когда неизбѣжное должно свершиться; 30—50 тысячная толпа, усаженная полуамфитеатромъ подъ открытымъ небомъ предъ колоссальныхъ размѣровъ ареной, ждетъ съ замираніемъ сердца начала... состязанія. Нѣкоторые еще достаточно владѣютъ собою, до того, что въ состояніи шутить и смѣяться. Многіе лишь теперь бьютъ пари, хотя большинство заключило уже свои сдѣлки заранѣе. Серьезнѣе и напряженнѣе всѣхъ выглядятъ личные друзья и поклонники состязателей. На аренѣ молодцы-атлеты; нужно имъ отдать справедливость: рѣдко въ мірѣ вы увидите такой подборъ физически-развитой, дышащей здоровьемъ, силой и отвагой молодежи. Костюмъ ихъ, если то, что они носятъ, можно назвать костюмомъ, нарочно сдѣланъ такъ, чтобъ выставить на показъ ихъ мускулы, грудь и богатырское сложеніе. Онъ состоитъ изъ коротенькихъ, не достигающихъ колѣнъ панталонъ, сдѣланныхъ изъ тонкой матеріи, плотно облегающей тѣло; изъ той же матеріи рубашки безъ рукавовъ, съ широкимъ вырѣзомъ вмѣсто воротника, и, наконецъ, пары туфель, одѣтыхъ на босую ногу. Мускулы, ноги, рукъ, шея и значительная часть груди такимъ образомъ совершенно открыты и даютъ вамъ возможность любоваться прекраснымъ сложеніемъ этихъ студентовъ-силачей.

Наступаетъ наконецъ минута, назначенная для начала состязанія. Раздается сигналъ, обыкновенно въ видѣ выстрѣла изъ револьвера, и битва загорается. Не стану описывать здѣсь подробности состязанія. Этому, во-первыхъ, здѣсь не мѣсто, а во-вторыхъ, не посвященный въ подробности и таинства дѣла читатель врядъ-ли оцѣнилъ бы всѣ тѣ тонкости игры, которыя приводятъ въ такой восторгъ американскую публику и рѣшаютъ исходъ сраженія въ ту или другую сторону.

— Сраженія!—восклицаете вы.

— Да, сраженія—повторяю я. Еслибы вы увидѣли газетныя иллюстраціи, воспроизводящія портреты героевъ дня до и послѣ игры, вы бы подумали, что они возвратились съ театра войны. Обыкновеннымъ исходомъ состязанія въ игру въ мячъ бываютъ разбитыя, искровавленныя лица, подбитые глаза, израненныя руки и ноги, вслѣдствіе чего героевъ часто приходится увозить съ поля брани прямо

Digitized by Google

въ больницу. Разгорячась игрой, участники забываютъ, что это не болѣе, какъ игра; страсти разгораются, успѣхъ во что бы то ни стало становится цѣлью и всѣ средства пускаются въ ходъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, стараются представить дѣло люди, ничего не имѣющіе противъ этихъ состязаній въ принципѣ, и лишь осуждающіе крайнія проявленія жестокости въ игрѣ. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ гораздо хуже. Каждый «порядочный» университетъ, славящійся своими «мячными» героями (да проститъ мнѣ читатель этотъ и другіе русскіе термины, которыми я принужденъ обогатить русскую рѣчь въ честь американскихъ студентовъ!), имѣетъ своихъ учителей, выработавшихъ особую систему игры долгими годами практики. Каждый особый подвохъ, каждый спеціальный пріемъ, когда-либо съ пользой употребленный членами этого университета—никогда не забудется; онъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и свято бережется, какъ тайна университета. Это въ свою очередь ведетъ къ возбужденію чувства ревности и зависти между студентами разныхъ университетовъ и даже къ шпіонству; воспитанники одного университета посылаютъ опытныхъ развѣдчиковъ въ другой, и горе имъ, если ихъ откроютъ на мѣстѣ преступленія! Вотъ почему студентъ, желающій усовершенствоваться въ игрѣ въ мячъ, принужденъ поступить въ этотъ университетъ, иначе ему предстоитъ незавидная перспектива остаться посредственнымъ игрокомъ; Harvard и Yale—два лучшихъ университета Америки, въ то же время отличаются лучшими пріемами игры. Эти пріемы строго охраняются, какъ драгоцѣнная тайна и составляютъ предметъ гордости студентовъ. Вмѣсто чувства братства и солидарности, которое связываетъ студенчество Россіи или любой страны въ Европѣ, здѣсь господствуютъ чувства недовѣрія, замкнутости и ложныя понятія о «патріотизмѣ». Употребленіе слова патріотизмъ по отношенію къ университету можетъ показаться смѣшнымъ всякому, только не американцу, послѣдній ничего смѣшного въ этомъ не находитъ. Американецъ — патріотъ своего отечества, патріотъ своего штата, патріотъ своего университета, патріотъ своего города, патріотъ своей улицы и, наконецъ, патріотъ своего участка. Все это онъ произноситъ не только серьезно, но съ паѳосомъ и возвышеніемъ голоса.

Изъ только что сказаннаго читатель пойметъ, что игра въ мячъ не есть простое развлеченіе; ей нужно предаться серьезно, какъ слѣдуетъ изучить. Это изученіе и подготовленіе отнимаютъ пропасть времени. Что касается приготовленій къ національнымъ (или, какъ ихъ американцы называютъ, между-университетскимъ) состязаніямъ, то они отнимаютъ все время, не оставляя часто ничего для занятій. Избранные счастливцы, на которыхъ товарищи по университету возложили почетную обязанность представителей на великомъ состязаніи, отдаютъ себя въ полное распоряженіе спеціально-нанятыхъ учителей. Отнынѣ они не принадлежатъ ни себѣ, ни своимъ

Digitized by Google

семьямъ. Каждая минута ихъ времени строго распредѣлена. Они должны упражняться подъ руководствомъ своихъ наставниковъ въ извѣстные часы, отдыхать въ извѣстные часы, ѣсть въ извѣстные часы. Объ умственномъ трудѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Ихъ діета строго охраняется: они должны ѣсть только то, что для нихъ готовится поваромъ по предписанію тѣхъ же учителей. Нельзя сказать, чтобъ ихъ морили голодомъ. По описанію газетъ за этотъ мѣсяцъ, дающихъ подробный отчетъ объ идущихъ теперь приготовленіяхъ по всѣмъ университетамъ, кандидаты Harvard'скаго университета уписываютъ, въ среднемъ, каждый по два фунта говядины и 14 яицъ въ день. Только видя этихъ молодцовъ и зная какія изнурительныя упражненія имъ приходится дѣлать каждый день, можно понять, какъ они могутъ проглотить такую массу питательнаго матеріала, не разстраивая себѣ желудка. У читателя можетъ возникнуть вопросъ: если игрокамъ приходится отдавать столько времени на физическія упражненія, какъ они могутъ заниматься науками? Да они вовсе и не занимаются въ это время. Есть молодцы, которые перекочевываютъ изъ университета въ университетъ, съ спеціальной цѣлью изучить въ совершенствѣ всѣ существующіе пріемы игры. Это дѣлается ими отчасти изъ любви къ «искусству», а отчасти изъ соображеній чисто-матеріальнаго свойства. Такой молодецъ будетъ послѣ на-перерывъ приглашаться въ разные университеты для преподаванія своего ремесла, за которое здѣсь платятся громадныя деньги. Такихъ, правда, не много, что же касается студентовъ вообще, то ихъ можно разбить на двѣ группы: 1) играющихъ и 2) интересующихся игрой. Людей, стоящихъ совершенно въ сторонѣ, почти нѣтъ; ихъ перечтешь по пальцамъ при каждомъ университетѣ. Такъ какъ впродолженіи всего года происходятъ безпрестанно состязанія между классами одного и того же учебнаго заведенія и учебными заведеніями того же города, то первая группа постоянно принуждена удѣлять массу времени игрѣ въ ущербъ умственнымъ занятіямъ. Но и вторая группа удѣляетъ не мало времени на игру. Во-первыхъ, долгъ каждаго студента-патріота присутствовать при игрѣ между представителями его университета и ихъ противниками, такъ какъ своимъ присутствіемъ и криками одобренія онъ придаетъ бодрости играющимъ; да притомъ, легко сказать, не пойти на состязаніе! Какъ тутъ прикажете сидѣть дома, когда тамъ рѣшается вопросъ о репутаціи университета? Кромѣ того, члены этой группы и сами отдаютъ не мало времени на гимнастическія упражненія, въ результатѣ чего являются ходатайства о томъ, чтобы задавали поменьше уроковъ, или требовали меньше къ экзаменамъ.

Одно замѣчаніе: я далекъ отъ мысли, что физическія упражненія—вещь ниже достоинства гимназиста или студента. Годы пребыванія заграницей не успѣли еще изгладить изъ памяти прелести русской гимназіи съ ея тяжелымъ режимомъ, такъ подавляюще

Digitized by Google

дѣйствующимъ какъ на умственное, такъ и физическое развитіе молодежи. Американскіе педагоги твердо помнятъ принципъ: Mens sana in corpore sano. Нигдѣ въ мірѣ не дѣлается такъ много для физическаго развитія молодого поколѣнія, какъ въ Америкѣ. Но даже американскіе профессора, наконецъ, забили тревогу. Эта звѣрская жестокость, превращающая мирную игру въ бой гладіаторовъ, этотъ азартъ, разжигающій самыя низкія страсти, наконецъ этотъ неестественно-глубокій интересъ къ спорту, которымъ все болѣе и болѣе проникается американская молодежь въ ущербъ занятіямъ наукой—заставили призадуматься лучшихъ представителей американскихъ воспитателей надъ средствами къ борьбѣ со зломъ. За послѣдніе годы происходило уже нѣсколько съѣздовъ президентовъ выдающихся университетовъ спеціально для обсужденія этого вопроса. Не входя въ описаніе преній, происходившихъ на этихъ съѣздахъ, достаточно указать на этотъ фактъ, какъ на доказательство того, что среди американскихъ воспитателей начинаетъ, наконецъ, расти реакція противъ существовавшей, и отчасти существующей до сихъ поръ системы. Они начинаютъ убѣждаться, что слишкомъ усердное поощреніе спорта съ сопровождающей его системой записыванія именъ отличившихся на бранномъ полѣ студентовъ на золотую доску (какъ то практикуется въ нѣкоторыхъ collège'ахъ), вывѣшиванія портретовъ выдающихся богатырскимъ сложеніемъ студентовъ въ залахъ и библіотекахъ университетовъ, раздачи золотыхъ медалей и другихъ почетныхъ знаковъ отличія,—все это завело слишкомъ далеко и что теперь приходится направить усилія въ противоположную сторону.

Такъ какъ американскій университетъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ отдѣленій: college'а и собственно университета (первый соотвѣтствуетъ высшимъ классамъ гимназіи), то я нарочно просмотрѣлъ нѣсколько десятковъ отчетовъ «сраженій», дающихъ возрастъ каждаго участника. Вы находите тамъ людей всѣхъ возрастовъ отъ 17 до 29 лѣтъ, возрастъ нѣсколько перезрѣлый для гимназиста; преобладающій возрастъ—отъ 21 до 24 лѣтъ, періодъ полнаго расцвѣта физическихъ силъ.

Вернемся къ внутренней жизни университета. Я выше говорилъ о господствующихъ въ американскихъ университетахъ ложныхъ понятіяхъ о чести college'а, о соревнованіи и зависти къ другимъ учебнымъ заведеніямъ, о духѣ узкой замкнутости въ предѣлахъ своей alma mater и пр.; но американскій студентъ не останавливается на этомъ; принципъ замкнутости проводится дальше. Студентъ четвертаго курса рѣдко подастъ руку второкурснику и никогда ея не подастъ первокурснику. Но въ то время, какъ студенты двухъ старшихъ курсовъ ограничиваются лишь холоднымъ, молчаливымъ презрѣніемъ къ младшимъ, этого нельзя сказать о студентахъ 2-го курса. Между послѣдними и первокурсниками происходитъ непрерывная война, ведущая подчасъ къ печальнымъ по-

Digitized by Google

слѣдствіямъ. Американцамъ нуженъ другой Помяловскій, чтобъ выставить въ яркомъ свѣтѣ характеръ ихъ студенческой жизни. Я не случайно упомянулъ имя нашего писателя. Хотя американскіе студенты Помяловскаго не читали и, смѣю утверждать, и имени его не слыхали, тѣмъ не менѣе они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ врядъ-ли уступятъ русскимъ бурсакамъ первой половины нашего вѣка. Правда, тутъ вы не слышите о «щипчикахъ», «швычкахъ», «загибаніи салазокъ», «смази вселенской» и другихъ милыхъ пріемахъ, на которые такъ тароватъ былъ бурсацкій геній—но это лишь потому, что изобрѣтательный янки вообще мало отличается склонностью къ перениманію; не уступая старухѣ Европѣ въ области техники, промышленности, искусствъ, онъ не ударитъ въ грязь и предъ русскимъ бурсакомъ. Чтобъ не быть голословнымъ, привожу первую попавшуюся мнѣ газетную вырѣзку, иллюстрирующую эту сторону дѣла. Это замѣтка объ открытіи учебнаго сезона въ Columbia University (въ Нью-Іоркѣ), появившаяся въ Нью-Іоркскомъ Herald'ѣ 4-го октября 1892 г.

Послѣ рѣчи президента университета,—замѣчаетъ газета, студенты разошлись по двору; во всѣхъ видныхъ мѣстахъ университетскаго двора красовались отпечатанные листки, въ которыхъ второкурсники доводили до свѣдѣнія новичковъ фактъ своего существованія; «предписавъ каждому первокурснику обзавестись резиновымъ соскомъ и бутылкой молока, они далѣе велятъ имъ пріобрѣсть такого рода костюмъ (далѣе слѣдуетъ выдержка изъ листка, изъ которой я привожу лишь часть): «Бѣлый чепчикъ, повязанный красивымъ узломъ подъ подбородкомъ малыша его кормилицей;—чепчикъ этотъ малыши должны снимать при встрѣчѣ со второкурсниками;—далѣе, широкій кружевной воротникъ, зеленый галстухъ и рубашка съ полосами зеленаго и бѣлаго цвѣта и пуговицами для пристегиванія плюшевой юбочки... Ношеніе шляпъ малышамъ строжайше воспрещается, хотя намъ извѣстно, что соблазнъ увеличить свой ростъ подобнаго рода мѣрами обыкновенно очень великъ»... Вотъ какъ проявляется патріотизмъ къ своему классу. Борьба доходитъ до особыхъ безобразій между первыми двумя курсами. Начинается она сейчасъ же при вступленіи студента въ университетъ, какъ читатель могъ видѣть изъ приведенной выше выписки. «Малыши» считаютъ своимъ долгомъ отвѣтить на оскорбленіе, и первый шагъ къ сближенію происходитъ у новыхъ студентовъ на этой именно почвѣ. Оскорбленіе обыкновенно смывается... ровью. Эта кровь проливается не съ помощью рапиръ, а домашнимъ средствіемъ—въ дѣло пускаются кулаки и палки.

Драка палками вошла ужъ въ обычай, и въ извѣстный день сною каждаго года оба класса спеціально сходятся для битвы, въ торой принимаютъ участіе ужъ не одни только атлеты, а весь ассъ. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ—«cane rush», (доовно—«свалка палокъ»). Дѣло происходитъ такъ. На условленное

Digitized by Google

мѣсто, — обыкновенно лужайку гдѣ нибудь за городомъ, подальше отъ людей и полиціи, — являются оба класса, вооруженные толстыми палками; задача каждаго класса состоитъ въ томъ, чтобъ выбить палки изъ рукъ противниковъ и тѣмъ доказать свое превосходство. По условленному сигналу обѣ стороны бросаются другъ на друга; чрезъ минуту сцена предъ вами становится неузнаваемой: въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ ломающихся палокъ, криковъ, стоновъ; какая-то безформенная масса, вмѣсто прилично одѣтыхъ, франтоватыхъ студентовъ, копошится въ пыли. Чрезъ какихъ-нибудь полъ часа битва кончена; и побѣдители, и побѣжденные насчитываютъ не одну жертву, пострадавшую за «честь» своего класса; окрававленныя лица, подбитые глаза, расшибленные носы, обломки палокъ, изорванныя платья—все свидѣтельствуетъ, что въ этихъ юношахъ бьются сердца героевъ, которые съумѣютъ постоять за свою родину не хуже, чѣмъ за свой классъ. Если къ тому прибавить переломанныя ребра, которыя вамъ въ глаза естественно не бросаются, то читатель получитъ довольно полное представленіе о томъ, что такое «cane rush».

Другой, поколѣніями освященный обычай, извѣстный подъ именемъ «hazing», не менѣе интересенъ. Если первый даетъ возможность каждой сторонѣ защищаться и такимъ образомъ придаетъ всему характеръ поединка, то послѣдній ничѣмъ не уступаетъ по своей дикости бурсацкимъ пріемамъ. «Hazing» дословно значитъ «напусканіе туману»; жертвой этой характерной операціи выбирается обыкновенно самый смирный новичокъ, какой-нибудь «маменькинъ сынокъ». Въ условленное время дня, а чаще ночи, партія дюжихъ второкурсниковъ, на которыхъ товарищи по классу возложили эту почетную обязанность, нападаютъ на новичка, зажимаютъ ему ротъ, чтобъ не допустить криковъ, вскакиваютъ съ нимъ въ заранѣе приготовленную, закрытую карету и уѣзжаютъ къ мѣсту «посвященія» *). Характеръ посвященія не всегда одинаковъ; онъ мѣняется со вкусомъ, изобрѣтательностью и наклонностью исполнителей. Иногда новичка раздѣваютъ до нага и окрашиваютъ, отъ макушки до пятокъ, липкой зеленой краской, послѣ чего, надѣвъ на него штаны, приказываютъ ему полуодѣтымъ и босымъ возвратиться домой по людныхъ улицамъ города. Горе ему, если онъ ослушается или пожалуется,—его выживутъ изъ университета; притомъ, исполнители часто надѣваютъ, изъ предосторожности, маски. Другой способъ посвященія состоитъ въ томъ, что жертву бросаютъ въ рѣку и заставляютъ продержаться тамъ нѣкоторое время; въ такихъ случаяхъ имъ приходится быть на-сторожѣ, чтобъ не дать ей утонуть; но они не могутъ предотвратить простуды, часто ведущей къ печальнымъ послѣдствіямъ. Тотъ же

*) Обыкновенно какое-нибудь глухое мѣсто за городомъ, на берегу рѣки или моря, на опушкѣ лѣса и т. п.

Digitized by Google

обрядъ «крещенія» еще удобнѣе совершается при помощи насоса, подъ который ставятъ несчастную, до-нага раздѣтую жертву. Пересчитать всѣ проявленія этихъ милыхъ шутокъ невозможно, и этихъ трехъ примѣровъ достаточно, надѣюсь, для иллюстраціи того, что извѣстно подъ именемъ hazing.

«Малыши» съ своей стороны не остаются въ долгу и вымещаютъ свои обиды при всякомъ удобномъ случаѣ. Лишь на дняхъ нью-іоркскія газеты передавали слѣдующій казусъ, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ здѣшнихъ институтовъ. Компанія второкурсниковъ устроила обѣдъ по подпискѣ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ въ городѣ; про это провѣдали первокурсники и рѣшили во что бы то ни стало отравить тѣмъ вечеръ. Въ условленный часъ, когда группа 10—15 второкурсниковъ въ бѣлыхъ галстучкахъ, блестящихъ манишкахъ и новыхъ съ иголочки фракахъ, появились у парома, который долженъ былъ ихъ перевезти чрезъ Гудсонову рѣку, на нихъ неожиданно набросилась равная по числу группа однокурсниковъ, принявшихся, «не говоря худого слова», тузить своихъ старшихъ товарищей; послѣднимъ пришлось защищаться, чего только «малыши» и жаждали. Произошла свалка, въ которой какъ та, такъ и другая стороны очутились на покрытой грязью землѣ (дѣло было послѣ дождя). Первокурсники предвидѣли это раньше и потому явились одѣтыми въ самую простую одежду, а бѣднымъ второкурсникамъ пришлось возвратиться домой въ изорванныхъ фракахъ и забрызганныхъ грязью манишкахъ; объ обѣдѣ не могло ужъ быть и рѣчи и, что хуже всего, на слѣдующій день нужно было встрѣтить насмѣшки товарищей за пораженіе отъ рукъ «малышей».

За послѣдніе годы число такихъ битвъ и другихъ физическихъ проявленій «классового духа», class spirit, начинаютъ уменьшаться, благодаря стараніямъ и энергическимъ мѣрамъ, принимаемымъ администраціей университетовъ. Въ особенности это замѣчается въ технологическихъ институтахъ и другихъ высшихъ профессіональныхъ школахъ. Такъ, напр., въ Массачузетскомъ Технологическомъ Институтѣ въ Бостонѣ ученики послѣдняго курса ежегодно даютъ балъ въ честь новыхъ студентовъ. Брайсъ, въ своей книгѣ объ Америкѣ, также указываетъ на благотворное вліяніе женщинъ въ этомъ отношеніи, въ тѣхъ университетахъ, гдѣ ихъ принимаютъ *). Я не согласенъ однако съ его мнѣніемъ, что всѣ эти игры, описанныя выше, процвѣтаютъ лишь въ посѣщаемыхъ богатой молодежью университетахъ. Насколько мнѣ показалъ опытъ, вынесенный послѣ болѣе четырехъ лѣтъ наблюденій за американскими университетами, игрѣ предаются съ одинаковой страстью какъ богатые, такъ и бѣдные. Вѣдняки, правда, не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы принимать участіе въ національныхъ состязаніяхъ, но это не мѣшаетъ имъ вознаграждать себя за это лишеніе болѣе усиленной игрой и

*) Bryce. American Commonwealth, v. II стр. 685.

Digitized by Google

состязаніями съ воспитанниками мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Притомъ бѣдный студентъ, отличившійся на домашнихъ состязаніяхъ и подающій хорошія надежды, какъ игрокъ, никогда не долженъ страдать отъ недостатка въ деньгахъ. Расходы по посылкѣ его на національное состязаніе будутъ покрыты частью изъ средствъ студенческихъ организацій, частью по подпискѣ. Ко мнѣ не разъ подходили съ подписнымъ листомъ для сборовъ съ подобной цѣлью, хотя знали, что я никакого участія въ играхъ не принимаю. Все это объясняется тѣмъ, что студентъ, который отличится на національномъ состязаніи, борется не столько для собственной своей славы, сколько за честь и славу своего университета, а потому его дѣло становится дѣломъ всѣхъ студентовъ, которые и находятъ нужнымъ общими силами покрывать расходы на подготовку атлетовъ, достигающіе очень солидныхъ размѣровъ. Такъ, напр., два мѣсяца подготовленія какой нибудь дюжины студентовъ-гребцовъ обходятся въ сумму не менѣе пяти тысячъ долларовъ.

Съ другой стороны Брайсъ вполнѣ справедливо указываетъ на очень симпатичную черту американскихъ студентовъ — отсутствіе пьянства, разврата, азартныхъ игръ. Правда, за послѣднее время, по мѣрѣ того, какъ европейскіе обычаи вообще начинаютъ все болѣе перениматься, и эти черты стали замѣчаться, но пока лишь изрѣдка и исключительно среди богатой молодежи въ большихъ городахъ.

Да проститъ меня читатель за такое длинное описаніе не интереснаго въ сущности предмета. Ничего не подѣлаешь, я взялся описать жизнь американскаго студенчества и беру ее, какъ она есть. А игра въ мячъ вмѣстѣ со связанными съ ней интересами занимаетъ самое выдающееся мѣсто въ студенческой жизни. Отдавъ ей должное, мы перейдемъ теперь къ другимъ проявленіямъ коллективной жизни студенчества.

II.

Духовная жизнь американскаго студенчества проявляется въ двухъ формахъ—многочисленныхъ студенческихъ организаціяхъ и не менѣе богатой по числу изданій студенческой прессѣ. Разсмотримъ ихъ по порядку.

При каждомъ университетѣ помимо массы атлетическихъ обществъ существуетъ не мало такъ называемыхъ «Literary Societies», «Debating clubs», «Oratorical Societies», «Fraternity clubs» и пр., цѣли каждаго изъ которыхъ легко догадаться по ихъ именамъ.

«Literary societies», не такъ многочисленныя какъ другія, имѣютъ своей цѣлью усовершенствованіе членовъ въ искусствѣ писать. Тутъ не столько занимаются разборомъ выдающихся писателей или выясненіемъ ихъ идей, сколько техникой предмета. Обыкновенно болѣе способные члены общества пишутъ по очереди короткіе разсказы,

Digitized by Google

стихотворенія, поэмы и т. п., которые прочитываются предъ обществомъ и иногда предаются на судъ товарищей. Иногда они выпускаютъ ежемѣсячный журналъ, въ которомъ печатаются произведенія членовъ общества, но о нихъ мы подробнѣе поговоримъ ниже. Какъ ужъ было замѣчено, ни число самихъ обществъ, ни численность ихъ состава не въ состояніи сравниться съ обществами вродѣ «Debating Societies» и «College Fraternities».

Первыхъ вы найдете нѣсколько при каждомъ университетѣ. Нерѣдко они носятъ имя своего основателя, чаще имъ дается какое-нибудь причудливое греческое имя, какъ напр., Philolexian, Philensibian, Philothea, Periclean и т. д. Въ большинствѣ случаевъ, при каждомъ классѣ имѣется свой собственный кружокъ; занимаются тамъ исключительно дебатами, такъ какъ ихъ цѣль — выработать искусныхъ дебатантовъ. Несомнѣнно, въ странѣ, какъ Соединенные Штаты, гдѣ умѣнье говорить и спорить является самымъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ политическаго дѣятеля, эти общества являются важнымъ дополненіемъ къ тому образованію, которое даетъ студенту школа. На скромныхъ подмосткахъ этихъ небольшихъ сравнительно кружковъ вырабатываются всѣ будущіе ораторы, лидеры большихъ партій, выразители желаній свободнаго народа, вершители его судебъ. Почти всѣ выдающіеся американскіе дѣятели: президенты республики, члены Конгресса, знаменитые адвокаты, ораторы, имена которыхъ занесены на страницы американской исторіи, какъ Patric Steury, Thomas Jefferson, Daniel Webster, Charles Sumner—всѣ они прошли предварительно черезъ эту школу американскаго краснорѣчія. Общества эти собираются обыкновенно разъ въ недѣлю, на каждомъ собраніи обсуждается заранѣе назначенный предметъ, причемъ одна группа студентовъ защищаетъ, а другая опровергаетъ; какъ роли, такъ и темы заранѣе распредѣляются между всѣми членами общества, такъ что каждому изъ нихъ приходится принимать участіе въ дебатахъ нѣсколько разъ въ годъ. Отъ времени до времени происходятъ такъ называемыя ораторскія состязанія (oratorical contests) между разными обществами. Какъ и атлетическія состязанія, они происходятъ въ присутствіи постороннихъ студентовъ, хотя нельзя сказать, чтобъ они привлекали столько же публики, сколько первыя. Состязанія происходятъ по слѣдующимъ правиламъ: вызывающая сторона предлагаетъ соперничающему съ нимъ обществу выступить на публичный споръ; если вызовъ принятъ, вызванная сторона выбираетъ тему, и затѣмъ представители обоихъ обществъ распредѣляютъ между собой роли. Характеръ темъ весьма разнообразенъ, хотя чаще всего берутся вопросы политическаго свойства, почему-либо останавливающіе на себѣ общественное мнѣніе въ данный моментъ. Тема обыкновенно выражается въ формѣ резолюціи, которая защищается представителями одного общества и опровергается ихъ противниками. Вотъ нѣсколько темъ для иллюстраціи только-что сказаннаго: «Рѣшено, что введеніе серебряной

Digitized by Google

валюты было бы нарушеніемъ правилъ честности и повредило бы истымъ интересамъ американскаго народа». «Рѣшено, что сенатъ—устарѣвшее и безполезное учрежденіе въ Соединенныхъ Штатахъ». «Рѣшено, что тресты (синдикаты) оказываютъ благотворное вліяніе на экономическую жизнь народа». «Рѣшено, что женщинамъ слѣдуетъ дать право голоса» и т. д.—Каждая сторона усердно готовится къ торжественному событію. Обыкновенно выступаетъ по 3 оратора съ обѣихъ сторонъ; каждая изъ этихъ троекъ распредѣляетъ между собой матеріалъ и тщательно готовитъ планъ аттаки, который затѣмъ строго проводится. Поочереди выступаютъ по одному представителю каждой стороны, въ заключеніе дается по 10—15 минутъ лидерамъ обѣихъ сторонъ для возраженія на аргументы противниковъ, послѣ чего объявляется перерывъ, втеченіе котораго играетъ студенческій оркестръ или поетъ студенческій хоръ, пока заранѣе выбранные судьи совѣщаются о приговорѣ. Публика, состоящая большею частью изъ личныхъ друзей дебатантовъ и изъ членовъ обоихъ обществъ, съ нетерпѣніемъ ждетъ приговора. Наконецъ, появляется фигура предсѣдателя собранія (обыкновенно президентъ университета или другое извѣстное лицо), смолкаетъ музыка и на сцену медленнымъ, торжественнымъ шагомъ выступаютъ судьи (обыкновенно 3 профессора). Все замираетъ, въ залѣ гробовая тишина, президентъ произноситъ приговоръ. Раздаются оглушительныя рукоплесканія со стороны друзей счастливыхъ побѣдителей, противники которыхъ уходятъ, понуривъ головы.

Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ состязаній всѣ выдающіеся ораторскіе или спорщицкіе таланты естественно выдѣляются изъ среды своихъ товарищей; о нихъ говорятъ, пишутъ въ студенческихъ изданіяхъ, къ нимъ прислушиваются на студенческихъ собраніяхъ. Если товарищи находятъ ихъ достаточно сильными, то посылаютъ вызовъ въ другой университетъ. Эти такъ называемые Intercollegiale Debates все болѣе начинаютъ входить въ моду. Администраціи университетовъ всячески ихъ поощряютъ, отчасти изъ сочувствія самимъ цѣлямъ обществъ, а еще болѣе изъ желанія создать другой предметъ честолюбія, который бы хоть нѣсколько ослабилъ «атлетическія амбиціи». Не стану описывать эти собранія, по существу не отличающіяся отъ дебатовъ, которые я только что описалъ. Они отличаются лишь большей торжественностью и притягиваютъ больше публики, хотя имъ не сравниться съ Intercollegiale Athletic Contests. Въ то время какъ на послѣднихъ присутствуютъ обыкновенно около 30 тысячъ человѣкъ, иниціаторы первыхъ рады, если имъ удается наполнить театръ, вмѣщающій тысячи 2—3 человѣкъ.

Не отрицая громадной пользы, которую подобныя общества могутъ приносить студентамъ, возбуждая въ нихъ интересъ и уваженіе къ умственной дѣятельности, развивая вкусъ къ краснорѣчію и будя интересъ къ общественнымъ вопросамъ, выходящимъ за

Digitized by Google

предѣлы университетскихъ стѣнъ и игры въ мячъ, нельзя обойти молчаніемъ отрицательныя стороны дѣла. Тутъ прежде всего и ярче всего выступаетъ на первый планъ амбиція способныхъ дебатантовъ съ одной стороны, и старая «классовая гордость» съ другой. Произнося приговоръ, судьи ни словомъ не обмолвятся о самомъ предметѣ спора и, естественно, останавливаются лишь на проявленіяхъ ораторскаго искусства, на которомъ, исключительно, основывается ихъ приговоръ. Вотъ эта-то сторона дѣла и ведетъ къ тому, что всѣ тѣ благотворные результаты, которыхъ можно было бы ожидать отъ подобныхъ обществъ, сводятся на самомъ дѣлѣ къ ничтожному минимуму, а чаще къ нулю. На первый планъ выступаетъ вопросъ: «Какъ говорилъ Х.»? а не «о чемъ онъ говорилъ»? и «что онъ сказалъ»? Студентъ, который можетъ поочередно выступать то въ роли защитника, то оппонента по одному и тому же вопросу, пользуется наибольшимъ уваженіемъ своихъ товарищей. Воспитательная роль этихъ обществъ сводится такимъ образомъ къ тому, что въ юныхъ, воспріимчивыхъ умахъ съ самаго начала развивается личная амбиція вмѣсто духа безкорыстной преданности товарищеской общинѣ; погоня за напыщенными фразами и внѣшними пріемами ораторскаго искусства, вмѣсто интереса къ внутреннему смыслу и сущности самаго вопроса; склонность къ чисто-формальной адвокатской казуистикѣ, вмѣсто здравой логики.

Оттого эти собранія такъ сильно поражаютъ васъ отсутствіемъ того воодушевленія, жизни и неподдѣльности, которыя сразу бросаются въ глаза при спорахъ въ русскихъ студенческихъ кружкахъ. Оттого-то въ Америкѣ и такъ мало ораторовъ, хотя много краснобаевъ, и еще болѣе крикуновъ. Оттого, можетъ быть, и самое студенчество, не смотря на всю разнообразность въ проявленіяхъ его коллективной жизни, носитъ тотъ отпечатокъ деревянности, посредственности и безжизненности, которыя такъ поражаютъ русскаго наблюдателя, ожидающаго встрѣтить иного рода студенчество въ свободной странѣ. Если этимъ обществамъ и удастся развиться настолько, чтобъ сильно ослабить популярность мяча, то они не измѣнятъ существенно характера американскаго студента, пока они будутъ оставаться на старой почвѣ личной и классовой амбиціи. Я остановился выше на томъ вліяніи, которое эти общества оказываютъ на характеръ индивидуальнаго студента, а вотъ и иллюстрація ихъ вліянія на взгляды и понятія студенчества. «Не слѣдуетъ забывать», говорится въ передовой статьѣ одного студенческаго журнала, «что нѣсколько товарищей, являющихся на публичные дебаты, столько же борятся за честь своей alma mater, принимая въ нихъ участіе, сколько и студенты, состязающіеся въ игрѣ въ мячъ». Не знаешь, чѣмъ больше восторгаться, классовымъ-ли самосознаніемъ этого писателя-студента, или-же его блестящимъ успѣхомъ по пути прогресса и умственнаго развитія, который даетъ ему смѣлость утверж-

Digitized by Google

дать, что отличіе въ дебатахъ такая же почетная вещь, какъ и отличіе въ игрѣ въ мячъ! А все-таки это большой прогрессъ для американскаго студента, являющійся лишнимъ доказательствомъ тому, что въ мірѣ все движется.

Классовое самосознаніе, какъ и всякое другое явленіе въ мірѣ, ищетъ себѣ выхода наружу; однимъ изъ его проявленій оказывается такъ называемый College Yell. Yell—это дикій крикъ, который хоромъ издавали индѣйцы, нападая на бѣлыхъ. Вмѣстѣ со многими другими обычаями американскіе студенты переняли и этотъ у своихъ краснокожихъ соотечественниковъ. Онъ состоитъ въ томъ, что при встрѣчѣ двухъ группъ студентовъ, принадлежащихъ къ разнымъ университетамъ, каждая выкрикиваетъ свой yell, стараясь перекричать другую сторону. Въ особенности эти крики оглашаютъ воздухъ весной и осенью—сезоны состязаній, когда студенты различныхъ университетовъ съѣзжаются вмѣстѣ. Этотъ дикій, пронзительный крикъ съ сопровождающими его иногда схватками, порой заставляютъ даже американскую полицію вмѣшаться въ дѣло, такъ какъ онъ не даетъ покоя мирнымъ обывателямъ, которые не могутъ уснуть отъ шума. Вотъ для иллюстраціи два yell, которыя я сейчасъ могу припомнить.

Ra! Re! Ri! Ro!
Ring! Ching! Rang!
Wesleyan, Wesleyan,
Zip, Bumb, Bang!

Это yell Веслеянскаго университета.

А вотъ другой, на этотъ разъ Технологическаго Института въ Чикаго имени Армура.

Ra-ra! Ra-ra!
Ra-ra! Ra-ra!
A-r-m-o-u-r
Armour!

Да не спроситъ у меня читатель перевода этихъ гимновъ, они непереводимы на человѣческій языкъ, какъ непереводимы гулъ грома и шелестъ листьевъ, какъ непереводимы журчанье ручейка и другія проявленія безсознательной природы. Разъ составленный yell передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и составляетъ своего рода девизъ университета, по которому опытный студентъ скажетъ вамъ, къ какому университету въ странѣ принадлежитъ первая попавшаяся ему на пути группа студентовъ (студенты не носятъ здѣсь никакой формы).

Было бы, однако, не справедливо, говоря о yell'ахъ, умолчать о другомъ, болѣе симпатичномъ способѣ выраженія мыслей и чувствъ, который съ любовью насаждается другой категоріей студенческихъ организацій, именно «Oratorical Societies»—цѣлью которыхъ является развитіе чисто-ораторскаго искусства, т. е. умѣнья красно говорить а не спорить. Но даже и здѣсь система конкурсовъ успѣла свит

Digitized by Google

себѣ гнѣздо. Хотя спорить тутъ нельзя, за то можно помѣряться ораторскимъ искусствомъ. На публичномъ собраніи выступаютъ честолюбивые искатели ораторскихъ лавровъ; каждый изъ нихъ—представитель одного изъ «ораторскихъ обществъ» университета произноситъ рѣчь на особую тему. Счастливецъ, съумѣвшій подобрать самыя звучныя фразы, округленнѣйшіе періоды, чувствительнѣе другихъ отозвавшіеся въ потаеннѣйшихъ уголкахъ судейскаго сердца (какъ и всюду, тутъ безъ судьи не обходится), удостоивается приза или почетнаго званія побѣдителя на ораторскомъ состязаніи. Вотъ нѣсколько темъ, на которыя произнесены были подобныя рѣчи: «За Альпами лежитъ Италія», «Аполлонъ—вѣнчанный монархъ», «Полная эмансипація», «Международный третейскій судъ» и пр.

Пора, однако, перейти къ самой важной, вліятельной и старѣйшей категоріи студенческихъ организацій — тайнымъ обществамъ, извѣстнымъ подъ тремя именами: «College Fraternities», «Fraternity clubs», и «Greek letter Societies». Это ничто иное, какъ копія со старыхъ франкъ-массонскихъ ложъ. Члены этихъ обществъ обязываются блюсти въ строжайшей тайнѣ все, что происходитъ внутри. Каждое общество выбираетъ себѣ какой-нибудь девизъ, состоящій изъ 2—3 греческихъ словъ. Девизъ этотъ извѣстенъ лишь членамъ, но первыя буквы каждаго слова становятся оффиціальнымъ именемъ общества, откуда и происхожденіе этихъ странныхъ на первый взглядъ именъ, какъ: Дельта-Каппа-Эпсилонъ, Бета-Тета-Фи, Фи-Гамма-Дельта и т. д. Въ только-что вышедшей апрѣльской книжкѣ журнала Cosmopolitan, нѣкій P. F. Piper даетъ очеркъ происхожденія этихъ обществъ. По его словамъ, первое тайное студенческое общество, до сихъ поръ пользующееся наибольшею популярностью, было основано въ 1776-мъ году—годъ провозглашенія независимости американскихъ колоній, поведшаго къ семилѣтней войнѣ съ Англіей. Можно было-бы ожидать, что тайное студенческое общество, основанное въ такое бурное время, приметъ политическій характеръ, но нѣтъ,—наше общество было основано «для поощренія литературы и дружескихъ связей между студентами» (For the promotion of literature and friendly intercourse among scholars). Обществу, основанному съ такой невинной цѣлью въ виду, казалось бы, незачѣмъ быть тайнымъ, но въ этомъ именно и состоитъ весь курьезъ этихъ обществъ, какъ мы увидимъ дальше. Въ теченіе 45 лѣтъ названное общество оставалось безъ соперниковъ и успѣло охватить всю страну, устраивая вѣтви во всѣхъ выдающихся университетахъ; впослѣдствіи основались одно за другимъ новыя общества по тому же плану, какъ напр. Фи-Гамма-Альфа, Хи-пси, Дельта-Фи и т. д. Причиной основанія этихъ новыхъ обществъ являлась крайняя замкнутость членовъ старыхъ обществъ, которая дѣлала пріемъ новыхъ членовъ весьма затруднительнымъ.

Въ 20-хъ годахъ случилось, что нѣкій Вильямъ Моррисъ, членъ одного изъ этихъ обществъ, опубликовалъ ихъ тайны, за что вѣ-

Digitized by Google

роятно и поплатился жизнью, такъ какъ немедленно послѣ опубликованія его не стало—и всѣ розыски друзей и полиціи ни къ чему не привели. Общественное мнѣніе, возмущенное какъ этимъ, такъ и другими происшествіями, стало требовать уничтоженія всѣхъ тайныхъ франкъ-массонскихъ и студенческихъ обществъ; на послѣднія сыпались обвиненія въ преступленіяхъ самаго ужаснаго свойства. Старому Фи-Бета-Каппа ничего не оставалось, чтобы очиститься въ глазахъ публики, какъ предать гласности свой уставъ и протоколы собраній; послѣдніе показали всю дѣтскую невинность всей затѣи; между, прочимъ стало извѣстно настоящее имя общества—ФВК значитъ—φίλοσοφία βίου κυβιρνήτης—т. е. философія—путеводитель жизни. Съ тѣхъ поръ это общество носитъ чисто открытый характеръ и ежегодно пополняетъ свой составъ пріемомъ нѣсколькихъ лучшихъ студентовъ изъ числа кончающихъ. Благодаря этому, избраніе въ члены этого общества стало своего рода почетнымъ знакомъ для американскаго студента. На ежегодныхъ ихъ собраніяхъ занимаются, впрочемъ, не столько философіей, сколько произнесеніемъ «экспромптомъ» заранѣе приготовленныхъ застольныхъ рѣчей и тостовъ, и уничтоженіемъ очень вкусныхъ и изысканныхъ, какъ говорятъ, обѣдовъ.

Отмѣна характера таинственности въ старомъ обществѣ отнюдь не помѣшала другимъ сохранить за собой прежній характеръ. На оборотъ, они еще болѣе замкнулись, благодаря чему число ихъ возросло. Не стану утомлять читателя исторіей другихъ обществъ. Причина основанія у всѣхъ одна и та же: замкнутость и презрительное отношеніе старшихъ и желаніе «поравняться» съ ними со стороны молодыхъ студентовъ. Имя имъ легіонъ, исторія ихъ до мелочей походитъ одна на другую, и они все еще продолжаютъ расти. Почти каждое общество имѣетъ свой собственный домъ, гдѣ они собираются для свершенія своихъ тайныхъ церемоній. Авторъ упомянутой статьи, изъ которой я заимствую всѣ свѣдѣнія историческаго свойства относительно этихъ обществъ, подводя итогъ имуществу всѣхъ выдающихся обществъ, находитъ на основаніи очень умѣренной оцѣнки, что оно составитъ огромную цифру въ 2.660,000 долларовъ; это помимо имущества массы мелкихъ обществъ, не вошедшихъ въ его разсчетъ *).

Не будучи лично знакомъ съ этими обществами, я, вмѣсто произнесенія надъ ними собственнаго приговора, дамъ читателю отзывъ о нихъ американцевъ, людей, состоявшихъ тамъ членами и въ общемъ расположенныхъ въ ихъ сторону. «Въ чемъ состоятъ ихъ собранія?» спросилъ я однажды у знакомаго профессора литера-

*) До чего популярны и распространены эти общества, можно судить по числу членовъ. Piper насчитываетъ не менѣе 120 тысячъ членовъ въ мужскихъ братствахъ и около 10 тысячъ въ женскихъ. Послѣднія начали учреждаться за послѣднія 30 лѣтъ.

Digitized by Google

туры. «Въ китайскихъ церемоніяхъ, не имѣющихъ никакого смысла, и дѣтски глупыхъ забавахъ», отвѣчалъ онъ. Если этотъ отзывъ покажется сильнымъ, то вотъ отзывъ изъ статьи того же Piper'a, на этотъ разъ выраженный въ печати. Вотъ что говоритъ этотъ писатель, который, какъ увидимъ дальше, является защитникомъ самихъ обществъ: «Предполагаютъ, что церемоніи посвященія отличаются торжественностью и тщательной выработкой деталей. На самомъ дѣлѣ неофитъ часто долженъ пройти чрезъ предварительную церемонію, въ которой онъ нерѣдко подвергается многимъ, до смѣшного доходящимъ оскорбленіямъ. Такъ, онъ обязанъ повиноваться приказаніямъ любого члена общества... Вотъ почему вы часто увидите подобнаго рода кандидата, занятаго катаніемъ орѣха по улицѣ при помощи зубочистки, которую онъ употребляетъ въ качествѣ рычага; другіе продаютъ газеты, чистятъ сапоги или тащатъ дѣтскія повозки». Не всегда, однако, предварительныя испытанія ограничиваются подобнаго рода невинными «забавами», иногда они кончаются серьезными увѣчьями и даже смертью для новопосвященнаго. Такъ, тотъ же авторъ передаетъ два слѣдующихъ случая. Въ одномъ кандидату завязали глаза платкомъ и велѣли идти по глухой мѣстности въ сопровожденіи двухъ членовъ, на которыхъ, очевидно, лежала обязанность предохранить его отъ несчастія; мѣстность выбрали самую подходящую... Когда они достигли опаснаго мѣста, ему крикнули остановиться, но было уже поздно, несчастный успѣлъ занести ногу на самомъ краю глубокаго каменистаго обрыва и... убился до смерти. Другой случай, окончившійся такъ же печально, произошелъ почти при такихъ же обстоятельствахъ, съ той только разницей, что несчастный столкнулся съ повозкой, которая неслась ему навстрѣчу.

Все, что Брайсъ можетъ сказать въ ихъ защиту, это слѣдующее: «думаютъ, что они (т. е. общества)—весьма цѣнная часть университетской системы, не столько потому, что они будятъ мысль (cultivate intellectual life), сколько потому, что они сближаютъ между собой студентовъ (social influence)» *).

Piper находитъ, что они способствуютъ образованію дружескихъ связей, чувства товарищества и «здороваго чувства честолюбія». Насколько оно «здорово», я не берусь здѣсь судить, но что желаніе превзойти другъ друга (въ чемъ бы то ни было) часто идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ «сближающимъ» вліяніемъ, о которомъ говоритъ Брайсъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Да и какія прочныя дружескія узы могутъ образоваться у молодыхъ людей, у которыхъ нѣтъ общаго, интересующаго и связывающаго всѣхъ дѣла, и которые сходятся вмѣстѣ, чтобы убить время въ китайскихъ церемоніяхъ за хорошимъ обѣдомъ? Тотъ же писатель, забывъ, повидимому, о своемъ, только что приведенномъ мною мнѣніи, замѣчаетъ дальше: «ростъ

*) Brice, Amer. Commonwealth, v. II стр. 686.

Digitized by Google

клубовъ ведетъ къ все возрастающей исключительности и нерѣдко случается, что братья-студенты (общества эти называются братствами — fraternity) Yale'скаго и Harvard'скаго университетовъ отказываются принять въ свою среду своихъ же собратьевъ изъ другихъ университетовъ *). Мы, говоритъ тотъ же авторъ, можемъ понять причину существованія въ былыя времена тайныхъ студенческихъ обществъ въ Германіи, Италіи и другихъ странахъ Европы; тамъ соблюденіе тайны требовалось для успѣшнаго выполненія задачъ общества, но «тайна ради самой тайны чисто американское явленіе». Безсмысленное подражаніе, особенно старшимъ— характерная черта студенческихъ обществъ вообще.

Особенно ярко она проявляется въ такъ называемыхъ «class politics». Послѣднее есть ничто иное, какъ вѣчная борьба между двумя фракціями изъ-за должностей въ студенческой организаціи. Помимо всѣхъ обществъ, о которыхъ мы уже говорили, въ каждомъ классѣ существуетъ еще такъ называемая классовая организація, членами которой состоятъ всѣ ученики класса. Изъ среды членовъ выбирается нѣсколько должностныхъ лицъ: президенты, нѣсколько вице-президентовъ, протокольный секретарь, финансовый секретарь, казначей и, наконецъ, «историкъ» класса. Всѣ эти должности безплатны и считаются почетными въ глазахъ студентовъ; а такъ какъ въ каждомъ классѣ обыкновенно имѣются члены двухъ враждебныхъ обществъ: тайныхъ, дебатирующихъ, гимнастическихъ или атлетическихъ, то возникаютъ раздоры изъ-за раздачи почестей,— при чемъ каждая сторона норовитъ захватить всѣ почести для своихъ представителей. Нужно присутствовать на этихъ собраніяхъ, чтобы видѣть, съ какимъ азартомъ ведутся «кампаніи» предъ выборами должностныхъ лицъ; съ какимъ паѳосомъ произносятся здѣсь на избирательномъ собраніи рѣчи, въ которыхъ превозносятся «благородство души», «превосходство ума», «патріотизмъ къ alma mater», «безупречная безкорыстная служба интересамъ класса» и другія заслуги того и другого кандидата. Ни дать, ни взять, — митингъ политической партіи, собирающійся выставить кандидата на важный государственный постъ. Если прибавить, что единственная обязанность самаго почетнаго должностного лица—президента состоитъ въ томъ, чтобы предсѣдать на ежемѣсячныхъ закрытыхъ собраніяхъ класса, а вице-президента въ томъ, чтобы замѣнять президента въ его отсутствіе, то станетъ, можетъ быть, понятно, какъ умѣстны и какой смыслъ имѣютъ всѣ эти высокопарныя фразы. Всѣ некрасивыя черты, которыми отличается американская политика, вы находите здѣсь; не достаетъ лишь одного: дѣйствительнаго дѣла, дѣйствительныхъ интересовъ, изъ-за которыхъ стоило бы вести эту борьбу. «Class politics»—это предварительная школа, въ которой юный американецъ получаетъ возможность подготовиться къ

*) Журналъ Cosmopolitan, april 1897, стр. 644.

Digitized by Google

активной политической жизни, если въ немъ имѣется жилка политикана. Въ этой школѣ онъ усвоиваетъ почти все, что есть дурного въ политической жизни свободной страны, гдѣ онъ получаетъ самыя узкія понятія о чести, партійности, преданности лидеру, не получая въ то же время ничего положительнаго. Въ этой вѣчной войнѣ, которая происходитъ между фракціями, вы не услышите ни слова объ идеѣ, о взглядахъ и принципахъ той или другой группы, того или другого кандидата, все сводится лишь къ вопросу: чья сторона побьетъ? Если современныя господствующія политическія партіи въ Америкѣ упали такъ низко, благодаря отсутствію живого принципа въ ихъ политикѣ, то онѣ хоть формально защищаютъ извѣстные взгляды, извѣстную политику. У студентовъ же и этого нѣтъ, они просто играютъ въ большихъ, стараясь подражать внѣшнимъ формамъ, не задумываясь о внутреннемъ смыслѣ. И эта черта проглядываетъ во всякомъ проявленіи ихъ дѣятельности; вотъ почему вы находите здѣсь тайныя общества безъ тайнъ, политическія распри безъ политики, литературныя общества безъ литературы. Погоня за внѣшностью вообще слабая сторона американцевъ.

Чтобы не грѣшить противъ полноты, упомяну еще два рода организацій, играющихъ не малую роль въ студенческой жизни. Это, во-первыхъ, музыкальныя общества, и, во-вторыхъ, такъ, называемое Христіанское общество молодыхъ людей (Young Men's Christian Association) или, какъ его для краткости называютъ, У. М. С. А. Первыя состоятъ изъ студентовъ любителей музыки и группируются по инструментамъ, на которыхъ они играютъ, какъ-то цитры, арфы, гитары и пр.; имѣются и хоровыя общества; обыкновенно они нанимаютъ учителя, который ими руководитъ. Общества эти появляются на всѣхъ торжественныхъ студенческихъ собраніяхъ, публичныхъ актахъ, ораторскихъ состязаніяхъ и т. д., гдѣ они занимаютъ публику въ антрактахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются извѣстностью по всей странѣ; такія общества разъѣзжаютъ повсюду, устраивая спектакли во время каникулъ, на манеръ странствующей труппы артистовъ, и дѣлаютъ значительные сборы.

Что касается У. М. С. А., то это не есть чисто студенческая организація. Во главѣ ея стоятъ священники-протестанты, поставившіе себѣ цѣлью воздѣйствіе на умы молодежи въ религіозно-нравственномъ духѣ. Полное отдѣленіе церкви отъ государства въ Америкѣ, дѣлающее преподаваніе Закона Божія невозможнымъ ни въ начальныхъ школахъ, ни въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, принуждаетъ духовенство къ принятію собственныхъ мѣръ къ тому, чтобы не дать подростающему поколѣнію вступать въ жизнь лишь съ тѣмъ запасомъ религіозныхъ идей, которыя оно можетъ вынести изъ подъ родительскаго крова. И надо ему отдать справедливость, оно выполняетъ свою задачу съ необычайнымъ успѣхомъ. Нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ народъ такъ не религіозенъ (судя, по крайней мѣрѣ, по внѣшнимъ проявленіямъ), какъ въ Аме-

Digitized by Google

рикѣ. Какими средствами достигаетъ оно такихъ благопріятныхъ для себя результатовъ? Не вдаваясь въ описаніе дѣятельности американскаго духовенства, вообще, я постараюсь очертить лишь дѣятельность ихъ среди студентовъ. Во главѣ У. М. С. А. стоятъ, главнымъ образомъ, пасторы самыхъ богатыхъ фешенебельныхъ церквей, для прихожанъ которыхъ не составляетъ большой жертвы давать тысячи и даже десятки тысячъ въ годъ для поддержки религіознаго движенія. Многочисленныя вѣтви общества словно сѣтью покрываютъ всю страну, и врядъ-ли отыщется уголокъ, въ которомъ не имѣлось бы отдѣленія общества. Планъ ихъ дѣйствій отличается замѣчательной практичностью. Зная, что массы не завлечешь къ себѣ воззваніями и указаніями на путь истины, они не пренебрегаютъ ничѣмъ, что можетъ привлечь къ нимъ обыкновеннаго обывателя. Самымъ могущественнымъ средствомъ является, конечно, предоставленіе молодымъ людямъ матеріальныхъ выгодъ, что и занимаетъ самое видное мѣсто въ ихъ планѣ дѣйствій. Такъ, въ разныхъ частяхъ города у нихъ имѣются великолѣпныя большихъ размѣровъ зданія, въ которыхъ вы найдете библіотеку, пріемныя залы, залу для гимнастики, со всѣми приспособленіями, до ваннъ включительно. За небольшую, сравнительно, плату каждый можетъ сдѣлаться сочленомъ (въ отличіе отъ дѣйствительныхъ членовъ, принадлежащихъ къ евангелической церкви и принимающихъ въ дѣлѣ активное участіе) и посѣщать имѣющіеся тутъ-же классы, гдѣ преподаются ариѳметика, географія, исторія, бухгалтерія и другіе предметы начальнаго и средняго образованія. Разъ молодой человѣкъ туда попалъ, ему ужъ не избѣжать предупредительной заботливости любезныхъ хозяевъ дома. Съ нимъ ведутъ частныя бесѣды, его наперерывъ приглашаютъ сегодня на «молитвенное собраніе», завтра въ кружокъ для изученія библіи, а тамъ просто послушать извѣстнаго проповѣдника, совѣтующаго ему поменьше роптать на настоящее и думать о будущемъ и т. д. Такова общая программа ихъ дѣятельности.

Пропаганда между студентами въ сущности не отличается отъ только что описанной. Студенческая организація образуетъ вѣтвь общества и ставитъ себѣ цѣлью «содѣйствовать росту благочестія и христіански-товарищескихъ узъ между членами, вести энергическую пропаганду въ духѣ христіанства, въ особенности среди и для студентовъ; подготовлять ихъ къ христіанской службѣ, и побуждать ихъ къ тому, чтобъ они посвятили жизнь Іисусу Христу» (§ 2 устава У. М. С. А.). Средства, употребляемыя ими для достиженія поставленной себѣ цѣли, можно раздѣлить на прямыя и косвенныя. Разсмотримъ сначала послѣднія *). Громадныя средства, имѣющіяся въ ихъ распоряже-

*) Всѣ дальнѣйшіе факты я даю на основаніи личныхъ наблюденій в Нью-Іоркѣ и Чикаго; но программа въ другихъ городахъ въ сущности ничѣмъ не отличается, такъ какъ всѣ они принадлежатъ къ одной центральной организаціи, руководящейся общими принципами.

Digitized by Google

ніи, даютъ имъ возможность имѣть собственный домъ, который они предоставляютъ въ распоряженіе членовъ студентовъ. За сравнительно умѣренную плату студентъ можетъ здѣсь поселиться, пользуясь всѣми удобствами: библіотекой, залой для пріема гостей, читальней, гдѣ получаются всѣ извѣстные журналы и газеты, гимнастической залой, ваннами, прекраснымъ рестораномъ. Студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній просятъ безъ церемоніи приходить туда и вести себя, какъ дома. Студенческимъ обществамъ предоставляется устраивать здѣсь свои частныя собранія. Тутъ постоянно найдете нѣсколько членовъ-дежурныхъ (всѣ они получаютъ за это жалованье), готовыхъ оказать вамъ всякія мелкія услуги. Къ концу каждой недѣли вы найдете въ университетѣ повсюду расклеенныя плакарды, въ которыхъ извѣщается объ имѣющемъ состояться въ воскресенье собраніи въ студенческомъ клубѣ (т. е. зданіи У. М. С. А.). Тутъ студентовъ угощаютъ чаемъ, присланнымъ одной изъ «патронессъ» клуба, вслѣдъ за чѣмъ въ качествѣ духовной пищи преподносится иногда рѣчь какого нибудь проповѣдника, чаще же «successful and prominent men» *)—по просту говоря—опытныхъ дѣльцовъ-милліонеровъ, желѣзно-дорожныхъ подрядчиковъ, владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, биржевыхъ спекулянтовъ и пр. Американская практичность тутъ, очевидно, даже пастырей христовыхъ заражаетъ; только странно, что въ то время, какъ въ студенческихъ отдѣленіяхъ они позволяютъ такого рода практическія бесѣды и доходятъ даже до того, что иногда печатаютъ рѣчь какого-нибудь выдающагося милліонера, который разсказываетъ о томъ, какъ онъ разбогатѣлъ, и даетъ практическіе совѣты молодымъ людямъ, желающимъ пойти по его стопамъ,—они предпочитаютъ толковать въ отдѣленіяхъ для обыкновенныхъ смертныхъ о нетлѣнности души и необходимости сосредоточить все свое вниманіе на загробномъ мірѣ. Было бы, можетъ быть, неумѣстно въ связи съ этимъ вспомнить, что всѣ эти учрежденія вмѣстѣ съ ихъ горячими дѣятелями содержатся на суммы богатыхъ прихожанъ, и мы потому оставимъ вопросъ открытымъ. Выше я упомянулъ «патронессъ», о которыхъ нужно сказать два слова. Это жены извѣстныхъ тузовъ-милліонеровъ, берущія подъ свое крылышко судьбы христіанскаго студенческаго общества вообще и рекомендуемыхъ имъ священниками членовъ-студентовъ въ частности. Тутъ вы находите г-жу Роккефеллеръ, жену богатѣйшаго въ Америкѣ милліонера—главу керосиноваго синдиката; тутъ и г-жа Гульдъ, жена извѣстнаго желѣзно-дорожнаго туза, и Россель Сэйфтсъ, жена извѣстнаго капиталиста и др.—привожу лишь три имени, какъ болѣе извѣстныя читающей публикѣ въ Россіи. Эти-то патронессы и снабжаютъ клубъ роскошными ужинами, которые слѣдуютъ за рѣчами «успѣшныхъ» дѣльцовъ. Въ своей программѣ Христіанское студен-

*) Выраженіе взято изъ устава общества.

Digitized by Google

ческое общество безъ обиняковъ выставляетъ это все на видъ, прибавляя, что патронессы принимаютъ также у себя на дому и что, благодаря этому, общество въ состояніи «дать (студентамъ) возможность завести знакомства среди *гостепріимныхъ* людей въ городѣ *)» (подчеркнуто мною). Нельзя сказать, чтобы подобныя средства не привлекали многочисленныхъ любителей отличныхъ ужиновъ и хорошихъ связей, да охотниковъ послушать, что умные люди скажутъ. Насколько они проникаются истинно-христіанскимъ духомъ, показываетъ общее поведеніе да умственный и нравственный уровень студентовъ, съ которымъ мы познакомились выше; а вѣдь громадное большинство этихъ студентовъ состоятъ членами или регулярными посѣтителями христіанскаго общества.

Н сколько словъ о прямыхъ средствахъ общества для религіознаго воздѣйствія на студентовъ, и мы закончимъ описаніе студенческихъ организацій. Вотъ ихъ программа за 1896—97 годъ:

1) «Утреннія молитвы при университетской церкви».

2) «Ежемѣсячныя собранія съ проповѣдью, молитвой, пѣніемъ».

3) «Еженедѣльныя собранія классныхъ группъ при каждомъ классѣ, сопровождаемыя молитвой».

4) «Изученіе Новаго Завѣта».

Это составляетъ 4 хъ годичный курсъ. Помимо этого, устраиваются лекціи на религіозныя темы и экстренныя «молитвенныя собранія» по разнымъ поводамъ. Не входя въ обсужденіе самой программы, я хочу лишь констатировать фактъ, что помимо ханжества, доходящаго до того, что студентъ выразитъ ужасъ, если услышитъ, что вы занимались уроками въ воскресенье, или не посѣтили церкви, другихъ прямыхъ результатовъ вліянія религіознаго общества не замѣтно. Въ общемъ характеръ американскаго студенчества, который я очертилъ, какъ могъ, оставляетъ многаго желать, поскольку дѣло касается болѣе или менѣе серьезныхъ здравыхъ взглядовъ на жизнь, не говоря ужъ о высокихъ принципахъ, искреннихъ товарищескихъ отношеніяхъ и широкихъ взглядахъ на жизнь и ея задачи.

III.

Послѣ всего, что было здѣсь сказано о студенческихъ организаціяхъ, намъ не придется много говорить о послѣднемъ важномъ предметѣ—студенческой прессѣ. Какъ всякая пресса, она является вѣрнымъ отраженіемъ той среды, выразителемъ которой она служитъ.

Число студенческихъ газетъ и, въ особенности, журналовъ чрезвычайно велико. При каждомъ университетѣ ихъ выходитъ по нѣсколько изданій. Ихъ можно подраздѣлить на 3 группы: 1) еже-

*) § 6 устава. Что за тонкое приглашеніе къ благолѣпію!

Digitized by Google

дневныя газеты, 2) еженедѣльные журналы и 3) ежемѣсячные журналы.

1) Число ежедневныхъ газетъ не велико; онѣ выходятъ форматомъ русской газеты, хотя нѣсколько меньшаго размѣра. Въ нихъ сообщаются новости дня, главнымъ образомъ, въ университетскомъ мірѣ, какъ-то: ходъ событій въ гимнастическихъ и атлетическихъ обществахъ, какъ собственнаго университета, такъ и другихъ университетовъ въ странѣ; замѣтки о состоявшихся или имѣющихъ состояться состязаніяхъ въ атлетическомъ полѣ или другихъ сферахъ студенческой дѣятельности; иногда и общія новости, если онѣ ужъ очень выдающагося характера, какъ, напр., извѣстія о войнѣ и т. п. Въ передовыхъ статьяхъ говорится опять-таки о нуждахъ университета и задачахъ студентовъ въ области атлетики, изрѣдка попадается замѣтка по адресу учителей, въ которой жалуются на слишкомъ трудные уроки, чаще онѣ содержатъ панегирикъ по адресу какого-нибудь профессора или президента университета.

2) Самой многочисленной и популярной является вторая группа періодическихъ изданій; по характеру она немногимъ отличается отъ первой. Журналъ выходитъ тетрадью размѣромъ въ четверть листа и содержитъ отъ шести до десяти страницъ печатнаго матеріала, не считая нѣсколькихъ страницъ объявленій. Для иллюстраціи беру первый попавшійся мнѣ подъ руку номеръ журнала «Columbia Spectator», издающагося студентами университета Columbia въ Нью-Іоркѣ. Тутъ вы находите слѣдующее: первыя три страницы посвящены новостямъ дня и замѣткѣ о лекціи на религіозную тему въ обществѣ У. М. С. А., отчету о митингѣ студентовъ, созванномъ для обсужденія вопроса о принятіи участія въ весеннихъ состязаніяхъ гребцовъ-студентовъ; далѣе слѣдуютъ полемическая статья по адресу мѣстныхъ газетъ, которыя, по мнѣнію журнала, не удѣлили достаточно мѣста отчетамъ объ этомъ студенческомъ митингѣ, и отчетъ о вновь образовавшемся обществѣ фехтованія. Четвертая и половина пятой страницъ заняты описаніемъ предполагающагося къ постройкѣ зданія общежитія студентовъ. Далѣе три страницы посвящены вопросамъ объ игрѣ въ мячъ, о сравнительныхъ достоинствахъ игроковъ въ разныхъ университетахъ и т. д. Въ заключеніе нѣчто въ родѣ фельетона, почти неизмѣнно плодъ довольно остроумнаго сотрудника, хоронящагося отъ литературной славы за псевдонимомъ «Болтуна» (Tatler). Въ своихъ фельетонахъ авторъ обыкновенно осмѣиваетъ недостатки студентовъ-товарищей, воздаетъ должное отличившимся, напоминаетъ читателямъ о невыполненныхъ задачахъ,—словомъ, исполняетъ роль товарища-ментора, пекущагося о добромъ имени и интересахъ университета.

Такъ, напр., въ одномъ изъ фельетоновъ онъ такъ журитъ своихъ собратьевъ: «Для него (т. е. колумбскаго студента) нѣтъ ничего интереснаго въ университетѣ, кромѣ его класса, послѣдней новинки въ табачномъ производствѣ и послѣднемъ поворотѣ моды

Digitized by Google

на курительныя трубки». Въ чемъ же провинились студенты? Какой священной обязанностью пренебрегли они въ погонѣ за красивыми трубками и благовоннымъ табакомъ? Каковъ положительный идеалъ, который нашъ «Болтунъ» предлагаетъ своимъ товарищамъ? Нельзя сказать, чтобъ онъ отличался большой сложностью: пусть каждый студентъ пристанетъ къ той изъ имѣющихся въ университетѣ организацій, которая ему больше всего нравится и, разъ пристанетъ, отдастся ей всей душой, тогда только «проявится истинный духъ Колумбіи». Въ чемъ же заключается этотъ «истый духъ Колумбіи»? Намъ и на этотъ счетъ не нужно теряться въ догадкахъ, на это даетъ намъ отвѣтъ тотъ же фельетонъ: «... съ великимъ удовольствіемъ», продолжаетъ нашъ авторъ, «я замѣчаю, что въ Колумбіи не исчезло еще то, что, не безъ лести говоря, можно назвать студенческимъ духомъ; онъ проявился въ удаленіи.... возмутительной вывѣски съ ресторана противъ зданія юридическаго факультета, на которой красовалась надпись: «Harvard'ская кухмистерская». Авторъ выражаетъ далѣе надежду, что колумбскіе студенты не остановятся на благомъ начинаніи и дадутъ понять и другимъ оскорбителямъ колумбской чести, что имъ придется считаться со студентами за возмутительныя вывѣски вродѣ «Yale'ская зала для стрижки волосъ», «Harvard'ское бюро для выглаживанія брюкъ», «Princeton'ская таверна для трезвыхъ» и др.*),

Смотря по тому, въ какое время года вамъ попадется студенческій журналъ, вы тамъ найдете то горячо обсуждаемый вопросъ о состязаніяхъ, то взаимныя обвиненія враждующихъ фракцій въ «постыдныхъ» и «неприличныхъ» интригахъ въ «классовой политикѣ», то комментаріи на состязаніе въ дебатахъ и т. д.

3) Третья группа, какъ и первая, насчитываетъ гораздо меньше изданій, чѣмъ вторая. Это—ежемѣсячные журналы болѣе солидныхъ размѣровъ, выходящіе книжками въ восьмую листа и посвященные беллетристикѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ критическую оцѣнку печатающихся въ нихъ произведеній; замѣтимъ лишь мимоходомъ, что они содержатъ большею частію разсказы, краткія повѣсти, поэмы, стихотворенія и пр. Есть два-три журнала, которые рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ посредственности и ребячества, характеризующихъ студенческую прессу. Одинъ изъ нихъ «University Forum» издается студентами университета въ городѣ Сиракузахъ, шт. Нью-Іоркъ. Достаточно дать заглавія нѣсколькихъ статей одного номера, чтобъ показать характеръ журнала. Вы тутъ находите: «Системы найма рабочихъ для муниципалитета поден и по контракту», «Изученіе астрономіи и ея мѣсто среди други наукъ», «Какъ живутъ бѣдные студенты» и т. д. Научныя стат вродѣ первыхъ двухъ, пишутся профессорами, другія, вродѣ послѣ ихъ, студентами. Къ сожалѣнію, вы не найдете больше двух

*) Columbia Spectator, n. y. march. 16, 1897, стр. 64.

Digitized by Google

трехъ такихъ журналовъ во всей странѣ, и кругъ ихъ читателей не идетъ дальше студентовъ ихъ же университета.

Послѣдняя статья кстати напомнила мнѣ, что я ни словомъ не заикнулся о жизни бѣдныхъ студентовъ. Скажу лишь нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, такъ какъ статья и безъ того ужъ растянулась. Большинство студентовъ принадлежитъ къ семьямъ средняго класса, съ обыкновеннымъ достаткомъ, который даетъ имъ возможность дать своимъ дѣтямъ среднее, а потомъ и спеціальное образованіе. Они живутъ безъ роскоши, но и не нуждаясь, обучаясь большею частью въ родномъ же городѣ. Есть однако не мало студентовъ, которыхъ честолюбіе тянетъ къ большимъ, богатымъ университетамъ Востока, какъ Columbia, Harvard, Yale, Princeton, Cornell и др. Такъ какъ плата за право ученія въ американскихъ университетахъ весьма высока, то студентамъ приходится часто искать заработка на сторонѣ для покрытія расходовъ, достигающихъ здѣсь довольно крупныхъ размѣровъ. Система даванія уроковъ здѣсь не развита въ такой степени, какъ въ Россіи; за то, съ другой стороны, всякаго рода трудъ оплачивается въ Америкѣ куда лучше, чѣмъ въ Европѣ, и не считается постыднымъ. Поэтому здѣсь не рѣдкость увидѣть студента работающимъ по субботамъ и воскресеньямъ въ цирюльнѣ (по субботамъ въ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ занятій), или застать его за мытьемъ половъ и оконъ университета внѣ учебныхъ часовъ; кто занимается продажей книгъ во время каникулъ, кто служитъ лакеемъ при лѣтнемъ отелѣ, кто репортеромъ при газетѣ, кто проповѣдникомъ при церквахъ, находящихся въ окрестностяхъ университетскаго города, кто, наконецъ, даетъ уроки атлетики.

Картина, набросанная здѣсь, покажется, я знаю, русскому читателю невѣроятной. Узость понятій, мелочность характера, ребяческая незрѣлость мысли, стадное увлеченіе дѣтскими играми, ведущее къ азарту и жестокости среди этихъ дѣтей «изряднаго возраста»—слишкомъ ужъ это все невѣроятно звучитъ по адресу поколѣнія молодого, да еще отдающагося спеціально умственнымъ занятіямъ. Все это я понимаю, все это я самъ перечувствовалъ, когда впервые увидѣлъ собственными глазами; мнѣ остается лишь пожелать, чтобъ и другіе наблюдатели американской жизни подѣлились съ читателями своими впечатлѣніями, вынесенными изъ здѣшней студенческой среды. Что они подтвердятъ все здѣсь сказанное, я нисколько не сомнѣваюсь.

Ив. Каменцевъ.

Нью-Іоркъ, май 1897 г.

Digitized by Google

Зной.

Какъ зноенъ воздухъ, какъ онъ тихъ...
Какъ безучастно солнце свѣтитъ!
Оно, сжигая, не замѣтитъ
Цвѣтовъ и вѣтокъ молодыхъ...
Хирѣетъ лѣсъ, завяли нивы
Въ тяжелой жаждѣ, безъ росы;
Для ихъ поблекнувшей красы
Не нуженъ солнца блескъ игривый...
Онъ давитъ жизнь... Мертвящій зной
Не облегчитъ ея томленья.
Хоть бы на мигъ случайной тѣнью
Промчалась туча надъ землей!
Скорѣй, гроза!.. Скорѣй раскатомъ
Раздайся съ неба первый громъ!
Надежда въ сердцѣ, грустью сжатомъ,
Тогда блеснетъ своимъ огнемъ;
Зашевелятся вновь желанья,
Окрѣпнутъ вешнія мечты;
Средь оживленной красоты
Не будетъ мертваго молчанья;
Деревья снова зашумятъ,
Порывамъ вѣтра отвѣчая,
И стебель, свой цвѣтокъ качая,
Шепнетъ грозѣ: «я жизни радъ»!..

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

Пѣвецъ больного поколѣнія.

Родная сторона, не требуй отъ пѣвцовъ
Величія души героевъ и пророковъ!
. . . . . .
Мы только голосъ твой, и если ты [больна,
И наша пѣснь больна... Въ ней вопль [твоихъ страданій,
Видѣнья твоего болѣзненнаго сна,
Кровь тяжкихъ ранъ твоихъ, тоска [твоихъ желаній!
С. Надсонъ.

Литературное поколѣніе конца 70-хъ, начала 80-хъ годовъ не выдвинуло изъ своей среды ни одного крупнаго, могучаго таланта вродѣ тѣхъ, какіе составляютъ въ литературѣ эпоху, создаютъ школу, пролагаютъ новые пути. Въ жизни общества то было время лихорадочно напряженныхъ нервовъ, когда за судорожными порываніями впередъ слѣдовали боязливыя оглядки назадъ, когда бокъ-о-бокъ съ пламенной вѣрой и страстнымъ одушевленіемъ находили себѣ мѣсто и мрачное сомнѣніе, и холодное отчаяніе. Мудрено-ли, что литература, это вѣрное зеркало дѣйствительности, не могла создать въ подобную эпоху ничего художественно-прочнаго, творчески-уравновѣшеннаго. И тѣмъ не менѣе на рубежѣ 80-хъ годовъ въ русской литературѣ вырисовываются три замѣчательныя фигуры, какъ-бы дополняющія одна другую, и если не равныя по силѣ таланта, то почти одинаково симпатичныя и интересныя. Это — Новодворскій, Гаршинъ и Надсонъ. Хотя послѣдній и былъ значительно младшимъ по возрасту, но не безъ основанія выразился онъ о себѣ: «я раньше вышелъ въ путь, чѣмъ сверстники мои»,—и по духу онъ долженъ быть причисленъ къ тому же самому поколѣнію. Всѣ трое очень походили другъ на друга даже по внѣшнимъ чертамъ своей жизни, по ея трагической развязкѣ... Новодворскій и Надсонъ умерли отъ чахотки почти въ юношескомъ возрастѣ, первый 28, второй 24 лѣтъ; Гаршинъ, нѣсколько позже, самъ наложилъ на себя руки въ припадкѣ психическаго разстройства. Короткая жизнь Новодворскаго представляла собой сплошныя муки голода и медленнаго умиранія въ

Digitized by Google

когтяхъ нищеты; недолгій путь Надсона весь омраченъ борьбою со смертельнымъ физическимъ недугомъ, Гаршина—съ недугомъ душевнымъ. Это все одинъ грустный мотивъ съ небольшими лишь варіаціями. Нравственныя физіономіи писателей были не менѣе сходны.

Старшій изъ троихъ, Новодворскій, отличался внѣшней суровостью и жесткостью, какъ настоящій сынъ того времени, когда молодежь поголовно жаждала слиться съ сермяжнымъ людомъ, принять на себя его грубую оболочку («опроститься», какъ тогда выражались); однако подъ этой наружной холодностью и показной сухостью скрывалась пламенная душа, билось благородное и самоотверженное сердце. Изъ біографіи его мы знаемъ, какъ любилъ онъ свою мать и сестеръ, какъ выбивался изъ послѣднихъ силъ, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти. Несмотря на невозможно-печально сложившіяся условія личной жизни, онъ болѣлъ душой не о себѣ, а о страданіяхъ родного народа, и вѣчно мучился сознаніемъ своей оторванности отъ простого, темнаго люда, сознаніемъ того, что понятія этого люда отстоятъ безконечно-далеко отъ его собственныхъ мыслей.

Другой, не менѣе самоотверженный народолюбецъ, добровольно ходившій за далекій Дунай для того, чтобы пролить тамъ свою кровь такъ же, какъ проливали ее тысячи и десятки тысячъ безвѣстныхъ простолюдиновъ,—этотъ другой былъ до того безупречно-чистъ и обаятеленъ, что даже у поэта, никогда не грѣшившаго особенной сердечностью, вырвались при воспоминаніи о немъ такія задушевныя строки:

Я ничего не зналъ прекраснѣй и печальнѣй
Лучистыхъ глазъ его и блѣднаго чела,
Какъ-будто для него земная жизнь была
Тоской по родинѣ недостижимо-дальней!

Столь же прекраснымъ и благороднымъ рисуется и образъ Надсона, какъ изъ его поэзіи, такъ и изъ біографическихъ данныхъ. Честь же и слава поколѣнію, которое имѣло такихъ представителей.

Глубоко-родственные другъ другу по настроенію и по характеру идей, три молодые писателя отмежевали себѣ очень близкія, но вполнѣ своеобразныя области и формы художественнаго творчества. Въ произведеніяхъ Новодворскаго-Осиповича отразилась больше внѣшняя, реальная сторона жизни и страданій молодежи 70-хъ, начала 80-хъ годовъ; скорбная насмѣшка надъ собственнымъ безсиліемъ и неудачливостью, скрытый подъ юморомъ гнѣвъ противъ всевластной житейской рутины проникаютъ его небольшіе разсказы, посвященные этимъ «ни-павамъ, ни-воронамъ», «мечтателямъ», «карьеристамъ», ихъ «романамъ» и «исторіямъ». Элементъ юмора почти вовсе отсутствуетъ въ трагической музѣ Гар-

Digitized by Google

шина, всецѣло ушедшей въ изслѣдованіе душевныхъ глубинъ своей эпохи, интересующейся психіатрическими сюжетами и темами. Наконецъ Надсонъ является по-преимуществу пѣвцомъ-лирикомъ того-же поколѣнія, смѣняющихся въ его душѣ настроеній, тревогъ и мечтаній...

Однако, что же это было за поколѣніе, которое въ заголовкѣ статьи мы назвали «больнымъ», и какія причины обусловливали его болѣзненность? Лежалъ ли недугъ въ его крови, какъ нѣчто фатальное и неисцѣлимое, унаслѣдованное отъ отцовъ? Или, напротивъ, оно явилось на свѣтъ здоровымъ и жизнерадостнымъ, но о немъ нужно сказать лишь словами того же Надсона о своей молодости: «замерла, какъ прерванный напѣвъ»?..

Передъ молодымъ русскимъ обществомъ, выросшимъ на почвѣ уничтоженнаго крѣпостного права, лежала великая историческая проблемма: сдѣлать освобожденный народъ счастливымъ, довольнымъ... Но великія задачи легко и скоро рѣшаются только въ наивныхъ юношескихъ мечтаніяхъ; суровая дѣйствительность часто ставитъ на ихъ пути непреоборимыя преграды, о которыя разбиваются не только мечты, но порой и самая жизнь благородныхъ мечтателей. Нужно быть стоикомъ по натурѣ, надо обладать выдержкой бойца, закаленнаго въ жизненныхъ испытаніяхъ, чтобы съ яснымъ духомъ и веселымъ лицомъ идти навстрѣчу не только побѣдѣ, но и возможному пораженію. И такіе философы-стоики, конечно, отыскиваются во всякую эпоху и во всякомъ поколѣніи, иногда въ большемъ, иногда въ меньшемъ количествѣ; но подавляющее большинство составляютъ всегда не они, а люди средніе, люди—не герои, люди не практическаго подвига. Мы не хотимъ, впрочемъ, сказать этимъ, что они представляютъ собой нравственно худшіе элементы поколѣнія: нѣтъ, очень часто это бываетъ краса и гордость его — сердца съ утонченной нервной организаціей, съ болѣзненно-страстной жаждой добра, правды, любви. Такими сердцами были и Новодворскій, Гаршинъ и Надсонъ...

Вотъ это-то большинство, при встрѣчѣ съ великими жизненными преградами не находящее въ себѣ достаточной силы воли и энергіи, и отдается очень скоро рефлексіи, тревогамъ и сомнѣніямъ всякаго рода, заболѣваетъ припадками апатіи и мрачной ипохондріи. Одного начинаетъ терзать неувѣренность въ собственныхъ силахъ и способностяхъ служить великому дѣлу; другой, напротивъ, чувствуя въ себѣ, какъ герой Лермонтова, «силы необъятныя», не можетъ вѣрить въ самое дѣло, въ возможность быстраго и скораго воплощенія идеала въ жизнь; третій, сознавая необходимость огромныхъ жертвъ со стороны личности, томится жгучею жаждой покоя и счастья, жаждой, которая и вступаетъ въ бурный конфликтъ съ призывами долга. Варьируются и усложняются подобнаго рода колебанія и сомнѣнія до безконечности. Вотъ какую мѣткую характеристику людямъ своего поколѣнія даетъ, напр., Новодворскій:

Digitized by Google

«Это алчущая правды, вѣчно страдающая, вѣчно рвущаяся къ свѣту ни-пава, ни-ворона... Она родилась между воронами, въ вороньей обстановкѣ; родилась впечатлительной, сердечной, доброй и сразу стала чувствовать себя неладно въ вороньей средѣ. Она задыхается, ищетъ воздуха. А тамъ, у подножія божества, спокойно расположились павы... Неотъемлемая особенность ея характера— неудовлетворенность и стремленіе къ идеалу. Ни вороны, ни павы этого не испытываютъ. У первыхъ ничего подобнаго не зарождалось въ головѣ, а вторыя успокоились на лонѣ какой-нибудь до того широкой (или узкой), идеи, или на такомъ громадномъ запасѣ силы, что передъ нею всѣ сомнѣнія, терзанія — нуль! Нашей ни-павѣ, ни-воронѣ завидно это олимпійское спокойствіе, она такъ энергично рвется къ богинѣ, что, наконецъ, можетъ достать до нея рукою и съ восторгомъ смотритъ внизъ, на громадный вороній міръ, копошащійся тамъ, далеко. Но тутъ-то и оказывается, что павой ей никогда не бывать, не потому, чтобы ее ощипали, а просто потому, что въ ней самой много вороньяго: она страстно любитъ воронъ... Вотъ и начинаетъ чудить ни-пава, ни-ворона. Она протягиваетъ руку внизъ, зоветъ воронъ, несмотря на то, что павамъ это, быть можетъ, вовсе нежелательно; потомъ, видя, что вороны не обнаруживаютъ ни малѣйшаго поползновенія летѣть такъ высоко, она схватываетъ богиню за подолъ платья и тянетъ внизъ, къ воронамъ; когда и эти желанія ни къ чему не приводятъ, она, больная, измученная, проклинаетъ и божество и воронъ и умираетъ... ни-павой, ни-вороной».

Не менѣе характерныя жалобы и признанія можно найти въ произведеніяхъ почти всѣхъ молодыхъ писателей 70-хъ годовъ. Но настоящей жертвой мучительнаго разлада идеала съ жизнью явился такой крупный художникъ и искренній человѣкъ, какъ Всеволодъ Гаршинъ. Въ его произведеніяхъ муки сомнѣній принимаютъ уже прямо трагическую форму: достаточно вспомнить «Красный цвѣтокъ», сказку «То, чего не было», «Attalea princeps». Гордая пальма, цѣной жизни пробившаяся къ желанному свѣту и простору, спрашиваетъ, умирая: «Только-то?».. Этотъ отчаянный вопль потрясаетъ и самаго вѣрующаго читателя до глубины души. Здѣсь чувствуется правда и сила накипѣвшаго страданія, и никто, конечно, не подумаетъ упрекнуть или обвинить Гаршина въ недостаткѣ вѣры и мужества...

Но погодите, читатель. Время идетъ, лучшіе, даровитѣйшіе люди поколѣнія сойдутъ со сцены,

И полѣзутъ изъ щелей
Мошки да букашки...

Самодовольные фразеры и полоумные выродки поспѣшатъ охладѣть ко всѣмъ «высокимъ словамъ» вродѣ любви къ человѣчеству, къ родинѣ, гражданскаго долга и честности и начнутъ мечтать о томъ, «чего не бываетъ на свѣтѣ», о «черныхъ розахъ», о «блѣд-

Digitized by Google

ныхъ, непокрытыхъ ногахъ» и всей прочей дребедени извращеннаго чувства и фантазіи. И все это будетъ объявлено продуктомъ вновь открытой у человѣчества мозговой линіи, новымъ словомъ новаго искусства! Очевидно, многолѣтнія, искреннія страданія лучшей части общества не могутъ не оставить въ немъ глубокихъ разрушительныхъ слѣдовъ; создается настоящая неврастенія духа, на почвѣ которой и распускаются такъ пышно болотные цвѣты жеманнаго и узколобаго «декадентства».

Но оставимъ въ сторонѣ этихъ пигмеевъ выродившагося поколѣнія. Ихъ старшіе братья не рядились въ маски, и если въ жизни имъ суждены были одни только благіе порывы, то страданія были отъ этого не менѣе велики и искренни. Въ этомъ смыслѣ моментъ былъ глубоко-содержательный и поэтическій; ощущалась почти мучительная потребность въ появленіи крупнаго поэта, сына своего времени, который ударилъ бы съ могучей силой по сердцамъ и самъ получилъ бы отъ этихъ благодарныхъ сердецъ неувядаемый вѣнокъ славы... Однако, по бѣдности ли художественныхъ силъ поколѣнія, по другой ли какой причинѣ, геніальнаго писателя, выразителя чувствъ и идей эпохи, русское общество такъ и не дождалось вплоть до настоящей минуты, и законная доля славы досталась талантамъ болѣе скромнымъ. За Новодворскимъ послѣдовалъ Гаршинъ, за Гаршинымъ Надсонъ.

Не трудно понять, почему первый изъ нихъ меньше всѣхъ имѣлъ успѣха при жизни, а теперь, пятнадцать лѣтъ послѣ смерти, можетъ быть названъ черезчуръ даже основательно забытымъ писателемъ. Метафоричность разсказовъ Новодворскаго, множество вычурныхъ недомолвокъ, намековъ и многоточій, не могли сдѣлать ихъ доступными огромному большинству читающей публики.

Популярность Гаршина, конечно, несравненно значительнѣе, какъ значительнѣе и самый его талантъ; однако нельзя не признать, что характеръ этого таланта былъ слишкомъ исключителенъ: больной художникъ разрабатывалъ черезчуръ однотонныя и мрачно-исключительныя темы и сюжеты. Только на лирѣ Надсона нашлись струны, отвѣчавшія чувствамъ и мыслямъ огромнаго числа людей его времени; въ его пѣсняхъ отразились горе и радость почти всего поколѣнія—и здѣсь-то, думаемъ мы, лежитъ разгадка того необыкновеннаго успѣха, который выпалъ на ихъ долю.

Въ какихъ нибудь двѣнадцать лѣтъ, книжка стихотвореній Надсона успѣла выдержать четырнадцать изданій, изъ которыхъ восемь посмертныхъ, изданныхъ литературнымъ фондомъ, печатались, если не ошибаемся, каждое по 6000 экземпляровъ. Такимъ образомъ около 50000 экз. книги, цѣну которой нельзя назвать очень дешевой (2 руб.), разошлось въ десять лѣтъ, другими словами — расходилось по 5 т. ежегодно. Конечно, для Россіи, для нашего книжнаго рынка, никогда не отличавшагося особенной бойкостью, это успѣхъ прямо колоссальный. Немудрено, если надъ объясненіемъ

Digitized by Google

его уже не разъ задумывались и друзья, и враги Надсона, особенно, конечно, послѣдніе. Намъ памятна по этому поводу статейка одного неудавшагося поэта, изъ котораго вышелъ впослѣдствіи еще болѣе неудавшійся критикъ. Выпустивъ собственный сборникъ стиховъ, единственными читателями котораго явились пауки да крысы, онъ задался на страницахъ «Историч. Вѣстника» глубокомысленнымъ вопросомъ о причинахъ удивительно быстрой распродажи надсоновской книги и рѣшилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: кружокъ либеральныхъ друзей Надсона, сговорившись, раскупаетъ его стихи, изданіе за изданіемъ; мудрый критикъ собственными глазами видалъ по нѣскольку изданій у однихъ и тѣхъ же лицъ... Словомъ, успѣхъ поэта безусловно искусственный, дутый, поддѣльный...

Съ не менѣе курьезнымъ объясненіемъ встрѣтились мы совсѣмъ недавно въ статьѣ г. Меньшикова (см. № 2 «Кн. Недѣли» за нынѣшній годъ), посвященной памяти Надсона. Сущность взгляда почтеннаго писателя заключается въ слѣдующемъ. Поэзія была только одною изъ чертъ надсоновской фигуры, и даже не самой выразительной. Не будь намъ ничего извѣстно о личности Надсона, мы сказали бы о его стихахъ: «и зачѣмъ это нынче молодые люди такъ рано печатаются?» Ничего въ этихъ стихахъ нѣтъ замѣчательнаго, плѣняющаго (!), ничего неотразимаго, вполнѣ зрѣлаго. Разгадка обаянія Надсона, въ особенности среди молодежи и женщинъ,—въ нравственной красотѣ его образа. По мнѣнію г. Меньшикова, стоило бы всѣмъ увидать и любого изъ благородныхъ людей, существующихъ въ жизни,—и онъ сталъ бы славенъ не меньше, чѣмъ Надсонъ... Безвѣстный Иванъ Ивановичъ прогремѣлъ бы по всей Россіи и даже по всему свѣту (sic!)... Ну, вотъ и Надсонъ: онъ былъ очень хорошій человѣкъ, какъ человѣкъ; но счастливыя и несчастныя случайности выдвинули его изъ толпы, и толпа ахнула отъ удивленія: такъ онъ былъ привлекателенъ... Если бы, однако, живой Надсонъ не былъ показанъ толпѣ, если бы сборникъ его стиховъ былъ найденъ случайно и напечатанъ безъ имени автора, нѣтъ сомнѣнія, ни критика, ни публика не обратили бы на него и десятой доли вниманія... У насъ есть почти совсѣмъ неизвѣстные высокодаровитые поэты, напр., Тютчевъ и *Фетъ*, которые умерли стариками и не дождались еще и 3-го изданія,—по той причинѣ, что живая личность ихъ была совершенно невидима (!!) большинству публики. И если бы не трагическая кончина Пушкина и Лермонтова, сразу (?) выдвинувшая ихъ личность, то извѣстность этихъ великихъ поэтовъ и ихъ поэзіи была бы гораздо меньше (!).

Да не подумаетъ прежде всего читатель, что, пересказывая статью г. Меньшикова, мы придали ей намѣренно юмористическій оттѣнокъ; нѣтъ, приведенныя нами сужденія почти дословно взяты изъ напечатанной въ февр. кн. «Недѣли» статьи. Не говоря уже о слащавой сантиментальности и преувеличенной наивности тона, столь

Digitized by Google

свойственной вообще философамъ «Недѣли», здѣсь все отзывается выдумкой и искаженіемъ бьющихъ въ глаза фактовъ. Начать съ того, что не трагическая кончина *сразу* выдвинула Пушкина и Лермонтова, а ихъ великій талантъ, благодаря которому первый изъ поэтовъ еще задолго до смерти считался уже всѣми признаннымъ создателемъ и главою новой русской поэзіи и литературы; утверждать, что не умри Пушкинъ на дуэли, онъ былъ бы «гораздо меньше извѣстенъ»—по меньшей мѣрѣ странно. Не менѣе странно сравнивать Надсона, пѣвца «раздумья, тревогъ и сомнѣній» своего времени, съ пѣвцомъ «робкаго дыханья и трелей соловья», Фетомъ, и незначительную популярность послѣдняго объяснять неизвѣстностью публикѣ его живой личности: г. Меньшиковъ хочетъ представить намъ, какъ свѣтлую и благородную личность, этого крѣпостника-поэта, всю жизнь воевавшаго съ крестьянами изъ-за потравъ и другихъ преступленій въ томъ же родѣ...

Г. Меньшиковъ впервые, кажется, пускается въ область чисто-художественной критики, но врядъ ли онъ проявляетъ большой эстетическій вкусъ, утверждая, что въ стихахъ Надсона нѣтъ ничего плѣнительнаго, что будь они напечатаны безъ имени автора, никто на нихъ и вниманія не обратилъ бы. О вкусахъ, правда, не спорятъ, но надо же считаться хоть съ хронологіей фактовъ, о которыхъ берешься судить. Ужъ конечно, академія наукъ, присудившая Надсону еще при его жизни пушкинскую премію, не руководствовалась при этомъ слухами о личныхъ качествахъ поэта, слухами, которые, навѣрное, не были ей даже извѣстны. Г. Меньшиковъ ссылается на собственную память, которая подсказываетъ ему, что когда печатались въ «Словѣ» и «Отечеств. Зап.» первые стихи Надсона, то въ *кронштадтской* публикѣ гораздо меньше говорили о немъ, чѣмъ, напр., о Фругѣ... Но, во-первыхъ, весьма возможно, что въ какомъ нибудь Вышнемъ-Волочкѣ о Надсонѣ и до сихъ поръ ничего не знаютъ, а восхищаются стихами г. Аполлона Коринфскаго; а во-вторыхъ, время, о которомъ разсказываетъ г. Меньшиковъ, не такъ еще отдаленно, чтобъ мы не имѣли о немъ собственныхъ воспоминаній. Они, эти воспоминанія, говорятъ намъ, что напечатанное въ одной изъ первыхъ книжекъ «Слова» за 81 годъ стихотвореніе Надсона «Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ», сразу заставило говорить объ авторѣ всѣхъ истинныхъ цѣнителей поэзіи; и когда ровно черезъ годъ, съ январской книжки «Отеч. Зап.» 82 г., началъ появляться рядъ новыхъ стихотвореній молодого поэта, они были встрѣчены публикой съ громкимъ восторгомъ, и имя Надсона уже постоянно было съ тѣхъ поръ на устахъ молодежи... Такія стихотворенія, какъ «Завѣса сброшена», «О любви твоей другъ мой», «Позабытые шумнымъ ихъ кругомъ», «Весенняя сказка» и др., заучивались наизусть; извѣстность поэта росла очень быстро, и, беря въ руки новую книжку «Отеч. Зап.», тогдашняя молодежь торопилась прежде всего раскрыть страницу, на которой

Digitized by Google

было напечатано его новое стихотвореніе. И тѣмъ не менѣе среди петербургскаго студенчества никто еще ровно ничего не зналъ о *личности* автора. Даже два года спустя въ большой публикѣ извѣстно было только одно, что Надсонъ молодой офицеръ, и намъ самимъ случалось не разъ натыкаться на нелѣпые слухи о безпутныхъ оргіяхъ, въ которыхъ, подобно Лермонтову, онъ, будто бы, губилъ свои силы и дарованіе... Личная извѣстность Надсона даже въ литературныхъ кругахъ была долгое время очень невелика: поэтъ отличался большой скромностью, а литература была въ тѣ времена богата фигурами болѣе, чѣмъ онъ, сильными и прославленными...

Однако, мы увлеклись. Серьезно возражать въ этомъ случаѣ г. Меньшикову не стоитъ; смѣшно же, въ самомъ дѣлѣ, доказывать, что можно быть очень хорошимъ человѣкомъ и вмѣстѣ очень посредственнымъ стихотворцемъ. Жизнь и литература имѣютъ между собой тѣсную связь, и тѣмъ не менѣе это двѣ совершенно отдѣльныя вещи. Самый добрый, самый прелестный Иванъ Ивановичъ, съ какихъ бы сторонъ ни показывали вы его публикѣ, и съ боковъ, и спереди, и сзади, не «прогремитъ» въ литературѣ, если онъ не предъявитъ ей большого литературнаго дарованія,—и напрасно вы, г. Меньшиковъ, смущаете нашихъ добрыхъ Ивановъ Ивановичей, разжигая въ нихъ славолюбивыя чувства. Надсона знаютъ и любятъ десятки и, быть можетъ, сотни тысячъ читателей вездѣ, гдѣ только звучитъ русскій языкъ и гдѣ есть интеллигентные русскіе люди, и не могли же всѣ они испытать обаяніе личнаго знакомства съ поэтомъ; его болѣзнь и безвременная смерть могли, конечно, на время обострить симпатіи публики, но надо же и честь знать—надо вспомнить, что прошло уже десять долгихъ лѣтъ со дня кончины поэта, а симпатіи къ нему общества нимало не уменьшились. Очевидно, нужно искать болѣе глубокихъ причинъ этому явленію, и мы думаемъ, что указали ихъ вѣрно. Тотъ «больной» моментъ нашей исторіи, который мы вкратцѣ обрисовали, былъ въ ней не однимъ только моментомъ: онъ страшно затянулся, и пѣвецъ поколѣнія конца 70-хъ, начала 80-хъ годовъ, этотъ пѣвецъ ихъ «раздумья, тревогъ и сомнѣній» остается и до сихъ поръ выразителемъ думъ, стремленій и страданій значительной части нашей молодежи и общества. Отсюда его не уменьшающаяся до сихъ поръ популярность.

Подобно всему поколѣнію, Надсонъ выступилъ въ путь съ бодрой душой, со свѣтлой, несокрушимой вѣрой въ идеалы добра, свѣта и любви и въ близость ихъ воплощенія въ жизни. Его юношескія стихотворенія 1878 и 1879 гг. представляютъ почти сплошной гимнъ этимъ идеаламъ, наивно-страстный призывъ къ людямъ-братьямъ сплотиться подъ знаменемъ труда и борьбы за общее дѣло. Доста-

Digitized by Google

точно назвать заглавія этихъ стихотвореній («На зарѣ», «Идеалъ», «Впередъ»), чтобы видѣть, что отъ нихъ вѣетъ мужествомъ и бодростью. Но даже и тѣ изъ нихъ, которыя начинаются въ минорномъ тонѣ, кончаются почти всегда бодрымъ призывомъ:

Впередъ за міръ и за людей!..

Надеждой и силой вѣетъ отъ такого даже грустнаго по своей темѣ стихотворенія, какъ «Похороны»:

Пусть же зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ труда и волненья,
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной!

Поэма «Христіанка» имѣетъ въ виду показать,

Какъ люди въ старину когда-то
Умѣли вѣрить и любить.

Другая поэма, «Іуда», полна непримиримой ненависти (весьма характерной для кроткаго всегда Надсона) ко всѣмъ измѣнникамъ и предателямъ. Но ярче и сильнѣе всего выразилось это бодрое душевное настроеніе молодого поэта въ знаменитомъ, упомянутомъ уже нами, стихотвореніи «Другъ мой, братъ мой...» Оно характеризуетъ собой цѣлую полосу русской жизни съ ея наивной молодой восторженностью и не менѣе наивной вѣрой въ могущество идеи, и ужъ этого одного обстоятельства,—не говоря о прелестной, безукоризненно-поэтической формѣ—было бы вполнѣ достаточно для его права войти въ исторію русской литературы...

«Другъ мой, братъ мой...» написано въ концѣ 1880 г., но уже много раньше въ поэзію Надсона врывается скорбная нота сомнѣнія и разлада, которая съ этихъ поръ непрерывно ростетъ и, наконецъ, подобно темной тучѣ, закрываетъ весь душевный горизонтъ поэта.

Г. Меньшиковъ силится доказать намъ, что скорбь эта была очень не глубокой, вполнѣ наносной и подражательной, что вся бѣда Надсона заключалась въ «дурной школѣ его благороднаго *padre* А. Н. Плещеева». Стихи Надсона сдѣлались, молъ, «пронзительно-унылыми» по чистой случайности и недоразумѣнію. По природѣ муза Надсона—его душа—была одна изъ самыхъ безпечныхъ и ясныхъ. Но стоило взяться ему за перо—и онъ начиналъ ныть. Тутъ дѣйствовалъ гипнозъ подражанія: съ одной стороны «благородный padre» наущалъ, съ другой «муза мести и печали» рисовалась, вспоминались стихи «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное» (надъ чѣмъ смѣетесь, г. Меньшиковъ!) и пр. Тогдашняя поэзія еще донашивала устарѣлый, варварски-утрированный байронизмъ, который въ наше время выдохся до декадентства...

Что сказать на это, читатель? Мудрецы «Недѣли» хотятъ насъ увѣрить, что современное декадентство (однимъ изъ гнѣздъ котораго является сама-же «Недѣля») вышло изъ «музы мести и печали»!..

«Унылый пессимизмъ», утверждаетъ далѣе г. Меньшиковъ, по

Digitized by Google

мѣрѣ возраста, покидаетъ Надсона. Отдавъ дань молодости, онъ непремѣнно отошелъ-бы отъ своихъ *плохихъ* учителей, Некрасова и Плещеева, и усвоилъ бы—въ мѣрѣ своихъ силъ — единственный у насъ безупречный стиль (и далея же этимъ господамъ стиль! о содержаніи они не говорятъ!) — пушкинскій. Къ этому г. Меньшиковъ прибавляетъ какой-то странный намекъ о признаніяхъ, которыя, будто бы, Надсонъ дѣлалъ въ письмахъ къ друзьямъ (ужъ не къ самому-ли г. Меньшикову?) насчетъ «борьбы», такъ часто воспѣваемой въ его стихахъ, о признаніяхъ, которыя, молъ, удивятъ впослѣдствіи его поклонниковъ... На это можно сказать одно: конечно, друзья бываютъ разные, и противъ нѣкотораго сорта друзей предостерегалъ еще дѣдушка Крыловъ.

Какъ мы уже видѣли, Надсонъ, дѣйствительно, началъ свою литературную карьеру съ «безпечной и ясной душой», съ жизнерадостнымъ, вѣрующимъ взглядомъ на жизнь и на людей. Мрачныя, разочарованныя нотки, попадающіяся въ его стихахъ еще почти отроческаго періода, дѣйствительно, отзываются малой глубиной и недостаточной пережитостью, и читателю не нужно обладать особенной прозорливостью, чтобы сразу почувствовать это. Другое совсѣмъ дѣло — утверждать, будто съ годами пессимизмъ Надсона все больше и больше покидаетъ его, будто скорбь его поэзіи вообще была скорбью дѣланной и чисто-подражательной; утверждать это — значитъ, по нашему мнѣнію, совсѣмъ не знать надсоновской поэзіи, совсѣмъ не имѣть художественнаго чутья, не умѣть различать искренность отъ фальши, ложь отъ истины. Скорбь Надсона, муки обуревавшихъ его тревогъ и сомнѣній съ годами, напротивъ, все ростутъ и обостряются; примиренія съ людской пошлостью также сердце не могло отыскать; поэтъ, который всего за два, за три мѣсяца до смерти писалъ негодующей рукою:

Стыдъ гаснетъ, совѣсть спитъ... Ни проблеска кругомъ,
Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ!—

не могъ уйти весь, съ головой, въ заботы о «стилѣ», хотя бы и самомъ безупречномъ. Какими бы открытіями и признаніями самого Надсона въ письмахъ къ «друзьямъ» ни грозился намъ почтенный сотрудникъ «Недѣли», мы не повѣримъ его пророчествамъ. За небольшой періодъ своей литературной и поэтической дѣятельности, Надсонъ далъ намъ во всякомъ случаѣ достаточное количество данныхъ, опредѣляющихъ основной типъ его нравственной природы и поэтическаго таланта; по нимъ можно судить безошибочно и о томъ пути, которымъ онъ пошелъ бы въ будущемъ. И ужъ, разумѣется, это не былъ бы путь русскихъ «парнассцевъ».

Разсмотримъ же однако главные мотивы надсоновской поэзіи и раскроемъ, насколько это возможно въ короткомъ журнальномъ этюдѣ, ихъ внутренній смыслъ и значеніе. Нельзя, конечно, отрицать, что для поэта-художника мотивы эти довольно однотонны; на читателя, который приступаетъ къ чтенію поэта въ поискахъ глав-

Digitized by Google

нымъ образомъ, эстетическаго удовольствія, поэзія Надсона очень скоро можетъ нагнать скуку. Но если предъявлять къ писателю другого рода требованія, если имѣть въ виду иную публику, то поэзію Надсона слѣдуетъ признать, напротивъ, даже очень богатой по разнообразію затронутыхъ въ ней мотивовъ и сюжетовъ. Быть можетъ, его не признаетъ своимъ пѣвцомъ та часть его поколѣнія, которую мы въ самомъ началѣ выдѣлили, какъ исключительную и по-своему счастливую группу; но за то все огромное большинство, несомнѣнно, нашло въ Надсонѣ самаго полнаго выразителя и истолкователя своей психической жизни.

Среди этихъ плѣняющихъ своей задушевностью мотивовъ первое мѣсто, какъ и у всякаго лирическаго поэта, занимаетъ у Надсона любовь къ женщинѣ. И посмотрите, читатель, какое это хрустально-чистое, какое благородное чувство—любовь поколѣнія, бывшаго такимъ несчастнымъ въ жизни и заслужившаго отъ своихъ враговъ столько клеветъ!

Если любить—безконечно томиться
Жаждой объятій и знойныхъ ночей,
Я не любилъ...—

разсказываетъ намъ поэтъ:

я молился предъ *ней*
Такъ горячо, какъ возможно молиться!

Все, о чемъ смѣлъ онъ мечтать, было «слово привѣта на чистыхъ устахъ, не оскверненныхъ ни злобой, ни ложью»; его увлекала «гордая мысль къ красотѣ идеала, чтобъ, полюбивъ, безконечно любить». Не станемъ доказывать дальнѣйшими выписками эту извѣстную всѣмъ и каждому чистоту надсоновской любви, лучшее украшеніе его поэзіи. Достаточно будетъ напомнить еще такое чудное стихотвореніе, какъ «О любви твоей, другъ мой» и весь рядъ стихотвореній, посвященныхъ памяти рано умершей любимой дѣвушки. Изъ нихъ особенно характерно «Все это было, но было какъ-будто во снѣ», гдѣ молодой поэтъ терзается мыслью о недолговѣчности человѣческаго чувства и безсиліи самой памяти сохранить дорогой образъ.

Безъ вѣчности чувства
Смысла въ немъ нѣтъ! Если-жъ нѣту любви,
нѣтъ искусства,
Правды, добра, красоты, нѣтъ души у земли!

«Душа у земли» — вотъ чего больше всего требуетъ Надсонъ отъ жизни и всѣхъ ея даровъ, въ томъ числѣ и любви. Безъ «души» красота его не плѣняетъ, и въ стихотвореніи «Только утро любви хорошо» онъ рисуетъ передъ читателемъ безотрадную картину такой любви, любви безъ связующаго людей общаго дѣла и общихъ убѣжденій (кстати спросить: что бы сдѣлалъ поэтъ съ менѣе чистымъ воображеніемъ изъ этого стихотворенія, гдѣ Надсону все время приходится скользить на границѣ цинизма и гдѣ однако онъ не

Digitized by Google

пробуждаетъ въ читателѣ ни тѣни грязнаго чувства?).—Ему легче думать, что любимая имъ дѣвушка умерла, нежели знать, что она не раздѣляетъ его взглядовъ на жизнь; послѣ перваго поцѣлуя «подъ липою душистой» онъ уже говоритъ своей милой о жертвахъ и борьбѣ, которыя она встрѣтитъ, идя съ нимъ рука объ руку.

Но если счастье знать, что другъ твой не измѣнитъ
Завѣтамъ совѣсти и родинѣ своей,
Что выше красоты въ тебѣ онъ душу цѣнитъ,
Ея отзывчивость къ страданіямъ людей,
Тогда въ моей душѣ нѣтъ за тебя тревоги,
Дай руку мнѣ, дитя, и прочь минутный страхъ:
Мы будемъ счастливы, такъ счастливы, какъ боги
На недоступныхъ небесахъ!..

Конечно, все это въ высшей степени характерно для русской молодежи недавняго времени, представителемъ которой былъ Надсонъ.

Не менѣе характерной чертой надсоновской любви является отсутствіе въ ней беззавѣтности, способности безраздѣльно и всецѣло отдаться чувству личнаго счастья и радости; у нашего поэта къ этому чувству всегда примѣшиваются сомнѣнія и тревоги личнаго или общественнаго характера.

Не весь я твой—меня зовутъ
Иная жизнь, иныя грезы...
Отъ нихъ меня не оторвутъ
Ни ласки жаркія, ни слезы,

заявляетъ онъ еще въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ стихотвореній; но тотъ же мотивъ яркою нитью проходитъ и по большинству его болѣе зрѣлыхъ произведеній, посвященныхъ любви. Таковы стихотворенія: «Не гордымъ юношей», «Не вини меня, другъ мой» и особенно «Позабытые шумнымъ ихъ кругомъ».

Но несравненно большую роль, чѣмъ любовь къ женщинѣ, играетъ у Надсона любовь къ родинѣ. Была она, несомнѣнно, и у поэтовъ прежнихъ эпохъ, и у Пушкина и у Лермонтова, но это была скорѣе барская—спокойная, созерцательная любовь, умиленіе передъ красотами родной природы, любовь «изъ окна кареты» къ «пьянымъ мужичкамъ» и т. п.

Съ отрадой, *многимъ незнакомой*
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно,—

говорится въ знаменитомъ стихотвореніи «Отчизна». Но Лермонтовъ, разумѣется, ничего не дѣлалъ и не собирался дѣлать для того, чтобы у его «мужичковъ» было полное гумно и крытая соломой изба; любовь къ его родинѣ была чувствомъ, хотя и глубокимъ, но пассивнымъ, лишеннымъ всякой дѣйственной силы. Не по этой ли причинѣ и звучитъ такъ холодно, даже такъ аляповато для вели-

Digitized by Google

каго виртуоза формы, какимъ былъ Лермонтовъ, этотъ стихъ: «Съ отрадой, многимъ незнакомой»?..

Другое дѣло—Некрасовъ, печальникъ горя народнаго, вся поэзія котораго посвящена родинѣ и ея многострадальной судьбѣ. Его любовь къ родному народу много глубже, страстнѣе, тревожнѣе... И тѣмъ не менѣе Некрасовъ являлся представителемъ поколѣнія 40-хъ годовъ, которое онъ самъ же характеризовалъ стихами:

...Гибнуть жертвой убѣжденья
Я не могу, я не могу!

И въ «Рыцарѣ на часъ» онъ казнитъ эту немощность и дряблость людей своего времени великолѣпными по силѣ и блеску стихами, полными горькихъ, ядовитыхъ упрековъ. Конечно, были и въ предшествующемъ поколѣніи люди вродѣ Добролюбова, по выраженію Некрасова, «какъ женщину, любившаго родину» и учившаго молодежь «умирать» за нее, но это были только отдѣльныя единицы. Поколѣніе, къ которому принадлежалъ Надсонъ, при всемъ своемъ душевномъ разладѣ, при всей смутѣ обуревавшихъ его порою сомнѣній, поголовно, все сплошь любило родной народъ до самозабвенія, до страстной жажды самопожертвованія... Это настоящая влюбленность, болѣзнь, сжигающая молодую душу, какъ огонь сжигаетъ свѣчу, поставленную на вѣтру.

.....Страна моя родная,
Когда бъ хоть для тебя я могъ еще пожить!..
Какъ я бъ любилъ тебя, всю душу отдавая
На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить!
Какъ пѣлъ бы я тебя! съ какимъ негодованьемъ
Громилъ твоихъ враговъ! твой песъ сторожевой,
Я бъ жилъ одной тобой, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!

Конечно, такъ не чувствовали ни Пушкинъ съ Лермонтовымъ ни Кольцовъ, ни Тютчевъ, ни самъ Некрасовъ.

Переходя къ стихотвореніямъ Надсона, посвященнымъ спеціально изображенію душевнаго разлада и страданій современной ему молодежи, мы раньше всего должны отмѣтить страстную жажду жизни и счастья, до боли, до слезъ томившую молодого поэта. Эти юношескія признанія столько же интересны, сколько и трогательны. Во всей русской поэзіи, быть можетъ, не сыщется болѣе сильнаго и картиннаго описанія этой «тревоги юныхъ силъ», чѣмъ въ надсоновскихъ стихотвореніяхъ «Испытывалъ-ли ты, что значитъ задыхаться» и «Сегодня всю ночь голубыя зарницы». Доставимъ себѣ удовольствіе, выписавъ начало второго изъ нихъ:

Сегодня всю ночь голубыя зарницы
Мерцали надъ жаркою грудью земли;
И мчались разрозненныхъ тучъ вереницы,
И мчались и тяжко сходились вдали.
Душна была ночь,—такъ душна, что порою

Digitized by Google

Во мглѣ становилось дышать тяжело;
И сердце стучало, и знойной волною
Кипѣвшая кровь ударяла въ чело...
Отъ сонныхъ черемухъ, осыпанныхъ цвѣтомъ
И сыпавшихъ цвѣтомъ, какъ бѣлымъ дождемъ,
Съ невнятною лаской, съ весеннимъ привѣтомъ
Струился томительный запахъ кругомъ.
И словно какая-то тайна свершалась
Въ торжественномъ мракѣ глубокихъ аллей
И сладкими вздохами грудь волновалась,
И страсть, трепеща, разгоралася въ ней...
Всю ночь пробродилъ я, всю ночь до разсвѣта,
Обвѣянный чарами нѣги и грезъ;
И страстно я жаждалъ роднаго привѣта,
И женскихъ объятій, и радостныхъ слезъ.
Какъ волны, давно позабытые звуки
Нахлынули въ душу, пылая огнемъ,
И бились въ ней, полныя трепетной муки,
И отклика ждали въ затишьѣ ночномъ!..

Наряду съ этимъ безпокойнымъ желаніемъ любви и счастья, вступающимъ въ борьбу съ чувствомъ долга (смотрите вторую половину выписаннаго только что стихотворенія), въ Надсонѣ кипитъ и съ годами, повидимому, все растетъ страстная жажда дѣятельности, жажда вѣры, доходящая до того, что онъ готовъ порой на самообманъ, готовъ на жгучія муки, «на смерть, на позоръ»,

Только бъ полною грудью дышать,
Только бъ вспыхнулъ отвагою взоръ,
Только бъ вѣрить, во что-нибудь вѣрить душой!..

Миѳическій Икаръ сдѣлалъ себѣ восковыя крылья и, взлетѣвъ на нихъ къ самому солнцу, упалъ обратно на землю, сожженный, но что изъ того?

Пусть это только мигъ, короткій, бѣглый мигъ
И послѣ гибель безъ возврата,
Но за него—такъ былъ онъ чуденъ и великъ—
И смерть недорогая плата!

Все несчастіе «больного поколѣнія» и заключилась въ томъ, что у него не было такой вѣры, что оно не могло вспыхнуть орлиной отвагой... И горькими, быть можетъ, даже преувеличенными упреками бичуетъ за это Надсонъ своихъ сверстниковъ въ стихотвореніи «Наше поколѣнье юности не знаетъ», по содержанію сильно напоминающемъ «Думу» Лермонтова съ ея знаменитой строфой, такъ поразившей въ свое время Бѣлинскаго:

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови...

Не то же ли самое, почти до буквальнаго повторенія, говоритъ и Надсонъ:

Digitized by Google

Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска,
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы изподтишка...

Въ этомъ сходствѣ двухъ поколѣній, раздѣленныхъ между собою цѣлымъ полувѣкомъ, по истинѣ есть что-то фатальное, трагическое...

Долго неосуществляемое завѣтное желаніе, мечта всей жизни съ теченіемъ времени превращается у человѣка въ тайную сердечную рану, которая все болитъ и сочится кровью, пока наконецъ душа не отупѣетъ и не перестанетъ ощущать всякую боль. Если давно жданное счастье явится послѣ этого къ человѣку, то онъ глядитъ на него грустнымъ взоромъ, и не улыбка озаряетъ преждевременно состарѣвшееся лицо, а горькія, неутѣшныя слезы бѣгутъ по морщинамъ... Такъ преждевременно состарилось и все поколѣніе Надсона, въ безплодныхъ мечтаніяхъ о своемъ радужномъ идеалѣ. И этотъ идеалъ пересталъ, наконецъ, его радовать. Если гаршинская пальма издаетъ свое отчаянное восклицаніе, уже достигнувъ завѣтной цѣли, то отчаяніе Надсона бываетъ временами безотраднѣе и мрачнѣе, такъ какъ оно овладѣваетъ поэтомъ въ моментъ далеко еще незаконченной борьбы. Съ такимъ страшнымъ психическимъ состояніемъ мы встрѣчаемся въ стихотвореніяхъ: «Грядущее», «Какъ бѣлымъ саваномъ», «Когда, спѣша во мнѣ сомнѣнье побѣдить» и мн. др.

Зачѣмъ бороться, трудиться и жить, когда все, къ чему мы такъ тревожно стремимся путемъ лишеній и скорби, жалко и ничтожно своей «роковой безцѣльностью»? Что изъ того, что нѣкогда воплотится завѣтный идеалъ, свершатся самые несбыточные сны безумцевъ-мечтателей, и человѣкъ станетъ дѣйствительнымъ царемъ природы,—онъ всетаки останется «безильнымъ трепетнымъ рабомъ» самого себя, своей ненасытной, вѣчно жаждущей новаго души. Во имя чего же, спроситъ онъ, было пролито столько крови, принесено столько жертвъ? «Нѣтъ, я больше не вѣрую въ вашъ идеалъ», съ раздраженіемъ восклицаетъ Надсонъ по адресу тѣхъ бодрыхъ изъ своихъ сверстниковъ, которые мечтали о грядущемъ великомъ счастьѣ человѣчества и считали своимъ долгомъ для него работать; въ порывѣ отчаянія ихъ идеалъ представляется ему «пиромъ животного, сытаго чувства», не окупающимъ столькихъ вѣковъ мукъ и тревогъ, «столько праведной крови погибшихъ бойцовъ».

Жалкій, пошлый итогъ! Каждый честный боецъ
Не отдастъ за него свой терновый вѣнецъ!

Послѣдняя мысль довольно часто посѣщаетъ Надсона; особенно красиво и поэтично выражена она въ другомъ общеизвѣстномъ стихотвореніи «Томясь и страдая во мракѣ ненастья». Естественный выводъ изъ этихъ ужасныхъ сомнѣній одинъ:

Окаменѣй, замри... Не трать напрасно силы!
Пусть льется кровь волной и царствуетъ порокъ:

Digitized by Google

Добро-ли, зло-ль вокругъ,—забвенье и могилы
Вотъ цѣль конечная и міровой итогъ!

Жизнерадостная натура поэта, натура дѣятельная и энергичная, къ счастью, мѣшаетъ ему остановиться окончательно на этомъ печальномъ исходѣ, и вотъ вся недолгая жизненная и поэтическая карьера его представляетъ собой рядъ порываній въ высь и паденій съ разбитыми крыльями, горячихъ гимновъ любви и надеждѣ и похоронныхъ воплей отчаянія... «Вѣрь въ великую силу любви!»—«Люби людей»!»—«Не презирай толпы!»—«Вѣчно буду я бороться и страдать!» съ искреннимъ паѳосомъ восклицаетъ онъ сегодня. «Тщетны къ любви и святынѣ призывы»; «одни не поймутъ, не услышатъ другіе»; «міръ все тотъ же, міръ безсмысленныхъ рабовъ»—объявляетъ онъ не съ меньшей силой убѣжденія завтра.

Однако такая быстрая смѣна настроеній, по нашему мнѣнію, нисколько не доказываетъ, чтобы у Надсона не было опредѣленныхъ, прочно выработанныхъ взглядовъ, чтобы онъ былъ флюгеромъ, способнымъ склониться когда нибудь въ сторону реакціонныхъ идей. Послѣднее именно и вывели нѣкоторые читатели и критики изъ стихотворенія «О, неужели будетъ мигъ», въ которомъ поэтъ зоветъ человѣчество «назадъ, назадъ», во мглу среднихъ вѣковъ, «гдѣ даже темныя дѣла своимъ величьемъ поражали». Это обстоятельство (узколобость критиковъ), какъ видно изъ біографическаго очерка, сильно огорчило самого Надсона, и другое стихотвореніе «Въ отвѣтъ» онъ собирался напечатать съ оговоркой, чтобы по одной или двумъ пьесамъ не выводили заключеній о всемъ его міровоззрѣніи. И, разумѣется, Надсонъ былъ глубоко правъ. Самаго закаленнаго бойца могутъ посѣщать минуты сомнѣнія и даже отчаянія, но дѣло въ томъ, что онъ скроетъ эти минутныя вспышки отъ взоровъ требовательной и легко обобщающей толпы. Законное право поэта—дѣлиться съ публикой своими настроеніями, и умѣнье его и способность быть искреннимъ составляютъ въ немъ самую цѣнную и симпатичную черту.

Мы не задаемся цѣлью въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ исчерпать все содержаніе надсоновской поэзіи и ограничиваемся только этимъ общимъ абрисомъ поэтической и нравственной физіономіи молодого писателя. Прибавимъ еще лишь слѣдующее. Хотя главной причиной быстраго и широкаго успѣха этой поэзіи было ея отвѣчавшее историческому моменту содержаніе, но, конечно, не оно одно. Надсонъ былъ, кромѣ того, поэтомъ *истиннымъ*, однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ избранниковъ, о которыхъ латинская пословица говоритъ, что они рождаются, а не дѣлаются... Давно уже русское общество не слыхало такихъ чудныхъ, образныхъ, полныхъ красоты и гармоніи стиховъ, какъ тѣ, которые зазвучали съ 82 года

Digitized by Google

на страницахъ «Отеч. Зап.». Глубоко развитой вкусъ изящнаго, тонкое пониманіе такта и мѣры, нѣжная и кипучая душа, страстная любовь къ природѣ, умѣнье мыслить яркими и красивыми образами, распоряжаться всѣми звуками и красками богатаго русскаго языка, наконецъ, широко образованный умъ,—все соединилось въ этомъ поэтѣ, чтобы влюбить въ него не только отзывчивую на все хорошее молодежь, но плѣнить и болѣе зрѣлую часть общества. Не станемъ пестрить свою статью новыми образцами надсоновскихъ стиховъ,—они у всѣхъ въ памяти, у каждаго подъ руками,—мы назовемъ лишь заглавія такихъ художественно исполненныхъ стихотвореній, какъ: «На югъ, говорили друзья мнѣ, на югъ», «Лазурное утро я встрѣтилъ въ горахъ» и «Чу, кричитъ буревѣстникъ».

Если бы мы захотѣли, со скрупулезностью самой придирчивой критики, отмѣтить всѣ тяжеловѣсные стихи, неудачныя риѳмы или прозаическія выраженія, какія встрѣчаются у Надсона, то насчитали бы ихъ—это мы утверждаемъ съ положительностью—по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ разъ меньше, нежели, напр., у недавно умершаго перворазряднаго поэта, слывшаго жрецомъ чистаго искусства,—у Аполлона Майкова. Вотъ нѣсколько образчиковъ самыхъ страшныхъ прегрѣшеній Надсона въ области «стиля».

И для меня онѣ теперь уже не тѣ.

Этотъ стихъ, состоящій изъ восьми коротенькихъ словъ, положительно неудобочитаемъ. Риѳма «крѣпкій» и «вѣтки» въ другомъ стихотвореніи довольно сомнительная риѳма. «И только одно лишь желанье» въ третьемъ стихотвореніи—непростительная тавтологія въ этомъ же (въ общемъ прекрасномъ) стихотвореніи есть «слезы напряженья» и рядомъ съ превосходными стихами два-три тяжелыхъ или прозаическихъ. Точно также въ извѣстномъ стихотвореніи «Нѣтъ, муза, не зови» нѣсколько трудно произносится стихъ: «не *вынесъ всѣхъ* преградъ мучительной дороги»... Наконецъ, въ «Отрывкѣ изъ письма къ М. В. Ватсонъ»:

А съ кіевскихъ холмовъ и изъ церковныхъ сводовъ
Еще глядитъ на васъ сѣдая старина
Казацкой вольницы, пировъ *ихъ* и походовъ—

страдаетъ грамматика...

И это чуть-ли не все, что можетъ поставить Надсону въ вину, какъ стилисту, придирчивая критика!

Большинству читающей публики Надсонъ извѣстенъ только какъ стихотворецъ, и, навѣрно, лишь очень немногіе изъ поклонниковъ поэта читали его «Литературные очерки», сборникъ критическихъ фельетоновъ, печатавшихся въ кіевской газетѣ «Заря» за 86 годъ. Сборникъ этотъ, напечатанный въ 87 г. вторымъ изданіемъ, 3-го до сихъ поръ не дождался. Вотъ лучшее возраженіе

Digitized by Google

г. Меньшикову, утверждающему, будто популярность стиховъ Надсона объясняется прекрасными качествами его живой личности... Не въ этомъ, однако, дѣло. Не будучи какимъ-либо замѣчательнымъ явленіемъ, книжечка Надсона во всякомъ случаѣ очень интересна и симпатична, и намъ хотѣлось бы хоть немного познакомить читателя съ ея характеромъ и содержаніемъ. Въ ней заключаются статейки о стихотвореніяхъ Аксакова, Омулевскаго, гг. Голенищева-Кутузова, Случевскаго, г-жи Чюминой, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Гаршина, Кавелина, г-жи Шапиръ, гг. Златовратскаго, Лесевича, Михайловскаго, Короленко, Мамина, Мачтета, Боборыкина, В. В., Буренина, Эртеля и др.; наконецъ, любопытныя «Замѣтки по теоріи поэзіи» и статья «Поэты и критика». Уже изъ одного голаго перечня заглавій читатель можетъ видѣть, что въ книжкѣ Надсона фигурируетъ почти весь наличный контингентъ писателей того времени, и, слѣдовательно, должны быть затронуты всѣ главныя злобы тогдашняго дня; но кромѣ того въ книгѣ попадается не мало цѣнныхъ указаній и намековъ чисто-личнаго, біографическаго свойства (см. напр., стр. 34).

Въ высшей степени любопытны такія строки: «Молодежь чувствуетъ необходимость въ неотложномъ рѣшеніи вопроса—*какъ жить*, чтобы жить нравственно, сохраняя полный миръ и гармонію съ своей совѣстью. Я самъ принадлежу къ поколѣнію молодому, только что вступившему въ жизнь, я весь дышу его интересами и хорошо знаю, какъ темно и смутно живется ему въ наше время, какъ надоѣли ему праздныя слова, какъ горячо чувствуетъ оно свое святое право любить родину и трудиться для нея и не знаетъ, гдѣ найти такое дѣло, которое, *не требуя геройскихъ силъ и самоотверженнаго нравственнаго закала* (курсивъ самого Надсона), пришлось бы по плечу всей массѣ».

А вотъ горячая тирада, касающаяся литературныхъ нравовъ и вопросовъ и точно вчера только написанная—такъ мало кажется она устарѣвшей: «Литераторъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово въ 40-хъ и 60-хъ годахъ, мало-по-малу сходитъ со сцены; его замѣняетъ дѣятель новаго типа—скорѣе ремесленникъ, чѣмъ публицистъ или художникъ,—отличающійся многими несимпатичными чертами. Для этого новаго типа не существуетъ прежнихъ завѣтныхъ традицій литературной чести, не позволявшихъ его предшественникамъ ни на іоту поступаться своими убѣжденіями; главнымъ двигателемъ его дѣятельности является гонораръ, а излюбленнымъ кумиромъ, которому онъ служитъ, улица. Задумайтесь хоть надъ исторіей возникновенія «Нови» съ ея «сотней знаменитыхъ писателей и ученыхъ»—развѣ это не характерное явленіе? задумайтесь надъ постоянными перемѣнами направленія какъ лицъ, такъ и цѣлыхъ литературныхъ органовъ,—развѣ это не характерное явленіе? Вотъ, напр., молодая поэтесса Ольга Чюмина: сегодня она сотрудница Баталинскихъ «Колосьевъ», а завтра

Digitized by Google

несетъ свои стихи въ «Вѣстникъ Европы». Очевидно, она свободна не только отъ всякой кружковой узости, какъ кричатъ разные литературные ренегаты и торгаши, но и отъ всякихъ убѣжденій, кромѣ того, что—чѣмъ больше гонораръ, тѣмъ лучше».—«На каждомъ шагу читатель натыкается на какое-нибудь возмущающее душу литературное неприличіе: тутъ, подъ видомъ рецензіи, ловкій критикъ пишетъ доносъ на своего личнаго врага, тамъ не менѣе ловкій беллетристъ выводитъ въ пасквильномъ видѣ рецензента, давшаго о немъ неблагопріятный отзывъ. Тайны псевдонимовъ раскрываются самымъ наглымъ, самымъ развязнымъ образомъ. Литераторамъ слѣдовало бы серьезно задуматься надъ этимъ явленіемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыми органами былъ поднятъ вопросъ о литературномъ судѣ чести. Нельзя не пожалѣть отъ всей души, что у поднявшихъ этотъ вопросъ не хватило энергіи провести его въ жизнь, добиться осуществленія своего проекта на практикѣ».

Не менѣе любопытенъ взглядъ молодого критика на роль такъ называемой тенденціи въ искусствѣ. «Разница между произведеніями поэтовъ чистаго искусства (Майкова, Фета, Полонскаго) и произведеніями Некрасова только та, что послѣдній шире взглянулъ на поэзію, что онъ не ограничилъ ея рамками красоты, а заставилъ ее служить, кромѣ того, и другимъ, высшимъ чувствамъ человѣческой природы, чувству добра, истины, справедливости».—«Не трудно видѣть, какой изъ этихъ двухъ школъ принадлежитъ будущность. Тенденціозность есть послѣднее мирное завоеваніе, сдѣланное искусствомъ, есть пока послѣднее его слово. Недалеко время, когда поэзія тенденціозная поглотитъ поэзію чистую, какъ цѣлое свою часть, какъ океанъ поглощаетъ разбившуюся объ утесъ свою же волну». Эти строки являются прекраснымъ комментаріемъ къ многочисленнымъ стихотвореніямъ поэта, рисующимъ его возвышенный взглядъ на задачи и призваніе поэзіи и искусства: «Поэтъ», «Поэзія», «Окрыленнымъ мечтой сладкозвучнымъ стихомъ», «Милый другъ, я знаю», «Грезы», «Одни не поймутъ», «Ровныя плавныя строки» и мн. др.

Изъ общаго взгляда Надсона на роль литературы вытекаютъ и рѣшительно всѣ отзывы его о современныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Отличаясь всегда глубокой искренностью, они грѣшатъ порой излишней прямолинейностью и молодой ригористичностью. Для примѣра укажемъ на разборъ только что появившагося въ № 7 «Р. Мысли» 87 г. этюда г. Короленко «Слѣпой Музыкантъ», въ которомъ Надсонъ видитъ «исключительность сюжета, далеченность его отъ современной жизни съ нуждами и запросами тяжелаго и рабочаго дня, съ нашими недугами и упованіями. Вся маленькая драма, нарисованная г. Короленко, развивается въ замкнутомъ кругу личной жизни его героевъ и ихъ спеціальныхъ интересовъ. Разумѣется, критика не въ правѣ указывать авторамъ

Digitized by Google

на темы для ихъ произведеній: это дѣло личнаго настроенія и міросозерцанія автора; но критика въ правѣ поставить выше по значенію произведеніе, затрогивающее вопросъ болѣе широкій и близкій современности, чѣмъ произведеніе, посвященное вопросу частному, хотя бы и то, и другое отличались одинаковыми достоинствами изложенія». И Надсонъ ставитъ гораздо выше «Слѣпого Музыканта» другой разсказъ г. Короленко—«Въ дурномъ обществѣ». Гражданскія соображенія не мѣшаютъ, впрочемъ, юношѣ-критику признать крупныя, выдающіяся достоинства разбираемаго этюда, указать, что онъ написанъ прекраснымъ, поэтическимъ языкомъ, что природа въ немъ «живетъ и дышетъ», что многія мѣста разсказа трогаютъ читателя до слезъ, до глубины души...

Такова критическая манера Надсона, прямая, подчасъ строгая, но всегда искренняя, задушевная, чуждая ненужныхъ задираній и пустыхъ разглагольствованій.

Книжка тѣмъ болѣе интересна, что написана она всего *за какихъ-нибудь* полгода до безвременной кончины автора. Это показываетъ, какую цѣну могутъ имѣть утвержденія «друзей» поэта, будто подъ конецъ жизни онъ начиналъ отдѣлываться отъ дурной школы Некрасова и Плещеева и склоняться къ «стилю» россійскихъ парнасцевъ!

Въ послѣдніе годы то и дѣло слышатся и въ публикѣ, и въ критикѣ жалобы (часто несправедливыя, часто очень справедливыя) на захирѣніе русской литературы. Захирѣла наша беллетристика, захирѣла чуть-ли не еще больше критика, но, конечно, всего сильнѣе захирѣла стихотворная поэзія. Прошло пять лѣтъ послѣ смерти Некрасова и на смѣну ему явился поэтъ, представлявшій хоть и малую сравнительно величину, но все-таки величину,—Надсонъ. Со дня смерти Надсона прошло уже десять лѣтъ—и вотъ все еще не видно новой, хотя бы только равносильной ему поэтической звѣзды. Поэтовъ у насъ, правда, много, быть можетъ, больше даже, чѣмъ нужно, больше, чѣмъ когда бы то ни было!—но большинство ихъ, будучи даже талантливыми, поютъ пѣсни, которыя создаются точно не на землѣ, а въ какомъ-то лунномъ мірѣ, проще говоря—являются чисто головной, кабинетной выдумкой, пѣсни, которыя никого не трогаютъ и ни въ комъ не вызываютъ даже простого чувства любопытства. Духъ истинной поэзіи словно отлетѣлъ отъ русской музы. Навсегда ли? Надолго ли?.. Хочется вѣрить, что онъ не разъ еще къ намъ вернется, не разъ заставитъ усиленно биться сердца и подаритъ міру свѣтлыя, могучія вдохновенія.

Въ будущее русской литературы мы вѣримъ; но теперь, въ эту минуту... О, какъ теперь все пустынно въ ней, темно и глухо! Употребляя выраженіе журнальнаго обозрѣвателя «Русской Мысли», она, дѣйствительно, сѣла на какую-то зарубку, подошла къ какой-то мертвой точкѣ... И встаетъ невольный вопросъ: почему же такъ случилось? Когда же мы сойдемъ, наконецъ, съ этой мертвой точки,

Digitized by Google

и не грозитъ-ли она превратиться въ длинное многоточіе? Гдѣ причина болѣзни—въ неурожаѣ на таланты, или въ чемъ другомъ? Намъ кажется, что на отсутствіе талантовъ литература наша и теперь, въ сущности, пожаловаться не можетъ. Весьма возможно, что и теперь «во глубинѣ Россіи» таятся гдѣ нибудь поэты (не изъ тѣхъ даже, что печатаются въ журналахъ), которые при иныхъ условіяхъ личной и общественной жизни могли бы разгорѣться въ крупныя поэтическія звѣзды...

Литература—дитя жизни, и пока жизнь будетъ сѣра и монотонна, до тѣхъ поръ такова же будетъ и литература,—публицистика, критика, беллетристика, поэзія. Временами могутъ вспыхивать отдѣльныя, случайныя блестки, но общій фонъ останется тусклымъ и блѣднымъ. Но измѣнится характеръ жизни, кончится эта убивающая общественная апатія—расцвѣтетъ опять и искусство, зазвучатъ иныя пѣсни.

Намъ вспоминается по этому поводу прекрасное стихотвореніе покойнаго Майкова:

Засуха!.. Воздухъ спитъ, и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы—это вы, пѣвцы моей отчизны!

Но если-бы,—размышляетъ объ этихъ арфахъ поэтъ,—

...Если-бъ мимо нихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ,
Навстрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими-бъ звуками откликнулись онѣ!..

Въ заключеніе, мы хотимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній чисто-библіографическаго свойства. Намъ думается, что при печатаніи новыхъ изданій надсоновскихъ стихотвореній лица, которымъ литературный фондъ поручаетъ эту работу, должны бы были заботиться не только о точной перепечаткѣ, буква въ букву, того, что было въ изданіи предшествующемъ, но и о возможныхъ улучшеніяхъ. До сихъ поръ такой заботливости что-то совсѣмъ не видно. Послѣднее, четырнадцатое изданіе является рабскимъ воспроизведеніемъ одиннадцатаго (беремъ для примѣра то изъ прежнихъ, которое имѣемъ подъ руками), со всѣми его недостатками и даже явными ошибками. Во многихъ мѣстахъ біографическаго очерка сильно перепутаны, напр., цифры лѣтъ: годомъ знакомства Надсона съ Н. М. Д. указанъ 1878 годъ, когда на самомъ дѣлѣ это былъ 1877 г.; годомъ овацiи въ пушкинскомъ кружкѣ отмѣченъ 1883 г. вмѣсто 1882 года; отъѣздъ за-границу показанъ въ 85 вмѣсто 84 года... Всѣ эти ошибки находятся, очевидно, во всѣхъ изданіяхъ. Въ маленькомъ стихотвореніи Надсона «Терпи» рѣшительно вездѣ читается

Терпи... пусть взоръ горитъ *слезою*,

Digitized by Google

а между тѣмъ не надо имѣть особенно чуткій слухъ или глазъ, чтобы, руководясь риѳмой «судьбой», понять необходимость чтенія «слезой». Если-бы даже въ рукописи поэта стояло «слезою», то и тогда мы съ полнымъ правомъ могли-бы счесть это за простую описку и исправить ее, не опасаясь упрека въ самоуправствѣ. Конечно, здѣсь нужно видѣть простую небрежность издателей.

Текстъ стихотворенія «Чу! кричитъ буревѣстникъ» и нѣкоторыхъ другихъ «посмертныхъ стихотвореній» нѣсколько разнится, на нашъ взглядъ, къ худшему отъ текста, первоначально помѣщеннаго въ «Недѣлѣ», и намъ неизвѣстно, чѣмъ объясняется эта разница. Публикѣ интересно было бы знать, кому вообще принадлежатъ рукописи поэта, и гдѣ онѣ находятся. Казалось бы, что собственникомъ ихъ является тотъ же литературный фондъ, которому Надсонъ завѣщалъ всѣ свои произведенія; но въ такомъ случаѣ, почему именно въ «Недѣлѣ» изъ года въ годъ продолжаютъ, время отъ времени, появляться его новые посмертные стихи? Литературный фондъ послѣ того безмолвно перепечатываетъ ихъ въ своихъ изданіяхъ, не удостовѣрившись ни въ подлинности этихъ стиховъ, ни въ безошибочномъ воспроизведеніи ихъ съ рукописей...

Не дѣлается, къ сожалѣнію, въ изданіяхъ Надсона и указаній, когда и въ какомъ журналѣ было впервые напечатано то или другое стихотвореніе; произвольной представляется нерѣдко и хронологія самаго написанія стихотвореній. Такъ, напр., «Мы спорили долго» отнесено къ январю 83 г., между тѣмъ какъ на дѣлѣ въ это время оно было только напечатано въ «Отеч. Зап.», и въ ноябрѣ или декабрѣ предыдущаго года многіе въ Петербургѣ уже читали его въ рукописи.

У насъ, гдѣ сплошь и рядомъ проявляется самая непростительная небрежность по отношенію къ рукописямъ даже великихъ поэтовъ, покажется, пожалуй, странной, чуть-ли не комичной тревога о пропажѣ нѣсколькихъ стихотвореній Надсона. Тѣмъ не менѣе мы глубоко сожалѣемъ, что ни въ одномъ изъ посмертныхъ изданій поэта не встрѣтили почему-то нѣкоторыхъ стихотвореній, несомнѣнно существовавшихъ и одобренныхъ къ печати самимъ авторомъ. Такъ, мы хорошо помнимъ (къ сожалѣнію, не наизустъ) одну прехорошенькую пьесу, которая должна была появиться въ февральской книжкѣ «Дѣла» за 83 годъ; мы читали ее въ корректурѣ, но печати она почему-то не увидала... Неужели она такъ и погибла безслѣдно? Быть можетъ, г. Станюковичъ, тогдашній редакторъ «Дѣла», или владѣлецъ типографіи, въ которой журналъ печатался, могли бы помочь розыскать какъ это стихотвореніе Надсона, такъ и нѣкоторыя другія, подвергшіяся той же участи? Вѣдь цензорскія корректуры, если мы не ошибаемся, сохраняются въ типографіяхъ очень долго *).

*) О небрежномъ отношеніи къ рукописямъ Пушкина говорилъ недавно въ «Р. Б.» С. Н. Южаковъ. Мы пользуемся съ своей стороны случаемъ

Digitized by Google

Но самое главное, что представляется намъ и устарѣлымъ, и вреднымъ въ существующихъ изданіяхъ Надсона,—это раздѣленіе его стихотвореній на прижизненныя, напечатанныя еще при жизни поэта, и посмертныя, обнародованныя лишь послѣ его смерти. Не говоря вообще о нелѣпости слова «посмертный» въ примѣненіи къ произведеніямъ писателя, умершаго десять лѣтъ тому назадъ, мы не можемъ понять, ради чего собственно это дѣлается. Думаетъ-ли литературный фондъ, что *всѣ* посмертные стихи Надсона безнадежно слабы сравнительно со *всѣми* прижизненными, и что самъ авторъ ни за что бы не согласился ихъ напечатать? Но думать такъ было бы очень странно, такъ какъ среди посмертныхъ встрѣчаются признанные всѣми шедевры Надсоновской поэзіи (относительно многихъ изъ нихъ есть прямыя указанія, что авторъ собирался ихъ напечатать), а среди прижизненныхъ есть, напротивъ, не мало совсѣмъ слабыхъ, дѣтскихъ вещей, напечатанныхъ Надсономъ еще въ самомъ началѣ литературной карьеры. Такими слабыми, отроческими опытами нельзя не признать рѣшительно всѣхъ стихотвореній 1878 и 1879 гг., помѣщенныхъ въ первой, избранной половинѣ книги, за исключеніемъ развѣ четырехъ пьесокъ: «За что?», «Надъ свѣжей могилой», «Поэтъ» и, пожалуй, «Похороны». Правда, нѣкоторыя изъ стихотвореній этого отдѣла («На зарѣ» и особенно поэма «Іуда») пользуются довольно широкой популярностью среди молодежи, но почему? Потому-ли, что они являются достойными Надсоновскаго таланта? Едва ли мы ошибемся, выразивъ увѣренность, что всѣ знаютъ ихъ единственно потому, что они печатаются въ самомъ началѣ книги любимаго поэта...

Читатель, желающій основательно познакомиться съ поэзіей Надсона, прослѣдить ея развитіе годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, поставленъ въ настоящее время въ необходимость рыться по всей книгѣ, отъ начала ея бросаться къ серединѣ, отъ середины къ концу, отыскивая стихотворенія каждаго года и среди прижизненнаго, и среди посмертнаго отдѣла. Не лучше ли же было бы совершенно уничтожить это нецѣлесообразное дѣленіе и въ одномъ изъ слѣдующихъ изданій напечатать всѣ лучшія стихотворенія поэта въ строго-хронологическомъ порядкѣ? Мы говоримъ «лучшія»,

---

указать одинъ тоже не безъинтересный фактъ относительно Некрасова. Въ концѣ 70-хъ годовъ знаменитымъ поэтомъ подаренъ былъ студентамъ петербургскаго университета автографъ одного ненапечатаннаго стихотворенія; автографъ этотъ, помѣщенный за стекломъ, висѣлъ на стѣнѣ студенческой читальни вплоть до того времени, когда послѣдняя въ 81 или 82 году была закрыта. Мы отлично помнимъ короткій размѣръ стихотворенія, его народный складъ (хотя риемы, кажется, присутствовали), но почему-то намъ не приходило въ то время въ голову списать его. Надо надѣяться, что стихотвореніе это, вмѣстѣ со всѣми книгами бывшей студенческой читальни, хранится въ фундаментальной университетской библіотекѣ, и что кто-нибудь изъ профессоровъ возьметъ на себя трудъ розыскать его и напечатать.

Digitized by Google

потому что собственно Надсонъ, тотъ Надсонъ, котораго мы всѣ узнали и полюбили, начинается только съ 1880 года, а все написанное имъ раньше, хотя отличается тою же искренностью и не лишено порой задатковъ таланта, въ огромномъ большинствѣ представляетъ лишь слабые, ученическіе опыты. Эти опыты 78 и 79 гг., конечно, слѣдуетъ печатать въ приложеніи, въ концѣ книги.

Мы думаемъ, что такого рода изданіе, сдѣланное по новому плану, можетъ только обновить и въ значительной степени даже усилить интересъ публики къ любимому поэту; по отношенію же къ его памяти оно явится простой справедливостью...

П. Ф. Гриневичъ.

Вопросъ объ общедоступномъ театрѣ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей.

Въ числѣ вопросовъ, вошедшихъ въ программу перваго всероссійскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей, былъ и *вопросъ объ общедоступности театровъ*. Можно было опасаться, что онъ пройдетъ незамѣтно среди цѣлаго ряда вопросовъ, имѣющихъ для сценическихъ дѣятелей болѣе непосредственное практическое значеніе, какъ напр. вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ театральныхъ предпринимателей и актеровъ, о матеріальномъ обезпеченіи провинціальныхъ сценическихъ дѣятелей и т. п. Но на дѣлѣ оказалось, что вопросъ о театрѣ, доступномъ для всѣхъ классовъ общества, начиная съ интеллигенціи и кончая простымъ мужикомъ, привлекъ къ себѣ серьезное вниманіе съѣзда и занялъ на немъ видное мѣсто. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ настолько характеренъ, что невольно вызываетъ на размышленія.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь сказалось настроеніе общества, отражающееся прямо или косвенно на всякомъ мало мальски выдающемся общественномъ событіи или начинаніи. За послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ замѣтно усилился и распространился интересъ къ народному просвѣщенію въ разныхъ видахъ и формахъ. Идея насажденія среди народа науки, литературы, искусства заявляетъ о себѣ съ каждымъ годомъ все громче и громче; она выражается въ изданіи для народа научно-популярныхъ книгъ и брошюръ, а также лучшихъ художественныхъ произведеній, въ многочисленныхъ опытахъ насажденія театральнаго искусства, музыки, пѣнія въ деревняхъ и на фабрикахъ.

Digitized by Google

Бывшій московскій Комитетъ Грамотности, устраивая въ декабрѣ 1895 г. свою выставку, отвелъ на ней мѣсто народному театру, какъ помощнику народной школы, какъ чему-то внутренно связанному съ дѣломъ народнаго образованія: это былъ первый фактъ общественнаго признанія за народнымъ театромъ серьезной просвѣтительной функціи. Матеріалъ, представленный на выставкѣ, фактически подтвердилъ взглядъ Комитета на народный театръ и ясно показалъ, что между народной сценой и народной школой существуетъ тѣсная связь *). На рубежѣ 1895—6 гг. образовательная функція народнаго театра встрѣтила новое признаніе со стороны общества. Я говорю о 2-омъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, который въ своей секціи по общеобразовательнымъ вопросамъ отвелъ мѣсто и вопросамъ объ умныхъ развлеченіяхъ для народа, въ томъ числѣ и народному театру, а на своей выставкѣ далъ мѣсто экспонатамъ по народному и общедоступному театру. Секція единодушно признала важную образовательную и воспитательную роль такихъ факторовъ, какъ народный театръ и другіе виды искусства для народа. Возникла мысль организовать общество для доставленія народу подобныхъ развлеченій, а также возбудить ходатайство передъ московскимъ городскимъ управленіемъ объ устройствѣ въ Москвѣ народныхъ гуляній, по примѣру устраиваемыхъ въ Петербургѣ Невскимъ Обществомъ, и хорошаго драматическаго театра, доступнаго для рабочихъ. Мысль о необходимости доставленія народу разумныхъ и трезвыхъ развлеченій, въ качествѣ противовѣсовъ кабаку, высказывалась и въ оффиціальныхъ органахъ: «Вѣстникѣ Финансовъ» и «Правительственномъ Вѣстникѣ»,—въ связи съ вопросомъ о питейной реформѣ. Такимъ образомъ, идея «демократизаціи искусства» въ той или другой формѣ, прямо или косвенно, сдѣлала за послѣднее время значительныя завоеванія и въ обществѣ, и въ правительствѣ, и въ печати, и на практикѣ въ разныхъ концахъ Россіи **).

Это теченіе не могло не отразиться и на дѣятельности перваго всероссійскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей, который, въ числѣ другихъ резолюцій, единогласно принялъ слѣдующія: 1) ходатайствовать передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о субсидіи отъ правительства городскимъ управленіямъ на постройку театральныхъ зданій въ *небольшихъ городахъ съ фабричнымъ и заводскимъ населеніемъ, въ интересахъ народнаго одразованія и трезвости;* 2) *въ цѣляхъ доставленія разумнаго развлеченія народу и въ качествѣ вѣрнѣйшаго средства борьбы съ пьянствомъ*, всероссійскій съѣздъ сценическихъ дѣятелей признаетъ необходимымъ устройство въ

*) См. сборникъ «Народный театръ», (изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова, Москва, 1896 г.), гдѣ помѣщенъ подробный обзоръ выставки.

**) См. фактическія данныя въ сб. «Народный театръ».

Digitized by Google

городахъ и большихъ торговыхъ селеніяхъ *народныхъ спектаклей*. Съѣздъ сценическихъ дѣятелей, принимая во вниманіе цѣли и значеніе осуществленной въ настоящее время министерствомъ финансовъ питейной реформы, ходатайствуетъ передъ г. министромъ финансовъ о назначеніи особаго фонда, долженствующаго доставлять средства какъ для постройки и приспособленія театральныхъ зданій въ небольшихъ городахъ и торговыхъ селеніяхъ, такъ и для выдачи пособія или субсидіи тѣмъ труппамъ, которыя предпримутъ въ этихъ городахъ и селахъ устройство *исключительно народныхъ спектаклей*; 3) на основаніи многихъ заявленій въ докладахъ и при обсужденіи ихъ, съѣздъ призналъ, что при существующей тѣсноте театральныхъ зданій и малочисленности дешевыхъ мѣстъ въ нихъ, *театры являются недоступными для небогатой публики, которая несомнѣнно имѣетъ настоятельную потребность въ театрѣ*; въ виду этого съѣздъ считаетъ необходимымъ сдѣлать театры *по возможности общедоступными;* 4) съѣздъ признаетъ желательнымъ *устройство въ Москвѣ общедоступнаго народнаго театра* по типу, проектированному А. Н. Островскимъ и одобренному императоромъ Александромъ III, съ тѣмъ, чтобъ этотъ театръ служилъ руководящимъ и объединяющимъ центромъ для всѣхъ общедоступныхъ театровъ въ Россіи; 5) съѣздъ сценическихъ дѣятелей выражаетъ желаніе, чтобы антрепренеры и распорядители товариществъ ставили въ теченіе сезона *нѣсколько спектаклей по общедоступнымъ цѣнамъ*; 6) *желательна организація артистическихъ товариществъ для поѣздокъ въ фабричныя мѣстности, села и деревни съ цѣлью устройства народныхъ спектаклей* подъ руководствомъ опытныхъ режиссеровъ; 7) ходатайствовать передъ Русскимъ Театральнымъ Обществомъ, чтобы оно взяло на себя посредничество между земствомъ и сценическими дѣятелями по *организаціи сельскихъ и деревенскихъ труппъ;* 8) *въ виду огромнаго нравственнаго значенія народныхъ чтеній съ туманными картинами* (въ числѣ которыхъ могутъ быть чтенія цѣлыхъ сценъ изъ піесъ), съѣздъ ходатайствуетъ передъ правительствомъ объ упрощеніи порядка разрѣшенія таковыхъ, съ предоставленіемъ права разрѣшать чтенія мѣстному училищному совѣту по сношеніи съ губернаторомъ; 9) желательно, чтобы дѣло организаціи *ярмарочныхъ народныхъ развлеченій* перешло изъ рукъ невѣжественныхъ предпринимателей къ соединеннымъ силамъ *мѣстныхъ обществъ грамотности, коммиссій народныхъ чтеній* и проч.; 10) желательна также организація спеціальныхъ обществъ по устройству *народныхъ развлеченій*, подобныхъ Невскому Обществу въ С.-Петербургѣ.

Приведенныя нами резолюціи, какъ явствуетъ изъ мотивировки нѣкоторыхъ, вызваны интересами народнаго образованія, народной трезвости,—вообще, интересами той публики, которая въ настоящее время почти не имѣетъ доступа въ театръ. На первый взглядъ

Digitized by Google

можетъ показаться страннымъ, почему съѣзду, которому подлежало разобраться въ вопросахъ, непосредственно касающихся упорядоченія театральнаго дѣла въ Россіи и условій дѣятельности провинціальныхъ артистовъ, вышелъ за предѣлы театральнаго міра и принялъ во вниманіе интересы простой, не интеллигентной публики? Вѣдь тутъ собрались не члены обществъ трезвости, не дѣятели по народному образованію, а театральные люди, которымъ предстояло обсудить совмѣстно свои театральныя дѣла. Но это недоумѣніе исчезаетъ, какъ только мы взглянемъ на дѣло поглубже.

Члены съѣзда подчинились указанному нами выше общественному теченію не потому, что оно—модное, а потому, что оно тѣснѣйшимъ образомъ связано съ условіями жизни; театръ же, въ свою очередь, тѣсно связанъ съ различными сторонами жизни общества: упадокъ или процвѣтаніе его зависятъ не столько отъ того, что происходитъ въ предѣлахъ театральнаго міра, сколько отъ того, что происходитъ *за* его предѣлами, и сценическимъ дѣятелямъ необходимо считаться съ измѣнившимися условіями жизни, съ измѣнившеюся картиной зрительнаго зала. Этого требуютъ интересы самого театральнаго искусства, самихъ сценическихъ дѣятелей. Не одинъ разъ слышались на съѣздѣ заявленія, что дешевыя мѣста въ театрахъ всегда заняты, а дорогія—пустуютъ, что не только необходимо, но даже выгодно для самихъ театральныхъ предпринимателей удешевить мѣста въ театрахъ, что привиллегированная публика часто относится къ театру довольно холодно, между тѣмъ какъ простая публика рвется туда. Всѣ такого рода заявленія были резюмированы въ слѣдующей резолюціи, единогласно принятой съѣздомъ: «Въ виду того, что существующія театральныя зданія признаны съѣздомъ не удовлетворяющими своему назначенію, малопомѣстительными и не имѣющими достаточнаго количества дешевыхъ мѣстъ, съѣздъ проситъ Русское Театральное Общество выработать образецъ постройки для *общедоступныхъ* городскихъ театровъ».

Очевидно, сама сила вещей вызываетъ эту реформу театральнаго дѣла, и права екатеринбургская уѣздная земская управа, которая въ своемъ докладѣ заявляетъ, что выставленный въ программѣ съѣзда вопросъ объ общедоступности театровъ она считаетъ «*наиболѣе насущнымъ и существеннымъ*»; правъ шуйскій городской голова, заявляющій въ своемъ докладѣ, что въ открытіи общедоступныхъ театровъ «ощущается настоятельная необходимость», особенно въ такихъ фабрично-заводскихъ центрахъ, какъ Шуя, Иваново-Вознесенскъ и т. п.; правы докладчики по малорусскому театру, утверждающіе, что театръ только тогда пріобрѣтетъ все свое общественное и воспитательное значеніе, когда онъ станетъ вполнѣ доступнымъ для народа.

Улучшится ли непосредственно матеріальное положеніе сценическихъ дѣятелей, если театры сдѣлаются общедоступными, этотъ вопросъ остается пока еще очень не разработаннымъ; но несом-

Digitized by Google

нѣнно одно: условія жизни заставляютъ серьезно подумать о *демократизаціи театральнаго дѣла*. Къ этому вынуждаютъ не только матеріальныя соображенія, но и болѣе возвышенные мотивы, на которыхъ мы считаемъ нужнымъ остановиться.

Не однажды слышались на съѣздѣ голоса, укоряющіе интеллигентную публику въ равнодушіи къ театру вообще и къ серьезному театру—въ частности. Сплошь и рядомъ случайно прогремѣвшая піеса или модный фарсъ даютъ театру полные сборы, а къ піесамъ Островскаго публику приходится пріучать чуть не насильно. Оперетка царствуетъ, драма—въ загонѣ; на легкій репертуаръ публика набрасывается, а отъ классическаго морщится... Справедливо или нѣтъ такое обобщеніе относительно интеллигентной публики,—во всякомъ случаѣ въ немъ есть не малая доля правды. Уже одно то, что у интеллигентнаго человѣка, помимо театра, есть много разнообразныхъ интересовъ и впечатлѣній, болѣе близкихъ для него и болѣе глубокихъ, чѣмъ театральныя, часто низводитъ для него значеніе театра на степень мѣста для отдыха и забавы. А если прибавить къ этому, что широкое и правдивое изображеніе общественной жизни не можетъ имѣть доступа на сцену,—станетъ еще болѣе понятнымъ, почему интеллигентная публика не удовлетворяется современнымъ репертуаромъ, обреченнымъ вращаться, какъ бѣлка въ колесѣ, въ узкомъ кругѣ семейныхъ отношеній или давно устарѣвшихъ и надоѣвшихъ всѣмъ драматическихъ мотивовъ. При такихъ условіяхъ, современный интеллигентный зритель интересуется не столько піесой, сколько исполненіемъ ея и нерѣдко выноситъ впечатлѣніе исключительно отъ игры того или другого артиста или артистки... Этотъ фактъ, который давно всѣмъ извѣстенъ и на который неоднократно указывалось на съѣздѣ, сообщаетъ современному интеллигентному театру характеръ чего-то оторваннаго отъ живой жизни, идущаго мимо нея; такимъ образомъ, вмѣсто серьезнаго дѣла служенія искусству, театръ и дѣятели его сплошь и рядомъ помогаютъ только публикѣ убить досужее время, не вліяя или почти не вліяя на ея внутреннюю жизнь. Замѣтимъ кстати, что и система нашего воспитанія, направленная главнымъ образомъ къ изощренію въ молодежи чисто формальнаго мышленія и памяти, не развиваетъ въ ней потребности въ серьезномъ искусствѣ, любви къ нему и способности понимать его наиболѣе глубокія и живыя стороны; скорѣй, эта система, игнорируя чувство и воображеніе учащихся, не давая пищи живымъ силамъ ихъ души, понижаетъ въ нихъ воспріимчивость къ впечатлѣніямъ серьезнаго искусства, которыя западаютъ глубоко только въ наивную и свѣжую душу.

Говоря въ защиту современнаго интеллигентнаго зрителя, многіе ссылаются на то, что его часто отталкиваетъ отъ театра неталантливое или небрежное исполненіе піесы. Пусть это будетъ такъ,—но отчего же императорскіе драматическіе театры, гдѣ исполненіе пьесъ бываетъ болѣе чѣмъ удовлетворительно, а иногда

Digitized by Google

превосходно,—отчего же они такъ мало удовлетворяютъ современнаго интеллигента? Положимъ, они бываютъ большею частью полны,—но во первыхъ, не надо забывать, что въ столицѣ около милліона жителей, а во-вторыхъ, надо спросить эту публику, наполняющую императорскіе театры: что она въ громадномъ большинствѣ выноситъ изъ нихъ? Впечатлѣніе, которое дѣйствуетъ на ея нервы, скользитъ по поверхности ея души и исчезаетъ тотчасъ же, какъ только она выходитъ изъ театра. И это очень естественно: рѣдко, рѣдко услышитъ интеллигентный зритель со сцены новое слово, которое не было бы ему давно извѣстно (иногда лучше, чѣмъ автору піесы), а для воспріятія непосредственныхъ впечатлѣній искусства онъ иногда слишкомъ холоденъ и разсудоченъ. Нужно или геніальное исполненіе, или что-нибудь очень выдающееся въ піесѣ, чтобы такой требовательный, даже придирчивый зритель вынесъ изъ театра глубокое впечатлѣніе.

Такова въ общемъ современная интеллигентная публика (исключенія, конечно, есть), и сценическіе дѣятели не могутъ не чувствовать этого. Одни изъ членовъ съѣзда выставляли на видъ паденіе художественнаго вкуса у публики, другіе ссылались на то, что въ воспитаніи учащейся молодежи искусству отводится крайне жалкое мѣсто и т. д. Въ результатѣ эти заявленія суммировались въ слѣдующихъ резолюціяхъ, принятыхъ съѣздомъ: 1) «Съѣздъ выражаетъ желаніе, чтобы антрепренеры и распорядители товариществъ стремились по возможности къ насажденію въ провинціальныхъ театрахъ серьезнаго репертуара *въ интересахъ поднятія художественнаго вкуса у публики*, а также въ интересахъ развитія у сценическихъ дѣятелей художественнаго таланта»; 2) «желательно, чтобы въ каждомъ городѣ въ воскресные и праздничные дни ставились *спектакли для учащихся, причемъ играмись бы классическія произведенія* (Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій и т. п.)».

Теперь обратимся къ *простому* зрителю и посмотримъ, что онъ представляетъ изъ себя, въ противоположность съ интеллигентнымъ? Всякій, кому случалось читать вслухъ крестьянамъ или рабочимъ (напр., въ аудиторіи для народныхъ чтеній или въ воскресной школѣ), знаетъ, съ какимъ жаднымъ интересомъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ относится эта аудиторія къ чтенію, если читаютъ хорошо талантливую вещь. То же самое, только въ еще большей степени, можно сказать и о *зрителѣ изъ простого народа*: это подтверждается цѣлой массой свидѣтельствъ со стороны лицъ, ставившихъ народные спектакли; это подтверждаютъ и отзывы самихъ зрителей *), въ этомъ смыслѣ высказывались многіе и на

*) См. «Указатель книгъ и статей, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о народномъ театрѣ» въ сб. «Народный театръ» (напр. статьи: «Деревенскій театръ», С. Л. Юрьева, «Опытъ народнаго театра», Н. Ѳ. Бунакова, «Литература и жизнь», Н. К. Михайловскаго въ «Русск. Бог.», 1896 г., іюнь, и др.).

Digitized by Google

съѣздѣ. Нѣкоторые возражали, что простой зритель не всегда можетъ разобраться въ морали піесы, не всегда оцѣнить художественныя тонкости и детали какъ въ самой пьесѣ, такъ и въ исполненіи. Но другіе, въ противоположность имъ, приводили краснорѣчивые факты изъ своей практики, доказывающіе, что простой зритель гораздо болѣе чутокъ и понятливъ, чѣмъ это иногда кажется. Такъ Е. П. Карповъ заявилъ, что онъ самъ въ продолженіе 6 лѣтъ былъ режиссеромъ въ Невскомъ Обществѣ и не побоялся на первыхъ же порахъ поставить для простонародной публики *Горе отъ ума*, *Ревизора* и рядъ піесъ Островскаго, причемъ его всегда поражала необычайная чуткость этой аудиторіи въ 2000—3000 человѣкъ. *Горе отъ ума*, напр., было поставлено въ одинъ сезонъ 4 раза (спектакли въ театрѣ Невскаго Общества бываютъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ) и каждый разъ имѣло большой успѣхъ. Что эта публика не только получаетъ впечатлѣніе отъ серьезныхъ художественныхъ піесъ, но и понимаетъ ихъ, доказываетъ обширная коллекція письменныхъ отзывовъ, предоставленныхъ посѣтителями театра и гуляній Невскаго Общества. Изъ отзывовъ видно, что больше всего публикѣ понравились *Ревизоръ*, *Горе отъ ума*, *Бѣдность не порокъ*; такія свидѣтельства должны быть, по словамъ Е. П. Карпова, убѣдительнѣе всякихъ аргументовъ. Г. С. Бурджаловъ, разсказавъ въ своемъ докладѣ о попыткахъ насажденія театральнаго искусства въ деревенской глуши (въ с. Кривцовѣ, Орл. губ., въ 40 верстахъ отъ желѣзной дороги), гдѣ были поставлены *Бѣдность не порокъ*, *Женитьба*, *Борисъ Годуновъ* и др., утверждалъ, что деревенская публика понимала сущность піесъ, понимала характеры дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ совсѣмъ изъ иной жизни, далекой отъ нихъ, что, слѣдовательно, серьезный репертуаръ, состоящій изъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ произведеній, вполнѣ доступенъ нашему народу. Въ доказательство чуткости этой публики, приведу примѣръ, взятый изъ практики народнаго театра въ томъ же селѣ Кривцовѣ. Шелъ «Жоржъ Данденъ», Мольера. Можно было опасаться, какъ бы Данденъ не сдѣлался для публики исключительно предметомъ глумленія, подобно цѣлому ряду обманутыхъ мужей, которые служатъ мишенями для зубоскальства въ опереткахъ и грубыхъ фарсахъ. Но публика устояла на извѣстной нравственной высотѣ: хотя Данденъ и вызывалъ въ зрительномъ залѣ дружный хохотъ, хотя нѣкоторые изъ публики и называли его во всеуслышаніе «дуракомъ», тѣмъ не менѣе участь его «возбудила большое сочувствіе и жалость у зрителей. Глупость и чванство Сотанвилей и лживость коварной Анжелики обратили на себя вниманіе всѣхъ зрителей» *).

*) «Образованіе», апрѣль, 1896 г.: «Мольеръ на деревенской сценѣ», Н. Арбатова. Срав. сб. «Народный театръ»: «Какъ была поставлена комедія Мольера «Жоржъ Данденъ» на деревенской сценѣ», Е. Лавровой.

Digitized by Google

Но если простой зритель и не уяснитъ себѣ всѣхъ оттѣнковъ въ характерѣ такихъ лицъ, какъ Гамлетъ, Отелло, Уріэль Акоста, за то онъ прочувствуетъ многое сильнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ иной интеллигентный театралъ. Кто же изъ нихъ дороже для артиста: тотъ-ли, который пойметъ всѣ художественныя тонкости піесы и исполненія, но не взволнуется глубоко,—или тотъ, который не оцѣнитъ многихъ деталей, но выдетъ изъ театра растроганнымъ, унося въ душѣ впечатлѣніе надолго... можетъ быть на всю жизнь? Вѣдь театръ можетъ для такого зрителя сдѣлаться мѣстомъ, гдѣ онъ переживаетъ новыя для него чувства, воспринимаетъ такія идеи, которыя даютъ толчекъ къ его развитію и душевному переустройству. «Кто же, какъ не театръ,—говоритъ А. Ф. Федотовъ, бывшій директоръ перваго народнаго театра въ Москвѣ—*скорѣе* и проще разскажетъ ему, темному человѣку, какъ мыслятъ, чувствуютъ, страдаютъ и радуются, какъ живутъ на бѣломъ свѣтѣ другіе люди? Намъ, не забитымъ однообразіемъ механическаго труда, не оторваннымъ бѣдностью и недосугомъ отъ общества себѣ подобныхъ, трудно представить себѣ то просвѣтлѣніе духа, ту радость, какую приноситъ одинокому загрубѣлому человѣку созерцаніе чужой жизни, раскрытой художникомъ до самыхъ потаенныхъ уголковъ ея. Онъ, незамѣтно для себя, въ нее входитъ, сливается съ нею и невольно усваиваетъ себѣ то отношеніе къ воспроизводимымъ явленіямъ жизни и тѣ чувства, какія руководили авторомъ при созданіи имъ его произведенія».

У меня подъ руками есть коллекція отзывовъ зрителей изъ рабочихъ о спектакляхъ, которые были поставлены на масляной текущаго года на одной изъ московскихъ фабрикъ. Шли: «На порогѣ къ дѣлу» и «Не въ свои сани не садись», при чемъ послѣдняя піеса была разыграна самими рабочими. Въ этихъ отзывахъ бросается въ глаза одна характерная черта, а именно: оцѣнка всего происходящаго на сценѣ съ *моральной* точки зрѣнія. Кто изъ дѣйствующихъ лицъ поступилъ хорошо, кто—дурно, и почему одно хорошо, а другое дурно,—эти вопросы прежде всего занимаютъ зрителей. «Сторожъ — пишетъ одинъ про піесу «На порогѣ къ дѣлу»—это есть истинный и трудолюбивый человѣкъ и почтительный; онъ радъ былъ подѣлиться послѣднимъ съ любящимъ ему (!) человѣкомъ». Учительница Лонина (героиня піесы «На порогѣ къ дѣлу») понравилась другому потому, что «она хотѣла (!) объ улучшеніи и образованіи народа, она старалась всей силой, но ей не давали». Третій пишетъ про сторожа: ... «онъ былъ хорошій, потому что онъ принесъ свою послѣднюю шинель и одѣлъ учительницу»; а четвертому сторожъ пришелся по душѣ, потому что онъ «жалѣлъ учительницу, все по ея слову дѣлалъ, даже выгонялъ изъ школы старшину и писаря въ шею». Одному Русаковъ («Не въ свои сани») понравился тѣмъ, что «онъ могъ разобрать сортъ народа: онъ понялъ нравъ Ивана Бо-

Digitized by Google

родкина и нравъ Вихорева и оцѣнилъ ихнюю жизнь»; другому Русаковъ, напротивъ, не понравился тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ «гордый, самоправный, самонадежный: онъ ни на кого не надѣялся, какъ только самъ на себя, да на свой капиталъ». «Изъ выставленныхъ лицъ—читаемъ мы въ одномъ отзывѣ—мнѣ болѣе всего понравился Бородкинъ и немного Русаковъ: первый потому, что не постыдился взять Авдотью Русакову со всѣмъ тѣмъ происшедшимъ съ ней скандаломъ, потому что въ немъ есть много добродушія и простодушія; а Русаковъ—за то, что онъ любилъ старину и старые порядки и за то, что онъ любилъ свою дочь. Не понравились мнѣ Арина Ѳедотовна и Вихоревъ: первая—за то, что хотѣла погубить дѣвушку развратностью, а Вихоревъ—тѣмъ, что промотавши свой капиталъ, хотѣлъ возвратить его обманомъ на честной дѣвушкѣ». Въ заключеніе, авторъ отзыва такъ высказывается о пользѣ театра: «Отъ спектаклей есть польза та, что мы видимъ въ нихъ прошлое и настоящее нашей жизни. Если мы видимъ прошлое да хорошее, то мы выводимъ заключенье, что и намъ должно стараться сдѣлать то самое или что-нибудь въ этомъ родѣ. А если же мы видимъ настоящее хорошее, то мы стараемся сдѣлать въ жизни похожее что-нибудь на это. Если мы видимъ въ прошломъ что нибудь худое, то порицаемъ и сожалѣемъ, замѣчаемъ, зачѣмъ люди дѣлали то. Если же мы видимъ въ настоящемъ, то думаемъ, какъ бы намъ не сдѣлать того же».

Этотъ отзывъ ясно показываетъ, какъ серьезно относится простой зритель къ театру, который дѣйствуетъ на его чувство, совѣсть, на его нравственное сознаніе, оставляя въ его душѣ глубокіе слѣды. Уже это одно обязываетъ сценическихъ дѣятелей подвергнуть существующій театральный репертуаръ коренному пересмотру, очистить его отъ плевелъ и давать публикѣ общедоступнаго и народнаго театра только то, что похоже на здоровое, подлинное (по выраженію А. Н. Островскаго) искусство. Въ интересахъ, съ одной стороны, *расширенія* репертуара народнаго театра, а съ другой стороны, *огражденія его отъ всего грубаго, фальшиваго и бездарнаго*, были приняты съѣздомъ слѣдующія три резолюціи: 1) «ходатайствовать передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о томъ, чтобы по отношенію къ общедоступнымъ и такъ называемымъ въ настоящее время народнымъ театрамъ примѣнялась общая драматическая цензура, а спеціальная драматическая цензура была бы оставлена лишь для временныхъ праздничныхъ простонародныхъ театровъ (балагановъ)»; 2) «ходатайствовать передъ Русскимъ Театральнымъ Обществомъ о выработкѣ *каталога піесъ для общедоступныхъ народныхъ спектаклей*». 3) «Желательно, чтобы ярмарочныя и балаганныя развлеченія были упорядочены и *репертуаръ ихъ былъ художественнымъ*».

Рядъ фактовъ, приведенныхъ на съѣздѣ въ докладахъ и при обсужденіи ихъ, лишній разъ подтвердилъ ту мысль, что простона-

Digitized by Google

родная публика умѣетъ понимать и цѣнить хорошее, «подлинное» искусство, серьезный художественный театръ, что она нуждается въ немъ, какъ въ источникѣ свѣта, и что надо идти на встрѣчу этимъ вполнѣ законнымъ запросамъ. Въ одномъ изъ докладовъ было отмѣчено, что народъ начинаетъ уже самъ дѣлать попытки въ этомъ направленіи, что составляются уже труппы изъ крестьянъ и рабочихъ. Какъ на одинъ изъ признаковъ этого новаго движенія, укажу на екатеринославскаго ремесленника П. Ворозинченко, который «приписался» къ Русскому Театральному Обществу и прислалъ на съѣздъ заявленіе: онъ пытался, въ интересахъ упорядоченія жизни ремесленниковъ г. Екатеринослава, организовать изъ нихъ любительскій кружокъ, но администрація не разрѣшила имъ этого, вслѣдствіе чего Ворозинченко проситъ комиссію по организаціи съѣзда помочь ему своимъ вліяніемъ и указать, куда надо обратиться за разрѣшеніемъ.

Въ высшей степени важно, чтобы на встрѣчу этой потребности пошли люди, серьезно любящіе искусство и народъ. Практика показала, что какъ только на смѣну такихъ дѣятелей выступаютъ юркіе предприниматели, такъ сейчасъ же дѣло народнаго общедоступнаго театра роковымъ образомъ вырождается въ довольно не красивое бездѣлье, направленное къ обиранію простолюдина. Надо, чтобы во главѣ этого дѣла стали люди, которые хотятъ не отнимать у народа, а давать ему, не эксплуатировать его темноту ради личныхъ выгодъ, а, напротивъ, бороться съ ней,—словомъ люди, для которыхъ на первомъ планѣ стояли бы не коммерческія выгоды, а *душа зрителя*. Въ этомъ отношеніи было бы очень полезно, если бы за дѣло общедоступнаго и народнаго театра взялись городскія управленія и земства. Этотъ важный вопросъ былъ впервые поднятъ на съѣздѣ сценическихъ дѣятелей. Всѣ единодушно заявляли, что при непосредственномъ участіи городовъ и земствъ въ веденіи театральнаго дѣла, оно было бы поставлено гораздо прочнѣе, и художественный уровень его повысился бы, такъ какъ репертуаръ не зависѣлъ бы отъ коммерческихъ разсчетовъ частныхъ театральныхъ предпринимателей. Шуйскій городской голова, екатеринбургская уѣздная земская управа и Н. Н. Боголюбовъ, представитель пермскаго городского театра, отнеслись въ своихъ докладахъ очень сочувственно къ идеѣ городскихъ и земскихъ театровъ, причемъ екатеринбургская управа заявила, что если вопросъ о земскомъ театрѣ будетъ разработанъ съѣздомъ, то она готова внести въ земское собраніе докладъ объ этомъ и надѣется, что земство дастъ средства на устройство такого театра.

И здѣсь опять, разъ рѣчь заходитъ о правительственныхъ субсидіяхъ или о поддержкѣ со стороны городовъ и земствъ, мы невольно наталкиваемся все на тотъ-же вопросъ объ общедоступности театра. Въ самомъ дѣлѣ, если поддерживать театральное дѣло субсидіями, то естественнѣе обратить ихъ на тѣ формы театра, когда

Digitized by Google

онъ является серьезнымъ дѣломъ, а не только средствомъ для времяпровожденія, когда театръ наполняетъ публика, которой онъ настоятельно нуженъ и которой въ то же время слишкомъ трудно поддержать его одними своими средствами... Такимъ образомъ, мы видимъ, что вопросъ объ общедоступности театра становится, въ силу вещей, такимъ *центромъ*, къ которому неизбѣжно, какъ радіусы, сходятся всѣ существенные вопросы театральнаго дѣла въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я глубоко убѣжденъ, что съ тѣхъ поръ, какъ театръ повернетъ свой фронтъ къ народу, театральное дѣло станетъ настоящимъ, живымъ, общественнымъ дѣломъ, и для русскаго театральнаго искусства наступитъ новая эра.

Н. Тимковскій.

Новыя книги.

Морисъ Метерлинкъ. Пять драмъ. Слѣпцы, Тайны души, Семь принцессъ, Вторженіе смерти, Смерть Тентанжиля. Москва. 1896.

Московскіе почитатели извѣстнаго бельгійскаго символиста нашли нужнымъ познакомить съ нимъ русскихъ читателей. На большой успѣхъ они не разсчитываютъ. „Метерлинкъ — по ихъ мнѣнію — не изъ тѣхъ писателей, которые нравятся и завлекаютъ. Его трудно читать, съ нимъ надо свыкнуться“. Многіе, по предположенію редакторовъ перевода, будутъ даже „сбиты съ толку его совершенно своеобразнымъ стилемъ, краткимъ, отрывистымъ, какъ будто небрежнымъ; этой мрачной безсвязностью діалога, туманностью выраженія, призрачностью его персонажей. Многихъ можетъ оттолкнуть отъ Метерлинка его односторонность, исключительность мрачнаго колорита въ его драмахъ, постоянные сумерки какъ на сценѣ, такъ и въ душѣ дѣйствующихъ лицъ“. Эти „детальные недостатки“ не закрываютъ, однако, отъ редакторовъ перевода крупныхъ достоинствъ пьесъ Метерлинка. Въ перечисленіе и разборъ этихъ достоинствъ они не пускаются. Мы не жалѣемъ объ этомъ, какъ ни желательно было-бы намъ видѣть въ печати разборъ положительныхъ сторонъ творчества моднаго драматурга и того теченія, къ которому онъ примыкаетъ. Мы не жалѣемъ объ этомъ, потому что привыкли уже въ критикѣ, исходящей отъ адептовъ символизма, находить лишь туманныя фантазіи и изліянія, нисколько не уясняющія ни авторовъ, ни ихъ произведенія.

Необходимости въ переводѣ драмъ Метерлинка на русскій

Digitized by Google

языкъ мы положительно не видимъ. Въ нашей переводной литературѣ такъ много непростительныхъ пробѣловъ, мы не имѣемъ переводовъ столькихъ классическихъ произведеній, что знакомить нашего читателя съ неопредѣлившимися литературными индивидуальностями, значеніе которыхъ подлежитъ еще обсужденію, кажется намъ излишнимъ. Къ тому-же перевести Метерлинка, какъ слѣдуетъ, въ сущности, невозможно. Вся значительность и вѣскость его фразъ, его монотонныхъ діалоговъ, его тягостныхъ, но реальныхъ повтореній совершенно исчезаетъ въ буквально вѣрномъ переводѣ. Есть возможность, когда читаешь его въ подлинникѣ, принять его условную правду, приспособиться къ его ирреальному міру и заполнить его схематическія трагедіи жизненнымъ содержаніемъ. Въ переводѣ все это производитъ чуть не комическое впечатлѣніе. Едва-ли русскій читатель найдетъ въ этихъ пьесахъ тѣ „крупныя достоинства", благодаря которымъ въ редакторахъ перевода „съ перваго-же знакомства съ Метерлинкомъ зародилось желаніе видѣть его драмы переведенными на русскій языкъ".

Между тѣмъ достоинства эти—не такія ужъ крупныя—все таки есть. Метерлинкъ, несомнѣнно, оригиналенъ. Онъ создалъ свой жанръ, не чуждый искусственности, быть можетъ, жизнеспособный лишь въ умѣлыхъ рукахъ своего творца, но въ нѣкоторыхъ своихъ элементахъ новый и интересный. Онъ можетъ показаться при извѣстномъ настроеніи скучнымъ, но можетъ и заинтересовать. Средства, которыми онъ пользуется, крайне бѣдны. Его герои внѣ времени и пространства не задѣваютъ въ читателѣ никакихъ опредѣленныхъ историческихъ ассоціацій; они схематичны до послѣдней степени, и намъ кажется сомнительнымъ, чтобы самое лучшее исполненіе могло дать жизненность этимъ безплотнымъ фигурамъ. Это послѣднее свойство есть несомнѣнное слѣдствіе той ложной теоріи символа, на которую опирается большинство представителей такъ называемаго символизма. Чтобы быть иносказательнымъ, чтобы внушить читателю какъ можно больше эмоцій и представленій, поэтическій символъ вовсе не долженъ быть неопредѣленнымъ и расплывчатымъ, очищеннымъ отъ всякаго couleur local. Русскій дворянинъ семидесятыхъ годовъ Константинъ Дмитріевичъ Левинъ, оставаясь фигурой насквозь реальной, „подсказываетъ" читателю также много, возбуждаетъ въ немъ такую же—въ сущности, неизмѣримо большую—работу духа, какъ и какой нибудь „король" или „дѣдъ", у котораго даже нѣтъ имени, какъ нѣтъ индивидуальности. А между тѣмъ связать насъ съ художественнымъ произведеніемъ можетъ только живая личность: блѣдные Тентанжили такъ и

Digitized by Google

остаются чуждыми для насъ привидѣніями, которыя могутъ насъ напугать, но не могутъ жить съ нами.

Въ сущности, эти замѣчанія направлены не столько противъ Метерлинка, сколько противъ теоріи его школы. Самъ онъ умѣетъ замѣнить интересъ къ личностямъ интересомъ къ дѣйствію, къ той элементарной трагедіи, которую переживаютъ эти абстрактные „общечеловѣки". Въ немъ есть если не дѣятельная любовь къ людямъ, то какая-то болѣзненная жалость къ нимъ; они всѣ безъ различія положенія и образа жизни представляются ему глубоко несчастными. Предъ лицомъ тѣхъ роковыхъ силъ, которыя владѣютъ жизнью, въ виду смерти, подъ гнетомъ страстей, или во тьмѣ незнанія всѣ они — и короли, и слѣпыя старухи изъ богадѣльни — равно ничтожны и безсильны. И чтобы оттѣнить рѣзче это ничтожество, излюбленными героями Метерлинка являются, именно, короли, принцы, принцессы. Ореолъ земного величія спадаетъ съ нихъ; остаются несчастные люди, окруженные тьмой непониманія и дрожащіе въ ожиданіи неминуемой смерти.

Въ драмахъ Метерлинка нѣтъ многихъ недостатковъ того литературнаго теченія, къ которому онъ принадлежитъ: нѣтъ исключительнаго культа формы и тщетнаго стремленія дѣйствовать на читателя какими-либо экстравагантными средствами,—что когда-то нашло себѣ яркое выраженіе въ его же знаменитыхъ „бѣлыхъ павлинахъ скуки"; нѣтъ и того грубаго чувственнаго элемента, который преподносится подъ идейнымъ прикрытіемъ нео-язычества, а на самомъ дѣлѣ относится къ области порнографіи.

Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. Перев. съ испанскаго И. Гливенко, съ предисловіемъ Морель Фассіо. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897.

Испанскій оригиналъ этой книги появился въ 1554 году. Вначалѣ она была воспрещена испанской инквизиціей, но успѣхъ этой чисто національной сатиры былъ такъ великъ, что инквизиція оказалась безсильной бороться съ нечестивымъ произведеніемъ анонимнаго автора: „Всякій испанецъ,— пишетъ Морель Фассіо,—возвращаясь изъ Фландріи домой (а сношенія съ Фландріей были, какъ извѣстно, во времена Филиппа II особенно часты и оживленны), имѣлъ экземпляръ книги въ карманѣ, и бельгійская перепечатка, благодаря книгопродавцамъ Антверпена, которые уже знали удобство маленькихъ форматовъ, была такого вида, что легко позволяла обмануть инквизицію и провести крошечное изданіе въ какой нибудь складкѣ платья". Тогда великій король повелѣлъ издать книгу для своего добраго испанскаго народа, приказавъ

Digitized by Google

предварительно одному изъ своихъ секретарей сдѣлать значительныя цензурныя очистки. Такимъ образомъ веселый несчастливецъ изъ Тормеса, „съ соизволенія св. инквизиціи и короля", лишался нѣсколькихъ острыхъ зубовъ, которыми терзалъ репутацію св. отцовъ, но за то получилъ право гражданства въ своемъ отечествѣ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, съ какого именно изданія сдѣланъ настоящій переводъ, и тотъ Лазарильо, который дошелъ до насъ, является-ли въ первоначальномъ или уже въ „очищенномъ видѣ". Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что приключенія остроумнаго нищаго изъ Тормеса носятъ на себѣ явные слѣды творчества того великаго коллективнаго анонима, который налагаетъ свой штемпель на такъ называемыя „народныя" произведенія. Имя первоначальнаго автора осталось неизвѣстнымъ. Преданіе приписываетъ его одному изъ выдающихся людей царствованія Карла V—Діего Гуртадо де Мендоза, но Морель Фассіо называетъ это мнѣніе лишеннымъ всякаго основанія. Другіе считаютъ Лазарильо грѣхомъ юности нѣкоего генерала духовнаго ордена Хуана-де-Ортега, написавшаго будто-бы нечестивую шутку во времена своего студенчества въ Саламанкѣ, но Морель Фассіо „охотнѣе обратился-бы вмѣсто Ортега къ нѣкимъ братьямъ Вальдесъ",—къ сожалѣнію, тоже безъ всякихъ основаній. Извѣстно во всякомъ случаѣ одно, — что книга написана задолго до оффиціальнаго своего появленія и вѣроятно выдержала немало списковъ, сильно измѣнившихъ первоначальную редакцію, что и затѣмъ къ ней придѣлывали цѣлыя главы, что этотъ процессъ, частью быть можетъ искажавшій оригиналъ,— вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно прибавлялъ все новыя черточки національно-коллективнаго творчества, сдѣлавшаго имя Лазарильо (Лазарь) — нарицательнымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Испаніи, а многимъ выраженіямъ популярной книги придавшаго значеніе пословицъ.

Мы не станемъ излагать здѣсь ея содержаніе. Скажемъ только, что по своему характеру она принадлежитъ къ тому циклу „плутовскихъ разсказовъ", который не безъ основанія считается прототипомъ реальнаго романа. Изъ сферы фантастическихъ подвиговъ героевъ и рыцарей, отъ искусственной буколики и пасторали читатель приводится въ сферу дѣйствительной жизни, причемъ патентованная святость и патентованная мораль освѣщается съ точки зрѣнія откровеннаго и патентованнаго же плутовства,—сопоставленіе, представляющее цѣлый родникъ своеобразнаго юмора и первоисточникъ морали „униженныхъ и оскорбленныхъ", тогда еще не вполнѣ сознательной. Въ этомъ смыслѣ очень характерно преданіе, приписывающее авторство „Лазарильо" веселому

Digitized by Google

саламанкскому студенту Ортега, опьяненному духомъ скептицизма въ молодости и ставшему подъ старость генераломъ духовнаго ордена. Уже для Европы возрожденія эти остроумныя сатиры являлись чѣмъ-то въ родѣ „веселаго грѣха“; въ чтеніи ихъ приходилось каяться суровымъ духовникамъ и переносить эпитеміи, чтобы затѣмъ опять предаваться тому же при новыхъ искушеніяхъ, являвшихся въ изобиліи. Сильная струя художественной и житейской правды привлекала неодолимо, хотя еще и несознательно, и только уже болѣе позднія времена сняли съ нея нѣсколько двусмысленный покровъ „веселаго грѣха“, а изъ морали „униженныхъ и оскорбленныхъ“ сдѣлали могучее орудіе литературно-нравственной проповѣди.

Разбираемая книга, безъ сомнѣнія, прочтется съ интересомъ. Въ ней нѣтъ цѣльной и стройно развивающейся фабулы, но нѣсколько фигуръ (нищій слѣпецъ, каноникъ, продавецъ буллъ и чудотворецъ, нищій чудакъ и т. д.) отлиты изъ того прочнаго матеріала, который переживаетъ вѣка, сохраняя вѣчно-интересные слѣды чисто-народнаго юмора и неувядающаго остроумія. Подъ средневѣковыми одеждами каждый вѣкъ узнаетъ въ нихъ своихъ близкихъ знакомыхъ.

Издана книга очень опрятно, даже изящно, но переводъ оставляетъ желать очень многаго.

А. Барановъ. Въ защиту погибшихъ женщинъ. Изд. редакціи «Камско-Волжскаго Края». Казань, 1897.

Маленькая книжечка въ $^1/_{16}$ долю листа и въ 116 страницъ. Она содержитъ въ себѣ нѣсколько полу-беллетристическихъ очерковъ („Несчастная“, „На ловлѣ“, „Маскарадъ“ и „Пробужденіе“), къ которымъ прибавлены: „Краткій проектъ общества защиты несчастныхъ женщинъ“ и „Заключеніе“. „Съ глубоко радостнымъ чувствомъ,—пишетъ въ этомъ заключеніи авторъ,—заканчиваю я свои очерки (они были напечатаны ранѣе въ газетѣ „Камско-Волжскій Край“). „Общество защиты несчастныхъ женщинъ“ уже начинаетъ облекаться въ плоть и кровь. Уже многіе выразили желаніе быть его членами, уже многіе пришли къ нему съ посильною помощію (въ числѣ жертвователей есть и такіе труженики, какъ наборщики и печатники). Съ самымъ чуткимъ и благороднымъ чувствомъ гуманности откликнулась на это дѣло, какъ мы и ожидали, вся молодежь. Студенты духовной академіи, университета и ветеринарнаго института дружно соединились въ высокомъ стремленіи придти на помощь несчастнымъ и беззащитнымъ женщинамъ, мимо которыхъ общество до сихъ поръ безучастно проходило. На призывъ по-

Digitized by Google

мочь „несчастнымъ“ не менѣе чутко откликнулись и дамы, и молодыя дѣвушки, которыя, отбросивъ ложный стыдъ и фарисейскій видъ ничегоневѣдѣнія, поняли своей чуткой женской душой, что тѣ жалкія женщины тоже ихъ сестры, но только сестры несчастныя, обездоленныя судьбой, погубленныя людьми“...

Уже изъ приведенныхъ выдержекъ читатель видитъ, съ какого рода произведеніемъ онъ имѣетъ дѣло. Нѣсколько очерковъ, помѣщенныхъ въ этой небольшой книжечкѣ, стоятъ въ тѣсной связи съ „проектомъ“ чисто практическаго характера, стремящимся воплотить ея мораль въ осязательной формѣ. Г-ну Баранову при содѣйствіи мѣстной прессы (главнымъ образомъ „Камско-Волжскаго Края“) удалось заинтересовать мѣстное общество. Цифра пожертвованій продолжаетъ, хотя и медленно, возростать (въ половинѣ апрѣля она превышала 1500 рублей).

Такимъ образомъ, предпріятіе г. Баранова находится теперь, такъ сказать, въ своемъ медовомъ мѣсяцѣ; онъ не имѣетъ пока основаній сомнѣваться въ успѣхѣ своей проповѣди, а нѣкоторыя страницы его книги свидѣтельствуютъ даже, что онъ придаетъ своей задачѣ нѣсколько преувеличенные размѣры. Правда, иные „скептики“ указываютъ г. Баранову, что „частными мѣрами зла не искоренишь“, но г. Барановъ возражаетъ, что это соображеніе не должно служить оправданіемъ бездѣльничеству. Это совершенно справедливо. Плохо то общество, въ которомъ совершенно замерли попытки борьбы съ тѣми или другими хотя бы частными проявленіями крупныхъ неустройствъ нашей жизни, и только люди, очень склонные къ шаблонамъ могутъ теперь повторять фразы о полной безполезности всѣхъ вообще филантропическихъ предпріятій. Несомнѣнно огромное воспитательное значеніе подобныхъ попытокъ, а нѣкоторыя изъ филантропическихъ организацій, возникающихъ среди современныхъ культурныхъ обществъ, являются даже безспорно элементами будущаго, превращая постепенно дѣло милосердія въ дѣло права и общественной обязанности. Если всетаки и теперь наша филантропія доставляетъ обильный матеріалъ для заслуженной сатиры и справедливыхъ обличеній, то этимъ она обязана въ значительной степени одной специфической чертѣ, составляющей роковое наслѣдіе ея прошлаго, отчасти и нѣкоторыхъ современныхъ условій. Именно, она слишкомъ склонна преувеличивать значеніе своихъ частныхъ мѣръ и затѣмъ самодовольно замыкаться въ своемъ узкомъ кругѣ. Между тѣмъ, ей то особенно необходимо не терять изъ виду общаго компаса, связывать свои частныя задачи съ общими указаніями человѣческой мысли и горестнаго общественнаго опыта, а

Digitized by Google

также съ добытыми этимъ опытомъ и этой мыслью началами всякаго общественнаго движенія. Да, мы слишкомъ порой равнодушно проходимъ мимо многихъ золъ, которыя стали для насъ привычными. И когда человѣкъ съ чуткимъ сердцемъ, каковъ, очевидно, авторъ разбираемой книги, останавливаетъ насъ на улицѣ, обращаетъ наше вниманіе на то, какъ мы топчемъ споткнувшагося, быть можетъ, не по своей винѣ человѣка, и въ горячей импровизаціи призываетъ къ немедленной помощи, то мы невольно чувствуемъ его правоту, и равнодушная, проникнутая самодовлѣющимъ скептицизмомъ избитая фраза о безсиліи частныхъ мѣръ звучитъ для насъ фарисейскою фальшью. Искоренить глубокое зло частными мѣрами невозможно, но искоренять его всетаки приходится именно частными приложеніями извѣстныхъ общихъ началъ по всей поверхности жизни. Жизнь никогда не говоритъ своего „послѣдняго“ слова, поэтому совершенно понятно стремленіе чуткихъ натуръ вступить въ споръ со зломъ жизни при помощи хотя бы наличнаго запаса словъ и формулъ и ихъ немедленнаго приложенія. Поэтому мы горячо сочувствуемъ благородной попыткѣ г-на Баранова, и эта практическая инціатива мѣстныхъ литературныхъ силъ кажется намъ здоровымъ симптомомъ мѣстной жизни. Не нужно однако самообольщенія. Медовый мѣсяцъ пройдетъ; „вся молодежь“ конечно не можетъ долго считать задачу, намѣченную г. Барановымъ, дѣломъ своей жизни; многія, даже очень многія „дамы и молодыя дѣвушки“ скоро охладѣютъ къ модному теперь въ Казани вопросу; „лепта наборщиковъ“—очень хороша, какъ показатель того напряженія, до котораго г. Баранову удалось поднять интересъ къ дѣлу на мѣстѣ, — но нельзя закрывать глаза и на то, что общая цифра пожертвованій и теперь всетаки ничтожна... Медовый мѣсяцъ пройдетъ, и хорошо, если въ результатѣ окажется хотя бы скромное общество, въ родѣ отдѣленія общества св. Магдалины въ г. Казани. И это уже что нибудь. А чѣмъ больше будетъ такихъ отдѣленій, тѣмъ лучше, потому что они создадутъ возможность дѣятельнаго отношенія къ одному изъ глубокихъ золъ нашей жизни, которое теперь остается въ области отвлеченныхъ формулъ. Не нужно, однако, забывать, что это именно только „возможность“. Мы что-то мало слышимъ о дѣятельности самаго общества св. Магдалины. Будущія отдѣленія могутъ съ своей стороны замкнуться въ кругѣ „нравственной проповѣди“ и раздачи брошюръ съ превосходнѣйшей моралью цѣломудрія и покаянія. Съ другой стороны, уже недавній съѣздъ сифилидологовъ, ученыхъ и практиковъ врачей, не уснащавшихъ своихъ рѣчей филантропическимъ лиризмомъ, намѣтилъ нѣ-

Digitized by Google

сколько мѣръ, примѣненіе которыхъ сдѣлало-бы больше, чѣмъ сотни самыхъ назидательныхъ проповѣдей. Достаточно указать напр. на теорію аболиціонистовъ въ дѣлѣ проституціи. Разумѣется, этотъ очень скромный частный случай „освобожденія" тоже не можетъ „искоренить" все зло въ этой области. Грязная лужа остается грязной и послѣ того, какъ въ нее проникаетъ лучъ солнца. Несомнѣнно однако, что самое его проникновеніе есть уже начало оздоровляющее и мѣшающее размноженію болѣзнетворныхъ микробовъ.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Томы I—III. Спб. 1896.

Объемистая переписка покойныхъ академиковъ составляетъ начало изданія „Сочиненій и переписки Я. К. Грота". Переписка обнимаетъ время пребыванія Грота въ Гельсингфорсѣ въ качествѣ профессора русскаго языка (1840—1853); съ переходомъ его на службу въ Александровскій лицей въ Петербургѣ эта оживленная переписка естественнымъ образомъ прекратилась и возобновлялась впослѣдствіи лишь изрѣдка, во время кратковременныхъ періодовъ разлуки друзей.

Переписка не оправдала вполнѣ тѣхъ ожиданій, съ которыми мы приступали къ ея чтенію; намъ казалось, что и положеніе и уровень образованія обоихъ корреспондентовъ служатъ ручательствомъ, что въ ихъ искреннемъ обмѣнѣ впечатлѣній и мнѣній мы найдемъ массу фактовъ и цѣнныхъ матеріаловъ для характеристики эпохи. Гротъ — русскій профессоръ въ Финляндіи, дѣятель мирнаго завоеванія, культурнаго обрусѣнія столь близкой и столь далекой отъ насъ окраины, уже имѣлъ литературное имя и былъ въ оживленныхъ сношеніяхъ со многими видными представителями духовной жизни обѣихъ странъ. Плетневъ былъ ректоромъ и профессоромъ Петербургскаго университета, издателемъ пушкинскаго „Современника", былъ близокъ ко двору, особенно къ Наслѣднику В. К. Александру Николаевичу и сохранялъ множество связей съ самыми выдающимися предстаивителями нашего ученаго и литературнаго міра. Между тѣмъ, имѣя несомнѣнное значеніе въ качествѣ богатаго источника для біографіи и характеристики обоихъ корреспондентовъ, переписка даетъ сравнительно мало значительныхъ данныхъ для историка культуры, и въ этомъ отношеніи никакъ не можетъ быть поставлена наряду съ дневникомъ Никитенка или записками Вигеля. Даже въ характеристику корреспондентовъ переписка едва ли внесетъ какіе либо существенные оттѣнки. Гротъ и здѣсь остается все тѣмъ-же европейцемъ, склоннымъ къ широтѣ въ воззрѣніяхъ, но не всегда устойчивымъ. Плетневъ, какъ

Digitized by Google

и всегда—на стражѣ авторитета и въ неизмѣнномъ бою съ подрывателями основъ. Его замѣчанія о Бѣлинскомъ теперь, на разстояніи болѣе, чѣмъ полувѣка, производятъ жалкое и тоскливое впечатлѣніе. Не вѣря, чтобы въ критическихъ статьяхъ Никитенка было что нибудь цѣнное, онъ прибавляетъ: „это другой экземпляръ Бѣлинскаго. Они много говорятъ о томъ, что есть *около*, а ни слова о томъ, что въ самомъ предметѣ. Безъ дарованія ничего не пронюхаешь въ разсматриваемой книгѣ; а я не признаю въ нихъ обоихъ никакого дарованія. Это школяры, начитавшіеся Полевого, который и самъ былъ обезьяной того, что дѣлалось около него" (II, 702). Это говорилъ пріятель и поклонникъ Пушкина черезъ два года послѣ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Но за преступленіями, совершенными Бѣлинскимъ, не трудно было проглядѣть его дарованіе. Причины событій 1848 г. — „въ уничтоженіи такъ называемаго *авторитета* во всемъ: въ религіи, въ политикѣ, въ наукахъ и въ литературѣ. Дерзость возстала съ такимъ безстыдствомъ, что достоинству оставалось только отстраниться. Въ нашей литературѣ слегка приступилъ къ этому Булгаринъ, испугавшійся послѣ самъ и теперь за то страждущій отъ послѣдователей. Но во всемъ блескѣ это ученіе развито Полевымъ, Сенковскимъ и Бѣлинскимъ" (III, 208). Не имѣя шансовъ стать въ ряды важныхъ источниковъ по исторіи нашего просвѣщенія, переписка, однако, будетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ для біографовъ многихъ выдающихся дѣятелей сороковыхъ годовъ. Имена, напр., Уварова, Шевырева, гр. Сологуба, А. О. Смирновой, Пушкина, Ростопчиной, кн. Одоевскаго, Никитенка, Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Гоголя, Краевскаго и мн. другихъ повторяются въ ней очень часто. Правда, факты сообщаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ все мелкіе, незначительные, но иногда и они могутъ быть для разъясненія чего нибудь важнаго очень полезны. Въ обширныхъ и обстоятельныхъ примѣчаніяхъ, составленныхъ проф. К. Я. Гротомъ, заключается много интересныхъ и важныхъ матеріаловъ и указаній.

Очерки по философіи математики. III. Фрейсинэ. Перев. съ франц. В. Обреимова. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Эта книга можетъ быть не безъ пользы прочтена образованными людьми. Она именно написана для широкой публики, которую авторъ хочетъ познакомить съ понятіями, лежащими въ основѣ математическаго анализа и механики. „Анализъ безконечно малыхъ и механика—о нихъ, именно, я хочу говорить—обладаютъ особеннымъ достоинствомъ обращать на себя вниманіе, я сказалъ-бы даже, возбуждать воображеніе,

Digitized by Google

первый—вслѣдствіе нѣкотораго таинственнаго характера своихъ основныхъ началъ, а вторая—своимъ приложеніемъ къ такимъ высокимъ задачамъ, какъ проблемы астрономіи. Каковы, въ сущности, эти понятія о безконечномъ и о безконечно маломъ, на которомъ основывается Анализъ? Чѣмъ открытіе Лейбница отличается отъ обыкновенной алгебры, съ которой каждый болѣе или менѣе знакомъ? По какой темной тропинкѣ оно ведетъ насъ къ открытіямъ истины, и не рискуемъ-ли мы въ этомъ переходѣ оставить нѣсколько частицъ математической точности? Въ механикѣ, какая доля принадлежитъ разсужденію и какая опыту? Что заключаютъ въ себѣ необходимаго и что случайнаго открытые нами законы? Что обезпечиваетъ сохраненіе силы и движенія во вселенной? Не происходитъ-ли постепенное уменьшеніе причинъ, производящихъ наблюдаемое нами движеніе матеріи?"

„Я попытался отвѣтить на эти вопросы и на нѣсколько другихъ. Я хотѣлъ также свести къ ихъ простѣйшему выраженію основныя понятія, свойственныя этимъ наукамъ. Мнѣ казалось, что Анализъ произошелъ непосредственно изъ идей пространства и времени, а Механика,—изъ понятій о силѣ и о массѣ". Такими словами опредѣляетъ авторъ (стр. II—III) задачу своей книги. Книга эта состоитъ изъ двухъ элементовъ: философскаго и математическаго. Философскій элементъ книги болѣе слабъ. Анализъ понятій пространства и времени не только не представляетъ ничего оригинальнаго, но и вообще не имѣетъ никакого интереса. Впрочемъ, авторъ и не пытается идти здѣсь особенно далеко. Такъ, онъ признаетъ реальность пространства и времени, но вмѣсто доводовъ говоритъ просто: „инстинктивно я всегда вѣрилъ въ ихъ реальность" (стр. 143). Вмѣстѣ съ реальностью пространства онъ признаетъ и безконечность его, не пытаясь согласовать эти два, повидимому, противорѣчивыя качества. Ибо безконечнымъ можетъ считаться только то, о чемъ можно утверждать, что оно болѣе всякой данной величины. Одно изъ лучшихъ опредѣленій безконечной величины далъ извѣстный математикъ Канторъ, сказавши, что слѣдуетъ считать конечною всякую величину, которая не равна своей части. Изъ этого видно, въ какомъ противорѣчіи между собою находятся понятія реальности и безконечности.

Вопросъ о безконечности естественно приводитъ насъ къ математическому отдѣлу книги Фрейсинэ. Что этотъ отдѣлъ также лишенъ оригинальности, въ этомъ мы не видимъ особенной бѣды для популярной книги; но жаль, что математическія воззрѣнія автора нѣсколько устарѣли. Видно, что авторъ прошелъ когда-то хорошую математическую школу, но съ тѣхъ поръ мало слѣдилъ за научною жизнью. Такъ, на-

Digitized by Google

прим., на немъ совершенно незамѣтно вліянія идей Клерка Максвелля и Вильяма Томсона. Вторымъ недостаткомъ книги слѣдуетъ считать то обстоятельство, что въ погонѣ за понятностью изложенія авторъ иногда жертвуетъ точностью выраженій; однако, этотъ недостатокъ можно еще простить автору въ виду исключительной трудности предмета. Чего, однако, уже совсѣмъ нельзя простить автору, это того, что въ погонѣ за красивою фразою онъ не брезгаетъ помощью реторики. Такъ, на стр. 18 мы читаемъ: „Нашъ умъ возвышается до безконечности красоты и добра, онъ понимаетъ безконечность мудрости, высшаго разума, верховнаго могущества". Правда, авторъ сейчасъ-же прибавляетъ: „но эти понятія далеко не такъ отчетливы, какъ безконечность въ протяженіи, и они не могутъ подобно послѣднимъ, быть подвергнуты математическимъ умозрѣніямъ"; однако, эта оговорка, всетаки, не избавляетъ автора отъ упрека въ томъ, что онъ, въ порывѣ увлеченія реторикой, вмѣсто точнаго понятія математической безконечности преподноситъ читателямъ безконечность красоты.

Всеобщая исторія съ IV ст. до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ **Х. Лависса и А. Рамбо.** Томъ первый М. 1897.

При нашей скудости книгъ по европейской исторіи, книга гг. Лависса и Рамбо должна была, естественно, привлечь вниманіе, возбудить увѣренность, что русская публика получитъ въ этой „всеобщей исторіи" нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ устарѣлая всемірная исторія Шлоссера или тяжеловѣсная исторія Вебера. И проспектъ къ задуманному изданію, и, еще болѣе, предисловіе къ первому тому говорили такъ много и хорошо въ пользу книги, что, повидимому, не могло быть и сомнѣній въ важности ея для русскаго читателя... Да и какъ иначе, когда работа гг. Лависса и Рамбо, повидимому,—въ одно и тоже время и популярное, съ истинно французскими искусствомъ и ясностью написанное произведеніе, и произведеніе строго научное, разсчитанное на то, чтобы у читателя было въ рукахъ резюме научной разработки явленій европейской жизни, резюме всего добытаго наукой за послѣднее время, и это не только во Франціи, но и въ Германіи, Англіи, Бельгіи и т. д. Всеобщая исторія составлялась не одними только Лависсомъ и Рамбо: они, въ качествѣ редакторовъ, постарались привлечь къ дѣлу такихъ сотрудниковъ, „которые своими спеціальными трудами и цѣнными изданіями доказали свое близкое знакомство съ предметами", порученными ихъ разработкѣ (пред. стр. VII). Редакторы обѣщаютъ „не вставлять" въ свою исторію „единственно то, что... Дюрюи называлъ histoire—bataille, т. е. мелкихъ под-

Digitized by Google

робностей о монархахъ и описанія длиннаго ряда сраженій или мирныхъ трактатовъ" (гл. VIII) „На первомъ планѣ, говорятъ они, у насъ будутъ стоять тѣ факты, которые,—по выраженію Вольтера,—касаются „нравовъ и духа націй",

Все это выходитъ очень хорошо и убѣдительно. Но когда начинаешь читать внимательно изложеніе событій, просматривать указанія на литературу вопросовъ, приложенныя къ каждой главѣ тома,—зарождаются нѣкоторыя недоумѣнія. Литература, напр., вездѣ приведена, но приведена довольно страннымъ образомъ. По нѣкоторымъ отдѣламъ вы видите, что она исчерпываетъ почти все важнѣйшее изъ того, что сдѣлано въ послѣдніе даже годы; въ другихъ—почему то все, сдѣланное съ 70-хъ годовъ по самымъ важнымъ вопросамъ средневѣковой исторіи Европы, обойдено полнымъ молчаніемъ. Если очевидно знакомство автора отдѣла о римской имперіи (первая глава) съ изслѣдованіями и самаго послѣдняго времени, то, наоборотъ, оно совершенно отсутствуетъ у автора, напр., второй главы, посвященной германцамъ, ихъ цивилизаціи, нашествію варваровъ и т. д. Сдѣлана ссылка на Вайца, но вся литература позднѣйшаго времени совершенно игнорируется, и это не въ отдѣлѣ библіографіи только; работы капитальныя—Вильгельма Арнольда, Инамы—Стернегга, Ламprехта и мн. друг., видимо, неизвѣстны автору главы. Не рѣдко, какъ въ отдѣлѣ объ англосаксахъ, славянахъ, каролингахъ, распаденіи имперіи каролинговъ, указанія на литературу носятъ случайный характеръ, составлены безъ всякой системы и съ крупными пропусками.

Въ предисловіи насъ увѣряютъ, что „изданіе будетъ соединять въ себѣ два достоинства,—единство плана и разнообразіе талантовъ" (VII). Но если и допустить, что разнообразіе талантовъ есть ручательство достоинства работы, то единства плана мы во всякомъ случаѣ въ первомъ томѣ не встрѣчаемъ.

Въ то время, какъ въ однѣхъ главахъ, особенно въ тѣхъ, которыя посвящены Византіи, сообщены важнѣйшіе изъ фактовъ культурной жизни или строя и развитія учрежденій и соціальныхъ отношеній, ихъ напрасно будетъ отыскивать читатель въ другихъ главахъ (напр. въ 5, 8, 10, 11), да, въ добавокъ, и тамъ, гдѣ они излагаются,—имъ отведено далеко не первенствующее мѣсто. Читатель не получаетъ, напр., сколько нибудь яснаго представленія ни о варварскихъ законахъ, ни о капитуляріяхъ о виллахъ, ни о соціальномъ строѣ Англіи до завоеванія ея норманнами, и т. д. Самое понятіе о томъ, въ чемъ выражается „цивилизація", далеко не выяснено и не опредѣлено, и въ то время, когда въ однихъ отдѣлахъ подъ понятіе „цивилизація" включены и соціаль-

Digitized by Google

ный строй, и нѣкоторыя экономическія явленія, какъ напр., въ отдѣлахъ, посвященныхъ Византіи и исламу,—въ другихъ (какъ въ отдѣлѣ объ Англіи и др.) главнымъ содержаніемъ цивилизаціи является почти исключительно умственная дѣятельность, литература и т. п. О роли, характерѣ и значеніи экономическихъ факторовъ не говорится вовсе въ книгѣ; даже болѣе того: самыя экономическія явленія того времени почти не входятъ въ изложеніе, и если и попадаются иногда, то изложены съ пропусками, неточно, иногда въ извращенномъ видѣ. Напрасно было бы искать въ книгѣ указаній на то, что, напр., съ такой полнотой и обстоятельностью разработано въ трудахъ Инамы—Стернегга, Лампрехта и др., на характеръ тогдашняго натуральнаго хозяйства, на возникновеніе и прогрессъ развитія въ то время денежной системы, на зародыши развитія такихъ крупныхъ факторовъ, безъ которыхъ немыслимо выясненіе спеціальнаго развитія того времени, какъ созданіе крупныхъ владѣній, зараждающихся ярмарокъ, и т. д. Обо всемъ этомъ и многомъ другомъ — книга умалчиваетъ, и слова Вольтера, переведенныя на современный языкъ, остаются простой фразой, не соотвѣтствующей дѣйствительному содержанію книги. Беремъ для примѣра отдѣлъ о цивилизаціи древнихъ германцевъ, на который указываетъ и предисловіе (VIII). На каждомъ шагу замѣтно, до какой степени не поняты авторомъ отдѣла существенныя стороны быта германцевъ. О родовомъ и племенномъ строѣ германцевъ, составляющемъ одну изъ существенныхъ сторонъ жизни и являющемся одной изъ главныхъ основъ дальнѣйшаго развитія, не упомянуто ни однимъ словомъ, а вмѣсто того сообщаются просто нелѣпости насчетъ поземельныхъ порядковъ, существовавшихъ у германцевъ. Неугодно ли объяснить, что заключаютъ въ себѣ слова автора о германской общинѣ: „*Собственность* земледѣльца находилась, сказано въ книгѣ, въ тѣсной зависимости отъ *общины*, эта послѣдняя считалась владѣтельницей деревенской земли; только *домъ*, *садъ и стадо* составляли *личную* собственность; впрочемъ деревенская земля дѣлилась частью на участки, частью оставалась *собственностью* общины... Неизвѣстно, *раздавались* ли участки въ полную *собственность*... или обмѣнивались между землевладѣльцами, неизвѣстно была ли это настоящая система аграрнаго коммунизма“. Трудно встрѣтить на протяженіи менѣе чѣмъ одной страницы такую коллекцію доказательствъ полнаго незнанія аграрныхъ средневѣковыхъ порядковъ.

Но всего курьезнѣе спеціальный отдѣлъ, посвященный славянамъ и въ особенности „Россіи“ (стр. 762 и сл.), и мы не можемъ не выразить удивленія, что въ русскомъ изданіи Лависса и Рамбо переведены главы о славянахъ и „Россіи“,

Digitized by Google

а не выкинуты изъ перевода или не замѣнены чѣмъ либо другимъ. Значительная часть того, что говорится въ этомъ отдѣлѣ, сплошная ошибка, сплошное незнаніе самыхъ элементарныхъ фактовъ. Намъ сообщаютъ напр., что „приднѣпровскіе славяне *рано* достигли довольно высокой степени цивилизаціи“ и что „Полоцкъ, Смоленскъ, Новгородъ и въ особенности Кіевъ пріобрѣли важное значеніе“, очевидно еще до Аскольда и Олега, и назывались „городищами“, т. е., по объясненію автора, „огороженными центрами клановъ (волостей, погостовъ“) (sic) (стр. 762). Затѣмъ узнаемъ, что къ религіи славянъ примѣшивались скандинавскія суевѣрія, что „Россія *соперничала* съ Константинополемъ“ по части торговли, что поляковъ и русскихъ славянъ уже въ X—XI вѣкѣ раздѣляла „непримиримая ненависть“, и то, что „ниже *аристократіи* (sic.) окружавшей главу государства, стояли гриди, мужи и бояре (sic), а поселяне уже утратили нѣкоторую долю своихъ правъ и сдѣлались „мужиками“, ничтожными людьми, homunculus“ и т. д.

Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи, т. 1-й. СПБ. 1897.

Г. Петрушевскій задался цѣлью дать на одномъ лишь примѣрѣ, на одномъ историческомъ явленіи анализъ дѣйствія тѣхъ разнородныхъ причинъ, которыми обусловливаются какъ развитіе общества, такъ и фазисы, чрезъ какіе оно проходитъ. По его мнѣнію, только „въ индивидуальномъ познается общее, а не какимъ либо инымъ путемъ“ (пред.), и, поэтому, гораздо болѣе важно изучить вполнѣ данное явленіе, изслѣдовать дѣйствіе причинъ, создающихъ его, исчислить, такъ сказать, ихъ силу, степень и размѣръ ихъ вліянія, чѣмъ трактовать вообще о дѣйствіи причинъ на явленія, оставаться въ сферѣ однихъ отвлеченностей.

Насколько задача эта будетъ выполнена авторомъ, покажутъ два слѣдующіе тома, гдѣ изученіе причинъ возстанія крестьянъ въ XIV в. должно будетъ играть главную роль,— разумѣемъ изученіе дѣйствія, какъ экономическихъ и соціальныхъ факторовъ, такъ и умственныхъ, культурныхъ.

Въ первомъ томѣ авторъ ограничился лишь подготовкою почвы для изслѣдованія. Вопросъ о возстаніи У. Тайлера не былъ вовсе подвергнутъ тщательной и серіозной разработкѣ въ исторической литературѣ, не былъ изученъ научнымъ образомъ, на основаніи источниковъ, критически обработанныхъ, а потому и самая *фактическая* исторія возстанія не была дана. Первая часть весьма тщательно и научно обработаннаго труда г. Петрушевскаго и заключаетъ въ себѣ

Digitized by Google

именно опытъ возстановленія этой подлинной исторіи возстанія. Авторъ разбираетъ литературу вопроса и затѣмъ источники и уже на основаніи этого излагаетъ подробно, день за днемъ, ходъ возстанія, и, наконецъ, въ послѣдней и самой интересной и живо написанной главѣ анализуетъ тѣ программы, которыя легли въ основаніе возстанія.

Книга, несомнѣнно, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны читателя, которому она даетъ вполнѣ ясное и точное представленіе о ходѣ и характерѣ возстанія, представленіе, котораго онъ напрасно будетъ искать въ какой либо иной книгѣ, французской, англійской или русской. Нельзя не выразить лишь сожалѣнія, что авторъ послѣдовалъ по пути, хотя и оправдываемому постановной вопроса въ литературѣ, но нѣсколько вредящему его работѣ въ смыслѣ популярности. Было бы проще дать изслѣдованіе причинъ возстанія, а затѣмъ уже исторію его, отнесши критику литературы вопроса и источниковъ въ дополненія къ книгѣ, чѣмъ идти обратнымъ и запутаннымъ путемъ. Оттого напр., и теперь глава о литературѣ вопроса можетъ затруднить читателя, такъ какъ авторъ въ критикѣ существующихъ мнѣній о возста... аргументируетъ ее положеніями, не подкрѣпленными въ первомъ томѣ и которыя даны будутъ лишь во второмъ. Авторъ, напр., въ одномъ мѣстѣ, повидимому, оспариваетъ мнѣніе Роджерса, что причиною возстанія было, между прочимъ, стремленіе со стороны землевладѣльцевъ закрѣпостить крестьянскую массу, а въ другомъ, обратно, какъ бы соглашается съ этой гипотезой, находя, что Роджерсъ не далъ лишь аргументовъ, хотя косвенно его мнѣніе можетъ быть доказано. Но это второстепенные недостатки въ книгѣ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ составляющей пріятное исключеніе въ ряду оффиціальныхъ диссертацій и являющейся крупнымъ вкладомъ въ науку.

К. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. Спб. 1897 г.

Книга г. Павлова-Сильванскаго посвящена одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей Петровской эпохи, трактуя именно объ отношеніи современнаго Петру русскаго общества къ реформаторской дѣятельности правительства. Долгое время послѣ того, какъ историки отказались уже отъ мысли видѣть въ Петрѣ творца самой идеи реформы, они продолжали еще изображать практическое осуществленіе послѣдней внѣ всякой почти связи съ общественнымъ мнѣніемъ эпохи, усматривая иниціативу та-

Digitized by Google

кого осуществленія едва ли не исключительно въ личной волѣ Петра, лишь изрѣдка находившей себѣ поддержку и указанія у немногихъ и случайныхъ совѣтниковъ преобразователя. Сравнительно недавно данная сторона реформы на ново подверглась детальному изслѣдованію въ работѣ П. Н. Милюкова „Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра В." и это изслѣдованіе обнаружило факты, сильно измѣнившіе традиціонное представленіе объ отношеніяхъ правительства и общества при Петрѣ въ вопросахъ преобразованія русскаго быта. Изучая кабинетныя бумаги Петра В., авторъ только что названной работы нашелъ въ нихъ длинный рядъ представленныхъ Петровскому правительству иностранцами, служившими въ Россіи, и русскими людьми „доношеній" и проектовъ реформы различныхъ сторонъ государственнаго и общественнаго строя. Изученіе же судьбы этихъ проектовъ привело изслѣдователя къ тому выводу, что Петровское правительство въ эпоху наиболѣе сознательной своей дѣятельности, охватывающую 1711—1725 гг., само не только не рѣшало, но и не ставило вопросовъ реформы, по крайней мѣрѣ въ сферѣ административныхъ, финансовыхъ и экономическихъ преобразованій. Поставленные самою жизнью, эти вопросы усердно обсуждались болѣе или менѣе свѣдущими людьми въ доношеніяхъ, подававшихся правительству; на долю послѣдняго, и въ частности самого царя, оставалось исполненіе совѣтовъ „доносителей", и это исполненіе слишкомъ часто было чрезмѣрно поспѣшнымъ и недостаточно обдуманнымъ, для того, чтобы всегда быть успѣшнымъ. Г. Павловъ-Сильванскій, заглавіе книги котораго мы выписали выше, повелъ произведенную П. Н. Милюковымъ работу нѣсколько далѣе. Онъ нашелъ остававшіеся до сихъ поръ неизвѣстными проекты Ѳ. Салтыкова (п. н. „Изъявленія, прибыточныя государству": другой проектъ его же п. н. „Пропозиціи" былъ изданъ ранѣе) и К. Зотова, и издалъ ихъ, вмѣстѣ съ проектами Нестерова, Курбатова и Ив. Филиппова, которые были извѣстны изслѣдователямъ только въ рукописи и въ выдержкахъ, приведенныхъ у С. М. Соловьева и П. Н. Милюкова. Изданію проектовъ г. Павловъ-Сильванскій предпослалъ небольшое изслѣдованіе, въ которомъ онъ, особенно внимательно останавливаясь на авторахъ изданныхъ имъ проектовъ, касается и вообще русскихъ прожектеровъ Петровской поры, стремясь выяснить какъ общій характеръ ихъ идей, такъ и размѣры вліянія, оказаннаго ими на правительственную политику. Тогда какъ г. Милюковъ въ своемъ трудѣ изслѣдовалъ исторію государственнаго хозяйства и администраціи, привлекая къ изслѣдованію проекты постольку, поскольку они содѣйствовали преобразованіямъ въ этихъ сфе-

Digitized by Google

рахъ, авторъ настоящей работы поставилъ проекты исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія, какъ „матеріалъ, важный для характеристики общества начала XVIII вѣка", и уже отъ нихъ обращался къ правительственной дѣятельности, поскольку она на нихъ основывалась. Такая постановка изслѣдованія имѣетъ свое удобство, доставляя возможность болѣе детальной характеристики авторовъ проектовъ и содержанія этихъ послѣднихъ, но ей присущи вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя невыгоды, которыхъ не вполнѣ съумѣлъ избѣжать г. Павловъ-Сильванскій. Его изложеніе содержанія русскихъ проектовъ, въ прямой зависимости отъ ихъ разнообразнаго состава, отличается нѣкоторой пестротой и подчасъ даже случайностью, а вопросъ о вліяніи общественнаго мнѣнія черезъ данные проекты на правительственную политику, надъ которымъ авторъ не мало поработалъ и для разрѣшенія котораго онъ собралъ новый и любопытный матеріалъ, остался все же неисчерпаннымъ и врядъ ли могъ быть даже исчерпанъ при такой постановкѣ изслѣдованія. Самыя категоріи, на которыя распредѣляетъ г. Павловъ-Сильванскій авторовъ русскихъ проектовъ, различая между ними „крайнихъ западниковъ" и „московскихъ прогрессистовъ", довольно неопредѣленны и въ установленіи подобныхъ группъ требовалось бы болѣе точности. Это послѣднее обстоятельство едва-ли не болѣе, впрочемъ, зависѣло отъ характера общихъ взглядовъ автора, чѣмъ отъ особенностей его темы.

Въ воззрѣніяхъ, высказываемыхъ авторомъ на ходъ русскаго историческаго процесса, можно вообще подмѣтить довольно значительную порою неясность. По словамъ г. Павлова-Сильванскаго, Посошковъ и другіе авторы представлявшихся Петру проектовъ, предлагая преобразованія и заимствованія изчужа, „не измѣняли традиціи Московской Россіи, которая въ сущности вовсе не была принципіальной противницей нововведеній, медленно, но постоянно реформировала старые порядки, многое заимствовала съ Запада, преимущественно въ области матеріальной культуры, хотя и относилась вообще враждебно къ западно-европейскому просвѣщенію" (80). Такая суммарная и сбивчивая характеристика, въ которой соединены факты различныхъ эпохъ и разнородные по своему существу, врядъ-ли можетъ способствовать выясненію генезиса преобразовательныхъ идей петровскаго періода, тѣмъ болѣе, что въ ней значеніе нѣкоторыхъ фактовъ несоразмѣрно преувеличено. Въ самомъ дѣлѣ, что же было заимствовано московской Русью съ Запада не въ области матеріальной культуры и такъ ли велико было то „многое", что заимствовалось даже въ этой области? Врядъ ли можно вполнѣ согласиться съ авторомъ и въ опредѣленіи той среды, въ которой находили распро-

Digitized by Google

страненіе преобразовательныя стремленія при Петрѣ. Касаясь этого вопроса, онъ довольно рѣшительно противопоставляетъ сочувствіе къ реформѣ образованныхъ классовъ, какъ бы отожествляемыхъ имъ съ высшими общественными классами, враждебному настроенію массы народа (3). Если вспомнить однако такихъ „худофамиліальныхъ“ прожектеровъ, какъ Посошковъ, архангельскій вице-губернаторъ Курбатовъ, московскій вице-губернаторъ Ершовъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ и, вѣроятно, Ив. Филипповъ, которые не только вышли изъ низшаго общественнаго класса, изъ крестьянъ и „боярскихъ людей“, но, какъ указываетъ и самъ авторъ, и сдѣлавшись уже участниками реформы, продолжали сохранять рѣзко враждебное отношеніе къ шляхетству (119—120), то придется признать, что преобразовательныя идеи не были присущи какому-нибудь одному классу. Классовой характеръ реформа получила уже въ своемъ практическомъ осуществленіи. Отчасти именно эта неясность общихъ представленій автора вызывала, какъ кажется, его на споръ съ установленными П. Н. Милюковымъ положеніями въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ для спора въ сущности не было мѣста. Такъ, авторъ протестуетъ противъ оцѣнки г. Милюковымъ проектовъ Ѳ. Салтыкова, какъ составленныхъ изъ довольно пестраго, случайно набраннаго матеріала и лишенныхъ общей руководящей идеи, находя такую идею въ одушевлявшей Салтыкова цѣли—„возможно полнаго преобразованія Россіи по европейскому образцу“ (22—3). Въ дѣйствительности, изданный самимъ г. Павловымъ-Сильванскимъ проектъ Салтыкова способенъ только подтвердить мнѣніе, высказанное объ этомъ дѣятелѣ г. Милюковымъ на основаніи изученія другого его проекта: здѣсь мы встрѣчаемъ безъ всякаго порядка слѣдующія одно за другимъ предложенія о содержаніи нищихъ на счетъ приходовъ, о конныхъ заводахъ, о посѣвѣ льна и продажѣ его заграницу, объ уставѣ для ярмарокъ, о сочиненіи исторіи царствованія Петра, о постановкѣ въ городахъ статуй Петра и памятниковъ, о мѣрахъ и вѣсахъ, о Малороссіи, о перевозахъ на Невѣ и устройствѣ почты въ Петербургѣ, о прикрѣпленіи купцовъ къ ихъ губерніямъ и т. д. Подвести все это пестрое содержаніе подъ идею преобразованія или „крайняго западничества“ можно только при условіи полной неопредѣленности этихъ идей. Чеудивителенъ и фактъ самостоятельности Петра передъ такимъ совѣтникомъ, фактъ, которому авторъ склоненъ придавать очень большое значеніе (50) и который между тѣмъ легко объясняется крайнею наивностью проектовъ Салтыкова, доходившей до того, что однажды онъ предложилъ Петру закупать корабельный лѣсъ въ Англіи. Вообще въ оцѣнкѣ личной роли Петра въ подготовкѣ реформы г. Павловъ-Силь-

Digitized by Google

ванскій расходится съ авторомъ „Государственнаго хозяйства Россіи", приписывая преобразователю гораздо болѣе иниціативы и самостоятельности, но эта его оцѣнка остается весьма скудно подтвержденной фактами. Говоря о „цѣломъ рядѣ законовъ", выработанныхъ самимъ Петромъ, онъ ссылается въ доказательство лишь на регламентъ адмиралтейской коллегіи (67, 72). Петръ дѣйствительно принималъ участіе въ составленіи этого регламента и, издавъ его, распорядился „во всѣхъ коллегіяхъ сдѣлать регламентъ противъ адмиралтейской коллегіи, только гдѣ потребно имена перемѣнить" и „оставлять въ тѣхъ коллегіяхъ тѣ дѣла, гдѣ такихъ нѣтъ". Не говоря уже о томъ, что адмиралтейскихъ дѣлъ, конечно, не было въ другихъ коллегіяхъ, этотъ указъ игнорировалъ всѣ, довольно далеко уже зашедшія работы по введенію коллежскаго устройства. Не трудно видѣть такимъ образомъ, что выбранный авторомъ примѣръ свидѣтельствуетъ какъ разъ противъ его положенія. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ болѣе частныхъ вопросахъ авторъ представилъ такія поправки и дополненія къ выводамъ г. Милюкова, которыя могутъ быть приняты. Вообще же, какъ изданіе преобразовательныхъ проектовъ Петровской поры, сдѣланное г. Павловымъ-Сильванскимъ, такъ и его изслѣдованіе являются несомнѣннымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ детальнаго изученія этого періода, съ котораго ведетъ свое начало наша новая исторія.

Н. Н. Бѣлявскій. Сберегательныя кассы. Спб. 1897 г.

Предметъ, избранный г. Бѣлявскимъ для своего сочиненія, интересенъ не только потому, что сберегательныя кассы являются однимъ изъ элементовъ финансовой политики всѣхъ государствъ, но еще потому, что вопросъ о нихъ впервые затрагивается съ такой полнотою въ нашей ученой литературѣ.

Все сочиненіе можно подраздѣлить на три части: сначала авторъ говоритъ вообще о соціальномъ значеніи сберегательныхъ кассъ; затѣмъ представляетъ историческій очеркъ развитія сберегательныхъ кассъ въ главнѣйшихъ государствахъ Европы; наконецъ, излагаетъ исторію и современное положеніе вопроса у насъ, въ Россіи.

Въ первой части своего труда авторъ придаетъ сберегательнымъ кассамъ слишкомъ большое соціальное и воспитательное значеніе. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что, высказывая опредѣленныя положенія, г. Бѣлявскій почти нигдѣ не говоритъ отъ своего имени, а вмѣсто этого ограничивается цитатами изъ разныхъ авторовъ, съ произведеніями которыхъ онъ ознакомился, повидимому, съ большою добро-

Digitized by Google

совѣстностью, но съ воззрѣніями которыхъ онъ соглашается или не соглашается единственно „по внутреннему убѣжденію", т. е. безъ достаточной мотивировки своего взгляда. А между тѣмъ, со многими изъ этихъ взглядовъ едва ли можно согласиться. По мнѣнію автора, напр., „сберегательныя кассы служатъ лучшимъ средствомъ, предупреждающимъ нищету" (14), ибо послѣдняя есть „слѣдствіе непредусмотрительности, испорченности нравовъ и постояннаго потребленія безъ новаго производства" (8). Послѣдовательно развивая первое положеніе автора, можно придти къ тому выводу, что стоитъ усѣять страну сберегательными кассами, и вездѣ водворятся благосостояніе и достатокъ. Къ сожалѣнію, авторъ не обращаетъ надлежащаго вниманія на извѣстное изреченіе: „das Volk hat nichts zu sparen". Во Франціи напр., всего $^1/_4$ гражданъ является участницей сберегательныхъ кассъ; въ Германіи только $^1/_7$; въ Англіи $^1/_6$ а въ Россіи — едва $^1/_{60}$ *). Въ дѣйствительности, отношенія эти еще болѣе значительны, ибо число вкладчиковъ опредѣляется числомъ книжекъ; но послѣднихъ выдается, конечно, больше, нежели вкладчиковъ, ибо правило, по которому нельзя одному лицу дѣлать вклады по нѣсколькимъ книжкамъ и въ разныхъ сберегательныхъ кассахъ, едва ли гдѣ либо безусловно соблюдается. Что касается величины средняго вклада, то онъ колеблется въ разныхъ государствахъ приблизительно отъ 140 руб. (Англія)— до 250 руб. (Россія) на наши деньги, т. е. тоже не указываетъ на особенный достатокъ вкладчиковъ.

Не менѣе странно желаніе автора поставить участіе или неучастіе въ сберегательныхъ кассахъ въ причинную связь съ духомъ мятежнаго недовольства и склонностью къ преступленіямъ.

Историческому очерку развитія сберегательныхъ кассъ въ Западной Европѣ авторъ удѣляетъ большую половину труда, излагая съ достаточной подробностью и полнотою разнообразныя стадіи положенія сберегательныхъ кассъ на Западѣ. Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается почти однѣми сухими статьями законовъ, соотвѣтствующихъ тому времени, о которыхъ онъ пишетъ; онъ не указываетъ на погрѣшности этихъ законовъ; не приводитъ своего взгляда относительно ихъ достоинствъ и недостатковъ и довольно рѣдко говоритъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя эти законы имѣли на практикѣ.

Исторія сберегательныхъ кассъ и современное положеніе ихъ въ Россіи изложены авторомъ лучше. Здѣсь авторъ высказывается довольно опредѣленно, съ большей увѣренностью

*) См. стр. 61, 88, 171.

Digitized by Google

и самостоятельностью. По мнѣнію автора, „при организаціи сберегательныхъ кассъ должны быть принимаемы во вниманіе слѣдующія основныя начала: заботливость объ облегченіи помѣщенія самыхъ мелкихъ вкладовъ при возможности обратнаго быстраго и удобнаго ихъ полученія; поощреніе мелкихъ взносовъ высшими процентами; возможное упрощеніе формъ канцелярскаго дѣлопроизводства; увеличеніе мѣстъ пріема вкладовъ; популярное ознакомленіе населенія со сберегательными кассами, наконецъ, государственная ихъ организація“ (145). Защищая послѣднее положеніе, авторъ, кажется, впервые на протяженіи всего сочиненія оставляетъ раболѣпное слѣдованіе авторитетамъ или безмотивное несогласіе съ противниками.

Вообще сочиненіе г. Бѣлявскаго заслуживало бы самаго серьезнаго вниманія, если бы авторъ не отнесся къ своей задачѣ нѣсколько одностороннее: если бы онъ выказалъ больше самостоятельности и обосновалъ свои доводы не на однихъ только теоретическихъ соображеніяхъ, нашедшихъ мѣсто въ сочиненіяхъ различныхъ ученыхъ, но и на данныхъ, взятыхъ изъ практики сберегательныхъ кассъ. Въ сочиненіи г. Бѣлявскаго нѣтъ, напр., изысканій о составѣ вкладчиковъ въ эти послѣднія, съ подраздѣленіемъ ихъ по сословіямъ, занятіямъ, относительной обезпеченности и пр., а между тѣмъ, подобныя свѣдѣнія могли бы представить собою данныя для заключеній большой важности и, быть можетъ, не вполнѣ согласныхъ съ тѣми положеніями, которыхъ держится авторъ. Послѣдній, напр., говоря, что во Франціи главный контингентъ вкладчиковъ — прислуга, объясняетъ это обстоятельство „большей отзывчивостью“ этого класса къ нововведеніямъ (107). Но, если бы такихъ свѣдѣній о вкладчикахъ было приведено авторомъ больше, быть можетъ, самъ авторъ отказался бы отъ своего объясненія и увидѣлъ бы причину подобныхъ фактовъ не въ отзывчивости, а въ большей обезпеченности прислуги—и вообще городскихъ классовъ, изъ которыхъ преимущественно и вербуется контингентъ вкладчиковъ въ сберегательныя кассы. Быть можетъ, подъ вліяніемъ такого рода данныхъ, авторъ пересталъ бы видѣть въ сравнительно небольшомъ числѣ сберегательныхъ кассъ причину бѣдности народа и сталъ бы объяснять эту бѣдность нѣсколько иначе.

А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг. Спб. 1897.

Книга г. Кауфмана появилась какъ нельзя болѣе своевременно. Хотя Сибирью у насъ въ послѣднее время сильно

Digitized by Google

интересуются, но съ ея внутренней жизнью публика до сихъ поръ очень мало знакома. Объясняется это, конечно, просто. Сибирь была слишкомъ далека отъ насъ, а написано о ней было очень немного; къ тому же не все, что печаталось объ этой отдаленной окраинѣ, соотвѣтствовало истинѣ. Въ частности о сибирскомъ крестьянствѣ и господствующихъ въ Сибири формахъ землевладѣнія намъ до конца 80-хъ годовъ также было очень мало извѣстно. Лишь за послѣднее десятилѣтіе усиліями цѣлаго ряда серьезныхъ изслѣдователей собраны были „матеріалы", рисующіе весьма яркую картину экономической жизни сельскаго населенія 4-хъ самыхъ населенныхъ сибирскихъ губерній: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Къ сожалѣнію, названные „матеріалы" мало доступны не только для большой публики, но и для спеціалистовъ. Тѣмъ большій интересъ представляетъ книга г. Кауфмана, въ которой авторъ, лично участвовавшій въ статистико-экономическихъ изслѣдованіяхъ Сибири много лѣтъ подрядъ, знакомитъ насъ съ основными результатами этихъ изслѣдованій по вопросу о землепользованіи въ Сибири.

Обращаясь къ исторіи сибирскаго землевладѣнія, авторъ „Крестьянской общины" констатируетъ тотъ фактъ, что „свободнымъ захватомъ сопровождалось первоначальное осѣдлое заселеніе всей вообще земледѣльческой Сибири". Но съ теченіемъ времени эта форма землепользованія уступаетъ мѣсто другимъ, совершая эту эволюцію съ большей или меньшей быстротой въ зависимости отъ разнообразныхъ причинъ, какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ, и заканчиваясь въ нѣкоторыхъ районахъ душевымъ общиннымъ владѣніемъ. Г. Кауфманъ устанавливаетъ такую постепенность въ развитіи формъ землевладѣнія въ Сибири. Первоначальная а) „Захватное пользованіе" для угодій, требующихъ затратъ труда на раскультивированіе ихъ и б) „вольное пользованіе" для угодій, не требующихъ особенныхъ затратъ труда. Слѣдующей по порядку формой является „захватно-общинное владѣніе" и наконецъ послѣдней—„общинно-уравнительное". Каждая изъ этихъ градацій имѣетъ, конечно, свои спеціальныя черты. Такъ, захватная форма являлась „той примитивной формой, которая возникаетъ только при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи и почти безграничномъ земельномъ просторѣ". По виду она ничѣмъ не отличается отъ подворно-наслѣдственнаго владѣнія, но это только по виду, на самомъ же дѣлѣ захватная форма есть только, такъ сказать, эмбріональная форма землепользованія, которая въ зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ условій можетъ развиться или въ подворное или въ общинное владѣніе. Въ Сибири оно почти всегда развертывалось въ общинное землевладѣніе.

Digitized by Google

Вездѣ, гдѣ только захватное владѣніе въ Сибири начинало нарушать права и интересы большой группы общественниковъ—міръ тотчасъ же выступалъ со своими ограничительными мѣрами противъ этой вредной для него формы землепользованія; „тѣснѣйшая связь между паденіемъ захватной формы и сокращеніемъ земельнаго простора единогласно признается изслѣдованіями". Все-же трудовое начало сибирскимъ міромъ строго уважается, и заимка, на разчистку которой было затрачено много труда, оставляется на долго въ распоряженіи ея хозяина. Это чувство уваженія къ труду настолько присуще сибирской общинѣ, что, какъ удостовѣряетъ г. Кауфманъ, „по отношенію къ пахотнымъ землямъ захватная форма *никогда* не переходитъ непосредственно къ уравнительно-душевому, а превращается въ промежуточную форму—захватно-общинную, при которой общинникъ имѣетъ право на захваченную имъ землю лишь до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ прилагать къ ней свой трудъ". Но захватно-общинное землепользованіе по существу своему только *переходная* форма, и раньше или позже она должна превратиться въ окончательную—общинно-уравнительное владѣніе, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ много крупныхъ недостатковъ. Прежде всего она даетъ возможность богатымъ, сильнымъ крестьянамъ фактически захватывать громадные участки земли, ибо только имъ подъ силу изъ года въ годъ разрабатывать ихъ—бѣдные поневолѣ должны дѣлать перерывъ въ обработкѣ, а разъ такой перерывъ былъ сдѣланъ, участокъ сталъ res nullius, и его могъ опять-таки занять богачъ; кромѣ этого вынужденная при такихъ условіяхъ непрерывная эксплуатація пашенъ ведетъ къ быстрому истощенію почвы и очень вредно отзывается на всемъ хозяйствѣ общины. Міръ волей-неволей долженъ принять мѣры противъ слишкомъ жадныхъ богачей; начинается такъ называемое „поравненіе"—на первыхъ порахъ частное въ видѣ отводовъ, отрѣзковъ, а затѣмъ постепенно это поравненіе принимаетъ болѣе общій характеръ и міръ переходитъ къ общинно-уравнительной или душевой формѣ землепользованія. Такова исторія развитія формъ землепользованія въ Сибири по даннымъ изслѣдованій,—и эта картина вѣрна не только по отношенію къ пашнямъ, но и къ другимъ угодьямъ, съ той только разницей, что по отношенію къ покосамъ душевое пользованіе сдѣлало гораздо большіе успѣхи, нежели по отношенію къ пахатнымъ землямъ; напротивъ выгоны, пастбища и лѣса до сихъ поръ еще большею частью находятся въ захватномъ владѣніи.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія въ книгѣ г. Кауфмана глава, въ которой авторъ устанавливаетъ тѣсную связь междуформами землепользованія и способами раскладки и ода-

Digitized by Google

тей. Такъ, вездѣ, гдѣ господствуютъ захватныя формы, ревизская раскладка вытѣсняется постепенно трудовой—раскладкой по „годнымъ" работникамъ, „бойцамъ" и т. д.; въ мѣстахъ же, гдѣ вводится общинно-уравнительное пользованіе землей, съ большимъ успѣхомъ практикуется имущественное начало обложенія, хотя нерѣдко это начало является только коррективомъ къ основнымъ принципамъ раскладки—душевому и трудовому.

Сибирская община выработала цѣлый рядъ совершенно оригинальныхъ способовъ передѣла земли, при помощи которыхъ она стремится съ одной стороны удовлетворять справедливыя притязанія бѣднѣйшихъ своихъ членовъ, а съ другой по возможности оставлять неприкосновеннымъ право болѣе зажиточныхъ и трудолюбивыхъ хозяевъ на разработанные ими участки земли. Вотъ почему въ Сибири очень распространенъ передѣлъ „по старшинству" (старые хозяева оставляются на своихъ участкахъ, отъ которыхъ въ случаѣ надобности и отрѣзываются только куски для „новыхъ душъ"), кромѣ того тамъ практикуются передѣлы съ „торга", „въ надорожку", „на сбавокъ", разводъ „по урочищамъ", „уравновѣшиваніе сортовъ" и т. д. Къ „жеребьевкѣ", столь распространенной въ великороссійскихъ общинахъ, сибирскія общины прибѣгаютъ очень рѣдко, и даже переселенцы часто покидаютъ этотъ способъ передѣла и заимствуютъ у старожиловъ употребляемые ими способы разверстки земельныхъ участковъ.

Въ послѣдней (X) главѣ г. Кауфманъ задался вопросомъ: подлежитъ ли сибирская община тѣмъ упрекамъ, которые обыкновенно дѣлаютъ общинному землевладѣнію, т. е. является ли оно тормазомъ всякаго сельско-хозяйственнаго прогресса, организаціей, враждебной личной иниціативѣ, и т. д. На этотъ вопросъ авторъ даетъ категорическій отрицательный отвѣтъ. Ссылаясь на многочисленныя данныя изслѣдованій, онъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ дѣятельность сибирской общины во многихъ мѣстахъ, перечисляетъ всѣ мѣры, которыя ею принимались для поднятія уровня сельско-хозяйственной культуры и въ концѣ концовъ приходитъ къ выводу, что „у общины хватаетъ иниціативы при сознанной надобности на ломку смѣнъ и коренное измѣненіе системы хозяйства... что она не только даетъ полный просторъ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, но даже не рѣдко беретъ на себя починъ и руководство такими работами, какъ расчистка не культурныхъ земель и обращеніе ихъ въ пашню, осушка пахатныхъ земель канавами и постройка плотинъ для защиты пашенъ отъ наводненій". Напротивъ, заимочное хозяйство, столь похожее на частно-владѣльческое и, повидимому, долженствующее располагать всѣми выгодными сторонами

Digitized by Google

послѣдняго, оказывается, по даннымъ изслѣдованій, самымъ отсталымъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, такъ что „область господства захватнаго владѣнія есть въ то же время и область господства наиболѣе экстензивныхъ видовъ залежно-парового хозяйства". Сила заимочниковъ, такимъ образомъ, заключается не въ большемъ знаніи ихъ, опытности, иниціативѣ и склонности къ нововведеніямъ, а исключительно въ ихъ большемъ богатствѣ.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изданіе М. И. Водовозой. Москва 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Handwörterbuch der Staatswissenschaften несомнѣнно составляетъ одно изъ лучшихъ нѣмецкихъ научно-справочныхъ изданій послѣдняго времени по политической экономіи и соціальнымъ наукамъ. Для человѣка, занимающагося политическими и общественными вопросами, изданіе это незамѣнимо какъ прекрасное пособіе, дающее возможность оріентироваться въ каждомъ данномъ вопросѣ, узнать относящуюся къ нему литературу и имѣть постоянно подъ рукою необходимыя статистическія справки и свѣдѣнія, не прибѣгая къ многочисленнымъ спеціальнымъ монографіямъ и изслѣдованіямъ, въ которыхъ эти свѣдѣнія разбросаны отдѣльно. Но помимо этого справочнаго значенія, статьи Handwörterbuch имѣютъ и самостоятельное научно-популярное значеніе, представляя по каждому вопросу вполнѣ обстоятельное, хотя и сжатое, изложеніе предмета, вслѣдствіе чего статьи эти могутъ быть полезны для гораздо большаго круга читателей. Именно въ виду этого послѣдняго обстоятельства нельзя не привѣтствовать появленіе нѣкоторыхъ статей изъ этого сборника въ русскомъ переводѣ. Мы въ прошломъ году („Рус. Богатство" № 4) отмѣтили появленіе въ русскомъ переводѣ нѣкоторыхъ статей изъ Handwörterbuch о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ. Въ настоящее время г-жа Водовозова избрала для своего изданія статьи, касающіяся „народонаселенія и ученія о народонаселеніи". Сюда вошли какъ статьи, относящіяся къ статистикѣ населенія и исторіи народонаселенія Европы (Раухберга, Инамы и Мейера), такъ и статьи объ общей теоріи движенія народонаселенія (Лексиса) и объ организаціи и техникѣ статистики движенія народонаселенія (Раухберга). Слѣдующій отдѣлъ книги посвященъ ученію о народонаселеніи и политикѣ народонаселенія (Эльстера). Въ этомъ отдѣлѣ, послѣ обзора популяціонной политики и ученія о народонаселеніи въ древности и въ новое время, начиная съ реформаціи до конца прошлаго вѣка, авторъ подробно останавливается на ученіи Мальту-

Digitized by Google

и на вліяніи этого ученія на законодательство въ первой половинѣ XIX столѣтія. Наконецъ послѣдній отдѣлъ посвященъ вопросу объ эмиграціи (Филипповича, Ратгена, Эльстера и Бодіо). Жаль, что издательница упустила изъ виду еще одну статью въ Handwörterbuch, имѣющую непосредственное отношеніе къ вопросу о народонаселеніи, именно статью Раухберга Altersgliederung (раздѣленіе по возрастамъ). Переводъ сдѣланъ тщательно, живымъ литературнымъ языкомъ, хотя иногда встрѣчаются кое-какіе недосмотры. Напр., на стр. 15 въ указателѣ литературы имѣется ссылка на статью „Раздѣленіе по возрастамъ“ (упомянутую нами выше), безъ указанія, о какой именно статьѣ идетъ рѣчь. Въ нѣмецкомъ изданіи подобная ссылка безъ дальнѣйшаго поясненія совершенно естественна, такъ какъ само собою разумѣется, что рѣчь идетъ о статьѣ, помѣщенной въ томъ же сборникѣ. Въ русскомъ же изданіи слѣдовало бы по крайней мѣрѣ упомянуть, о какой статьѣ идетъ рѣчь, да и самое заглавіе статьи написать по нѣмецки, дабы читатель, въ случаѣ надобности, могъ ее отыскать въ нѣмецкомъ сборникѣ. Не мѣшало бы въ библіографическихъ частяхъ, въ видѣ примѣчанія, указать также на русскую литературу, относящуюся къ вопросу о народонаселеніи.

Книги, поступившія въ редакцію.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый) Драмы и комедіи. Томъ II. Одесса. 97. Ц. за два тома 3 р.

Индійскія басни, собранныя P. V. Ramaswami Raju. Переводъ съ англ. Н. В. Масловича. Харьковъ. 97. Ц. 40 к.

Изъ Хроники одного города. Повѣсть **В. Грета**. Белебей. 97.

Новикова-Зарина. Кавказскіе разсказы. Изд. книгопродавца Д. А. Наумова. Спб. 97. Ц. 75 к.

Стихотворенія **Б. Н. Попова**. Т. II. Изд. автора. Харьковъ. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Пружанскій. Новый Моисей. Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. книгопродавца Д. А. Наумова. Спб. 97. Ц. 1 р. 25 к.

Гекторъ Мало. Безъ семьи. Переводъ (въ сокращеніи) съ франц. А. Круковскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 97. Ц. 50 к.

Гемфри Уордъ. Давидъ Грифъ. Разсказъ о томъ, какъ человѣкъ нашелъ дорогу въ жизни. Переводъ (въ сокращеніи) съ англ. А. Каррикъ Изд. О. Н. Поповой. Спб. 97. Ц. 50 к.

У тиснои бабы. Написавъ **Ол. Я. Конисськiй**. Кіевъ. 96. Ц. 4 к.

Хрестоносъ. Оповиданне **Днипровой Чайкы**. Кіевъ 96. Ц. 5 к.

Дзвонарь. Сужена. Надія. **Оповиданне**. Кіевъ. 97. Ц. 5 к.

Digitized by Google

Оповидання про давне: Максимъ Гримачъ. Въ осены лѣто Старый Донда. Проскурка. Кіевъ. 96. Ц. 5 к.

Плоскогорье. Романъ въ пяти частяхъ **Л. Я. Гуревичъ**. Спб. 97. Ц. 1 р. 25 к.

В. Н. Безсоновъ. Волны. Стихотворенія. Орелъ. 97. Ц. 50 к.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. Герои долга. Разсказъ изъ быта на границѣ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 96. Ц. 5 к.

С. Т. Семеновъ. Дичокъ. Разсказъ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 97. Ц. 3 к.

Фаустъ. Трагедія **Гете**. Первая часть. Переводъ А. И. Мамонтова. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

К. Н. Льдовъ. Лирическія стихотворенія. Спб. 97. Ц. 1 р.

Исторія французской литературы **Гюстава Лансона**. (Переводъ со втораго франц. изд.), Т. I. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Ц. 3 р. 50 к.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. XVIII и XIX. М. 97. Ц. по подпискѣ 7 р.

Исторія французской литературы. XIX вѣка. **Г. Лансона**. Переводъ съ франц. подъ ред. П. О. Морозова. Изд. ред. журнала „Образованіе“ Спб. 97. Ц. 1 р.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть четвертая. Собралъ **В. Зелинскій**. М. 97. Ц. 1 р.

Н. В. Рейнгартъ. Неэвклидова геометрія и позитивизмъ. Казань. 97. Ц. 35 к.

Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма, или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое счастіе? **В. Заболотный**. Варшава. 97. Ц. 50 к.

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Переводъ съ англ. под. ред. В. Н. Ивановскаго. ч. первая. М. 97. Подписная Ц. 3 р.

Классификація наукъ **Герберта Спенсера**. Переводъ Н. Н. Спиридонова. Изд. маг. „Книжное дѣло“. М. 97. Ц. 50 к.

Гуманность въ исторіи человѣчества. **В. Штальберга**. Переводъ съ нѣм. Н. Леонтьевой. Изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб. 97. Ц. 80 к.

Ф. Поллокъ. Исторія политическихъ ученій. Переводъ съ англ. А. М. Гердъ. Изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб. 97. Ц. 50 к.

Евг. Бобровъ. Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ. 97. Ц. 80 к.

L'opposion universelle. Essai d'une théorie des contraires. Par **G. Tarde**. Paris. 97. Prix 7 fr. 50.

Zur. Geschichte des Entwicklungsbegriffs. Von Dr. **L. Mariupolsky**. Bern. 97. Preis. 1 fr. 75.

Ludvik Krzywicki. Kurs systematyczny antropologii. I. Rasy fizyczne. Warszawa. 97.

Д-ръ **С. Бекъ** и д-ръ **М. Браннъ**. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ С. М. Дубновъ. Т. II. Западный періодъ. Одесса. 97. Ц. за оба тома 3 р. 50 к.

Общественная жизнь Англіи. Изданіе **Г. Д. Трайля**. Т. II. Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII. Переводъ съ англ. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Ц. 2 р. 50 к.

Digitized by Google

М. Давидсонъ. Начало поселенія и эмансипаціи евреевъ въ Англіи. Изд. кн. маг. Я. Х. Шермана („Наша старина" № 23). Одесса. 97. Ц. 20 к.

Чаннингъ, Э. Исторія сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Переводъ съ англ. Е. И. Бошнякъ. Изд. маг. „Книжное Дѣло" М. 97. Ц. 1 р.

Изданія историческаго общества при Имп. Моск. Унив. **Рефераты**, читанные въ 1895 году. (Годъ I). М. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Моисей Давидсонъ. Саадіа Гаонъ. Его жизнь и общественно научная дѣятельность. Изд. кн. маг. Я. Х. Шермана. („Наша Старина" № 24). Одесса. 97. Ц. 15 к.

Джоржъ Чемберсъ. Повѣсть о звѣздахъ. Переводъ съ англ. А. Николаева. Изд. О. Н. Поповой („Образ. Библ." № 3). Спб. 1897. Ц. каждой серіи (10 книжекъ) 3 р.

Исторія земли. Проф. **М. Неймайра.** Переводъ со 2-го изд. подъ общею ред. проф. **А. А. Иностранцева.** Вып. 3—4. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 97. Ц. 1 р., по подпискѣ (30 вып.) 11 р.

Автобіографія земли. Общедоступный очеркъ исторической геологіи **Г. Н. Гётчинсона.** Переводъ съ англ. съ измѣненіями и дополненіями М. А. Энгельгардта. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 97. Ц. 80 к.

Новѣйшія химическія теоріи. **Этара.** Перевелъ съ франц. Б. Билитъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 97. Ц. 75 к.

Х-лучи Рентгена и значеніе ихъ для медицины вообще и военной хирургіи въ особенности. Доктора мед. **И. Ѳ. Котовича.** Сообщеніе, читанное 11-го марта 97 года въ Штабѣ Московскаго Военнаго Округа. М. 97.

Популярная біологія. Составилъ **В. В. Лункевичъ.** Изд. Ф. Павленкова. Спб. 97. Ц. 2 р.

О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ **Т. Гексли.** Переводъ съ англ. Н. Березина. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 97. Ц. 60 к.

Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Вып. III. Изд. О. Н. Поповой. Ц. по подп. 3 р.

Наши родичи. (Изъ воспоминаній о славянскихъ земляхъ). Очерки и разсказы **В. П. Желиховской.** Изд. П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 50 к.

Извѣстія Имп. Рус. Географ. Общества, издаваемыя подъ ред. секретаря общества. Т. XXXII. 96. Вып. V. Спб. 97. Подп. цѣна 3 р. въ годъ.

Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. по общей географіи. Т. XXXIII. № 2, изданный подъ ред. д. чл. І. Б. Шпиндлера. Мраморное море. Экспедиція Имп. Рус. Геогр. Общ. въ 94 году. Спб. 96.

В. Гебель. Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Ея происхожденіе, преимущества и польза введенія въ Россіи. Съ приложеніемъ таблицы метрич. мѣръ. Изд. второе. М. 97. Ц. 25 к.

Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ. **П. Казанскаго.** Одесса. 97.

Международный союзъ для измѣренія земли. **П. Казанскаго.** Одесса 97.

Всемірный телеграфный союзъ. **П. Казанскаго.** Одесса. 97.

Ребенокъ. Общедоступная гигіена. Составилъ **В. Н. Жукъ.** Изд. Южно-Рус. Общ. Печатнаго Дѣла. Одесса. 97. Ц. 1 р.

Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Изд. М. И. Водовозовой. М. 97. Ц. 2 р.

Николай Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ

Digitized by Google

производствѣ. Изд. О. Н. Поповой („Образовательная Библіотека" № 4 и 5). Спб. 97. Ц. каждой серіи (10 книжекъ) 3 р.

Денежное обращеніе и его общественное значеніе. **М. Шиппеля.** Переводъ съ нѣм. подъ ред. и съ предисловіемъ Петра Струве. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 97. Ц. 50 к.

Винная регалія и монопольная система. Историко-экономическій очеркъ. Составилъ **С. Кадеръ.** Витебскъ. 97. Ц. 1 р.

Невмѣненіе. Еще къ вопросу объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей. **Аѳ. Эр. Бардзкаго.** Кіевъ 97. Ц. 80 к.

Е. Карновичъ. Русскіе чиновники въ былое и настоящее время. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 50 к.

Л. Ѳ. Езерская. Молочное дѣло и молочныя школы въ Финляндіи. Харьковъ. 97.

Московскія колбасныя заведенія въ 1896 году. Составлено Статистическимъ Отдѣленіемъ Московской Городской Управы. М. 97.

Нѣсколько замѣчаній по поводу проекта положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и о надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ. Докладъ инж.-техн. **Ф. А. Данилова.** Изд. Постоянной комиссіи по технич. образов. Моск. Отд. Имп. Рус. Технич. Общества Вып. 6-й. М. 97.

Отчетъ Нижегородской городск. общественной библіотеки за 1896 г. Н.-Новгородъ. 97.

Отчетъ о дѣятельности Новочеркасской комиссіи народныхъ чтеній и безплатной Библіотеки-Читальни съ 30 апр. 1895 по 1-е янв. 1897 гг. Новочеркасскъ 97.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. **Отчетъ** 1896 года. М. 97.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1896 г. Одесса. 97.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1896 годъ. Минусинскъ. 97.

Четвертый годовой **отчетъ** московской городской санитарной станціи, устроенной при Гигіеническомъ Институтѣ Имп. Моск. Унив. за 1895 годъ. Составленъ подъ ред. завѣдующаго станціей **Ѳ. Ѳ. Эрисмана.** М. 97.

Digitized by Google

Изъ Англіи.

I.

Раннее утро. Желто-черная мгла окутала громадный городъ. Она ползетъ вдоль широкихъ улицъ подобно исполинской гадинѣ, и холодное прикосновеніе ея къ лицу вызываетъ нервную дрожь во всемъ тѣлѣ. Я только что вышелъ изъ вагона на Лаймъ-стритъ-стеншенъ въ Ливерпулѣ и долженъ переѣхать на пароходъ, который меня доставитъ на островъ Мэнъ. Я отправилъ вещи на пристань, такъ какъ рѣшилъ пройти туда пѣшкомъ черезъ ливерпульскій Уайтчепель. Мой попутчикъ-англичанинъ только пожалъ плечами.

— У васъ, у русскихъ, всегда особое пристрастіе ко всему уродливому и отвратительному,—сказалъ онъ.

Вотъ пройдены двѣ-три великолѣпно обставленныя улицы, и я въ бѣдныхъ кварталахъ Ливерпуля, примыкающихъ къ Мерсею. Собственно, самая отчаянная голытьба живетъ не здѣсь, а дальше на сѣверо-западъ, въ пустыхъ каменоломняхъ. Тамъ гнѣздятся до сорока тысячъ бездомныхъ бродягъ, ибо ни въ одномъ городѣ Англіи ихъ нѣтъ столько, сколько въ Ливерпулѣ.

Чувствуется близость пристаней огромнаго торговаго пункта, связывающаго отдаленныя мѣста земного шара. На каждомъ шагу, не смотря на ранній часъ, попадаются группы матросовъ различныхъ національностей. Вотъ прошли, тяжело ступая, неуклюжіе китайцы, спустились по откосу и скрылись въ желтой мглѣ. Дѣвушка-ирландка съ наброшенной на плечахъ рваной, грязной шалью поетъ у дверей кабака подъ аккомпаниментъ разбитой шарманки. У дѣвушки, вѣроятно, прежде былъ очень красивый, богатый тембромъ, голосъ. Теперь въ немъ слышится одно: отчаяніе голоднаго человѣка, который имѣетъ очень слабую надежду поѣсть. Дѣвушка поетъ о нищетѣ, подтачивающей жизнь ребенка, «глаза котораго ясны, какъ небо», а «кудри желты, какъ спѣлый колосъ». Трагическій пафосъ пѣсни покрывается пьянымъ хохотомъ матроса, который проходитъ, шатаясь, подъ руку со своей «Moll». Далѣе нѣсколько оборванныхъ подростковъ бродягъ дразнятъ какую-то пролетоволосую, растрепанную женщину съ кувшиномъ въ рукахъ. Оборванная юбка у нея подтыкана такъ высоко, что видны худыя ноги въ грязныхъ, дырявыхъ чулкахъ. Женщина ругается хриплымъ, пьянымъ голосомъ. Ея лицо цвѣта не зрѣлой шелковицы багровѣетъ отъ гнѣва; но подростковъ это именно и забавляетъ. Всѣ эти молодые бродяги похожи одинъ на другаго: низкорослые,

Digitized by Google

сутуловатые, съ узкой грудью, съ плоскими лицами... Одинъ изъ нихъ, завидѣвъ меня, подходитъ и начинаетъ просить «a copper to buy a cup o' cowfee», какъ онъ выражается, т. е. пени, чтобы выпить чашку кофе. Онъ говоритъ, что не ѣлъ со вчерашняго утра и ночевалъ на улицѣ, и призываетъ небо сжечь ему внутренности, если говоритъ неправду. Но достаточно взглянуть на его впалыя, землистаго цвѣта щеки, чтобы убѣдиться, что бродяга не лжетъ. Я спускаюсь съ холма. Острый, одурманивающій запахъ нищеты захватываетъ дыханіе. Это—«Jew's Island», кварталъ, гдѣ живутъ евреи, выходцы изъ сѣверо-западнаго края. Даже ливерпульскихъ нищихъ поражаетъ господствующая здѣсь бѣдность. По обѣимъ сторонамъ узкой улицы какія-то черныя норы, потому что домами нельзя назвать эти вонючія, мрачныя, полуразвалившіяся мурьи. Всюду среди капустныхъ листьевъ, обгрызанныхъ костей и пр. сора гомозятся оборванные, грязные до нельзя ребятишки. Они похожи на воробьевъ, копошащихся среди комьевъ свѣже-вспаханнаго поля. Маленькая дѣвочка лѣтъ четырехъ, съ ярко-красными волосами и съ грустными, широко-раскрытыми глазами сидитъ на порогѣ и прижимаетъ къ груди деревянную чурочку, завернутую въ тряпицу. Чурочка, вѣроятно, должна изображать куклу. Нищета этого квартала душитъ свѣжаго человѣка, преслѣдуетъ, какъ кошмаръ, доводитъ до галлюцинацій. Кажется, что отовсюду, изъ каждыхъ дверей, изъ разбитыхъ оконъ, заставленныхъ подушками въ ситцевыхъ наволокахъ, изъ трещины каждаго кирпича слышится надорванный вопль голоднаго человѣка. Вотъ, дѣйствительно, послышался стонъ. Что это? Ужъ не начинаются-ли галлюцинаціи? Нѣтъ, то поютъ за работой жители этихъ домовъ. Всѣ они населены «светерами», башмачниками и портными, которые сидятъ за работой по 14—15 часовъ въ сутки. Я сворачиваю въ первый переулокъ, чтобы скорѣе выбраться изъ этого моря нищеты. Опять та же грязь и та же бѣдность вокругъ; перемѣнились лишь типы да слышится другой говоръ. Это—ирландскій кварталъ.

Потянулъ легкій вѣтерокъ. Онъ принесъ смѣшанный запахъ смолы, сырости и легкой гнили—запахъ большой судоходной рѣки. Туманъ заволновался и поползъ, подгоняемый вѣтромъ. Вотъ стало свѣтлѣе, блеснулъ сквозь дымку красный дискъ солнца, и показалось блѣдное небо. Я вышелъ на пристань и черезъ минуту былъ уже на рубкѣ парохода «Ellan Vannin», гдѣ ждалъ меня уже попутчикъ.

Къ испареніямъ рѣки примѣшивается еще запахъ мятаго пара и кухоннаго чада. Вотъ въ машинѣ раздались сигнальные звонки. Пароходъ задрожалъ и, шлепая колесами въ мутной водѣ, медленно сталъ отчаливать отъ пловучей пристани. Потянулись грязные доки, наполненные пароходами съ флагами всѣхъ странъ, затѣмъ плоскій, какъ тарелка, берегъ съ закопченными зданіями предмѣстья

Digitized by Google

Bootle. Огромныя фабричныя трубы рѣзко вырисовывались на прояснившемся небѣ, и надъ ними, какъ побѣдныя хоругви, развѣвались черныя струи дыма. Казалось, то новый властелинъ, покорившій весь этотъ городъ своимъ золотомъ, выкинулъ свое знамя. На стѣнахъ заводовъ и верфей, на фабричныхъ трубахъ, на набережной—всюду исполинскими буквами восхваляется достоинство виски, пива и портера различныхъ заводчиковъ. Вотъ пароходъ вышелъ изъ лимана, образуемаго Мерсеемъ, и слегка закачался на волнахъ Ирландскаго моря. Послѣ тяжелаго запаха отравленной рѣки грудь широко вдыхаетъ свѣжій, крѣпящій морской воздухъ. Надъ пароходомъ съ пронзительнымъ крикомъ, подобнымъ тявканью сотни щенятъ, проносится стая чаекъ, ослѣнительно сверкая на солнцѣ крыльями. Публика во все время четырехчасового переѣзда не сходитъ съ рубки и слѣдитъ за исчезающими позади горами сѣвернаго Валлиса. Впрочемъ, пассажировъ очень мало. Сезонъ долженъ начаться только въ іюнѣ, а теперь лишь апрѣль. Кромѣ насъ, на пароходѣ еще около десяти человѣкъ; все это манкскіе лавочники и трактирщики, какъ объясняетъ мнѣ попутчикъ, возвращающіеся на родной островъ.

Зеленыя волны бурлятъ и пѣнятся позади парохода. Тамъ и сямъ море кипитъ котломъ. Въ томъ мѣстѣ скрыты мели, которыя требуютъ отъ моряковъ хорошаго знакомства съ фарватеромъ и большой осторожности. Весело развѣвается на мачтѣ вымпелъ съ страннымъ гербомъ острова Мэна—тремя ногами, соединенными колесомъ.

«Oh er the breezy, the bright, the loved home of my fat hers;
Oh, Mannin, my graih, my chree! Mannin Vey Veen»

запѣлъ матросъ патріотическую пѣсню (О, прохладная свѣтлая, возлюбленная родина моихъ предковъ, о прелестный, дорогой Мэнъ! Привѣтъ тебѣ). На своемъ языкѣ, на *манкскомъ*, жители называютъ островъ Маниъ или Эланъ Ваниъ. На горизонтѣ выплыло волнистой линіей темное облако, какъ бы подернутое болѣе свѣтлой вуалью. То былъ Мэнъ. Глядя на этотъ туманъ да на кипящія кругомъ на меляхъ волны, становится понятной старинная легенда объ островѣ. Согласно ей, онъ получилъ свое названіе по имени карлика и чародѣя Mannanan-beg-mac-y Lheirr (т. е. Маленькаго Мананана, сына Лейра), перваго короля острова. Авторъ писанной на манкскомъ языкѣ старинной баллады, которую приводитъ Train (Трэнъ) въ своей «History of the Jsle of Man» *) (историкъ относитъ ее къ концу XV вѣка) говоритъ: «Не силой своего меча держалъ Манананъ островъ; не острой стрѣлой и не дротикомъ, а тѣмъ, что окутывалъ Мэнъ, когда видѣлъ плывущіе корабли». Чтобы скрыть островъ отъ враговъ, Манананъ приказалъ морю окутать его вѣчнымъ густымъ туманомъ да населилъ берега морскими дѣ-

*) Train, v. I, p. p. 50—55.

Digitized by Google

вами и страшными «Тарру», полубыками, полурыбами. Подъ властью карлика жители не могли пожаловаться на тяжесть налоговъ, какъ впослѣдствіи подъ властью манкскихъ королей, напр., династіи Стэнли. «Ежегодно, наканунѣ Иванова дня,—говоритъ баллада,—каждый хозяинъ приносилъ королю дань: охабку свѣже-скошенной луговой травы». И долго никто не зналъ про существованіе острова; но разъ буря загнала къ берегамъ рыбаковъ, среди которыхъ были просвѣтители Ирландіи св. Патрикъ и Германъ. Съ ужасомъ прислушивались рыбаки къ раздававшимся вокругъ, въ воздухѣ, таинственнымъ звукамъ, то грознымъ, какъ рокотъ бури въ горахъ, то тихимъ и жалобнымъ, какъ шелестъ прирѣчныхъ камышей. Св. Патрикъ благословилъ островъ и велѣлъ разложить костеръ. Тогда раздался глубокій вздохъ невидимаго существа, подулъ сильный восточный вѣтеръ, и, вмѣстѣ съ уходящимъ туманомъ, рыбаки увидали, какъ колесомъ уносится на западъ странное существо, состоящее лишь изъ трехъ ногъ. Съ тѣхъ поръ эти три ноги стали гербомъ островка и подали англичанамъ поводъ создать непереводимый каламбуръ «The legs of Man are the Arms of Man». Такъ разсказываетъ манкскій хронографъ XVII вѣка.

Медленно выплываетъ, по мѣрѣ приближенія парохода, крошечный островокъ въ тридцать верстъ длины и 12 ширины, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ былъ совершенно оторваннымъ отъ остального міра королевствомъ. Въ теченіе очень долгаго періода времени Мэнъ являлся своего рода маленькимъ Китаемъ. Законъ 1422 г., повторенный въ 1664 и 1736 гг., строго воспрещалъ манксмэнамъ, безъ спеціальнаго разрѣшенія, оставлять островъ. «Манксмэнъ, оставившій безъ королевскаго соизволенія островъ, въ своей ли лодкѣ или же въ наемной,—признается преступникомъ (felon), а имущество его конфискуется» *). Характерно то, что законъ этотъ, который не соблюдается съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній король продалъ свое владѣніе Англіи (1825 г.),—не отмѣненъ еще. На берегу полукругомъ раскинулся красивый, маленькій городокъ. Это—столица острова—Дугласъ. На живописныхъ прибрежныхъ скалахъ, на отдѣльныхъ камняхъ, возвышающихся изъ прозрачныхъ волнъ, на полуразрушенныхъ стѣнахъ стариннаго замка, который виднѣется на выступающемъ въ море мысѣ — всюду огромныя, пестрыя, крикливыя рекламы, возвѣщающія отмѣнныя достоинства какихъ-то крѣпительныхъ пилюль, какого-то чудодѣйственнаго слабительнаго порошка, «универсальнаго мыла» и годной отъ всѣхъ болѣзней ромашки. Кажется, что къ гармоничному рокоту волнъ прибавляется рѣзкій, навязчивый голосъ, назойливо трубящій вамъ въ ухо: «Виски перваго сорта! Крѣпительный бульонъ Бовриль! Портеръ, нѣжный, какъ бархатъ»! И напрасно въ бурю вы-

*) Lex Scripta, p.p. 5, 21, 140, 272.

Digitized by Google

соко вздымающіяся волны стараются смыть эти крикливыя рекламы. Влажныя отъ соленой пѣны, онѣ какъ будто смѣются надъ моремъ.

Въ перемежку съ рекламами всюду, даже на стѣнахъ угрюмаго маяка, стоящаго на скалѣ среди моря, изображены танцующія дѣвицы съ высоко поднятыми ногами. Это афиши кафе-шантановъ. Дѣвицъ такъ много, что можно подумать, что Мэнъ ими замѣнилъ своихъ морскихъ дѣвъ былого времени. Само положеніе афишъ, поставленныхъ такъ, чтобы онѣ прежде всего бросались въ глаза прибывающему изъ Англіи, показываетъ, что онѣ должны улавливать соверены не туземцевъ, а туристовъ.

Съ особенностями Мэна мнѣ пришлось познакомиться немедленно же, какъ только я высадился на берегъ. Не смотря на то, что вдоль набережной безконечной цѣпью вытянулись отели, мнѣ никакъ не удавалось найти комнату. Всѣхъ отелей болѣе 200; это при населеніи въ 19 тысячъ человѣкъ. Конечно, какъ и танцующія дѣвицы, они разсчитаны не на манкомэновъ, а на пріѣзжихъ. Но все же послѣднихъ слишкомъ мало сравнительно съ огромнымъ количествомъ отелей. Тогда додумались до «лайсенсъ», состоящаго, собственно, въ томъ, что всѣ туристы, въ нѣкоторомъ родѣ, становятся собственностью отеля. Его принимаютъ не иначе, какъ на срокъ въ шесть дней; кромѣ того, туристъ обязывается пить только въ томъ отелѣ, гдѣ онъ остановился. Мало надѣясь на добросовѣстность туристовъ, «лайсенсъ» запрещаетъ буфетамъ продавать даже кружку пива «чужимъ», т. е. закрѣпощеннымъ въ другомъ мѣстѣ. Если для русскаго, могущаго обойтись совершенно свободно безъ «горячительныхъ», эта мѣра безразлична, то она важна для англичанина, который куска не съѣстъ, не «прополоскавъ» его (wash down) добрымъ глоткомъ. Въ силу этого мы съ моимъ попутчикомъ англичаниномъ бродили изъ отеля въ отель. Мы обошли всю англійскую исторію, потому что побывали въ «Вильгельмѣ Завоевателѣ», въ «Эдуардѣ III», «Карлѣ II», «Георгѣ IV», «Викторіи», «Салюбери»; затѣмъ получили наглядное представленіе о манкскихъ герояхъ въ «королѣ Орѣ», «Фенеллѣ» и пр.; но всюду отвѣтъ былъ одинъ: «мы связаны *лайсенсъ*. Если угодно, на шесть дней остановитесь». Наконецъ, когда мой спутникъ сталъ багровымъ отъ гнѣва и даже разъ процѣдилъ сквозь зубы самое страшное ругательство, которое только есть въ англійскомъ языкѣ «bloody dogs» (кровавыя собаки!); когда я серьезно сталъ подумывать о томъ, что, пожалуй, придется вернуться со слѣдующимъ же пароходомъ обратно, мы нашли маленькую комнатку въ частномъ домѣ, которую намъ согласились отдать на сутки. Мы пріѣхали за долго до начала сезона, когда отели только что начали просыпаться послѣ зимняго сна. На островѣ мы были чуть-ли не первыми туристами. Воображаю, что дѣлается въ іюнѣ, когда на 50 тысячъ всего населенія прибавляется армія въ 175 тысячъ туристовъ!

Digitized by Google

II.

Мэнъ является крайне интереснымъ микромегасомъ, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ жилъ совершенно особой жизнью, вслѣдствіе своей полной оторванности отъ остальнаго міра. Вслѣдствіе этой отчужденности, создались своеобразные уклады жизни, которые, мнѣ кажется, представляютъ много поучительнаго. Мэнъ, Маннинъ, или Ellan Vannin, какъ называютъ его островитяне на своемъ странномъ языкѣ, имѣетъ цѣлый рядъ своихъ историковъ. Одни изъ нихъ являются наивными собирателями легендъ, какъ Waldron, который въ своей Description of the Isle of Man, вышедшей въ 1731 г., совершенно серьезно, какъ объ неопровержимомъ фактѣ, говоритъ о «черной леди» и о «косматомъ псѣ»,— призракахъ, бродящихъ въ замкѣ близъ Кастельтоуна. Другіе историки Мэна — добросовѣстные, серьезные изслѣдователи, какъ напримѣръ, Трэнъ, авторъ труда «An historical and statistical account of the Isle of Man». У историковъ какъ первой, такъ и второй группы, есть одно общее: восторженное отношеніе къ родному острову да глубокое убѣжденіе въ томъ, что даже мелочи имѣютъ крайне важное, міровое значеніе, разъ онѣ касаются «Манина». Въ этомъ отношеніи, у старыхъ историковъ можно найти крайне любопытныя страницы. Вильямъ Блэндель, напримѣръ, для прославленія родного Эллань Ванина написалъ огромный и увѣсистый томъ: «Historical Discovery of the hitherto unknown Isle of Man» (Историческое открытіе доселѣ неизвѣстнаго острова Мэна). Какіе же это факты вновь открываетъ Блэндель? А вотъ какіе: было время, когда на Мэнѣ десятокъ яицъ стоилъ пени; тогда варилось на немъ еще лучшее пиво, чѣмъ теперь; но за то въ лѣсѣ былъ такой недостатокъ, что школьнымъ учителямъ приходилось выписывать розги изъ Англіи. И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Туристъ, желающій познакомиться съ исторіей микроскопическаго королевства, не встрѣтитъ недостатка въ источникахъ. И число ихъ увеличивается все. Въ Дугласѣ существуетъ спеціальное историческое общество для изученія родного края. Труды его составятъ цѣлую библіотеку.

Маленькій островокъ, затерянный среди зеленыхъ волнъ Ирландскаго моря, имѣлъ свои политическія бури и революціи, своихъ маленькихъ Калигулъ и Наполеоновъ, своихъ Альфредовъ Великихъ и Жаннъ д'Аркъ. До пятаго вѣка нашей эры имъ владѣли друиды, до тѣхъ поръ, пока на островъ не явился св. Патрикъ. Онъ благословилъ островъ, и съ тѣхъ поръ, говоритъ преданіе, на немъ, какъ и въ Ирландіи, нѣтъ ни змѣй, ни ящерицъ, ни жабъ. Послѣднія, впрочемъ, чувствовали бы теперь себя очень не хорошо во многихъ рѣчкахъ, воды которыхъ отравлены свинцовыми рудниками. Въ шестомъ вѣкѣ островъ завоевали валисскіе короли, которые владѣли имъ четыре столѣтія, пока не явились неустрашимые морскіе бро-

Digitized by Google

даги-норманы. Они привезли съ собой тѣ основы правленія, которыя сохранились до сихъ поръ. Одинъ изъ викинговъ Ори провозгласилъ себя королемъ манкскимъ. Это—Альфредъ Великій Мэна. Авторъ старинной баллады говоритъ:

«Cha geayll mee dy ren eh skielley ec Purt
Chamoo ren eh marrvo ayn jel».

(Я не слышалъ, чтобы онъ когда либо причинилъ кому-нибудь вредъ или же чтобы онъ приказалъ убить кого-нибудь). Ори велѣлъ насыпать *Тинвольдъ*, холмъ, съ вершины котораго до сихъ поръ ежегодно провозглашаются новые законы. Онъ же созвалъ впервые «палату руководителей» (house of Keys), манкскій парламентъ. Ори раздѣлилъ островъ на шесть округовъ (sheadings), существующіе и до сихъ поръ. Историкъ прошлаго вѣка Валдронъ собралъ цѣлый циклъ легендъ объ этомъ королѣ. Благодарные манксмэны долго пасли скотъ на могилѣ своего Альфреда Великаго и разрыли ее, когда было высказано предположеніе, что въ томъ мѣстѣ есть свинцовая руда. За то островитяне назвали млечный путь «дорогой Ори». Династія реформатора дала двѣнадцать королей. Въ XII в. островомъ стали интересоваться Англія и Норвегія, что причинило обывателямъ не мало хлопотъ и горя. Въ 1263 г. манкскій король Магнусъ помогъ норвежскому королю въ войнѣ съ шотландскимъ королемъ Александромъ III. Союзники потерпѣли пораженіе на Клэйдѣ, и въ результатѣ было то, что Мэнъ сталъ вассаломъ, въ началѣ шотландскихъ, а въ 1290 г.—англійскихъ королей. Окончательно покорить островъ не удалось. Жители оказали сильное сопротивленіе. Наконецъ, они не выдержали и стали отступать; но женщины, слѣдившія съ вершины холмовъ за результатами боя, бросились къ своимъ, вырвали у нихъ мечи и сѣкиры и напали на непріятеля. Манксмэнамъ стало стыдно. Они послѣдовали за своими женами и сестрами, и непріятель былъ разбитъ. Послѣдствія были слѣдующія: во-первыхъ, островъ остался независимымъ, во-вторыхъ, женщины получили всѣ гражданскія права, ибо манксмэны рѣшили, что разъ онѣ умѣютъ такъ мужественно сражаться, онѣ могутъ участвовать и въ выборахъ.

Въ теченіе пяти вѣковъ власть сюзерена была, собственно говоря, равна нулю. Ленная зависимость заключалась въ томъ, что манкскіе короли присылали сюзеренамъ ежегодно по два боевыхъ кречета. При Эдуардѣ III королевская власть досталась графу Салисбюри. Въ 1393 г. послѣдній король изъ этой династіи продалъ свою корону графу Винтшайру, который правилъ не долго. Черезъ семь лѣтъ вспыхнула революція; народъ обвинилъ короля въ измѣнѣ старинѣ и казнилъ его. Преемникъ его графъ Нортумберлэндъ былъ не болѣе счастливъ. Черезъ четыре года его изгнали. Тогда начинается правленіе лордовъ Стэнлей, которыхъ мѣстные Пиндары называли манкскими медичисами. Правители о-ва Мэна при Эдуардѣ IV (въ

Digitized by Google

XV вѣкѣ) отказались отъ королевскаго титула и стали просто именоваться «властителями» (Lords of Man and the Isles). Они сохранили, однако, всѣ права государя, кромѣ права возведенія въ рыцарское достоинство. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока островъ не былъ пріобрѣтенъ англичанами. Въ 1651 г. Мэнъ пережилъ новую революцію. Жители захотѣли присоединиться къ республикѣ, провозглашенной Кромвелемъ. Республика же гарантировала Мэну всѣ его старинныя права. Король, однако, рѣшилъ пойти войной противъ англійскаго парламента и высадился съ войскомъ въ Ливерпулѣ; но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Балтонѣ. На Мэнѣ, между тѣмъ, манкскій патріотъ Иліамъ Донъ составилъ заговоръ, чтобы окончательно освободить островъ. Конспираторы были открыты и казнены по приказанію королевы регентши. Заговоръ не могъ быть подавленъ этимъ. Произошла революція, королеву арестовали и посадили въ Кастль Рэшенъ. Тогда-то произошло событіе, послужившее Вальтеръ Скотту темой для одного изъ романовъ, героиня котораго Фенелла пользуется такой широкой популярностью. Великій романистъ сильно пріукрасилъ фантастическими узорами фактъ. Собственно говоря, Фенелла такое же историческое лицо, какъ, напримѣръ, Кудеяръ въ романѣ Костомарова. Но это не помѣшало, однако, манксмэнамъ сдѣлать теперь легенду источникомъ дохода.

Реставрація выдвинула новую династію, Дерби. Первый правитель—лордъ Ферфаксъ заставилъ манксмэновъ дорого поплатиться за увлеченія. Послѣдующіе лорды отличались развѣ тѣмъ, что старались придумать все новые источники дохода. Послѣдній король былъ долго оплакиваемъ всѣми англійскими неисправными должниками и злостными банкротами, такъ какъ за небольшое вознагражденіе они находили вѣрное убѣжище въ его владѣніяхъ. Въ 1825 г. островъ былъ купленъ англичанами у послѣдняго короля за 417,144 ф. ст.

Посмотримъ теперь на правительственную организацію острова, основы которой были привезены норманнами и смѣшались еще съ болѣе древней, установленной друидми. Островъ, какъ и въ былое время, совершенно независимъ. Онъ имѣетъ свое собственное правительство. Манкскій парламентъ состоитъ изъ губернатора, являющагося представителемъ королевской власти, «совѣта» и «палаты руководителей» (house of Keys). «Совѣтъ» аналогиченъ палатѣ лордовъ, house of Keys—палатѣ общинъ. Губернаторъ, назначаемый англійскимъ правительствомъ, облеченъ, до извѣстной степени, правами старыхъ королей. Онъ можетъ, когда захочетъ, созывать парламентъ (за исключеніемъ лишь страстной недѣли). Онъ принимаетъ апелляціи на приговоры судовъ. Законы, охраняющіе авторитетъ его, крайне суровы. «Всякій, кто будетъ злословить или клеветать на губернатора,—говоритъ законъ,—кто станетъ обвинять его въ чемъ либо предосудительномъ, *но не докажетъ справедливости своихъ обвиненій*, подвергается штрафу въ десять фун-

Digitized by Google

товъ, да, кромѣ того, ему отрѣжутъ уши». «Если кто нибудь нападетъ на губернатора во время засѣданія совѣта, виновный признается измѣнникомъ и будетъ преданъ смерти. Его вначалѣ привяжутъ къ хвосту дикихъ коней, за тѣмъ повѣсятъ, потомъ разрубятъ на четыре части. Голову преступника съ одною частью тѣла воткнутъ на копье надъ башней Кастельтоуна, другую часть выставятъ въ Пилѣ, третью въ Рамзеѣ, четвертую—въ Дугласѣ *)», Губернатору, при вступленіи его въ должность, подносится старинный бѣлый жезлъ, относящійся, какъ говорятъ, еще ко временамъ друидовъ. Губернаторъ держитъ посохъ перпендикулярно къ землѣ и клянется, что будетъ такъ же прямо стоять между королемъ и народомъ **). Благодаря жезлу, играющему такую видную роль,—губернатора и «совѣтъ» фигурально называютъ «The staff of government» (правительственнымъ посохомъ). Палата лордовъ острова Мэна, или *совѣтъ*, состоитъ изъ лорда-епископа, стряпчаго по дѣламъ казны (attorney general), изъ двухъ судей главнаго завѣдующаго реестрами (clerk of the rolls), таможеннаго чиновника для осмотра судовъ (water-bailiff), изъ главнаго сборщика податей, архидіакона и викарія. Кромѣ послѣдняго, назначаемаго епископомъ, всѣ остальные члены «совѣта» опредѣляются англійскимъ правительствомъ. Таможенный чиновникъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующимъ всего рыбачьяго флота, состоящаго изъ семисотъ судовъ. Water-bailiff назначаетъ двухъ старшихъ рыбаковъ, которые носятъ громкій титулъ адмираловъ. Флотъ этотъ добываетъ однихъ лишь сельдей ежегодно на 60 тысячъ фунтовъ стер. Члены совѣта торжественно клянутся «поддерживать и защищать старинные законы острова, его статуты и обычаи, а равно прерогативы, изъ нихъ истекающіе, затѣмъ, всячески содѣйствовать представителю его величества въ его стараніи установить правосудіе и принципъ законности ***)». *Совѣтъ* обходится острову не дешево. Изъ общаго дохода въ 72752 ф. ст.—6230 ф. ст. тратится на содержаніе «правительственнаго посоха», т. е. губернатора и палаты лордовъ.

«Палата руководителей» (House of the Keys) является наиболѣе древнимъ парламентомъ въ мірѣ. Когда то она называлась Chor na Faid, т. е. собраніемъ мудрецовъ. Палата состоитъ изъ двадцати четырехъ членовъ, которые избираются на семь лѣтъ совершеннолѣтнимъ мужскимъ и женскимъ населеніемъ острова. Избраннымъ можетъ быть всякій, владѣющій недвижимой собственностью или же платящій за нанимаемое имъ помѣщеніе 5 фунтовъ въ годъ. Каждый изъ шести округовъ (sheadings) избираетъ трехъ депутатовъ, города Кастельтоунъ, Пиль и Рамзей—по одному, а столица Дугласъ—трехъ. Полную самостоятельность въ выборахъ

*) Lex Scripta. Douglas, 1819. 4. 5.
**) „Johnstone's Jurisprudence of the Isle of Man", p. p. 24—25.
***) ib.

Digitized by Google

островъ купилъ себѣ у англійскаго правительства за 10 тысячъ фунтовъ, которые онъ ежегодно вноситъ на содержаніе арміи и флота. «Кеуз», собственно, означаетъ «ключи». Вильсонъ, одинъ изъ историковъ Мэна, полагаетъ, что названіе дано «руководителямъ» потому, что они должны «отмыкать всѣ затрудненія закона». Характеръ ихъ дѣятельности видѣнъ отчасти изъ той присяги, которую они приносятъ. Руководители клянутся «употребить всѣ старанія для поддержанія старинныхъ законовъ острова, помогать и содѣйствовать, какъ судьямъ (deemsters) во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, такъ и совѣту ея величества». Кромѣ законодательнаго корпуса, house of Keys является еще судебной палатой въ извѣстныхъ случаяхъ. «Руководители»—ultimum refugium въ случаѣ приговоровъ, вынесенныхъ на основаніи обычнаго права острова.

Въ интересахъ правосудія Мэнъ раздѣленъ на два округа, каждымъ изъ которыхъ завѣдуетъ deemster, являющійся въ извѣстномъ отношеніи прямымъ преемникомъ друидовъ. Хотя нѣсколько новѣйшихъ законовъ манкскаго парламента, или «палаты Тинвалда» (court of Tynwald) и сократили отчасти древнія права димстеровъ, все же они пользуются большею властью и независимостью, чѣмъ судьи какой либо другой страны въ Европѣ. До недавняго времени димстеръ могъ судить, гдѣ бы онъ ни находился: верхомъ, въ почтовой каретѣ и т. д. Сплошь и рядомъ бывало такъ. Завидитъ истецъ по дорогѣ димстера, схватитъ обидчика за шиворотъ и тащитъ на встрѣчу къ судьѣ, который тутъ же произноситъ приговоръ, иногда даже смертный. Димстеръ писалъ свое рѣшеніе на первомъ кускѣ аспида, поднятомъ по дорогѣ. До XV вѣка димстеры руководствовались устными законами, извѣстными подъ названіемъ breast laws. Какъ Веды въ древней Индіи, эти законы передавались въ извѣстномъ классѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Для болѣе легкаго запоминанія, breast laws были изложены въ формѣ стиховъ. Изустные законы давали возможность существовать всякимъ злоупотребленіямъ. «Патріархальный строй», который такъ нравится нѣкоторымъ, хорошъ и поэтиченъ лишь тогда, когда любуешься имъ издали. При внимательномъ изученіи обнаруживается грубое насиліе и совсѣмъ не поэтическое взяточничество.

Наглядымъ доказательствомъ служитъ Мэнъ. Въ 1417 г. былъ составленъ первый письменный кодексъ, «дабы отнынѣ никого нельзя было обидѣть якобы на основаніи устнаго закона». Такъ мотивировалось постановленіе палаты Тинвалда. Двадцать четвертаго іюня созвали народный сходъ у подножія законодательнаго холма (Tynwald Hill). Со всѣхъ концовъ острова собрались манксмэны, чтобы выслушать то, что отъ нихъ такъ долго скрывалось. Поднялся старшій димстеръ и прочелъ тѣ законы, которыми отнынѣ должны были руководиться судьи. Законы эти, большею частью, остались въ силѣ до сихъ поръ и вошли въ, такъ называемый, statute book. Тогда же рѣшено было отнынѣ навсегда, доколѣ стоитъ Мэнъ, связывать

Digitized by Google

димстеровъ клятвой «находиться между тяжущимися сторонами такъ же безразлично, какъ спинной хребетъ сельди одинаково отстоитъ отъ обоихъ боковъ рыбы». Впрочемъ, димстеры, вопреки постановленію Тинвалда, продолжали цѣлыхъ два вѣка произносить приговоры на основаніи breast laws (устныхъ законовъ). Ихъ поддерживали короли, которые находили для себя выгоднымъ существованіе патріархальнаго строя. Въ судахъ было лютое взяточничество. Не смотря на то, что димстеры по закону могли требовать лишь по два пенса за каждый приговоръ, они брали гораздо больше. Мало этого, ежегодно агенты димстеровъ (bonnocks) отправлялись по всему острову для взиманія дани съ фермеровъ. Если кто-либо изъ послѣднихъ отказывался платить, агентъ вырѣзывалъ изъ крыши строптиваго пукъ соломы, чтобы домъ фермера можно было сразу узнать. Затѣмъ имя бунтаря сообщалось димстеру, который легко находилъ возможность круто насолить упрямцу. До 1763 г. цѣлый рядъ постановленій Тинвалда борется съ злоупотребленіями и лихоимствомъ димстеровъ, пока, наконецъ, званіе судей перестаетъ быть наслѣдственнымъ и выдвигается новый могучій защитникъ законности—судъ присяжныхъ. Теперь димстеры, вмѣсто набѣговъ на округъ, довольствуются годичнымъ жалованіемъ въ 1000 ф. ст., а произволъ ихъ давно уже скованъ присяжными. Важный приговоръ теперь обставленъ особой торжественностью. При разборѣ дѣлъ, которыя могутъ закончиться смертнымъ приговоромъ, въ судѣ за отдѣльнымъ столомъ всегда сидитъ лордъ-епископъ. Когда присяжные возвращаются изъ совѣщательной комнаты, димстеръ обращается къ старшинѣ на манкскомъ языкѣ:

— Vod fir caггee soie? — т. е. можетъ ли быть здѣсь дольше священникъ за столомъ. Если старшина отвѣтитъ *нѣтъ*, это означаетъ, что присяжные вынесли обвинительный приговоръ. Утвердительный отвѣтъ означаетъ оправданіе, и подсудимый сейчасъ же освобождается.

Чѣмъ же былъ народъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ? Мы видѣли, что сильная, энергичная, независимая норманская раса принесла на островъ тѣ самыя формы народоправства, которыя она привезла въ Исландію, въ Гренландію, всюду, гдѣ ни появлялись отважные мореплаватели. Вслѣдствіе полной оторванности отъ Европы, Мэнъ не принималъ участія въ умственной жизни ея. Старыя, привезенныя формы застыли. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ короли, епископы и димстеры умышленно держали народъ въ глубокомъ невѣжествѣ. Потомки морскихъ бродягъ стали рыбаками и земледѣльцами. Сдѣлать ихъ рабами не удалось, потому что духъ свободныхъ норманновъ живучъ. За то удалось окутать мозги манксменовъ болѣе густымъ туманомъ невѣжества и суевѣрія, чѣмъ нѣкогда карликъ Мананнанъ окуталъ островъ. Манксмэны, не надѣясь на свои критическія способности, не довѣряя своимъ королямъ, крѣпко держались за старину, но только потому, что въ старинѣ той они

Digitized by Google

видѣли независимость, установленную предками. На всякое новшество манксмэны глядѣли, какъ на посягательство на эту свободу, и мужественно боролись, стойко держась за обычай дѣдовъ. Въ исторіи Мэна мы видимъ не разъ, какъ это отстаиваніе старины доходило до дикаго абсурда. «Наши дѣды такъ дѣлали и были свободны, зачѣмъ же намъ ломать обычай?» — любимый доводъ манксмэновъ.

«Manksmen love their native vales,
Islands songs, and Islands tales»—

говоритъ поэтъ-патріотъ. (Манксмэны любятъ свои родныя долины, свои пѣсни и сказки). Мы видѣли раньше, что какъ члены совѣта, такъ и «руководители» даютъ, прежде всего, торжественную клятву «хранить старину», «отстаивать старинные законы и обычаи острова и всѣ прерогативы, изъ нихъ проистекающія». Какъ относятся манксмэны къ какому бы то ни было нарушенію старины, показываетъ слѣдующій дикій фактъ, сообщаемый Трэномъ въ «Historical and statistical account of the Isle of Man».

Осужденнаго преступника повели на мѣсто казни, гдѣ собралась уже громадная толпа, явившаяся со всѣхъ концовъ острова. По старинным законамъ преступникъ долженъ быть повѣшенъ на *волосяной* веревкѣ. Чиновникъ, распоряжавшійся казнью, отдалъ приказаніе употребить обыкновенную пеньковую веревку, какъ болѣе удобную. Зрители замѣтили нововведеніе уже тогда, когда несчастный качался на деревѣ. Они пришли въ ярость при видѣ подобнаго нарушенія старинныхъ законовъ, избили до полусмерти палача за то, что онъ согласился «повѣсить по англійскому обычаю», сняли корчившагося въ агоніи преступника и повѣсили его опять, но уже по законамъ Мэна—на волосяной веревкѣ.

Боевымъ крикомъ манксмэновъ во время революціи было всегда: «Mannagh vow cliaghty, cliaghty nee cliaghty coe!» т. е.: «если обычай не освященъ обычаемъ, обычай будетъ стонать и плакать» *). До начала этого столѣтія Менъ, въ полномъ смыслѣ, былъ маленькимъ особымъ міркомъ: онъ почти не нуждался ни въ какомъ привозномъ продуктѣ. Поля обрабатывались плугами, выкованными изъ собственнаго желѣза, рыба ловилась неводами изъ собственной пеньки, всѣ одѣвались въ сукно, которое валяли на островѣ же и т. д. Деньги, вырученныя за вывозимый свинецъ, за известь, да за рыбу пряталась въ кубышки совсѣмъ на русскій ладъ. Но вотъ съ переходомъ Мэна въ руки англичанъ началась новая эра. Она ознаменовалась прежде всего тѣмъ, что началась скачка за добычей капиталовъ. Менъ выдѣлилъ стаю собственныхъ хищниковъ, упрямыхъ, настойчивыхъ, невѣжественныхъ и суевѣрныхъ, какъ всѣ манксмэны, но обладавшихъ жадностью акулъ. Вѣроятно, они съѣли бы своихъ соотечественниковъ и потомъ разбѣжались бы ловить до-

*) Traine, v. II, p.p. 98—99.

Digitized by Google

бычу въ другихъ мѣстахъ Англіи, если-бы имъ не внушили мысль эксплуатировать свою старину, показывая туристамъ островъ. Въ короткое время были раскуплены всѣ старыя развалины, всѣ долины, всѣ отдѣльные холмы и всюду поставили турникеты съ табличкой: «входъ столько-то пенсовъ». Мало надѣясь на свои «горы» не выше двухъ тысячъ футовъ и «водопады» шириной въ четверть аршина — манкскія акулы стали придумывать другого рода приманки. Но манкскіе кулаки такъ же не изобрѣтательны, какъ всѣ ихъ собратья другихъ рассъ. Самое большее, до чего могли додуматься они—до кафе-шантана и танцкласса. И вотъ въ городкѣ съ пятью тысячами жителей появляется 10 — 12 кафешантановъ; на откосахъ горъ, на вершинахъ скалъ—всюду строятъ подмостки, съ которыхъ предъ пустыми стульями лондонскія дѣвицы завываютъ пѣсни про Джони Джона и показываютъ, какъ танцуютъ въ «Новомъ Вавилонѣ». Акулы провели въ «палатѣ руководителей» законъ о лайсенсъ, о томъ, чтобы туристъ сталъ, въ нѣкоторомъ родѣ, собственностью владѣльца ресторана. Здоровая, энергичная маленькая раса не могла быть развращена (по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ) дѣйствіемъ кабацкой культуры; но глубокая вѣковая тьма помѣшала воспринять все то хорошее, что есть въ цивилизаціи.

III.

Безъ туристовъ Дугласъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ Кунавино до ярмарки: всюду рядъ пустыхъ домовъ, запертыхъ магазиновъ, не освѣщенныхъ витринъ. Совсѣмъ спящая царевна, дожидающаяся своего Ивана-Царевича—сезона. Я прошелъ мимо сотни огромныхъ великолѣпныхъ отелей; но школъ я такъ и не видалъ. Онѣ гдѣ-то въ старомъ городѣ, въ закоулкахъ. Въ Дугласѣ нѣтъ, кажется, ни одного уголка, который не былъ-бы разсчитанъ на туристовъ. Еще въ Лондонѣ мнѣ особенно рекомендовали одинъ мысъ близъ Дугласа, Douglas Heak, и совѣтовали настоятельно пробраться туда.

Видъ оттуда, дѣйствительно, великолѣпный; но прежде, чѣмъ вы доберетесь до вершины, вы должны прочесть не менѣе сотни гигантскихъ рекламъ на скалахъ и миновать не менѣе трехъ десятковъ танцклассовъ и лѣтнихъ кафе-шантановъ. Теперь въ нихъ все было мертво; но воображаю, на сколько долженъ содѣйствовать возможно «полному сліянію я съ космосомъ» (буде среди туристовъ попадется гегеліанецъ) нестройный гамъ, состоящій изъ звуковъ полекъ, вальсовъ и джиговъ, выводимыхъ трактирной музыкой. Великолѣпное море, легкая дымка горъ Валиса на юго-востокѣ, цѣлая вереница легендъ о сиренахъ, охраняющихъ островъ и... звуки глупой шансонетки, только что импортированной на Менъ изъ новаго лондонскаго кафе-шантана! Изъ дверей и оконъ молчаливыхъ ресторановъ выглядывали безпрерывно какія-то заспанныя, изум.

Digitized by Google

ленныя лица. По всему видно было, что сезонъ еще не начался. Выползъ откуда-то сильно сутуловатый, бритый джентельменъ, заковылялъ ко мнѣ, пришпиливая на ходу къ отвороту сюртука какую то фантастическую розетку. Онъ отрекомендовался профессоромъ френологіи и предложилъ мнѣ на основаніи цвѣта моихъ волосъ и бороды опредѣлить не только мой характеръ, но даже какіе будутъ глаза у моихъ дѣтей. Профессоръ френологіи, какъ видно, сильно отощалъ за зиму. Онъ мнѣ напомнилъ комара, который чудомъ уцѣлѣлъ отъ зимней стужи, проснулся, когда пригрѣли весенніе лучи, и теперь, слабый и безсильный еще, пробуетъ шевелить лапками. Я поблагодарилъ профессора за заботливость и далъ ему три пенса. Онъ повертѣлъ монетку скептически, сунулъ ее, молча, въ карманъ и заковылялъ обратно.

Туристамъ настоятельно рекомендуется посѣтить возлѣ Дугласа кирку Брэддонъ, одну изъ самыхъ древнихъ мѣстныхъ церквей, и очень старое кладбище при ней. Въ дѣйствительности, церковь нисколько не интереснѣе, чѣмъ любая полуразрушенная старая каплица нашего сѣверо-запада. Что-же касается кладбища, то замѣчателенъ на немъ развѣ старинный каменный крестъ, на которомъ видна полуизъѣденная уже временемъ руническая надпись. Она разобрана въ недавнее время и обозначаетъ: «Торлафъ Ники поставилъ этотъ крестъ своему сыну Яку и брату Ябру». Вѣроятно-для спеціалистовъ и камень, и странныя узловатыя руны—все это очень интересно, но обыкновенному смертному (если онъ не постарается себя взвинтить нарочно) эти изгрызанныя временемъ плиты XI вѣка, придавившія могилы совершенно неизвѣстныхъ, ничѣмъ не замѣчательныхъ людей,—не говорятъ рѣшительно ничего. Для него этотъ покрытый рунами крестъ нисколько не интереснѣе тѣхъ каменныхъ «бабъ», которыя въ такомъ изобиліи находятся у насъ на югѣ, на древнихъ скиескихъ курганахъ. Рядомъ съ таинственными рунами, на камнѣ видны безчисленныя надписи различныхъ Джонсоновъ, Робинсоновъ и Диксоновъ, выражающихъ свой казенный восторгъ.

Англійскій поэтъ былъ правъ, когда сказалъ:

«Fools'names, like fools'faces,
Are often found in public places».

(Имена глупцовъ, какъ и лица дураковъ, очень часто попадаются намъ въ общественныхъ мѣстахъ).

Нѣтъ ничего удобнѣе, какъ объѣхать весь островъ. Къ вашимъ услугамъ желѣзная дорога, электрическій трамвай или-же карета, если только вы не предпочитаете ходить пѣшкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ двѣнадцать верстъ для самаго обыкновеннаго пѣшехода! А между тѣмъ, именно ровно столько отъ одного берега острова къ другому (въ ширину), отъ Дугласа до Пиля. Черезъ десять минутъ электрическій трамвай везетъ меня на сѣверъ, въ Лаксей, въ горнозаводскій край острова. По обѣимъ сторонамъ

Digitized by Google

дороги видны или свѣже вспаханныя поля или зеленѣющіе всходы озими. Это наиболѣе обработанная часть острова, вся поверхность котораго составляетъ 145.325 кв. ак. Изъ нихъ подъ кормовыми травами и хлѣбными злаками занято 67%(*). Для 55.598 человѣкъ населенія хватаетъ собственнаго хлѣба. На западѣ видна убѣгающая цѣпь холмовъ, покрытыхъ вѣчно зеленымъ верескомъ, который составляетъ хорошій подножный кормъ для скота въ продолженіи зимы. Тамъ и сямъ между холмами змѣятся узкія долины, glens, по мѣстному. Объ этихъ «глинахъ» манкомены не стѣсняются писать настоящія поэмы въ рекламахъ, чтобы заманить туристовъ на островъ. Странное впечатлѣніе производятъ эти отлогіе холмы, совершенно лишенные деревьевъ. Они кажутся издали спинами огромныхъ застывшихъ чудовищъ.

IV.

Зеленыя волны тихо набѣгаютъ на отлогій берегъ, оставляя за собой зубчатую линію пѣны. На угорѣ, нѣсколько повыше линіи прилива, по обѣимъ берегамъ рѣчки вытянулись кирпичные домики съ красными черепичными крышами. Это и есть Лаксей, мѣстечко съ 2 тысячами населенія. Домики, почва кругомъ, даже воды рѣчки имѣютъ сѣрый, мертвенный цвѣтъ. На лицахъ встрѣчающихся жителей тотъ же землистый налетъ. Какая масса людей съ выкрошившимися зубами, со сведенными конечностями, дрожащими какъ въ пляскѣ св. Витта! Это все дѣйствіе свинцовыхъ рудниковъ. Мѣстечко получило свое названіе отъ рѣчки. Слово Лаксей—скандинавскаго происхожденія и означаетъ *форель*. Если эта рыба, любящая быструю, кристально-прозрачную воду горныхъ рѣчекъ, и водилась когда нибудь въ Лаксеѣ, то, вѣроятно, это было очень, очень давно.Теперь сѣрыя воды рѣчки, насыщенныя свинцомъ, настоящій ядъ. Въ Лаксеѣ давнымъ давно передохли даже жабы и тритоны, что не мѣшаетъ, однако, составителямъ рекламъ, распространяемыхъ въ Англіи, заманивать туристовъ посулами рыбной ловли въ этой рѣкѣ. У входа въ мѣстечко — столь знакомый туристу турникетъ. Собственникъ взимаетъ по три пенса за входъ въ Лаксей-глинъ; но... лучше заплатить шесть пенсовъ, чтобы не видѣть изрытыхъ ямами боковъ долины, гдѣ всюду насыпаны сѣрые валы, состоящіе изъ отбросовъ руды и мелкаго угля. Противный, слащавый запахъ свинца захватываетъ дыханіе, вызываетъ тошноту. Для услажденія туристовъ, владѣлецъ «глины» выстроилъ неизбѣжный ресторанъ съ неизбѣжнымъ танцклассомъ. Какъ и всюду, ресторанъ имѣетъ «лайсенсъ», и кружку пива вамъ прода-

*) Подъ пашнями находится 25.211 акровъ, подъ кормовыми травами 12.046 акровъ. Изъ хлѣбныхъ злаковъ больше всего сѣется ячмень, затѣмъ рожь и пшеница.

Digitized by Google

дуть лишь тогда, когда вы обяжетесь прожить не менѣе трехъ дней здѣсь. На сѣверо-западѣ отъ Лаксей видна самая высокая гора острова—Снефелъ, т. е. снѣжная вершина, названіе совершенно неправильное, потому что снѣгъ таетъ на ней уже въ апрѣлѣ, такъ какъ «пикъ» не выше 2200 ф. Я свернулъ отъ моря по извилистой тропинкѣ, которая зазмѣилась между такихъ же сѣрыхъ валовъ, какъ и въ «глинѣ». Въ разстояніи одной мили отъ Лаксей находится другая деревушка Laxey Wheel, у входа въ самый главный свинцовый рудникъ острова. Здѣсь—огромное колесо въ семьдесятъ съ чѣмъ-то футовъ въ діаметрѣ, которое было выстроено для того, чтобы откачивать воду изъ орты. Когда манкскіе «господа купоны» метнулись въ поискахъ за зрѣлищами, за которыя можно было бы взять деньги съ туристовъ, они вспомнили объ этомъ колесѣ и поставили возлѣ него неизбѣжный турникетъ. Лаксей-Вилъ производитъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе, чѣмъ Лаксей. Населеніе все, очевидно, было въ рудникѣ. На улицѣ сидѣла лишь сморщенная старуха и дремала, пригрѣтая весеннимъ солнышкомъ. Маленькая, оборванная дѣвочка, съ всклокоченными волосами, носила на рукахъ ребенка, закутаннаго въ лохмотья. Ребенокъ заливался отъ крика. Дѣвочка, очевидно, была въ отчаяніи, не зная, что дѣлать съ нимъ. Она его взвалила, какъ кулекъ, на худенькое плечико и старалась успокоить пѣсенкой на манкскомъ языкѣ. По голосу дѣвочки можно было заключить, что она теряетъ надежду успокоить ребенка и, вотъ-вотъ, сама расплачется. Маленькій мальчуганъ лѣтъ пяти, съ огромнымъ вздутымъ животомъ, грязный, какъ чумичка, босоногій, гнался съ метлой за свиньей, которая только что спугнула до невѣроятности ощипаннаго пѣтуха. Изъ хлѣва доносилось глухое, задумчивое мычаніе коровы. Картина, въ общемъ, была не изъ тѣхъ, что настраиваютъ на жизнерадостный ладъ. Поднимаясь по дорогѣ къ вершинѣ Снефела, я прошелъ еще мимо третьяго свинцоваго рудника, находящагося почти у истоковъ Лаксей. Такимъ образомъ, рѣчка отравлена вдоль всей длины ея. Свинецъ былъ первый металлъ, который научились добывать на островѣ. Вначалѣ манкскіе короли должны были довольствоваться короной изъ этого неприглядnаго металла. Ежегодно въ Лаксеѣ добывается 1700 тоннъ руды, которая даетъ 1275 тоннъ металла. Руда содержитъ, кромѣ того, довольно значительный процентъ серебра (изъ 1700 тоннъ получается 5250 унцій серебра) *).

*) Слѣдующая таблица показываетъ количество свинца и серебра, добываемыхъ вообще на островѣ, во всѣхъ рудникахъ.

Названіе рудниковъ.	Свинцовая руда.	Свинецъ.	Серебро.	Цѣнность.
Foxdale	3419 т.	2500	9080 ун.	39145 ф. ст.
Laxey	1700 »	1275	5250 »	30487 » »
Foxdale	400 »	292	9600 »	5362 » »
Rushen	401 »	75	810 »	1050 » »
Kirk Michael	40 »	30	125 »	338 » »
Great Laxey	15 »	11	— »	129 » »
	5675 »	4183	84865 »	76509 » »

Digitized by Google

До вершины горы идетъ теперь желѣзная дорога, а на самомъ Снефелѣ съ 1895 г. выстроили ресторанъ съ неизбѣжнымъ танцклассомъ. Манкскій «купонъ» глубоко убѣжденъ, что туристъ готовъ и обладаетъ завидной способностью танцовать во всякое время. Онъ увѣренъ, что ничто такъ не пробуждаетъ хореграфическихъ наклонностей, какъ видъ мѣстности. Видъ, дѣйствительно, красивый. Весь островъ со всѣми контурами его виденъ, какъ на картѣ. Горы Шотландіи, Ирландіи и сѣвернаго Валиса можно различить при помощи самаго слабаго бинокля. Я рѣшилъ дойти пѣшкомъ до Рамсея, чтобы оттуда отправиться по желѣзной дорогѣ въ Пиль. Меня соблазняла эта дорога, главнымъ образомъ, тѣмъ, что «глинъ» Ауидинъ, какъ мнѣ казалось, еще не тронутъ трактирной культурой. Мое предположеніе подтвердилось лишь отчасти. Правда, тамъ еще не настроили трактировъ съ ужасными танцклассами, но турникеты я нашелъ, едва только подошелъ къ «глину». Съ дороги я увидалъ узенькую, совершенно открытую долину, которую у насъ на югѣ назвали бы, вѣроятно, холодной балкой. Смотрю, входъ въ «глинъ» загороженъ барьеромъ. Возлѣ него — красивый домикъ, принадлежавшій самому собственнику, какъ оказалось. Толстый, широкоплечій манксмэнъ съ хитрыми, быстрыми глазами заявляетъ мнѣ, что входъ въ *его* «глинъ» стоитъ три пенса. Манксмэнъ поразительно походилъ на нашихъ деревенскихъ кулаковъ, изъ только что оперяющихся, изъ тѣхъ, что лишь недавно познакомились со «спинжакомъ» и съ сапогами дудками.

— Да за что же платить? — поинтересовался я:—въ вашемъ «глинѣ» рѣшительно ничего нѣтъ.—Оказалось, здѣсь, по преданію, жилъ когда-то Финодери, павшій эльфъ, изгнанный королемъ своимъ за то, что разъ не явился на годичный смотръ, на «лунную жатву», такъ какъ засидѣлся у своей возлюбленной, прекрасной обитательницы Мэна. Король обратилъ эльфа въ козла, и съ тѣхъ поръ Финодери (т. е. волосатый) долго бродилъ одинъ по глинамъ.

— Отлично, но за что же вы хотите съ меня, все-таки, взять три пенса? Развѣ вы покажете мнѣ Финодери?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ манксмэнъ и вздохнулъ глубоко. Въ этомъ вздохѣ сказалось сожалѣніе о томъ, что утерянъ безнадежно такой великолѣпный источникъ дохода.

— Нѣтъ, сэръ, Волосатаго я вамъ не могу показать; но вы увидите «бѣлый камень».—Камень, дѣйствительно, онъ мнѣ показалъ: огромную глыбу бѣлаго кварца.

— Здѣсь когда-то одинъ джентельмэнъ хотѣлъ домъ выстроить,— объяснялъ мнѣ манксмэнъ,—и велѣлъ перетащить камни съ берега. Все сдѣлали рабочіе, только съ одной глыбой не могли справиться, вотъ съ этой самой. Побились до вечера, пошли спать. Смотрятъ на утро, не только бѣлый камень перенесенъ, но съ нимъ еще много другихъ, которыми можно было бы нагрузить добрыхъ пять

Digitized by Google

возовъ. Все это сдѣлалъ *Волосатый*. Джентельменъ захотѣлъ вознаградить Финодери, который всегда ходитъ голымъ, и велѣлъ положить вотъ тутъ, возлѣ бѣлаго камня, полную перемѣну платья. Стали люди караулить. Въ ту же ночь пришелъ Волосатый, замѣтилъ платье и ну пѣть таково жалобно на нашемъ языкѣ:

«Bayrn da'n choine, dy doogh da'n choine,
Coaṭ da'n dreeym, dy doogh da'n dreeym,
Breechyn da'n toyn, dy doogh da'n toyn,
Agh my she shiat voley, shoh cha nee glen».

— Что же это значитъ?

— Шапка тутъ для головы. Увы! бѣдная голова! Кафтанъ для плечъ. Увы! бѣдныя плечи. Штаны для ногъ. Увы! бѣдныя ноги! Если бы все это было твоимъ, тебѣ бы не могъ принадлежать болѣе веселый «глинъ».—Пропѣлъ Волосатый свою пѣсенку и убѣжалъ изъ глина, а бѣлый камень такъ и остался, — закончилъ манксменъ.

Въ Англіи давно уже прочно установилось мнѣніе, что болѣе суевѣрныхъ людей, чѣмъ манксмены, трудно найти; но, мнѣ кажется, врядъ-ли можно сыскать гдѣ нибудь еще людей, которые даже изъ своего суевѣрія умѣли извлечь выгоду. А это сдѣлали манксмены.— Волосатый является героемъ многихъ произведеній манкскихъ бардовъ. Ученый докторъ Лангрэнъ горько скорбитъ о старинѣ и категорически заявляетъ, что сѣхъ исчезаетъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя оставилъ Финодери. Одна изъ наиболѣе популярныхъ поэтессъ острова, миссъ Кравенъ Гринъ, говоритъ: «Вы можете слышать его голосъ на пустынныхъ холмахъ, когда реветъ горный вѣтеръ. То онъ бурно оплакиваетъ свою похороненную любовь и свою долгую разлуку съ королемъ фей—Боуеромъ».

Подъ самымъ Рамсеемъ мнѣ удалось найти на проселочной дорогѣ деревенскій трактирчикъ, еще не связанный «лайсенсомъ». Въ низенькой комнаткѣ, въ глубинѣ которой пылалъ яркій огонь въ огромномъ каминѣ, было очень мало народа: самъ хозяинъ за стойкой, толстая, краснощекая лэндледи въ бѣломъ чепчикѣ съ длинными лентами, да какой-то джентельменъ съ подбитымъ глазомъ, — очевидно, рыбакъ, судя по платью, насквозь пропахшему треской. Я скоро убѣдился, что, не смотря на отсутствіе «лайсенса», пообѣдать здѣсь не удастся. Была страстная суббота, день, въ который обычай приказываетъ, чтобы желѣзныя вещи не соприкасались съ огнемъ, въ память крестныхъ страданій Христа. Дѣйствительно, изъ комнаты были вынесены рѣшительно всѣ желѣзныя вещи. Возлѣ камина, вмѣсто щипцовъ, стояла обожженная осиновая палка, чтобы ею ковырять угли. Съ крючка надъ огнемъ сняли обыкновенно висящій тамъ въ домахъ манксменовъ котелокъ. Пришлось отказаться и отъ обѣда, и отъ чая и удовлетвориться испеченной на палочкѣ ячменной лепешкой, пропахшей каменноугольнымъ дымомъ.

Digitized by Google

Подъ окномъ раздался топотъ коня; подкованныя копыта гулко стучали по каменистой дорогѣ. Хозяинъ выглянулъ на улицу, затѣмъ торопливо сказалъ что-то лэндлэди. Произошло замѣшательство, которое всегда бываетъ, когда ждутъ какого-нибудь важнаго посѣтителя. Выбѣжалъ откуда-то парень, безъ куртки, съ засученными рукавами рубашки, и началъ поспѣшно сметать крошки со столиковъ. Лэндлэди бросила критическій взглядъ въ маленькое зеркальце на свой чепчикъ. Даже сидѣвшій до тѣхъ поръ совершенно неподвижно, пахнувшій треской, джентельменъ съ подбитымъ глазомъ и тотъ зашевелился и проявилъ признаки безпокойства. Я былъ заинтригованъ и въ свою очередь выглянулъ въ окно. Со стараго, лохматаго, низенькаго, широкозадаго конька слѣзалъ старичекъ, какъ будто бы только что соскочившій со старинной гравюры. Платье на немъ было такое, какое носили лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Оно было сшито изъ домашняго некрашеннаго сукна. Изъподъ широкихъ полей неимовѣрной величины коричневой шляпы на узкія плечи старика падали рѣдкія пряди сѣдыхъ волосъ. Хозяинъ выбѣжалъ на встрѣчу и съ низкимъ поклономъ встрѣтилъ гостя.

— Кто это?—спросилъ я пахнувшаго треской джентельмена.

— Это м-ръ Тиръ, the fairy doctor,—получилъ я въ отвѣтъ.—Онъ всю погань отлично знаетъ, и ему вѣдомо слово противъ всѣхъ. Прежде,—говорятъ старики,—fairy doctors было много; теперь только онъ одинъ и остался. Теперь его вызвали въ Коррани.

«Очевидно, на Мэнѣ не всѣ повѣрили торжественному заявленію патера Corjaig»,—подумалъ я. Дѣло вотъ въ чемъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ патеръ Corjaig заявилъ *печатно*, что вся погань, жившая до тѣхъ поръ на Мэнѣ, всѣ морскія дѣвы, духи горъ, водяныя лошади и пр. оставили островъ. Онъ сказалъ, что можетъ подтвердить это клятвой, ибо видѣлъ, какъ вся нечисть поплыла изъ бухты Муаръ въ пустыхъ боченкахъ, изъ-подъ рома, по направленію къ Ямайкѣ. Очевидно, духъ скептицизма очень силенъ на Мэнѣ, судя по почету, который оказывали fairy doctor. Ему на видъ было лѣтъ восемьдесятъ. Онъ шамкалъ и при разговорѣ пересыпалъ свою рѣчь пословицами. Я сказалъ ему, что меня удивляетъ, какъ это онъ, въ такомъ глубокомъ возрастѣ, предпринимаетъ утомительное путешествіе верхомъ.

— The crab that lies always in its hole is never fat,—отвѣтилъ мнѣ докторъ (крабъ, который всегда лежитъ въ своей норѣ, никогда не бываетъ жиренъ). Въ тотъ вечеръ я услыхалъ цѣлую лекцію про сиренъ, про уродливыхъ морскихъ чудовищъ, что портятъ коровъ, и про морскихъ коней, которые когда-то выходили изъ зеленыхъ морскихъ волнъ и улучшали породу скота. — Впрочемъ, — жаловался fairy doctor, — съ тѣхъ поръ, какъ островитяне скрестили своихъ пони съ англійскими жеребцами, морскія лошади болѣе не показываются на берегахъ. Въ силу

Digitized by Google

этого, мѣстные пони быстро вырождаются. Старикъ выпилъ большой стаканъ горячей воды съ brandy и сталъ еще словоохотливѣе. Онъ разсказалъ про страшныхъ «ночныхъ людей», про то, какъ во времена Кромвеля морскіе рыбаки поймали разъ въ сѣти морскую дѣву (mermaid), у которой. вмѣсто ногъ, былъ рыбій хвостъ, и какъ тосковала она по водѣ. Въ трактирѣ всѣ, затаивъ дыханіе, слушали разсказы fairy doctor. Мнѣ припомнилась семья тунгусовъ, которую я наблюдалъ въ то время, когда въ дымномъ урасѣ (палаткѣ) правилъ мистерію старый шаманъ.

— Вы здѣсь чужой и не знаете нашихъ мѣстъ,—подалъ мнѣ дружескій совѣтъ fairy doctor,—имѣйте же при себѣ въ карманѣ всегда косточку изъ головы трески, и «ночные люди» никогда не собьютъ васъ съ тропинки.

Вѣроятно, совѣтъ этотъ былъ великолѣпенъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Теперь путешественникъ оріентируется другимъ образомъ: по безчисленнымъ турникетамъ и окошечкамъ, гдѣ приходится платить. Они-то сдѣлали косточку трески совершенно излишней. Я узналъ отъ доктора, что вся погань, населяющая Мэнъ, время отъ времени устраиваетъ «большую лунную жатву» (Re-hollys ouyr, по мѣстному). Тогда духи горъ, полей и рѣкъ выползаютъ изъ своихъ норъ, изъ враговъ да изъ-подъ угоровъ и собираются на шабашъ вѣдьмъ въ Глинтранонѣ. Во время ночныхъ экскурсій погань никогда не пользуется конями манкомэновъ, но за то ни за что не преминетъ воспользоваться лошадьми, принадлежащими англичанамъ или же ирландцамъ. На другой день владѣльцы находятъ своихъ коней измученными до послѣдней степени. Бока ихъ покрыты мыломъ. Пропахшій треской джентльмэнъ сильно волновался во время этихъ разсказовъ. Ему, очевидно, хотѣлось сказать что-то, но все не рѣшался; наконецъ, онъ началъ:

— Джентльмэны, что касается до морскихъ дѣвъ или до морскихъ коней,—я ничего не могу сказать. Я рыбакъ самъ; но не видѣлъ ихъ никогда. Но должно быть ихъ много, если старики говорятъ. А вотъ о «лунной жатвѣ» я клятву готовъ дать. Былъ я мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати тогда и отлеживался у сестры въ Друидалѣ. Я съ дѣтства корчами страдалъ: упаду на землю, и начинаетъ меня всего трясти. Наконецъ, отлежался кое-какъ, домой пошелъ. Ночью то было. Поднялся я только что изъ глины на откосъ горы, вдругъ—слышу рога трубятъ, воютъ собаки, бѣшено улюлюкаютъ охотники. Не успѣлъ я оглянуться, какъ мимо меня промчались тринадцать зеленыхъ всадниковъ и скрылись за поворотомъ; затѣмъ, они снова показались на хребтѣ и скрылись уже окончательно; и лишь изрѣдка долетали до меня замирающіе звуки роговъ. Когда я разсказалъ потомъ матери, она всплеснула руками и крикнула: «ну, Джими, счастливы вы! Вы видѣли *лунную жатву*. Хорошо, что погань тебя не замѣтила, а то бы вѣчно тебѣ мчаться съ ними».

Манкскіе короли считали излишнимъ заботиться объ образова-

Digitized by Google

нія народа. Духовенство было занято интригами да заботами о сборѣ десятины въ свою пользу. Школы при церквахъ существовали лишь по имени. Вслѣдствіе этого, дикое и мрачное суевѣріе наложило свое клеймо на всю исторію острова. Мэнъ съ незапамятныхъ временъ славился своими чародѣями, и нигдѣ въ Западной Европѣ, даже на Шетландскихъ и Оркадскихъ островахъ діаволъ не игралъ такой важной роли, какъ здѣсь. Вплоть до недавняго времени лѣтописи Мэна пестрятъ извѣстіями, что такого-то и такого-то числа «извѣдана» (tried) и казнена вѣдьма. Подозрѣваемую въ колдовствѣ бросали въ Curagh-glass, въ быстрый и глубокій потокъ. Если она тонула, ея тѣло вытаскивали изъ воды, относили домой и предавали христіанскому погребенію. Если же женщина выплывала, это служило доказательствомъ, что она колдунья. Ее тогда сажали въ бочку, утыканную гвоздями и спускали съ вершины горы Slieu Whallan, а тѣло потомъ сжигали. Процессы о вѣдьмахъ разбирались на о. Мэнѣ еще въ сороковыхъ годахъ. Въ 1843 г. судъ привлекъ къ отвѣтственности женщину по обвиненію въ томъ, что она испортила у фермера Джона Квайна корову и лошадь, вслѣдствіе чего животныя околѣли. На допросѣ обвиняемую спросили: являлась-ли она въ видѣ зайца въ конюшню Квайна? Манксмэны полагаютъ, что вѣдьма обыкновенно принимаетъ видъ этого именно животнаго, когда желаетъ напустить порчу на чей либо скотъ. Въ это время какой-то шутникъ незамѣтно выпустилъ изъ мѣшка въ залѣ суда дикаго кролика. Поднялся страшный переполохъ. У судей стали дыбомъ волосы. Присутствующіе въ ужасѣ вопили: «вѣдьма! вѣдьма!» Наконецъ, нашлись смѣльчаки, которые погнались за кроликомъ съ дубинами и убили его. Тушку торжественно поволокли по всему селу съ криками: «теперь ты не станешь болѣе вредить бѣдному Квайну». Воспользовавшись суматохой, «вѣдьма» скрылась *). Особенно много разсказываютъ манксмэны про колдунью Теги. Наивный историкъ прошлаго вѣка, не мудрствуя лукаво, приводитъ цѣлый рядъ «эпизодовъ», въ которыхъ онъ не позволяетъ себѣ сомнѣваться. Приведу нѣсколько строкъ изъ повѣствованій манкскаго Геродота. «Теги была манкская Цирцея. Она причаровала молодыхъ людей всей округи, которые не отходили отъ ея дома. Страна превратилась въ пустыню. Никто не хотѣлъ ни сѣять, ни пахать. Сады заросли сорной травой; никто не думалъ копать торфъ. Наконецъ, чаровница объявила, что хочетъ поѣхать въ глубь острова. Она сѣла на молочно-бѣлаго коня, а за ней потянулись вереницей шестьсотъ поклонниковъ, которыхъ она всѣхъ утопила въ глубокой рѣкѣ. Такимъ образомъ,—прибавляетъ историкъ,—островъ лишился шестисотъ лучшихъ юношей, а колдунья улетѣла въ видѣ летучей мыши. Съ тѣхъ поръ, чтобы

*) «Mona's Herald», 10-th. Jannuary. 1844.

Digitized by Google

избѣгнуть вновь подобнаго несчастья, нашъ мудрый народъ приказалъ, чтобы жены всегда слѣдовали не впереди, а позади мужей. Этотъ обычай блюдется такъ свято, что если случайно женщина по дорогѣ очутится впереди мужчины, онъ кричитъ ей: „Тега! Тега!» *).

Было уже поздно. Трактирщикъ уговаривалъ меня остаться ночевать, соблазняя какой-то необыкновенно уютной комнаткой наверху. Я остался, такъ какъ мнѣ рѣшительно все равно было, гдѣ ночевать: здѣсь-ли, въ Рамсеѣ или же въ Пилѣ. Комнатка, дѣйствительно, оказалась очень спокойной, и я заснулъ, какъ подстрѣленный.

Мнѣ казалось, что я слышу звуки роговъ погони, мчащейся на «лунную жатву». Вотъ крики становятся все громче и громче, и я проснулся. Дѣйствительно, десятки роговъ перекликаются со всѣхъ сторонъ. Я поднялъ штору и отворилъ маленькое окно. Солнце только что поднялось и прорѣзало лучами дымку тумана на вершинахъ холмовъ. Тамъ-то и гудѣли призывные рога. И я вспомнилъ, что мнѣ разсказывали вчера. Сегодня Свѣтлое Воскресенiе; манкская молодежь встрѣчаетъ праздникъ весны. По сигналу роговъ со всѣхъ сторонъ сходились на лугъ подъ окномъ моей комнаты разряженные парни и дѣвушки. У каждой изъ послѣднихъ на головѣ былъ вѣнокъ изъ подснѣжниковъ. Вотъ выбрали «королеву весны», хорошенькую дѣвушку, вѣнокъ которой, какъ знакъ ея достоинства, переплели красной лентой. Двадцать дѣвушекъ составили почетную свиту ея. Рядомъ съ королевой поставили молодого человѣка, ея капитана, который отобралъ изъ собравшихся парней нѣсколько офицеровъ. Противъ королевы весны выступила «королева зимы», дѣвушка, которая вся согнулась и надвинула низко на глаза вязанный шерстяной колпакъ. За ней выступала ея свита, наряженная такимъ же образомъ. Началась борьба, и побѣдительницей оказалась весна. Она со спутниками тронулась въ путь подъ звуки скрипокъ и флейтъ. За ней двинулась армiя зимы, аккомпанируя свое шествiе лязгомъ сковородъ, скрипѣнiемъ каминныхъ щипцовъ и тому подобныхъ мелодичныхъ инструментовъ. Когда я черезъ часъ оставилъ трактиръ и пошелъ по дорогѣ къ Рамсею, я встрѣтилъ опять процессiю. Она обошла кругомъ всего села, и теперь арміи весны и зимы дружески смѣшались въ общей пляскѣ на лугу.

V.

Наиболѣе замѣчательное на островѣ это, конечно, Тинвалдъ. Я отправился туда пѣшкомъ изъ Пиля; пройти пришлось около

*) Waldron's Description of the Isle of Man, p. 188.

Digitized by Google

трехъ англійскихъ миль. Среди прелестной долины, фономъ которой служатъ покрытыя верескомъ горы, возвышается тремя уступами искусственный холмъ. Это и есть Tinwald Hill. У древнихъ скандинавовъ существовалъ обычай, въ силу котораго всякій законъ, связывающій дѣйствія свободнаго человѣка, долженъ былъ быть объявленъ во всеуслышаніе всему народу. Обычай этотъ, введенный на Мэнѣ норманскими завоевателями, въ девятомъ вѣкѣ, сохранился до сихъ поръ. Каждый годъ 5 іюня съ вершины Tynwald hill губернаторъ прочитываетъ всѣмъ собравшимся островитянамъ новые законы, которые прошли въ парламентѣ. Statute Book, о которой я упоминалъ уже выше, старинная писанная конституція острова, не только содержитъ основные законы страны, но до мелочей указываетъ, какъ должна происходить «grand Tyndwald assembly»: церемонія на вершинѣ холма. «Доблестный и милостивый государь. Вотъ наши старинные законы, которые завѣщались намъ съ незапамятныхъ временъ. Во-первыхъ, вы должны придти на мѣсто собранія въ томъ королевскомъ уборѣ, который присвояется властелину его прерогативами и законами острова Мэна. Вы должны сѣсть на вершинѣ холма въ кресла, покрыться королевской парчей, украшенной гербами. Лицо ваше должно быть обращено на востокъ; предъ вами должны держать мечъ остріемъ вверхъ. Рядомъ съ вами помѣстятся ваши бароны трехъ степеней, a deemsters—впереди; кругомъ станутъ клерки, ваши рыцари, оруженосцы и йомены трехъ степеней. И вы призовете къ себѣ достойнѣйшихъ людей, т. е. 24 «руководителей» (Keys) и услышите отъ нихъ, что дѣлается на островѣ, и вы имъ сообщите вашу волю. И къ вамъ подойдутъ земледѣльцы, и вы выслушаете ихъ законныя жалобы и заявленія. Если арендаторъ жалуется на барона, неправильно завладѣвшаго землей, послѣдній обязанъ представить всѣ тѣ грамоты и записи, въ силу которыхъ онъ владѣетъ спорной недвижимостью. И баронъ отнюдь не можетъ отказаться отъ этого требованія ни ссылками на дурную погоду, которая мѣшаетъ ему съѣздить за грамотами, ни другими отговорками» *).

На Тинвалдѣ обсуждались, кромѣ того, права и обязанности короля, законы объ ограниченіи права оставлять островъ безъ разрѣшенія намѣстника, правила о содержаніи гарнизона, объ отдачѣ въ аренду королевскихъ земель и, наконецъ, законы, карающіе за государственную измѣну. За долго до дня схода, коронеры разъѣзжали по всему острову и читали приказъ, чтобы «люди бѣдные и богатые, глухіе и нѣмые, хромые, безрукіе и слѣпые явились бы къ Тинвалдскому холму верхомъ, пѣшкомъ или въ повозкахъ, дабы манксмэны могли узнать милость своего короля и законы страны» (Mills's Laws, p. 60). И до сихъ поръ пятое іюня счи-

*) Train, «An Historical and statistical account of the Isle of Man», v. II, p. 190.

Digitized by Google

тають за самый большой праздникъ на островѣ. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ есть газеты, губернатору остается прочитывать лишь заголовки законовъ.

Черезъ недѣлю я оставлялъ островъ. Впечатлѣнія, вынесенныя послѣ того, какъ я исходилъ его вдоль и поперекъ, сводились къ тому, что какъ бы ни было богато одарено общество, оно не можетъ отдѣлиться совершенно отъ остального міра и не пользоваться общими идеями, выработанными коллективной работой всѣхъ стремящихся къ свѣту и къ истинѣ мыслителей; оно не можетъ не признавать того опыта, который выработанъ другими.

Діонео.

Изъ Франціи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупному оратору республики пришлось произносить рѣчь въ день годовщины одной изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ франко-прусской кампаніи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, говорившій связалъ патріотическую похвалу павшимъ солдатамъ съ общимъ панегирикомъ своей націи. И вотъ какія рѣчи лились изъ устъ восторженнаго оратора:

„Нашъ политическій строй не основанъ на законахъ, заимствованныхъ у сосѣдей, и мы скорѣе сами являемся образцомъ для другихъ, чѣмъ ихъ подражателями. Строй этотъ носитъ названіе демократіи, ибо у насъ власть принадлежитъ не кучкѣ гражданъ, а большинству. Законъ у насъ равенъ для всѣхъ въ частныхъ столкновеніяхъ. Что касается до общественныхъ должностей, то на нихъ каждый избирается по мѣрѣ заслугъ своихъ: сама бѣдность не препятствуетъ его возвышенію, лишь бы онъ оказалъ услуги государству. Мы любимъ откровенность въ управленіи общественными дѣлами. Мы чужды заподозриванія другъ друга въ ежедневныхъ сношеніяхъ, и намъ и въ голову не приходитъ раздражаться, если кто-нибудь изъ насъ отдается въ большей или меньшей степени удовольствіямъ. Дѣйствительно, мы выработали себя массу развлеченій, ища отдыха отъ нашихъ заботъ въ общественныхъ празднествахъ и въ изяществѣ нашей частной жизни. Со всѣхъ концовъ земли въ нашу столицу стекаются различныя произведенія, притягиваемыя самой громадностью этого центра, и мы можемъ наслаждаться у себя въ одинаковой мѣрѣ какъ продуктами нашей страны, такъ и вещами, идущими изъ-за границы. Даже что касается до національной защиты, и тутъ мы отличаемся отъ нашихъ враговъ. Мы смотримъ, напримѣръ, на нашъ великій городъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ на общее достояніе всѣхъ людей, и никакія исключительныя мѣры не отрѣзаютъ у насъ доступъ иностранцамъ ни къ наукѣ, ни къ любому зрѣлищу, *) изъ боязни, какъ бы непріятель не вос-

*) Дѣло, какъ видите, читатель, было до обуявшей французовъ въ послѣднее время шпіономаніи, до изданія законовъ 1888 г. и 1893 г. от-

Digitized by Google

пользовался нашей откровенностью: мы надѣемся гораздо больше на наше мужество въ войнѣ, чѣмъ на всевозможныя приготовленія и хитрости. Наша страна достойна, впрочемъ, удивленія не только въ этихъ отношеніяхъ, но и во многихъ другихъ. Такъ мы любимъ все прекрасное въ жизни, но избѣгаемъ при этомъ излишества; мы склонны къ практической философіи, но у насъ она не доходитъ до чрезмѣрной изнѣженности. Мы здраво понимаемъ вещи, вѣрно оцѣниваемъ ихъ, полагая, что дѣлу вредитъ не слово, а какъ разъ наоборотъ отсутствіе словеснаго обсужденія и изученія передъ тѣмъ, какъ приступить къ дѣятельности. Словомъ, наша страна является школой всей Европы, и каждый изъ насъ, мнѣ кажется, способенъ на множество различныхъ дѣлъ, выполняя ихъ не только съ пониманіемъ, но и съ своеобразной граціей... Возьмите самую гибель солдатъ, памяти которыхъ посвящена моя рѣчь. Эта смерть выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ доблесть гражданина, уясняетъ основные мотивы его дѣятельности и укрѣпляетъ наше пониманіе цѣлей жизни. Никто изъ павшихъ соотечественниковъ не отступилъ передъ опасностью... Наоборотъ, считая ее верхомъ славы, наши граждане рѣшили пойти на встрѣчу ей, чтобы отомстить врагу, совершенно забывая свои личные интересы. Въ серьезный моментъ они предпочли смерть отступленію; они избѣжали позорнаго укора въ трусости и цѣною жизни выдержали натискъ непріятеля; наконецъ, достигнувъ высочайшихъ предѣловъ не страха, а славы, они были унесены быстрой, какъ мигъ, и слѣпой случайностью боя... И вы, остающіеся въ живыхъ, будьте достойными соперниками павшихъ; знайте, что счастіе въ свободѣ, а свобода въ мужествѣ, и не колеблитесь передъ опасностями войны. Вѣдь пренебрегать жизнію надо не столько несчастнымъ, у которыхъ нѣтъ надежды на лучшее будущее, сколько какъ разъ тѣмъ, которымъ есть чего опасаться роковой перемѣной судьбы, а въ особенности тѣмъ, которымъ угрожаютъ громадныя потери, если они не успѣютъ предотвратить зло. Ибо для человѣка съ возвышенной душей страдать изъ-за своей трусости гораздо больнѣе чѣмъ пасть внезапно и незамѣтно въ пылу борьбы, среди коллективнаго сознанія силы и общаго энтузіазма".

Не правда-ли, дорогой читатель, какъ типична эта рѣчь для француза, который вибрируетъ, какъ туго натянутая струна, въ обществѣ подобныхъ же ему чуткихъ и проникнутыхъ общественностью слушателей. Конечно, тутъ не обходится дѣло безъ нѣкотораго шовинизма, безъ національнаго самовосхваленія. Но какъ не простить этихъ недостатковъ изящному и героическому народу, который желаетъ пропагандировать своимъ примѣромъ, выставляя свои демократическія учрежденія въ «образецъ другимъ», считая свой Парижъ общимъ умственнымъ достояніемъ всего человѣчества и безъ всякихъ колебаній жертвуя высшимъ интересамъ свободы и чести той самой жизнію, которую онъ такъ любитъ и которой такъ наслаждается? А это преклоненіе передъ могуществомъ человѣческаго слова, передъ силой краснорѣчиваго убѣжденія, которое у французовъ предшествуетъ всякому дѣлу или, вѣрнѣе сказать, является началомъ всякаго дѣла и которое ораторъ сообщаетъ воспріимчивой толпѣ музыкой слова и жеста...

носительно пребыванія иностранцевъ во Франціи, до ограниченія, по закону 1896 г., правъ докторовъ иныхъ національностей, кончившихъ курсъ здѣсь, и т. п. Н. К.

Digitized by Google

Простите мнѣ, читатель, маленькую хитрость: приведенная мною рѣчь была сказана не вчера и не позавчера, а почти двадцать четыре столѣтія тому назадъ, и не французомъ, а Перикломъ, произнесшимъ ее надъ могилою воиновъ, которые пали въ началѣ пелопонесской войны. Я взялъ этотъ образецъ аттическаго краснорѣчія у Ѳукидида *), выбралъ изъ него наиболѣе типичныя мѣста и лишь кое-гдѣ замѣнилъ архаическія выраженія настоящими, чтобы оставить васъ дольше подъ впечатлѣніемъ иллюзіи современности. Мнѣ хотѣлось наглядно показать, въ какой степени, несмотря на разницу эпохъ и цивилизацій, древній аѳинянинъ и современный французъ походятъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ складомъ друга на друга: оба они являются прототипомъ того «политическаго животнаго», о которомъ говоритъ Аристотель; оба придаютъ огромное значеніе взаимному обмѣну мыслей, «слову, которое не вредитъ дѣлу», а наоборотъ представляетъ собой могущественный рычагъ коллективной воли и коллективной дѣятельности. Я какъ-то касался мимоходомъ этой черты французовъ: теперь мнѣ кажется полезнымъ остановиться подробнѣе на упомянутой сторонѣ ихъ общественной жизни. Безъ нея исторія Франціи является лишенной колорита; и въ ней же заключается разгадка той быстроты, съ которой разряжается и выражается въ дѣйствіи общественное настроеніе этой націи.

Каждый народъ реагируетъ болѣе или менѣе по своему на внѣшнія впечатлѣнія, и у каждаго обмѣнъ мыслей и чувствъ принимаетъ своеобразныя формы. Мнѣ все представляется, что еслибъ вольтеровскій Микромегасъ наклонился своимъ восьмимильнымъ корпусомъ надъ Франціей, онъ увидалъ-бы необыкновенно живой и дѣятельный муравейникъ, члены котораго находятся въ постоянномъ движеніи и не могутъ жить безъ того, чтобы на каждомъ шагу не взять на абордажъ своего сосѣда, часто перваго встрѣчнаго, не потрогать его своими усиками и не собрать сейчасъ же вокругъ себя цѣлую толпу бодрыхъ и общительныхъ существъ, немедленно устремляющихся къ какой нибудь цѣли. Понятно, что колоніи другихъ не столько «политическихъ животныхъ» не особенно долюбливаютъ живого, жестикулирующаго и воинственнаго муравья, и какой-нибудь навозный жукъ, степенно катя свой шарикъ и старательно зарываясь отъ своего сосѣда, долженъ съ неудовольствіемъ смотрѣть на бодрое и жизнерадостное насѣкомое, занимающееся пропагандой, агитаціей и прочими «измами». Но аллегоріи въ сторону. Слово, рѣчь, ораторское искусство являются во Франціи однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественной жизни, а со времени революціи 1789 г. необходимымъ инструментомъ управленія государствомъ и орудіемъ коллективной дѣятельности. Любовь к

*) См. Θουκυδίδου τοῦ Ὀλόρου περὶ Πελοποννησιακοῦ πολέμου, II. 37—43, *passim*.

Digitized by Google

умѣнье французовъ выражать свои мысли рѣчью издавна извѣстны всякому, и старинный писатель уже сказалъ объ ихъ предкахъ «Галльскій народъ самымъ ревностнымъ образомъ упражняется въ двухъ вещахъ: въ военномъ искусствѣ и умѣньи остроумно говорить» (duas res industriosissime persequitur gens Gallorum, rem militarem et argute loqui). Припомните, какъ друзья Тэна изъ англичанъ считали это природное краснорѣчіе француза неотъемлемой принадлежностью его «темперамента» *). Самыя мысли французскихъ моралистовъ и писателей въ сферѣ житейской философіи, напр., Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга, Шамфора, Ривароля,— кажутся не столько высиженными въ кабинетѣ, въ потѣ лица и среди чернильныхъ пятенъ, сколько вылившимися въ бесѣдѣ, сорвавшимися съ языка въ пылу разговора между остроумными людьми, которые наслаждаются взаимнымъ словеснымъ фейерверкомъ, въ какомъ-нибудь салонѣ, на глазахъ у прелестной и не менѣе остроумной хозяйки.

Но здѣсь я буду говорить не объ этомъ природномъ дарѣ слова. Мнѣ хотѣлось въ этомъ письмѣ познакомить читателя съ культивированной формой краснорѣчія, которая, какъ я только что сказалъ, выработалась во Франціи со времени великаго переворота, завоевала и политическую трибуну, и скамью адвоката, и кресло профессора, и каѳедру церковнаго проповѣдника, вытѣснивъ почти отовсюду старинные пріемы книжнаго схоластическаго краснорѣчія и чтенія по тетрадкѣ и, наконецъ, стала выдающейся чертой всего здѣшняго строя.

Вещь странная съ перваго взгляда, но понятная для того, кто знакомъ съ исторіей Франціи: несмотря на врожденную, такъ сказать, способность француза къ слову, искусство живого краснорѣчія, а въ особенности блестящей импровизаціи, выработалось лишь въ этомъ столѣтіи, и выработалось постепенно, мало-по-малу и подъ давленіемъ обстоятельствъ. Снова и снова подтверждается одна изъ формулъ эволюціонизма: если органъ создаетъ функцію, то функція въ свою очередь преобразуетъ первоначальный органъ до неузнаваемости. Въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже много позже, вплоть до 1789 г., Франція, подобно большинству европейскихъ странъ, страдала той схоластической болѣзнью, которую Спенсеръ назвалъ однажды очень удачно «книжнымъ суевѣріемъ» и отъ которой далеко не избавились и всѣ мы, и самъ плодовитый авторъ. То былъ періодъ идолопоклонства передъ всякой печатной и писанной вещью, всякимъ, говоря вообще, графическимъ изображеніемъ, замѣняющимъ живую и непринужденную рѣчь. То была пора трудолюбивыхъ монаховъ, корпѣвшихъ надъ лѣтописями и списками легендъ, пора схоластическихъ докторовъ богословія, ко-

*) См. H. Taine, *Notes sur l'Angleterre*; Парижъ 1874, (4-е изд.), стр. 539—541.

Digitized by Google

торые на ученыхъ диспутахъ развертывали въ видѣ аргументаціи длиннѣйшіе пергаменты и уличали своихъ враговъ въ пропущенномъ словѣ или запятой; пора тяжеловѣсныхъ и претенціозныхъ адвокатовъ и совѣтниковъ парламента, читавшихъ цѣлыми часами свои безконечныя, уснащенныя всевозможными цитатами рѣчи, въ которыхъ было все, кромѣ изложенія самого дѣла; пора безконтрольныхъ министровъ и исполнительныхъ бюрократовъ, которые въ тиши канцелярій плодили цѣлыя кипы административныхъ бумагъ для вящшаго благополучія управляемыхъ народовъ. Всѣ оффиціальныя отношенія между людьми, мало того—всѣ формы интеллектуальнаго общенія, выходившаго за предѣлы будничной жизни,—все это должно было идти путемъ бумажной рутины: блескъ глазъ, игра физіономіи, жестъ, голосъ страсти живого человѣка, говорящаго съ живымъ человѣкомъ, отступали на задній планъ передъ печатными и писанными строками.

Само изученіе классической древности, оживившееся въ эпоху возрожденія, принесло въ этомъ отношеніи мало пользы. Дѣло въ томъ, что у грековъ и римлянъ, которыхъ брали за образцы французы (и прочіе европейцы), краснорѣчіе было не столько искусствомъ живой непринужденной рѣчи и импровизаціи, сколько умѣньемъ писать исподволь и затѣмъ читать передъ знатоками-слушателями безукоризненныя въ стилистическомъ отношеніи произведенія. Въ большинствѣ случаевъ ораторъ былъ чтецомъ—и то не всегда—написанной имъ рѣчи. Такъ въ Аѳинахъ адвокатъ даже не имѣлъ права лично представлять кліента, и этотъ послѣдній долженъ былъ заучивать для произнесенія передъ судьями написанную адвокатомъ рѣчь, какъ это было съ самыми блестящими образцами судебнаго краснорѣчія Лизія и Демосѳена. Съ другой стороны, въ Римѣ Цицеронъ необыкновенно усердно приготовлялъ свои рѣчи, составляя ихъ письменно, перечитывая безчисленное число разъ и исправляя ихъ палочкой—стилемъ (откуда взялось современное слово «стиль»). Онъ укорялъ въ небрежности и не считалъ за настоящихъ ораторовъ тѣхъ изъ своихъ собратовъ по ремеслу, которые умѣли произносить рѣчи безъ предварительнаго записыванія; и такихъ было очень мало. Большинство не стѣснялось даже прямо приносить свои тетрадки и читало по нимъ. Квинтиліанъ разсказываетъ намъ смѣшной анекдотъ про одного изъ такихъ «ораторовъ», который заранѣе приготовлялъ рѣчь со всѣми эффектными мѣстами и считалъ своимъ долгомъ прочитать ихъ отъ начала до конца, какъ бы мало они ни соотвѣтствовали случайному обороту, принятому дѣломъ. Однажды онъ говорилъ—по тетрадкѣ—противъ знаменитаго Кассія, и въ то время, какъ тотъ спокойно сидѣлъ, устремивъ взглядъ въ сторону, нашъ ораторъ вдругъ дошелъ до патетическаго мѣста и воскликнулъ самымъ трагическимъ голосомъ: «Почему, о Кассій, почему ты съ такимъ свирѣпымъ видомъ взираешь на меня?».. Кассій, всртепенувшись и не колеб-

Digitized by Google

лись ни мгновенья, сейчасъ-же прервалъ патетическаго адвоката: «я? клянусь Геркулесомъ, я даже и не смотрѣлъ на тебя. Но такъ какъ это стоитъ въ твоей тетрадкѣ, то—получи», и онъ сдѣлалъ видъ, что бросаетъ на адвоката самый свирѣпый взоръ, при общемъ смѣхѣ всѣхъ присутствующихъ...

Легко себѣ представить, какія рѣчи фабриковались въ до-революціонной Франціи адвокатами, которые вдохновлялись по рутинѣ такими образцами и которые считали даже верхомъ неприличія и неуваженія къ судьямъ явиться для защиты безъ толстѣйшей рукописи будущей рѣчи. Не угодно-ли насладиться вступленіемъ знаменитаго адвоката XVII-го вѣка, Готье-Лагѣля, который началъ, въ 1646 г., свою защиту графа Шабо слѣдующимъ образомъ:

Милостивые государи! Между шестью различными порядками, каковые ученики Платона установили для злыхъ духовъ, они нашли, что демоны послѣдняго распорядка именуются „духами, избѣгающими свѣта", и что имъ присущи большая злокозненность и большее коварство, нежели инымъ прочимъ: Omniformibus imaginibus abundant, сказалъ Порфиръ въ своей книгѣ De sacrificiis, modigiorumque machinis maxime fallunt... Свѣтъ, каковаго избѣгаетъ демонъ лжи и обмана, есть тотъ самый свѣтъ, каковой освѣщаетъ и насъ—δίκης οφθαλμός—и есть ярче лучей солнечныхъ, кои претерпѣваютъ нѣкое преломленіе препятствій ради, имъ землею противополагаемыхъ *).

Можно было бы подумать, что эта комическая чепуха составляетъ лишь рѣдкое исключеніе, крайній случай, вызванный историками краснорѣчія во Франціи. Но вотъ что я нашелъ въ извѣстномъ сочиненіи Сэнтъ-Бева о Поръ-Ройялѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ знаменитый критикъ, рисуя фамильные портреты предковъ янсениста Арно, описываетъ намъ подвиги адвоката Арно, слава котораго гремѣла въ началѣ XVII-го вѣка во всей Франціи и даже за предѣлами ея. Слушайте, читатель, и постарайтесь остаться серьезнымъ. Дѣло было въ 1600 г. Герцогъ Савойскій посѣтилъ въ это время Францію, и добрый король Генрихъ IV, желая ослѣпить своего гостя всевозможными чудесами своего государства, рѣшилъ дать въ честь пріѣзжаго въ нѣкоторомъ родѣ турниръ элоквенціи. По желанію короля, первый президентъ парламента, нѣкто Ахиллъ де-Гарлэ, предписалъ двумъ знаменитымъ въ то время адвокатамъ, Роберу и уже упомянутому Арно, приготовиться хорошенько къ ратоборству и выбрать для вѣнценосныхъ посѣтителей какое-нибудь интересное дѣло. На ловца и звѣрь бѣжитъ: за нѣсколько времени передъ тѣмъ убитъ былъ нѣкій Жанъ Простъ, мать котораго обвинила въ этомъ преступленіи одного булочника, по фамиліи Белланже. Подозрѣваемаго въ убійствѣ арестовали и, какъ водилось

*) Цитирую по выдержкѣ изъ Мюнье-Жюлэна, приведенной въ довольно интересной книжкѣ Мориса Ажана о „Публичномъ краснорѣчіи» (Maurice Ajam, *La parole en public*; Парижъ, 1895, 2-е изд., стр. 75 и прим.).

Digitized by Google

въ доброе старое время, подверглись «малому и большому допросу», дробя кости и выламывая суставы; но вскорѣ были пойманы два вора, которые признались, что Проста убили они. Булочникъ былъ выпущенъ безъ нѣсколькихъ пальцевъ и съ помятыми ребрами и подалъ жалобу на мать убитаго, обвиняя ее въ ложномъ доносѣ. За истца говорилъ Роберъ, тогда какъ отвѣтчицу защищалъ тогдашній орелъ краснорѣчія, самъ Арно. И вотъ какъ дебютировалъ адвокатъ несчастнаго Белланже:

Милостивые государи! Древніе поэты, нарочито распространившись о нѣкоторыхъ битвахъ, приключившихся во время достопамятной осады Трои, сказываютъ, что Телефъ, сынъ Геркулеса, будучи въ одной враждебной встрѣчѣ тяжело раненъ ударомъ копія Ахиллова... отправился за совѣтомъ къ оракулу Аполлона, и т. д.

И подобная испещренная миѳологическими намеками рѣчь тянулась безъ конца, и все это ради того, чтобы адвокатъ имѣлъ возможность ввернуть, что лишь копье Ахилла могло исцѣлять раны, нанесенныя имъ же, и что *поэтому* (sic!) лишь рѣшеніе парламента, обсуждающаго дѣло подъ предсѣдательствомъ новаго Ахилла(г. Ахилла де-Гарлэ) можетъ исцѣлить раны, нанесенныя булочнику прежнимъ приговоромъ. Не правда-ли, бурное, захватывающее духъ краснорѣчіе? Но вотъ вамъ и настоящій адвокатскій аквилонъ, срывающійся съ устъ славнаго Арно и потрясшій до основанія,—по выраженію очевидца, историка Пьера Матье, — твердыя души судей. Арно беретъ быка прямо за рога и, не смотря на признаніе убійцъ, продолжаетъ обвинять Белланже если не въ убійствѣ Проста, то въ черныхъ замыслахъ противъ послѣдняго, ибо, по словамъ Арно, булочникъ еще раньше обокралъ свою жертву,—и затѣмъ слѣдуетъ смѣлый прыжокъ въ океанъ исторіи:

Кай Антоній былъ обвиненъ въ соучастіи въ заговорѣ Катилины; онъ былъ оправданъ отъ сего обвиненія. Но къ процессу его примѣшаны были грабительскія дѣянія, каковыя онъ учинилъ въ бытность свою въ Македоніи; и сіе было причиною осужденія его. И однако одно обвиненіе не имѣло ничего съ другимъ обвиненіемъ общаго. Такъ и въ семъ дѣлѣ убійство и хищеніе тѣсное между собою касательство имѣютъ.

И далѣе, стараясь ослабить впечатлѣніе, произведенное на судей ранами, которыя были сдѣланы невинному булочнику при допросѣ, Арно доказывалъ различными авторитетами, что пострадавшему не можетъ быть больно и не должно быть больно:

Философъ Кранторъ,—восклицаетъ онъ, утверждалъ, что тотъ весьма облегченъ бываетъ при печальномъ поворотѣ фортуны, кто страдаетъ отъ зла, не будучи самъ причиною онаго!

И генеральный прокуроръ и судьи согласились съ такимъ острымъ умнымъ и тонкимъ анализомъ души булочника и рѣшили дѣло въ пользу доносчицы, защищаемой Арно: такъ неотразимо казалось краснорѣчіе послѣдняго! *).

*) См. объ Антуанѣ Арно въ Sainte-Beuve, «Port-Royal»; Парижъ, 5-е изд., 1888, т. I, стр. 64—72.

Digitized by Google

Революціонный переворотъ, унесшій парики, фижмы и красные каблуки привилегированныхъ сословій, разрушилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большинство политическихъ и соціальныхъ учрежденій стараго режима. Устойчивѣе оказались рутинные пріемы мысли, и въ числѣ ихъ письменное краснорѣчіе и чтеніе по рукописи. Это можетъ показаться очень страннымъ, но съ историческимъ фактомъ ничего не подѣлаешь. Дѣло въ томъ, что, изучая эту бурную эпоху, мы находимся подъ впечатлѣніемъ романтической иллюзіи. Страстная борьба партій въ собраніи и на улицѣ, взаимныя филиппики и обвиненія, сцены временнаго примиренія и объятій между политическими врагами и почти вслѣдъ затѣмъ яростныя восклицанія, прерывающія рѣчь недавнихъ друзей; фригійскій колпакъ на головахъ «патріотовъ» и головы «измѣнниковъ» на пикѣ; празднованіе братской федераціи и сухой стукъ гильотины. Словомъ, если, согласно знаменитой фразѣ, «Руссо ввелъ зеленый цвѣтъ во французскую литературу», то эта идиллія полей и безгрѣшнаго состоянія первобытнаго человѣка была теперь покрыта широкими красными полосами самой благородной и героической крови. Вотъ намъ и кажется, что когда, какъ не въ эту страшную эпоху, должно было процвѣтать живое политическое краснорѣчіе. На самомъ же дѣлѣ именно въ политическомъ краснорѣчіи великой революціи академическія, изученныя, вышлифованныя при свѣтѣ лампы формы преобладали почти цѣликомъ. Историческая критика показала, что громадное большинство рѣчей, производившихъ тогда сильнѣйшее впечатлѣніе и производящихъ извѣстное впечатлѣніе и на насъ, обязаны этимъ лишь той жизни и страсти, которая охватывала все существо тогдашнихъ дѣятелей; но формы, внѣшность, способъ приготовленія этихъ рѣчей были рутинны и схоластичны. Присмотритесь хорошенько къ отчетамъ засѣданій учредительнаго или законодательнаго собранія или даже самого Конвента. Васъ поразитъ, въ противоположность теперешней парламентарной практикѣ, то обстоятельство, что на рѣчь, произнесенную тѣмъ или другимъ ораторомъ, противники почти никогда не возражаютъ сейчасъ же, а зачастую откладываютъ отвѣтъ на нѣсколько дней: пока дѣло ограничивается лишь нѣсколькими возгласами, угрожающимъ жестомъ и свирѣпымъ взглядомъ, брошеннымъ въ сторону врага. И не мудрено: большинство дѣятелей революціи воспитывалось въ эпоху, когда умѣнье приготовлять рѣчи въ головѣ, а не на бумагѣ, и до извѣстной степени импровизировать было удѣломъ лишь немногихъ адвокатовъ, разбившихъ традиціонную форму писаннаго краснорѣчія. Возьмите какого-нибудь типичнаго дѣятеля революціи. Какъ борется онъ словомъ противъ враждебной партіи? Вотъ онъ у себя въ кабинетѣ, передъ бюстомъ Свободы или Республики, мраморъ которой прикрытъ краснымъ фригійскимъ колпакомъ. Въ его библіотекѣ, на его столѣ «Общественный договоръ», «О неравенствѣ», «Эмиль» и прочія сочиненія Руссо, Тацитъ (по большей части во французскомъ переводѣ), Титъ-Ливій, Плу-

Digitized by Google

тархъ. Цѣлый волканъ политической страсти, убѣжденія въ правотѣ своего дѣла, ненависти къ противникамъ клокочетъ въ душѣ этого человѣка. Но эту горячую лаву глаголовъ, жгущихъ сердца людей, онъ долженъ уложить въ извѣстныя традиціонныя рамки: и онъ пишетъ дрожащей отъ волненія рукой на листѣ бумаги, пишетъ, зачеркиваетъ и снова пишетъ, стараясь придать своимъ мыслямъ француза — республиканца конца XVIII вѣка то лаконическую, сжатую, совсѣмъ почти безъ глаголовъ, форму негодующаго разсказа Тацита, то—еще чаще—форму декламаціонныхъ, но страстныхъ періодовъ Руссо, то оттѣнокъ наивно-резонирующаго и сентенціозно-восторгающагося изложенія «Жизнеописаній». Брутъ, Демосѳенъ, тиранъ Тиберій, историческіе намеки и миѳологическія сближенія, цитаты изъ классиковъ, по большей части изъ вторыхъ рукъ, и тропы и фигуры, и всякіе цвѣты реторики украшаютъ тщательно приготовляемую ткань будущей рѣчи. И у нѣкоторыхъ ораторовъ, любившихъ обстоятельность, эта работа положительно напоминаетъ безустанный трудъ Пенелопы. Такъ Робеспьеръ, по словамъ самого, не любящаго его, впрочемъ, Мишлэ, долго готовился къ своимъ рѣчамъ, шлифовалъ, распространялъ ихъ, вводилъ новые эпизоды, которые бурная исторія, забѣгая впередъ его реторики, бросала на обсужденіе партій, пока наконецъ онъ не являлся на трибуну съ длиннѣйшимъ манускриптомъ и не прочитывалъ этого политическаго «сочиненія». Не знаменательно-ли, что даже такой человѣка дѣла и безпримѣрной энергіи, какъ Сенъ-Жюстъ, исключительно прибѣгалъ къ перу въ области парламентарнаго краснорѣчія? Сама его страшная рѣчь о «революціонномъ правительствѣ» (10 октября 1793 г.), въ которой онъ приглашаетъ «управлять при помощи желѣза тѣми, кто не хочетъ справедливости», въ которой онъ нападаетъ—о, иронія исторіи!—на «бумажное царство», на «демона писательства» бюрократіи, — сама эта рѣчь была прочитана по рукописи.

Рукописное краснорѣчіе играло такую роль въ парламентарной практикѣ, что ораторъ, сходя съ трибуны, обыкновенно тутъ же давалъ свой манускриптъ секретарямъ собранія для отчета. Людей, которые умѣли импровизировать, врядъ-ли набралось бы съ полдюжины во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ конца прошлаго вѣка. Мирабо, этотъ «левъ революціи», не смотря на свой крупнѣйшій ораторскій талантъ, не довѣрялся вдохновенію и по большей часто писалъ предварительно свои рѣчи. Жирондистъ Верньо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр., въ знаменитомъ импровизированномъ отвѣтѣ Робеспьеру, давалъ волю своему рѣдкому дару слова. Можно сказать, что лишь одинъ Дантонъ былъ настоящимъ ораторомъ въ современномъ значеніи слова: онъ презиралъ вылощенную риторику медленно подготовляемыхъ рѣчей, «схватывалъ пулю на лету», какъ говорятъ французы, и тутъ же, кипя и волнуясь, бросался на трибуну, нападалъ на враговъ, ободрялъ друзей и въ неправильной,

Digitized by Google

зачастую вульгарной, но всегда пламенной рѣчи высказывалъ свои мысли по поводу быстро развертывавшихся событій и политическихъ комбинацій. Но за то съ какимъ пренебреженіемъ собраты Дантона относились къ его безпретенціозному, живому слову: стоитъ только припомнить, въ какой, доходящей до комизма, степени бравый Редереръ былъ скандализированъ отсутствіемъ «логики и діалектики» въ рѣчахъ этого настоящаго трибуна.

Начавшіе было вырабатываться ораторы первой республики отчасти не имѣли времени развивать свои таланты, — большинство видныхъ дѣятелей погибло въ молодомъ возрастѣ,—а отчасти принуждены были отказаться отъ парламентарнаго краснорѣчія. Консулатъ и имперія были далеко неблагопріятны для развитія ораторскаго искусства: Франція управлялась въ эту пору почти исключительно шпагой завоевателя и безустанно-скрипящимъ перомъ администратора бюрократа. Краснорѣчіе продолжало развиваться лишь между адвокатами и въ профессорскомъ мірѣ. Новый толчокъ политическое ораторство получило только при Реставраціи, а особенно въ концѣ ея. Малѣйшая попытка прибѣгнуть къ живому слову, отказываясь отъ традиціонной рукописи, была встрѣчаема съ крайнимъ интересомъ, и немногіе храбрецы-ораторы этой категоріи получали рѣшительное преимущество надъ ораторами обычнаго типа въ ежедневной парламентской борьбѣ. Когда де-Серръ, либеральный министръ юстиціи въ кабинетѣ 1818 г., произнесъ безъ приготовленія большую рѣчь, вся палата была поражена такимъ подвигомъ, и импровизаторъ получилъ названіе «новаго Мирабо». Знаменитый Манюэль, не смотря на свою адвокатскую опытность, приготовлялъ письменно большія парламентскія рѣчи. Въ то время считался чудомъ Бенжаменъ Констанъ, который обладалъ даромъ письменной импровизаціи: онъ во время рѣчи враждебнаго депутата писалъ возраженіе на нее и читалъ ее сейчасъ-же вслѣдъ за предшествующимъ ораторомъ *). Такъ умѣренны были въ то время требованія, предъявлявшіяся къ краснорѣчію!..

Мѣщанская монархія сослужила замѣчательную службу политическому краснорѣчію, и парламентарные турниры представителей «легальной страны» скоро выработали вкусъ и умѣнье живой рѣчи. Старики еще держались за прежніе пріемы; молодежь, которая пробуждалась къ сознательной жизни при режимѣ болѣе или менѣе свободнаго обсужденія, все чаще и чаще прибѣгала къ простому обдумыванію рѣчей и импровизаціи; а между этими двумя поколѣніями, люди болѣе или менѣе зрѣлаго возраста, одни изъ которыхъ остались при старой рутинѣ, другіе выучились живой рѣчи въ самомъ

*) См. предисловіе къ односторонней, но довольно интересной хрестоматіи французскаго краснорѣчія, изданной оппортунистскимъ депутатомъ, Жозефомъ Рэнакомъ (Joseph Reynach, *L'éloquence française depuis la Révolution jusqu'à nos joyrs;* Парижъ, 1894, стр. XIX).

Digitized by Google

пылу политической борьбы и подъ давленіемъ необходимости. Мартиньякъ, Казиміръ Перье, Гизо, Тьеръ, Беррье, а рядомъ съ послѣдними и нѣсколько позже Жюль Фавръ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Монталамберъ, приводятъ насъ черезъ реставрацію и іюльскую монархію ко второй республикѣ, а затѣмъ и къ декабрьскому перевороту. Этимъ заканчивается героическій періодъ французскаго парламентаризма, въ концѣ котораго ораторское искусство достигло небывалой дотолѣ высоты и о которомъ среди извѣстной доли буржуазной интеллигенціи принято до сихъ поръ говорить съ умиленіемъ. Трибуна палаты депутатовъ была разрушена на глазахъ самого Наполеона III, который явился спеціально для этой церемоніи, олицетворявшей новое торжество шпаги авантюриста и пера бюрократа.

Живое слово,—на этотъ разъ со скамеекъ Законодательнаго корпуса,—раздалось не раньше выборовъ 1857 г., пославшихъ въ эту жалкую пародію парламента пять членовъ оппозиціи (въ томъ числѣ Жюля Фавра, Эмиля Олливье, Э. Пикара); оно зазвучало сильнѣе послѣ выборовъ 1863 г., когда оппозиціонная армія была подкрѣплена выступленіемъ на политическую арену старыхъ виртуозовъ слова въ родѣ Тьера и Беррье. Новыя и болѣе рѣзкія ноты были внесены въ 1869 г. представителями тогдашняго радикализма, Жюлемъ Ферри и особенно Гамбеттой, имя котораго прогремѣло по всей Франціи послѣ его знаменитой рѣчи въ защиту Делеклюза (14 ноября 1868 г.). Со времени установленія во Франціи республики, политическое краснорѣчіе приняло форму широкаго и въ то же время смѣшаннаго потока, въ которомъ можно отличить нѣсколько отдѣльныхъ теченій, но съ преобладаніемъ современной, сплошь и рядомъ вульгарной, но за то нерѣдко живой, непринужденной и граціозной въ самой простотѣ своей манеры говорить о злобахъ дня. Старый патетическій ходульный пріемъ ораторскаго искусства сталъ быстро отходить на задній планъ. Интересно, что когда Луи-Бланъ, возвратившись послѣ паденія Имперіи во Францію, выступилъ снова на трибунѣ съ академическими и эффектными фразами во вкусѣ 1848 г., его несомнѣнный талантъ изложенія могъ оградить его лишь отъ прямого неуспѣха, но не спасъ его отъ полу-холоднаго, полу-ироническаго отношенія аудиторіи. Что касается до громыхающаго гиперболами и антитезами краснорѣчія Виктора Гюго, то оно не вызывало смѣха новыхъ поколѣній лишь потому, что французы крайне высоко ставили своего радикальнаго сенатора какъ поэта: въ сущности, читая нѣкоторыя изъ претенціозныхъ рѣчей Гюго за это время, вы невольно вспоминаете отъ времени до времени ядовитую кличку «Жокриссa съ острова Патмоса» (я бы сказалъ по русски: Иванушку-дурачка съ замашками вдохновеннаго пророка), которую талантливый изувѣръ Вейльйо бросилъ еще въ шестидесятыхъ годахъ по адресу этого, дѣйствительно, великолѣпнаго поэта, но плохого мыслителя.

Digitized by Google

Изъ ораторовъ, принадлежавшихъ къ старымъ поколѣніямъ, съ честью выдержали испытаніе люди въ родѣ Жюля Симона и Тьера, которые обладали природной способностью говорить легко и непринужденно, причемъ первый любилъ соединять эту легкость съ тщательной отдѣлкой фразы и нѣкоторой академической елейностью, тогда какъ второй бралъ ясностью, зачастую переходившею въ вульгарность. Изъ молодыхъ же ораторовъ наиболѣе типичнымъ для перваго десятилѣтія третьей республики явился Гамбетта, у котораго банальность мысли, неправильность слога и странная помѣсь школьныхъ классическихъ воспоминаній съ тривіальнымъ говоромъ лавки и улицы, не исключаютъ замѣчательнаго ораторскаго таланта и способности увлекать толпу. Я приведу здѣсь лишь одно мѣсто изъ его знаменитой рѣчи въ защиту Делеклюза:

„Да! 2-го декабря, вокругъ претендента сгруппировались люди, которыхъ Франція не знала до того времени, у которыхъ не было ни таланта, ни чести, ни ранга, ни положенія, люди, которые, во всѣ времена, являются соучастниками насильственныхъ переворотовъ, тѣ люди, о которыхъ можно повторить то, что Саллюстій сказалъ относительно толпы, окружавшей Катилину, и что самъ Цезарь сказалъ, рисуя портреты этихъ соучастниковъ, вѣчныхъ подонковъ правильнаго общества:

Aere alieno obruti et vitiis onusti,
Un tas d'hommes perdus de dettes et de crimes,

какъ перевелъ Корнейль. Съ этимъ-то персоналомъ вотъ сколько уже вѣковъ рубятъ учрежденія и законы, и совѣсть человѣческая не въ силахъ противостоять этому, не смотря на цѣлую возвышенную процессію Сократовъ, Траэеевъ, Цицероновъ, Катоновъ, мыслителей и мучениковъ, которые протестуютъ во имя попранной религіи, во имя оскорбленной нравственности и права, раздавленнаго подъ сапогомъ солдата“ *).

И рядомъ съ этимъ ораторскимъ воззваніемъ, которое надо читать въ подлинникѣ, чтобъ оцѣнить вполнѣ его отчасти непереводимую красоту и силу, поставьте многое множество неправильныхъ и до смѣшного претенціозныхъ фразъ, изобилующихъ образами и метафорами, достойными подписи лубочной картины. Кто, напр., изъ политическихъ враговъ Гамбетты не пользовался такими странными образчиками краснорѣчія, какіе можно найти въ его гаврской рѣчи:

„Жители Гавра, я знаю ваши потребности, я знаю также и ваши средства сбыта... Отважные скакуны, бросьтесь на это море, которое приглашаетъ васъ къ себѣ впереди (qui vous sollicite par devant)... Ваши аплодисменты не только увѣнчиваютъ мое прошлое, они освѣщаютъ мое будущее“.

И эта поразительная небрежность языка, эти совершенно невдущіе эпитеты и неудачныя метафоры, эти «скакуны», которые должны изображать моряковъ, и эти «аплодисменты», которые и

*) Цитировано по уже упомянутой христоматіи Жозефа Рэнака, стр. 387.

Digitized by Google

«увѣнчиваютъ» и «освѣщаютъ»,—все это ужасно вредитъ впечатлѣнію, которое выносишь изъ рѣчей Гамбетты, особенно когда приходится изучать это горячее и волнующееся слово въ застывшей, печатной формѣ.

Нѣсколько позже Гамбетты выступилъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ораторовъ третьей республики, котораго позже зашибла рикошетомъ панамская катастрофа и которому политическіе враги и капризъ избирателей вотъ уже почти четыре года какъ закрыли дверь парламента. Я говорю о Клемансо, этомъ страшномъ «сокрушителѣ министерствъ» (tombeur des ministères). Его краснорѣчіе совсѣмъ иного рода, чѣмъ краснорѣчіе Гамбетты. Ни лишнихъ образовъ, ни метафоръ, ни классическихъ воспоминаній, ни широкаго размаха и паѳоса. Нервная, отчасти сухая, но всегда правильная, полная энергіи и логики, рѣчь Клемансо состоитъ изъ ряда короткихъ, но тѣсно связанныхъ между собою фразъ и напоминаетъ вамъ металлическій блескъ и звукъ рапиры въ рукахъ искуснаго фехтовальщика. Этотъ ораторъ представляетъ ближе всего типъ хорошаго англійскаго debater'a, но къ дѣловому и чисто фактическому краснорѣчію заламаншскаго сосѣда у Клемансо присоединяется умѣнье сводить частный вопросъ къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ и обсуждать его во вкусѣ ясной и раціонализирующей манеры XVIII вѣка. Какъ полемистъ, и полемистъ атакующаго типа, Клемансо представляетъ собой громадную силу: мало есть людей, которые умѣютъ такъ быстро и ловко открывать слабую сторону противника и, ставя вопросъ ребромъ, отрѣзать политическому врагу отступленіе, въ то время какъ удары оратора, быстрые, мѣткіе, частые какъ дождь, сыплются въ аттакуемаго. Нѣкоторыя изъ его боевыхъ лаконичныхъ фразъ обошли періодическую печать міра и одно время были на устахъ всѣхъ. Упомяну о его взглядѣ на великую революцію, какъ на «цѣльный кусокъ» (bloc), который приходится брать въ совокупности, не копаясь педантически въ деталяхъ, чтобы выбрать однѣ и отбросить другія,—мысль, которая не нова, но была сжата Клемансо въ яркой и энергичной формѣ. Упомяну изъ той-же рѣчи (по поводу «Термидора» Сарду) картинное изображеніе роли возстанія въ Вандеѣ, когда «революціонная Франція была на границѣ лицомъ къ лицу съ врагомъ, а реакція вонзила ей кинжалъ въ спину», — фраза, вызвавшая яростныя восклицанія на скамьяхъ правой. А его энергичная рѣчь противъ Ферри послѣ пораженія французовъ при Лангсонѣ, рѣчь, рѣшительно поколебавшая большинство оппортунистскихъ «мамелюковъ» и начинавшаяся презрительными и вмѣстѣ угрожающими словами, обращенными къ первому министру: «мы не знаемъ отнынѣ васъ, мы не можемъ вступать въ какія-бы то ни было разсужденія съ вами, и еслибы во Франціи была настоящая справедливость, рука правосудія уже давно упала бы всѣмъ своимъ вѣсомъ на плечо виновника».

Въ послѣдніе четыре-пять лѣтъ парламентарное краснорѣчіе было

Digitized by Google

оживлено и обновлено притокомъ новыхъ «злобъ дня», которыя, какъ всегда бываетъ съ насущными вопросами, нашли себѣ блестящихъ защитниковъ и противниковъ. Наиболѣе крупные изъ представителей этого движенія играютъ выдающуюся роль какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, въ непосредственномъ столкновеніи съ массами. Гэдъ, Миллеранъ, Жоресъ—таковы типичные выразители этого краснорѣчія послѣдней формаціи. Первый—фанатикъ-доктринеръ марксизма, высокій, сухой, съ выразительнымъ и блѣднымъ оваломъ лица и правильными чертами, съ длинными черными волосами и черной, какъ смоль, длинной бородой. Длинныя же руки, словно нарочно созданныя для однообразныхъ жестовъ этого оратора, который нервно опускаетъ и поднимаетъ ихъ на манеръ продольнаго пильщика, то сгибая, то выпрямляя свой станъ, визгливый, надтреснутый голосъ, который выходитъ, кажется, изъ самой глубины этого жидкаго сухаго тѣла; и, не смотря на эти монотонные жесты и этотъ рѣжущій голосовой органъ, крупный талантъ оратора. Гэдъ прочиталъ основательно Маркса, еще двѣ или три книги по соціологіи и политической экономіи и, оперируя надъ этимъ сравнительно ограниченнымъ матеріаломъ, успѣлъ, путемъ логики и особаго рода діалектической страсти, построить цѣлое, если не широкое, то ясное міровоззрѣніе. Громадная память и внимательное чтеніе періодической, особенно газетной прессы позволяютъ ему подсыпать свѣжаго матеріала конкретныхъ фактовъ и текущихъ вопросовъ въ его діалектическую машину, которая неутомимо работая подъ скрипящій аккомпаниментъ голоса, выбрасываетъ передъ слушателями одно абстрактное заключеніе за другимъ. Отъ времени до времени рѣзкая фраза, порою удачная аналогія, брошенная по адресу противниковъ, оживляетъ это выматываніе логической нити; отъ времени до времени настоящій голосъ страсти, голосъ непоколебимаго убѣжденія, распространяетъ вокругъ оратора волны психическаго воздѣйствія на слушателей.

Жоресъ принадлежитъ къ совсѣмъ другой категоріи ораторовъ. Прекрасно образованный, испившій изъ золотой чаши классической древности, проштудировавшій массу мыслителей и прочитавшій главныхъ поэтовъ стараго и новаго времени, онъ сохраняетъ до сихъ поръ отпечатокъ воспитанника нормальной школы и бывшаго профессора философіи. Но съ каждымъ годомъ новое міровоззрѣніе все сильнѣе и сильнѣе овладѣваетъ внутреннимъ міромъ этого умнаго и высокоталантливаго выходца изъ буржуазіи. Не забудьте, что по рожденію, воспитанію, положенію онъ типичный представитель буржуазіи: онъ принадлежитъ къ хорошей буржуазной семьѣ южанъ и приходится племянникомъ покойному адмиралу Жоресу; у него есть состояніе; не успѣлъ онъ сойти съ университетской скамьи, какъ былъ посланъ избирателями въ палату 1885 г. и тамъ сидѣлъ на скамьяхъ лѣваго центра, какъ и подобало очень молодому человѣку (ему въ то время было не болѣе

Digitized by Google

26 лѣтъ), еще не испытавшему никакой нравственной ломки и въ простотѣ душевной отражавшему воззрѣнія своей среды. Забаллотированный на выборахъ 1889 г., онъ въ теченіе трехъ лѣтъ занималъ каѳедру философіи въ Тулузскомъ университетѣ и тѣмъ временемъ читалъ, думалъ и старался согласить результаты своихъ размышленій и занятій съ традиціонными взглядами окружавшей его обстановки. Онъ такъ и не могъ примирить рутины съ критической мыслью и, послѣ душевной борьбы и нравственнаго перелома, выступилъ въ 1892 г. уже сторонникомъ новаго міровоззрѣнія, о чемъ отчасти свидѣтельствовала и написанная имъ на степень доктора словесности латинская теза. Съ тѣхъ поръ онъ является рѣшительнымъ защитникомъ новыхъ взглядовъ и идетъ въ этомъ направленіи все далѣе и далѣе влѣво. Теперь нельзя еще говорить объ его окончательномъ міровоззрѣніи: главныя основанія его заложены, но второстепенныя детали находятся въ процессѣ выработки. Если хотите, это своего рода эклектизмъ, но эклектизмъ, не столько складывающій свою храмину изъ различныхъ кусковъ, сколько разсматривающій одинъ центральный кусокъ съ различныхъ, разнообразно раскрашенныхъ сторонъ. Напомню очень характерное обстоятельство, что Жоресъ, установивши въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій идеалистическую тезу въ исторіи и выслушавъ затѣмъ матеріалистическую антитезу изъ устъ Лафарга, попробовалъ сдѣлать синтезъ двухъ противоположныхъ ученій, разсматривая ихъ лишь какъ взаимно-дополняющія точки зрѣнія на тотъ же самый предметъ,—какъ вогнутость и выпуклость одной и той же кривой, сказалъ бы я. И вотъ это-то веселое, гармоничное, разностороннее міровоззрѣніе Жоресъ-ораторъ и развертываетъ передъ аудиторіей, щедро украшая путь логическаго развитія мысли поэтическими образами и отъ времени до времени ставя передъ слушателями цѣлую обширную панораму. Нѣсколько разъ, находясь подъ впечатлѣніемъ краснорѣчія Жореса, я мысленно сравнивалъ его съ проводникомъ-артистомъ въ какомъ-нибудь изящномъ паркѣ, артистомъ, который ведетъ своихъ гостей по главной аллеѣ, обращая ихъ вниманіе на живописныя группы деревьевъ, на бѣлый міръ статуй, выглядывающихъ изъ-за яркой зелени; и приводя ихъ въ концѣ концовъ къ обширной панорамѣ залитыхъ солнцемъ луговъ, синѣющихъ на горизонтѣ лѣсовъ и гордыхъ зданій, гдѣ такъ привольно будетъ житься свободному и счастливому человѣчеству. И идя за своимъ чичероне, вы забываете его невзрачную широкую физіономію, точно вросшую въ плечи («риторъ съ бычьей шеей», какъ назвалъ его въ буржуазно-академическомъ гнѣвѣ Жюль Леметръ), его сильный, но довольно не гармоничный голосъ, его неуклюжіе жесты и его нѣсколько педантичную профессорскую манеру отчеканивать слова, точно читая ихъ по тетрадкѣ и только отъ времени до времени оживляясь, учащая темпъ и забрасывая читателя потокомъ льющихся словъ-образовъ.

Digitized by Google

Мильранъ представляетъ собой еще новый типъ оратора. Онъ напоминаетъ своей логичностью Клемансо, но въ то время какъ у этого прокидывается болѣе всего сторона политическаго полемиста, Мильранъ поражаетъ своей діалектикой адвоката и практическаго человѣка. Хладнокровный, не смущающійся восклицаніями враговъ, онъ сразу выискиваетъ слабые пункты непріятельской аргументаціи, сбрасываетъ съ нихъ фразистые софизмы и загоняетъ противниковъ въ тѣ самые капканы, которые они устраивали. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ мильрановскомъ краснорѣчіи чувствуется очень тонкая психологія, примѣняющаяся къ надобностямъ минуты и особенностямъ аудиторіи: никто лучше его въ настоящей палатѣ не съумѣетъ выбрать моментъ для запроса министерству, остановиться на самой удобной формѣ запроса, редактировать формулу очередного порядка въ болѣе мягкихъ или болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ.

Въ рядахъ враговъ новаго міровоззрѣнія выдающееся мѣсто заняли бывшій министръ народнаго просвѣщенія Пуанкаре и въ послѣднее время Поль Дешанель. Блестящій ораторъ, выкупающій элегантностью формы рутинность содержанія, Пуанкаре считается теперь оплотомъ «прогрессивнаго» министерства, которое видитъ въ немъ лучшаго защитника, приносящаго ему болѣе пользы, чѣмъ если-бы онъ былъ въ числѣ членовъ кабинета. Что касается до Дешанеля, то и друзья и враги его находятъ, что онъ сдѣлалъ очень большіе успѣхи въ послѣдніе мѣсяцы, и его прежнія заученныя и отшлифованныя по всѣмъ правиламъ риторики упражненія въ ораторствѣ отступаютъ все чаще и чаще передъ простой и непринужденной рѣчью. И словно отражая на себѣ это замѣтное измѣненіе формы, самая сущность его рѣчей нѣсколько отклонилась отъ прежняго чисто-манчестерскаго міровоззрѣнія, характеризующаго громадное большинство французской буржуазіи.

Я коснулся въ своей статьѣ для краткости почти исключительно парламентарнаго краснорѣчія и показалъ его ростъ. Но, само собою разумѣется, во Франціи распространены и другіе роды краснорѣчія: адвокатское, профессорское, академическое и пр. И, однако, не смотря на это, какъ не смотря на природный даръ слова, современные французы недовольны развитіемъ ораторскаго искусства, находя его недостаточнымъ. Пишутся книги для показанія раціональныхъ методовъ, какъ выучиться говорить въ публикѣ (см. уже цитированное мною сочиненіе Ажана). Издаются сборники наилучшихъ образчиковъ французскаго краснорѣчія (какова книга, также цитированная выше, Жозефа Рэнака). Въ педагогическомъ мірѣ раздаются многочисленныя жалобы на черезчуръ книжный и письменный характеръ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ спеціальныхъ журналахъ, выходящихъ для учителей, зачастую помѣщаются жалобы-корреспонденціи изъ Англіи, гдѣ люди, молъ, начинаютъ

Digitized by Google

учиться ораторскому искусству со школьной скамьи *). Къ историческимъ и литературнымъ свѣдѣніямъ о прежнихъ ораторахъ, къ практической рутинѣ говорящихъ профессій (адвокатской, парламентской) начинаютъ въ послѣднее время присоединять данныя научной физіологіи, касающіяся механизма слова,—и все это съ цѣлью установить наилучшій способъ обученія ораторскому искусству. Я полагаю, что результаты этого изученія будутъ интересны и для русскаго читателя: говорю, разумѣется, объ обыкновенномъ живомъ человѣкѣ, а не о какомъ-нибудь азіатскомъ поклонникѣ «молчанія на всѣхъ языкахъ», для котораго умѣнье связно и порядочно выражать свои мысли равносильно «краснобайству», членораздѣльная рѣчь представляется чѣмъ-то враждебнымъ энергичному дѣйствію и потребность защищать свои идеи не только письменно, но и устно, пріурочивается къ опасной игрѣ въ «измы». Люди черезчуръ часто забываютъ, что не всѣмъ изъ нихъ приходится писательствовать, но каждому при извѣстныхъ условіяхъ приходится прибѣгать къ языку. И можно надѣяться, что чѣмъ больше будетъ развиваться общество и сознаніе общественной связи между людьми, тѣмъ больше наши схоластическія формы общенія черпымъ по бѣлому будутъ отступать передъ живымъ устнымъ обмѣномъ мысли.

Въ упомянутой уже книжкѣ Ажана сведены (при помощи знакомыхъ автору спеціалистовъ—физіологовъ и медиковъ, работавшихъ подъ руководствомъ Шарко) главнѣйшіе результаты изученія того процесса, посредствомъ котораго наша мысль превращается въ рѣчь. Но я оставляю въ сторонѣ эту физіологическую сторону вопроса и беру лишь окончательные выводы изъ нея. Несомнѣнно, что всякій можетъ плясать, но не какъ скоморохъ, и всѣ мы болѣе или менѣе говоримъ, но далеко не какъ ораторы. Въ извѣстной степени каждый изъ насъ можетъ пріобрѣсть умѣніе толково выражать свои мысли передъ публикой; но въ противоположность извѣстному афоризму древнихъ, настоящіе ораторы такъ же родятся, какъ и поэты. Изученіе особенностей психическаго механизма оратора даетъ, однако, нѣкоторыя полезныя указанія и на то, какъ среднему человѣку выработать въ себѣ навыкъ къ рѣчи. Да будетъ мнѣ позволено коснуться этого вопроса въ самой простой, приблизительной формѣ, исключающей всякую претензію на научность.

Вокругъ насъ мятется цѣлый океанъ движеній, который мы воспринимаемъ въ видѣ звуковъ, формъ, цвѣтовъ, и пр. Прочно ассоціированные между собой ряды этихъ различныхъ ощущеній соединяются въ понятія, и мы, при помощи нашей членораздѣльной рѣчи, наклеиваемъ на нихъ символическіе ярлыки слова; въ то время какъ элементы этого слова даются намъ опять-таки внѣшней сре-

*) См., напр., A. Robert, *Comment on apprend à parler dans une école normale d'Angleterre* въ Manuel général de l'instruction publique t. XXXIII. № 12 отъ 20-го марта 1897 г., стр. 133—135.

Digitized by Google

дой, т. е. говорящими людьми, голосовымъ движеніямъ которыхъ мы подражаемъ. Оказывается, что между людьми существуетъ очень значительная разница въ преобладающемъ характерѣ той ассоціированной группы ощущеній, которой соотвѣтствуетъ слово. Одни изъ насъ преимущественно удерживаютъ свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія, и слово вызываетъ у нихъ образъ предмета. Другіе удерживаютъ слуховыя ощущенія, и у нихъ въ ушахъ звучитъ членораздѣльное названіе предмета, какъ они слышали его отъ окружающихъ и какъ еслибы оно было повторено ихъ внутреннимъ голосомъ. Третьи, наоборотъ, преимущественно схватываютъ тѣ мышечныя усилія, которыми сопровождается произнесеніе извѣстнаго слова и дѣйствительно внутренно произносятъ его или, какъ картинно выразился Шарко, «они играютъ на нѣмомъ фортепіано, клавиши котораго вполнѣ правильно функціонируютъ, но лишь не приводятъ въ колебаніе звуковыя струны». Присоедините къ этому книжный и письменный характеръ нашей цивилизаціи, и ваша коллекція обогатится интеллигентными типами субъекта, который думаетъ и говоритъ, вызывая въ своемъ мозгу изображеніе печатнаго и писаннаго слова, какъ еслибы онъ, дѣйствительно, имѣлъ его передъ глазами; и даже такого субъекта, который ассоціируетъ съ каждымъ словомъ мышечное графическое усиліе, какъ еслибы онъ писалъ это слово, что бываетъ съ черезчуръ кабинетными и многопишущими людьми, «не могущими думать безъ пера».

Было бы долго разсматривать галлерею этихъ отчасти природныхъ, отчасти искусственно созданныхъ нашей цивилизаціей типовъ. Во всякомъ случаѣ, школа Шарко сводитъ ихъ къ двумъ основнымъ типамъ,—типу преимущественно ощущающему, и типу преимущественно двигательному, а въ первой категоріи различаетъ людей зрительнаго и слухового типа, во второй же людей говорящаго и пишущаго типовъ. Не трудно сказать, какой субъектъ удовлетворяетъ всего болѣе понятію природнаго оратора и какой всего менѣе. Ораторское искусство имѣетъ своею цѣлію какъ можно точнѣе и какъ можно быстрѣе установить соотвѣтствіе между мыслію говорящаго и ея словеснымъ выраженіемъ. Вамъ, конечно, прежде всего придется забраковать господина пишущаго типа, которому необходимы перо и бумага, чтобы привести въ порядокъ свои мысли, не говоря уже о томъ, что это процессъ крайне отстающій отъ обычной быстроты впечатлѣній, которая нужна аудиторіи: я живо помню, какое комичное впечатлѣніе производилъ во время оно на насъ, десятилѣтнихъ гимназистовъ, одинъ почтенный педагогъ—каллиграфъ, который не могъ читать своей немудрящей лекціи по русской грамматикѣ безъ того, чтобы не подойти къ доскѣ и не написать всего того, что онъ говоритъ, увѣщевая насъ отъ времени до времени: «*срисуйте, срисуйте*, господа, что такое подлежащее»!

Субъектъ исключительно зрительнаго типа, особенно думающій

Digitized by Google

образами (а не печатными и писанными словами, какъ символами понятій) тоже не годится въ ораторы. Его зрительное ощущеніе можетъ быть очень живо и точно, но пока онъ подыщетъ подходящее къ нему слово, а затѣмъ произнесетъ его, аудиторіи придется зѣвать; и кромѣ того, разрывая слишкомъ долгими промежутками словесное описаніе преслѣдующаго его образа, онъ растираетъ образъ, такъ сказать, въ порошокъ, пока слушатели успѣютъ представить себѣ, въ чемъ дѣло. Такихъ людей очень много, напр. между художниками, которые не могутъ путно передать вамъ содержаніе своей картины, замѣняя всѣ существительныя словами «какъ бишь», «то бишь», «штука», а прилагательныя словами «вотъ такой», «въ родѣ этого». Зрительный книжникъ, къ сожалѣнію, столь распространенный теперь между интеллигенціей, годится уже больше въ ораторы, но онъ приходитъ къ цѣли окольными путями: ему надо писать и заучивать глазами строки рѣчи, которую онъ намѣренъ произносить, и нѣтъ ничего непріятнѣе для слушателя, какъ присутствовать при такомъ умственномъ чтеніи вызубренной рѣчи, или, что еще хуже, присутствовать при усиліяхъ оратора, которому отъ испуга вздумается править мысленно корректуру своего записаннаго и выученнаго упражненія. Мнѣ пришлось слышать отъ Эли Реклю, что Луи-Бланъ былъ, именно, такимъ зрительнымъ ораторомъ и что его выручали громадный писательскій талантъ и необыкновенная память да опьяненіе аудиторіей, которое придавало ноту импровизаціи его тщательно-заготовляемымъ рѣчамъ.

Ораторъ слухового типа, который часто встрѣчается между хорошими разсказчиками, представляетъ собой уже болѣе удачное приближеніе къ идеалу оратора. Ему остается, надѣясь на память, только повторять передъ аудиторіей то, что подсказываетъ ему его внутренній голосъ, этотъ въ нѣкоторомъ родѣ сократическій демонъ слухового субъекта. Но сила и блескъ настоящей импровизаціи отсутствуютъ. Люди этой категоріи прекрасно и живо читаютъ содержаніе пластинки, вложенной, такъ сказать, въ фонографѣ ихъ уха: дальше они не идутъ.

Настоящій ораторъ, какъ ни странно покажется это съ перваго раза, подходитъ къ типу болтуна, про котораго говорятъ, что онъ раньше скажетъ, чѣмъ подумаетъ. Пламенный трибунъ, страстный импровизаторъ имѣетъ съ болтуномъ то общее, что у него дѣйствительно мышечныя ощущенія голосовыхъ струнъ одновременны, порою даже предшествуютъ соотвѣтствующей идеѣ. Онъ не умѣетъ думать, не произнося въ тоже время того, что думаетъ, и это ведетъ у него такую тѣсную связь между мыслью и словомъ, что въ противоположность тому субъекту, который «не можетъ думать безъ пера», истинный ораторъ не можетъ думать безъ языка: если онъ не жестикулируетъ, не говоритъ вслухъ, онъ лишь подавляетъ звуки, но его голосовыя струны напряжены. Существуетъ немало наблюденій, показывающихъ, что у людей этого типа послѣ серьез-

Digitized by Google

наго обдумыванія какого-нибудь предмета голосъ оказывается охрипшимъ (sic!). Само собою понятно, что нестерпимая у болтуна легкость слова, предшествующаго мысли, у настоящаго оратора является могущественнымъ орудіемъ, дающимъ ему громадный перевѣсъ надъ обыкновенными людьми. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе, въ чемъ заключается сила и логичность мышленія. Въ прочной и постоянной связи извѣстныхъ идей и понятій, которая вырабатывается путемъ провѣрки ихъ другими соприкасающимися (положительно или отрицательно) съ ними идеями или же матеріаломъ ощущеній, подвозимыхъ внѣшнимъ міромъ. Ясно, что въ головѣ оратора двигательнаго (говорящаго) типа такой прочной связи логическихъ представленій соотвѣтствуетъ прочная же связь словесныхъ символовъ и производящихъ ихъ мышечныхъ движеній. И если въ головѣ обыкновеннаго человѣка идея вызывается идеею по ихъ внутренней ассоціаціи, при чемъ у мыслителя эта зависимость будетъ лишь особенно прочнаго и вмѣстѣ оригинальнаго рода,—то въ мозгу крупнаго и талантливаго оратора первое разряженіе какимъ-нибудь словеснымъ символомъ влечетъ за собою цѣлый рядъ разряженій словесными символами, не менѣе логически связанными между собою, чѣмъ соотвѣтствующія имъ группы понятій. Его умственная операція та же, что и наша, но съ другого конца, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что у оратора слово рождаетъ идею. Присоедините къ таланту словеснаго разряженія умъ, память, начитанность, и вы имѣете могущественнаго трибуна; убавьте ума и эрудиціи—и передъ вами ловкій и способный, но поверхностный Нума Руместанъ (срисованный Додэ, кстати сказать, не съ Гамбетты, а съ реакціоннаго депутата—министра Нумы Бараньона); отнимите совсѣмъ умъ и подготовку—и на сценѣ появляется вульгарный неутомимый говорунъ.

Ажанъ собралъ довольно много біографическихъ данныхъ о способахъ подготовки къ слову различныхъ ораторовъ всевозможныхъ типовъ, и анализируя пріемы настоящихъ мастеровъ рѣчи, составилъ рядъ практическихъ указаній для желающихъ, не говоримъ, сдѣлаться ораторами—что не возможно помимо природнаго дара—но выучиться излагать въ толковой формѣ свои мысли передъ публикой. Изъ предшествующихъ замѣчаній читатель пойметъ, почему авторъ книжки отбрасываетъ рутинные пріемы писанія и зубренія по бумагѣ, а совѣтуетъ пріучиться къ обдумыванію рѣчи въ головѣ и нѣсколькимъ устнымъ репетиціямъ наединѣ (или даже передъ друзьями, какъ это дѣлывалъ Тьеръ). Мимоходомъ авторъ дѣлаетъ очень важное замѣчаніе относительно разницы между ораторскимъ искусствомъ и литературнымъ изложеніемъ: онъ заклинаетъ пробующихъ свои силы на трибунѣ не претендовать на «глубину», «творческую изобрѣтательность» и «оригинальность», а держаться на общихъ основныхъ линіяхъ предмета, стараясь рядомъ простыхъ и удобопонятныхъ формулъ ввести аудиторію въ міровоззрѣніе го-

Digitized by Google

ворящаго и пробудить извѣстныя чувства въ слушателяхъ широкимъ трактованіемъ задачи. Краснорѣчіе уже нѣсколько разъ сравнивалось во Франціи съ декоративной живописью, тогда какъ литература уподоблялась обыкновенной, болѣе тонкой живописи: какъ картины Мейссонье превращались бы со всѣми своими замѣчательными деталями въ простое пятно, если бы ихъ поставили на сценѣ, такъ въ свою очередь изящныя и гармоничныя декораціи рѣзали бы ваши глаза аляповатостью контуровъ и рѣзкостью красокъ, если бы вы стали отъ нихъ всего на десять шаговъ. И я невольно припоминаю умную параллель, проведенную Тэномъ между ораторомъ и философомъ (вообще, изслѣдователемъ) въ своей книгѣ о «классическихъ философахъ Франціи»:

„Ораторомъ можно быть, и не будучи философомъ... Эта страстная любовь чистаго доказательства, которая составляетъ сущность философа, эти безпокойныя сомнѣнія относительно смысла словъ, эти алгебраическія привычки мысли... это презрѣніе здраваго смысла, эта ненависть къ аргументамъ отъ сердца, эта безусловная вѣра въ наблюденіе и опытъ, эта вѣчная жажда новой провѣрки,—вотъ качества, которыя были бы недостатками у оратора. Они помѣшали бы ему найти популярную аргументацію; они отдалили бы его отъ публики. Надо, чтобы онъ былъ выше публики, но выше лишь на одну ступень. Должно походить на тѣхъ, кого убѣждаешь; въ ихъ чувства входишь, лишь самъ проникаясь ими; чтобы завоевать ихъ умъ, надо самому пригибаться къ привычкамъ ихъ ума. И это безсиліе въ философской области является какъ разъ особенностью браторскаго темперамента *)“.

Отбросьте нѣкоторое преувеличеніе недоступности философа аргументамъ сердца, и вы найдете въ этихъ строкахъ полезное указаніе на то, чѣмъ долженъ быть ораторъ, желающій дѣйствовать на массы.

Послѣдніе три-четыре дня Парижъ занятъ толками о катастрофѣ съ филантропическимъ «базаромъ», и въ настоящее время газеты всего міра переполнены подробностями о пожарѣ. Но когда эти строки появятся въ печати, новыя впечатлѣнія наложатъ свой слой на душу читателя, и онъ, можетъ быть, будетъ доволенъ тѣмъ, что найдетъ въ моей корреспонденціи не горячія и печальныя детали съ театра пожарища, а попытку сквозь дымъ, сквозь крики жертвъ и слезы ихъ близкихъ, всмотрѣться въ нѣкоторыя общія условія. Когда люди, отрицающіе нормальность окружающей жизни, говорятъ о печальномъ вліяніи на настоящее общество принципа конкурренціи и борьбы всѣхъ и каждаго, счастливые и довольные небожители верховъ этого общества обрушиваются на дерзкихъ еретиковъ матеріальными и

*) H. Taine, *Les philosophes classiques du XIX-e siècle en France*; Парижъ, 1895, 7-е изд., стр. 100—101.

Digitized by Google

моральными громами: по ихъ мнѣнію, только неудачники и лѣнтяи могутъ сомнѣваться въ благодѣтельности принципа всеобщей грызни; а они, небожители, не нарадуются въ качествѣ «достойнѣйшихъ» на воспитующее значеніе этой борьбы и на силу характера, вырабатываемую личнымъ интересомъ. Полюбуйтесь же теперь, о проповѣдники общественной конкурренціи, на нравственные результаты такого воспитанія и на героическую твердость современнаго характера! Вы знаете лучше нашего, кто былъ въ аристократическомъ базарѣ: мужчины, а въ особенности дамы, принадлежащіе къ цвѣту привилегированнаго сословія,—генералы, носители орденовъ почетнаго легіона, герцогини, маркизы, графини, баронессы, чиновницы, банкирши, знатные депутаты правой, представители самой родовой аристократіи, самой крупной денежной и административной буржуазіи. Всѣ эти господа и дамы крайне благовоспитаны, изучили въ точности кодексъ приличій и непустятъ въ свои салоны перваго встрѣчнаго. И что же? Посмотрите на нихъ въ моментъ опасности: люди грызутъ, топчутъ, рвутъ другъ друга, отталкиваютъ слабѣйшихъ и душатъ дѣтей. Мужчинъ было сравнительно немного, и большинство ихъ спаслось очень удачно: доказательство — проломленныя набалдашниками тростей головы женскихъ труповъ и восклицаніе одного изъ докторовъ, разсматривавшихъ эти раны въ госпиталѣ: «что за постыдные трусы! что за вырождающаяся раса!» А женщины? Судьбѣ было словно не довольно ужасной картины зоологической грызни между этими бѣдными разодѣтыми въ цѣлка и кружева дамами, которыя рвали одна другой волосы: надо было членораздѣльное слово, мораль этой дантовской сцены, и вотъ внизу окна сосѣдней гостинницы, куда таскали спасавшихся, выросла какъ молнія изящная высокая дама, которая повалила бывшую впереди ея дѣвушку, ударила ее по лицу и, оглушивъ этимъ ударомъ, вскочила по ея тѣлу въ окно, воскликнувъ: «каждый за себя!» Вотъ именно, каждый за себя! За исключеніемъ очень немногихъ лицъ, думавшихъ въ самый моментъ пожара о своихъ родныхъ и знакомыхъ, большинство въ смертельномъ страхѣ старалось лишь спасти себя и, разумѣется, гибло именно вслѣдствіе этой эгоистической паники: знаменательно, что менѣе всего потерпѣли тѣ, которые, пытаясь спасти другихъ, отвлекались на моментъ отъ своей личности и начинали видѣть ясно тамъ, гдѣ остальные теряли голову.

Другая типичная сторона ужасной катастрофы, это — самоотверженіе зрителей и проходящихъ изъ простого народа. Газеты восхваляли какъ удивительнаго героя, барона М., который выскочивъ, подобно другимъ мужчинамъ — посѣтителямъ изъ загорѣвшагося базара, *вспомнилъ* (sic!), что онъ бросилъ тамъ свою жену, и вернулся искать ее. Но что вы скажете относительно всѣхъ этихъ совершенно чуждыхъ аристократіи рабочихъ, кровельщиковъ, типографщиковъ, кучеровъ, поваровъ, половыхъ, которые по

Digitized by Google

нѣсколько разъ кидались въ этотъ адскій огонь, вытаскивали несчастныхъ и снова, и снова, несмотря на раны и ожоги, возвращались въ горящія развалины? А этотъ блузникъ, спаситель многихъ аристократокъ, который съ перевязанной шеей и сильными ожогами вырвался изъ толпы допрашивавшихъ его объ имени и адресѣ, отмахиваясь отъ этой внезапной популярности, и былъ узнанъ ночью лишь потому, что подъ вліяніемъ потрясенія впалъ во временное помѣшательство?

Крайне характеристично было также поведеніе большой прессы. Изъ этого, дѣйствительно, ужаснаго несчастія, но ужаснаго, какъ ужасна всякая безсмысленная смерть, губящая жизнь и сознаніе людей, буржуазные и реакціонные борзописцы сдѣлали нѣчто въ родѣ историческаго и національнаго пораженія. Четыре дня подрядъ бульварныя газеты вели лѣтосчисленіе со времени пожара: «первый день національнаго траура», «второй день», «третій» и т. д. Господа и дамы, пришедшіе на аристократическую распродажу, какъ это всегда бываетъ съ ними, для того, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, повеселиться, посплетничать, кончить старый душевный романъ и начать новый,—всѣ эти посѣтители были произведены въ рангъ героевъ долга, павшихъ на полѣ чести, и приравнены чуть не къ тремстамъ спартанцевъ Леонида. Въ первый же день «Le Gaulois» заговорилъ о «пагубной реторикѣ», которую негодяи, молъ, пускаютъ въ ходъ, чтобы вооружить бѣдныхъ противъ богатыхъ, тогда какъ—смотрите!—богатые готовы погибать въ огнѣ ради бѣдныхъ, — словно базаръ былъ устроенъ на бочкахъ динамита или въ жерлѣ Этны во время изверженія. А когда одинъ изъ не-бульварныхъ органовъ, посылая выраженіе своего искренняго сочувствія къ родственникамъ жертвъ, осмѣлился напомнить о частныхъ несчастіяхъ въ копяхъ, гдѣ люди гибнутъ десятками а иногда и сотнями, оставляя въ жертву голоду блѣдныя вереницы женъ и дѣтей, фешіонебельный «Фигаро» заговорилъ что-то уже совѣмъ непонятное и обвинилъ бѣдняковъ въ черной «неблагодарности».

Но тутъ вступился благоразумный «Temps». Органъ, проповѣдующій конкурренцію и борьбу личныхъ интересовъ, вдругъ очень чувствительно распространился о братствѣ, равенствѣ и солидарности всѣхъ людей, доказательствомъ чего служитъ, молъ, образцовое поведеніе простого народа, спасавшаго аристократическія жертвы, и совѣтуетъ трудящимся массамъ и впредь поступать такъ, видя даже въ недавней катастрофѣ начало новой общественной эры во Франціи. Теперь эта нота подхвачена большинствомъ благомыслящихъ органовъ и нашла отголосокъ въ министерской рѣчи на похоронахъ жертвъ въ церкви Парижской Богоматери. И вотъ мы стоимъ пока, читатель, на послѣднемъ словѣ «солидарности», изобрѣтенномъ буржуазіей: «мы станемъ танцовать и веселиться

Digitized by Google

на филантропическихъ основаніяхъ въ твою пользу, о бѣдный братъ, а когда будемъ горѣть, ты долженъ въ награду спасать насъ».

Не совсѣмъ такъ посмотрѣлъ, впрочемъ, на дѣло духовный витія, отецъ Оливье, который послѣ панихиды объ усопшихъ произносилъ рѣчь съ церковной каѳедры: онъ говорилъ не о земной солидарности, а о небесной карѣ и прямо заключилъ, что пожаръ базара есть наказаніе божіе за грѣхи Франціи, отказавшейся отъ славныхъ традицій средневѣковья. Какъ тутъ разобраться? Мудрый Эдипъ, разрѣши! А мудрый Эдипъ, представляющій собою мѣщанину міровоззрѣнія, разводитъ руками и печально произноситъ:

Davus sum, non Œdipus!...

Н. К.

Общественныя отношенія въ Болгаріи по даннымъ почтовой статистики.

(Письмо изъ Софіи).

Свѣдѣнія о Болгаріи черпаются русской читающей публикой, въ большинствѣ случаевъ, изъ газетныхъ корреспонденцій разныхъ «странниковъ», которыя пишутся либо не въ Болгаріи, либо же съ «птичьяго дуазо», какъ выражается милѣйшій фельдшеръ Кузмичевъ у Успенскаго. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ къ нимъ очень часто можно примѣнить сентенцію Мефистофеля:

«Denn eben wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechtes Zeit sich ein.
Mit Worten lässt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein System bereiten»...

Всякое безпристрастное свѣдѣніе о Болгаріи, основанное на положительныхъ фактахъ, не можетъ не быть интереснымъ для русскаго читателя. Не рисковано ли, однако, думать, что общественныя отношенія Болгаріи, выразившіяся въ такой односторонней сферѣ дѣятельности, какъ почтовая, могутъ представлять общій интересъ для читателей русскаго журнала? На это пусть отвѣтитъ настоящая наша замѣтка, составленная по даннымъ, заимствованнымъ изъ «Статистиката за вятрѣшната и международната телеграфо-пощенска корреспонденция на България», издаваемый ежегодно главной дирекціей почтъ и телеграфовъ въ Софіи. Правильная почтовая статистика начала появляться лишь

Digitized by Google

съ 1887 года. Цифры же, относящіяся къ предшествующимъ годамъ, извлечены непосредственно изъ архивовъ дирекціи. Находящійся въ нашемъ распоряженіи статистическій матеріалъ обнимаетъ сравнительно очень ограниченный періодъ времени; тѣмъ не менѣе относящіяся къ этому періоду цифры показываютъ намъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нихъ, какими гигантскими шагами шло развитіе всѣхъ отраслей почтоваго дѣла въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ самостоятельной политической жизни. Параллельно съ этимъ онѣ даютъ намъ возможность уловить характеръ таинственнаго процесса нашего политическаго, экономическаго и культурнаго развитія.

Разсмотримъ же отдѣльно нѣкоторыя отрасли почтовой дѣятельности у насъ. Посмотримъ прежде всего, сколько передано по почтѣ писемъ. Вотъ относящіяся сюда цифры:

въ 1881 г. . . .	649.323
» 1882	736.990
» 1883	975.188
» 1884	919.617
» 1885	1.522.818
» 1886	1.715.754
» 1887	1.875.002
» 1888	2.164.884
» 1889	2.507.161
» 1890	2.198.372
» 1891	3.727.368
» 1892	3.969.084
» 1893	4.497.903
» 1894	4.430.244
» 1895	6.123.622

По всенародной переписи 1893 года въ княжествѣ 3.310.713 жителей. Если для нашего счета примемъ, что до соединенія сѣверной и южной Болгаріи населеніе княжества равнялось двумъ милліонамъ, а съ 1885 г. тремъ милліонамъ *), то мы получимъ слѣдующую интересную таблицу числа писемъ, приходящихся на одного жителя:

въ 1881 г.	0,32
» 1882	0,37
» 1883	0,49
» 1884	0,46
» 1885	0,51
» 1886	0,57
» 1887	0,62

*) Мы игнорируемъ безграмотное турецкое населеніе въ Болгаріи, которое по переписи 1893 г. равняется 569,728 душамъ.

Digitized by Google

въ 1888	0,72
» 1889	0,84
» 1890	0,70
» 1891	1,24
» 1892	1,32
» 1893	1,50
» 1894	1,47
» 1895	2,04

Въ 1881 году одно письмо приходилось на три души, а черезъ 15 лѣтъ на всякаго жителя приходится больше двухъ писемъ, т. е. число писемъ увеличилось въ шесть разъ. Замѣтимъ кстати, что и въ Россіи на одного человѣка приходится также только два письма. Въ этомъ отношеніи Болгарія, занимая одинаковое положеніе съ Россіей, стоитъ ниже всѣхъ европейскихъ государствъ, между которыми Англія занимаетъ первое мѣсто.

По абсолютному числу писемъ, приходящихся на душу, Болгарія, какъ мы видѣли, стоитъ въ настоящее время на самомъ послѣднемъ мѣстѣ въ ряду европейскихъ государствъ. Совсѣмъ другое мы увидимъ, если сравнимъ прогрессію, съ которой развивался обмѣнъ писемъ въ Болгаріи, съ той же прогрессіей въ другихъ государствахъ; въ этомъ отношеніи она стоитъ даже выше Англіи. Дѣйствительно, по статистическимъ даннымъ, приводимымъ въ трудѣ англійскаго статистика J. Holt Schooling'a относительно числа писемъ, приходящихся на каждаго жителя въ Англіи ежегодно въ теченіе пятидесятилѣтняго періода 1845—94 г., въ двухъ крайнихъ пунктахъ періода на жителя приходятся: въ 1845 г.—10 писемъ, въ 1895 г.—46 писемъ. И такъ, въ теченіе 50 лѣтъ въ такой странѣ, какъ Англія, число писемъ на жителя увеличилось въ 4,5 раза, т. е. меньше, чѣмъ у насъ въ теченіе 15 лѣтъ (въ 6 разъ). Еще любопытнѣе сравнить ростъ количества писемъ за одинъ и тотъ же періодъ. Въ 1881 году въ Англіи на жителя приходилось 35 писемъ, а въ 1895 г.—46 писемъ, т. е. за 15 лѣтъ число писемъ увеличилось на 31%, а въ Болгаріи за тотъ же періодъ оно увеличилось на 537%, т. е. въ семнадцать разъ больше!..

Надо замѣтить, что Англія въ почтовомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, стоитъ во главѣ европейскихъ государствъ. Поэтому крайне лестно для нашего національнаго самолюбія видѣть такіе неожиданные результаты при сравненіи быстроты роста обмѣна писемъ у насъ и въ самой передовой странѣ Европы. Намъ, однако, нечего особенно гордиться такимъ быстрымъ движеніемъ впередъ въ этомъ отношеніи: мы молоды, и въ этомъ вся загадка. Какъ въ мірѣ растительномъ мы чуть ли не собственными глазами видимъ буйный ростъ молодыхъ побѣговъ, такъ точно и въ жизни культурныхъ народовъ, которые послѣ долгаго

Digitized by Google

рабства начинаютъ пользоваться благодѣтельнымъ вліяніемъ политической свободы, развитіе общественныхъ отношеній совершается съ поразительной быстротой.

Показателемъ роста нашихъ общественныхъ отношеній можетъ также служить развитіе у насъ другихъ отраслей почтовой дѣятельности. Интересно прослѣдить за ходомъ газетнаго дѣла, насколько оно выразилось въ почтовой статистикѣ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ лихорадочной политической жизни, отмѣченной такими событіями, какъ соединеніе сѣверной и южной Болгаріи, сербско-болгарская война, низложеніе князя Александра и т. д. Такой водоворотъ событій долженъ былъ, a priori, возбудить огромный интересъ къ газетѣ и вызвать большой спросъ на нее, что мы и видимъ при первомъ взглядѣ на слѣдующія цифры. Число экземпляровъ газетъ, перенесенныхъ по почтѣ внутри Болгаріи было:

въ 1881 г.	190.698
» 1882	229.399
» 1883	409.196
» 1884	603.368
» 1885	1.128.528
» 1886	1.069.534
» 1887	1.134.003
» 1888	1.488.334
» 1889	1.401.812
» 1890	2.260.770
» 1891	3.571.874
» 1892	3.708.284
» 1893	4.716.774
» 1894	5.432.157
» 1895	5.486.598

При сравненіи цифръ двухъ крайнихъ пунктовъ изслѣдуемаго періода, мы видимъ, что число переданныхъ по почтѣ газетъ увеличилось за 15 лѣтъ въ 28 разъ!.. Непосредственный выводъ изъ этого факта тотъ, что за сравнительно ничтожный періодъ времени газетное дѣло у насъ развилось, по крайней мѣрѣ количественно, съ чисто американской быстротой. Если даже допустимъ съ большимъ преувеличеніемъ, что населеніе княжества, вслѣдствіе присоединенія Восточной Румеліи и естественнаго прироста, увеличилось вдвое за эти 15 лѣтъ, то и при этомъ результатѣ получается довольно внушительный. Быстрое развитіе газетнаго дѣла у насъ свидѣтельствуетъ объ увеличеніи интереса къ политической жизни въ массахъ народа, что въ свою очередь подразумѣваетъ переходъ отъ патріархальной жизни коснаго Востока, съ кругомъ интересовъ, не переступающихъ за предѣлы своего села, къ жизни съ обширными общественными, политическими и общечеловѣческими интересами.

Digitized by Google

Прослѣдимъ теперь движеніе газетъ изъ Европы къ намъ и отъ насъ въ Европу. Замѣтимъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ наши статистическія свѣдѣнія начинаются съ 1887 года.

Число газетъ, полученныхъ изъ Европы.		Число газетъ, отправленныхъ въ Европу.	
въ 1887 г. . . .	538.006 экз.	въ 1887 г. . . .	35.652 экз.
» 1888 » . . .	675.858 »	» 1888 » . . .	77.100 »
» 1889 » . . .	647.914 »	» 1889 » . . .	70.272 »
» 1890 » . . .	643.440 »	» 1890 » . . .	103.476 »
» 1891 » . . .	879.372 »	» 1891 » . . .	137.208 »
» 1892 » . . .	934.904 »	» 1892 » . . .	174.062 »
» 1893 » . . .	1.060.768 »	» 1893 » . . .	178.020 »
» 1894 » . . .	848 496 »	» 1894 » . . .	200.190 »
» 1895 » . . .	1.122.600 »	» 1895 » . . .	280.372 »

Тогда какъ число иностранныхъ газетъ, получаемыхъ нами изъ Европы, увеличилось въ разсматриваемый девятилѣтній періодъ всего вдвое, число болгарскихъ газетъ, вывезенныхъ въ Европу, стало въ 8 разъ больше. Сравнительно медленный ростъ числа иностранныхъ газетъ нужно объяснить тѣмъ, что возрастающій у насъ съ каждымъ годомъ спросъ на газету удовлетворяется почти исключительно мѣстной печатью, что, впрочемъ, вполнѣ естественно. Контингентъ читателей иностранныхъ газетъ у насъ состоитъ, разумѣется, главнымъ образомъ, изъ иностранцевъ, число которыхъ по переписи 1893 г. достигаетъ 39.000; изъ нихъ 21.000 неграмотныхъ или малограмотныхъ турецкихъ подданныхъ и около 18.000 европейцевъ. Читателей иностранныхъ газетъ надо искать между этими 18-ю тысячами иностранцевъ, кромѣ тѣхъ болгаръ, которые владѣютъ иностранными языками. Увеличеніе числа иностранныхъ газетъ у насъ пропорціонально увеличенію числа поселяющихся въ Болгаріи европейцевъ, т. е. сравнительно медленный ростъ числа иностранныхъ газетъ надо объяснять соотвѣтствующимъ ростомъ числа устраивающихся у насъ европейцевъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ мы не можемъ ожидать, чтобы число иностранныхъ газетъ увеличивалось у насъ въ той же прогрессіи, какъ и мѣстныхъ. Что же касается сравнительно быстраго увеличенія числа болгарскихъ газетъ, вывозимыхъ заграницу, то это нужно прежде всего приписать изъ года въ годъ увеличивающемуся интересу болгарскаго населенія въ Добруджѣ, Бессарабіи и Македоніи къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ. Кромѣ того, читателями нашихъ газетъ заграницей являются: учащаяся наша молодежь въ заграничныхъ университетахъ, число которой съ каждымъ годомъ ростетъ, болгаре-торговцы, живущіе въ Европѣ и т. д. Не малый, наконецъ, спросъ предъявляется на наши газеты интеллигенціей славянскихъ земель, сер-

Digitized by Google

бами, чехами, хорватами и др., которые начинаютъ живо интересоваться вопросами нашей политической и общественной жизни.

Выше приведенныя цифры относятся къ общему числу газетъ, получаемыхъ въ княжествѣ и вывозимыхъ заграницу. Не малый интересъ представляетъ вопросъ, какое количество газетъ получается у насъ изъ двухъ конкуррирующихъ у насъ своимъ вліяніемъ странъ, а именно: изъ Австріи и изъ Россіи. Вотъ цифры, относящіяся къ этому вопросу.

Число газетъ, полученныхъ изъ Австріи.		Число газетъ, получаемыхъ изъ Россіи.	
въ 1887 г. . . .	134.864 экз.	въ 1887 г. . . .	78.606 экз.
» 1888 » . . .	140.478 »	» 1888 » . . .	62.160 »
» 1889 » . . .	172.170 »	» 1889 » . . .	46.446 »
» 1890 » . . .	176.118 »	» 1890 » . . .	49.482 »
» 1891 » . . .	245.466 »	» 1891 » . . .	77.430 »
» 1892 » . . .	164.662 »	» 1892 » . . .	120.396 »
» 1893 » . . .	272.224 »	» 1893 » . . .	73.914 »
» 1894 » . . .	218.550 »	» 1894 » . . .	76 542 »
» 1895 » . . .	237.804 »	» 1895 » . . .	139.824 »

Какъ видимъ, число получаемыхъ въ Болгаріи русскихъ газетъ стоитъ значительно ниже числа австрійскихъ. Но чтобы сдѣлать болѣе или менѣе правильный выводъ изъ сравненія этихъ двухъ цифровыхъ колоннъ, необходимо сдѣлать оговорку, что какъ разъ въ эти годы полученіе русскихъ политическихъ газетъ у насъ было обставлено большими трудностями; можно сказать безъ преувеличенія, что для средней читающей публики полученіе газетъ изъ Россіи было совершенно невозможно, тогда какъ австрійскія газеты имѣли свободный доступъ въ Болгарію. Въ 1895 г., когда русскія газеты стали снова получаться у насъ свободно, и когда интересъ къ нимъ былъ, по случаю перемѣны во внутренней и внѣшней политикѣ, вслѣдствіе примиренія съ Россіей, чрезвычайный, число полученныхъ изъ Россіи газетъ стало почти вдвое больше, чѣмъ въ предшествующіе годы. Тѣмъ не менѣе число это опять-таки ниже числа газетъ, полученныхъ изъ Австріи. Значитъ-ли это, однако, что мы читаемъ больше австрійскихъ газетъ, чѣмъ русскихъ? Наврядъ-ли это такъ. Превышеніе числа австрійскихъ газетъ надъ русскими надо объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ живутъ постоянно больше пяти тысячъ австрійскихъ подданныхъ, число же русскихъ подданныхъ въ Болгаріи не достигаетъ даже семисотъ. По переписи 1893 г. австрійскихъ подданныхъ у насъ было 5161, а русскихъ всего 690; т. е. число австрійскихъ подданныхъ у насъ въ семь разъ больше русскихъ, а между тѣмъ число австрійскихъ газетъ больше числа русскихъ только въ 1,7 раза. Въ виду этихъ соображеній и принимая во вниманіе широкое распространеніе русскаго языка у насъ, мы

Digitized by Google

можемъ съ большою вѣроятностью утверждать, что у насъ читается больше русскихъ газетъ, чѣмъ австрійскихъ, хотя число послѣднихъ въ Болгаріи и больше.

Сравнимъ теперь число печатныхъ произведеній, которыя получаются у насъ изъ Австріи и изъ Россіи.

Число печатныхъ произведеній, получаемыхъ изъ Австріи.		Число печатныхъ произведеній, получаемыхъ изъ Россіи.	
въ 1887 г. . . .	2148 экз.	въ 1887 г. . . .	2550 экз.
» 1888 » . . .	9330 »	» 1888 » . . .	9816 »
» 1889 » . . .	6696 »	» 1889 » . . .	7578 »
» 1890 » . . .	18.300 »	» 1890 » . . .	9444 »
» 1891 » . . .	16.734 »	» 1891 » . . .	10.464 »
» 1892 » . . .	18.000 »	» 1892 » . . .	10.440 »
» 1893 » . . .	45.288 »	» 1893 » . . .	16.314 »
» 1894 » . . .	35.316 »	» 1894 » . . .	24.240 »
» 1895 » . . .	90.402 »	» 1895 » . . .	33.264 »

Говоря о печатныхъ произведеніяхъ, мы хотимъ узнать изъ вышеприведенныхъ цифръ, какое количество умственной пищи получаемъ мы, въ видѣ книгъ и періодическихъ изданій, изъ Австріи и изъ Россіи. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ цифрахъ почтовой статистики прямого отвѣта на интересующій насъ вопросъ. По этой статистикѣ въ число предметовъ, перевозимыхъ по почтѣ, какъ печатныя произведенія, входятъ, кромѣ книгъ и періодическихъ изданій, которыя составляютъ главный контингентъ этой рубрики, еще всевозможные виды печатныхъ объявленій, прейскурантовъ, рекламъ, каталоговъ торговыхъ домовъ и т. д. Но если вышеприведенныя цифры не даютъ намъ категорическаго отвѣта на занимающій насъ вопросъ, то мы можемъ подойти довольно близко къ истинѣ, если по ихъ поводу сдѣлаемъ предварительно нѣкоторыя оговорки.

При сравненіи цифръ, относящихся къ печатнымъ произведеніямъ, получаемымъ нами изъ Австріи и Россіи, прежде всего надо имѣть въ виду, что торговыя отношенія Болгаріи съ Австріей, какъ это увидимъ ниже, гораздо оживленнѣе, чѣмъ съ Россіей. Наши рынки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе наводняются разными видами печатныхъ рекламъ, которымъ европейскіе торговцы, путемъ многолѣтняго опыта, привыкли придавать огромное значеніе для сбыта своихъ товаровъ какъ на внутреннихъ, такъ и на иностранныхъ рынкахъ. Русскіе же купцы, хотя и говорятъ, что товаръ надо показывать лицомъ, но крайне небрежно относятся къ рекламированію своихъ товаровъ вездѣ, между прочимъ, и у насъ въ Болгаріи. Такимъ образомъ, можемъ сказать, что въ цифрахъ печатныхъ произведеній, получаемыхъ изъ Австріи, фигурируетъ большое число печатныхъ объявленій, каталоговъ и другихъ печатныхъ рекламъ, въ цифрахъ же печатныхъ произве-

Digitized by Google

деній, получаемыхъ нами изъ Россіи, эти виды торговыхъ печатныхъ произведеній до того малы, что мы можемъ ими пренебречь. Кромѣ того нужно замѣтить, какъ мы это сдѣлали выше относительно газетъ, что значительная часть книгъ и періодическихъ изданій, которыя получаются изъ Австріи, выписываются живущими въ Болгаріи австрійскими подданными; что же касается числа книгъ и періодическихъ изданій, получаемыхъ изъ Россіи малочисленными у насъ русскими подданными, то оно крайне незначительно.

Послѣ этихъ оговорокъ, сравнивая цифры печатныхъ произведеній, получаемыхъ нами изъ Австріи и Россіи, мы можемъ безъ особеннаго риска утверждать, что получаемъ изъ Россіи гораздо болѣе умственной пищи, чѣмъ изъ Австріи, хотя цифры относительно пересланныхъ по почтѣ печатныхъ произведеній свидѣтельствуютъ объ обратномъ. Это наше заключеніе, хотя и парадоксально, но вполнѣ понятно, если имѣть въ виду доступность и распространеніе русскаго языка среди нашей читающей публики и, кромѣ того, традиціонную солидарность умственныхъ и нравственныхъ интересовъ лучшей части болгарской и русской интеллигенціи.

Число полученныхъ изъ Россіи печатныхъ произведеній увеличилось въ разсматриваемый девятилѣтній періодъ больше чѣмъ въ 13 разъ, хотя, именно, въ эти годы преподаваніе русскаго языка велось крайне небрежно и, одно время, было даже совсѣмъ прекращено по политическимъ соображеніямъ.

До сихъ поръ мы искали въ почтовой статистикѣ отвѣтовъ на вопросы, относящіеся къ сферѣ нашихъ духовныхъ интересовъ, насколько они могли запечатлѣться въ цифрахъ пересланныхъ по почтѣ писемъ, газетъ и почтовыхъ произведеній. Перейдемъ теперь въ область нашихъ матеріальныхъ интересовъ и изслѣдуемъ успѣхи нашего экономическаго развитія. Къ сожалѣнію, въ исключительно почтовой статистикѣ мы не можемъ найти точныхъ и прямыхъ отвѣтовъ о величинѣ и характерѣ пути, пройденнаго Болгаріей за разсматриваемый періодъ въ экономическомъ отношеніи, а должны довольствоваться данными, имѣющими симптоматическій характеръ. Къ такимъ именно даннымъ относятся цифры относительно пересланныхъ по почтѣ товарныхъ образчиковъ. Слѣдующая таблица показываетъ, сколько образчиковъ передано почтой, въ періодъ 1887 — 1895 г., въ самой Болгаріи, сколько вывезено ихъ за границу и сколько получено изъ за границы.

Годы.	Передано въ Княжествѣ.	Вывезено за границу.	Ввезено изъ заграницы.	ВСЕГО.
1887	22.873	5272	32.340	60.485
1888	26.310	12.950	16.368	55.628
1889	21.432	15.812	47.724	84.968

Digitized by Google

1890	45.918	16.448	39.864	102.230
1891	54.442	20 388	55.926	130.756
2892	88.598	31.548	59.004	179.150
1893	149.122	25.496	51.554	226.172
1894	103.280	24.318	67.788	195.386
1895	111.984	34.644	80.770	227.398

Если предположимъ,—а въ такомъ предположеніи нѣтъ большого риска, какъ мы это увидимъ ниже изъ сравнительной таблицы среднихъ чиселъ, относящихся къ вывезеннымъ заграницу и полученнымъ оттуда товарамъ и товарнымъ образчикамъ,—что число товарныхъ образчиковъ, циркулирующихъ внутри Болгаріи и вывозимыхъ за границу, находятся въ извѣстномъ соотношеніи съ развитіемъ нашей внутренней и внѣшней торговли, то можемъ сказать, что въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ отрасляхъ культурной дѣятельности, которыя мы разсматривали до сихъ поръ, Болгарія наглядно движется впередъ. Общее число товарныхъ образчиковъ, пересланныхъ по почтѣ въ теченіе 9 лѣтъ, увеличилось въ 3,7 раза. Замѣтимъ также быстрое увеличеніе числа перенесенныхъ по почтѣ товарныхъ образчиковъ внутри княжества. Съ 22.873 въ 1887 году число этихъ образчиковъ стало въ 1895 г.—111.984, т. е. оно увеличилось въ 4,9 раза. Подобное увеличеніе числа перевезенныхъ внутри Болгаріи товарныхъ образчиковъ, которое, не забудемъ этого, находится въ соотношеніи съ ходомъ нашей внутренней торговли, въ теченіе всего только 9-ти лѣтъ,—срока чрезвычайно малаго,—нужно признать необыкновенно быстрымъ. Съ другой стороны, сношенія наши съ внѣшними рынками развиваются съ неменьшей быстротой.

Прослѣдимъ за ходомъ нашихъ торговыхъ сношеній съ европейскими государствами. Нижеслѣдующая таблица представляетъ среднія годичныя числа, относящіяся къ количеству ввезенныхъ изъ заграницы и вывезенныхъ туда товарныхъ образчиковъ въ періодъ 1887—1895 гг.

Государства.	Среднее число ввезенныхъ образчиковъ.	Среднее число вывезенныхъ образчиковъ.	Всего.
Австрія	11.949	4.436	16.382
Англія	8.532	2.934	11.466
Бельгія	1.270	1.409	2.679
Германія . . .	4.631	1.577	6.208
Греція	375	355	730
Италія	2.323	792	3.115
Румынія	3.905	2 629	6.534
Россія	3.194	610	3.804
Сербія	849	379	1.228
Турція	5.404	2.412	7.816
Франція	5.768	2.387	8.155

Digitized by Google

Чтобы убѣдиться, на сколько эти среднія числа соотвѣтствуютъ дѣйствительному состоянію нашихъ торговыхъ сношеній съ европейскими государствами, сопоставимъ среднія числа ввезенныхъ и вывезенныхъ товарныхъ образчиковъ съ средними числами стоимости ввезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ за соотвѣтствующій девятигодичный періодъ. Эти числа заимствованы нами изъ оффиціальной «Статистиката затърговията на Българското Княжество съ чуждитѣ държави», издаваемой статистическимъ бюро при министерствѣ земледѣлія и торговли.

Государства.	Средняя годичная стоимость ввезенныхъ товаровъ (во франкахъ).	Средняя годичная стоимость вывезенныхъ товаровъ (во франкахъ).	Всего франковъ.
Австрія . . .	26.716.000	3.363.000	30.079.000
Англія . . .	19.127.000	12.410.000	31.537.000
Бельгія . . .	1.603 000	1.516.000	3.119.000
Германія . .	6.804.000	6.395.000	13.199.000
Греція . . .	250.000	493.000	743.000
Италія . . .	1.600.000	1.459.000	3.059.000
Россія . .	4.028.000	57.000	4.085.000
Румынія . .	2.206.000	1.019.000	3.225.000
Сербія . . .	1.065.000	267.000	1.332.000
Турція . . .	10.105.000	24.185.000	34.350.000
Франція . . .	3.656.000	15.329.000	18.985.000

Выше было сказано, что число перевезенныхъ по почтѣ образчиковъ товаровъ находится въ извѣстномъ соотношеніи съ состояніемъ торговли. Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о строгомъ математическомъ соотвѣтствіи между этими двумя фактами, т. е. нельзя, напр., сказать, что вдвое большему числу ввезенныхъ изъ заграницы товарныхъ образчиковъ соотвѣтствуетъ вдвое большая стоимость ввезенныхъ оттуда товаровъ. Но не можетъ быть сомнѣнія, что эти два факта находятся въ нѣкоторой, до извѣстной степени правильной связи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бѣгло просмотрѣть вышеприведенныя таблицы: сравненіе чиселъ, относящихся къ ввезеннымъ товарнымъ образчикамъ и къ стоимости ввезенныхъ товаровъ, вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе; при этомъ только Франція составляетъ исключеніе. Но въ цифрахъ, относящихся къ вывезеннымъ за границу товарнымъ образчикамъ, не замѣчается никакого видимаго соотвѣтствія съ цифрами, относящимися къ стоимости вывезенныхъ заграницу товаровъ. Болгарія, какъ страна по преимуществу земледѣльческая, вывозитъ заграницу почти исключительно продукты земледѣлія и скотоводства, и съ другой стороны, какъ страна, сильно отставшая въ экономическомъ отношеніи отъ другихъ европейскихъ странъ, она вывозитъ, вообще говоря, сырье, продукты

Digitized by Google

добывающей промышленности, а изъ Европы ввозитъ исключительно продукты обрабатывающей промышленности, фабрикаты крупнаго производства. Очевидно, при однообразіи такихъ сырыхъ продуктовъ, какъ зерно, животныя и т. п., на рынкѣ не можетъ циркулировать большое количество разнообразныхъ образчиковъ, какъ это мы видимъ по отношенію къ продуктамъ обрабатывающей промышленности, которые мы получаемъ изъ заграницы. Въ Англію, Германію, Францію и Турцію мы вывозимъ почти исключительно пшеницу, и притомъ въ большихъ количествахъ. Кромѣ пшеницы въ эти страны вывозятся отъ насъ на значительныя суммы разныя парфюмеріи, между которыми драгоцѣнное розовое масло занимаетъ первое мѣсто. Въ Турцію мы вывозимъ кромѣ того еще живыхъ животныхъ, т. е. барановъ, воловъ и т. п. и различную животную пищу, плоды и другіе подобные сырые продукты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ самый характеръ вывозимыхъ предметовъ—однообразнаго сырья—долженъ нарушать правильное соотношеніе между дѣйствительными размѣрами вывоза и числомъ вывозимыхъ товарныхъ образчиковъ. Тамъ же, куда мы не вывозимъ зерновыхъ продуктовъ, напр., въ Австрію и Бельгію и т. д., мы снова замѣчаемъ указанное соотвѣтствіе.

Посмотримъ, какіе выводы можно сдѣлать изъ среднихъ цифръ, относящихся къ ввозимымъ и вывозимымъ товарнымъ образчикамъ, имѣя въ виду вышеприведенныя соображенія. Прежде всего, констатируемъ, что, по отношенію ко всѣмъ приведеннымъ въ нашей таблицѣ странамъ, число полученныхъ изъ заграницы образчиковъ превышаетъ число вывезенныхъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ превышенію ввоза надъ вывозомъ. Подобное положеніе нашего торговаго баланса свидѣтельствуетъ о томъ, что въ экономическомъ отношеніи Болгарія осталась много позади другихъ европейскихъ странъ и стоитъ даже ниже другихъ государствъ Балканскаго полуострова, которыя раньше освободились и раньше вступили на путь экономическаго прогресса.

Далѣе, какъ и во всѣхъ другихъ родахъ почтовыхъ сношеній, такъ и въ разсматриваемомъ нами случаѣ, Австрія поддерживаетъ съ Болгаріей самыя оживленныя связи, и число ввезенныхъ и вывезенныхъ изъ нея образчиковъ увеличилось почти въ пять разъ. Затѣмъ идутъ: Англія, Франція и Германія. Товарные образчики, которые мы получаемъ изъ всѣхъ странъ, какъ мы сказали выше, главнымъ образомъ, продукты обрабатывающей промышленности, между которыми первое мѣсто занимаютъ: пряжи, ткани, мебель, металическія издѣлія, машины, инструменты и т. п. Изъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей мы поддерживаемъ наиболѣе оживленныя сношенія съ Турціей и Румыніей. Съ Сербіей торговыя наши связи до сихъ поръ еще находятся чуть-ли не въ зародышевомъ состояніи; какъ извѣстно, надняхъ только эти связи урегулированы торговымъ договоромъ. Еще ничтожнѣе сношенія наши съ Греціей. Россія хотя и

Digitized by Google

ввозитъ довольно много, но за то почти ничего не вывозитъ отъ насъ, экономическія наши связи съ ней имѣютъ второстепенное или даже третьестепенное значеніе въ виду того обстоятельства, что Россія въ экономическомъ отношеніи не можетъ конкуррировать съ другими большими европейскими государствами, такъ какъ сама стоитъ ниже ихъ.

Въ заключеніе разсмотримъ еще одинъ симптомъ нашего экономическаго прогресса, а именно развитіе денежнаго обращенія, на сколько оно выразилось, въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ, въ количествѣ перевезенныхъ почтой, почтовыми записями и почтовыми бонами, денегъ. По суммамъ, переданнымъ по почтѣ почтовыми записями и бонами, нельзя, конечно, даже приблизительно судить о размѣрѣ денежнаго обращенія въ странѣ въ его цѣломъ, такъ какъ почта одинъ изъ второстепенныхъ органовъ этого обращенія; оно реализируется, главнымъ образомъ, черезъ банки и банкирскія конторы. Поэтому нижеслѣдующія цифры относительно движенія денегъ какъ внутри Болгаріи, такъ и изъ Болгаріи заграницу и обратно, и не даютъ понятія о цѣломъ размѣрѣ денежнаго обращенія, но тѣмъ не менѣе онѣ показываютъ, какимъ образомъ оно развивалось параллельно съ развитіемъ торговли. Внутри Болгаріи по почтѣ переданы слѣдующія суммы:

Годы.	Бонами франковъ.	Записями франковъ.	Всего франковъ.
1887 . . .	538.474	6.233.592	6.772.066
1888 . . .	714 069	11.119.062	11.833.131
1889 . . .	880 370	12.297.936	13.178.243
1890 . . .	787.951	12.771.947	13.559.898
1891 . . .	819.778	15.531.211	16.350.989
1892 . . .	1.122.920	18.810.098	19.933.018
1893 . . .	1.194.646	17.815.521	19.010.167
1894 . . .	1.135.908	18.370.742	19.506.650
1895 . . .	1.256.679	22.457.133	23.713.812

Какъ видимъ, суммы, переведенныя бонами, значительно меньше суммъ, переведенныхъ записями. Впрочемъ, это легко объяснить тѣмъ, что боны, которые бываютъ стоимостью отъ 1 до 20 франковъ, служатъ почти исключительно для пересылки маленькихъ суммъ между родственниками, пріятелями и т. д. Служба почтовыхъ боновъ чисто демократическая и удовлетворяетъ нуждамъ по преимуществу бѣднаго населенія, поэтому общая сумма денегъ, переведенныхъ по почтѣ бонами, естественно должна стоять ниже общей суммы денегъ, переведенныхъ записями, къ услугамъ которыхъ прибѣгаютъ торговцы. Въ теченіе 9 лѣтъ суммы, переведенныя по почтѣ бонами, увеличились въ 2.3 раза, а записями—въ 3,6 раза, т. е. внутри Болгаріи пересылка денегъ записями прогрессировала 1.6 разъ быстрѣе, чѣмъ бонами. Общая сумма денегъ,

Digitized by Google

переведенныхъ въ Болгаріи бонами и записями, увеличилась за этотъ періодъ въ 3,5 раза. По почтѣ записями отправлено заграницу и получено изъ заграницы на слѣдующія суммы.

Годы.	Получено изъ заграницы франковъ.	Послано заграницу франковъ.	Всего франковъ.
1887 . .	120.897	937.428	1.058.325
1888 . .	157.777	1.254.875	1.412.652
1889 . .	?	?	—
1890 . .	323.486	2.118 027	2.441.513
1891 . .	432.696	2.445.927	2.878.621
1892 . .	495.834	2.695.504	3.191.338
1893 . .	564.449	3.052.049	3 616.498
1894 . .	617.416	3.141.667	3.759.083
1895 . .	658.834	4.262.340	4.921.174

За границу выслано больше денегъ, чѣмъ получено оттуда. Если пренебрежемъ недостающую цифру за 1889 г., то заграницу послано почти въ 6 разъ больше денегъ, чѣмъ получено оттуда. Этотъ перевѣсъ высланныхъ за границу суммъ надъ полученными оттуда хотя и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему торговому балансу, по которому ввозъ товаровъ значительно превышаетъ вывозъ, однако излишекъ между высланными и полученными суммами не служитъ для платежа нашихъ долговъ за излишекъ ввоза надъ вывозомъ, такъ какъ, вообще говоря, торговыя операціи совершаются не почтой, а банками. У насъ торговцы въ исключительныхъ только случаяхъ, какъ напр., въ сношеніяхъ съ Турціей, обращаются къ услугамъ почты для платежа долговъ заграницей и предпочитаютъ сводить счеты съ своими заграничными кредиторами при болѣе дешевомъ посредствѣ различныхъ финансовыхъ учрежденій. По почтѣ же высылаются заграницу, въ большинствѣ случаевъ, мелкія суммы живущими у насъ иностранцами и т. п. Поэтому-то абсолютныя суммы денегъ, высланныхъ заграницу, незначительны. Общія суммы денегъ, полученныхъ по почтѣ изъ заграницы и посланныхъ туда, увеличились: первая въ 5,4 раза, вторая въ 4,5 раза. Слѣдующая таблица даетъ среднія годичныя суммы, вывезенныя и полученныя по почтѣ отъ главнѣйшихъ нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ въ періодъ 1887—1885 гг.

Государства.	Получено въ среднемъ годично франковъ.	Послано въ среднемъ годично франковъ.	Процентное отношеніе полученнаго къ послан.
Австрія . .	138.625	1.100.379	12 59
Германія .	29.857	315.167	9.47
Франція .	18.857	315.052	4.08
Румынія .	182.411	226.189	121.07
Швейцарія*)	5.074	150.660	2.24

*) Черезъ Швейцарію посылаются почтовыми записями суммы въ Англію, съ которой Болгарія не находится въ прямой связи.

Digitized by Google

Съ Россіей и Турціей мы до сихъ поръ не имѣемъ конвенціи для пересылки денегъ почтовыми записями.

М. К.

Дневникъ журналиста.

Греко-турецкій конфликтъ.

I.

Въ началѣ 1895 года японцы разгромили Китай; въ началѣ слѣдующаго 1896 г. абиссинцы побили итальянцевъ; теперь опять лилась кровь на точномъ основаніи международнаго права и турецкая орда топчетъ копытами своихъ коней историческую почву древней колыбели нашей цивилизаціи. Турки раздавили грековъ, пролагая себѣ путь полчищъ Ксеркса и не встрѣчая ни откуда протеста и сопротивленія, кромѣ малочисленныхъ, плохо вооруженныхъ, еще хуже руководимыхъ отрядовъ, умѣющихъ умирать не хуже своихъ знаменитыхъ предковъ, но безсильныхъ въ борьбѣ съ многочисленною ордою, вооруженною всею техникою современной военной цивилизаціи. Противъ Мильтіада и Павзанія стояли орды первобытныя, безъ техники и дисциплины. Противъ Смоленица и Маноса выступили такія же орды, но обученные и вооруженные представителями высшей культуры. Въ этихъ условіяхъ Les gros bataillons ont toujours raison и никакое самоотверженіе и энтузіазмъ не уравновѣситъ маузеровскихъ ружей, крупповскихъ пушекъ, стратегической науки учениковъ Мольтке. Печальный и кровавый эпизодъ пережило человѣчество въ теченіе весны настоящаго года, печальный и поучительный во многихъ отношеніяхъ и смыслахъ. Стоитъ остановиться на немъ и уяснить его исторію и значеніе.

Давно сказано, что наше время—жестокое время. Часто повторяются эти слова, не становясь, однако, отъ такого повторенія ни избитымъ выраженіемъ, ни общимъ мѣстомъ. Слишкомъ уже велика эта жестокость вѣка. Слишкомъ живо чувствуется каждымъ живымъ сердцемъ. Слишкомъ глубоко она затрагиваетъ общественное чувство и сознаніе. И давно эта жестокость вѣка не обнаруживала себя съ такою не прикрытою, ничего не стыдящеюся наготой какъ въ кровавыхъ событіяхъ, обагрившихъ нынѣ славную землю древней Эллады. Зачѣмъ это кровопролитіе, жестокое, удручающее обѣщающее самыя горестныя послѣдствія? Кому то, однако, онъ понадобилось... Карты еще не совсѣмъ вскрыты.

Когда двадцать одинъ годъ тому назадъ, въ 1876 году, среди

Digitized by Google

такого же лицемѣрія и равнодушія, тонкихъ интригъ и спекуляціи. Сербія и Черногорія, не выдержавъ, такъ же необдуманно, какъ нынѣ Греція, но такъ же великодушно и самоотверженно бросились спасать гибнущихъ братьевъ, давно взывавшихъ о помощи, а державы тоже выжидали рѣшительныхъ событій, мнѣ случилось бесѣдовать объ этихъ событіяхъ съ покойнымъ нынѣ В. И. Григоровичемъ, извѣстнымъ славистомъ, горячо преданнымъ идеѣ славянскаго освобожденія. Онъ былъ глубоко взволнованъ ходомъ событій. Старый, много видавшій человѣкъ, хорошо знавшій Турцію и не вѣрившій въ ея якобы военный упадокъ, о которомъ тогда столь же ошибочно прокричали, какъ и теперь, Григоровичъ не ожидалъ добра отъ великодушнаго самоотверженія маленькаго мужественнаго народа, выступившаго на защиту угнетенныхъ братьевъ, истязуемыхъ, избиваемыхъ той же дикою ордою, что и теперь. Не вѣрилъ и не довѣрялъ онъ, конечно, и европейскому концерту съ его лицемѣрнымъ сочувствіемъ угнетеннымъ. Съ грустью и тревогой слѣдилъ онъ за развивающимися событіями.

— Это послѣдняя война за идею,—говорилъ мнѣ уважаемый ученый. Она будетъ неудачна, далѣе...

Печально помолчавъ, онъ прибавилъ: «Далѣе будутъ воевать за концессію». Мы разстались и болѣе не увидѣлись. Вскорѣ старый ученый скончался, не дождавшись русскаго вмѣшательства и освобожденія Болгаріи, которая, можно сказать, имъ была открыта и предъявлена изумленному ученому міру. Не значитъ-ли это, что и теперь еще возможно ожидать благопріятнаго поворота, и на горестныхъ пораженіяхъ, обагрившихъ горы Олимпа и равнины Ѳессаліи, произрастутъ плоды освобожденія и пріобщенія новыхъ группъ восточнаго населенія къ европейскому прогрессу? Всѣ истинные друзья человѣчества и цивилизаціи не могутъ не желать такого поворота. Позволительно, однако, сомнѣваться въ его возможности и вѣроятности. Гдѣ та сила, которая способна не только остановить турецкую армію въ ея побѣдоносномъ движеніи, но и дать этому нашествію обратное движеніе, заставить варварство заплатить цивилизованному міру за свое временное торжество? Въ 1876 году такою силою явилась Россія. Въ ноябрѣ категорическій ультиматумъ мгновенно остановилъ побѣдоносное наступленіе арміи Абдулъ-Керима, а 12 апрѣля 1877 года, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, не добившись реформъ, Россія объявила войну. Надобно было двѣ кампаніи и серьезное напряженіе русскаго могущества, чтобы принудить Турцію къ покорности. Въ настоящее время, нѣтъ основанія ожидать подобнаго же русскаго вмѣшательства въ пользу грековъ, неосторожно, но великодушно и самоотверженно отозвавшихся на страданіе своихъ братьевъ. Если же не Россія, то кто-же? Вѣна и Берлинъ явно сочувствуютъ туркамъ. Въ Парижѣ ограничатся хорошими словами; Италія слаба даже для Абиссиніи... Что касается Англіи, то ея явно агрессивная политика въ Южной

Digitized by Google

Африкѣ и въ бассейнѣ верхняго Нила, способная ее привести въ столкновеніе съ Франціей и Германіей, показываетъ, что силы свои она предназначаетъ не для грековъ. Она съумѣла бы ихъ не разбрасывать. Кто же заступится? Признаться, мнѣ не видно достаточной силы не только для того, чтобы плоды войны были новымъ шагомъ по пути освобожденія Востока, но и для того, чтобы, возстановить status quo ante bellum. Если Турція сама не отступится отъ своихъ завоевательныхъ намѣреній, ее можетъ принудить къ этому только очень серьезная сила. Мобилизовано турками уже свыше полумилліона отличной боевой арміи. Мобилизація продолжается и въ скоромъ времени турецкая армія развернется въ составѣ до 800 тысячъ. Опьяненная побѣдою, сознающая свою силу, опирающаяся на фанатически одушевленное мусульманское населеніе, Порта можетъ быть не уступчивою. И тогда кто принудитъ ее къ покорности?

Есть нѣкоторые шансы думать, что Турція, наученная горькимъ опытомъ 1877—78 гг., удручаемая плохими финансами, сама пойдетъ на уступки и согласится даровать Греціи миръ на сносныхъ условіяхъ. Въ этомъ только и можно видѣть нѣкоторую надежду на спасеніе Греціи. Если же Греція спасена не будетъ и ордѣ будетъ дано восторжествовать вполнѣ, тогда, пожалуй, придется вспомнить пророческія слова стараго ученаго: «Это послѣдняя война за идею, далѣе будутъ воевать за концессію...» Положеніе еще не достаточно выяснилось и можно еще надѣяться на спасеніе героическаго маленькаго народа, съ такою отвагою и самопожертвованіемъ ринувшагося защищать избиваемыхъ и угнетенныхъ братьевъ. Выяснилась покуда вполнѣ только совершенная неудача этого героизма, напрасность этой великой жертвы. Наша туркофильская пресса передавала исторію этой неудачи въ столь невѣрномъ и пристрастномъ освѣщеніи, что, быть можетъ, будетъ не лишнимъ и не безинтереснымъ дать связное изложеніе этого горестнаго эпизода современной исторіи.

II.

Ѳессалія, на почвѣ которой разыгралась эта жестокая трагедія, представляетъ изъ себя плодородную и богато орошенную котловину, со всѣхъ сторонъ окруженную высокими лѣсистыми, трудно проходимыми горами. На западѣ хребетъ Пиндъ отдѣляетъ Ѳессалію отъ Эпира, имѣя только нѣсколько трудно проходимыхъ тропинокъ и ни одной разработанной дороги. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ греческой арміи былъ довольно хорошо обезпеченъ отъ комбинованнаго наступленія эпирскихъ турковъ. Но если въ этомъ отношеніи Пиндъ сослужилъ свою добрую службу грекамъ, то восточный окраинный хребетъ Осса, отдѣляя ѳессалійскій театръ военныхъ дѣйствій отъ моря, разобщалъ греческую сухопутную

Digitized by Google

армію отъ общенія съ флотомъ и обезпечивалъ лѣвый флангъ арміи Эдгема паши отъ всякой опасности со стороны моря. Осса служила туркамъ столько же, сколько Пиндъ грекамъ, оба однако имѣя меньше значенія, нежели поперечные широтные хребты, на сѣверѣ Олимпъ, на югѣ—Отрисъ. На склонахъ и въ проходахъ этихъ хребтовъ и лилась кровь, такъ обильно обагрившая этою весною историческую почву Ѳессаліи. Гдѣ въ оно время обитали легендарные Кентавры; откуда Язонъ выступилъ въ свой походъ; гдѣ родился и выросъ Ахиллесъ; гдѣ палъ Пелопидъ; гдѣ закатилась звѣзда Македоніи и фаланга дрогнула и побѣжала передъ натискомъ латинскихъ когортъ; гдѣ, позднѣе, Цезарь сломилъ побѣдоносные легіоны Помпея, на тѣхъ же историческихъ, много видавшихъ поляхъ была сломлена и сила грековъ и восторжествовалъ варваръ. Les gros bataillons ont toujours raison.

Ѳессалія досталась грекамъ недавно. Правда, еще въ 1829 году, по адріанопольскому миру, Турція обязалась очистить Ѳессалію и согласилась включить ее въ составъ освобожденной Греціи. Франція, Англія и Австрія склонили однако Россію отказаться отъ этого условія и Ѳессалія еще на полстолѣтія осталась во власти турковъ. Въ 1878 году берлинскій конгрессъ присудилъ ее Греціи. Турція согласилась, но не торопилась исполненіемъ. Только въ 1881 году Европа принудила ее очистить Ѳессалію и передать грекамъ. Прежняя граница проходила по гребню Отрисскихъ горъ, окаймляющихъ Ѳессалію съ юга. Новая граница была проведена по южнымъ предгоріямъ Олимпа, составляющаго сѣверную границу Ѳессаліи. Турки удержали главный кряжъ Олимпа, чѣмъ въ сущности нарушили берлинскій трактатъ, присудившій грекамъ *всю* Ѳессалію. Удержанныя позиціи имѣли громадное значеніе въ настоящую войну. Еще болѣе значительное отступленіе отъ постановленій берлинскаго трактата было допущено при проведеніи новой границы въ Эпирѣ, гдѣ турки удержали чуть не половину всей территоріи, присужденной на конгрессѣ грекамъ. Турки были упорны, воевать никто не хотѣлъ. Пришлось уловлетвориться тѣмъ немногимъ, на что турки согласились. Это было всетаки лучше, чѣмъ ничего. Греки приняли, что имъ дали, но сохранили свои притязанія, опирающіяся на точномъ, буквальномъ смыслѣ берлинскаго трактата. Это нарушеніе турками берлинскаго трактата давало грекамъ совершенно законный предлогъ для войны во всякое время, когда они то сочли бы удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Имѣя за собою нравственное право, вытекающее изъ гоненій, претерпѣваемыхъ въ Турціи христіанами, греки имѣли и юридическое право въ этомъ циническомъ попираніи трактата турками. Они имѣли *право*, но *сила* оказалась не на ихъ сторонѣ. Можно было предвидѣть, что сила будетъ на сторонѣ турковъ, но можно было разсчитывать на быстроту, которая не дала бы туркамъ времени изготовиться къ борьбѣ; на энтузіазмъ, охватившій весь эллинскій народъ; на господство на морѣ;

Digitized by Google

на возстаніе балканскихъ и малоазійскихъ христіанъ; на выступленіе въ поле болгаръ и сербовъ; на вмѣшательство Европы... Ничего изъ этихъ возможностей и вѣроятностей не сбылось и грекамъ пришлось вести неравную борьбу въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ будто преднамѣренно приготовленныхъ для совершеннаго пораженія.

На этихъ страницахъ мнѣ не однажды приходилось бесѣдовать о турецкихъ дѣлахъ вообще, о критскихъ—въ частности. Съ сущностью этого вопроса мы, стало быть, достаточно знакомы. Это все та же сказка про Яшку красную рубашку, которую Блистательная Порта въ теченіе всего XIX вѣка безъ устали разсказываетъ Европѣ, которая безъ устали ее слушаетъ. Рѣзня, потомъ обѣщаніе реформъ, потомъ неисполненіе обѣщанія. Затѣмъ опять рѣзня, опять обѣщанія, снова неисполненіе и т. д., и т. д. Иногда сказка разнообразится приступомъ къ реформамъ, которыя, однако, затѣмъ втихомолку сводятся къ нулю, впредь до новой рѣзни. Въ Герцеговинѣ и Болгаріи сказка эта повторялась безчисленное число разъ, пока въ 1876 году сербы и черногорцы не рѣшились поставить на карту самое существованіе свое, чтобы вынудить у цивилизованнаго міра побольше вниманія къ этимъ вѣчнымъ страданіямъ райи. То же, что съ болгарами, позже на нашихъ глазахъ повторилось съ армянами, греками, маронитами, іезидами и т. д. Но особенно часто свою немудреную, но по истинѣ волшебную сказку разсказывала Европѣ Порта по поводу Крита, гдѣ мужественное населеніе не разъ съ оружіемъ въ рукахъ искало своего права, элементарнаго права на жизнь и личную безопасность. Въ 1896 г. снова возгорѣлась эта нервная борьба и снова Порта начала свою безконечную сказку, такъ чудесно гипнотизирующую европейскій концертъ. Снова избіенія; снова ираде о реформахъ; назначеніе христіанина-губернатора; его безсиліе, потому что военная сила оставлена въ рукахъ паши-магометанина; безконечная переписка съ державами... Въ такомъ видѣ 1896 годъ завѣщалъ 1897 году критское дѣло. Объ автономіи еще не было и рѣчи, толковали о реформахъ и объ организаціи христіанской жандармеріи. Не поднималось вопроса и объ очищеніи острова отъ турецкихъ войскъ. Надобно все это напомнить, чтобы признать громадное разстояніе, насъ отдѣляющее отъ этого положенія. Полная политическая автономія, удаленіе турецкихъ войскъ, европейская оккупація — это совсѣмъ не то, что пресловутыя реформы подъ пушками Абдулла-паши. Несомнѣнно, что это торжество правды и культуры явилось послѣдствіемъ энергической и самоотверженной инициативы греческаго народа. Королевичъ Георгій внезапно появился съ эскадрой передъ островомъ и высадилъ нѣсколько батальоновъ греческихъ войскъ съ нѣсколькими орудіями подъ командою полковника Вассоса. Съ этого момента островъ фактически освобожденъ изъ-подъ

Digitized by Google

власти турковъ, которые удержали только нѣсколько прибрежныхъ фортовъ, да и то подъ защитою европейскихъ эскадръ.

Высадка грековъ на Критъ была въ сущности началомъ борьбы между Греціей и Турціей. Что могли бы здѣсь подѣлать державы, искавшія сохраненія мира. Или *немедленно* принудить стороны къ миру, или предоставить событія ихъ естественному теченію. Промедленіе въ рѣшеніи являлось прямою выгодою для турковъ, которымъ нужно не мало времени для мобилизаціи и сосредоточенія арміи. Если бы греки въ февралѣ начали войну, событія могли бы сложиться иначе. Турки тогда не имѣли на греческой границѣ никакихъ войскъ и для мобилизаціи должны были располагать срокомъ, настолько значительнымъ, что греки могли бы занять ровно столько македонской территоріи, чтобы вызвать вмѣшательство Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, возстаніе въ разныхъ мѣстностяхъ, турецкія хорошо извѣстныя репрессаліи и пр. Послѣдствія предвидѣть было бы затруднительно. Всякое промедленіе спасало Турцію, а именно это промедленіе и явилось послѣдствіемъ вмѣшательства державъ, которымъ ровно столько времени понадобилось для переговоровъ, сколько туркамъ для мобилизаціи. Державы, однако, уже почти согласились понудить стороны къ миру, когда война сама собою вспыхнула. Двѣ жестоко враждебныя арміи, стоящія во всеоружіи другъ противъ друга, конечно, не могли выжидать медленныхъ рѣшеній европейской дипломатіи. Фактически война началась вторженіемъ отряда греческихъ добровольцевъ на турецкую территорію; юридически—объявленіемъ войны турками. Въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій положеніе изъ благопріятнаго Греціи, какъ оно было въ февралѣ, уже превратилось въ благопріятное туркамъ, успѣвшимъ сосредоточить значительныя силы на склонахъ Олимпа.

Къ началу войны турки имѣли на эпирской (на западѣ) границѣ около 25 тысячъ пѣхоты съ 50-ю пушками и 500 саблями. Эта армія находилась подъ командой Ахмеда-Гифзи-паши, дивизіоннаго генерала и генералъ-губернатора вилайета Янины, гдѣ расположена и главная квартира этой арміи. Она дѣлилась на двѣ дивизіи: первая—подъ командой бригаднаго генерала Османа-паши имѣла своей квартирой Янину, вторая—подъ командою дивизіоннаго генерала Мустафа-паши — имѣла своей квартирой Луросъ. Артиллерія арміи состояла изъ 3-хъ полевыхъ баттарей, расположенныхъ въ Лурось, двухъ полевыхъ баттарей и двухъ горныхъ баттарей въ Янинѣ. Конницы всего было 2 эскадрона да три ожидались. Въ послѣдніе дни пришли подкрѣпленія, направляемыя къ крайнему западу границы противъ Арто; туда же направлена была и часть дивизіи изъ Янины. Вмѣстѣ съ подкрѣпленіями турки разсчитывали имѣть въ Эпирѣ 33,500 человѣкъ. Главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій является однако Ѳессалія. Здѣсь турецкая армія состояла

Digitized by Google

изъ 7-ми дивизій, числящихъ вмѣстѣ 113,000 пѣхотинцевъ, 2,700 кавалеристовъ, 252 пушекъ.

Къ ней спѣшили изъ Анатоліи 16 баталіоновъ редифа, по 800 человѣкъ каждый, т. е. 12,800 человѣкъ всего. Итого въ моментъ открытія непріязненныхъ дѣйствій турки достовѣрно имѣли на границѣ сосредоточенныхъ и готовыхъ къ бою 162 тыс. регулярныхъ войскъ при трехъ-стахъ орудіяхъ. Греки имѣли противъ нихъ 44 тыс. регулярныхъ войскъ при 114 пушкахъ. Одинъ комбатантъ противъ четырехъ и одно орудіе противъ трехъ—таково отношеніе, съ которымъ начата война. Отношеніе это въ теченіе мѣсяца войны измѣнилось, потому что къ туркамъ постоянно подходили подкрѣпленія, которыхъ у грековъ не было, да и взять негдѣ. Были правда еще добровольцы, но и турки ими запаслись изъ Албаніи.

Если и въ февралѣ начинать войну было самоотверженнымъ и великодушнымъ подвигомъ, то не отказаться отъ нея въ апрѣлѣ было уже прямо безуміемъ и на греческомъ правительствѣ лежитъ тяжкая отвѣтственность и за то, что для войны былъ пропущенъ благопріятный моментъ, и за то, что она была допущена, когда уже нельзя было сомнѣваться въ неудачѣ. Перевѣсъ численности слишкомъ былъ очевиденъ. Героизмъ греческаго народа былъ на этотъ разъ неумѣло и необдуманно использованъ легкомысленными его правителями.

III.

Непріязненныя дѣйствія открылись, какъ извѣстно, вторженіемъ отряда греческихъ добровольцевъ на турецкую территорію. Сообщаемъ изложеніе этого событія въ передачѣ корреспондента «*Daily News*», сопровождавшаго отрядъ капитана Милонаса, состоявшій изъ грековъ-волонтеровъ, къ которымъ присоединился и Кипріани со своими итальянцами. «Въ воскресенье, пишетъ цитируемый корреспондентъ, 4 апрѣля (23 марта), узнавъ чрезъ лазутчиковъ, что турки собрали большія силы въ томъ пунктѣ границы, гдѣ мы намѣревались перейти ее, капитанъ Милонасъ приказалъ снять лагерь и возвратиться къ Калабакѣ. На слѣдующій день мы двинулись къ сѣверо-западу, по рѣкѣ Пенею, и расположились около мельницы въ двухъ верстахъ отъ деревни Мерица. На пути г. Кипріани со своими итальянскими добровольцами заблудился, не разобравъ даннаго приказа, и догналъ отрядъ только въ среду. Инсургенты простояли на мѣстѣ весь вторникъ, такъ какъ этотъ день считается у грековъ несчастливымъ для какихъ-либо начинаній. Итальянцы, не привыкшіе къ такимъ труднымъ переходамъ, выбились изъ силъ и вынуждены были цѣлый день отдыхать. Между тѣмъ главныя силы отряда двинулись черезъ холмы къ ущелью, гдѣ расположились на ночлегъ и пробыли до полудня 8 апрѣля (27 марта

Digitized by Google

ст. ст.). Вечеромъ мы поднялись на нагорную мѣстность и расположились лагеремъ въ разстояніи одного часа пути отъ границы. Нашъ лагерь былъ расположенъ на дикой, романтической покатости. Мѣстность покрыта сосновымъ лѣсомъ и, освѣщенная многочисленными кострами, представляла красивую картину. Около костра капитана Милонаса замѣчалась оживленная дѣятельность. Почти всю ночь приходили и уходили вѣстовые, и военный совѣтъ продолжался два часа.

«Въ полночь Давелисъ и Бермасъ съ 600 человѣкъ тихо направились черезъ границу по проходу, лежащему правѣе пограничнаго форта пророка Иліи. Отрядъ не встрѣчалъ сопротивленія и занялъ сильныя позиціи. Въ пятницу, 9 апрѣля (28 марта), около семи часовъ утра, двинулся растянутою колонной и главный отрядъ, съ распущенными знаменами. Вожди были верхами на лошадяхъ. На границѣ отрядъ раздѣлился на двѣ колонны, одна подъ начальствомъ капитана Милонаса, другая подъ начальствомъ капитана Капсалопуло, и эти колонны перешли границу въ двухъ пунктахъ, находящихся въ разстояніи часа пути одинъ отъ другого. Колонна капитана Милонаса вскорѣ вступила въ жаркую перестрѣлку съ турецкимъ фортомъ Финика. Тогда рѣшено было штурмовать фортъ, что и исполнено инсургентами съ замѣчательною храбростію. Два турецкіе солдата были убиты и девять взяты въ плѣнъ.

«Перешедши границу, обѣ колонны стали подходить съ двухъ сторонъ къ Балтино—деревнѣ, состоящей изъ трехъ десятковъ домовъ. Во время этого пути турки изъ смежныхъ фортовъ постоянно стрѣляли въ отряды. На разстояніи 1500 шаговъ отъ Балтино оттуда открыли ружейный огонь, и пули начали свистать около нашихъ ушей. Вскорѣ мы узнали, что турковъ въ Балтино около сотни человѣкъ и, нужно отдать имъ справедливость, они оказали рѣшительное сопротивленіе. Въ то же время капитанъ Давелисъ штурмовалъ нѣсколько смежныхъ турецкихъ фортовъ съ такимъ успѣхомъ, что гарнизоны этихъ фортовъ одинъ за другимъ отступали къ Балтино съ потерями.

«Балтино находится на краю горнаго отлога, такъ что инсургенты могли подойти очень близко и занять крайніе дома, изъ которыхъ открыли сильный огонь по турецкимъ войскамъ, находившимся въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ въ самой серединѣ селенія. Долго продолжалась перестрѣлка, но турки держались, и трудно было ихъ вытѣснить оттуда. Около полудня капитанъ Милонасъ послалъ двухъ плѣнныхъ съ предложеніемъ гарнизону сдаться, такъ какъ безполезно-де продолжать борьбу при столь неравныхъ силахъ. Начальникъ турецкаго отряда отвѣтилъ, что онъ будетъ биться до конца. Тогда капитанъ Милонасъ далъ сигналъ прекратить огонь и рѣшилъ вечеромъ взорвать домъ динамитомъ. Въ это время начался градъ, который затѣмъ перешелъ въ дождь и снѣгъ, и инсургенты промокли до костей. Турки въ это время

Digitized by Google

попытались сдѣлать три вылазки, но были отбиты съ урономъ. Однако, взорвать домъ не удалось, такъ какъ нельзя было положить динамитъ въ удобное для того мѣсто. При такомъ положеніи я уѣхалъ. На обратномъ пути мы получили свѣдѣніе, что на помощь Балтино подходилъ цѣлый турецкій баталіонъ съ горнымъ орудіемъ, но былъ отбитъ инсургентами. Потери инсургентовъ состоятъ изъ девяти убитыхъ и большого числа раненыхъ. Отрядъ Кипріани участвовалъ въ битвахъ, но когда начался градъ и снѣгъ, итальянцы не вынесли суровой погоды и ушли».

Такъ началась война. Вслѣдъ за отрядомъ Михаласа начали переходить границу и другіе отряды волонтеровъ. Имъ удалось овладѣть нѣкоторыми важными позиціями и проходами, которые войска Эдгема-паши возвратили лишь послѣ двухдневныхъ упорныхъ битвъ. Только около 1 (13) апрѣля туркамъ удалось очистить турецкую территорію отъ греческихъ волонтеровъ. Когда же 5 (17) апрѣля нападеніе повторилось, султанъ объявилъ войну и непріязненныя дѣйствія открылись оффиціально.

Въ самый день объявленія войны отрядъ греческихъ волонтеровъ численностью около 2 тыс. человѣкъ перешелъ границу и послѣ кровопролитнаго боя овладѣлъ пограничными укрѣпленіями. На слѣдующій день, 6 (18) апрѣля, уже сосредоточенная турецкая армія возвратила укрѣпленія, а 7 апрѣля массою четырьмя колоннами перешла границу. Греческая граница, протягивающаяся, какъ уже выше сказано, по южнымъ предгоріямъ Олимпа, имѣетъ гористый пересѣченный характеръ. Хотя главные проходы и перевалы Олимпа оставались въ рукахъ турковъ, тѣмъ не менѣе и греческія позиціи были удобны для обороны при сколько-нибудь равныхъ силахъ. Четыре дороги ведутъ здѣсь изъ Турціи въ Грецію: на Незеро, Гритсовали, Мелунъ и Ревени. Между этими четырьмя позиціями было распредѣлено около 30 тыс. человѣкъ грековъ, которые общій резервъ (едва ли полныхъ 10 тыс.) имѣли въ Ларисѣ. Около 120 тыс. турокъ при 252 орудіяхъ были двинуты 7 апрѣля на греческія позиціи. Всѣ аттаки на позиціи у Незеро и Ревени (на крайнемъ лѣвомъ и крайнемъ правомъ флангахъ греческой арміи) были послѣдовательно отбиты греками съ большимъ урономъ для туркокъ. Также неудачны были вначалѣ и аттаки противъ позицій Мелунскихъ и Гритсовальскихъ. Послѣ полудня, однако, туркамъ удалось овладѣть этими позиціями. Послѣдовавшая затѣмъ контр-аттака грековъ увѣнчалась сначала полнымъ успѣхомъ. Вечеромъ же съ новыми свѣжими силами турки снова захватили нѣкоторыя высоты, командующіе надъ мелунскимъ проходомъ. Такъ кончилась первая генеральная битва. Изъ Константинополя телеграфировали при этомъ, что «въ своихъ донесеніяхъ Эдгемъ-паша выставляетъ на видъ отвагу и энергію грековъ при оборонѣ позиціи Мелуны, Папа-Ливада и Тырнавоса. Нѣсколько турецкихъ постовъ, равно какъ небольшіе отряды и патрули, потерпѣли пораженіе». Тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе успѣхъ подъ Мелуномъ ободрилъ турковъ и «въ Ильдизъ-Кіоскѣ (сообщала та же телеграмма) замѣтно больше увѣренности». Однако, увѣренность была нѣсколько преждевременная. Греки вызвали резервы и возвратили потерянныя позиціи. Это было 9 апрѣля, а 10 не происходило, повидимому, серьезныхъ дѣлъ. Турки собирались съ силами послѣ того, какъ проиграли свое первое генеральное сраженіе. Это и былъ моментъ, когда изъ Константинополя былъ командированъ Гази-Османъ-паша, знаменитый защитникъ Плевны, и когда серьезно говорилось сбъ отозваніи Эдгема-паши.

На эпирскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій дѣла турковъ въ это время были тоже не важны. Греки, подъ начальствомъ полковника Маноса, вторглись на турецкую территорію, разбили у Луроса турецкій отрядъ, взяли фортъ Филлипіадесъ. Бомбардировка Превезы и высадка отряда у Деде-Агача дополнили собою затруднительность положенія турковъ въ эти первые дни войны, когда энтузіазмъ еще могъ хотя немного уравновѣшивать численное превосходство. Въ Эпирѣ границею между Греціей и Турціей служила рѣка Арта, впадающая въ заливъ того же имени и берега котораго подѣлены между турками и греками. На греческомъ берегу стоитъ городъ Арта, на турецкомъ—Превеза, основанная нѣкогда царемъ Пирромъ (извѣстнымъ своими побѣдами надъ римлянами), а въ средніе вѣка превращенная венеціанцами въ сильную крѣпость, долго служившую имъ опорнымъ пунктомъ противъ турковъ. Превеза въ настоящее время хорошо укрѣплена и своими бастіонами обстрѣливаетъ выходъ изъ Артскаго залива. Здѣсь неподалеку отъ Превезы у древняго Акціума произошла та знаменитая битва, которая передала власть надъ міромъ Октавіану Августу и основала первую императорскую династію Рима. Здѣсь же 7 апрѣля греческая флотилія обстрѣливала форты Превезы. Бомбардировка продолжалась нѣсколько дней, разрушила городокъ, но крѣпость не сдалась, какъ того ожидали греки. Турки умѣютъ отсиживаться. Успѣхи грековъ на средней Артѣ грозили обложеніемъ Превезы и съ суши, но приближеніе турецкихъ подкрѣпленій отвлекло вниманіе полковника Маноса.

Покушеніе грековъ на Деде-Агачъ, а затѣмъ и на Кавалу было тоже задумано умно и смѣло, но только не хватило силъ для выполненія. Главные резервы турковъ и всѣ ихъ рессурсы—въ Азіи. Самое естественное сообщеніе турецкой арміи съ ея азіятскимъ базисомъ — чрезъ Эгейское море; оно было прервано греческимъ флотомъ. Болѣе кружное сообщеніе чрезъ Константинополь и далѣе по желѣзной дорогѣ, соединяющей столицу имперіи съ Салониками. Эта дорога въ двухъ мѣстахъ приближается къ Эгейскому морю, у Ѳракійскихъ портовъ, Деде-Агача и Кавалы. Здѣсь-то греки попробовали сдѣлать небольшіе дессанты съ цѣлью разрушить желѣзно-дорожную линію и затруднить сообщеніе арміи. Турки оказались, однако, достаточно бдительны и тѣ небольшіе отряды, ко-

Digitized by Google

торые могли выдѣлить греки—были безъ особеннаго труда отражены турками, содержавшими во Ѳракіи уже въ то время свыше 100 тыс. войска (въ виду опасеній со стороны Болгаріи).

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ страстную пятницу, 11 апрѣля, Эдгемъ-паша, получивъ подкрѣпленія, возобновилъ наступленіе, по тѣмъ же четыремъ направленіямъ.

Въ пятницу бой былъ безрезультатнымъ. Въ субботу, турки были опять отбиты у Незеро и Ревени, но послѣ тридцати часоваго упорнаго сраженія овладѣли Мелунскимъ проходомъ, высотами Папа-Ливада и городкомъ Тырнавосомъ. Послѣ этого греческая армія принуждена была отступить по всей линіи. На военномъ совѣтѣ рѣшено было очистить не только Незеро и Ревени, съ такимъ героизмомъ удержанные въ двухъ генеральныхъ битвахъ противъ впятеро сильнѣйшаго непріятеля, но и Лариссу и Трикалу, главные города Ѳессаліи, лежащіе однако въ долинѣ и для слабаго числомъ гарнизона неудобные для защиты. При отступленіи греческаго аріергарда ночью съ 12 на 13 апрѣля отъ Тырнавоса на Лариссу произошла та паника, о которой такъ много писала наша туркофильствующая пресса. Подъ Аустерлицомъ паника была не меньше. Тѣмъ не менѣе это ночное бѣгство аріергарда довершило собою пораженіе греческой арміи. Очень живописное и характерное описаніе этого отступленія даетъ корреспондентъ «Агентства Рейтера».

«Предполагая, что сраженіе подъ Тырнаво возобновится на слѣдующій день—пишетъ корреспондентъ,—я вернулся въ городъ, гдѣ раздѣлялъ помѣщеніе въ одномъ покинутомъ домѣ со шведскимъ лейтенантомъ Вестерномъ. Около 11 часовъ вечера я, передъ сномъ, пошелъ еще разъ взглянуть на то, что дѣлается. Къ моему изумленію я наткнулся на обозъ съ военными припасами, который возвращался съ фронта. Я еще больше удивился, узнавъ, что немногіе, еще оставшіеся въ Тырнаво жители получили давнымъ-давно приказъ покинуть городъ; что главныя турецкія силы надвигаются на насъ и что вся греческая армія въ полномъ отступленіи, на лѣвомъ флангѣ греки уже отброшены, на правомъ — положеніе не надежно.

«Въ виду того, что моя повозка была отправлена съ телеграммами въ Лариссу, намъ съ лейтенантомъ Вестернъ пришлось идти пѣшкомъ. По дорогѣ мы нагнали корреспондента «Illustrated London News», который предложилъ мнѣ мѣсто въ своей повозкѣ. Мы проѣхали верстъ семь, когда поравнялись съ греческой пѣхотой. Уставшіе отъ четырехдневнаго боя и работы въ траншеяхъ, съ ногами въ болячкахъ, солдаты шли въ тягостномъ молчаніи, хотя обыкновенно они много болтаютъ на пути. Впрочемъ, и бывалые солдаты потеряли бы хорошее расположеніе духа, пробывъ такъ долго подъ непріятельскимъ огнемъ. Ночь была темная, такъ темна, что звѣзды казались въ непосредственной близости отъ земли.

«Медленно подвигались мы впередъ, пока снова не встрѣтили части войскъ, это были батареи и рядомъ обозы, телѣги и повозки съ разною домашнею кладью, и толпы плачущихъ поселянъ. Особенно жалки были женщины и дѣти. Отступленіе происходило въ страшномъ безпорядкѣ; все смѣшалось вмѣстѣ—солдаты и крестьяне и всѣ роды оружія между собою. Смятеніе увеличилось еще крпками со всѣхъ сторонъ и натискомъ

Digitized by Google

эвзоновъ и иррегулярныхъ войскъ въ странныхъ одѣяніяхъ. Теперь солдаты и говорили, и кричали, проклиная своихъ генераловъ и офицеровъ. Отступленіе становилось бѣгствомъ. Наша повозка тихо подвигалась среди толпы близкихъ къ отчаянію людей, среди плачущихъ женщинъ и дѣтей, среди лошадей и ословъ, до-нельзя нагруженныхъ и готовыхъ отъ испуга сейчасъ же все сбросить. Къ намъ только-что присоединился корреспондентъ «Times», потерявшій свою лошадь и багажъ — какъ вдругъ надъ толпой, съ прилегающихъ высотъ и полей, пронесся гулъ, переходящій въ пронзительное завываніе и что-то съ быстротою молніи надвигалось на насъ сзади. По прошествіи нѣсколькихъ секундъ, можно было разобрать среди рева крики: «турки насъ нагоняютъ!» Слѣва появилось человѣкъ двѣнадцать всадниковъ вмѣстѣ съ лошадьми безъ сѣдоковъ, кричавшихъ: «бѣгите, бѣгите, турки нагоняютъ!»

«Сплошной крикъ, какая-то агонія толпы поднялась въ ночной темнотѣ... Она парализовала разсудокъ и навѣки запечатлѣлась въ памяти.

«Началось безпорядочное бѣгство, люди хлестали лошадей, дѣти, женщины, солдаты какою-то компактною лавиной неслись впередъ. Многіе падали и находили, понятно, смерть подъ ногами бѣжавшихъ. Повозки переворачивались и получалось живое мѣсиво изъ людей, тюфяковъ, мебели, ящиковъ, амуниціи, лошадей, воловъ, ословъ и буйволовъ. И все это подъ покровомъ темной ночи... Всадники все прибывали слѣва. Потомъ разсказывали, что среди этихъ всадниковъ греческой конницы находились, дѣйствительно, турецкіе черкесы, но я плохо этому вѣрю и склоняюсь къ мысли, что безобразное бѣгство было вызвано страхомъ и болѣзненнымъ воображеніемъ.

«Вдругъ на подножку нашей повозки вскочило двое солдатъ съ лицами, блѣдными отъ ужаса. Мы собирались ихъ прогнать, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ прицѣлился въ меня. Въ это время, подъ тяжестью этихъ двухъ людей, повозка перевернулась и разбилась вдребезги. Всѣ полетѣли на землю. По счастію, я скоро поднялся на ноги и вмѣстѣ съ корреспондентомъ «Times» пошелъ впередъ. Другіе исчезли въ темнотѣ.

«Теперь начался настоящій пандемоніумъ. Въ припадкѣ безумнаго ужаса, солдаты, волонтеры, вооруженные крестьяне стали стрѣлять по всѣмъ направленіямъ. Спереди, сзади, справа, слѣва свистали пули, причемъ трескотня выстрѣловъ была даже не слышна изъ-за крика людскихъ голосовъ и рева объятыхъ ужасомъ животныхъ.

«Я присутствовалъ при оборонѣ Шипки, принималъ участіе въ самыхъ горячихъ битвахъ подъ Плевной, но никогда не видалъ такой жаркой перестрѣлки, какъ тутъ. Вся равнина была освѣщена отъ постоянныхъ вспышекъ при ружейныхъ выстрѣлахъ.

«Держась вмѣстѣ, мы съ корреспондентомъ «Times» пошли по придорожной канавѣ, но не сдѣлали и нѣсколькихъ шаговъ, какъ были сброшены съ ногъ отчаяннымъ натискомъ сзади. Меня начали топтать ноги бѣгущихъ... Съ невѣроятными усиліями я поднялся съ земли. Въ это время какой-то волонтеръ, бѣжавшій мимо меня, внезапно повернулся и, поднявши ружье, выстрѣлилъ на разстояніи трехъ вершковъ отъ моего лица. Я нагнулся и затѣмъ упалъ, и только этимъ спасъ свою жизнь.

«Оказалось, что я потерялъ своего товарища. Пришлось подвигаться впередъ одному, держась какъ можно дальше отъ дороги, по которой шла дикая гонка. Перестрѣлка продолжалась около получаса, не смотря на то, что рожкомъ данъ былъ сигналъ: «перестать стрѣлять!» Наконецъ, пальба прекратилась сама собой.

«Описанный мною пандемоніумъ происходилъ на пространствѣ многихъ миль. Нѣкоторые изъ знакомыхъ мнѣ греческихъ офицеровъ оказались на высотѣ своего положенія: отдавали приказы трубить въ рожокъ,

Digitized by Google

ѣздили изъ стороны въ сторону, стараясь возстановить порядокъ. Другіе, долженъ съ сожалѣніемъ заявить, потеряли голову и бѣжали безъ оглядки наравнѣ съ солдатами. Генералъ Мавромихалисъ, главнокомандующій, прибывшій въ Лариссу раньше другихъ, поѣхалъ назадъ съ цѣлью остановить безпорядочное бѣгство. Понятно, онъ ничего не могъ сдѣлать: смерчъ не остановишь.

«Когда я вернулся на главный путь, зрѣлище было изъ самыхъ ужасныхъ. Умирающія животныя, мужчины, женщины громоздились другъ на друга, цѣлыя горы существъ въ агоніи. Наконецъ, я достигъ Лариссы, причемъ новая давка, длившаяся цѣлыми часами, произошла на мосту черезъ Пеней, при въѣздѣ въ городъ. Собрать свѣдѣнія о числѣ погибшихъ при этомъ бѣгствѣ мнѣ было трудно; большинство опредѣляло число жертвъ въ 500—600 человѣкъ. Изъ пяти корреспондентовъ газетъ, бывшихъ при арміи, уцѣлѣли всѣ.

«Когда наступилъ день, отданъ былъ приказъ очистить также Ларриссу. Снова произошли ужасныя сцены, хотя, понятно, они не могли сравниться со вчерашнею. Раненый при ночномъ бѣгствѣ отъ Тырнаво англичанинъ-волонтеръ разсказывалъ, что при отходѣ поѣзда отъ Ларриссы греческіе офицеры выталкивали изъ вагоновъ женщинъ и дѣтей, а солдаты, назначенные охранять порядокъ на станціи, забрались на крыши вагоновъ, откуда оставшіеся внизу товарищи старались ихъ прогнать выстрѣлами. Поѣздъ отошелъ среди оживленной перестрѣлки между ними. Я поѣхалъ въ Воло и нашелъ тамъ тоже панику: ожидалось, что турки подойдутъ къ городу черезъ нѣсколько часовъ. Такъ какъ въ портѣ не было ни одного парохода, то люди кинулись къ лодкамъ, каикамъ и перебирались къ ближайшимъ въ заливѣ островамъ. Мнѣ тоже удалось достать каикъ, и я только что взошелъ въ лодку со своими вещами, какъ въ толпѣ произошло волненіе и раздались крики, чтобы мы покинули каикъ. Какіе-то люди бросились къ намъ на палубу, вышвырнули мои вещи и вытолкнули меня на берегъ, такъ какъ обезумѣвшая отъ страха толпа, повидимому, рѣшила никого не выпускать изъ порта: «мы должны умереть всѣ вмѣстѣ»,—кричала она. Одно время боялись, что толпа возьметъ приступомъ пароходъ «Ѳессалію», предназначенный для раненыхъ, и его вывели изъ гавани, а раненыхъ подвозили въ маленькихъ лодкахъ. Дѣло обстояло такъ плохо, что британскій вице-консулъ телеграфировалъ въ Аѳины британскому посланнику выслать въ Воло канонерку.

Пораженіе подъ Тырнавосомъ было, однако, далеко не такое полное, какъ можно было бы думать по этому интересному описанію. Главныя силы греческой арміи успѣли отступить въ полномъ порядкѣ и, занявъ новыя позиціи, энергически задержать наступленіе побѣдоноснаго Эдгема.

Одновременно съ этимъ турецкія дѣла поправились и въ Эпирѣ. Въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, когда войска Эдгема вступали въ Лариссу, турки и въ Эпирѣ перешли въ наступленіе и отбросили передовые отряды грековъ. 15 апрѣля Османъ-бей заставилъ Маноса отступить и взялъ обратно Луросъ. Порты же Филиппіадеса и Имарета оставались еще въ рукахъ грековъ.

Этими дѣйствіями можно считать законченнымъ первый періодъ войны. Неудача грековъ была ясна и доказана. Дальнѣйшія предпріятія были излишни и напрасны. Однако война продолжалась.

Digitized by Google

IV.

15 апрѣля въ Аѳинахъ произошли серьезныя уличныя безпорядки, направленныя противъ министерства Деліаниса, отчасти однако и анти-династическія. Деліанисъ однако не желалъ оставлять министерскаго кресла, ожидая поддержки парламента. Положеніе становилось столь серьезно, что державы вызвали военныя суда въ Пирей. Уступая настроенію, король уволилъ Деліаниса собственною властью и поручилъ составленіе министерства главѣ оппозиціи Ралли. Насколько отвѣтственно и безразсудно было поведеніе павшаго правительства, можно судить потому хотя бы, что новый президентъ министерства сдѣлалъ о положеніи дѣлъ слѣдующее поучительное заявленіе:

«Капитальною ошибкою было назначеніе трехъ молодыхъ королевичей на высшіе начальственные посты, при томъ не давъ имъ въ руководители опытныхъ генераловъ. Король желалъ только, чтобы королевичи участвовали въ дѣлахъ, но Деліанисъ настоялъ на томъ, чтобы имъ было ввѣрено высшее командованіе арміей и флотомъ. Въ качествѣ совѣтниковъ-руководителей были приставлены къ королевичамъ только сторонники правительства, тогда какъ всѣ генералы, принимавшіе участіе въ войнахъ франко-германской и русско-турецкой, были съ пренебреженіемъ оставлены въ сторонѣ. И вотъ почему въ то время, какъ операціи турецкой арміи уже за два мѣсяца до начала кампаніи подготовлялись опытными германскими офицерами, съ греческой стороны въ стратегическомъ отношеніи ничего ровно не было сдѣлано.

«Правительство обманывало короля и страну, какъ о состояніи финансовъ, такъ и о количествѣ оружія, которымъ располагало военное вѣдомство. Друзья его распространяли слухи, что банкиры Аверовъ, Цафари и Сингроссъ предоставили въ распоряженіе правительства 50 мил. франковъ въ видѣ безпроцентнаго займа, тогда какъ на дѣлѣ — эти банкиры взяли только на себя реализовать заемъ въ 20 мил. драхмъ. То же слѣдуетъ сказать и про запасы ружей. Страна исполнена такого энтузіазма, что любой грекъ, способный носить оружіе, поспѣшилъ бы къ знаменамъ, но у правительства нѣтъ ни ружей, ни даже патроновъ въ достаточномъ количествѣ. Король, основываясь на докладахъ министровъ, сказалъ мнѣ, что ружей и боевыхъ припасовъ хватитъ на стопятидесятитысячную армію, тогда какъ на дѣлѣ ихъ достало только на половину этой цифры».

Тѣмъ не менѣе и новое министерство сначала питало иллюзіи относительно возможности поправить дѣла, а можетъ быть *все* надѣялось на внѣшнюю помощь. Борьба такимъ образомъ продолжалась съ упорствомъ и героизмомъ, которые дѣлаютъ высокую честь греческому народу и арміи, но и съ безразсудствомъ, которое возлагаетъ тяжелую отвѣтственность на греческое правительство.

Digitized by Google

16 апрѣля турки заняли Трикалу, бывшій главный городъ Ѳессаліи подъ турецкимъ владычествомъ. Въ Трикалѣ и окрестностяхъ и теперь проживаетъ много мусульманъ, которые встрѣтили съ торжествомъ побѣдоносную армію падишаха. 17 апрѣля на театръ военныхъ дѣйствій прибыла еще одна, девятая, дивизія турковъ. 17 же апрѣля Европа узнала о тождественной нотѣ, адресованной Россіей и Австріей нейтральнымъ балканскимъ государствомъ, гдѣ они восхваляются за умѣренность и невмѣшательство. Послѣ этого позволительно было уже не ожидать вмѣшательства.

Очистивъ Ларисссу, греки отступили на сѣверныя предгорія Отрисскаго хребта. Главныя силы расположились у Фарсала на сильныхъ позиціяхъ, если ожидать только фронтальной аттаки. Позиціи однако могутъ быть обойдены, если непріятель имѣетъ значительное превосходство числа. Правое крыло греческой арміи заняло Велестино, защищая доступъ къ Волo, порту и цвѣтущему городу на юго-востокѣ Ѳессаліи и дорогу къ Альмиросу, единственному удобному проходу чрезъ Отрисъ, кромѣ прохода Домокосъ-Фурка, на пути къ которому стали главныя силы у Фарсала. У Велестино греки могли собрать всего одну бригаду, около 6—7 тыс. комбатантовъ. Не болѣе 30 тыс. сосредоточено было у Фарсала. Противъ нихъ Эдгемъ велъ не менѣе 150 тыс. частью свѣжихъ войскъ, постоянно получающихъ все новыя и новыя подкрѣпленія. 16 апрѣля турецкій авангардъ, наступавшій на Волo, наткнулся у Велестино на бригаду полковника Смоленица. Турки не ожидали сопротивленія и послѣ короткаго боя отступили. Они возобновили, однако, нападеніе. Корреспондентъ *Politische Correspondens* такъ описываетъ эту первую битву подъ Велестино. Авангардъ, какъ упомянуто, отступилъ.

«Два эскадрона, посланные на подкрѣпленіе авангарду были отбиты и черезъ четверть часа греческая пѣхота открыла по турецкой кавалерійской бригадѣ огонь спереди (дорога къ Волo) и слѣва (Пилафъ-Тепе). Турецкая артиллерія отвѣчала огнемъ двухъ конныхъ батарей и одной горной, насколько ей позволяло ея невыгодное положеніе. Греческая артиллерія стрѣляла довольно мѣтко; первые выстрѣлы падали у самыхъ лафетовъ турецкихъ орудій, но ни одна граната не лопнула.

«Вскорѣ турецкая батарея была принуждена отстрѣливаться съ трехъ сторонъ. Наступила темнота и такъ какъ лѣвое крыло грековъ направилось къ Ризамиосу съ цѣлью отрѣзать отступленіе турецкой кавалеріи, то нужно было поспѣшно отступить, чтобы спасти орудія. Для отступленія существовалъ только одинъ мостъ и въ тылу лежало озеро Карла. Съ этой цѣлью 13 полкъ вторично ворвался въ средину враговъ. Сулейманъ-паша напалъ на лѣвое крыло; въ это время батарея въ галопъ перешла черезъ мостъ, а за нею шагомъ отступилъ 13 полкъ и, наконецъ, 14. Пройдя деревню, бригада стала подвигаться рысью и отступила на востокъ до Герелли, гдѣ была встрѣ-

Digitized by Google

чена отрядомъ редифа Брусса. Отрядъ еще ночью наткнулся на таббію (брустверъ) за которою находились турецкія войска, истомленный голодомъ и жаждою. Вскорѣ подошло подкрѣпленіе въ видѣ отряда редифа Исмидъ и конной батареи. 17 апрѣля прибылъ полковникъ генеральнаго штаба Махмудъ-бей, сынъ генеральнаго комиссара въ Египтѣ, Гази-Мухтара-паши, который и принялъ на себя веденіе атаки 17 и 18 апрѣля. Полковникъ Махмудъ дѣйствовалъ ловко и рѣшительно, но непріятель въ этотъ промежутокъ времени успѣлъ получить подкрѣпленіе и въ полдень 18 отбилъ правое крыло турецкаго войска, не смотря на храброе наступленіе турковъ, и принудилъ къ 4 часамъ пополудни отступить лѣвое крыло (Шилафъ-Тепе и Рявомилосъ). Въ это время турки получили для подкрѣпленія 10 баталіоновъ и 2 батареи, но, тѣмъ не менѣе, было рѣшено не возобновлять нападенія до взятія Фарсалы».

Итого трехдневный побѣдоносный бой: восемь батальоновъ противъ восемнадцати, поддержанныхъ двумя полками конницы и шестью баттареями! Такой результатъ нельзя не назвать самымъ блистательнымъ подвигомъ. 19 апрѣля подъ Велестино битвъ не было, но 20 турки снова попытались овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ и снова неудачно. Ожесточенное нападеніе возобновляется 21 апрѣля, когда турки доводятъ свои силы до двухъ дивизій. Одинаково безуспѣшно продолжаются турецкія аттаки и 22 и 23 апрѣля и горсть храбрецовъ полковника Смоленица задерживаетъ на цѣлую недѣлю наступленіе 30 тыс. арміи. Эти упорныя и безплодныя аттаки турокъ подъ Велестино очень напоминаютъ ихъ такія же аттаки подъ Шипкой, и для греческаго оружія защита Велестино является не менѣе славною и блестящею страницею. Героизмъ защитниковъ Велестино не принесъ должныхъ плодовъ. Успѣхъ Эдгема-паши подъ Фарсаломъ, угрожая Смоленицу обходомъ, заставилъ послѣдняго 24 апрѣля очистить Велестино и отступить къ Альмиросу, куда и прибылъ благополучно 25 апрѣля вечеромъ.

Покуда подъ Велестино правое крыло греческой арміи остановило въ семидневномъ бою наступленіе побѣдоноснаго непріятеля, главныя силы были аттакованы Эдгемомъ подъ Фарсаломъ. Занявъ 16 апрѣля Трикалу и получивъ 17 подкрѣпленія, Эдгемъ выступилъ противъ отступившей греческой арміи. Повидимому, онъ надѣялся обойти ее и принудить къ отступленію, но геройское сопротивленіе отряда Смоленица вынудило Эдгема рѣшиться на фронтальную аттаку. 20 апрѣля турецкій главнокомандующій съ 65 тыс. войскомъ занялъ къ сѣверо-востоку отъ Фарсалы возвышенности Кене-Кефало, гдѣ около 2000 лѣтъ тому назадъ Филиппъ III Македонскій былъ разбитъ консуломъ Фламиніемъ и Македонія перестала существовать независимою націей. 21 апрѣля Эдгемъ передвинулся къ западу и началъ аттаку греческихъ позицій на той самой равнинѣ, на которой сражались Цезарь и Помпей. 21 апрѣля турецкія аттаки были всѣ отбиты. Съ новою силою возобновленныя 22 апрѣля, онѣ были

Digitized by Google

не болѣе успѣшны. Имѣя въ своемъ распоряженіи четыре батальона противъ одного греческаго и постоянно получая подкрѣпленія, Эдгемъ-паша могъ, конечно, не смущаться этими пораженіями. 23 апрѣля возобновлена снова аттака и на этотъ разъ увѣнчалась успѣхомъ. Сбитыя съ позицій греки поспѣшно отступили, очистивъ Фарсалу. Нѣкоторые части отступали въ полномъ безпорядкѣ. Обозъ королевича Константина, главнокомандующаго греческою арміей, захваченъ турками при этомъ бѣгствѣ грековъ.

Отступившая греческая армія заняла Домокосъ, городокъ у входа въ ущелье Фуркасъ, главный проходъ черезъ Отрисъ. У Фуркаса кончается Ѳессалія и начинается древняя Фтія, страна мирмидоновъ, родина Ахиллеса. Фтія узкая долина или скорѣе щель между высокими хребтами Отраси на сѣверѣ и Эты на югѣ. Щель эта орошена рѣкою Коерксосомъ и имѣетъ довольно значительный цвѣтущій городъ Ламія. Хребетъ *Эта* съ своимъ знаменитымъ Ѳермопильскимъ проходомъ, отдѣляетъ Фтію отъ Беотіи и далѣе уже нѣтъ никакихъ естественныхъ препятствій до самыхъ Аѳинъ. Занятіе Домокоса остатками арміи королевича Константина и Альмероса отрядомъ Смоленица показывало намѣреніе грековъ защищать Фтію, лишь шагъ за шагомъ отступая передъ напоромъ азіатской орды.

Эпиръ греки оставили 15 апрѣля, когда турки, оттѣснивъ Маноса, возвратили Луросъ, освободили Превезу, но тщетно думали отнять Филиппіадесъ и Имаретъ. 19 апрѣля эпирскіе турки получаютъ подкрѣпленія и 20 аттакуютъ грековъ у Пенте-Пикодіи. Греческія позиціи защищались 600 эвзонами и 400 волонтерами. Со стороны турковъ наступало 4000 рег. войска. Послѣ продолжительнаго боя греки отступили за Арту. Попытка же со стороны турковъ взять обратно 26 апрѣля фортъ Имаретъ отбита греками, которые получили тоже нѣкоторый перевѣсъ въ небольшихъ дѣлахъ у Рогоса и Коеро-Вуни. Эти успѣхи позволили Маносу даже перейти въ наступленіе. 23, въ самый день битвы подъ Фарсаломъ, Маносъ оттѣснилъ турковъ. Въ промежутокъ 24 апрѣля по 1 мая греки ведутъ энергично аттаки въ Эпирѣ. Маносъ беретъ снова Луросъ. Отрядъ десанта овладѣваетъ Камариной къ сѣверу отъ Превезы, но скоро снова вытѣсненъ оттуда турками. Другой отрядъ высаживается еще сѣвернѣе, у Никополиса, и успѣшно оттѣсняетъ турковъ. 1 мая у Имарета турки терпятъ пораженіе. Греки овладѣваютъ укрѣпленіемъ Халкіедасъ и успѣшно отражаютъ нападеніе у Грибова. Но въ битвахъ 2 и 3 мая у Луроса греки вынуждены отступить. Турки въ это время довели свою эпирскую армію до численности 60—70 тыс. комбатантовъ. Грековъ же было, какъ и вначалѣ, 10—12 тыс., считая и добровольцевъ. При томъ все тѣ же истомленные порѣдѣвшіе отряды.

Эти эпирскія битвы, лишній разъ обнаруживая замѣчательную энергію и энтузіазмъ, съ которыми греки вели эту роковую войну,

Digitized by Google

могли мало имѣть вліянія на общій ходъ войны. Центръ тяжести, конечно, на восточномъ театрѣ, гдѣ остатки греческой арміи все еще не отчаялись преградить путь вѣковѣчному врагу. 24—28 апрѣля, турки собирались съ силами въ Фарсалѣ, занявъ 26 апрѣля Волo. 28 Апрѣля, съ значительными силами, двумя колоннами Эдгемъ выступилъ противъ Домокоса. Другой отрядъ былъ двинутъ на Альмиросъ. 28 и 29 происходятъ аванпостныя дѣла. Эдгемъ ждетъ еще подкрѣпленій и 30 апрѣля ихъ еще получаетъ. Дожди мѣшаютъ операціямъ. 2 и 3 Мая происходятъ мелкія дѣла вокругъ Домокоса. 5 мая, въ полдень начинается генеральная аттака, отбитая на всей линіи. Со свѣжими силами она возобновляется вечеромъ. Правое греческое крыло не выдержало и отступило, послѣ чего отданъ приказъ объ общемъ отступленіи. Послано приказаніе очистить и Альмиросъ. Ночью на 6 мая заняты турками оба прохода и открытъ путь во Фтію. 7 мая турки начинаютъ аттаку на Ламію, но ее останавливаютъ, ибо 6 мая султанъ приказалъ остановить военныя дѣйствія. Остатки арміи наслѣдника расположились въ Θермопилахъ. Турки занимаютъ всю Θессалію, возвратили свои потери въ Эпирѣ и захватили проходы во Фтію. Въ такихъ условіяхъ находятся оба противника въ моментъ прекращенія военныхъ дѣйствій.

5 апрѣля началась война. 7 мая она прервана. Разбитая и раздавленная Эллада лежитъ у ногъ стоящихъ на ея горахъ варваровъ. Европа начинаетъ торговаться объ условіяхъ умиротворенія, о ликвидаціи этого горестнаго мѣсяца современной исторіи.

V.

Когда 28—29 марта, еще до оффиціальнаго объявленія войны, начались уже на границѣ кровавыя столкновенія, русская дипломатія сдѣлала единовременно представленія въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ, уговаривая воздержаться отъ войны и предостерегая отъ иллюзіи на счетъ возможнаго исхода и послѣдствій. Русская дипломатія предупредила враждующія и готовыя ринуться другъ на друга стороны, что нападающей сторонѣ не будетъ дозволено ни въ какомъ случаѣ воспользоваться одержанными побѣдами и ни въ какомъ смыслѣ увеличить свою территорію. Это категорическое заявленіе Россіи удержало султана отъ объявленія войны 29 марта, какъ то уже было рѣшено въ совѣтахъ Порты. Тѣмъ не менѣе 5 апрѣля Турція объявила войну и турки вторглись въ греческіе предѣлы. Правда, они мотивировали свое нападеніе нападеніемъ греческихъ волонтеровъ, но занимая великолѣпныя горныя позиціи съ сравнительно громадными силами, они могли, ничѣмъ не рискуя, ограничиться отраженіемъ этихъ малочисленныхъ отрядовъ. Объявленіе войны и вторженіе въ Θессалію соотвѣтствовало давно принятому рѣшенію и стычки съ волонтерами послужили

Digitized by Google

для того только предлогомъ. Русская дипломатія сообщила всѣмъ державамъ о сдѣланныхъ представленіяхъ, которыя и были поддержаны всѣми послами въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе едва-ли эти державы, лишь одобрившія иниціативу Россіи, сочтутъ себя обязанными силою настоять на исполненіи русскаго заявленія. Въ виду рѣшительныхъ успѣховъ турковъ, ихъ громадныхъ вооруженій и не менѣе громадныхъ ихъ притязаній, только что указанный шагъ русской дипломатіи возлагаетъ на нее очень трудную задачу добиться точнаго исполненія слова Россіи, не угрожая европейскому миру.

Вслѣдъ за этимъ первымъ дипломатическимъ шагомъ вскорѣ послѣдовалъ второй, тоже исполненный серьезнаго значенія. 9 апрѣля была разослана державамъ русская нота, въ которой указывалось, что начавшаяся греко-турецкая война, каковъ бы ни былъ ея исходъ, не должна ничего измѣнить въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя приняты державами относительно Крита и его будущности. Критъ не будетъ присоединенъ къ Греціи, даже если-бы грекамъ удалось восторжествовать надъ турками. Но съ другой стороны и побѣды турковъ, какъ бы онѣ рѣшительны ни были, не возвратятъ Крита подъ ихъ владычество. Островъ долженъ получить политическую автономію подъ протекторатомъ державъ и съ сохраненіемъ сюзеренныхъ правъ султана. Такимъ образомъ, эта русская нота отъ 9 апрѣля лишаетъ возможности вознаградить Турцію Критомъ, какъ заявленіе 29 марта лишаетъ возможности дать это вознагражденіе изъ Ѳессаліи и Эпира. Потеря Крита, а въ остальномъ status quo ante bellum—таковы плоды турецкихъ побѣдъ, прямо диктуемыя этими двумя категорическими заявленіями Россіи, одобренными европейскими державами. Если Турція все еще думаетъ иначе воспользоваться своими успѣхами, то или она готова на новую войну съ Россіей или разсчитываетъ, что русская дипломатія признаетъ нападающею стороною Грецію и не распространитъ своего категорическаго предъувѣдомленія на Турцію, будто бы лишь вынужденную обороняться.

Русскія ноты 28 марта и 9 апрѣля какъ бы предрѣшили всю напрасность и безплодность кровопролитія. Событія тѣмъ не менѣе развивались. 12 и 13 апрѣля было сломлено первое сопротивленіе грековъ. Занявъ вторую оборонительную линію, они мужественно отстаивали ее до 24 апрѣля, сражаясь одинъ противъ четырехъ, нерѣдко противъ пяти и шести. Между тѣмъ пало легкомысленное министерство Дельяниса. Новое министерство скоро поняло безполезность дальнѣйшей борьбы и въ то время, когда еще турки были отражаемы по всей линіи Велестино—Фарсалъ, 21 апрѣля, увѣдомило державы, что, подчиняясь желанію державъ, греческое правительство отзываетъ полковника Вассоса и его отрядъ съ острова Крита. 22 апрѣля греческое правительство дѣлаетъ еще примирительный шагъ и отказывается отъ вербовки добровольцевъ, но 23 апрѣля происходитъ рѣшительная

Digitized by Google

битва у Фарсала, вторая оборонительная линія потеряна и слабые остатки уничтоженной арміи спѣшатъ занять послѣдніе проходы изъ Ѳессаліи къ югу. Эти ли рѣшительные успѣхи Турціи были тому причиной, или вышеупомянутые примирительные шаги греческаго правительства, но 24 апрѣля Россія береть инціативу посредничества и вмѣшательства. Нотою отъ этого числа русская дипломатія указываетъ на необходимость прекратить безполезное кровопролитіе и предлагаетъ воюющимъ сторонамъ свои добрыя услуги въ согласіи съ прочими державами, какъ только одна изъ сторонъ обратится за посредничествомъ. Державы снова одобрили ноту Россіи. 25 апрѣля послы державъ дѣлаютъ соотвѣтственныя представленія въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ. Уже 26 апрѣля греческое правительство обращается за посредничествомъ, вполнѣ сознавая, что каждый мигъ дорогъ и промедленіе можетъ повести къ утратѣ и послѣдней, третьей оборонительной линіи. Державы тоже принимали во вниманіе это критическое положеніе маленькаго мужественнаго народа, безразсудно, но великодушно бросившагося въ эту неравную борьбу. Державы поспѣшили изъявить согласіе на посредничество, кромѣ, однако, Германіи, которая нашла, что въ греческой нотѣ недостаточно категорически говорится о признаніи автономіи Крита. Греція, конечно, немедленно исполнила желаніе нѣмцевъ, но нѣмецкая аккуратность задержала формальное начало посредничества до 1 мая. Это промедленіе дало возможность туркамъ оправиться отъ неудачъ въ Эпирѣ, а въ Ѳессаліи подойти къ послѣднимъ ретраншементамъ греческой арміи.

1 мая послы державъ редактировали и передали Портѣ коллективную ноту о посредничествѣ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить безполезное кровопролитіе. 2 мая Порта отвѣчала, что въ виду праздниковъ байрама она можетъ дать отвѣтъ лишь послѣ 4 мая. Между тѣмъ Эдгему было послано приказаніе ускорить рѣшительныя дѣйствія. И въ самомъ дѣлѣ, праздникъ байрама не помѣшалъ самому энергическому наступленію Эдгема-паши. 5 мая палъ Домокосъ, 6—заняты Альмиросъ и Фуркасскій проходъ, но 6 султанъ увидѣлъ себя вынужденнымъ остановить наступленіе арміи своего Ѳессалійскаго главнокомандующаго. Телеграмма русскаго императора султану была тому причиною. Еще днемъ раньше Порта отвѣтила, что пріостановитъ военныя дѣйствія, когда Грецію подпишетъ предварительныя условія мира. Иначе говоря, турки вполнѣ надѣялись подписать эти условія въ Аѳинахъ. Однако, султанъ въ послѣднюю минуту внялъ совѣту изъ Петербурга. Быть можетъ, Абдулъ-Гамиду припомнилось, что и въ 1876 году онъ получилъ такой же совѣтъ оттуда же, но добровольно не согласился остановить побѣдоносное движеніе своихъ войскъ въ Сербію. Послѣдствія для Турціи оказались довольно печальны. Правда, теперь положеніе нѣсколько иное, но вѣдь и турки очень мало проигрываютъ отъ пріостановки военныхъ дѣйствій теперь, когда всѣ отрисскіе про-

Digitized by Google

ходы въ ихъ рукахъ и греческая армія добита подъ Домокосомъ. Можно положительно сказать теперь, что сопротивленіе грековъ сломлено и сносныя условія мира для Греціи зависятъ отъ того, найдется-ли держава, которая согласится принудить Турцію къ умѣренности. Условія мира, желаемыя турками, стали извѣстны нѣсколько ранѣе пріостановки военныхъ операцій.

Спасетъ-ли русское вмѣшательство грековъ отъ тяжелой расплаты за военныя неудачи, еще трудно гадать, такъ какъ никто не знаетъ окончательныхъ намѣреній русскаго правительства и какъ далеко согласно оно довести свое заступничество. Несомнѣнно однако, что заступничество это остановило или пріостановило антидинастическое движеніе въ странѣ и предупредило иначе возможный переворотъ въ столицѣ. Въ то самое время, когда остатки арміи королевича Константина отстаивали послѣднія позиціи въ отрискихъ горахъ, супруга королевича, королевна Софія (сестра императора Вильгельма) подверглась на улицахъ Аѳинъ оскорбительной манифестаціи толпою. Она скрылась въ госпиталь, а оттуда пробралась во дворецъ другою улицею въ экипажѣ безъ гербовъ. Около того же времени имѣніе королевича Константина, расположенное въ Ахайѣ, подверглось нападенію толпы окрестныхъ жителей и было въ концѣ разгромлено. Пріостановка наступленія турковъ остановила и эти факты проявленія народныхъ волненій среди населенія, потерявшаго голову отъ этого головокружительно быстраго паденія надеждъ и не знающаго, кого обвинять въ бѣдствіяхъ, постигшихъ отечество. Это осложненіе положенія дѣлъ внутреннимъ состояніемъ несчастной Греціи является однимъ изъ опаснѣйшихъ факторовъ при рѣшеніи предстоящихъ, и безъ того очень трудныхъ вопросовъ. Греція внутренно дезорганизована, разорена, возбуждена до послѣдней степени и, при этихъ обстоятельствахъ, *физически не можетъ* принять суровыхъ турецкихъ условій, а требованія Турціи, дѣйствительно, болѣе, нежели суровыя.

Возстановленіе границы 1881 года (т. е. присоединеніе къ Турціи Ѳессаліи и греческой части Эпира); отмѣна капитуляцій (т. е. изъятія греческо-подданныхъ изъ подъ юрисдикціи турецкаго правосудія); и уплата 10 мильоновъ фунтовъ (250 мильоновъ франковъ) военной контрибуціи,—таковы условія, предъявленныя Портою посредничествующимъ державамъ. Эти условія, повидимому, сильно поразили кабинеты. Никто не ожидалъ такихъ притязаній, особенно послѣ русской ноты 28 марта, одобренной всѣми державами. Чрезмѣрность и прямая немыслимость для Греціи условій ясна до очевидности, но гдѣ средства понудить Порту къ умѣренности, да и можетъ-ли она сама быть настолько умѣренною, насколько того желаютъ державы?

Грецію, конечно, не можетъ заплатить четверть мильярда франковъ контрибуціи. Доходы греческаго королевства достигали суммы 90—100 милліоновъ франковъ. Изъ нихъ на уплату по займамъ отчи-

Digitized by Google

слялись 20—25 милліоновъ ежегодно, но этого не хватало на уплату всѣхъ процентовъ и вотъ уже лѣтъ десять Греція не доплачиваетъ ежегодно 10—15 милліоновъ франковъ по своимъ обязательствамъ. Убивши всѣ бюджетныя средства на войну, издержавши на нее же и всѣ суммы, предназначавшіяся для уплаты процентовъ по займамъ; сдѣлавъ новыхъ кратко срочныхъ займовъ у банковъ по скромному разсчету свыше 20 милліоновъ; сдѣлавъ усиленные выпуски бумажныхъ денегъ, и безъ того обезцѣненныхъ, откуда можетъ взять Греція 250 милліоновъ франковъ для уплаты туркамъ цѣны ихъ побѣдъ? Если бы даже, при гарантіи державъ, капиталы и нашлись, то вѣдь это увеличеніе платежа minimum на 15 милліоновъ въ годъ, а и нынѣ бюджетныхъ средствъ не хватало для уплаты по займамъ! Къ тому же страна разорена. Къ тому же турки желаютъ удержать самыя богатыя провинціи съ населеніемъ безъ малаго около четверти всего греческаго населенія! Очевидная невозможность турецкихъ условій послѣ этого не требуетъ новыхъ поясненій. Греція имъ не можетъ подчиниться и скорѣе превратится въ турецкую провинцію.

Каковы, однако, намѣренія державъ? Рѣчи Салисбюри и Ганото отчасти разъяснили эти намѣренія. Оба признали, что Греціи придется понести возмездіе за войну въ видѣ уплаты издержекъ. Въ другихъ отношеніяхъ Ганото былъ очень сдержанъ, указывая только на надежду умѣрить требованія Порты и на вѣроятную медленность и трудность предстоящихъ переговоровъ. Салисбюри былъ откровеннѣе. Онъ призналъ возможность стратегическаго исправленія границы, но возсталъ противъ возстановленія турецкой власти въ Ѳессаліи. Значитъ-ли, что Англія прибѣгнетъ къ силѣ, чтобы изгнать турковъ изъ Ѳессаліи, гдѣ они уже водворились и откуда могутъ свободно не пожелать уйти? Продолжающаяся активная политика Англіи въ южной, центральной и сѣверной Африкѣ кажется несовмѣстимою съ такимъ намѣреніемъ. Надо помнить, что несогласіе съ извѣстнымъ совершившимся фактомъ (а завладѣніе турками Ѳессаліей, именно, и является такимъ уже совершившимся фактомъ) не непремѣнно требуетъ военнаго противодѣйствія. Весьма удобно можно ограничиться дипломатическимъ протестомъ и непризнаніемъ. И невинность будетъ соблюдена, и капиталъ не потерянъ...

Все въ настоящее время зависитъ отъ рѣшимости турковъ довести сопротивленіе до того или иного размѣра своихъ требованій. Многое заставляетъ думать, что они готовятся къ рѣшительному сопротивленію. Мобилизація арміи не только не остановлена, но дѣятельно продолжается. Низамы (полевая армія) давно всѣ поставлены на военную ногу. Надо считать, что и редифы (ландверъ) уже мобилизованы. Недавно (уже послѣ разгрома Греціи) состоялся указъ султана о мобилизаціи мустахфиза, т. е. того, что нѣмцы называютъ ландштурмомъ. Это, по скромнымъ вычисленіямъ, доведетъ численность мобилизованныхъ силъ до 800 тыс. Нѣкоторые исчисляютъ

Digitized by Google

даже въ милліонъ слишкомъ. Укрѣпленія Дарданеллъ и Босфора, уже приведенныя въ военное состояніе, все усиливаются; мины и торпеды въ гаваняхъ укладываются; дѣлаются новые заказы оружія; деньги берутся гдѣ только можно и по какой угодно цѣнѣ. Еще на дняхъ сообщали, что Порта достала нѣсколько милліоновъ подъ залогъ маяковъ за 9%! Все это ничего добраго грекамъ не обѣщаетъ и можно съ увѣренностью сказать, что если Турція не увидитъ со стороны Россіи рѣшимости довести дѣло до войны, то уступитъ очень немного изъ предъявленнаго. А если эта рѣшимость будетъ Россіей выказана, а турки все таки не уступятъ, тогда что? Неужели опять воевать? Тѣмъ позволительнѣе задать этотъ вопросъ, что въ этомъ случаѣ ограничить войну одной Турціей едвали удалось бы. Вѣдь вопросъ шелъ бы объ ликвидаціи всего турецкаго государства. Остается еще одинъ исходъ: вся Европа пригрозитъ султану войной? Очень сомнительно. Германія и Австрія на это не похоже, чтобы пошли. Франція безъ Германіи не пойдетъ, чтобы не ослабить себя на Рейнѣ. Англія же, занятая африканскими дѣлами, тоже задумается. Да наконецъ, если бы она въ въ соединеніи съ Италіей и Россіей и пошла бы, то все таки вся тяжесть войны легла бы на Россію, а европейская война стала бы только вѣроятнѣе.

Трудно гадать о будущемъ, но настоящее приходится признать очень, очень затруднительнымъ и покамѣсть надежду надобно возлагать преимущественно на уступчивость султана, который долженъ не забыть урока 1877—78 гг. Но и въ случаѣ уступчивости турковъ Греція жестоко поплатится, потому что даже значительно, вдвое, втрое уменьшенная контрибуція означаетъ оккупацію турками Ѳессаліи до уплаты и новый заемъ для уплаты. Новый заемъ не мыслимъ безъ полной гарантіи платежей по прежнимъ займамъ. Эти гарантіи могутъ заключаться въ установленіи международнаго финансоваго контроля. Ограниченіе независимости, связанное съ такимъ контролемъ, и обращеніе около половины всѣхъ доходовъ на платежи по займамъ, вотъ что значатъ даже значительно умѣренныя условія турковъ. Прибавьте экономическое разореніе, униженіе, внутреннее броженіе и вы вѣроятно еще не вполнѣ ясно почувствуете всю глубину бѣдствія, постигнаго Грецію, виновную главнымъ образомъ въ томъ, что не могла равнодушно выносить продолжающуюся безнаказанность турецкаго хозяйничанія надъ единовѣрными и единоплеменными грекамъ населеніями сосѣднихъ земель.

Мѣсяцъ истекшей войны былъ достаточно богатъ фактами этого турецкаго хозяйничанія. При самомъ объявленіи войны были получены тревожныя извѣстія изъ Янины, гдѣ христіане подверглись нападенію и гдѣ даже консулы не были ограждены отъ оскорбленій. Только энергическія представленія пословъ и опасенія еще не побѣдоносной Турціи спасли тогда Янину. Четыре батальона, безчин-

Digitized by Google

ствовавшія въ этомъ городѣ, были выведены оттуда и расположены въ окрестностяхъ, гдѣ вѣдь тоже христіанъ не мало, но гдѣ нѣтъ консуловъ. Вслѣдъ за Яниной аналогичныя извѣстія были получены изъ Скутари, гдѣ расходившіеся мусульманскіе батальоны были смирены только тѣмъ, что сильное горное албанское племя Мирдитовъ (христіанъ). взялось за оружіе и дѣло грозило серьезнымъ возстаніемъ въ тылу арміи Эдгема-паши. Христіане были удовлетворены, а разбойничьи батальоны отосланы на театръ военныхъ дѣйствій. Одновременно съ этимъ и въ Азіи, въ странѣ жестоко истязанныхъ армянъ, повторились обычныя въ Турціи христіанскія гекатомбы. Толпою фанатиковъ-мусульманъ были аттакованы армянскіе кварталы въ Токатѣ (Сивасскій вилайетъ), причемъ не считая истязаній, насилій и разореній, убитыхъ безоружныхъ христіанъ оказалось свыше пяти тысячъ! Англійскій и русскій консулы изъ Самсуна ѣздили на слѣдствіе, удостовѣрили это избіеніе, донесли посламъ. Послы, конечно, совѣщались и сдѣлали «энергическія» представленія. Порта обѣщала наказать виновныхъ. Теперь, когда турецкія войска восторжествовали въ Ѳессаліи, что то замолчали объ этомъ наказаніи... Да и кого наказывать въ самомъ дѣлѣ? Всѣ пятнадцать милліоновъ турковъ съ султаномъ, министрами и муширами во главѣ?

Печальны были извѣстія и съ театра военныхъ дѣйствій, откуда сами турецкіе военачальники доносили о разбойничьемъ поведеніи албанскихъ добровольцевъ. Впрочемъ, à la guerre comme à la guerre, но вотъ вовсе не военная картинка (заимствую изъ *С.-Петерб. Вѣдом.*).

«Греко-турецкая война не прошла безслѣдно и для внутреннихъ провинцій Турціи. Такъ, напр., «Странджа» передаетъ о слѣдующемъ случаѣ въ Одринскомъ вилайетѣ, въ мѣстечкѣ Серегетѣ. Когда турки и греки, разсказываетъ газета, жили еще въ хорошихъ отношеніяхъ, то турокъ Дели Юмеръ изъ села Индрикуво продалъ свое поле греку изъ сосѣдняго села Чекаллія и получилъ съ него деньги. Но какъ только была объявлена греко-турецкая война и отношенія турокъ къ грекамъ измѣнились, то и Дели Юмеръ тоже рѣшилъ, что его отношенія съ покупателемъ нарушены, и вотъ, вооруженный съ головы до пятъ, отправляется онъ на свое проданное поле, гдѣ въ это время пахалъ новый его владѣлецъ, грекъ. Послѣдній отказался уступить поле, и Дели Юмеръ вынулъ ятаганъ и напалъ на него. Но оказалось, что грекъ былъ сильнѣе физически и побѣда осталась на его сторонѣ. Послѣ этого грекъ побѣжалъ въ свое село и разсказалъ о случившемся; турокъ же собралъ человѣкъ 40 своихъ односельчанъ и отправился въ село Чакаллія съ тѣмъ, чтобы расправиться съ оскорбившимъ его грекомъ; не найдя послѣдняго, турки начали нападать на ни въ чемъ неповинныхъ жителей села, послѣдніе стали защищаться, началась перестрѣлка и съ обѣихъ сторонъ оказались убитые и раненые. Въ это время два турка изъ числа нападавшихъ побѣжали

Digitized by Google

въ свое село и сказали мѣстному турецкому чиновнику, что въ Чакаллѣи возстали гяуры, и послѣдній повелъ всѣхъ жителей Индрикува усмирять возстаніе, приказавъ поджечь со всѣхъ сторонъ село. Но и жители Чекаллѣи со своей стороны дали знать о случившемся серегетскому каймакаму, пославшему заптіевъ провѣрить ихъ показанія. Заптіи, не смотря на то, что убѣдились на мѣстѣ происшествія, что село, дѣйствительно, разрушено и разграблено, донесли каймакаму, что гяуры возстали. Немедленно была послана рота солдатъ схватить бунтовщиковъ и примѣрно наказать неспокойныхъ гяуровъ; пятьдесятъ человѣкъ было убито, а восемьдесятъ заключено подъ арестъ. Одринскій вали, узнавъ обо всемъ этомъ, прислалъ каймакаму благодарность за быстрое и умное распоряженіе и объявилъ серегетскую околію на военномъ положеніи».

Одринъ—это болгарское названіе Адріанополя (по турецки—Эдирне), такъ что эта картинка написана на землѣ самой культурной и населенной провинціи, чуть не подъ стѣнами самого Константинополя. Усердно туркофильствующая газета, изъ которой мы заимствовали это свѣдѣніе, съ своей стороны прибавляетъ: «Если только все, сообщаемое болгарской газетой, вѣрно, и если дѣйствительно со стороны христіанъ не было дано повода заподозрѣвать ихъ въ измѣнѣ, то надо полагать, что все это одно изъ тѣхъ личныхъ распоряженій турецкихъ пашей и каймакамовъ, которые зачастую идутъ въ разрѣзъ со взглядами и распоряженіями султана и его министровъ». Тутъ все безподобно: «если дѣйствительно со стороны христіанъ не было дано повода заподозрѣвать ихъ въ измѣнѣ», а если былъ поводъ то жечь все село и рѣзать правыхъ и виновныхъ? Неужели? А этотъ «разрѣзъ со взглядами султана и его министровъ», какъ вамъ нравится этотъ «разрѣзъ»? Или уже забыто нами организованное избіеніе въ Константинополѣ въ августѣ прошлаго года? Да и вали (особенно андріанопольскій) не какой нибудь мелкій чинъ. Это генералъ-губернаторъ, сановникъ, назначаемый непосредственно султаномъ, по рангу не ниже министровъ. Впрочемъ, все это мимоходомъ, потому что если отмѣчать все стыдное туркофильство нѣкоторыхъ газетъ нашихъ, то пришлось бы писать томы.

Какіе же итоги подведемъ подъ этой грустной исторіей? Совершилось въ высшей степени печальное и стыдное событіе—это одно несомнѣнно. Чего же можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, не выяснится еще и тогда, когда настоящія страницы будутъ лежать передъ читателемъ. Турки любятъ проволочки и Ганото не даромъ предвидитъ продолжительные и трудные переговоры.

С. Южаковъ.

Post Scriptum. Въ прошломъ *Дневникѣ* моемъ, посвященномъ учебникамъ русскаго языка, допущено типографіей нѣсколько серьез-

Digitized by Google

ныхъ опечатокъ. Отмѣчаю здѣсь нѣкоторыя, искажающіе смыслъ текста:

стран.	*строк.*	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
135	4 сн.	грамматическаго	практическаго
»	1 »	этнографическій	ореографическій
149	24 »	приводили	проводили
152	19 св.	несомъ	несенъ
»	22 »	несенъ	несомъ
154	16 сн.	смягченіе	окончаніе

Другихъ не перечисляю, но эти настоятельно прошу читателей исправить. Кромѣ того на стр. 152 перепутаны примѣчанія. Второе примѣчаніе должно быть отнесено къ первой выноскѣ и наоборотъ. С. Ю.

Литература и жизнь.

Начиная съ Адама Смита, а пожалуй и съ гораздо болѣе ранняго времени, о раздѣленіи труда накопилась цѣлая литература. И нельзя сказать, чтобы вкладчики въ эту литературу только повторяли другъ друга, изслѣдуя возникновеніе этого многозначительнаго явленія, ходъ его развитія, его вліяніе на различныя стороны жизни. Напротивъ, не говоря уже о разногласіи относительно вліянія раздѣленія труда на личную и общественную жизнь, означенная литература время отъ времени обогащалась новыми точками зрѣнія, новыми пріемами изслѣдованія, долженствовавшими, повидимому, окончательно и всесторонне выяснить вопросъ. И тѣмъ не менѣе, онъ остается и доселѣ достаточно запутаннымъ, какъ можно судить по послѣднему значительному произведенію, ему посвященному,—по книгѣ Дюркгейма.

На упомянутомъ въ прошлый разъ второмъ конгрессѣ международнаго соціологическаго института читался, между прочимъ, докладъ Мечислава Гольберга «Происхожденіе расъ и раздѣленіе труда». Авторъ представляетъ себѣ первыя ступени человѣческаго общежитія въ видѣ разбросанныхъ небольшихъ группъ или «расъ», вполнѣ приспособившихся къ мѣстнымъ условіямъ жизни. Раздѣленіе труда въ каждой такой отдѣльной группѣ не существуетъ: всѣ ея члены ведутъ одинаковый образъ жизни, одинаково питаются, занимаются однимъ и тѣмъ же дѣломъ, имѣютъ одни и тѣ же понятія о мірѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и проч. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вся группа чрезвычайно спеціализована сообразно условіямъ мѣ-

Digitized by Google

стности: близость, напримѣръ, рѣки или моря строго опредѣляетъ собою занятія и весь образъ жизни всѣхъ членовъ данной группы, тогда какъ гористая мѣстность или лѣса, среди которыхъ приходится жить другой группѣ, накладываютъ на нее совершенно иную, но опять-таки для всѣхъ ея членовъ однородную спеціальную печать. Но вотъ при извѣстныхъ или, точнѣе, неизвѣстныхъ обстоятельствахъ происходитъ столкновеніе двухъ или нѣсколькихъ такихъ группъ. Оно можетъ быть мирное, и тогда группы сливаются въ одно общество, обмѣниваясь продуктами привычнаго каждой изъ нихъ спеціальнаго труда; оно можетъ быть враждебное, насильственное, и тогда трудъ раздѣляется между побѣдителями и побѣжденными, опять-таки согласно тому, къ чему приспособились тѣ и другіе предварительно. Процессъ идетъ тѣмъ же порядкомъ и дальше, объединяя все большее число отдѣльныхъ, спеціализированныхъ условіями мѣстности группъ. Но при этомъ «естественное» раздѣленіе труда, то есть какъ бы навязанное различіемъ мѣстныхъ условій, постепенно осложняется «соціальнымъ» раздѣленіемъ труда. Такъ, скрещиваніе расъ выдвигаетъ одну многостороннюю расу, воплощающую въ себѣ всѣ спеціальныя приспособленія первоначальныхъ группъ и образующую центръ новой единицы—націи. Такая центральная, господствующая раса можетъ образоваться и помимо скрещиванія, благодаря мѣстнымъ условіямъ, особенно благопріятнымъ по сравненію съ другими. Далѣе, рабство, хотя и находится въ нѣкоторой зависимости отъ мѣстныхъ условій, среди которыхъ воспитались рабы и рабовладѣльцы, есть уже факторъ соціальный, самостоятельно распредѣляющій трудъ между обѣими группами. Обмѣнъ продуктовъ труда, въ который вступаютъ различныя расы, въ свою очередь вноситъ въ ихъ дотолѣ неподвижный строй жизни новыя струи. И такимъ образомъ постепенно стираются чисто расовыя отличія, а вмѣстѣ съ ними и опредѣляемыя мѣстными условіями формы раздѣленія труда, уступая мѣсто новымъ, самостоятельнымъ и болѣе гибкимъ формамъ.

Любопытно, что Дюркгейму приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, что Гольбергъ называетъ «естественнымъ» раздѣленіемъ труда, при обсужденіи картины, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противоположной той, которую нарисовалъ Гольбергъ. Спенсеръ представляетъ себѣ возникновеніе раздѣленія труда въ такомъ видѣ, что группа, сильно размножившаяся, занимаетъ большое пространство земли, разнообразныя условія которой, почвенныя и климатическія, заставляютъ членовъ группы спеціализироваться. Дюркгеймъ возражаетъ не это (291): «Безъ сомнѣнія, внѣшнія условія, въ которыхъ живутъ люди, налагаютъ на нихъ свою печать и своимъ разнообразіемъ дифференцируютъ ихъ. Безъ сомнѣнія, это разнообразіе имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ раздѣленію труда, но достаточно ли оно для того, чтобы его создать? Понятно, что, сообразно почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, жители занимаются въ одномъ

Digitized by Google

мѣстѣ хлѣбопашествомъ, а въ другомъ — скотоводствомъ (примѣры Спенсера). Но функціональныя различія не всегда сводятся къ такимъ простымъ оттѣнкамъ, какъ въ этихъ примѣрахъ. Они иногда столь рѣзки, что индивиды, между которыми раздѣленъ трудъ, представляютъ собою какъ бы различные и даже противоположные (opposées) виды. Они точно вступаютъ въ заговоръ, чтобы отдалиться другъ отъ друга, какъ только возможно. Есть ли сходство между мыслящимъ мозгомъ и переваривающимъ желудкомъ? Точно также, что общаго между поэтомъ, всецѣло преданнымъ своей мечтѣ, ученымъ, погруженнымъ въ свои изслѣдованія, рабочимъ, всю жизнь вытачивающимъ булавочныя головки, земледѣльцемъ за плугомъ, купцомъ у конторки? Какъ бы ни было велико разнообразіе внѣшнихъ условій, оно не представляетъ различій, соотвѣтствующихъ столь рѣзко выраженнымъ контрастамъ».

Если бы это разсужденіе было предъявлено Гольбергу, онъ отвѣтилъ бы, конечно, что «естественное» раздѣленіе труда, объясняемое различіемъ мѣстныхъ условій, обязательно лишь для первыхъ шаговъ общежитія. Но насъ теперь не это занимаетъ. Докладъ свой Гольбергъ иллюстрировалъ кое-какими этнографическими и историческими данными, весьма, однако, скудными и довольно произвольно истолкованными. Такъ напримѣръ, желая показать присущую первобытнымъ людямъ зависимость отъ условій мѣстности, ихъ полную приспособленность къ даннымъ условіямъ и трудную приспособляемость къ географическимъ перемѣнамъ, онъ указываетъ на нѣкоторыхъ дикарей, которые, будучи уведены, въ качествѣ рабовъ, въ чужія мѣста, тамъ быстро хирѣютъ. Для него это объясняется, исключительно, перемѣною мѣста жительства, а самое рабство тутъ какъ будто не причемъ. Впрочемъ, Гольбергъ самъ сознаетъ трудность фактическаго обоснованія его гипотезы и предоставляетъ это дѣло будущему; потому что, дескать, намъ, «благодаря нашему нѣсколько романтическому соціологическому воспитанію», трудно возстановить подробности первобытной исторіи. Мы склонны «драматизировать исторію» и готовы видѣть въ описанномъ имъ процессѣ преобладаніе воинственныхъ, насильственныхъ комбинацій. По мнѣнію Гольберга, гораздо вѣроятнѣе, что слiяніе различныхъ группъ или «расъ» на зарѣ исторіи происходило часто мирнымъ путемъ.

Быть можетъ мы и въ самомъ дѣлѣ склонны преувеличивать роль войны и насилія въ первобытной исторіи, но достовѣрно однако, что они извѣстную роль играютъ. И когда побѣдители не простымъ вихремъ проносятся по территоріи побѣжденныхъ, а такъ или иначе вступаютъ съ ними въ постоянныя отношенія,—уводя-ли ихъ съ собой въ качествѣ рабовъ, или осѣдая въ ихъ странѣ,—между побѣдителями и побѣжденными установливается извѣстное раздѣленіе труда. Этотъ видъ раздѣленія труда или этотъ способъ его происхожденія Дюркгеймъ не удостоиваетъ своимъ вниманіемъ,

Digitized by Google

быть можетъ затрудняясь привести его въ связь съ идеей раздѣленія труда, какъ источника и мѣрила солидарности.

Пойдемъ дальше. Ту форму общежитія, въ которой преобладаетъ «механическая» солидарность или солидарность на основаніи сходства между членами группы, Дюркгеймъ называетъ «ассоціаціей», а ту, въ которой достаточно развита солидарность «органическая», основанная на различіяхъ между людьми,—«кооперацією». Эта совершенно произвольная терминологія внушаетъ странную мысль, что въ обществахъ, связанныхъ механическою солидарностью, люди какъ будто ничего сообща не дѣлаютъ, а только сожительствуютъ (для характеристики этой формы общежитія Дюркгеймъ неоднократно употребляетъ глаголъ juxtaposer); и сотрудничество, «кооперація» начинается лишь при органической солидарности или раздѣленіи труда. Но это, конечно, только неудачная терминологія, каковая неудачность усугубляется, однако, слѣдующимъ опредѣленіемъ Дюркгейма: «Сотрудничать (coopérer) значитъ участвовать въ общемъ дѣлѣ. Если это послѣднее распадается на нѣсколько сходныхъ задачъ, взаимно необходимыхъ, то мы имѣемъ простое раздѣленіе труда или раздѣленіе труда первой степени; если же онѣ различны, то получается сложное раздѣленіе труда, спеціализація въ настоящемъ смыслѣ слова» (132—133). Опредѣленіе это брошено мимоходомъ, по поводу частнаго вопроса (о договорахъ), и затѣмъ въ книгѣ мы уже нигдѣ не встрѣчамъ различенія простого и сложнаго раздѣленія труда, а вездѣ рѣчь идетъ просто о раздѣленіи труда. А такъ какъ раздѣленіе труда составляетъ основу органической солидарности, то получается какъ бы подтвержденіе странной мысли объ отсутствіи сотрудничества при механической солидарности. Здѣсь, очевидно, есть какое то недоразумѣніе.

Приведенное опредѣленіе напоминаетъ одну любопытную страницу изъ исторіи принципа раздѣленія труда, страницу, которую, напримѣръ, Дж. Ст. Миль считалъ очень важною. Онъ говоритъ (Основанія политической экономіи, т. I, гл. VIII) о «сотрудничествѣ или сочетаніи труда»: «Достаточное вниманіе политико-экономовъ было до недавняго времени обращено только на одну часть этого великаго пособія производству, на такъ называемое раздѣленіе труда; она, дѣйствительно, заслуживаетъ величайшаго вниманія, но изъ за нея забывали о другихъ случаяхъ и проявленіяхъ этого многообъемлющаго закона. Уэкфильдъ, сколько я знаю, первый замѣтилъ, что одна часть предмета ошибочно принималась тутъ за цѣлый предметъ, что изъ этого возникали вредныя послѣдствія и что подъ принципомъ раздѣленія труда лежитъ другой, обнимающій его собою, болѣе основной принципъ. Онъ показываетъ, что сотрудничество бываетъ двухъ разныхъ родовъ: во-первыхъ, такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу въ одной работѣ; во-вторыхъ, такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу, занимаясь разными трудами. Первое можетъ быть названо простымъ сотруд-

Digitized by Google

ничествомъ, второе сложнымъ—или собственно раздѣленіемъ труда. «Различіе между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ очень важно, говоритъ Уэкфильдъ. Въ простомъ человѣкъ всегда сознаетъ, что онъ сотрудничаетъ съ другими, взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу».—Не смотря однако на эту важность простого сотрудничества, оно продолжаетъ очень мало занимать экономистовъ и только отмѣчается ими, какъ одна изъ формъ сочетанія труда, хотя иногда, какъ напримѣръ, въ извѣстномъ руководствѣ Шенберга, ему усваивается даже общее названіе «кооперація». Это понятно. Въ качествѣ «великаго пособія производству», простое сотрудничество само собою разумѣется, но его роль меркнетъ передъ все растущимъ значеніемъ раздѣленія труда. Въ исторіи техники производства оно представляетъ собой элементъ, почти неподвижный: каменьщики, складывающіе стѣны современнаго зданія, находятся другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ простого сотрудничества, какъ и каменьщики временъ фараоновъ. Если однако этимъ достаточно объясняется малое вниманіе экономистовъ къ принципу простого сотрудничества, то положеніе Дюркгейма совсѣмъ иное. Онъ не экономистъ, а соціологъ, и раздѣленіе труда для него не только «великое пособіе производству». Онъ неоднократно говоритъ о томъ, что спеціальная экономическая точка зрѣнія не обнимаетъ собою всего великаго значенія раздѣленія труда, и кладетъ этотъ принципъ, подобно многимъ соціологамъ, въ основаніе общежитія вообще, а въ частности видитъ въ немъ основу современной этики. Съ этой болѣе широкой точки зрѣнія иначе должна быть освѣщена и роль простого сотрудничества. Какова бы ни была эта роль въ спеціально экономическомъ отношеніи, значеніе простого сотрудничества, какъ соціологическаго фактора, должно быть изучено самостоятельно. И Дюркгеймъ самъ понимаетъ это, когда противопоставляетъ органической солидарности, основанной на различіяхъ,—механическую, основанную на сходствахъ. Различіямъ соотвѣтствуетъ раздѣленіе труда, сходствамъ—простое сотрудничество, которое, слѣдовательно, въ такой же, если не въ большей, мѣрѣ, какъ и раздѣленіе труда, становится источникомъ и мѣриломъ солидарности. Но Дюркгеймъ всячески старается (я не хочу этимъ сказать, что онъ дѣйствуетъ злоумышленно) затушевать значеніе простого сотрудничества. Онъ не отрицаетъ этого значенія. Напротивъ, какъ уже въ прошлый разъ сказано, онъ иногда чрезвычайно яркими красками изображаетъ интенсивность механической солидарности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ то назоветъ простое сотрудничество «простымъ раздѣленіемъ труда»; то, противопоставленіемъ терминовъ «ассоціація» и «кооперація», внушитъ читателю странную мысль объ отсутствіи всякаго сотрудничества въ обществахъ, объединенныхъ механическою солидарностью; то наконецъ доказываетъ, что

Digitized by Google

механическая солидарность, основанная на простомъ сотрудничествѣ, убываетъ въ исторіи, вслѣдствіе чего единственнымъ источникомъ и мѣриломъ солидарности слѣдуетъ признать раздѣленіе труда. Надо впрочемъ замѣтить, что Дюркгеймъ иногда оговаривается, указывая на ограниченія этого положенія, которыя мы разсмотримъ ниже.

Простое сотрудничество отличается отъ раздѣленія труда еще тѣмъ, что не вызываетъ тѣхъ споровъ о его выгодныхъ и невыгодныхъ сторонахъ, какіе ведутся изъ за раздѣленія труда. Собственно въ экономической литературѣ въ настоящее время этихъ споровъ, можно сказать, нѣтъ, и едва-ли найдется хоть одинъ экономистъ, который отрицалъ бы тѣневыя стороны раздѣленія труда, указанныя еще Ад. Смитомъ. Рѣчь можетъ идти лишь о размѣрахъ зла и о возможности его компенсаціи. Не то въ соціологіи, гдѣ мы встрѣчаемъ безусловныхъ панегиристовъ раздѣленія труда, въ чемъ имъ способствуетъ унаслѣдованное еще отъ экономистовъ недостаточное различеніе раздѣленія труда техническаго и общественнаго. До какой степени грѣшенъ этимъ грѣхомъ Дюркгеймъ, будетъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Говоря объ томъ, что «общее сознаніе» (conscience commune) часто вторгается вреднымъ или вообще задерживающимъ элементомъ въ поступательный ходъ развитія раздѣленія труда, онъ замѣчаетъ: «въ Греціи, въ Римѣ, промышленность и торговля были презрѣнными занятіями; у Кабиловъ нѣкоторыя ремесла, какъ мясничество, производство обуви и проч., порицаются общественнымъ мнѣніемъ, и потому спеціализація не можетъ развиваться въ этихъ направленіяхъ. Наконецъ и у народовъ съ болѣе развитой экономическою жизнію, напримѣръ, у насъ во времена цеховъ и корпорацій, трудъ былъ такъ регламентированъ, что раздѣленіе труда не могло прогрессировать. Тамъ, гдѣ всѣ обязаны производить одинаковымъ способомъ, индивидуальныя варіаціи невозможны» (315—316). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ въ классическомъ мірѣ, такъ и въ средніе вѣка *техническое* раздѣленіе труда было сравнительно слабо развито, то есть процессы производства далеко не распадались на столько отдѣльныхъ мелкихъ операцій, какъ въ наше время. Но *общественное* раздѣленіе труда было напротивъ чрезвычайно сильно развито, что видно изъ примѣровъ самого Дюркгейма. Если извѣстныя трасли дѣятельности были въ Греціи или Римѣ презираемы, то онѣ всетаки считались необходимыми и лишь предоставлялись, именно въ силу общественнаго раздѣленія труда, низшимъ классамъ. Если цеховой строй регламентировалъ трудъ до невозможности какого бы то ни было прогресса въ производствѣ, то онъ же установилъ рѣзкое общественное раздѣленіе труда между представителями даже самыхъ близкихъ между собою отраслей производства, а внутри цеховъ осуществилъ опять таки общественное раздѣленіе труда между мастерами, подмастерьями, хозяевами, рабочими. Вообще техническое и общественное раздѣленіе труда должны быть строго различаемы, а нашъ авторъ книги,

Digitized by Google

посвященной спеціально «Общественному раздѣленію труда», даже не упоминаетъ объ этомъ. Когда говорятъ объ общественномъ раздѣленіи труда, то дѣло не въ тѣхъ 18-и операціяхъ, на которыхъ въ классическомъ примѣрѣ Ад. Смита распадается процессъ производства булавокъ, а въ томъ,—обреченъ или не обреченъ человѣкъ всю жизнь производить, исключительно, булавки.

Переходимъ къ послѣднему вкладу въ литературу раздѣленія труда, къ упомянутымъ уже въ прошлый разъ работамъ Бера и Мильнъ Эдварда. Для нѣкоторыхъ этотъ вкладъ не стоилъ никакого вниманія, представляя собою какъ бы простой переносъ соціологическаго термина «раздѣленіе труда» въ область біологіи, до которой, дескать, соціологу мало дѣла. Для другихъ напротивъ это было (и остается) настоящимъ откровеніемъ, новой эрой въ наукѣ. Съ легкой руки Спенсера началась настоящая оргія параллелей и аналогій между физіологическимъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда, между организмомъ и обществомъ, какъ въ ихъ статикѣ, такъ и въ ихъ динамикѣ.

Благосклонный читатель избавитъ меня отъ обсужденія этой якобы научной лавины, которой я въ свое время посвятилъ много, быть можетъ слишкомъ много страницъ. Для насъ здѣсь важенъ только результатъ, а онъ состоитъ въ томъ, что каждая организованная единица, будь то простая клѣтка, органъ, недѣлимое въ обычномъ смыслѣ слова, колонія животныхъ, общество, и въ частности семья, родъ, федерація родовъ, нація, государство—имѣетъ тенденцію объединяться, сосредоточиваться, крѣпнуть, подчиняя себѣ свои составныя части путемъ раздѣленія между ними труда, тѣмъ самымъ предоставляя имъ роль своихъ служебныхъ органовъ. Окидывая мысленнымъ взглядомъ всю эту громадную картину жизни, вѣчно движущейся, вѣчно кипящей встрѣчными и поперечными, большими и малыми волнами, мы будемъ поражены ея крайнею сложностью и пестротою, въ подробностяхъ которой не легко разобраться. Здѣсь даже не на первый взглядъ все безпорядочно, такъ какъ разнообразнѣйшія, какъ въ смыслѣ ихъ отправныхъ точекъ, такъ и въ смыслѣ силы, теченія направляются по линіямъ наименьшаго сопротивленія, то отстаивая свое самостоятельное существованіе, то уступая, вполнѣ или отчасти, теченію болѣе сильному. Можно только съ увѣренностью сказать, что на всемъ необъятномъ полѣ жизни идетъ неустанная борьба за индивидуальность, а орудіемъ этой борьбы служитъ раздѣленіе труда *). Но изъ этого ни въ объективномъ, ни въ субъективномъ смыслѣ не вытекаютъ тѣ выво-

*) Пользуюсь случаемъ для одного замѣчанія, отчасти личного свойства. Мнѣ извѣстно, что изъ моихъ статей по вопросу о раздѣленіи труда наибольшимъ вниманіе интересующихся этимъ вопросомъ пользуется статья «Что такое прогресъ?» Я просилъ бы имѣть въ виду, что позднѣйшая статья Борьба за индивидуальность», и послѣднія (начиная съ IX) главы статьи «Патологическая магія»—содержатъ въ себѣ болѣе полное изложеніе теоріи.

Digitized by Google

ды, къ которымъ приходятъ представители органической теоріи общества. Дѣло въ томъ, что каждая организованная единица пользуется орудіемъ раздѣленія труда въ своихъ собственныхъ интересахъ и видахъ, а эти интересы и виды отнюдь не тождественны для различныхъ ступеней индивидуальности, для различныхъ организованныхъ единицъ. Въ частности физіологическое раздѣленіе труда и общественное не только не тождественны, а прямо противоположны по своимъ результатамъ.

Этой противоположности, составляющей чисто объективную научную истину, не хотятъ знать всѣ органисты. Не хочетъ ея знать и Дюркгеймъ. Но именно ея субъективный отзвукъ и слышится въ его диллемѣ: «Котораго изъ двухъ направленій слѣдуетъ желать? Должны-ли мы стремиться стать законченнымъ и полнымъ существомъ, себѣ довлѣющимъ цѣлымъ, или напротивъ того быть только частью цѣлаго, органомъ организма? Словомъ, есть-ли раздѣленіе труда не только законъ природы, но и правило нашего поведенія, и если да, то по какой причинѣ и въ какой мѣрѣ?» Самая формулировка послѣдняго вопроса указываетъ на неясность исходной точки. Признавъ «правиломъ нашего поведенія» раздѣленіе труда, мы еще не разрѣшаемъ нашей диллемы, ибо остается еще вопросъ: *какое* раздѣленіе труда избрали мы правиломъ своего поведенія? если физіологическое, то нашимъ идеаломъ станетъ первый членъ дилемы, а если общественное, то второй. А между тѣмъ Дюркгейму кажется, что онъ поставилъ свой вопросъ въ формѣ вполнѣ опредѣленной. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ той путаницы, которая происходитъ при оперированіи съ понятіемъ раздѣленія труда, какъ чего то всегда себѣ равнаго и не нуждающагося ни въ какихъ опредѣленіяхъ и дополненіяхъ.

Одинъ только разъ (въ началѣ V главы) упоминаетъ Дюркгеймъ о разницѣ между физіологическимъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда, но только о разницѣ, а не объ антагонизмѣ ихъ. А разница состоитъ въ слѣдующемъ: «Въ организмѣ каждая клѣтка имѣетъ свою опредѣленную и неизмѣнную роль. Въ обществѣ задачи распредѣлены не съ такою неподвижностью. Даже тамъ, гдѣ кадры организаціи наиболѣе рѣзки, индивидъ можетъ съ нѣкоторою свободою двигаться въ предѣлахъ предназначеннаго ему судьбою. Въ самой Индіи функціи, предоставленныя каждой кастѣ, были достаточно общи, чтобы оставлять мѣсто для извѣстнаго выбора. Во всякой странѣ, если непріятель овладѣлъ столицей, то есть самымъ мозгомъ націи, соціальная жизнь не прекращается, и по прошествіи сравнительно короткаго времени находится другой городъ, повидимому, не приготовленный, но способный исполнять сложную функцію столицы».

На это приверженецъ органической теоріи общества отвѣчалъ бы, какъ и выразился одинъ изъ нихъ, что общественность есть лишь начало организаціи, что общество есть незавершенный орга-

Digitized by Google

низмъ. Цитированный мною въ прошлый разъ г. Иванцовъ говоритъ: «Общественные организмы человѣка должны считаться только что возникающими; они далеко не достигли даже той степени совершенства, какой достигли, напримѣръ, колоніи сифоноформъ». (Понятіе организма», въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета», стр. 82). Лишь въ низшихъ организмахъ, недостаточно поработившихъ свои составныя части, недостаточно приспособившихъ ихъ къ спеціальнымъ служебнымъ функціямъ, возможны перемѣщенія, указанныя Дюркгеймомъ. Человѣческому обществу еще предстоитъ совершенствоваться въ смыслѣ окончательнаго приспособленія своихъ органовъ къ опредѣленнымъ отправленіямъ.

Дюркгеймъ предвидѣлъ это возраженіе и противопоставляетъ ему такого рода факты, что и въ высшихъ организмахъ возможны замѣщенія однихъ органовъ другими. Онъ цитируетъ Вундта «Физіологическую психологію»: «Непорядки, происходящіе отъ удаленія нѣкоторыхъ частей мозговой коры, часто, по прошествіи нѣкотораго времени исчезаютъ. Это можно объяснить только предположеніемъ, что исчезнувшіе элементы замѣщаются другими, а это значитъ, что замѣстители приспособились къ новымъ для нихъ функціямъ... Элементъ, производящій при нормальныхъ условіяхъ зрительное ощущеніе, становится при измѣнившихся обстоятельствахъ проводникомъ ощущеній осязательныхъ, мускульныхъ или двигательной иннерваціи». И т. д. Дюркгеймъ упускаетъ изъ вида, что здѣсь мозговые элементы замѣщаются мозговыми же, нервные—нервными же. Если же признать за этими замѣщеніями болѣе общее значеніе, то ими подрываются основные взгляды Дюркгейма. Зачѣмъ же онъ насъ увѣряетъ, напримѣръ, что «мы сторонимся отъ слишкомъ подвижныхъ талантовъ, которые, отдаваясь разнообразнымъ функціямъ, отказываются избрать спеціальную роль и держаться ея», и т. п.

Дюркгеймъ допускаетъ, что общественное раздѣленіе труда имѣетъ въ дѣйствительности извѣстныя ограниченія и требуетъ ихъ въ принципѣ. Поэтому онъ посвящаетъ часть своего сочиненія разсмотрѣнію анормальныхъ формъ раздѣленія труда. На первомъ мѣстѣ стоятъ формы «аномическія», то есть ни чѣмъ не регулированныя. Въ области экономическихъ отношеній результатами такихъ аномическихъ формъ являются все учащающіеся промышленные кризисы и все растущій въ промышленныхъ странахъ Западной Европы антагонизмъ капитала и труда. Въ сферѣ науки «аномія» выражается крайнею спеціализаціей отдѣльныхъ отраслей знанія,—спеціализаціей, благодаря которой дѣятели науки не видятъ и не способны видѣть все великое зданіе науки въ цѣломъ. За аномическими формами общественнаго раздѣленія труда слѣдуютъ столь же анормальныя, но въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположныя,

Digitized by Google

слишкомъ уже регулированныя, «принудительныя» формы (la division da Travail contrainte). Образчикомъ ихъ можетъ служить кастовый строй. Первоначально строй этотъ, соотвѣтствуя до извѣстной степени естественнымъ склонностямъ и способностямъ охваченныхъ имъ людей, представляетъ явленіе нормальное, но съ теченіемъ времени оно себя переживаетъ и становится препятствіемъ для правильнаго распредѣленія труда. Современное общество въ своемъ развитіи уже далеко отошло отъ кастоваго строя, но ему предстоитъ и далѣе развиваться въ томъ же направленіи, устраняя внѣшнія, принудительныя, опредѣляемыя закономъ, нравами или общественнымъ мнѣніемъ формы раздѣленія труда.

Не будемъ говорить объ томъ, какъ Дюркгеймъ старается пройти между Сциллой «аноміи» и Харибдой «принудительности»: здѣсь все неясно, неопредѣленно, и въ концѣ концовъ самъ авторъ предоставляетъ рѣшеніе положительной задачи будущему. Остановимся только на его отрицательныхъ доводахъ. Спрашивается, почему, на какомъ основаніи, признавъ общественное раздѣленіе труда своимъ руководящимъ принципомъ, онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя его проявленія отрицательнымъ знакомъ? Аномія съ одной стороны, принудительность—съ другой препятствуютъ правильному распредѣленію труда. Хорошо, но не значитъ ли это, что есть какой-то другой принципъ, выше общественнаго раздѣленія труда стоящій, которымъ опредѣляется значеніе его результатовъ? Нѣтъ ли въ свою очередь и для аноміи и принудительности, несмотря на ихъ противоположность, какой нибудь общей скобки, которая объединила бы ихъ въ противоборствѣ означенному высшему принципу?

Здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытными логическими скачками Дюркгейма. Онъ съ первыхъ же страницъ признаетъ общественное раздѣленіе труда источникомъ и мѣриломъ солидарности, и именно высшей, органической солидарности, постепенно отодвигающей на задній планъ первобытную механическую солидарность. Онъ сѣтуетъ на то обстоятельство, что съ легкой руки экономистовъ въ раздѣленіи труда видятъ преимущественно или даже исключительно только факторъ матеріальнаго благосостоянія, тогда какъ оно есть, кромѣ того, нравственная основа всего общественнаго зданія. Онъ, далѣе, объясняетъ, что процессъ раздѣленія труда есть и законъ природы, управляющій человѣческимъ обществомъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ и имѣющій управлять имъ и въ будущемъ, все глубже и, такъ сказать, объемистѣе объединяя человѣчество солидарностью. Но вотъ онъ встрѣчаетъ явленія, несомнѣнно обязанныя своимъ происхожденіемъ общественному раздѣленію труда и тѣмъ не менѣе отнюдь не говорящія о солидарности. Онъ слишкомъ искренній человѣкъ, чтобы сочинить апологію во что бы то ни стало какого бы то ни было момента исторіи человѣчества. Принудительная солидарность кастоваго строя во всѣхъ даже его смягченныхъ формахъ такъ же мало способна вызвать его одобреніе, какъ и со-

Digitized by Google

лидарность или «гармонія интересовъ», восхищающая либеральныхъ экономистовъ манчестерской школы въ новомъ обществѣ. Онъ видитъ, что тутъ собственно нѣтъ солидарности, хотя и есть очень ярко выраженное раздѣленіе труда, составляющее источникъ и мѣрило солидарности. Поэтому онъ, добросовѣстно признавая фактическое существованіе такихъ формъ раздѣленія труда, которыя не сплачиваютъ людей солидарностью, а напротивъ разъединяютъ ихъ,—нравственно отметаетъ эти формы, признаетъ ихъ анормальными, но не вноситъ однако никакой поправки въ свое общее положеніе: раздѣленіе труда есть источникъ солидарности. И если мы примемъ въ соображеніе тѣ громадные періоды исторіи, въ которые господствовало принудительное раздѣленіе труда и его смягченныя формы, затѣмъ періодъ аномическихъ формъ; если прибавимъ сюда тѣ упущенныя Дюркгеймомъ формы раздѣленія труда, которыя еще до отвердѣнія кастового строя складывались между побѣдителями и побѣжденными,—то окажется, что для «нормальнаго» раздѣленія труда, служащаго источникомъ солидарности, остается очень мало мѣста въ исторіи. Да и на чемъ собственно основано это положеніе о нормальномъ раздѣленіи труда? На чисто отвлеченномъ разсужденіи: путемъ раздѣленія труда люди участвуютъ въ общемъ дѣлѣ и становятся въ зависимость другъ отъ друга, а это ихъ объединяетъ, сплачиваетъ, создаетъ между ними солидарность. Все это справедливо и легко подтверждается фактами въ примѣненіи къ какому нибудь небольшему и несложному дѣлу, гдѣ раздѣленіе труда еще почти граничитъ съ простымъ сотрудничествомъ. Но на болѣе обширномъ поприщѣ, если общее дѣло и взаимная зависимость объективно и существуютъ, то въ сознаніи участниковъ, подѣлившихъ между собою трудъ, они уходятъ въ болѣе или менѣе непроглядную туманную даль. Уже цитированный Уэкфильдъ справедливо указываетъ на эту особенность раздѣленія труда въ противоположность простому сотрудничеству: «Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу». Да, какъ мы видѣли, и самъ Дюркгеймъ спрашиваетъ: «что общаго между поэтомъ, всецѣло преданнымъ своей мечтѣ, ученымъ, погруженнымъ въ свои изысканія, рабочимъ, проводящимъ жизнь въ вытачиваніи булавочныхъ головокъ, земледѣльцемъ за сохой, купцомъ у конторки?» Всѣ эти люди болѣе или менѣе другъ отъ друга зависятъ: мечтательный поэтъ не одной своей мечтой сытъ бываетъ, а также и хлѣбомъ, котойры онъ покупаетъ у купца, а тотъ въ свою очередь у земледѣльца; земледѣлецъ воспользуется, можетъ быть, когда нибудь плодами изслѣдованій ученаго; булавочникъ рабочій ѣстъ хлѣбъ земледѣльца при посредствѣ купца и, если у него есть досугъ, читаетъ книжку стихотвореній поэта. Но, даже не подчеркивая этихъ «можетъ быть» и «если», мы очень хорошо знаемъ, что взаимная зависимость еще не есть нравственная солидарность. Мы знаемъ, что

Digitized by Google

мечтательный поэтъ можетъ распространиться на тему: «умолкни, чернь непросвѣщенна и презираемая мной»; купецъ можетъ воспользоваться мечтательностью поэта, чтобы содрать съ него рубль на рубль за тотъ самый хлѣбъ, съ которымъ онъ уже сдѣлалъ подобную же операцію на счетъ земледѣльца, и т. д. Объ общемъ дѣлѣ при этомъ и говорить странно. Такъ идутъ дѣла на землѣ, и отъ того, что Дюркгеймъ называетъ это аномическими формами раздѣленія труда, ничего въ нихъ не измѣняется. Бываютъ, конечно, историческіе моменты, когда является ясное, сознательно преслѣдуемое общее дѣло и у этого мечтательнаго поэта, и у земледѣльца за сохой, и у купца за конторной. Это—когда всѣмъ обществомъ овладѣваетъ съ религіозною силою одна какая нибудь идея. Мы присутствуемъ нынѣ при трагическомъ окончаніи одной изъ такихъ вспышекъ общаго дѣла: весьма вѣроятно, что патріотическая волна, охватившая въ только что окончившуюся войну грековъ, сдѣлала изъ ихъ поэтовъ — Тиртеевъ, возбуждающихъ согражданъ вдохновенными пѣснями на подвигъ, заставила купцовъ забыть свой рубль на рубль, двинула земледѣльцевъ и ученыхъ въ ряды добровольцевъ. Но предъявленная ими въ этомъ случаѣ солидарность есть солидарность, по терминологіи Дюркгейма, механическая, а не органическая, основанная не на различіяхъ и раздѣленіи труда, а на сходствахъ и простомъ сотрудничествѣ.

Итакъ, раздѣленіе труда по малой мѣрѣ не всегда является источникомъ и мѣриломъ солидарности. Даже съ точки зрѣнія Дюркгейма и на основаніи его собственныхъ указаній, это правило подлежитъ многочисленнымъ исключеніямъ и ограниченіямъ. Онъ желаетъ однако его спасти цѣликомъ, объявляя, что въ аномическихъ и принудительныхъ формахъ раздѣленія труда повинно не само оно, а постороннія, внѣшнія обстоятельства, временно извращающія естественный ходъ вещей. Казалось бы однако, что если раздѣленіе труда есть и матеріальное, и нравственное основаніе всего общественнаго зданія, та сила, которая опредѣляетъ собою весь общественный строй во всѣхъ его подробностяхъ, сила единственная, если не считать все убывающаго вліянія механической солидарности, то какимъ то постороннимъ, внѣшнимъ обстоятельствамъ уже не остается мѣста. И дѣйствительно, какъ аномическія, такъ и принудительныя формы суть вѣдь только формы, а принципъ въ нихъ остается тотъ же съ общей точкизрѣнія «общественнаго раздѣленія труда». Пожалуй, относительно принудительныхъ формъ еще можно съ нѣкоторою натяжкою говорить о постороннихъ вліяніяхъ, напримѣръ, о строгой наслѣдственности функцій въ кастовомъ строѣ; хотя и здѣсь можно найти нѣчто во славу излюбленнаго принципа: браминъ, кшатрій, ваисій, судра, строго подѣлившіе между собой весь необходимый обществу трудъ, превосходно приспособившись къ своимъ спеціальнымъ задачамъ, естественно и потомству своему передаютъ, путемъ наслѣдственности, примѣра и воспитанія, свои спеціальныя

Digitized by Google

способности и склонности: мыслительныя, воинскія и т. д. Но въ формахъ аномическихъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ препятствій для свободной игры принципа раздѣленія труда, и самъ Дюркгеймъ требуетъ для этой игры нѣкоторой регламентаціи. Какой именно,—мы такъ отъ него и не узнаемъ. Ясно только, что, по его мысли, регламентація эта должна ввести въ общество солидарность, каковая, слѣдовательно, самимъ раздѣленіемъ труда еще не гарантируется. Такимъ образомъ высшимъ руководящимъ принципомъ, съ точки зрѣнія самого Дюркгейма, является не раздѣленіе труда, а солидарность, ибо ею, ея присутствіемъ или отсутствіемъ, ея ростомъ или ослабленіемъ мѣряетъ онъ результаты раздѣленія труда: признаетъ одни, отметаетъ другіе.

Но вѣдь мы знаемъ двѣ формы солидарности,—органическую и механическую. Послѣдняя, по словамъ Дюркгейма, постоянно убываетъ, однако не исчезаетъ окончательно. Механической и органической солидарности соотвѣтствуютъ два различные типа общества. Мы видѣли, что онѣ называются «ассоціаціей» и «кооперацией», но Дюркгеймъ не ограничивается этою двусмысленною терминологіей. Первобытная форма общества, крайне неопредѣленная и, собственно говоря, почти неизвѣстная, есть «орда». Затѣмъ нѣсколько ордъ примыкаютъ другъ къ другу, образуя рядъ «клановъ». Въ цѣломъ эти кланы образуютъ сегментарное общество, въ которомъ каждый кланъ-сегментъ, по своей структурѣ, повторяетъ всѣ другіе сегменты; совершенно такъ, какъ, напримѣръ, въ тѣлѣ червей, каждое кольцо представляетъ собою простое повтореніе другихъ. Здѣсь то и царитъ механическая солидарность. Но какъ прогрессъ въ животномъ мірѣ не останавливается на структурѣ кольчатыхъ, такъ и въ исторіи общества сегментарный типъ уступаетъ постепенно мѣсто типу организованному, причемъ каждому сегменту усваивается какая нибудь спеціальная функція. Вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и органическая солидарность. Сегментарный типъ и соотвѣтствующая ему механическая солидарность время отъ времени вставляютъ однако, такъ сказать, палки въ колеса своему могущественному сопернику,—организованному типу, спаянному органическою солидарностью. Напримѣръ, «у славянъ задруга разростается иногда до такой степени, что является нищета, но члены ея продолжаютъ жить вмѣстѣ, не удаляясь для пріисканія спеціальныхъ занятій въ качествѣ моряка, купца и т. п.» (315).

Этотъ примѣръ очень характеренъ для взглядовъ Дюркгейма на роль механической солидарности въ исторіи. Онъ усваиваетъ ее лишь первобытному «сегментарному» общественному типу и его остаткамъ и пережиткамъ въ настоящее время. Въ дѣйствительности поле дѣятельности механической солидарности далеко не такъ однообразно и узко. Не говоря о весьма нерѣдкихъ и въ новѣйшей исторіи случаяхъ въ родѣ вышеупомянутаго патріотическаго подъема грековъ, когда весьма проблематическая органическая солидарность,

Digitized by Google

основанная на различіяхъ, утопаетъ въ несомнѣнной солидарности механической, основанной на сходствахъ; не говоря объ этихъ случаяхъ, можно съ рѣшительностью утверждать, что каждый сколько нибудь крупный шагъ общественнаго раздѣленія труда сопровождается и новымъ импульсомъ для механической солидарности. Не будемъ разсуждать объ томъ, есть ли дѣйствительно «зародышъ истины» въ знаменитой притчѣ веселаго старца Менения Агриппы. Допустимъ, что органическая солидарность дѣйствительно связывала различные классы римскаго общества, хотя это болѣе, чѣмъ сомнительно. Но во всякомъ случаѣ не органическая, а механическая солидарность объединяла всѣхъ римлянъ, какъ римлянъ, независимо отъ ихъ спеціальныхъ функцій, въ то цѣлое, котораго представители говорили: cives romanus sum. Затѣмъ, были ли связаны взаимною солидарностью патриціи и плебеи, или нѣтъ, но патриціи *въ своей* средѣ и плебеи *въ своей* несомнѣнно имѣли общіе интересы, общія мысли и чувства, объединявшіе ихъ солидарностью, и именно механическою. И это не случайность, а такая же физическая неизбѣжность, съ какою освѣщенный солнцемъ предметъ всюду сопровождается своею тѣнью. Допустимъ, что взаимныя отношенія предпринимателей, производителей и потребителей, въ любой современной отрасли промышленности, должны называться органической солидарностью. Въ средѣ каждой изъ этихъ группъ происходитъ болѣе или менѣе оживленная конкуренція, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ объединена общностью интересовъ, положеній, чувствъ, мыслей, слагающеюся въ механическую солидарность, которая и выражается синдикатами, стачками и т. п.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ пунктъ въ книгѣ Дюркгейма, а именно очень занимающій его вопросъ о положеніи личности, индивида въ различныхъ типахъ общества. По его мнѣнію, въ «ассоціаціи» или сегментарномъ обществѣ, объединенномъ механическою солидарностью, личность собственно говоря, не существуетъ: она безъ остатка растворяется въ «общемъ сознаніи». Проявляется она лишь въ «кооперація» или организованномъ обществѣ, сплоченномъ органической солидарностью, то есть раздѣленіемъ труда, по мѣрѣ развитія котораго личность, индивидуальность расцвѣтаетъ все ярче *). Развивается эта тема слѣдующимъ образомъ. Въ каждомъ изъ насъ есть нѣчто свое, личное, и нѣчто, принадлежащее намъ вмѣстѣ со всѣми современниками, соотечественниками, вообще сообщественниками. И чѣмъ сильнѣе общія черты,—въ чемъ бы они ни состояли: въ вѣрованіяхъ, нравахъ, чувствахъ, привычкахъ,—тѣмъ меньше остается мѣста для игры индивидуальныхъ варьяцій. Въ первобытномъ, сегментарномъ об-

*) Эта же мысль лежитъ въ основаніи работы Зиммеля: «Ueber die sociale Differenzierung. Sociologische und psychologische Untersuchungen. Leipzig, 1890. Я не имѣю теперь времени заняться ею.

Digitized by Google

ществѣ этимъ варьяціямъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, общее сознаніе здѣсь всесильно, и если бы раздѣленіе труда не явилось разлагающимъ элементомъ, общество было бы обречено на полную неподвижность. Раздѣленіе труда, пробивающее въ общемъ сознаніи одну брешь за другою и тѣмъ самымъ освобождающее личность, является необходимымъ результатомъ разростанія обществъ, какъ въ смыслѣ расширенія ихъ объема путемъ сліянія отдѣльныхъ сегментовъ, такъ и въ смыслѣ уплотненія населенія путемъ размноженія. Притомъ личность получаетъ въ свое распоряженіе все болѣе широкіе горизонты, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе разнообразный выборъ спеціальностей, на которыхъ все легче развертываться индивидуальнымъ склонностямъ и способностямъ.

Такова въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ мысль Дюркгейма. Она неоднократно высказывалась въ литературѣ, но преимущественно въ видѣ афоризма, и только у Дюркгейма (и у Зиммеля) получаетъ подробное развитіе и аргументацію.

Прежде всего отмѣтимъ одну странность. Мы видѣли, что связь механической солидарности въ первобытныхъ обществахъ Дюркгеймъ считаетъ крайне неустойчивою, что и иллюстрируетъ примѣрами древнихъ народовъ и современныхъ дикарей, у которыхъ члены общества легко отдѣляются отъ своего цѣлаго. И это понятно: весь небольшой запасъ первобытныхъ знаній и умѣній доступенъ каждому члену общества, тогда какъ въ организованномъ обществѣ каждый членъ есть болѣе или менѣе спеціалистъ по той или другой части, для котораго и самое недолгое даже существованіе невозможно безъ обмѣна услугъ со множествомъ другихъ спеціалистовъ. Не даромъ Дюркгеймъ утверждаетъ, что человѣкъ, личность, по мѣрѣ развитія раздѣленія труда, фактически становится и принципіально долженъ становиться спеціальнымъ органомъ общества, отказавшись отъ претензіи быть «самодовлѣющимъ цѣлымъ», цѣльной личностью. Это—несомнѣнное умаленіе личности подъ непосредственнымъ давленіемъ раздѣленія труда, и когда Дюркгеймъ рисуетъ намъ теперь вящшій расцвѣтъ личности въ организованномъ обществѣ, то ясно, что онъ разумѣетъ здѣсь личное начало въ какомъ то другомъ смыслѣ, хотя и не оговариваетъ этой разницы, чѣмъ вноситъ въ вопросъ новую путаницу. Дѣйствительно, въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о личности, какъ о цѣломъ, о совокупности органовъ и отправленій, свойственныхъ виду homo sapiens въ данный историческій моментъ; во второмъ же имѣются въ виду индивидуальныя варьяціи типа, тѣ черты, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другихъ. Обѣ эти точки зрѣнія имѣютъ свой raison d'être, но разница между ними столь велика, что отвѣчать на вопросы, возникающіе на почвѣ первой, аргументами, почерпнутыми изъ района второй,—не представляется никакой логической возможности.

Допустимъ, что мысль Дюркгейма о томъ, что общественное

Digitized by Google

раздѣленіе труда предоставляетъ все большій просторъ индивидуальнымъ варьяціямъ, совершенно вѣрна. Этимъ еще ничего не рѣшается относительно значенія личности, какъ цѣлаго, какъ индивида, и ни малѣйше не колеблется давно уже высказанное мнѣніе о томъ, что, будучи «великимъ пособіемъ производству», раздѣленіе труда пагубно отзывается на личности, подавляя ее, обращая ее въ одностороннее орудіе нѣкотораго высшаго цѣлаго.

А затѣмъ и значеніе самихъ индивидуальныхъ варіацій далеко не выяснено Дюркгеймомъ. Безъ сомнѣнія «общее сознаніе», давившее собою умы и сердца членовъ первобытной группы, не давало простора индивидуальнымъ варьяціямъ. Но, вполнѣ признавая всю невыгодность и тягостность такого положенія, все-таки позволительно, а можетъ быть даже обязательно, спросить: всѣ ли индивидуальныя отклоненія одинаково желательны, какъ молчаливо признаетъ не задающій себѣ этого вопроса Дюркгеймъ? Не подлежатъ-ли они классификаціи или нѣсколько детальному анализу съ какой нибудь опредѣленной точки зрѣнія? Мы вѣдь знаемъ, что, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ мірѣ индивидуальныя отклоненія могутъ происходить и, дѣйствительно, происходятъ въ разныя стороны: въ сторону красоты и въ сторону безобразія, добра и зла, ума и глупости и т. д. Что бы мы ни разумѣли подъ добромъ и зломъ, красотой и безобразіемъ, но ясно, что мы не можемъ признать всѣ индивидуальныя варьяціи желательными только потому, что онѣ—индивидуальныя варіаціи. Онѣ подлежатъ разцѣнкѣ, критерій для которой долженъ быть найденъ гдѣ нибудь внѣ ихъ. Далѣе, дѣйствительно ли современное общество представляетъ достаточный просторъ для индивидуальныхъ варьяцій? Мы часто слышимъ—и имѣемъ возможность фактическими убѣдиться въ извѣстной долѣ правды въ этихъ рѣчахъ — о постепенномъ исчезновеніи оригинальныхъ умовъ, оригинальныхъ характеровъ, оригинальныхъ талантовъ. Нельзя, разумѣется, сравнивать въ этомъ отношеніи наше время съ отдаленной зарей исторіи человѣчества, въ которой притомъ же такъ много гипотетическаго и, вѣроятно, навсегда для насъ загадочнаго. Но, оставляя въ сторонѣ эту темную даль прошедшаго, надо, повидимому, признать, что есть въ исторіи цивилизаціи моментъ или моменты, когда оригинальные, самостоятельные голоса становятся все большею рѣдкостью и ихъ замѣняютъ многочисленныя эхо, болѣе или менѣе буквально другъ друга повторяющія. И даже когда эти эхо хотятъ быть оригинальными, они только оригинальничаютъ. Въ какомъ отношеніи находится это явленіе къ прогрессирующему раздѣленію труда, которое такъ могущественно разрушило первобытное «общее сознаніе»? Дѣло въ томъ что, разрушивъ одно, единое общее сознаніе, оно создало ихъ нѣсколько. Общепринятое выраженіе: раздѣленіе труда обращаетъ человѣка въ органъ общественнаго организма—не совсѣмъ точно. Тотъ римскій гражданинъ, котораго Мененій Агриппа назвалъ «пальцемъ отъ

Digitized by Google

ноги», отнюдь, собственно говоря, таковымъ не былъ, хотя бы уже потому, что подобныхъ ему римскихъ гражданъ одной и той же категоріи насчитывалось не пять или десять, по числу пальцевъ на ногахъ, а гораздо больше. Онъ былъ одною изъ множества клѣточекъ пальца, и для всѣхъ этихъ клѣточекъ существовало общее сознаніе, созданное раздѣленіемъ труда и столь же властное, какъ и то первобытное, раздѣленіемъ же труда разрушенное. Дюркгеймъ не замѣчаетъ этого въ силу того же самаго недоразумѣнія, которое заставляетъ его думать, что механическая солидарность стушевывается по мѣрѣ развитія и укрѣпленія органической солидарности.

Мы видѣли, что она не стушевывается, а слѣдуетъ за органической солидарностью (или якобы солидарностью), какъ тѣнь за предметомъ, ее отбрасывающимъ. Пусть группы, обособившіяся путемъ раздѣленія въ обществѣ, связаны между собою органическою солидарностью, но внутри каждой изъ нихъ болѣе или менѣе властительно дѣйствуетъ солидарность механическая и соотвѣтственное ей общее сознаніе, противоборствующее индивидуальнымъ варьяціямъ. Казалось бы, что можетъ быть капризнѣе, именно въ смыслѣ индивидуальныхъ варьяцій, костюма свѣтской женщины. И, однако, приглядываясь къ дѣлу ближе, мы видимъ, что этимъ варьяціямъ кладется довольно таки узкій предѣлъ общимъ сознаніемъ. Гдѣ то въ Парижѣ дается пароль, моментально разносящійся по всему дамскому міру, представительницы котораго всѣ поголовно обязаны или считаютъ себя обязанными носить сегодня кринолинъ, а завтра узкую юбку и т. п. Ихъ личному вкусу поставлены очень опредѣленныя границы, за которыя онѣ переступать не смѣютъ. И каждый обособившійся слой въ современномъ обществѣ имѣетъ свой кодексъ обычаевъ и приличій, столь же обязательный, какъ и предписанія общаго сознанія для первобытнаго человѣка. Разница только въ томъ, что въ первобытномъ обществѣ этотъ кодексъ одинъ для всѣхъ, а нынѣ каждое общество имѣетъ ихъ нѣсколько, приблизительно по числу группъ или слоевъ, на которые оно раздѣленіемъ труда раздроблено, но обязательность кодекса и, слѣдовательно, ограниченность поля индивидуальныхъ варьяцій — остаются въ силѣ. Если же мы и видимъ исключенія изъ этого правила, то они обязаны своимъ происхожденіемъ не принципу раздѣленія труда, какъ его понимаетъ Дюркгеймъ, а напротивъ, пробиваются вопреки ему.

Съ этимъ Дюркгеймъ, конечно, не согласится. Я впрочемъ не знаю, что онъ отвѣтилъ бы на нѣкоторыя изъ только что сдѣланныхъ замѣчаній объ индивидуальныхъ варьяціяхъ, объ ихъ значеніи, о самой постановкѣ этого вопроса въ его книгѣ. Что же касается старой истины о помраченіи индивидуальности, какъ самостоятельнаго цѣлаго, процессомъ раздѣленія труда, то мы получили бы отъ него два возраженія. Во-первыхъ, онъ сказалъ бы, что сохраненіе индивидуальности, какъ «самодовлѣющаго цѣлаго»,

Digitized by Google

вовсе и не желательно, что современная этика должна быть построена именно на обязанности человѣка выбрать себѣ одну спеціальную задачу и отдаться ей всецѣло, причемъ индивидуальность, проигрывая въ широтѣ, выигрываетъ въ глубинѣ. Въ этомъ направленіи влечетъ насъ историческій процессъ, въ этомъ же направленіи долженъ стоять и нашъ идеалъ. Какъ на образчикъ, Дюркгеймъ указалъ бы на современнаго ученаго, который отказывается и долженъ отказаться отъ воздѣлыванія всего необозримаго поля науки, а сосредоточивается и долженъ сосредоточиться на одной узенькой его полосѣ, но за то изслѣдовать ее въ глубину. Во-вторыхъ, Дюркгеймъ сказалъ бы, что вообще въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ раздѣленія труда повинно не само оно, а внѣшнія, постороннія условія, придающія ему аномическую, то есть совершенно не регулированную, или принудительную, то есть чрезмѣрно и притомъ неправильно регулированную форму. Это возраженіе мы уже разсмотрѣли. Теперь замѣтимъ только, что увѣченія ранъ, наносимыхъ раздѣленіемъ труда, благодаря внѣшнимъ, посторонимъ условіямъ, Дюркгеймъ естественно ожидаетъ отъ устраненія этихъ условій и безпрепятственнаго дальнѣйшаго раздѣленія труда. Главное зло аноміи и принудительности состоитъ въ томъ, что онѣ лишаютъ раздѣленіе труда его естественнаго, нормальнаго результата—солидарности. Участники общаго дѣла не сознаютъ себя таковыми, ибо, погруженные въ свое спеціальное занятіе, они и самаго этого общаго дѣла не видятъ. Но если раздѣленіе труда будетъ проведено еще дальше и послѣдовательнѣе, то всякое дѣло раздробится на столь мелкія операціи, которыя, при условіи одинаковаго къ нимъ для всѣхъ доступа, уже не въ состояніи будутъ заслонить собою цѣлое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переходъ отъ одной операціи къ другой, отъ одной профессіи къ другой — не будетъ представлять затрудненій. Возрастаніе этой гибкости и подвижности мы и теперь видимъ. «Мы видимъ, какъ одно и то же лицо отъ самыхъ низменныхъ занятій переходитъ къ наиболѣе важнымъ... Еще чаще случаи, когда работникъ мѣняетъ свою профессію на другую, сосѣднюю. Когда научная дѣятельность не была спеціализована, ученый, обнимавшій почти всю науку, не могъ измѣнить свою функцію, потому что ему пришлось бы въ такомъ случаѣ отказаться отъ самой науки. Нынѣ же часто случается, что онъ послѣдовательно посвящаетъ себя разнымъ наукамъ, переходя отъ химіи къ біологіи, отъ физіологіи къ психологіи, отъ психологіи къ соціологіи. Эта способность послѣдовательно принимать различныя формы нигдѣ не даетъ такъ себя знать, какъ въ сферѣ экономической. Въ виду чрезвычайной измѣнчивости вкусовъ и потребностей, которымъ отвѣчаютъ экономическія функціи, торговля и промышленность должны постоянно находиться въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, дабы приладиваться ко всѣмъ измѣненіямъ спроса. Когда-то неподвижность была почти естественнымъ состоя-

Digitized by Google

мѣмъ капитала и самый законъ препятствовалъ его движенію; теперь же едва можно услѣдить за всѣми его преобразованіями,— до такой степени велика быстрота, съ которою онъ переносится изъ одного предпріятія въ другое. И рабочіе должны быть на готовѣ, чтобы слѣдовать за нимъ и служить ему въ его преобразованіяхъ» (368).

Думаю, что многіе изъ читателей будутъ повергнуты этой тирадой въ недоумѣніе. Безъ сомнѣнія, капиталъ нынѣ съ чрезвычайною легкостью переносится отъ банкирскихъ операцій къ разработкѣ нефтяныхъ копей, оттуда въ какую нибудь отрасль обрабатывающей промышленности и т. д. Но это потому, что онъ есть нѣчто безплотное. Трудности приспособленія къ новому дѣлу собственно для капитала не существуетъ. Рекомендовать же людямъ, живымъ, облеченымъ плотью и кровью единицамъ, не ко всему легко привыкающимъ и не отъ всего легко отвыкающимъ, быть постоянно «наготовѣ»—гораздо легче, чѣмъ, дѣйствительно, переходить отъ одной профессіи къ другой. Далѣе, что значитъ это разрѣшеніе ученому мѣнять одну отрасль знанія на другую, когда мы только что слышали, что ученый долженъ отмежевать себѣ узенькую полосу, отнюдь не сбиваясь съ нея, но за то эксплоатировать ее въ глубину? Разница между тѣмъ, что воспрещается этимъ предписаніемъ, и тѣмъ, что рекомендуется новымъ приглашеніемъ, состоитъ только въ томъ, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *единовременной* эксплоатаціи различныхъ областей знанія, а во-второмъ—*о послѣдовательной*. Будто эта разница столь ужъ велика, чтобы можно было противопоставлять соотвѣтственные два типа людей науки, какъ взаимно исключающіеся? Разница эта станетъ еще меньше, если мы приглядимся къ обстоятельствамъ, дѣлающимъ для современнаго ученаго возможнымъ переходъ отъ занятій одною отраслью знанія къ другой. Дѣло вѣдь идетъ не о птичьемъ перелетѣ съ дерева на дерево, не о внезапныхъ скачкахъ изъ одной области въ другую, не имѣющую съ первою ничего общаго. И такіе скачки, конечно, возможны, и даже очень удачные, но сами по себѣ они не гарантируютъ «глубины» изслѣдованія. Современный физикъ можетъ переходить къ физіологіи, а оттуда къ психологіи гораздо менѣе рискованнымъ путемъ, ибо широкими обобщеніями умовъ, *единовременно* обнимавшихъ разныя отрасли знанія, попиравшихъ законъ раздѣленія труда, нынѣ уже стерты спеціальныя границы между различными отдѣлами физики, между ими и физіологіей, между физіологіей и психологіей, равно какъ между различными отдѣлами біологіи и проч. Такимъ образомъ не только расчищенъ путь для послѣдовательнаго перехода отъ одной науки къ другой, но становится все болѣе и болѣе немыслимымъ заниматься, напримѣръ, психологіей, не зная физіологіи, или изучать физическіе законы свѣта, не зная физіологическаго устройства органа зрѣнія. Я не говорю, что только этимъ путемъ уничтоженія

Digitized by Google

межей между различными областями знанія совершается прогрессъ науки, но только благодаря ему, а не новымъ дробленіямъ науки на спеціальности, возможенъ тотъ переходъ отъ одной спеціальности къ другой, который составляетъ конечный идеалъ Дюркгейма. Говорю — «конечный», потому что въ началѣ передъ нами ставили иной и даже прямо противоположный идеалъ.

Солидарность, связывающая различныя отрасли современной науки и тѣхъ ея представителей, которые приближаются къ намѣченному идеалу, не есть солидарность органическая, основанная на принципѣ раздѣленія труда, такъ какъ принципъ этотъ здѣсь поколебленъ въ самомъ своемъ основаніи. Ее можно бы было назвать солидарностью механическою, основанною на принципѣ простого сотрудничества, такъ какъ здѣсь выступаютъ на первый планъ не различія, а сходства. Но для этого представляется слѣдующее неудобство. Взятая въ цѣломъ и по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ, группа людей науки представляетъ собою спеціальный общественный органъ, и пока онъ такимъ остается, онъ связанъ съ другими общественными органами органическою солидарностью, основанною на раздѣленіи труда. А за общественнымъ раздѣленіемъ труда — мы уже знаемъ — слѣдуетъ, какъ тѣнь, простое сотрудничество, объединяющее членовъ группы механическою солидарностью. Если, напримѣръ, людямъ науки приходится отстаивать право свободнаго изслѣдованія, то всѣ они по отношенію къ этой общей цѣли оказываются въ одинаковомъ положеніи, и мы имѣемъ тутъ дѣло съ механическою солидарностью.

Читатель понимаетъ, что все, только что сказанное, имѣетъ значеніе не для міра лишь науки. Вообще идеалъ, поставленный Дюркгеймомъ въ началѣ книги, совершенно преобразуется къ концу ея. Тамъ мы слышали требованіе, чтобы человѣкъ избралъ себѣ какую нибудь опредѣленную задачу, которой отдался бы весь, отнюдь не распространяясь вширь, не захватывая чужихъ спеціальностей. Теперь же намъ предлагаютъ, напротивъ, не стѣсняться чужими владѣніями, а считать ихъ общимъ достояніемъ, всѣмъ одинаково доступнымъ, лишь подъ условіемъ не единовременности, а послѣдовательности. Нельзя и не слѣдуетъ быть въ одно и то же время, напримѣръ, человѣкомъ науки, предпринимателемъ промышленнаго дѣла и рабочимъ единовременно, но желательно такое устройство общества, при которомъ каждому было бы возможно послѣдовательно испытать всѣ эти положенія. Передъ нами стояла дилемма: «быть-ли законченнымъ и полнымъ существомъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ, или же напротивъ частью цѣлаго, органомъ организма?» Въ самой формулировкѣ этой дилеммы сквозило готовое рѣшеніе въ пользу второго ея члена, и къ этому клонилась вся аргументація автора. Но въ концѣ-концовъ мы получаемъ нѣкоторое третье рѣшеніе. Получаемъ именно любопытное видоизмѣненіе органической теоріи: общество остается организмомъ, все болѣе и болѣе

Digitized by Google

усложняющимся путемъ прогрессирующаго раздѣленія труда, но индивидуальные члены общества, эти клѣточки общественнаго организма, свободно перемѣщаются изъ одного органа въ другой: сегодняшняя костная или печеночная клѣточка становится завтра мозговою и т. п. Такимъ образомъ, спасенъ и принципъ общественнаго раздѣленія труда, обязывающій насъ быть не «самодовлѣющимъ цѣлымъ», а частью цѣлаго, но спасенъ и идеалъ цѣлостности, потому что клѣточка, способная къ подобному, хотя бы и послѣдовательному, исполненію разнообразнѣйшихъ функцій, заключаетъ въ себѣ задатки такого энциклопедизма, который рѣшительно непримиримъ съ раздѣленіемъ труда. Выходитъ, что и овцы цѣлы, и волки сыты.

Но такъ не бываетъ. И единственный выходъ изъ противорѣчій и недоразумѣній, въ которыя впадаетъ Дюркгеймъ, представляется мнѣ въ теоріи борьбы за индивидуальность. Теорія эта предполагаетъ наличность нѣсколькихъ теченій, комбинирующихся и перекрещивающихся между собою на самые разнообразные лады. Насъ теперь занимаютъ только два главныя и наиболѣе общія изъ нихъ. Всякое общество есть своего рода индивидуальность, стремящаяся къ все большему усложненію путемъ *общественнаго* раздѣленія труда (это показалъ и Дюркгеймъ въ главѣ о причинахъ раздѣленія труда). Человѣкъ, отдѣльно взятый, есть также индивидуальность, только другого порядка, тоже стремящаяся къ усложненію, но путемъ *физіологическаго* раздѣленія труда. Эти два процесса по существу противоположны и, между прочимъ, первому соотвѣтствуютъ различія между людьми, а второму сходства. Но, будучи по существу прямо противоположными, по обстоятельствамъ эти два процесса могутъ вступать въ разнообразныя комбинаціи.

Боюсь утомить читателей столь отвлеченной и сухой матеріей, къ которой, признаюсь, меня влечетъ личное желаніе сдѣлать кое-какія пояснения и поправки къ тому, что мною было изложено почти ровно тридцать лѣтъ тому назадъ. Буду кратокъ и перейду прямо къ одной изъ фактическихъ иллюстрацій, которыми пользуется Дюркгеймъ.

Въ первой же главѣ своей книги онъ говоритъ о раздѣленіи труда между мужчинами и женщинами. Онъ приводитъ общеизвѣстные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что у первобытныхъ народовъ слабое вообще раздѣленіе труда слабо и между двумя полами. Они значительно сходны между собою и по занятіямъ и образу жизни, и по духовному складу, и даже по физическимъ признакамъ, кромѣ, разумѣется, половыхъ. Но съ теченіемъ времени самый ростъ общежитія устанавливаетъ между ними все прогрессирующее раздѣленіе труда, вмѣстѣ съ чѣмъ мужчина и женщина все болѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга во всѣхъ отношеніяхъ. «Давно уже—говоритъ Дюркгеймъ—женщина отдалилась отъ войны и общественныхъ дѣлъ и вся ея жизнь сосредоточилась у семей-

Digitized by Google

наго очага. Съ тѣхъ поръ ея роль все болѣе спеціализировалась. Нынѣ, у цивилизованныхъ народовъ, женщина ведетъ жизнь, совершенно отличную отъ жизни мужчины. Можно сказать, что двѣ великія функціи психической жизни какъ бы разобщились, что одинъ полъ присвоилъ себѣ аффективныя функціи, а другой—интеллектуальныя. Видя, какъ въ нѣкоторыхъ классахъ женщины занимаются, подобно мужчинамъ, литературой и искусствами, можно бы было, правда подумать, что занятія обоихъ половъ стремятся стать опять однородными. Но даже въ эту сферу дѣятельности женщина вноситъ свою особенную природу, и ея роль остается очень спеціальною, очень отличною отъ роли мужчины. Притомъ же, если беллетристика и искусства становятся женскимъ достояніемъ, то мужчины, повидимому, покидаютъ эти сферы, чтобы спеціальнѣе заняться наукой. Легко можетъ быть поэтому, что этотъ кажущійся поворотъ къ первобытной однородности есть лишь начало новой дифференціаціи. Эти функціональныя различія сопровождаются и различіями морфологическими. Не только ростъ, вѣсъ, общія формы тѣла очень различны у мужчинъ и женщинъ, но д-ръ Лебонъ показалъ, что съ прогрессомъ цивилизаціи становится чувствительнѣе и разница мозга обоихъ половъ. По словамъ этого наблюдателя, фактъ этотъ выражается одновременно болѣе значительнымъ развитіемъ мужскихъ череповъ и неподвижнымъ состояніемъ или даже регрессомъ женскихъ череповъ. Въ то время, говоритъ онъ, какъ черепъ мужчинъ-парижанъ въ среднемъ принадлежитъ къ числу самыхъ объемистыхъ, средній черепъ парижанокъ значительно меньше, чѣмъ у китаянокъ и едва превосходитъ черепъ женщинъ Новой Каледоніи» (61—62).

Таковы факты. Сообразно своей теоріи, Дюркгеймъ сопровождаетъ ихъ соображеніями о томъ, что вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда первобытная механическая солидарность, основанная на сходствахъ между мужчинами и женщинами, замѣняется гораздо болѣе прочною солидарностью органическою, которая выражается все большею устойчивостью семейныхъ и брачныхъ узъ. Именно потому, что оба пола все болѣе расходятся между собою, они становятся другъ другу необходимы, дополняя другъ друга.

Можно, однако, сомнѣваться, чтобы именно въ Парижѣ, гдѣ разница мужскихъ и женскихъ череповъ столь велика, семейныя и брачныя узы отличались особенною прочностью. А что касается солидарности половъ вообще, то дикія сцены при недавнемъ пожарѣ благотворительнаго базара даже слишкомъ жестоко разрушаютъ эту иллюзію. И конечно, мужчины давили, душили, били палками и каблуками женщинъ именно потому, что эти благородные поступки были для нихъ облегчены разницею между полами. Такъ что отсюда никоимъ образомъ нельзя сдѣлать выводовъ, благопріятныхъ для раздѣленія труда между полами, то есть одной изъ формъ общественнаго раздѣленія труда. Да и самое изложеніе фактовъ, въ общемъ

Digitized by Google

вѣрныхъ и несомнѣнныхъ, постепеннаго прогресса раздѣленія труда, можно и даже должно освѣтить не такъ, какъ у Дюркгейма. Возьмемъ то же парижское свѣтское общество, въ которомъ столь велика разница между черепами мужчины и женщины и въ которомъ произошла катастрофа на благотворительномъ базарѣ. Это общество, усложнившись путемъ раздѣленія труда вообще, въ частности установило рѣзкія различія между двумя полами. Это—естественная тенденція всякаго общества, но при этомъ физіологическое раздѣленіе труда въ организмахъ мужчинъ и женщинъ потерпѣло ущербъ: когда то, говоря языкомъ Дюркгейма, аффективныя и интеллектуальныя функціи психической жизни были приблизительно равномѣрно удѣлены обоимъ поламъ, а затѣмъ постепенно заглохли аффективныя у мужчинъ, интеллектуальныя у женщинъ; оба пола физіологически обѣднѣли, упростилась, и именно потому, что общество усложнилось, разбогатѣло разнообразіемъ. Индивидуальность парижскаго свѣтскаго общества, индивидуальность общественная, побѣдила индивидуальность личную. Но парижанки могли бы и побороться за свою индивидуальность, какъ борятся за нее женщины въ другихъ обществахъ. Онѣ могли бы отстаивать свое право на всю полноту жизни, а не только аффективной ея стороны. Женщина всегда останется женщиной, равно какъ мужчина мужчиной, это раздѣленіе труда самой природой устроено и составляетъ предѣлъ, его же не прейдеши. Но требовать извѣстной полноты жизни, то есть работы всѣмъ своимъ органамъ, не давать обществу заглушать тѣ или другія функціи,—не значитъ стремиться перестать быть женщиной, хотя и значитъ стремиться сгладить разницу между мужчинами и женщинами. И если бы парижанки умѣли или могли удержаться на этой позиціи, то не онѣ были бы побѣждены въ борьбѣ за индивидуальность, а парижское свѣтское общество, которое утратило бы свой теперешній специфическій складъ.

Такъ и во всемъ. Въ этой же книжкѣ «Русскаго Богатства» читатель найдетъ статью г. Тимковскаго о народныхъ театрахъ въ связи съ народнымъ образованіемъ вообще. Попробуйте приложить къ этому вопросу принципы общественнаго и физіологическаго раздѣленія труда. Адамъ Смитъ, имѣя въ виду пагубное вліяніе общественнаго раздѣленія труда, рекомендовалъ компенсировать его народнымъ образованіемъ. «Но тутъ—говоритъ Марксъ—съ нимъ весьма послѣдовательно полемизируетъ его французскій переводчикъ и комментаторъ, Гарнье, сенаторъ первой французской имперіи. Онъ объявляетъ, что народное образованіе несовмѣстно съ основнымъ закономъ раздѣленія труда и что ввести его значитъ «уничтожить всю нашу общественную систему». Какъ всѣ другіе виды раздѣленія труда, говоритъ онъ, раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ становится рѣзче и опредѣленнѣе по мѣрѣ обогащенія общества». (Das Kapital, I, 348). «Общественная система», апологетомъ которой былъ Гарнье, дѣйствительно, требовала невѣже-

Digitized by Google

ственной массы народа въ силу общественнаго раздѣленія труда. Но физіологическое раздѣленіе труда требуетъ, напротивъ, чтобы интеллектуальныя функціи не были упразднены.

Шансы обѣихъ сторонъ въ борьбѣ за индивидуальность могутъ быть очень разнообразны, и не всегда легко предсказать ея исходъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Перепись и обстоятельства, ее сопровождавшія. — Тираспольскіе фанатики. — Цѣнность личности и обезпеченность жизни. — Еврейскіе погромы.—Ревнители благопристойія.

Самый важный моментъ всеобщей переписи населенія, заключающій въ себѣ непосредственный опросъ послѣдняго, законченъ, и матеріалы переписи частью собраны, частью собираются всѣ къ одному центру. Первая всероссійская перепись прошла изъ края въ край Имперіи, проникла въ самые отдаленные и глухіе углы ея, поднимаясь въ роскошныя покои великолѣпныхъ палатъ и спускаясь въ сырые подвалы и мрачныя подземелья. Она усчитала всѣхъ и каждаго: полъ, возрастъ, состояніе, занятіе, она усчитала нашу безграмотность, и прошла, «не вѣдая ни жалости, ни гнѣва», мимо угнетающихъ впечатлѣній городской нищеты, мимо подавленной бѣдности деревень, мимо грубости, одичанія и суевѣрій темныхъ массъ, мимо тупого формализма. Но пройти безнаказанно мимо этой стоглавой гидры русской жизни не такъ то легко: тревожно поднялись ея головы, разбуженные необычайнымъ явленіемъ и, насколько могли, ядомъ своимъ отравили дѣло высокой, несомнѣнной важности и пользы.

На перепись было ассигновано изъ государственнаго казначейства пять милліоновъ. Часть расходовъ приняли впослѣдствіи на себя общественныя управленія: земства и города. Населенію перепись не должна была ничего стоить. А на дѣлѣ, какъ ни старались этого избѣжать, она обошлась темному простому народу не дешево. Въ городахъ, гдѣ по мѣрѣ возможности листы должны были заполняться самимъ населеніемъ, полуграмотный ремесленникъ платилъ за заполненіе переписныхъ листовъ кабацкому ходатаю-писцу. Въ деревняхъ... ну, въ деревняхъ, въ особенности среди инородцевъ, дѣло ставилось иногда еще проще. Такъ, напр., одно изъ инородческихъ управленій Сибири прямо такъ-таки и назначило сборъ по 70 коп. съ двора на расходы по производ--

Digitized by Google

ству переписи («Вост. Обоз.» № 12). А въ Уфимской губерніи какой то волостной писарь рѣшилъ, что сборъ по этому поводу долженъ быть не подворный, а подушный, и на основаніи этого соображенія издалъ предписаніе взыскать съ мужиковъ за всенародную перепись по четыре копѣйки съ души. («Сам. Газ.» № 63). И мужички, вѣроятно, заплатили. Да и какъ не заплатить, начальству виднѣе, въ какую это пользу идетъ. Вымогательство, обманъ, мошенничества всякаго рода нашли себѣ не мало пищи около переписи невѣжественнаго и довѣрчиваго населенія. Брали деньги фиктивные счетчики, брали подчасъ и дѣйствительные. Да и сами счетчики, оказывается, не избѣгли поборовъ. Въ Богородскомъ уѣздѣ Сарат. губ. распространился слухъ, что счетчики получатъ большое вознагражденіе и особые знаки, которые будутъ давать право на замѣщеніе писарскихъ вакансій въ волостяхъ. И предлагающіе свои услуги нахлынули въ волостныя управленія. Одинъ изъ волостныхъ старшинъ умудрился даже торговать мѣстами счетчиковъ и бралъ приличные куши за занесеніе счетчиковъ въ списки, преподносившіеся на утвержденіе земскому начальнику («Сар. Дн.»).

Народъ въ общемъ встрѣтилъ перепись спокойно и довѣрчиво. Иногда въ его глазахъ она принимала видъ какой то особенной таинственной манипуляціи, которую продѣлываетъ по отношенію къ нему начальство. Что можетъ быть характернѣе, напр., этого разсказа о томъ, какъ переписывали на одномъ поѣздѣ сибирской дороги. Счетчикъ застаетъ въ домѣ только что прибывшихъ съ этого поѣзда.

Они заявляютъ, что ихъ «записали» на ст. Сорокиной.

— И вы записаны?

— Да, кажись, записали и насъ.

— Какъ это «кажись»? Васъ спрашивали тамъ?

— Нѣтъ не спрашивали.

— А какъ же вы говорите, что вы записаны?

— Да такъ и записаны! Поѣздъ остановился, кондукторъ и говоритъ: сидите по мѣстамъ, не выходите, сейчасъ перепись пойдетъ. Ну, мы и ждали. Ванюха даже уснулъ. Вздимъ: мимо насъ, мимо вагона то, господа прошли съ фонаремъ.—Кондукторъ сзади. «Перепись», говоритъ... Ну, прошла перепись, вдругорядь свиснули— и покатили дальше. («Вил. Вѣст.» № 78).

По деревнямъ перепись встрѣчали съ обычною смѣсью боязни, подозрѣній, надеждъ, нелѣпыхъ толкованій, слуховъ. Пессимисты озлобленно толковали о прибавкѣ налоговъ, поголовной солдатчинѣ, принудительномъ выселеніи въ Сибирь, на Амуръ. Бабы всему вѣрили и не на шутку волновались. Оптимисты опять начали лелѣять неискоренимую мечту народа о прирѣзкѣ земель...

Но дѣйствительныя, серьезныя недоразумѣнія возникли лишь на почвѣ національно-религіозной. Не мало было хлопотъ съ раскольниками, сектантами. Волновались инородцы, татары, чуваши, кир-

Digitized by Google

гизы. «Въ Бугульминскомъ уѣздѣ, по сообщенію «Пензенскихъ губернскихъ Вѣдомостей», въ 30 селеніяхъ и въ дер. Боровкѣ, Ставропольскаго уѣзда, татарское населеніе воспротивилось производству переписи, объясняя это сопротивленіе посягательствомъ, будто бы, правительства на религіозныя права мусульманъ. Не смотря на всѣ разъясненія и убѣжденія земскихъ начальниковъ, татары не подчинились законнымъ требованіямъ властей и не допустили счетчиковъ къ переписи, почему возникшіе безпорядки прекращены при содѣйствіи войскъ». Содѣйствіе полиціи и войскъ усиленно примѣнялось въ Казанской губерніи при переписи инородцевъ. Еще до наступленія переписи среди нихъ укоренились слухи, что мусульманъ будутъ крестить, а школы ихъ закрывать. Въ распространеніи слуховъ и возбужденіи населенія обвиняли мусульманское духовенство, муллъ. Но, съ другой стороны, достаточно ли осмотрительно было поступлено руководителями переписи въ данномъ случаѣ, требовавшемъ большого такта и выдержки? Намъ извѣстно, что завѣдующій однимъ изъ переписныхъ округовъ (по 3 губ.) былъ настолько тактиченъ, что рѣшительно воспротивился предложенію мѣстной администраціи употребить для переписи раскольничьяго населенія представителей мѣстнаго православнаго духовенства. Но въ сосѣднемъ переписномъ округѣ не были настолько осмотрительны. И вотъ безпорядки, связанные съ переписью, охватили уѣзды Чистопольскій, Спасскій, Казанскій, Лаишевскій и др. («Сынъ Отечества» № 15, «Саратовскій Листокъ» № 12, «Волжскій Вѣстникъ» №№ 71, 72, «Нижег. Лист.» № 123), причемъ отказъ отъ переписи и насилія, допущенныя по отношенію къ чинамъ полиціи, во многихъ мѣстахъ повлекли за собою вызовъ войска, водвореніе солдатъ по селеніямъ, экзекуціи. Упорно ходилъ слухъ объ убійствѣ одного изъ земскихъ начальниковъ, проникшій даже въ печать въ слѣдующемъ видѣ: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 71) была напечатана выдержка изъ корреспонденціи въ «Биржевыя Вѣдомости» (отъ 6 февр.) о переписи въ Б-скомъ уѣздѣ С-ской губ. Въ выдержкѣ приведены слѣдующія слова корреспондента: «Волненіе настолько серьезно, что отправили къ праотцамъ одного земскаго начальника, который былъ съ исправникомъ и уговаривалъ народъ не волноваться». Позднѣе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появляется письмо симбирскаго губернатора Акинфова, который, указывая, что означенный иниціалами уѣздъ не можетъ быть инымъ, какъ Буинскимъ уѣздомъ Симбирской губерніи, пишетъ по поводу сообщенія слѣдующее: «въ Симбирской губерніи, при производствѣ переписи, никакого убійства не было, а лишь возникли среди татарскаго населенія незначительныя недоразумѣнія, которыя и были улажены при самомъ началѣ ихъ. Очевидно, убійство земскаго начальника при переписи произошло въ другой губерніи, насколько мнѣ извѣстно, Казанской, что ясно видно и изъ самой корреспонденціи: корреспондентъ, сообщивъ о произведенномъ фактѣ убій-

Digitized by Google

ства, продолжаетъ: «На границѣ съ Казанскою губерніею и въ нашей—не совсѣмъ благополучно. И т. д.» Но оказалось, что и такое высокопоставленное лицо, какъ симбирскій губернаторъ, не было достаточно точно освѣдомлено о фактѣ убійства земскаго начальника. По крайней мѣрѣ въ № 99 тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано было (на основаніи ст. 138 уст. о ценз. и печати) слѣдующее сообщеніе:

«Въ № 84 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано письмо симбирскаго губернатора съ опроверженіемъ слуха, будто въ Симбирской губерніи во время переписи былъ убитъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ, причемъ добавляется: «очевидно, убійство земскаго начальника при переписи произошло въ другой губерніи, насколько мнѣ извѣстно,—Казанской». Высказанное предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. При производствѣ переписи въ Казанской губерніи возникли нѣкоторыя мѣстныя замѣшательства, но не было совершено ни одного убійства».

Нельзя, конечно, не порадоваться, что ни одинъ изъ земскихъ начальниковъ Казанской и Симбирской губерній не палъ искупительной жертвой народной подозрительности къ дѣлу переписи. Но что положеніе ихъ зачастую было трудно, показываютъ примѣры тѣхъ дѣлъ объ оскорбленіи должностныхъ лицъ въ связи съ производствомъ переписи, которыхъ уже нѣсколько разсматривалось въ казанскомъ окружномъ судѣ. Вотъ одно изъ нихъ, наиболѣе характерное:

«До свѣдѣнія земскаго начальника 8-го участка, Чистопольскаго уѣзда дошло, что среди чувашъ-язычниковъ распространилась молва, будто бы первая всеобщая перепись назначена не для подсчета народонаселенія, а для того, чтобы крестить какъ ихъ самихъ, такъ и дѣтей ихъ, и чтобы всѣхъ обратить въ барскихъ крестьянъ. Въ виду этого, намѣреваясь разъяснить чувашамъ настоящее значеніе переписи, земскій начальникъ явился въ деревню и приказалъ собрать сходъ, а самъ направился въ избу. Спустя нѣкоторое время въ избѣ явилась толпа крестьянъ, во главѣ которыхъ находился крестьянинъ Ильдимировъ. Идя впереди всѣхъ, онъ кричалъ: «Зачѣмъ пріѣхали? Кончать ихъ надо!» Вслѣдъ за этимъ Ильдимировъ ворвался въ избу и, подступивъ къ земскому начальнику, началъ ругать его, упрекая его въ томъ, что будто бы тотъ составилъ безъ ихъ согласія отъ имени чувашъ какой-то приговоръ о всеобщей переписи. Расходившагося Ильдимирова, по приказанію земскаго начальника, вывели изъ избы. За дверью слышались голоса взволнованныхъ крестьянъ; слышались возгласы, что слѣдуетъ убить начальника. Въ виду этого дверь была заперта. Чуваши стали ломиться. Запоръ отлетѣлъ, и они ворвались въ комнату. Толпа человѣкъ въ 20 подступила къ земскому начальнику съ бранью и угрозами. Хозяинъ избы и земскій начальникъ влѣзли на нары. Крестьянинъ Михайловъ подступилъ къ нему и кричалъ, какъ онъ

Digitized by Google

смѣлъ школу выстроить. Въ это время впередъ протискался крестьянинъ Максимовъ и, схвативъ земскаго начальника за рукавъ, стащилъ его съ наръ. Когда тотъ очутился въ толпѣ, то мигомъ на него посыпались удары. Наконецъ, онъ былъ вытѣсненъ въ сѣни, а затѣмъ и на дворъ. Здѣсь начальникъ опять попробовалъ было урезонить крестьянъ, но на него съ новой силой посыпались брань и угрозы. Только съ большимъ трудомъ удалось земскому начальнику, который остался въ одномъ мундирѣ, сѣсть въ сани и уѣхать изъ деревни отъ разсвирѣпѣвшей толпы. Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, въ нанесеніи оскорбленій земскому начальнику словомъ и дѣйствіемъ, виновными себя не признали, говоря, что по случаю праздника они были пьяны и ничего не помнятъ. Казанскій окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло въ чистопольской выѣздной сессіи, призналъ подсудимыхъ, за исключеніемъ одного Михайлова, виновными въ означенномъ преступленіи, причемъ, по степени участія въ данномъ дѣлѣ, приговорилъ къ тюремному заключенію троихъ на 8 мѣсяцевъ, а остальныхъ на 4 мѣсяца» («Волжскій Вѣстникъ» № 71).

Другую группу лицъ, уклонявшихся отъ переписи, представили сектанты. Среди раскольничьяго населенія среднихъ великорусскихъ губерній перепись особыхъ тревогъ не возбудила и прошла относительно спокойно. Конечно, старухи раскольницы не могли не вспомянуть по этому поводу антихриста и его печать, близкій конецъ міра и проч., но ихъ причитанія не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Такъ или иначе имъ приходилось сдаваться передъ настояніями начальства, производившаго перепись, прибѣгая иногда къ очень курьезной и мелочной казуистикѣ въ видахъ оправданія. Такъ, когда одной старухѣ изъ начетчицъ было отказано въ ея убѣдительныхъ просьбахъ освободить ее отъ занесенія въ переписной листъ, она, увидѣвъ, что помимо листа А, въ который ее слѣдовало внести, какъ крестьянку, у переписчика имѣется еще листъ Б для населенія не крестьянскаго, стала его умолять, чтобы онъ записалъ ее въ листъ Б, объясняя, что этотъ листъ, какъ обозначенный буквою «буки», есть листъ «божескій», обозначенный же буквою «азъ»—есть листъ антихристовъ.

Упорнѣе уклонялись отъ сообщенія какихъ бы то ни было о себѣ свѣдѣній нѣкоторыя группы сектантовъ. Въ Сибири, въ верховьяхъ рѣкъ Казыря, Мины и Сисима, осѣвшіе было тамъ бѣлоризцы задолго до переписи, дождавшись весны, соорудили, по сообщенію «Восточнаго Обозрѣнія» (№ 10) два «ковчега», вмѣстимостью въ 1500 пудовъ каждый и, покинувъ извѣстное «міру» мѣстожительство, поплыли внизъ по Тубѣ и Енисею, спустились въ Обь и пробрались на Васюганскія озера (между Обью и Иртышомъ), въ пустынныя, дикія мѣста, доступныя только бродячимъ инородцамъ. Они бѣжали отъ «свѣтей антихриста», отъ переписи. Нѣкоторыя секты по смыслу своего ученія обязаны уклоняться отъ дачи та-

Digitized by Google

кого рода свѣдѣній, какихъ требовала перепись. Таковы «бѣгуны» или «странники», основное ученіе которыхъ проповѣдуетъ, что антихристъ царствуетъ на землѣ чувственно, видимо, что «печать» его царства, главный признакъ его — это повиновеніе гражданской власти. Жить въ гражданскомъ обществѣ, нести государственныя и общественныя повинности, платить подати, брать паспорты, давать свѣдѣнія о своей личности, все это прямое нарушеніе основъ ученія секты и нарушители попадаютъ въ «плѣнъ» власти антихриста. Отсюда у ревнителей ученія выводъ: кто хочетъ спасти душу, тотъ долженъ скрываться, «бѣгать», «странствовать», скитаться. Однако, допускаются и осѣдлые странники—«странноприимцы». Эти послѣдніе обязаны принимать, кормить и укрывать у себя странствующую братію, а въ случаѣ смерти—зарывать ихъ гдѣ случится: въ сараѣ, погребѣ, лѣсу, но не на кладбищѣ и не въ гробу, а просто въ саванѣ или рогожѣ, чтобы и послѣ смерти быть вѣрными началамъ своего ученія. Случайныя могилы, по мнѣнію сектантовъ, лучшее доказательство ревности умершаго къ своему ученію.

На почвѣ этого-то страннаго и мрачнаго общественно-религіознаго міровоззрѣнія разыгралась въ связи съ переписью ужасная драма въ селѣ Терновкѣ, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Сибирскіе бѣлоризцы нашли выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ перепись, и кто же не скажетъ, что выходъ этотъ можетъ быть наилучшій, какой могли они избрать, оставаясь вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Тираспольскіе бѣгуны нашли другой выходъ—добровольную смерть, смерть сообща, цѣлыми семьями, во мглѣ и сырости подземелій.

Въ чудной живописной мѣстности вблизи Тирасполя на берегу Днѣстра, среди зелени, виноградныхъ садовъ, озеръ и заливовъ расположилось село Терновка. Въ окрестностяхъ Тирасполя, Бендеръ издавна живутъ и селятся раскольники разныхъ толковъ. Есть среди нихъ старсобрядцы, поповцы и безпоповцы, есть и сектанты «бѣгуны» или, какъ еще называютъ ихъ, «прыгуны». Нѣсколько семей этихъ послѣднихъ сектантовъ пріютились въ Терновскихъ «плавняхъ». Занимались они садоводствомъ, жили трезво, мирно, съ мѣстнымъ населеніемъ сносились мало, за то имѣли постоянныя сношенія съ послѣдователями того же ученія, проживавшими въ сосѣднемъ селѣ Плоскомъ и другихъ.

Особеннымъ почетомъ и вліяніемъ въ терновскихъ плавняхъ пользовалась семья Ковалевыхъ, состоявшая изъ вдовы старухи лѣтъ 60 и женатаго сына Ѳедора. Вмѣстѣ съ семьею Назара Ѳомина, женатаго на дочери Ковалевой, эти послѣдніе образовали нѣчто въ родѣ скита. Всего въ Терновкѣ проживало человѣкъ до 40 сектантовъ.

Послѣдніе мѣсяцы минувшаго года были проведены скитниками въ большомъ возбужденіи и тревогѣ. Съ одной стороны уже два года какъ среди нихъ укоренился слухъ, что около 1 января

Digitized by Google

1897 года будетъ конецъ міра. Большая комета уничтожитъ все живущее на землѣ, послѣ чего настанетъ страшный судъ. И не одну ночь провели вѣрившіе всему этому сектанты безъ сна, съ тревогой вглядываясь въ звѣздное небо въ ожиданіи страшной кометы. А потомъ пошли слухи о предстоящей переписи и все упорнѣе, пока не пріобрѣли силу неоспоримо имѣющаго совершиться факта. За нѣсколько дней до начала переписи, въ Ковалевскій садъ, куда, какъ въ «скитъ», часто пріѣзжали для молитвъ и поклоненья изъ другихъ мѣстъ, заѣхала женщина, называвшая себя «Виталіею», и предсказывала, что послѣ переписи наступитъ царство антихриста и лишь тотъ спасетъ свою душу, кто избѣжитъ переписи: «лучше руки на себя наложить, — говорила она, чѣмъ отдать себя во власть «нечистой силы». Когда 21 января явился счетчикъ въ усадьбу Ковалевыхъ и Ѳоминыхъ, то нашелъ двери запертыми, и только черезъ отверстіе получилъ заявленіе, написанное красивыми славянскими печатными буквами, что скитники никакихъ свѣдѣній о себѣ не дадутъ. Прочіе сектанты, которыхъ спрашивали, отвѣчали на всѣ вопросы одно; «Христосъ знаетъ, спаси раба Божія». Этого и надобно было ожидать: ученіе «бѣгуновъ», къ которымъ принадлежали сектанты терновскихъ плавней, отвергаетъ переписи, раздѣляющія людей на разные чины и классы. Тогда же нѣсколько человѣкъ изъ сектантовъ были, по распоряженію судебнаго слѣдователя, посажены въ мѣстную тюрьму, въ томъ числѣ и «Виталія». Но такъ-какъ всѣ посаженные упорно отказывались отъ пищи и не давали о себѣ никакихъ показаній, судебная власть, опасаясь, что они могутъ умереть голодной смертью, вынуждена была освободить ихъ послѣ недѣльнаго ареста, отдавъ ихъ подъ надзоръ сельской власти. Одинъ изъ освобожденныхъ вскорѣ умеръ отъ истощенія, вызваннаго голоданіемъ, а другіе скрылись изъ сада и больше ихъ никто не видалъ. Вообще замѣтили, что послѣ переписи неизвѣстно куда скрылись многіе изъ обитателей скита и ихъ единомышленниковъ. Пропала безъ вѣсти старуха Ковалева, жена и двѣ дочери Ковалева Ѳедора, семья Ѳоминыхъ и другіе. Сначала объясняли это исчезновеніе тѣмъ, что будто бы до 17 человѣкъ, избѣгая переписи, отправились въ Яссы и другія мѣста Румыніи. Тирасполецъ, также раскольникъ, Соловьевъ, выдавшій свою дочь за Ѳедора Ковалева, настойчиво требовалъ у него, чтобы онъ указалъ, куда дѣлась его жена съ малютками дочерьми. Другіе также искали: кто брата, кто отца или мать. Къ веснѣ молва стала принимать другой оборотъ: говорили о томъ, что пропавшіе замурованы въ погребѣ Ковалевской усадьбы. Эти указанія приняли такую увѣренность, что обратили на себя вниманіе власти. Въ домъ Ѳедора Ковалева явились съ цѣлью обыскать усадьбу. При первомъ же допросѣ Ковалевъ открылъ, что 9 человѣкъ дѣйствительно замурованы имъ въ погребѣ въ особо вырытой минѣ, всѣ они приняли смерть добровольно, ища «спасе-

Digitized by Google

нія». «Для чего же вы это сдѣлали», спросили его. «Они пожелали принять мученичество. Если бы они попросили себя убить, я бы это сдѣлалъ», твердо сказалъ Ковалевъ. Спустились въ погребъ,— обыкновенный погребъ, гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ хранятъ вино,—проломали по указанію Ковалева стѣну, за которой открылась мина, тѣсная и низкая. Когда внутренность ея была освѣщена, съ ужасомъ увидѣли въ ней груду разложившихся труповъ, покрытыхъ землей, лежавшихъ въ разныхъ положеніяхъ. Тутъ были старики, женщины и грудныя дѣти, но лица ихъ до того были покрыты мхомъ и обезображены, что трудно было ихъ признавать, отличить полъ. Всѣ умерли въ судорогахъ, руки и ноги скорчены, туловища согнуты, одежда разорвана и расползалась при одномъ прикосновеніи. По стѣнамъ мины наблюдаются слѣды страшной предсмертной борьбы умиравшихъ людей: онѣ исцарапаны, исковыряны, мѣстами въ нихъ продѣланы глубокія впадины. Смерть послѣдовала скорѣе отъ отсутствія воздуха, чѣмъ отъ голода, агонія была мучительна, но не долга. При трупахъ нашли четки, восковыя свѣчи, молитвенникъ.

По мѣрѣ того, какъ вынимали трупы, Ѳедоръ Ковалевъ называлъ ихъ по именамъ: здѣсь была и его жена, молодая красивая женщина, съ двумя малолѣтними дочерьми, Назаръ Ѳоминъ съ женой и дочерью 12 лѣтъ, Григорій Кравцевъ, неизвѣстная монашка и старикъ, назвать которыхъ Ковалевъ отказался. Всѣ эти люди, не желая подчиниться власти антихриста и спасая души, добровольно отправились въ мину, неся съ собою своихъ дѣтей. Тамъ размѣстились они по опредѣленнымъ мѣстамъ. Въ 12 часовъ ночи Ѳ. Ковалевъ задѣлалъ стѣну, за которою въ этомъ большомъ гробу съ еще живыми людьми оставалась и его семья. Передаютъ, что онъ любилъ ее; передаютъ, что, замуровавъ свои жертвы въ 12 часу ночи, онъ до разсвѣта провелъ у замурованной стѣны и долженъ былъ слышать крики и рыданія дѣтей. Когда дня черезъ два или три послѣ этого Ковалевъ встрѣтился съ однимъ сосѣдомъ, онъ былъ молчаливъ и спокоенъ. Тотъ спросилъ его, гдѣ жена и дѣтишки, Ковалевъ ничего не отвѣтилъ, только пытливо смотрѣлъ въ глаза спрашивающаго.

Погребеніе заживо девяти человѣкъ въ ковалевскомъ погребѣ было совершено въ ночь на 24 декабря 1896 г., а преступленіе было раскрыто 18 апрѣля. Естественно должна была явиться мысль, что если девять человѣкъ исчезли при подобныхъ обстоятельствахъ, то же могло быть и съ остальными. Ѳедоръ Ковалевъ долженъ былъ знать, но онъ, будучи взятъ подъ стражу и сидя въ тираспольской тюрьмѣ, отказывался давать дальнѣйшія показанія. Ковалевъ высокаго роста, онъ еще молодъ (ему 24 года), но производитъ впечатлѣніе аскета. Надъ вопросами онъ подолгу задумывается и отвѣчаетъ осмысленно, логично и разумно. Онъ хорошо обученъ грамотѣ, въ бесѣдахъ о своихъ вѣрованіяхъ говоритъ тономъ глубокаго убѣжденія. Позднѣе въ одесскихъ газетахъ писали,

Digitized by Google

что въ ковалевскомъ погребѣ были найдены еще трупы заживопогребенныхъ скитниковъ, въ томъ числѣ матери Ковалева, другого ея сына и дочери и старицы «Виталіи». 3 мая по указанію Ф. Ковалева, были открыты на дачѣ нѣкоего Матвѣя Сухула еще 6 жертвъ, замурованныхъ тѣмъ же Ковалевымъ въ ямѣ. Въ числѣ ихъ оказался и самъ Матвѣй Сухулъ, владѣлецъ большого виноградного сада. Трупы были вытащены изъ ямы, наполнившейся, очевидно, во время разлива Днѣпра, водою, грязью и пескомъ. Ковалевъ спокойно называлъ ихъ по именамъ и фамиліямъ. Несчастная жена Сухула, не знавшая, гдѣ пропадаетъ ея мужъ съ дочерью, обезумѣла отъ горя при видѣ ихъ обезображенныхъ труповъ. По словамъ ея, мужъ все время предлагалъ ей идти съ нимъ, но такъ какъ онъ уклонялся дать ей опредѣленный отвѣтъ, куда онъ желаетъ уйти съ ней, то она отъ его предложенія всегда отказывалась. Наконецъ, въ день его исчезновенія, Матвѣй, взявъ въ руки дочь, въ послѣдній разъ обратился къ женѣ съ просьбой слѣдовать за нимъ. Жена отказалась. Тогда Матвѣй замѣтилъ ей: «если хочешь пріобрѣсти царство небесное, такъ иди со мной, если нѣтъ—оставайся здѣсь». Съ этими словами мужъ удалился. Не заявила же Сухула полиціи потому, что съ минуты на минуту ждала возвращенія мужа. Сколько правды въ ея объясненіи, заключаетъ корреспондентъ «Одесскихъ Новостей», сказать, конечно, трудно. Сухулъ былъ вынутъ изъ ямы въ монашеской одеждѣ и съ камилавкой на головѣ.

Ѳедоръ Ковалевъ, на котораго по словамъ его палъ жребій, замуровалъ или, точнѣе говоря, заложилъ камнемъ и засыпалъ землею и эту группу заживо себя схоронившихъ. Его спросили, не слыхалъ ли онъ о чемъ разговаривали замурованные имъ. Ковалевъ отвѣтилъ, что слышалъ только, какъ Матвѣй Сухулъ спросилъ свою меньшую дочь, хочетъ-ли она остаться здѣсь или пойдетъ лучше къ дѣдушкѣ, на что послѣдняя отвѣтила: «нѣтъ, хочу лежать съ тятей въ ямѣ». Послѣ этого Ковалевъ удалился и къ нимъ больше не возвращался. (Од. Нов. № 3966).

И этотъ человѣкъ ходилъ по землѣ, въ которую онъ не дрогнувшей рукою заживо схоронилъ свою мать, жену, дѣтей, онъ зналъ кругомъ не одну такую же могилу, въ которыя онъ замуровалъ на нечеловѣческія страданія десятки жертвъ. И онъ жалѣлъ лишь объ одномъ, что его миссія не позволила ему самому принять ту же смерть. За семью, жену, дѣтей онъ утѣшенъ: «они уже Божьи люди. Избавились отъ антихриста, приняли мученичество».

Конечно, въ этомъ ужасномъ событіи перепись играла роль лишь той случайной искры, отъ которой вспыхнуло долго сдерживаемое пламя дикаго фанатизма. Фактъ поразителенъ самъ по себѣ, онъ раскрываетъ передъ нами такія зіяющія мрачныя глубины народнаго суевѣрія, передъ которыми останавливаешься со страхомъ и тревогой. Тутъ мало одной грамотности: Ковалевъ, Сухулъ и большин-

Digitized by Google

ство сектантовъ, даже женщины, грамотны. Тутъ нужно измѣненіе тѣхъ условій, благодаря которымъ народная мысль, предоставленная самой себѣ, таящаяся и подозрительная, принимаетъ уродливое направленіе, облекается въ дикія формы, толкаетъ на ужасные изувѣрные поступки. Нужно поднять цѣну человѣческой жизни, человѣческой личности, сдѣлать жизнь болѣе свѣтлой и открытой, чтобы въ ней не могли ютиться такія гнѣзда мрачнаго фанатизма, какъ скиты терновскихъ плавней, наполнить мысль и воображеніе простолюдина образами настолько чистыми и свѣтлыми, чтобы рядомъ съ ними разсѣялись, какъ галлюцинаціи больного мозга, образы средневѣковыхъ апокрифическихъ сказаній.

Главная переписная коммиссія уже обнародовала общій итогъ населенія Россіи—129.211,113 душъ обоего пола. Внушительность этой цифры заставитъ сердца нѣкоторыхъ патріотовъ забиться отъ благородной гордости. Мы тоже готовы присоединиться къ ихъ чувствамъ, но одно соображеніе умаляетъ въ нашихъ глазахъ впечатлѣніе этой цифры. Значеніе всякаго итога измѣряется значеніемъ, которое придается его слагаемымъ. А такъ ли высоко цѣнится у насъ та самая человѣческая личность, душа того или иного пола, которая съ себѣ подобными и составляетъ эти 130 милліоновъ населенія? Возьмемъ, чтобы не ходить далеко, тѣ 64 милліона душъ, которыя составляютъ женскую половину населенія. Кто не знаетъ, что во время переписи крестьяне сплошь и рядомъ забываютъ даже упомянуть о дѣтяхъ женскаго пола, такъ мало значенія придаютъ они «дѣвчонкамъ». Но вотъ прежняя дѣвчонка стала женщиной, женой, матерью. Во что цѣнится ея личность, жизнь, слезы, трудъ? Пробѣгая газеты, поражаешься тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ изъза какого нибудь пустяка мужъ окончательно добиваетъ свою жену, которую онъ годы истязалъ у всѣхъ на глазахъ невозбранно. Да и кто ему помѣшаетъ: жена его вещь, собственность, онъ бьетъ ее, когда хочетъ, какъ колотятъ своихъ женъ всѣ сосѣди. Вотъ напр. 25 апрѣля въ самарскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянина с. Екатериновки Петра Мещерякова въ нанесеніи своей женѣ побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть послѣдней. Обвинительный актъ говоритъ коротко: 8 декабря 1896 года вечеромъ Петръ Мещеряковъ пришелъ домой пьяный и потребовалъ ужинать, а когда жена его Матрена вслѣдствіе чего-то замедлила подать ужинъ, то Мещеряковъ набросился на нее и сталъ бить ее такъ сильно, что несчастная черезъ нѣсколько минутъ умерла. При вскрытіи трупа оказалось, что печень и селезенка разорваны, что и послужило причиною смерти Матрены Мещеряковой.

А вотъ какъ объясняетъ самъ Мещеряковъ. Когда я пришелъ домой нѣсколько пьянымъ и попросилъ жену дать мнѣ ужинать, то она стала ругаться и не хотѣла давать мнѣ ѣсть. Тогда я самъ хотѣлъ достать изъ печки хлебово; въ это время къ печкѣ подошла

Digitized by Google

также и жена, я ее оттолкнулъ, и она упала и ударилась объ сундукъ, а потомъ встала и легла на постель. Я сталъ ужинать. Полежавъ на постели, жена встала и пошла по избѣ, но вдругъ среди пола упала и закричала. Я подошелъ къ ней и сталъ говорить: что ты притворяешься! и при этомъ сталъ трогать ее ногами, но она молчала и не двигалась; я наклонился къ ней—она была уже мертва. Я испугался и сталъ звать на помощь. Жена уже давно была больна и на нее часто «накрывало». (Сам. Газ. № 89).

Вотъ вамъ и все: оттолкнулъ такъ, что больная женщина упала и ударилась объ сундукъ, а чтобы убѣдиться, что жена не притворяется, «трогалъ ее ногами». Судъ приговорилъ Мещерякова къ аресту на мѣсяцъ и церковному покаянію. — Въ деревнѣ Зарѣчьѣ, Рыбинскаго уѣзда крестьянинъ Павелъ Сергѣевъ на масляницѣ ѣздилъ съ женою въ сосѣднее село за покупками, затѣмъ вернулся, остался на нѣсколько минутъ съ нею въ избѣ одинъ, а когда вернулась его мать, то застала уже Сергѣеву на полу около кровати съ разбитымъ черепомъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ убитой сидѣлъ ея мужъ и распивалъ водку. Сергѣевъ признался, что жену убилъ онъ, и совершилъ это при такихъ обстоятельствахъ. Оставшись наединѣ съ женою, онъ почему-то вдругъ заподозрилъ ее въ невѣрности и спросилъ, любитъ она его или нѣтъ. На это жена ему будто-бы отвѣтила: «люблю, какъ черта въ углу». Отвѣтъ такъ обозлилъ Сергѣева, что онъ, схвативъ въ руки топоръ, ударилъ имъ жену по головѣ и уложилъ на мѣстѣ. Убитая—молодая женщина—находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности. Съ мужемъ она, по словамъ сосѣдей, все время жила, повидимому, въ ладахъ, что, впрочемъ, подтвердилъ и самъ убійца, заявившій, что онъ не имѣетъ никакихъ доказательствъ измѣны жены. (Камско-Волжскій Край № 359).

Въ Благовѣщенскѣ мѣстный обыватель Поломутовъ былъ въ гостяхъ у другого обывателя Яковлева вмѣстѣ съ своею женой, молодой женщиной. Во время бесѣды и попойки мужъ сталъ держать пари, что жена его выпьетъ 15 бутылокъ пива, но Александра Поломутова въ состояніи была выпить всего три бутылки. Тогда мужъ, принуждая жену пить далѣе, сталъ ее бить, сначала по лицу, а потомъ и ногами, когда она лежала уже на полу. Яковлевъ вступился за избиваемую женщину, началась перебранка и драка. Поломутовъ ушелъ съ женою и подъ утро уже безъ признаковъ жизни притащилъ ее на набережную Амура, къ зимовьямъ. Въ убійствѣ онъ сознался (Амур. газ.).

Будетъ! Передъ глазами у насъ еще нѣсколько такихъ сообщеній, но и приведенныхъ достаточно, чтобы показать, какъ дешево цѣнится человѣческая жизнь, жизнь женщины. Вѣдь, давно извѣстно, что у женщины нѣтъ души, а только «паръ». Ту же участь раздѣляютъ съ ними инородцы въ глазахъ сибирскаго населенія. Инородецъ—это тварь, а не человѣкъ. Развѣ душа въ «ёмъ»?—

Digitized by Google

«Паръ»,—увѣряютъ васъ мѣстные знатоки и поэтому считается вполнѣ возможнымъ и даже похвальнымъ опоить несчастнаго инородца, надругаться надъ нимъ, а при случаѣ иногда и прихлопнуть. Какой грѣхъ убить инородца, когда въ немъ не душа, а «паръ», когда онъ «жретъ» лошадиное мясо и чтитъ какія то деревяшки и камни. Газета «Сибирь» говоритъ объ этомъ по поводу случая, какъ хозяинъ заимки въ Канскомъ округѣ Вотяковъ пристрѣлилъ ссыльно-поселенца татарина Джунбаева. Они поссорились, татаринъ хотѣлъ жаловаться, могли выйти разныя непріятности, пріѣдетъ еще чего добраго засѣдатель, будетъ таскать въ волостной судъ, ѣзда, потеря времени, угощеніе судьямъ. Легче показалось догнать поѣхавшаго въ с. Ачинское татарина, убить его изъ винтовки и зарыть при дорогѣ въ снѣгу. Сколько въ Сибири ежегодно весной появляется этихъ «подснѣжниковъ», именуемыхъ оффиціально «неизвѣстнаго званія человѣкъ», мужскаго или женскаго пола съ явными признаками насильственной смерти, виновники которой рѣдко становятся извѣстны.

Съ Урала пишутъ въ «Волжско-Камскій Край» о крайней необезпеченности жизни на заводахъ; звѣрскія убійства, кровавыя драки, заканчивающіяся то и дѣло чьей либо смертью, составляютъ обычное явленіе (№ 361). Въ «Самарскую Газету» (№ 81) тоже пишутъ изъ воткинскаго завода вятской губерніи: мирнымъ жителямъ почти нѣтъ возможности вечеромъ, а тѣмъ болѣе ночью выходить на улицу безъ оружія. Грабежи и убійства совершаются на глазахъ полиціи, которая боится мѣшать буянамъ: только недавно убили одного полицейскаго, отличавшагося особымъ рвеніемъ въ преслѣдованіи буяновъ. Въ Читѣ по словамъ газетъ грабежи, нападенія, покушенія на убійства сдѣлались буквально ежедневнымъ явленіемъ. Врываются въ квартиры, нападаютъ на приказчиковъ, когда они вечеромъ,—часовъ въ 8, возвращаются съ выручками домой. Грабители ходятъ пѣшкомъ, съ револьверами и кистенями, разъѣзжаютъ верхами или въ кошевѣ.

На Кавказѣ, можно подумать, вернулись героическія времена удальцовъ-разбойниковъ. Мы читаемъ разсказы объ атаманахъ женщинахъ, о вооруженныхъ шайкахъ, врывающихся въ дома среди бѣлаго дня, о похищеніи женщинъ. Мирное населеніе такъ запугано дерзостью и силой разбойниковъ, что не находитъ иного для себя исхода, какъ прикрывать ихъ имена. Авторъ статьи въ «Новомъ Обозрѣніи», отмѣчая, въ числѣ печальныхъ явленій кавказскаго быта, распространенное лжесвидѣтельство, причину тому видитъ въ отсутствіи безопасности для судей. «Мирное населеніе Кавказа, говоритъ онъ, въ настоящее время, въ виду слабой гарантіи его жизни и имущества, находится въ зависимости отъ всѣхъ тѣхъ, которые могутъ совершенно лишить его и этой слабой гарантіи. Населеніе это болѣе всего боится преступниковъ, доказывавшихъ не разъ свою силу и на дѣлѣ убѣждавшихъ народъ въ без-

Digitized by Google

силіи и недостаточности полицейской охраны. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли населеніе показывать что-нибудь противъ разбойниковъ, дерзость которыхъ доходитъ до того, что они нападаютъ не только на частныхъ лицъ, но даже на казенныя и частныя учрежденія, какъ, напримѣръ, на елисаветпольское конское депо, гдѣ убиваютъ начальника его Вильмана, на заводъ Ургардта, на желѣзнодорожный поѣздъ, на Уджарскую станцію и пр.?! Смѣетъ-ли народъ показывать что-нибудь противъ преступниковъ, или не укрывать ихъ, когда за это не только его имущество, но и его жизнь можетъ подвергнуться опасности»?!

Но если вы цѣните свою жизнь и жизнь своихъ близкихъ, то избѣгайте прежде всего попадать въ Баку. Тамъ стоитъ вамъ помѣшать мало-мальски сильному и богатому человѣку и ваша голова будетъ оцѣнена. Въ концѣ февраля и первыхъ числахъ марта разсматривалось тамъ дѣло объ убійствѣ присяжнаго повѣреннаго С. Д. Старосельскаго. (Каспій № 88, Кіевлянинъ № 97, Волж. Вѣсти. 74, Новости и др.). Это уголовное дѣло раскрыло поразительную картину мѣстнаго, собственно бакинскаго, быта, мѣстныхъ нравовъ, отношеній и порядковъ. Старосельскій былъ вліятельный адвокатъ, ведшій исключительно земельныя крестьянскія дѣла противъ бековъ-захватчиковъ. Въ 14 верстахъ отъ гор. Баку расположены такъ назыв. «сабратскія» земли, принадлежавшія большею частью казнѣ. Когда началось межеваніе, мѣстные беки при помощи «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей» и добраго вниманія свѣдущихъ людей, стали доказывать, что земли эти принадлежатъ имъ въ силу земской давности. Въ 1894 г. на этихъ земляхъ открылось мѣсторожденіе нефти, и тогда началась обычная въ такихъ случаяхъ вакханалія наживы. Беки спѣшили продавать земли, права на владѣніе которыми имъ еще и не принадлежали. Крестьяне видѣли, что имъ грозитъ полное разореніе вслѣдствіе утраты пользованія казенной землей. Старосельскій внимательно изучилъ дѣло и выступилъ защитникомъ интересовъ казны и крестьянъ. Всѣ земельныя дѣла сосредоточились въ его рукахъ. Благодаря его энергіи, на всѣ земли было наложено запрещеніе, а за пять дней до убійства, судебная палата отмѣнила рѣшеніе окружнаго суда въ пользу Бакиханова, который долженъ былъ лишиться отъ того крупнаго состоянія. Тогда участь Старосельскаго была рѣшена. Это заранѣе было извѣстно по городу, самой жертвѣ и даже полиціи. И онъ былъ убитъ руками наемныхъ убійцъ такъ же просто и легко, какъ это дѣлалось въ средніе вѣка, въ безлюдныхъ закоулкахъ Венеціи, Тосканы, Флоренціи и какъ это дѣлается теперь въ Европѣ развѣ только въ одномъ Баку. Приставъ Насырбековъ прямо заявилъ на судѣ, что Бакихановъ имѣлъ въ Баку «подпольную контору наемныхъ убійцъ». Совѣщаніе объ убійствѣ Старосельскаго происходило въ его домѣ, причемъ одинъ изъ убійцъ взялся сдѣлать свое дѣло за 400 рублей. Когда Старосельскій въ половинѣ декабря

Digitized by Google

1895 г. далеко за полночь возвращался изъ клуба домой и сталъ у подъѣзда своей квартиры разсчитываться съ извозчикомъ, изъ-за угла вышли два татарина и сдѣлали по немъ четыре выстрѣла изъ револьверовъ, тяжело его ранивъ. Старосельскій умеръ черезъ 12 часовъ, но, находясь въ полной памяти, успѣлъ высказать, что подозрѣваетъ въ покушеніи на убійство сельскаго старшину Манафа и члена городской управы Бейбабекова, противъ которыхъ велъ гражданскія дѣла. Это дало нить для дальнѣйшаго разслѣдованія, которое и привело къ раскрытію «конторы» Бакиханова. Въ Баку убійства до того часты, что никого не удивляютъ и не волнуютъ. Когда ночью постучались къ приставу и сказали, что убили сѣдока, то приставъ спокойно спросилъ. «А кто сѣдокъ?» Узнавъ, что убитый—сынъ бывшаго бакинскаго губернатора Старосельскаго, лицо въ городѣ извѣстное, приставъ «кинулся ему на помощь». Отъ полиціи требовали найти убійцъ во что бы то ни стало: она начала хватать кого попало. На судѣ обнаружилось, что свидѣтельскія показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, вынужденныя, факты одинъ за другимъ оказывались невѣрными. Лавочникъ Гуссейнъ-Кули, выдержанный трое сутокъ въ полиціи, сталъ говорить, что ему приказывали; извозчики, околодочные, городовые и т. п. люди повторяли заученныя показанія. Но на судѣ, во время судебнаго слѣдствія, начались иныя рѣчи.

«Подсудимыхъ не зналъ и не видалъ», говорилъ лавочникъ, «а показаніе далъ въ защиту своей жизни,—ложное: приставъ Насырбековъ и помощникъ его Міансаровъ заставили! Кого показали, того я и оговорилъ». Извозчикъ Зайцевъ повторилъ то же самое, а бывшій околодочный Султановъ на вопросы предсѣдателя суда упорно молчалъ и, наконецъ не выдержавъ, заявляетъ: «Ничего не покажу! Я человѣкъ семейный и знаю здѣшній народъ. Нѣтъ, я боюсь и не могу говорить правду. Г. прокуроръ, *если со мною что либо случится послѣ сегодняшняго допроса, прошу защитить меня!*» (*В. В. № 74*).

Изъ шести человѣкъ, привлеченныхъ къ суду, судъ приговорилъ Бакиханова за подкупъ на убійство и содѣйствіе ему къ безсрочной каторгѣ и непосредственныхъ убійцъ Мешади Мамеда и Фаттаха къ 20-лѣтней каторгѣ, остальные были по суду оправданы. Такъ кончилось это удивительное дѣло, долго волновавшее городъ. Но надо сознаться, что какъ ни строго наказаніе, примѣненное къ убійцамъ Старосельскаго, можетъ-ли считаться достаточно огражденною закономъ и правосудіемъ жизнь въ такомъ городѣ, гдѣ открыто подыскиваютъ и находятъ исполнителей «заказныхъ» убійствъ?

Не лучше обстоитъ дѣло на западной окраинѣ. Въ послѣдней очередной сессіи рижскаго окружнаго суда въ г. Юрьевѣ разсматривалось дѣло о нѣсколькихъ убійствахъ (Рижск. В. № 81, 82). Еще съ 1889 года въ Ковелехтской волости было, какъ говорится, «неблагополучно». Прежде всего начались пожары. Потерпѣвшіе по-

Digitized by Google

дозрѣвали поджоги, молва называла имена поджигателей. Это были лица, связанныя большею частью дружескими другъ съ другомъ связями, вслѣдствіе чего въ нихъ стали видѣть членовъ шайки. Всѣ подозрѣваемые въ поджогахъ лица были привлечены къ суду, но скоро выпущены на свободу за отсутствіемъ уликъ. Прошло еще нѣкоторое время и въ волости произошло нѣсколько убійствъ и покушеній на убійство. Жертвами являлись лица изъ числа подозрѣвавшихся въ поджогахъ. Но убійцы не были открыты. Одинъ изъ подвергшихся покушенію Давидъ Кангуръ прямо указывалъ, что виновниками убійствъ и покушеній являются мѣстный корчмарь Карлъ Грюнбергъ и помощникъ волостного старшины Юрій Парускъ, а сотрудниками ихъ Карлъ Пурмъ и Янъ Лятти. Они главари шайки, другіе—исполнители. Цѣль преступленія—завладѣть вліятельными мѣстами въ волости, чтобы захватить и общественныя суммы. Всякую помѣху на пути завладѣнія общественными мѣстами, хотя бы это были только опасные свидѣтели, устраняли, не стѣсняясь въ средствахъ. Таково было показаніе Кангура, но другихъ уликъ не оказалось, и дѣло было прекращено.

Въ 1894 году было обнаружено убійство еще одного подозрѣваемаго въ поджогахъ, Тухкура, а въ 1895 г. убійство другого, Миклинга. На этотъ разъ въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены названные когда-то Кангуромъ члены шайки: Карлъ Грюнбергъ, Юрій Парускъ, Карлъ Пурмъ, Янъ Лятти и еще два не названныхъ имъ лица: работникъ Грюнберга Карлъ Кротманъ и жена Грюнберга Ева. И судебное слѣдствіе раскрыло факты самой беззастѣнчивой дерзкой преступной дѣятельности ряда лицъ, совершавшихъ свои мрачныя дѣянія почти открыто на глазахъ у работниковъ, работницъ, сосѣдей. Центромъ преступленій была корчма Грюнберга «Пухья», въ интимномъ единеніи съ нею было волостное правленіе. Въ первой совершались преступленія, второе въ лицѣ помощника старшины старалось ихъ замести. Въ особенности поразительны обстоятельства смерти Миклинга. Это былъ перехожій портной, жившій тамъ, гдѣ была работа. Человѣкъ живой, общительный, онъ былъ любимъ сосѣдями. Иногда возбуждали неудовольствіе его пѣсни, которыя онъ самъ слагалъ и въ которыхъ, обыкновенно, высмѣивалъ кого нибудь изъ мѣстныхъ жителей, но неудовольствіе держалось недолго. Послѣ убійства Тухкура, Миклингъ сложилъ стихи и распѣвалъ ихъ какъ пѣсни. Онъ описывалъ въ нихъ подробности убійства и прямо называлъ убійцъ по именамъ. О томъ же онъ говорилъ во всеуслышаніе въ корчмѣ. Мѣстный учитель предупреждалъ Миклинга, что, распѣвая свою обличительную пѣсню, онъ рискуетъ жизнью. Но тотъ не унимался. 20 февраля 1895 г. онъ запьянствовалъ въ корчмѣ, остался тамъ до вечера, а вечеромъ, когда онъ вышелъ изъ корчмы, Янъ Лятти, догнавъ его, повалилъ на землю, навалился на него и нанесъ ему смертельное поврежденіе груди, легкаго и печени. Какъ Лятти поднялся отъ тѣла несчаст-

Digitized by Google

наго Миклинга и вернулся въ корчму, а Миклингъ остался на землѣ, это видѣли и одинъ изъ посѣтителей корчмы и ѣхавшіе мимо крестьяне. Всѣмъ имъ было ясно, что Лятти убилъ Миклинга, но страхъ передъ местью шайки такъ парализовалъ ихъ, что, не говоря ни слова, они поспѣшили уйти съ мѣста преступленія. Однако позднѣе свидѣтель донесъ объ убійствѣ въ юрьевское полицейское управленіе. Начато было слѣдствіе. Давалось много показаній, свидѣтельствовавшихъ о существованіи шайки, но болѣе вѣскими уликами они не подтвердились. Многіе называли въ числѣ участниковъ шайки лицъ, оказавшихся непричастными, но относительно Грюнберга, его жены, слуги Кротмана, Яна Лятти, Карла Пурма и помощника волостного старшины Юрія Паруска всѣ показанія были согласны, что они руководители и исполнители преступленій. Были показанія, что для убійствъ существовала такса 70 руб. за дворохозяина и 20 руб. за работника; платили лица, заинтересованныя въ убійствѣ; одинъ изъ свидѣтелей слышалъ разговоръ Лятти съ Грюнбергомъ. Грюнбергъ говорилъ, что на его родинѣ мгновенно убиваютъ, привязавъ жертву за шею къ дереву и потянувъ ее за ноги; послѣ убійства Биры, Грюнбергъ и Парускъ собирали деньги для защиты Пурма, чтобы пригласить адвоката; одинъ свидѣтель разсказывалъ, что прежде составилась шайка для поджоговъ, въ которую вошелъ, между прочимъ, и Лятти, но онъ скоро вышелъ и, боясь мести, составилъ съ Пурмомъ новое общество для защиты себя отъ поджигателей; самъ будто бы Лятти говорилъ, что стрѣляетъ въ Кангура, считавшагося ихъ обществомъ поджигателемъ. Подсудимые не признали себя виновными и отрицали то, что они члены шайки.

Судомъ всѣ они были признаны виновными и приговорены къ разнымъ степенямъ наказанія. Населеніе мѣстности, освобожденное отъ этой продолжительной осады, можетъ вздохнуть нѣсколько свободнѣе.—Въ Перновѣ въ послѣдней выѣздной сессіи рижскаго окружнаго суда разбирался рядъ дѣлъ объ убійствахъ должностныхъ лицъ, волостного старшины, старшаго городового. Подобныя преступленія въ послѣднее время стали здѣсь такъ часто повторяться, что вызвали нѣкоторую панику среди низшихъ представителей власти; и многіе изъ нихъ, прямо изъ страха за свою жизнь, оставили службу.

Открытіе на окраинахъ новыхъ судовъ, подъемъ общественныхъ силъ введеніемъ земскихъ учрежденій, развитіе и поддержка гласности, печати, могутъ сдѣлать для искорененія, этого зла, подтачивающаго нормальное теченіе общественной жизни, болѣе чѣмъ иныя самыя строгія исключительныя мѣры. Эти мѣры, уже не разъ испробованныя, какъ сильное лекарство, лишь загоняютъ болѣзнь въ глубь общественнаго организма, не излѣчивая ея, и рано или поздно она вновь обнаруживается во всемъ своемъ губительномъ дѣйствіи. Передъ растущимъ огрубѣніемъ массъ нельзя

Digitized by Google

медлить съ дѣломъ просвѣщенія и проведеніемъ въ жизнь здоровыхъ общественныхъ началъ уваженія къ личности, ея правамъ, жизни и достоинству. Растутъ новыя поколѣнія. Подъ какими впечатлѣніями слагаются ихъ понятія, ихъ нравственный міръ? Какіе примѣры они видятъ? Еврейскіе погромы, которые Европа видѣла нѣкогда въ средніе вѣка—вѣка гоненій за вѣру и попранія человѣческихъ правъ,—въ узкихъ улицахъ еврейскихъ кварталовъ, у насъ по сю пору явленіе обычное, которому печать считаетъ нужнымъ посвятить нѣсколько бѣглыхъ словъ. Только еще недавно въ февралѣ произошелъ страшный еврейскій погромъ въ мѣстечкѣ Шполѣ, Кіевской губерніи. Въ мѣстечкѣ—до 4,000 еврейскихъ семействъ, по развитію торговли оно не уступитъ иному уѣздному городу. Два дня, 18 и 19 февраля, какъ сообщаетъ корреспондентъ «С.-Пет. Вѣдомостей», громили лавки: толпа выбрасывала дорогіе товары на улицу и тутъ же поливала ихъ керосиномъ, бархатъ, шелкъ, дорогіе мѣха бросали въ бочки съ деревяннымъ масломъ. Окна, двери, дорогая мебель, піанино, зеркала—разбивались въ щепки. Густая пелена пуха и перьевъ отъ разорванныхъ перинъ и подушекъ покрывала землю въ палисадникахъ богатыхъ домовъ и на улицахъ, тутъ же валялись клочки разорванныхъ дорогихъ книгъ, нотъ, журналовъ, счетовъ. Грабили одинаково богатыя лавки и убогія лавченки, такъ что лицамъ, прибывшимъ въ Шполу на третій день—въ четвергъ, приходилось ступать по какой-то странной массѣ, представлявшей смѣсь сахара, керосина, вина, дорогихъ тканей, масла, пуха и домашней утвари. Мѣстами можно было видѣть ломъ, топоръ, гири—орудія разрушенія.

На разсвѣтѣ 19 февраля, на смѣну выбившимся уже изъ силъ грабителямъ, прибыли новыя силы и доканчивали дѣло разрушенія. Не пощажены и синагоги, которыя также разорены цѣликомъ. Къ 12 часамъ дня 19 февраля разрушать уже почти нечего было. Въ это же время получилась телеграмма о выѣздѣ въ Шполу кіевскаго губернатора, другихъ начальствующихъ лицъ и трехъ сотенъ уральскихъ казаковъ. Народъ изъ окрестныхъ деревень продолжалъ прибывать. Вся эта масса съ мѣшками, корзинами и веревками направлялась къ разрушеннымъ магазинамъ, откуда возвращалась съ туго набитыми мѣшками и узлами, въ которыхъ заключался разнообразный товаръ. Только лѣнивый не набивалъ мѣшковъ дорогимъ товаромъ.

Охваченные паникою евреи пустились въ бѣгство еще 19 февраля. Вокзалы были набиты сотнями женщинъ съ грудными младенцами на рукахъ, подростковъ и дѣтей. Воздухъ оглашался рыданіями разоренныхъ, выгнанныхъ изъ своихъ жилищъ несчастныхъ семей.

А толпа все прибывала. Вѣсть, что въ Шполѣ «бьютъ жидівъ», облетѣла всѣ даже далеко отстоящія отъ Шполы села и деревни, привлекая сотни мужиковъ и бабъ. И ихъ повергало въ немалое недоумѣніе,

Digitized by Google

когда оказывалось, что ни бить жидовъ, ни забирать ихъ имущество не позволяютъ уже. «Казалы—обращается одинъ мужикъ къ своему товарищу, недоумѣвающе пожимая плечами: казалы, що можно бить жідівъ, але-жъ воно брехня». Во время самаго погрома работали мѣстные люди,—общее убѣжденіе было, что погромъ былъ подготовленъ и задуманъ заранѣе,—они не тронули нѣкоторыхъ домовъ, хозяева которыхъ дали имъ заработать при доставкѣ матеріаловъ и товаровъ. Когда священникъ съ крестомъ въ рукахъ умолялъ народъ оставить богопротивное дѣяніе, ему отвѣчали: «Батюшка, дай намъ погулять».

Пріѣхали власти, часть виновныхъ немедленно была наказана розгами, закована въ кандалы и отправлена въ Звенигородку.

А не успѣли еще замереть отголоски шполянскаго погрома, какъ 16 апрѣля, по сообщенію «Новаго Времени», подверглось разгрому мѣстечко Кантакузовъ, находящееся въ недалекомъ разстояніи отъ заштатнаго города Вознесенска (Херсонской губ.). Разгромъ носилъ стихійный характеръ. Всѣ еврейскія лавочки разнесены въ пухъ и прахъ. Буйную толпу крестьянъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ умолялъ разойтись, но безуспѣшно. Въ общемъ погромѣ, благодаря какому-то чуду, уцѣлѣла синагога. О погромѣ немедленно дано знать херсонскому губернатору, и на мѣсто происшествія высланы войска. Сосѣдній съ мѣстечкомъ Кантакузовымъ гор. Вознесенскъ тоже безпокоится. Въ немъ значительная часть еврейскаго населенія.

Газета выражаетъ увѣренность, что администрація обратитъ самое серьезное вниманіе на еврейскій вопросъ въ Херсонской губерніи. Конечно, это необходимо, но разрѣшеніе его, которое бы предупредило подобные взрывы массоваго стихійнаго озлобленія, возможно не иначе, какъ на почвѣ укрѣпленія и защиты законныхъ правъ рабочаго люда по отношенію къ экономически связанному съ нимъ еврейскому населенію. Газета «Свѣтъ» передаетъ, что причиною безпорядковъ въ Шполѣ было слѣдующее обстоятельство. За пять дней до побоища, евреи избили до полусмерти хохла изъ за ничтожнаго разсчета, причемъ хохолъ былъ будто-бы правъ и обсчитанъ евреями. Три раза родня и сосѣди избитаго требовали отъ полиціи только составленія протокола, и, трижды получивъ отказъ на справедливое свое требованіе, начали волноваться, вообразивъ, будто «приставъ стоитъ за жидовъ». Пять сутокъ озлобленные крестьяне толковали о томъ, когда начать бить евреевъ и, наконецъ, въ базарный день толпа, въ большинствѣ изъ рабочихъ мѣстнаго свеклосахарнаго завода, принялась громить еврейскіе лавки и дома.

Такъ ли было въ дѣйствительности или нѣтъ, но несомнѣнно, что въ основѣ озлобленія русскаго населенія противъ евреевъ лежитъ масса неудовлетворенныхъ претензій, обидъ, взаимныхъ недоразумѣній, которыя могли бы быть устранены, разрѣшены

Digitized by Google

на почвѣ закона и примиренія. Пока въ населеніи не водворится довѣріе къ закону, надежда найти въ судѣ защиту своихъ справедливыхъ притязаній и интересовъ, оно всегда будетъ возвращаться время отъ времени къ гибельной мысли самому раздѣлаться со своими обидчиками и эксплуататорами. А какіе притѣсненія и мерзости совершаются иногда по отношенію къ нему, показываетъ примѣръ цѣлаго ряда возникшихъ въ послѣднее время дѣлъ о положеніи работницъ на спичечныхъ фабрикахъ и табачныхъ плантаціяхъ. Одно изъ этихъ дѣлъ разсматривалось въ концѣ марта въ минскомъ окружномъ судѣ. Надзиратель спичечной фабрики З. Гинцбургъ обвинялъ редактора «Минскаго Листка» въ клеветѣ, заключавшейся въ замѣткѣ, гдѣ говорилось, что на фабрикѣ «Викторія» въ г. Борисовѣ надзиратели и приказчики допускаютъ по отношенію къ дѣвушкамъ, работающимъ на фабрикѣ въ числѣ трехсотъ, безнравственныя выходки, подвергая осмѣливающихся сопротивляться всевозможнымъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. На судѣ авторъ замѣтки, Д. Розенблюмъ, далъ подробное описаніе порядковъ означенной фабрики.

Онъ жилъ въ г. Борисовѣ и занимался частными уроками. Въ числѣ его ученицъ были дѣвушки, работавшіе на фабрикѣ «Викторія». Много разъ онѣ являлись на урокъ съ заплаканными глазами и жаловались ему, что Гинцбургъ настойчиво пристаетъ къ нимъ съ оскорбительными предложеніями; согласиться—значитъ поступиться дѣвической честью, не согласиться—обречь себя на преслѣдованія и даже исключеніе изъ числа работницъ. Послѣднее обстоятельство грозитъ нищенствомъ или голодной смертью, такъ какъ заработокъ на фабрикѣ, хотя и въ размѣрѣ только одного рубля въ недѣлю, является единственнымъ средствомъ къ существованію. Свидѣтель самъ былъ очевидцемъ того, какъ надзиратель Гинцбургъ таскалъ по двору фабрики работницу за волосы. На вопросъ «за что такъ жестоко расправляется съ ней Гинцбургъ?» дѣвушка отвѣтила, что она наканунѣ вечеромъ отказала Гинцбургу въ его требованіи «сопровождать его въ сарай». Свидѣтель А. Мирзонъ показалъ, что онъ работалъ на фабрикѣ и видѣлъ, какъ Гинцбургъ «баловался» съ дѣвушками, билъ и штрафовалъ тѣхъ, которыя «не соглашались» на его предложенія. Г. Розенблюму пришлось быть очевидцемъ, какъ дѣвушка, возвратившись съ фабрики, со слезами на глазахъ жаловалась матери, что Гинцбургъ не оставляетъ ее своими преслѣдованіями.

Судъ оправдалъ К. Зиновьева, но гдѣ найдутъ защиту несчастныя дѣвушки, отданныя на произволъ надсмотрщиковъ? Не менѣе характерны два ялтинскихъ дѣла между работницами и хозяевами табачныхъ плантацій. О нарушеніи условія съ однимъ изъ нихъ, Кадыевымъ, обратились къ городскому судьѣ 20 привезенныхъ имъ изъ Харьковской губ. дѣвушекъ. Онъ подвергалъ ихъ холоду, голоду, побоямъ, кормилъ ихъ пшеномъ съ водою (кандюрой), приказывая ничего не давать имъ ѣсть, когда дѣвушки, болѣя отъ дурной пищи, отказывались идти на работу. По приказанію хозяина работники Кадыева спали въ одной комнатѣ съ дѣвушками. Самъ Кадыевъ, по заявленію дѣвушекъ, совершилъ надъ одной изъ нихъ насиліе и покушался

Digitized by Google

сдѣлать тоже самое надъ другой. Тогда работницы поголовно оставили Кадыева, который предъявилъ къ нимъ искъ объ убыткахъ. Городской судья приговорилъ Кадыева къ аресту на семь дней, признавъ за дѣвушками право нарушить условіе. Кромѣ того противъ него возбуждено дѣло о совершеніи насилія. Кадыевское дѣло ободрило другихъ обиженныхъ, которыя ранѣе, можетъ быть, думали, что для нихъ нѣтъ никакой защиты. Шесть работницъ съ табачной фабрики Чингалиди обратились къ городскому судьѣ, ища нарушенія условія и предъявляя къ Чингалиди гражданскій искъ. Ихъ дѣло велъ тотъ же прис. повѣр. Лищинскій, который защищалъ работницъ Кадыева. И опять, говоритъ репортёръ «Одесскихъ Новостей» (№ 3965) передъ присутствовавшими въ камерѣ суда развернулись обычныя порядки жизни и работы на плантаціяхъ: голодъ... холодъ... издѣвательства... побои... билъ палкой, билъ калошами, билъ сашкой—слышится рыдающій голосъ подростка-дѣвушки,—«Анютка Антоненкова больна была, такъ и горѣла огнемъ, а онъ билъ ее—на работу гналъ»...

Свидѣтели описываютъ помѣщеніе женской «рабочей силы»: сарай... въ стѣнкахъ щели... вѣтеръ ходитъ... зимой снѣгъ запорашиваетъ сквозь щели то... тутъ же и табакъ просушивается»... «Головы крѣпко болѣли... На ночь-то мы табачную пыль, что на полу, польемъ водой, а послѣ выметемъ ее, да тутъ же на сырой полъ положимъ брезентъ и спимъ... По утру почитай всѣ просыпались съ головною болью и кости, значитъ, крѣпко щемили»...

Выплываютъ подробности и о пищѣ. «Фасоль давалъ... нальетъ въ чанъ сырой воды и даетъ—эдакъ, говоритъ, больше будетъ... потомъ у дѣвокъ животы и болятъ... Ой, какъ болѣли мы животами»... «давалъ еще и чай два раза въ день... Чай-то варили мы въ жестянкѣ изъ подъ керосина—выльемъ керосинъ, нальемъ воды... А послѣ—опять, значитъ, для керосина пойдетъ»...

Судья удовлетворилъ претензію работницъ. Оказывается, что Кадыевъ уже не въ первый разъ привлекается къ суду за жестокое обращеніе съ работницами, ранѣе онъ былъ присужденъ судьею къ уплатѣ иска и аресту. Но угрозами перенести дѣло объ искѣ въ губернское присутствіе, гдѣ оно могло затянуться, онъ добился отъ дѣвушекъ примиренія. Что касается обвиненія въ изнасилованіи, предъявленнаго къ нему, то крымскимъ судамъ постоянно приходится имѣть дѣло съ подобными жалобами «бѣлыхъ рабынь», ежегодно гибнущихъ на табачныхъ плантаціяхъ. А сколько изъ этихъ дѣлъ до суда не доходитъ? Да и что же говорить о женскомъ достоинствѣ, о чести женщины, когда цѣнность самой-то человѣческой личности сводится до величины ничтожной, проблематической. «Сынъ Отечества» по поводу процесса Гинцбурга, упомянувъ о томъ, что у насъ есть «прекрасный институтъ фабричной инспекціи, уже много сдѣлавшій для улучшенія положенія рабочихъ и вообще упорядоченія фабричной жизни», выражаетъ однако сомнѣніе, чтобы въ данномъ случаѣ институтъ этотъ могъ сдѣлать что либо существенное. «Мужчина инспекторъ весьма мало можетъ сдѣлать въ томъ щекотливомъ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь», т. е. въ дѣлѣ предупрежденія фактовъ подобнаго рода. Газета указываетъ на

Digitized by Google

примѣры учрежденія въ Америкѣ и Англіи персонала женщинъ-инспектрисъ, дѣятельность которыхъ оказывается въ высшей степени плодотворной именно въ дѣлѣ охраненія женщинъ и дѣвушекъ, работающихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, отъ тѣхъ печальныхъ явленій, о которыхъ говорилось выше. А пока, мечтая объ учрежденіи подобнаго же рода должностей женщинъ-инспектрисъ у насъ, газета сентиментально взываетъ къ частной иниціативѣ «нашихъ образованныхъ и обезпеченныхъ женщинъ». Какъ будто охрана самыхъ основныхъ правъ неприкосновенности личности есть дѣло частной филантропіи, а не насущная обязанность законодательства, государства? И однако подобная маніловщина имѣетъ, очевидно, за собою извѣстныя основанія. Недавно въ «Новостяхъ» появилось извѣстіе, что въ Петербургѣ учреждается будто бы «Общество защиты публики отъ грубаго обращенія». Необходимость учрежденія общества мотивируется слѣдующимъ образомъ:

«По какому бы дѣлу и куда-бы вы ни обратились, вы почти всегда рискуете нарваться на грубое и дерзкое обращеніе. Лицо, имѣющее дѣло съ публикой, почему-то воображаетъ себя однимъ изъ олимпійскихъ боговъ и притомъ думаетъ, что отличительная черта олимпійскаго божества—высокомѣріе и дерзость. И чѣмъ ниже, такъ сказать, то учрежденіе или установленіе, въ которое мы обращаемся, тѣмъ высокомѣрнѣе обращеніе служащихъ, имѣющихъ дѣло съ публикой. Въ примѣръ можно взять наши общества для заклада движимыхъ имуществъ. Посмотрите, какъ презрительно обращаются тамъ съ кліентами разные оцѣнщики, переоцѣнщики, пріемщики, кассиры и разныя барышни».

Новое общество и задалось цѣлью покровительствовать публикѣ, защищать ее отъ грубаго съ нею обхожденія олимпійствующихъ церберовъ. Общество предполагаетъ открыть свои отдѣленія въ провинціи, гдѣ его дѣятельность можетъ оказаться еще болѣе плодотворной, чѣмъ въ столицѣ.

Это, конечно, прекрасное, крайне необходимое общество, только интересно было бы знать, какъ оно будетъ осуществлять свою задачу. Когда оно выработаетъ пріемы своей дѣятельности, не лишнее, можетъ быть, было бы поставить шире и самую цѣль, организовать «Общество покровительства человѣку» съ повсемѣстно распространенными отдѣленіями. А то, гдѣ только не живется плохо этому существу, именуемому поэтами «царемъ природы», и не отъ одного грубаго и дерзкаго обращенія въ ссудныхъ кассахъ или почтовыхъ конторахъ?

Но мы можемъ за то утѣшиться, что необходимость облагородить человѣческую личность, поднять ея достоинство, сознается повсемѣстно, не въ одномъ обществѣ, но и среди лицъ, коимъ поручена забота о немъ. Умилительное впечатлѣніе производитъ въ этомъ отношеніи слѣдующій циркуляръ, напечатанный въ «Сѣверномъ Кавказѣ», изданный однимъ изъ мѣстныхъ становыхъ приставовъ:

«Проѣзжая неоднократно по ввѣренному мнѣ стану, я замѣтилъ абсолютное отсутствіе всѣхъ правилъ приличія и вѣжливости:

1) Урядники и старшины закладываютъ руки въ карманы или

Digitized by Google

держать ихъ на зади, на неприличномъ мѣстѣ, разводять ноги чуть не на $1^1/_2$ аршина въ стороны.

2) Сморкаются чуть ли не въ лицо начальнику и при томъ самымъ неприличнымъ и не вѣжливымъ образомъ, т. е. безъ платка.

3) На вопросы начальника отвѣчаютъ «га, го, чаго».

4) Отпускаютъ неумѣстныя слова и шутки.

5) Сотскіе къ начальству являются съ палками и ни поклона, ни снятія головного убора у нихъ не существуетъ.

А по сему предписываю:

1) Предъ начальствомъ должно стоять безъ палки, прилично, не закладывая рукъ въ карманы, а также не держать ихъ назади на неприличномъ мѣстѣ, но имѣть ихъ прилично опущенными внизъ; при разговорѣ съ начальствомъ не употреблять ими никакихъ жестовъ и размахиваній.

2) Ноги должны быть вмѣстѣ, но не разводить ихъ на $1^1/_2$ арш. въ стороны; стоять же слѣдуетъ не бокомъ или спиною къ начальнику, а прямо, лицомъ къ лицу.

3) *Если понадобится высморкаться, то испомнять сіе въ сторону, но не въ лицо начальнику и приличнымъ установленнымъ способомъ, т. е. платкомъ;* на всѣ вопросы начальника отвѣчать не грубо, но вѣжливо: «чего изволите» или «что угодно»?, а не «чаго—га, го» и т. под.; послѣ же каждаго отвѣта добавлять титулъ начальника.

4) Не лишнимъ также считаю внушить жителямъ ввѣреннаго мнѣ стана, чтобы они при всякаго рода встрѣчахъ и гдѣ бы то ни было оказывали другъ другу почтеніе и уваженіе, т. е. раскланивались бы, причемъ младшій предупреждаетъ старшаго.

5) Затѣмъ, при всякаго рода служебной перепискѣ со мною, предписываю всѣмъ урядникамъ и волостнымъ старшинамъ ввѣреннаго мнѣ стана писать присвоенный мнѣ титулъ». («Сам. Газ.» № 62).

Тутъ есть все: и правила внѣшняго поведенія и благоприличія и правила уваженія, почтительности къ старшимъ и начальству. И кавказскій ревнитель благопристойности не остается одинокъ. Въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» (№ 104) была напечатана копія съ объявленія ревизора 5-го участка службы движенія и телеграфа Рыго-Орловской жел. дор. г. Салмена отъ 8 апрѣля сего года. Вотъ его начало:

«Предлагаю всѣмъ главнымъ и младшимъ кондукторамъ V участка всегда быть опрятно одѣтыми во всѣхъ отношеніяхъ и содержать форменное платье въ совершенной чистотѣ и исправности, а пояса одѣвать сверхъ пальто, если таковое одѣто.

При встрѣчѣ со старшими или начальствомъ слѣдуетъ отдавать честь по военному, прикладывая правую руку къ головному убору, не наклоняя головы, и держать въ это время локоть на высотѣ плеча, откинувъ руку назадъ, чтобы она была въ одной плоскости съ грудью. При докладѣ начальству или разговорѣ, *отвѣчать бойко, смѣло и коротко, смотрѣть начальству прямо въ глаза, не размахивать руками и не держать ихъ по карманамъ»* и т. д.

Читая приказъ кондукторамъ «отвѣчать начальству бойко, смѣло и коротко, смотрѣть ему въ глаза прямо», намъ невольно припом-

Digitized by Google

нился фельдфебель въ полку, гдѣ служилъ нашъ знакомый. У него была стереотипная фраза, съ которой онъ всегда обращался къ новобранцамъ, робко и недоумѣвающе выглядывавшимъ изъ строя: «Глядѣть весело и не корчить изъ себя нимфу!» Добрый воякa не сомнѣвался, что онъ подниметъ этимъ воззваніемъ бодрость въ сердцѣ упавшаго духомъ солдатика. Мы сами испытываемъ потребность нѣсколько пріободриться. Наша хроника на этотъ разъ, благодаря обилію криминальнаго матеріала, получила невольно настолько мрачный оттѣнокъ, что мы не прочь освободиться и освободить читателя отъ мрачныхъ впечатлѣній добровольнаго самопогребенія терновскихъ фанатиковъ, отъ вида «конторъ» Вакиханова, гдѣ подъ звонъ золота рѣшалась жизнь человѣческая, корчмы Гроинберга, гдѣ въ теченіе ряда лѣтъ слагались планы поджоговъ и убійствъ и проч. и проч.; освободиться и выйти на свѣжій воздухъ здороваго и полнаго человѣческаго существованія. Оно есть, оно должно быть, оно будетъ, потому что нѣтъ такого кошмара, который бы не разсѣевался, такого зла, которое было бы вѣчно. А пока что,—«будемъ же, дѣйствительно глядѣть весело и не корчить изъ себя нимфу»... Тѣмъ болѣе, что на дворѣ «веселый мѣсяцъ май».

О. Б. А.

Отъ комитета союза писателей.

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей съ момента своего открытія 24 января настоящаго года имѣлъ пять общихъ собраній.

На первыхъ двухъ—учредительскихъ, произведены выборы въ члены комитета, суда чести и ревизіонной комиссіи, всего въ числѣ 32 человѣкъ.

На послѣдующихъ трехъ собраніяхъ было разсмотрѣно семь докладовъ, представленныхъ комитетомъ, и произведены выборы 15 членовъ юридической комиссіи и 109 новыхъ членовъ Союза, общее число коихъ вмѣстѣ съ учредителями нынѣ составляетъ 250 человѣкъ, изъ нихъ иногородныхъ—48.

Комитетъ Союза имѣлъ 14 засѣданій, посвященныхъ, независимо отъ разрѣшенія текущихъ распорядительныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, разсмотрѣнію заявленій 130 кандидатовъ въ члены Союза и предварительной ихъ баллотировкѣ, разработкѣ положеній о юридической комиссіи, бюро справокъ и врачебной помощи при Союзѣ, составленію инструкцій ревизіонной комиссіи и филіальнымъ отдѣленіямъ, временной смѣты и правилъ для библіотеки.

Судъ чести имѣлъ шесть засѣданій.

Юридическая комиссія имѣла два засѣданія совмѣстно съ комитетомъ, въ которыхъ выработала программу своихъ занятій и избрала двѣ подкомиссіи по спеціальнымъ вопросамъ.

Бюро справокъ открыло свои дѣйствія и приступаетъ къ еженедѣльному опубликованію поступающихъ къ нему запросовъ и предложеній литературнаго труда.

Издатели: Вл. Короленко. Редакторы: П. Быковъ.
Н. К. Михайловскій С. Поповъ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ Пл. Ломоносова Digitized by Google

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины – съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Бассейная, 10.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской —50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

3) Непринятыя рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1897 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р.; безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** р.; за границу **12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала— *Бассейная ул., 10.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе допускается **разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой:** при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р., или при подпискѣ **6** р., и къ 1-му іюля **3** р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку **отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.**

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала.

Редакторы: **П. Быковъ, С. Поповъ.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google